РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

1.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Снимки съ портретовъ Жильбера Ромма и графа П. А. Строганова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Цѣна 30 коп.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Печатаются стихотворенія **А. С. Пушкина**.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, переписка его и статьи о немъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля; съ пересылкою **3** р. **30** к.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. (Императоръ Александръ Павловичъ въ частныхъ бесѣдахъ, императрица Марія Ѳеодоровна, придворное и высшее Петербургское и Московское общества, тогдашнее политическое и умственное движеніе, живыя и яркія картины быта и страстей). Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887.

1.

Въ 1887 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

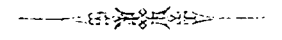
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

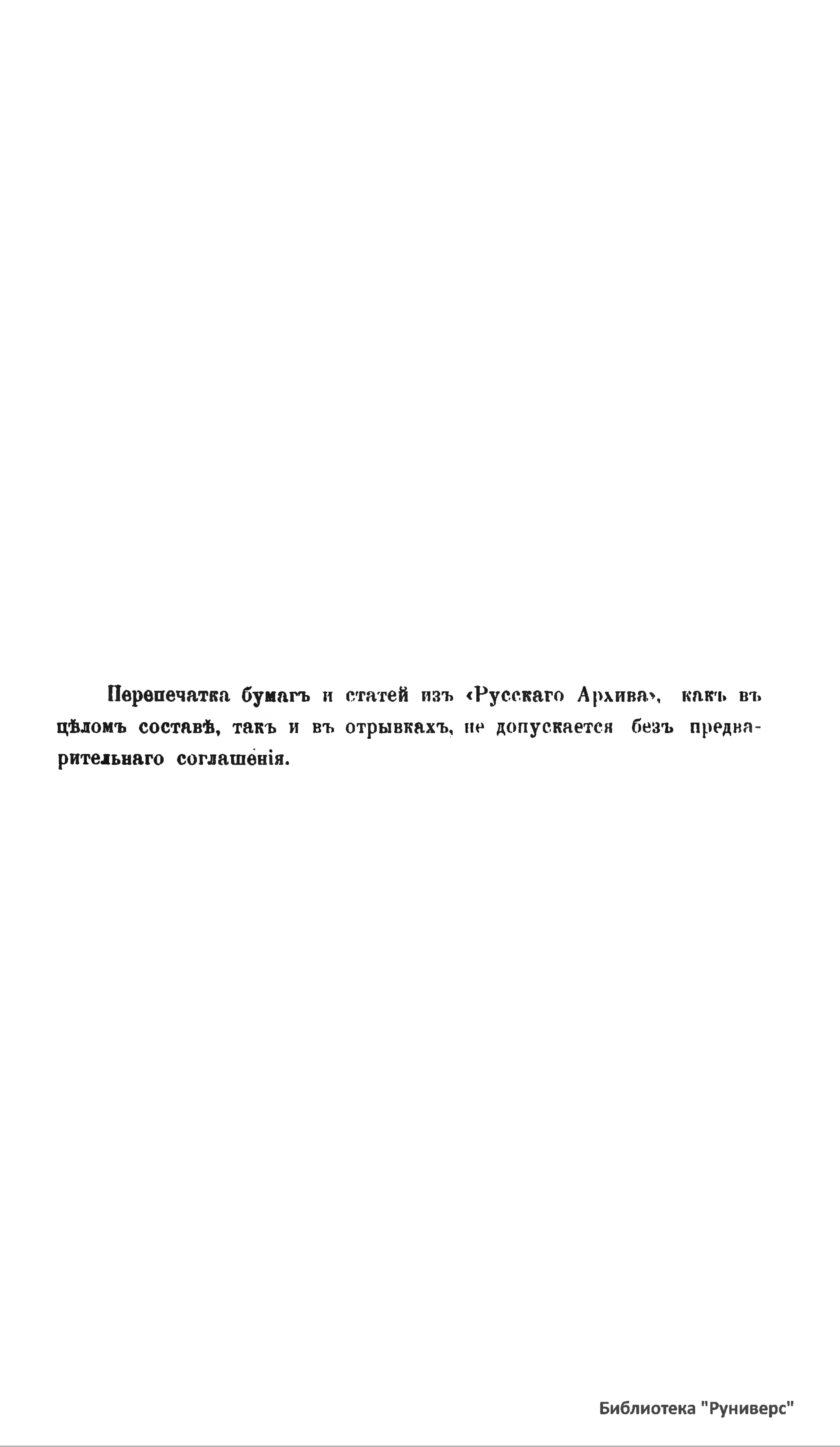
Петромъ Бартеневымъ.

1887.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

Жильберъ Роммъ
Французскій террористъ.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

ЖИЛЬБЕРЪ РОММЪ.

(1750—1795).

Къ исторіи Русской образованности новаго времени.

Во Французскомъ городѣ Клермонъ-Ферранѣ вышла въ 1883 году книга подъ заглавіемъ: Un Conventiennel du Puy-de-Dôme. Romme le Montagnard, par Marc de Vissac, т.-е. Членъ Конвента отъ департамента Пюи-де-Домъ. Роммъ-Горецъ*). Сочиненіе Марка де-Виссака. 8°, 285 стр.

Это біографія Ромма, который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Французскаго Конвента, нѣсколько разъ предсѣдательствовалъ въ его кровавыхъ собраніяхъ и который особенно памятенъ во Франціи изобрѣтеніемъ Республиканскаго Календаря съ названіями мѣсяцевъ nivose, pluviose, brumaire и пр., напоминающими наши древнія и до сихъ поръ сохранившіяся у Поляковъ названія по состоянію погоды и по виду земли (просинецъ, студень, груденъ, цвѣтенъ и пр.).

Роммъ принадлежалъ къ числу людей, про которыхъ сказано:

Свободныхъ мыслей коноводы—
Восточнымъ деспотамъ сродни.

Онъ провелъ большую часть жизни въ занятіяхъ науками (преимущественно математикою), въ скромной долѣ гувернера, питая горячую любовь къ свободѣ и къ уравненію имуществъ и состояній, неравенство которыхъ было ему близко знакомо. Судьба нежданно облекла его властію въ его отечествѣ, и онъ изъ скромнаго и застѣнчиваго ученаго сдѣлался кровопійцею: тысячи людей погибли отъ его приговоровъ, которые онъ считалъ вполнѣ разумными и цѣлесо-

*) Т.-е. сидѣвшій въ національныхъ собраніяхъ на такъ называемой Горѣ, или на верхнихъ скамейкахъ.

образными. Заклятой врагъ деспотизма сдѣлался самъ лютымъ деспотомъ. Это былъ нѣжный сынъ, вѣрный другъ, добросовѣстный ученый и учитель, и всѣ эти качества не помѣшали ему пролить потоки крови и кончить самоубійствомъ. Чего, чего не совмѣщается въ человѣческой природѣ!

Для насъ Русскихъ жизнь Ромма, кромѣ общей психологической занимательности, имѣетъ еще значеніе историческое. Свои мечты о свободѣ развивалъ онъ, живучи на Русскихъ хлѣбахъ, въ Петербургѣ, у Полицейскаго моста, въ богатомъ домѣ Строгановыхъ, и совершая переѣзды по Россіи и по обширнымъ Строгановскимъ помѣстьямъ. Роммъ былъ у насъ гувернеромъ графа Павла Александровича Строганова (1772—1817), того самого, который потомъ, въ первые годы нынѣшняго столѣтія, принималъ участіе въ правительственной дѣятельности императора Александра Перваго, на долго перемѣнившей весь строй Русской внутренней жизни.

Подобно Лагарпу, Жильберъ Роммъ былъ сынъ горъ. Онъ родился въ горной Франціи, въ Овернѣ, въ 1750 году, въ бѣдномъ семействѣ и рано лишился отца. Маленькаго роста, подслѣповатый, неуклюжій и обреченный самою природою на тихія кабинетныя занятія, онъ получилъ отличное ученое образованіе въ городкѣ Ріомѣ. Старшій братъ его прославился какъ геометръ *), вся обстановка молодости была ученая; а въ Парижѣ, куда Роммъ переѣхалъ въ 1774 году, немедленно окружила его философско-литературная и подготовительно-революціонная среда. Еще живъ былъ Вольтеръ и господствовали энциклопедисты. Франція радовалась и наполнялась свободолюбивыми надеждами по случаю вступленія на престолъ добродѣтельнаго Людовика XVI-го. Все въ ней оживилось и двинулось къ реформамъ. Съ своего чердачка Роммъ бѣгалъ къ вождямъ тогдашняго умственнаго движенія искать себѣ уроковъ съ цѣлью получить возможность самому изучать медицину и естественныя науки. На занятія исторіей и литературой онъ уже тогда смотрѣлъ свысока. Онъ презиралъ искусственную щеголеватость Французскаго слога, а про историковъ отзывался, что они рукоплещутъ порокамъ изъ желанія оправдать таковые же въ самихъ себѣ и называютъ великими людей, въ которыхъ усматриваютъ нѣкоторое сходство съ собою.

---

*) Екатерина въ 1785 г. выписала себѣ десять экземпляровъ книги этого Шарля Ромма о морскомъ искусствѣ (см. Письма къ Гримму, стр. 371 и 420).

Уроки нашлись: Роммъ сталъ обучать по три раза въ недѣлю трехъ Американцевъ, одного изъ Гренады, двухъ изъ Сенъ-Доминга. Любопытна плата: по одному экю за урокъ (отъ 3 до 5 франковъ). Вскорѣ удалось ему найти себѣ ученика изъ противоположной части свѣта. Математикъ Дюпонъ ввелъ его въ домъ графа Александра Гавриловича Головкина, того Головкина, что̀ принималъ участіе еще въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, женился на иностранкѣ, не захотѣлъ возвратиться въ Россію (не смотря на приглашеніе самой Елисаветы Петровны) и доживалъ вѣкъ свой въ Парижѣ. Роммъ сталъ давать уроки точныхъ наукъ его сыну [1]) и такъ полюбился старому дипломату, что тотъ познакомилъ его съ высшимъ Парижскимъ обществомъ. Онъ сталъ появляться въ лучшихъ домахъ Французской знати, которая легкомысленно увлекалась моднымъ направленіемъ свободолюбія. Самое неуклюжество Ромма нравилось изнѣженнымъ аристократамъ: то было время, когда пресыщенные любители тонкихъ яствъ глотали по утрамъ маленькихъ жабъ, для того чтобы желудокъ лучше работалъ въ остальные часы дня. Знатныя Француженки, глядя на эту ученую деревенщину, на Овернскаго лошака, какъ называли Ромма, могли припоминать себѣ знаменитый стихъ Федры про Ипполита:

Et même un peu farouche [2]).

Онѣ приглашали его къ своему столу для того, чтобы

Въ роскошно-убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ;

а близкая ко двору графиня Дарвиль даже начала брать у него математическіе уроки и подружилась съ нимъ навсегда.

Но легкіе успѣхи не соблазняли усидчиваго, сосредоточеннаго и самолюбиваго Ромма. Онъ продолжалъ вести строгій образъ жизни, питая въ себѣ только одну страсть къ наукамъ. Посредствомъ знатныхъ знакомствъ онъ помогалъ своимъ бѣднымъ одноземцамъ и хлопоталъ, чтобы въ родномъ городкѣ его Ріомѣ основали каѳедру математики и опытной физики, лаская себя надеждою самому занять эту каѳедру. Но судьба готовила ему иное, открывъ возможность широкаго примѣненія кабинетныхъ помысловъ къ самой жизни.

---

[1]) И даже немножко дикъ.

[2]) Не знаемъ которому. Не графу Юрію ли Александровичу, который потомъ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа?

У графа Головкина познакомился съ Роммомъ одинъ изъ первыхъ богачей Россіи, графъ Строгановъ, много лѣтъ сряду жившій въ Парижѣ съ молодою женою. Это тотъ самый графъ Александръ Сергѣевичъ (1734—1811), что̀ впослѣдствіи, будучи президентомъ Академіи Художествъ, замаливалъ грѣхи свои постройкою Казанскаго собора въ Петербургѣ и умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ его освященія, успѣвъ поласкать себѣ совѣсть священнымъ изрѣченіемъ: «нынѣ отпущаеши раба Своего»[1]). Внукъ послѣдняго изъ «именитыхъ людей» Строгановыхъ и по первой женѣ своей зять великаго канцлера графа Воронцова, въ угоду которому Марія Терезія дала ему (въ то время молодому барону) графскій титулъ Римской имперіи, Строгановъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей того времени. Говорятъ, сохранились любопытныя письма его, въ которыхъ онъ даетъ отчеты отцу своему о первомъ своемъ путешествіи и обученіи за-границею. Его біографія можетъ быть занимательною историческою книгою, и въ ней большую главу займетъ его бракоразводное дѣло съ графинею Анною Михайловной, которое длилось много лѣтъ и кончилось только смертію графини (въ Февралѣ 1769). Вскорѣ за тѣмъ (въ Іюлѣ) графъ А. С. Строгановъ женился на другой красавицѣ, внучкѣ извѣстнаго генералъ-прокурора Елисаветинскихъ временъ, княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой. Сохранилось письмо Екатерины къ князю Вяземскому (бывшему по женѣ своей дядею невѣсты), въ которомъ она совѣтуетъ торопиться этимъ бракомъ. Вѣнчаніе произошло въ придворной церкви, при чемъ Екатерина глядѣла изъ боковаго притвора на благополучіе давняго пріятеля своей молодости. Новобрачные поспѣшили уѣхать въ чужіе края, съ тою между прочимъ цѣлью, чтобы въ Петербургѣ про нихъ забыли. Въ Парижѣ 7 (18) Іюня 1772 года родился у нихъ второй ребенокъ. Знаменитый королевскій живописецъ Грёзъ написалъ прекрасный портретъ этого мальчика; не менѣе знаменитый Легранъ изготовилъ превосходную гравюру портрета, снимокъ съ которой приложенъ къ настоящему выпуску «Русскаго Архива»; на подлинникѣ рѣдкой гравюры отпечатано: L'Amour et l'Amitie par moi sont couronnés (Мною увѣнчаны любовь и дружба).

---

[1]) Графъ А. С. Строгановъ простудился на освященіи Казанскаго собора. Любовь къ искусствамъ была въ немъ живая и искренняя. Она не покидала его до старости, и еще передъ самою смертью онъ приказывалъ катать себя въ креслахъ по своей превосходной картинной галлереѣ и любовался чудными произведеніями Рафаэля, Гвидо-Рени и пр., которыя до сихъ поръ красуются въ Строгановскомъ Петербургскомъ домѣ.

Къ этому-то дорогому плоду супружеской любви и дружбы, единственному наслѣднику несмѣтныхъ Русскихъ богатствъ, призванному самымъ рожденіемъ своимъ къ дѣятельности широкой и вліятельной, приглашенъ былъ наставникомъ холодный, безстрастный и ничего повидимому не любившій кромѣ своихъ наукъ Французъ Роммъ. Немного лѣтъ спустя, такая же судьба постигла и будущаго императора Александра Павловича. Уроженцы горныхъ странъ, Роммъ и Лагарпъ, воспитали людей, долженствовавшихъ дѣйствовать на широкомъ просторѣ Россіи.

1-го Мая 1779 года состоялся въ Парижѣ нижеслѣдующій договоръ, подписанный графомъ Строгановымъ и врученный Ромму:

1) Воспитаніе ведено будетъ по плану, напередъ строго обдуманному и составленному и условленному между родителями и г-омъ Роммомъ. Опредѣлятся предметы обученія и способъ преподаванія. Распредѣливъ часы занятій, обращено будетъ особенное вниманіе на все то, что̀ способствуетъ къ образованію характера. Разъ обсудивъ этотъ предметъ, обѣ договаривающіяся стороны не измѣнятъ своего рѣшенія иначе, какъ по взаимномъ согласіи.

2) Первые три года г-нъ Роммъ будетъ получать по сту Французскихъ луидоровъ ежегодно и потомъ по тысячи экю до окончанія воспитанія, т.-е. до тѣхъ поръ, когда воспитаннику исполнится 18 лѣтъ.

3) Вмѣсто пожизненной пенсіи, графъ Строгановъ за себя и наслѣдниковъ своихъ обязуется выплачивать г-ну Ромму черезъ каждые три года по 8 тысячъ Французскихъ ливровъ; если же въ промежутокъ г-нъ Роммъ долженъ будетъ отойти, онъ получитъ изъ этихъ 8 тысячъ соотвѣтствующую прожитому времени сумму.

4) По окончаніи воспитанія, если г-нъ Роммъ продолжитъ свои заботы и отправится путешествовать съ своимъ воспитанникомъ, то обѣ стороны войдутъ между собою въ новое соглашеніе.

5) Кромѣ одежды г-нъ Роммъ будетъ жить на полномъ содержаніи графа Строгонова. Слуга его воспитанника будетъ ходить и за нимъ.

6) Г-ну Ромму заплатятъ издержки для возвращенія въ Парижъ, откуда бы и по какому бы ни было поводу.

1-го Декабря того же 1779 года графъ Строгановъ возвратился въ Петербургъ, послѣ многолѣтней заграничной жизни, для которой не достало, наконецъ, и его богатствъ: дошло до того, что графиня Екатерина Петровна заложила свои бриліанты въ ссудной кассѣ, извѣстной подъ именемъ Горы Благочестія (Mont-de-Piété). Но Екатерина не даромъ хвалилась графомъ Строгановымъ передъ иностран-

цами, говоря про него, что онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы разориться и никакъ не можетъ. Теперь онъ пріѣхалъ изъ Парижа съ огромнымъ запасомъ всяческихъ новостей. Государыня рада была его возвращенію. Она знала и жаловала графа Строгонова съ самаго своего пріѣзда въ Россію. У нея было ему и особое прозвище: Magot (Дурняшка). Своими шутками развлекалъ онъ ее еще при Елисаветѣ Петровнѣ, когда оба они жили другъ противъ друга, по обоимъ берегамъ Мойки у Полицейскаго моста. При Петрѣ III-мъ графъ Строгановъ потерпѣлъ за свою приверженность къ Екатеринѣ. Имя его безпрестанно встрѣчается въ ея Запискахъ, какъ и въ Дневникѣ Порошина. Живой, веселонравный, общительный, начитанный и щедрый, онъ былъ любимъ въ обществѣ. По возвращеніи изъ-за границы Екатерина опредѣлила его сенаторомъ, что̀ не помѣшало ей потомъ вывести его въ одной комедіи подъ именемъ *Самъ-Блинъ*. Онъ двадцать семь лѣтъ сряду служилъ предводителемъ Петербургскаго дворянства. Великолѣпный домъ его открытъ былъ для многочисленныхъ гостей, званыхъ и незваныхъ, являвшихся ко всегда открытому обѣденному столу. Щедрость есть долгъ знатныхъ, и этого правила держались наши тогдашніе вельможи. Графъ Строгановъ, какъ гетманъ Разумовскій, какъ графы Шереметевы, какъ въ позднѣйшее время князь М. С. Воронцовъ, любили жить такъ, чтобы другіе прощали имъ богатство ихъ.

Ромму отведено было нѣсколько комнатъ съ обширной библіотекой, съ физическимъ, минералогическимъ и другими кабинетами, и семилѣтній Попо предоставленъ въ полное его распоряженіе. Ребенокъ не зналъ ни слова по-русски, и Роммъ началъ вмѣстѣ съ нимъ учиться Русскому языку. Къ сожалѣнію въ журналѣ, который онъ велъ, не сказано, кто именно ихъ училъ. Роммъ хорошо выучился: онъ перевелъ съ Русскаго и переслалъ во Францію другу своему Буара̀ православный катихизисъ (вѣроятно митрополита Платона). Въ путевыхъ журналахъ его цѣлыя строки написаны по-русски. Онъ несомнѣнно изучалъ и древнюю Русскую исторію. Почемъ знать, можетъ быть, посреди случайныхъ занятій нашими древностями пришла ему въ голову мысль о названіи мѣсяцевъ, примѣненная имъ впослѣдствіи въ Республиканскомъ Календарѣ.

Чтеніе Мармонтелева *Велисарія* (въ Русскомъ переводѣ котораго принималъ участіе графъ А. С. Строгановъ) очень занимало Роммова воспитанника, въ особенности тѣ сцены, когда Велисарій, страждущій, бѣдный, всѣми покинутый, не перестаетъ любить свою родину, почитать своего государя и въ несчастіи обнаруживаетъ благородство и силу души своей. «Книга выпадала у него изъ рукъ, и не разъ мы

вмѣстѣ съ нимъ заливались слезами. Въ этихъ ощущеніяхъ была для меня особенная прелесть, которой мнѣ не испытать бы, читай я одинъ. Попо выражалъ горячее негодованіе противъ придворныхъ и противъ самого Юстиніана. Четыре раза прочелъ онъ Плутархову *Жизнь Юлія Кесаря* и два раза его *Коментаріи*. Онъ перечиталъ также *Жизнь Александра Великаго* и дѣлалъ свои замѣчанія. Ему очень понравился милосердый поступокъ Александра съ погонщикомъ, который, изъ любви къ своему мулу и чтобы ему было легче, понесъ на себѣ въ царскую ставку мѣшокъ съ деньгами. Немного подумавъ, Попо сказалъ: «А вѣдь Александръ могъ бы сдѣлать еще лучше».—Что же такое?—«Погонщикъ очень утомился; зачѣмъ же Александръ не понесъ ему самъ этого мѣшка?»—Правда, онъ этимъ помогъ бы человѣку; но куда же было ему нести мѣшокъ?—«Конечно къ погонщику!»

Какъ это напоминаетъ Александра Павловича, который, по свидѣтельству графа Местра, въ началѣ своего царствованія, обыкновенно вставалъ и кланялся слугѣ, принимая отъ него стаканъ съ водою.

«Вскорѣ послѣ Велисарія читали мы про Сократа. Неправосудіе Ареопага и смерть мудреца растрогали моего мальчика. Съ рыданіями и глубокими вздохами говорилъ онъ мнѣ: «И такъ всѣ добрые люди подвергаются гоненію; и такъ чѣмъ добродѣтельнѣе человѣкъ, тѣмъ скорѣе приходится ему страдать».

«Слуга г-жи Загряжской предложилъ ему купить птицу. Попо далъ за нее рубль и повѣсилъ клѣтку съ птицею у себя въ спальнѣ. Онъ радовался ея чиликанью, ходилъ за нею самъ и только что проснувшись бѣжалъ къ ней. Вчера я отлучился на короткое время, и когда пришелъ назадъ, Попо съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ: «Птичка улетѣла!»—Разскажите же, какъ это случилось.—«Погода такъ хороша, что я поднесъ ее къ окошку, полагая, что ей весело подышать воздухомъ. На волѣ летали другія птички. Моя ихъ вѣрно видѣла, и должно быть тяжело ей было. Тогда я отворилъ клѣтку, и она вылетѣла очень довольная. Я глядѣлъ ей въ слѣдъ до тѣхъ поръ, пока она такъ далеко улетѣла, что казалась не больше мухи. Я сказалъ о томъ Андрею, и онъ мнѣ замѣтилъ: *она будетъ за васъ молиться Богу*. Мнѣ хочется посыпать зеренъ на окно: можетъ быть, она прилетитъ поѣсть, теперь безъ опасенія, потому что *она свободна*»... И онъ насыпалъ зеренъ».

Новопріѣзжій педагогъ не укрылся отъ вниманія Екатерины. Вѣроятно самъ графъ Строгановъ похвасталъ ей, какого неоцѣненнаго человѣка удалось ему добыть для сына. Будущій террористъ восхитился Сѣверною Семирамидою. Нѣсколько позже она и про Мирабо говорила,

что, будь онъ при ней, она сдѣлала бы изъ него послушное и полезное для себя орудіе. Въ «замѣткахъ про себя» (notes intimes), Роммъ вотъ что пишетъ про Екатерину, которая допустила его къ своей рукѣ въ Царскосельскомъ дворцѣ:

«Не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколькихъ словъ о характерѣ и образѣ жизни Императрицы. Она внушаетъ къ себѣ глубокое почитаніе лицамъ, имѣющимъ возможность знать ее. Эта женщина принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ существъ, которыя, просвѣщая людей, дѣлаютъ ихъ счастливыми и которыя въ самыхъ слабостяхъ, этой общей людской принадлежности, стоятъ выше себѣ подобныхъ. Она провела молодость въ отдаленіи отъ свѣта и въ это время обучилась всему, чѣмъ развивается и возвышается человѣческій разумъ. Она прекрасно говоритъ и пишетъ по-французски и по-нѣмецки, и прибѣгаетъ къ одному изъ этихъ языковъ, когда ей трудно выразиться по-русски. Вступивъ на престолъ, расшатанный сильными потрясеніями, она сумѣла утвердить его кротостью и сердечнымъ участіемъ ко благу подданныхъ. Она постоянна въ своихъ привязанностяхъ, не покинетъ попусту ни усвоеннаго порядка въ управленіи, ни задуманнаго предначертанія, ни друга. Каждый служитъ и отправляетъ свою должность съ чувствомъ надежности и спокойствія, вслѣдствіе чего и не можетъ быть сплетенъ и каверзъ. Хотя она уже не молода, но встаетъ поутру очень рано, сама зажигаетъ огонь и работаетъ по шести часовъ во дню. Она всецѣло посвятила себя благу своего народа. Оттого общее къ ней довѣріе, и вокругъ нея царствуетъ политическое спокойствіе, простирающееся всюду, такъ что и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ обширной ея имперіи на перерывъ благословляютъ ея имя».

Строки драгоцѣнныя для Русскаго историка тѣмъ болѣе, что они писаны человѣкомъ посторонпимъ, писаны про себя и оглашены лишь три года тому назадъ во Французскомъ провинціальномъ городѣ. Они напоминаютъ намъ собою страницу изъ «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука», гдѣ С. Т. Аксаковъ пишетъ, какъ въ Уфѣ оплакивали кончину Великой Государыни.

Роммъ до того плѣнился Екатериною, что черезъ графа Строганова поднесъ ей чернильницу своего изобрѣтенія. Крышка чернильницы заводилась, по ней двигались солнце, луна и планеты, обозначались мѣсяцы, дни и часы; искусно сдѣланныя фигурки выдвигались и подавали бумагу, чернила, перья, сургучъ и пр. Роммъ долго работалъ надъ хитрымъ механизмомъ этой чернильницы. Сохранилась ли она въ Зимнемъ Дворцѣ? «Та самая рука—замѣчаетъ его біографъ—

которая трудилась надъ этимъ приношеніемъ царицѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, писала цареубійственную конституцію».

Лучшее Петербургское общество собиралось у графа Строганова, а по Субботамъ обыкновенно обѣдали у него Французы, представителями котораго были молодой, блестящій и высоко образованный посолъ, графъ Сегюръ и секретарь посольства Шаретъ-де-ла-Калиньеръ. Допускаемый въ это общество и къ этимъ обѣдамъ, Роммъ держалъ себя въ строгомъ отдаленіи, не пилъ вовсе вина, ѣлъ исключительно Русскія блюда. Отъ природы молчаливый и угрюмый, къ тому же неуклюжій, маленькаго роста и невзрачный, онъ одушевлялся, когда графъ Строгановъ приглашалъ къ себѣ Петербургскій ученый людъ: Палласа, Эйлера, Фусса, Эпинуса, графа Григорія Кириловича Разумовскаго, много занимавшагося минералогіею, поэта Богдановича. Біографъ Ромма причисляетъ къ этимъ людямъ и будущаго любимца Платона Зубова, что̀ напоминаетъ намъ отзывъ покойнаго А. П. Ермолова, который говорилъ намъ, что Зубовъ имѣлъ обширныя познанія и въ особенности хорошо зналъ Россію. «Еслибы теперешніе министры такъ ее знали!» восклицалъ сѣдовласый Геркулесъ, не отличавшійся впрочемъ безпристрастіемъ. (Прибавимъ, что молодость Ермолова прошла въ близости къ Зубову, у котораго правою рукою въ дѣлахъ былъ отецъ Ермолова).

Роммъ посѣщалъ засѣданія Академіи Наукъ. Въ замѣткахъ его встрѣчаемъ слѣдующую неблаговидную страницу про знаменитую княгиню Екатерину Романовну:

«Княгиня предлагаетъ графу Строганову, не хочетъ ли онъ купить у нея *Кристаллографію* Роме-де-Лиля [1]). Графъ посылаетъ ей пять рублей и получаетъ это сочиненіе. На первомъ заглавномъ листѣ перваго тома я прочелъ надпись: «Въ Императорскую С.-Петербургскую Академію отъ покорнѣйшаго ея слуги, автора». Я не вѣрилъ глазамъ своимъ: даръ, поднесенный Академіи, продается за пять рублей ея президентомъ! Начинаю читать предисловіе и введеніе, какъ вдругъ посланный отъ княгини съ приказаніемъ возвратить книгу, такъ какъ ея сіятельство изволила ошибиться. Вечеромъ принесли мнѣ назадъ первый томъ, но заглавный листъ съ надписью былъ уже вырванъ».

Къ сожалѣнію, этотъ анекдотъ вполнѣ согласуется съ другими разсказами о чрезвычайной жадности и даже скаредности, которыми отличалась княгиня Дашкова [2]).

---

[1]) Руда добывалась въ собственныхъ Уральскихъ владѣніяхъ графа Строганова, и слѣдов. книга должна была занять его.

[2]) Лошади и люди гостей, пріѣзжавшихъ къ ней на дачу, должны были работать

Княгинина скупость (бывшая главною причиною ея возмутительныхъ отношеній къ собственнымъ дѣтямъ) особенно рѣзко бросалась въ глаза по сравненію съ хлѣбосольствомъ и щедростью, которыя господствовали въ домѣ графа Строганова. Будучи отмѣнно доволенъ наставникомъ своего сына, онъ удвоилъ ему жалованье, и Роммъ получилъ возможность купить себѣ на родинѣ помѣстье Солинье—завѣтная цѣль трудовъ всякаго Француза, черта достопочтенная. Хоть полоску земли, да свою, въ прекрасной Франціи! Трогательно письмо, которое по этому случаю писалъ Роммъ на родину: «Прошу добрую матушку принять эту землю во владѣніе и пользоваться ею, какъ своею собственностью. Желаю, чтобы нашла она себѣ покой, которымъ насладиться тамъ же когда нибудь захочется и мнѣ. Если мѣсто ей понравится, этимъ обязанъ буду я вамъ, мои друзья; потому что вашимъ заботамъ я ввѣряю матушку. Мнѣ желательно, чтобы она окружена была довольствомъ, спокойствіемъ и надежностью. Извѣстите меня объ ея благополучіи и дозвольте способствовать оному». А самой матери Роммъ пишетъ: «Я сердечно съ вами, дорогая матушка, и люблю всѣхъ, кто васъ любитъ. Вы знаете, что въ вашей власти располагать всѣмъ, что̀ мнѣ принадлежитъ, только не моимъ временемъ, надъ которымъ я и самъ не властенъ».

Роммъ заботился и о друзьяхъ своихъ, и одному изъ нихъ Демишелю доставилъ мѣсто секретаря и библіотекаря при графѣ Строгоновѣ. Впослѣдствіи этотъ Демишель поступилъ воспитателемъ къ молодому барону Григорію Александровичу Строганову, славному дипломату, отцу графа Сергѣя Григорьевича, попечителя Московскаго учебнаго округа. Другіе товарищи школьныхъ лѣтъ получали изъ Россіи отъ Ромма книги, рѣдкіе минералы, медали и пр.

Сердце будущаго лютаго кровопійцы билось нѣжными ощущеніями дружбы и сыновней любви. Онъ и вздыхалъ по мамзель Доде, Страсбургской уроженкѣ, жившей у графини Строгановой, и вздыхалъ безотвѣтно. Онъ кноечно любилъ и своего воспитанника, какъ предметъ трудовъ своихъ; но и эту любовь приносилъ онъ въ жертву мнимой любви къ члеовѣчеству, т.-е. своему самолюбію. Онъ ссорился съ матерью маленькаго графа, которая еще въ Парижѣ не взлюбила

на ея огородѣ; у нея въ Троицкомъ сами гости не допускались къ обѣду, прежде чѣмъ они не проложатъ рядъ кирпичей на воздвигаемой колокольнѣ, для чего подавался имъ фартукъ. Будучи сама въ гостяхъ, она не возвращалась домой, не выпросивъ чего нибудь, даже хоть сургучу. И все-таки гости не переводились у нея, и вездѣ принимали ее съ почетомъ: такова сила ума и такъ властно очарованіе высокой образованности.

косолапаго Француза. «Не забывайте, писалъ онъ ей, что вы мнѣ ввѣрили самое дорогое, что̀ есть у васъ на свѣтѣ... Я снесу невнимательность, причуды, несправедливость, но унижаться не могу. Единственно по долгу моему появляюсь я въ обществѣ съ вашимъ сыномъ. Мнѣ слишкомъ чувствительны недовѣріе и полупрезрѣніе, которыя оказываются въ здѣшней странѣ къ гувернерамъ, и я всячески стараюсь какъ можно рѣже безпокоить моимъ присутствіемъ тѣхъ особъ у васъ въ домѣ, которымъ претитъ дышать однимъ воздухомъ съ *учителемъ*. Мой собственный опытъ велитъ мнѣ сердечно жалѣть добрыхъ людей, принужденныхъ находиться здѣсь въ одинаковомъ со мною положеніи». Но что же дѣлать? Материнское сердце, видно, чуяло бѣду.

Поддержку себѣ Роммъ конечно находилъ въ самомъ хозяинѣ дома, который былъ несравненно образованнѣе своей супруги. Но въ домѣ этомъ начались семейные нелады. Брачный союзъ, заключенный по страсти, рѣдко бываетъ долговѣченъ. Графиня полюбила писаннаго красавца, не задолго передъ тѣмъ оставившаго Зимній Дворецъ, Ивана Николаевича Корсакова, и вскорѣ уѣхала съ нимъ въ свою подмосковную Братцово, гдѣ и пережила мужа, сына и внука *). Владѣлецъ великолѣпныхъ домовъ, очаровательныхъ дачъ и неоцѣненныхъ художественныхъ сокровищъ снова сдѣлался полувдовцомъ и повелъ издавна привычную ему свѣтскую и дворскую жизнь,

Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля.

Но ссору родителей слѣдовало скрыть отъ единственнаго сына, и потому рѣшено было отправить его въ путешествіе по Россіи. Для этого между прочимъ составленъ альбомъ Русскихъ видовъ, который до сихъ поръ хранится въ Строгоновскомъ музеѣ въ Петербургѣ, съ печатнымъ листкомъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, содержащимъ въ себѣ наставленія отца сыну. Въ то время сознавали воспитательную пользу подобныхъ путешествій. Не задолго до молодаго графа Строганова, но уже въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, объѣздилъ Россію съ академикомъ Озерецковскимъ будущій графъ Бобринскій. Тоже самое имѣла въ виду Екатерина ляд своихъ внуковъ, и уже все было приготовлено, чтобы имъ ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Кіевъ и Крымъ; но

*) К. К. Павлова знала эту графиню Строгонову въ 1812 году и позднѣе, уже въ параличѣ, слушала ея разсказы о посѣщеніи Вольтера и описала ее въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (Русскій Архивъ 1875, III, 223, 228—233).

материнскія слезы подѣйствовали на Государыню: великая княгиня Марія Θеодоровна не пустила дѣтей и тѣмъ конечно нанесла сильный вредъ ихъ образованію *).

Первая поѣздка графа П. А. Строганова относится къ Іюню мѣсяцу 1784 года. Они отправились въ Олонецкую губернію и подробно осматривали Ладожскій каналъ и тамошнія сооруженія временъ Петра Великаго и Анны Іоанновны. «Моему ученику 13-й годъ», пишетъ Роммъ. «Онъ приближается къ тому возрасту, когда зачинаются и требуютъ воздержанія страсти, которыми опредѣлится настроеніе всей жизни. Я готовлю этимъ страстямъ узду, развивая въ немъ сильные, но непорочные вкусы. Попо съ каждымъ днемъ болѣе становится охотникомъ до лошадей; онъ любитъ долгія, тѣлесныя упражненія, ходьбу, усталость. Дорогою вкусы эти обратятся въ привычку и закалятъ его въ перенесеніи голода, жажды, холода и жара. Въ этихъ видахъ я предпочитаю кибитку всякому другому экипажу. Гдѣ встрѣтимъ живыхъ людей, тамъ найдется и все нужное для жизни. Живучи въ столицѣ, онъ охотникъ до молока, яицъ и до простыхъ плодовъ; надѣюсь, что не разлюбитъ ихъ тамъ, гдѣ они еще свѣжѣе и въ болѣе чистомъ, первобытномъ своемъ видѣ. Несчастіе и бѣдность, если они постигнутъ его, не будутъ ему страшны: онъ можетъ исхудать отъ нихъ, но сохранитъ душу здоровую, счастливую и непоколебимую. Я постараюсь также развить въ немъ вкусъ къ охотѣ за дичью: эта охота занимаетъ голову, утомляетъ тѣло и сберегаетъ чистоту души. Отчасти съ этою цѣлью мы беремъ съ собою стараго егеря, человѣка крѣпкаго, страстнаго къ этой забавѣ и добраго семьянина. Съ нами будетъ также запасъ ножей, топоровъ и другихъ вещей, необходимыхъ для занятій минералогіей... Попо не въ состояніи понять всѣхъ подробностей въ устройствѣ завода и всего производства работъ; но я пойму ихъ, и мы будемъ смотрѣть вмѣстѣ. Со временемъ, когда онъ подростетъ, я стану приводить ему на память, въ какомъ мѣстѣ льются пушки, набиваются полотна и т. д. Вообще эта поѣздка укрѣпитъ ему темпераментъ, сдѣлаетъ бодрымъ и дѣятельнымъ, усовершенствуетъ въ употребленіи роднаго языка, познакомитъ съ родиною, будетъ для него, какъ и для меня, поучительна и удалитъ его отъ пороковъ».

Путешественники отправились потомъ въ Пермскую губернію, гдѣ у графа Строгонова числилось тогда до 23-хъ тысячъ душъ крестьянъ. Ихъ сопровождалъ славный Палласъ, уже бывавшій въ

*) См. ея письмо о томъ къ князю Потемкину въ Р. Архивѣ 1879, I, 367.

тѣхъ краяхъ; но онъ скоро заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать назадъ, уступивъ Ромму свою Китайскую палатку, гербарій и перечень главнѣйшихъ геологическихъ произведеній. Кромѣ егеря, слуги и гвардейскаго унтеръ-офицера взятъ изъ Петербурга крѣпостной живописецъ-рисовальщикъ. То былъ Воронихинъ, получившій потомъ свободу и пріобрѣтшій извѣстность какъ архитекторъ. По увѣренію Роммова біографа они доѣзжали до Алтая и Байкальскаго озера (въ чемъ позволительно сомнѣваться), а потомъ посѣтили берега Бѣлаго моря. Изъ Архангельска Роммъ отправилъ въ Петербургъ двѣнадцать ящиковъ съ камнями и минералами.

Въ слѣдующемъ году (съ 6-го Іюля) второе большое путешествіе на Югъ, черезъ Новгородъ и Валдай, въ Москву, гдѣ у Строгоновыхъ былъ на берегу Яузы, въ Гончарной улицѣ старинный домъ (нынѣ Степанова) съ необыкновенно-прекраснымъ видомъ на цѣлыя двѣ трети города *). Въ Тулѣ путешественники подробно осматривали оружейный заводъ, и этотъ осмотръ впослѣдствіи пригодился Ромму, когда революціонное правительство поручало ему запасать оружіе для обороны Франціи противъ Европейскихъ державъ.

Роммъ велъ дневники путешествію и заставлялъ въ нихъ писать своего ученика.

По возвращеніи въ Петербургъ у Ромма произошла размолвка съ его довѣрителемъ: Роммъ просился ѣхать вмѣстѣ съ ученикомъ во Францію; графъ Строгановъ объявилъ ему, что Императрица не дастъ позволенія. Роммъ не повѣрилъ этому и ссылался на то, что барону Строганову съ его гувернеромъ Демишелемъ даны заграничные паспорты. Въ раздраженіи своемъ Роммъ обратился къ Французскому

---

*) Эти старинныя палаты, обширныя и величавыя, на крутомъ берегу, тамъ гдѣ Яуза вливается въ Москву-рѣку, проданы въ чужія руки только въ нынѣшнемъ столѣтіи графомъ Григоріемъ Александровичемъ. Теперь въ нихъ помѣщается пансіонъ госпожъ Дюмушель. Внизу древняя церковь „Св. Николая въ Котельникахъ“, гдѣ погребены три баронессы и одинъ баронъ Строгановы, а именно:

1) Баронесса *Софья Кириловна*, урожд. *Нарышкина*, супруга барона Сергѣя Григорьевича и родная бабка Роммова ученика.

2) Баронесса *Елена Васильевна Строганова*, урожд. *Мамонова*.

3) Тайн. сов., дѣйств. камергеръ и ордена Св. Александра Невскаго кавалеръ баронъ *Александръ Григорьевичъ Строгановъ*, дѣдъ князя С. М. Голицына.

4) Баронесса *Прасковья Ивановна Строганова*, урожд. Бутурлина, супруга барона Николая Григорьевича Строганова, прабабка графа Сергѣя Григорьевича. Эти свѣдѣнія сообщены намъ И. Ф. Дюмушелемъ.

посланнику графу Сегюру. Насилу уговорили его остаться еще на годъ, съ тѣмъ чтобы съѣздить въ Малороссію и Крымъ, описаніе котораго, составленное Габлицомъ, Роммъ перевелъ съ Русскаго на Французскій языкъ.

Въ Мартѣ 1786 года Роммъ и графъ Павелъ Александровичъ были въ Кіевѣ, откуда двинулись на Югъ, обозрѣли весь Крымъ и Новороссію до самаго Дуная. Предполагалось съѣздить и на Кавказъ, но Роммъ торопился на родину. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ еще съ дѣтства числился корнетомъ конной гвардіи; четырнадцати лѣтъ онъ перевелся поручикомъ въ Преображенскій полкъ, зачисленъ адъютантомъ къ князю Потемкину и получилъ позволеніе ѣхать за границу для довершенія своего образованія.

*

Вотъ и все, что̀ до сихъ поръ мы знаемъ про жизнь въ Россіи пресловутаго дѣятеля первой Французской революціи. Въ Строгоновскомъ архивѣ со временемъ вѣроятно найдутся значительныя пополненія къ тому, что̀ выше изложено. Но для насъ занимателенъ не столько Роммъ, сколько Русскій ученикъ его, какъ будущій представитель цѣлаго направленія во внутренней нашей политикѣ, какъ одинъ изъ главныхъ каналовъ, которыми влилось въ Русскую жизнь и забродило въ ней выработанное вѣками Западной Исторіи революціонное начало съ его распложеніемъ канцелярскаго крапивнаго сѣмени, съ его непрестанною ломкою и безотраднымъ презрѣніемъ къ святынѣ прошедшаго, съ его сердечнымъ евнушествомъ. Сочинитель Ромовой біографіи имѣлъ въ виду только Французскихъ читателей и, кажется, не воспользовался вполнѣ тѣми бумагами Ромма, которыя, какъ онъ говоритъ въ концѣ своей книги, находились въ его распоряженіи и которыя должны быть любопытны для читателей Русскихъ. Перечисляя рукописи Ромма, онъ называетъ: «Путешествіе къ Бѣлому морю 1784», «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву 1785», «Путешествіе въ Крымъ 1786», «Анекдотическій и ученый журналъ Ромма въ Россіи», переписку его съ графами Строгановыми. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ нынѣ пріобрѣтены дѣятельнымъ ревнителемъ здраваго просвѣщенія, Херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Иваномъ Ираклiевичемъ Кусисомъ и хранятся въ его богатомъ рукописномъ собраніи въ Одессѣ. Мы получили отъ него обѣщаніе дать намъ воспользоваться этими бумагами. Покамѣстъ приводимъ изъ книги г-на Марка-де-Виссака слѣдующій отзывъ Ромма про его ученика и про его двоюроднаго брата, молодаго графа Григорія Александрови-

ча (впослѣдствіи столь славнаго своими похожденіями, что Байронъ даже помянулъ его въ своемъ «Донъ-Жуанѣ»).

«Попо отъ природы дикъ; братъ его общительнѣе. Первый очень понятливъ, быстро схватываетъ, но больше на лету, и къ продолжительному вниманію его пріучить трудно; у втораго голова работаетъ медленнѣе, но онъ весьма усерденъ, внимателенъ и постояненъ. Одинъ человѣколюбивъ и благотворителенъ безсознательно, просто по чувствительности; другой поступаетъ точно также по разсудку, понимая, что хорошо бываетъ, когда сдѣлаешь добро. У одного чувствительность помѣшаетъ проступку и будетъ уздою страстямъ; другой, въ минуты горячности, не остановится ни передъ чѣмъ, дѣлается жестокъ и несправедливъ; но какъ скоро уляжется въ немъ волненіе крови, умъ снова вступаетъ въ права свои, и сердце снова заговоритъ. Гриша проработаетъ долго, не особенно заботясь о совершенствѣ труда своего; у Попо часто наступаютъ минуты нетерпѣнія, въ которыя онъ забываетъ про свой долгъ, и въ эти минуты онъ недоволенъ собою. Ему хотѣлось бы сдѣлать лучше и одушевляться болѣе высокими побужденіями. Цѣлые часы остается онъ въ недоумѣніи и, убѣдившись въ невозможности поступить разумнѣе, онъ, наконецъ, рѣшается дѣйствовать путемъ среднимъ, т.-е. ни особенно хорошо, ни особенно дурно. На одного больше имѣетъ дѣйствіе разумный доводъ, на другаго примѣръ. Одинъ посовѣтуется, выслушаетъ и послушается; другой болѣе гордъ и независимъ: онъ совѣтуется и выслушиваетъ, когда ему захочется; самъ обсуживаетъ и разбираетъ поданный ему совѣтъ, безъ всякаго уваженія къ совѣтнику и безъ довѣрія къ его здравымъ доводамъ; онъ принимаетъ или отвергаетъ совѣтъ, какъ ему вздумается. По физическому своему сложенію эти молодые люди вовсе не похожи одинъ на другаго, и этимъ слѣдуетъ объяснить нравственную между ними разницу».

Въ послѣдствіи, въ дѣятельности государственной и дипломатической, эта разница выразилась весьма опредѣлительно. Но мы забѣгаемъ впередъ.

Приведенный отзывъ взятъ изъ письма Ромма къ графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Строгановой, когда сынъ ея уже путешествовалъ по Европѣ.

Въ первыхъ числахъ Сентября 1787 года, къ скромной гостинницѣ городка Ріома, носившей знаменательное названіе *Черной Головы* (Tête Noire), подъѣхала карета въ шесть лошадей съ двумя лакеями, и изъ нея вышли Роммъ, 15-ти-лѣтній графъ Павелъ Александровичъ и молодой художникъ Воронихинъ. Оба послѣдніе находились въ пол-

номъ распоряженіи перваго. Ромму же вполнѣ подчинялся и легкомысленный школьный его товарищъ Демишель, гувернеръ молодаго барона Строганова. Роммъ завезъ ихъ въ глубину Франціи для того, чтобы самому повидаться съ матерью, родными и друзьями. Довѣріе старика графа было безгранично: онъ называлъ Ромму своего сына не иначе какъ notre fils (нашъ сынъ). Несчастный мальчикъ поневолѣ былъ дикъ въ родномъ домѣ: онъ не могъ не знать про взаимную измѣну родителей своихъ; онъ съ раннихъ поръ недоумѣвалъ и колебался, и ему ничего не оставалось, какъ совершенно отдаться во власть своему учителю. Воронихинъ могъ бы служить ему отрадою и оказать какое-нибудь противодѣйствующее вліяніе; но онъ видѣлъ въ молодомъ графѣ своего барина и конечно благоговѣлъ передъ Роммомъ *). Стараго дядьки въ родѣ Савельича, какого изобразилъ Пушкинъ въ «Капитанской Дочкѣ», не нашлось; а мы увѣрены, что съ такимъ, хотя и безграмотнымъ, дядькою пришлось бы посчитаться ученому Французу.

Объѣздивъ съ обоими питомцами окрестности Ріома и потаскавъ ихъ по горамъ Оверньскимъ, Роммъ направился съ своею колоніею въ Швейцарію, гдѣ предполагалось довершить ихъ образованіе, и въ Ноябрѣ 1787 года пріѣхали они въ Женеву, къ славному натуралисту Соссюру, который нѣкогда жилъ въ Парижѣ въ домѣ у графа Строгонова и былъ первымъ учителемъ его сына, еще до Ромма. Черезъ него они познакомились и сблизились съ Женевскими учеными людьми, въ томъ числѣ съ Боннетомъ, Пиктетомъ и съ пасторомъ Вернетомъ. Этотъ пасторъ въ былое время обучалъ исторіи графа Александра Сергѣевича, а теперь взялся преподавать богословіе его сыну и племяннику. Такимъ образомъ происходило смѣшеніе вѣроисповѣданій: старикъ-учитель былъ протестантъ, оба ученика православные, а руководитель ихъ Роммъ числился въ католической церкви. Онъ вмѣстѣ съ ними учился по-нѣмецки, бралъ уроки физики и верховой ѣзды. Химикъ Тенгри заявилъ, что свои лекціи онъ начнетъ не иначе, какъ если у него наберется извѣстное число слушателей; Роммъ заплатилъ ему изъ Строгоновскихъ денегъ за восемь человѣкъ. Лично онъ подавалъ питомцамъ примѣръ трудолюбія и въ свободныя минуты изучалъ производство часовъ, которымъ такъ славится Женева. Они прожили тамъ двадцать мѣсяцевъ сряду, на каникулы уѣзжая въ горы для разнаго рода наблюденій и въ Швейцарскіе ледники для естественно-

*) Воронихинъ написалъ въ Ріомѣ портреты Ромковой матери и нѣкоторыхъ его друзей.

историческихъ розысканій. Они осматривали фабрики, заводы, всякаго рода производства. Они посѣщали Лафатера, а въ Лозаннѣ увидались съ баронессою Арюфенсъ, дочерью Роммова благодѣтеля графа Головкина. Оба ученика близко узнали совершенно чужую для нихъ страну. Правда, знакомство съ минералогіей могло пригодиться будущимъ владѣльцамъ Уральскихъ заводовъ; но чтò общаго между пустоцвѣтомъ Швейцаріи (какъ выразился о ней Хомяковъ) и Россіей, которой должны они были служить и про величіе судебъ которой, по крайней мѣрѣ въ то время, никто не внушалъ Русскимъ юношамъ, во всѣхъ отношеніяхъ одареннымъ?

Въ серединѣ 1789 года Роммъ рѣшилъ, что воспитанники его достаточно созрѣли, чтобы безопасно пожить въ Парижѣ и набраться лоску тамошней утонченной жизни. Онъ повезъ ихъ туда и направилъ путь снова на Ріомъ, мимоходомъ посѣщая угольныя копи, бумажныя, ленточныя, шелковыя фабрики, оружейные заводы и пр. Раннею весною эта педагогическая колонія прибыла во всемірную столицу обольщеній. Въ Апрѣлѣ баронъ Строгоновъ съ своимъ Демишелемъ долженъ былъ уѣхать назадъ въ Россію по случаю кончины отца своего барона Александра Николаевича; а Роммъ съ графомъ Павломъ Александровичемъ и Воронихинымъ расположились на житье въ Парижѣ.

Франція переживала именно въ это время свои роковыя минуты, отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая будущность ея. Когда наши путешественники ѣздили по ней, происходили выборы въ великое Національное Собраніе, которое уже начало свои засѣданія ко времени ихъ водворенія въ Парижѣ. Уже третье сословіе, руководимое законовѣдами и писателями, добилось себѣ двойнаго числа голосовъ противъ обоихъ первыхъ сословій, т.-е. духовенства и дворянства. Жизнь вдругъ получила необыкновенную занимательность; никакимъ ученымъ занятіемъ нельзя было застраховать себя отъ чтенія газетъ и участія къ тому, чтò происходило въ Версали. Роммъ писалъ матери своей: «мы не политическіе люди, и намъ нѣтъ никакого дѣла до народныхъ сборищъ». Мы вѣримъ, что сначала онъ такъ и думалъ. Но ходомъ тогдашнихъ событій спутывались самыя осторожныя соображенія и предусмотрительные разсчеты. У Ромма, полагавшагося исключительно на силу разсудка, презиравшаго поэзію, съ улыбкою снисхожденія относившагося къ изящнымъ искусствамъ, всюду видившаго предразсудки, не достало воли, чтобы противостоять одной изъ самыхъ соблазнительныхъ страстей, страсти къ участію въ дѣлахъ политическихъ. Первоначальное побужденіе было самое благородное. Казалось, наступало царство истины и общаго блага: какъ не содѣйствовать

утвержденію его? То что мечталось и обдумывалось въ тиши кабинетовъ или гдѣ-нибудь на чердачкѣ, стало предметомъ свободныхъ горячихъ прѣній. Весь Парижъ покрылся такъ называемыми клубами, засѣданія которыхъ происходили обыкновенно по ночамъ, не рѣдко въ церквахъ. Къ тому же самолюбію внезапно открывалось широкое поприще. Роммъ былъ землевладѣлецъ. Не оставаться же ему цѣлый вѣкъ гувернеромъ и учителемъ! Будь онъ вполнѣ добросовѣстенъ, онъ отвезъ бы своего Попо въ Россію и по возвращеніи домой занялся бы чѣмъ угодно; но мы увѣрены, что самъ Попо, а можетъ-быть и Воронихинъ всячески упрашивали его остаться въ Парижѣ: тамошняя жизнь такъ легка и увлекательна... Денегъ изъ Россіи присылается въ обиліи.

Шумъ, споры, легкое вино
Изъ погребовъ принесено....

Всѣ часы заняты, все такъ удобно, такъ прилично, всему придана такая благовидная наружность; некогда сыскать минуты для оглядки и для строгаго допроса совѣсти. Къ тому же Парижъ былъ для молодаго графа вторымъ отечествомъ: онъ тамъ родился и провелъ первыя семь лѣтъ жизни. Его улицы, его бытъ соединялись для него съ завѣтными воспоминаніями младенчества. Наконецъ, что же ожидало его въ Россіи? Рознь родителей. Поскорѣе забыть про нее, быть отъ обоихъ подальше! Однако, для предосторожности и для бо̀льшей свободы въ наслажденіяхъ Парижскою жизнію, рѣшено было перемѣнить имя: по искаженному вѣроятно названію какой-то Пермской деревни, графъ Павелъ Александровичъ сталъ называться Павломъ Очеромъ (Paul Otcher), и скоро подъ этимъ прозвищемъ потомокъ умныхъ завоевателей Сибири, крѣпкихъ странѣ своей «именитыхъ людей» принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ Французской революціи. «Повадился кувшинъ по̀-воду ходить». И едва не пришлось ему «тамъ и голову сложить».

Роммъ бросилъ свои ученыя занятія и вполнѣ предался политикѣ. Питомецъ находился въ безпрекословномъ у него повиновеніи и слѣдовалъ за нимъ съ полною покорностью. Начались почти ежедневныя поѣздки въ Версаль. «Съ нѣкотораго времени», пишетъ Роммъ, въ своихъ замѣткахъ, «мы не пропускаемъ ни одного засѣданія въ Національномъ Собраніи. Мнѣ кажется, что для Очера это превосходная школа публичнаго права. Онъ принимаетъ живое участіе въ ходѣ прѣній. Мы безпрестанно бесѣдуемъ о томъ. Великіе предметы государственной жизни до того поглощаютъ все наше вниманіе и все на-

ше время, что намъ становится почти невозможно заниматься чѣмъ-либо другимъ». Доселѣ тихій и молчаливыйРоммъ вдругъ обнаружилъ крайнюю невоздержность въ сужденіяхъ и поступкахъ, и прежняя сосредоточенность смѣнилась въ немъ необузданностью.

Вотъ какъ изображаетъ его одинъ изъ современниковъ, часто его видавшій, Французъ Барантъ. «Мрачный фанатизмъ, циническое желаніе заявлять свою нечистоплотность, чрезмѣрная гордость, поведеніе безупречное и безкорыстное, но омрачаемое завистью ко всякой знати, будь это знать денежная или знать дарованія; постоянная и открытая проповѣдь невѣрія и удивительная нетерпимость: вотъ что̀ я замѣчалъ въ немъ, когда мнѣ случалось входить съ нимъ въ сношенія. Ему очень легко удалось внушить многимъ патріотамъ въ городѣ Ріомѣ самое высокое мнѣніе объ его дарованіяхъ и добродѣтеляхъ. Онъ имѣлъ познанія, но всегда затруднялся и писать и говорить. Искусство его, какъ у многихъ другихъ вожаковъ партій, состояло почти исключительно въ умѣніи устроить такъ, чтобы дѣйствія его оцѣнивались людьми малосвѣдущими».

Біографъ Ромма не умаляетъ его виновности въ этомъ отношеніи. «Строгоновы», говоритъ онъ, «конечно не для того препоручили иностранцу душу и будущность своего сына; и не будь Роммъ такъ ослѣпленъ и увлеченъ событіями, онъ долженъ былъ бы понять, что самымъ отвратительнымъ образомъ злоупотребляетъ оказаннымъ ему довѣріемъ, посягая на сердце и голову своего питомца».

Но дѣло велось какъ бы съ вѣдома довѣрителя. Роммъ постоянно высылалъ въ Петербургъ графу Александру Сергѣевичу произведенія тогдашней Французской печати: имъ доставлено слишкомъ полтораста революціонныхъ брошюръ и листковъ, такъ что отецъ могъ отлично знать про возраставшее ежедневно революціонное настроеніе умовъ во Франціи и про то, въ какой средѣ очутилась единственное его дѣтище. Роммъ внесъ за себя 800 франковъ патріотической контрибуціи въ Національное Собраніе, въ журналѣ котораго записано, что его ученикъ, «молодой иностранецъ» принесъ въ даръ какія-то серебренныя кольца (boucles d'argent). Въ Январѣ слѣдующаго года основанъ Роммомъ клубъ «Друзей Закона», и въ него поступилъ членомъ графъ Строгановъ. Въ этомъ клубѣ, какъ и въ другихъ, обсуждались предварительно политическіе вопросы, по которымъ предстояли прѣнія въ Національномъ Собраніи съ цѣлью направлять эти прѣнія въ ту или другую сторону и подготовлять большинство голосовъ. «Друзья Закона» собирались у знаменитой развратницы Теруань-де Мерикуръ, появлявшейся въ засѣданіяхъ съ саблею и двумя

пистолетами за поясомъ, въ амазонкѣ кроваваго цвѣта. Это было нѣчто въ родѣ нынѣшней Луизы Мишель, развѣ только съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ благовидности. Она прославилась своею наглостью при взятіи Бастиліи, она водила въ Версаль толпу Парижскихъ женщинъ, и она-то сдѣлалась любовницею молодаго Очера. Эта безстыжая Юдифь, какъ называетъ его Роммовъ біографъ, была тѣмъ опаснѣе, что предавалась любовнымъ утѣхамъ съ полною холодностью. 7-го Августа 1790 года Очеру выданъ дипломъ на членство въ Якобинскомъ клубѣ за подписью его президента Барнава. Печать на этомъ дипломѣ изъ краснаго воска изображаетъ лилію съ надписью: «Vivre libre ou mourir (жить свободнымъ или умереть). О наукахъ и помину больше не было! На письма графа и графини Строгоновыхъ, выражавшихъ опасеніе объ участи сына, Роммъ отвѣчалъ, что никакой опасности нѣтъ, что ничто не удерживаетъ ихъ во Франціи и что, если угодно, они къ концу года переѣдутъ въ Голандію или Англію, и для того просилъ похлопотать объ отсрочкѣ даннаго молодому графу отпуска. Родители нѣсколько успокоились и въ новый знакъ своего довѣрія поручили Ромму выкупить графинины цѣнныя вещи, слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ заложенныя въ «Горѣ Благочестія».

Наконецъ, въ Петербургъ стали приходить не только слухи, но и письма изъ Русскаго посольства о томъ, какъ ведетъ себя адъютантъ князя Потемкина, гуляющій въ красномъ Фригійскомъ колпакѣ по Парижскимъ улицамъ, и какъ завладѣла имъ Теруань-де-Мерикуръ. Въ Мартѣ 1790 года графъ Александръ Сергѣевичъ пишетъ Ромму: «Вотъ наступаетъ теплая погода; надѣюсь, что вы ею воспользуетесь, чтобы куда-нибудь проѣхаться. Умы страшно возбуждены въ вашей сторонѣ; вся Европа смотритъ на то, что̀ у васъ творится, и признаюсь, ожидать чего-либо добраго трудно». Но Роммъ и ухомъ не ведетъ.

10-го Іюня 1790 года озабоченный отецъ посылаетъ ему новое напоминаніе. «Никогда, любезный мой Роммъ, мое довѣріе къ вамъ не ослабѣвало и не ослабѣетъ. Я слишкомъ хорошо знаю, чѣмъ вамъ обязанъ, и живѣйшая признательность запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. Приглашая васъ оставить Парижъ, я руковожусь соображеніями, которыя для меня обязательны. Въ силу ихъ, возобновляю о томъ мою настоятельнѣйшую просьбу. Отчего не поѣхать вамъ въ Вѣну? Тамъ найдете вы всякаго рода способы для воспитанія моего сына. Тамошній дворъ въ дружбѣ съ нашимъ. Посолъ нашъ князь Голицынъ, почтенный старикъ, поставитъ себѣ за удовольствіе быть вамъ полезну. Его помощникъ, графъ Андрей Разумовскій, человѣкъ отмѣн-

ныхъ достоинствъ, много про васъ наслышался *) и весьма желаетъ съ вами познакомиться. Ради Бога, любезный другъ, взвѣсьте хорошенько все, что̀ я вамъ говорю. Повторяю, что не безъ самыхъ важныхъ причинъ долженъ я умолять васъ, чтобъ вы покинули страну, гдѣ вы теперь живете. Простите, добрый другъ мой!»

Роммъ отвѣчалъ на это письмо:

«Милостивый государь графъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ имѣю я честь заступать васъ при вашемъ сынѣ, даете вы мнѣ чувствовать страшную разницу между отцемъ и воспитателемъ. Ваше рѣшеніе, выраженное въ письмѣ вашемъ отъ 10-го Іюня, столь противорѣчитъ предначертанію, которому я до сихъ поръ слѣдовалъ и которое было вами одобрено, что всѣ мои ожиданія должны будутъ пойти прахомъ... Ваше довѣріе укрѣпляло мои силы и служило мнѣ отрадою. Теперь вы меня лишаете его, уступая соображеніямъ, которыя остаются мнѣ неизвѣстны, хотя и слышу отъ васъ про ихъ силу. Такимъ образомъ, не выслушавъ и не призвавъ къ совѣту человѣка, котораго въ теченіе почти двѣнадцати лѣтъ считали вы достойнымъ ввѣреннаго ему вами священнаго залога, не обращая вниманія на личныя чувства и уморасположеніе вашего сына, не оцѣнивъ поводовъ, мною руководящихъ, вы осуждаете мои дѣйствія и предлагаете мнѣ дѣйствовать иначе, хотя и не говорите, почему именно... Въ воспитаніи, мною предпринятомъ, я ни разу не покинулъ мысли о томъ, чтобы оно велось подъ вліяніемъ любви ко благу, къ человѣчеству и на основаніяхъ здравой философіи. Если желанія мои не вполнѣ осуществились, въ томъ виновны вовсе не мои намѣренія, а несчастныя обстоятельства, которыя насъ преслѣдуютъ и надъ которыми я не властенъ; развѣ считать виною то, что я люблю и желаю заставить любить невинность, простоту нравовъ, справедливость, свободу, порядокъ и миръ, столь необходимые при столкновеніи во мнѣніяхъ, самолюбіяхъ и выгодахъ... Мы переѣдемъ въ деревню, гдѣ живетъ моя матушка, и тамъ будемъ ожидать вашего послѣдняго рѣшенія. Я же съ моей стороны сообщу вамъ оттуда, что̀ могу и чего не въ силахъ буду сдѣлать по отношенію къ окончательному намѣренію вашему о вашемъ сынѣ».

Роммъ дѣйствительно уѣхалъ съ Очеромъ въ деревню Жимо̀, въ Овернськія горы. Тамъ у нихъ умеръ служитель Клеманъ. Его похо-

---

*) Отъ сестры своей Н. К. Загряжской, у которой бывалъ Роммъ, живучи въ Петербургѣ (она тоже была сутуловата и тоже умна, какъ Роммъ). Въ одномъ изъ Ромовыхъ дневниковъ записалъ подробно порусски ея Петербургскій адресъ.

ронили, безъ священника, въ саду, и въ гробъ къ нему положена слѣдующая записка, писанная рукою Очера: «Францъ-Іосифъ Клеманъ, Швейцарецъ изъ кантона Во, 15-ть лѣтъ служившій Павлу Очеру, графу Строганову, скончался 28-го Сентября 1790, въ сосѣднемъ домѣ, принадлежащемъ Жильберу Ромму, на 36-мъ году возраста; боленъ былъ 21 день. Положенныя здѣсь Евангеліе и Катихизисъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ свидѣтельствуютъ объ его религіозныхъ и общежительныхъ мнѣніяхъ. Записка о погребеніи его внесена въ реестры управленія по деревнѣ Жимо. Пусть тѣ, кому попадутся эти строки, почтятъ прахъ человѣка, бывшаго слугою безъ уничиженія и любившаго выше всего свободу и добродѣтель. Объ этомъ ихъ просятъ его сопутники и друзья». Подписи: «Павелъ Очеръ, Жильберъ Роммъ, Тайланъ (J. B. Tailhand), Батіа (J. Bathiat)».

Объ этихъ похоронахъ напечатано было во Французскихъ журналахъ, и такимъ образомъ псевдонимъ Очера былъ вскрытъ. Путемъ печати узнано, чѣмъ занимается Русскій гвардейскій офицеръ, сынъ Русскаго сенатора и перваго богача. Нашъ посланникъ Симолинъ (остававшійся въ Парижѣ не смотря на то, что̀ тамъ творилось) не могъ не донести о томъ въ Петербургъ.

Императрица Екатерина вознегодовала, и 21-го Ноября 1790 года графъ Строгановъ написалъ Ромму слѣдующее письмо:

«Мой любезный Роммъ. Долго противостоялъ я бурѣ, которая наконецъ разразилась. Угрожаемый ею, сколько разъ писалъ я вамъ, чтобы вы покинули Парижъ, а въ случаѣ крайности и совсѣмъ выѣхали изъ Франціи. Яснѣе не могъ я выражаться. Васъ недовольно знаютъ, мой милый Роммъ, и не отдаютъ довольно справедливости чистотѣ вашихъ намѣреній. Признано крайне опаснымъ оставлять за границею и, главное, въ странѣ обуреваемой безначаліемъ, молодаго человѣка, въ сердцѣ котораго могутъ пустить корни нача̀ла, несогласныя съ уваженіемъ къ правительству его родины. Признано, что и вы, по увлеченію, не станете оберегать его отъ этихъ началъ. Сказано, что вы оба состоите членами Якобинскаго клуба, именуемаго «Клубомъ Пропаганды или Клубомъ Заядлыхъ» (Clob des Enragés). Распространеннымъ слухамъ и общему негодованію противополагалъ я мое довѣріе къ вашей честности. Я все сказалъ и все сдѣлалъ, что̀ было въ моей власти. Но, какъ упомянуто выше, буря наконецъ разразилась, и я обязанъ отозвать моего сына и лишить его почтеннаго наставника въ то самое время, когда онъ наиболѣе нуждается въ его совѣтахъ. Съ этою цѣлью отправляю я племянника моего г-на Новосильцова. Онъ еще молодъ, но уже проявилъ опыты разсудитель-

ности и благоразумія. Вѣрьте моему сожалѣнію, живѣйшей моей признательности и нѣжной привязанности. P. S. Г-нъ Новосильцовъ снабженъ деньгами, нужными для возвращенія сына моего. Я не знаю, сколько вами истрачено по послѣднему векселю, который я переслалъ вамъ. Прошу васъ удержать за собою остатокъ, покамѣстъ я не доставлю вамъ болѣе крупнаго знака моей признательности».

Кромѣ этого письма Роммъ получилъ со стороны извѣстіе, что ему воспрещенъ въѣздъ въ Россійскіе предѣлы.

Около этого же времени Екатерина приказала княгинѣ Варварѣ Александровнѣ Шаховской (урожд. баронессѣ Строгановой), выдавшей въ чужихъ краяхъ за мужъ единственную дочь свою за революціонера князя Аренберга, немедленно возвращаться въ Россію и расторгнуть заключенный бракъ, подъ угрозою въ противномъ случаѣ взять въ казну ея обширныя помѣстья.

Въ Русскомъ посольствѣ опасались, что Роммъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ молодаго графа. «Конечно», замѣчаетъ Роммовъ жизнеописатель, «стоило ему сказать только слово, чтобы Русскій баричъ ослушался приказанія отца своего. У насъ есть любопытная бумага, доказывающая, что республиканство будущаго царскаго друга достигало размѣровъ фанатизма».

Н. Н. Новосильцовъ (въ послѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта) имѣлъ порученіе ѣхать за двоюроднымъ братомъ своимъ въ Оверньскія горы. Но Роммъ предупредилъ его и привезъ графа Павла Александровича въ Парижъ 1-го Декабря 1790.

Вскорѣ послѣ разлуки съ утраченнымъ воспитанникомъ Роммъ писалъ одному изъ друзей своихъ: «Онъ уѣхалъ отобѣдавъ съ Воронихинымъ и со мною у Ришье, гдѣ мы были совершенно одни. Не требуйте отъ меня подробностей объ этомъ горестномъ разставаніи; я теперь слишкомъ для того огорченъ. Я долженъ начать новую жизнь. Спокойнѣе-ли она будетъ? Покоряюсь судьбѣ моей и желалъ бы, что общественныя или частныя занятія поглотили все мое время и спасли меня отъ горестныхъ воспоминаній прошедшаго». Онъ поручилъ Демишелю проводить молодаго графа до Французской границы, а своему довѣрителю написалъ слѣдующія холодныя строки:

«6-го Декабря 1790. Милостивый государь графъ. Возвращеніе вашего сына служитъ, по моему мнѣнію, достаточнымъ отвѣтомъ на письмо, которое привезъ г-нъ Новосильцовъ. Онъ опасался, что у него не достанетъ денегъ на всѣ издержки, и потому я ему выдалъ,

подъ росписку, двѣ тысячи ливровъ. Возвращаю вамъ вексель вашъ въ десять тысячъ ливровъ. Всѣ издержки, сдѣланныя отъ вашего имени, покрыты, и наименѣе важное изъ моихъ съ вами соглашеній сполна уплочено, такъ что мнѣ ничего не остается получать».

Вмѣсто векселя въ десять тысячъ, отъ котораго Роммъ отказывался, графъ Строгановъ выслалъ ему другой въ тридцать тысячъ. Біографъ Ромма не сказываетъ, какъ поступилъ гордый республиканецъ съ этими деньгами, изъ чего мы въ правѣ заключить, что онъ ихъ принялъ.

Н. Н. Новосильцовъ, по волѣ отца и вѣроятно по приказанію Государыни, отвезъ молодаго графа къ его матери въ подмосковную Братцово, гдѣ и пришлось ему прожить довольно долго. А дорогой его наставникъ совершенно предался дѣятельности революціонной. На Строгоновскія деньги прикупилъ онъ себѣ недвижимой собственности, сталъ избирателемъ и гласнымъ, сдѣлался членомъ Законодательнаго Собранія, участвовалъ въ Комитетѣ народнаго просвѣщенія, засѣдалъ потомъ въ Конвентѣ и даже нѣкоторое время былъ его предсѣдателемъ, ввелъ во Франціи такъ-называемый революціонный календарь и подписалъ смертный приговоръ Людовику XVI-му. Правители Франціи, какъ извѣстно, передрались между собою, и члены такъ называемой «Горы», къ которымъ принадлежалъ Роммъ, были побѣждены. Ромма и пятерыхъ его товарищей отправили въ ссылку на мысъ Финистерре. Черезъ нѣсколько времени имъ было объявлено, что повезутъ ихъ назадъ въ Парижъ, на судъ военной коммиссіи. Не ожидая себѣ пощады отъ этого суда, они дали другъ другу клятву не отдаваться въ руки палача, для чего похитили у сторожей своихъ два кинжала. 17-го Іюня 1795 года прочитанъ имъ смертный приговоръ, и вслѣдъ за тѣмъ Роммъ закололся; другъ его молодости Субрани выхватилъ кинжалъ изъ его смертной раны, вонзилъ себѣ въ сердце и подалъ третьему узнику, который сдѣлалъ тоже. Остальные трое умертвили себя вторымъ кинжаломъ. Послѣ этого долго еще ходили слухи во Франціи, будто Роммъ какъ-то вылѣчился отъ нанесенной себѣ раны и бѣжалъ въ Россію къ Строгоновымъ. Объ этомъ печатали въ газетахъ, и несчастная мать Ромма, молодая жена, на которой онъ только что женился, и графиня Гарвиль долго собирали справки, лаская себя надеждою, что слухи эти оправдаются. Кажется, что никакихъ сношеній съ Роммомъ у графа Павла Александровича со времени выѣзда изъ Франціи больше не было. Ужасъ его послѣднихъ дѣяній и кончины долженъ же былъ подѣйствовать на молодую душу и уронить цѣну его бывшихъ наставленій.

Мы не знаемъ, долго ли продолжалась Московская ссылка Роммова воспитанника. Есть извѣстіе, что онъ вскорѣ переимено-

ванъ былъ въ камеръ-юнкеры, а при Павлѣ въ дѣйствительные камергеры. Къ Павловскому же времени должна относиться женитьба его на даровитой, умной и высокообразованной княжнѣ Софьѣ Владимировнѣ Голицыной, которая тоже съ матерью своею, извѣстною *княгиней усатой* (Princesse Moustache) и братомъ (впослѣдствіи Московскимъ генералъ-губернаторомъ) жила въ Парижѣ въ началѣ Французской революціи, и въ послѣдствіи пользовалась дружескимъ расположеніемъ будущаго императора Александра Павловича.

Нижеслѣдующія свѣдѣнія о графѣ Строгоновѣ извлекаемъ изъ четвертаго выпуска (1845) изданія: «Императоръ Александръ Первый и его сподвижники», гдѣ помѣщена краткая біографія его, составленной А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и, какъ онъ говоритъ, одобренная его вдовою. Разставшись съ мечтами политической свободы и по благородству души своей чувствуя потребность дѣятельности, графъ Строгановъ сдѣлался воиномъ. Изъ наставленій Ромма осталась въ немъ лишь благая сторона ихъ, а Парижскія увлеченія были для него, какъ съ гуся вода.

*

«Въ 1802 году графъ Павелъ Александровичъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника, званіе сенатора и назначеніе въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ. Но важнѣе всѣхъ чиновъ было то, что онъ находился въ небольшомъ кругѣ избранныхъ совѣтниковъ и самыхъ близкихъ людей императора Александра. И среди всѣхъ почестей, занятій важнѣйшими государственными дѣлами, обольщеній жизни и юности, душа его рвалась въ битвы: онъ жаждалъ воинскихъ подвиговъ, пламенно желалъ промѣнять роскошь столицы на лишенія походовъ, дворцы на дымный бивакъ. Готовя къ воинской службы сына своего, онъ самъ хотѣлъ стать въ воинскіе ряды, и никакія убѣжденія отца, супруги, родныхъ и друзей не могли склонить его разстаться съ своею любимою мечтою».

«Графъ Павелъ Александровичъ находился при особѣ императора Александра въ 1805 году и, участвуя въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Лондонскимъ дворами, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ являлся въ битвы, находился въ кровопролитномъ и гибельномъ бою Аустерлицкомъ, стоялъ подъ ядрами и пулями и, быть можетъ, тогда далъ себѣ обѣтъ—посвятить жизнь на отмщеніе пораженія Русскихъ гордому побѣдителю, обѣтъ, коему посвятилъ жизнь свою. Послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ Александръ возложилъ на него важное порученіе: ѣхать въ Лондонъ, узнать о намѣре-

ніяхъ Англійскаго правительства въ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ и увѣрить его въ прежнемъ дружествѣ къ нему Россіи. По возвращеніи въ Петербургъ уже ничто не могло утѣшить и увлечь Строгонова: душа его была на поляхъ битвъ. Когда открылась лѣтняя кампанія Прусская противъ Наполеона, въ 1807 году, графъ Павелъ Александровичъ явился въ дѣйствующей арміи. Не дожидаясь перемѣщенія своего въ военную службу, онъ сталъ въ рядахъ воинскихъ, какъ простой волонтеръ, и какъ будто въ доказательство, что не даромъ, не по знатному роду и связямъ, получаетъ отличія, всегда искалъ онъ самыхъ отважныхъ дѣлъ, самыхъ опасныхъ порученій».

«Такъ съ перваго шага на воинское поприще поступилъ онъ волонтеромъ въ авангардъ атамана Платова, и первое дѣло въ походѣ 1807 года, гдѣ онъ участвовалъ, былъ гважный набѣгъ на непріятеля черезъ рѣку Алле отъ Бергфрида, между Гутштадтомъ и Алленшейномъ. Мая 24-го, получивъ наканунѣ въ команду атаманскій полкъ, Строгановъ переправился вплавь черезъ Алле, присовокупилъ къ своему отряду полкъ Иловайскаго 5-го, и близъ деревни Квецъ налетѣлъ на обозъ маршала Даву, тянувшійся изъ Гудштадта подъ сильнымъ прикрытіемъ. Предварительно осмотрѣвъ мѣстоположеніе, Строгановъ раздѣлилъ отрядъ свой на нѣсколько частей, скрылъ ихъ за возвышеніями и внезапно ударилъ со всѣхъ сторонъ. Защищеніе непріятеля было упорное, но кончилось его пораженіемъ: 300 человѣкъ было убито и ранено; въ плѣнъ взяты Гутштадтскій комендантъ полковникъ Мурье, подполковникъ, 45 офицеровъ, 491 нижнихъ чиновъ. Весь обозъ, даже экипажъ маршала Даву и канцелярія его, были добычею. Были и плѣнницы—двадцать пять офицерскихъ женъ, ужаснувшихся своихъ брадатыхъ побѣдителей; съ изумленіемъ узнали онѣ въ начальникахъ казаковъ свѣтскихъ людей высшаго образованія. Одинъ батальонъ Французовъ успѣлъ между тѣмъ удалиться; но за нимъ погнались, догнали его у Бухвальда и уничтожили, захвативъ въ плѣнъ 5 офицеровъ и 80 рядовыхъ. Донынѣ хранятся среди семейныхъ памятниковъ рода Строгановыхъ памятники сего смѣлаго набѣга—мундиръ маршала Даву, его шляпа и футляръ маршальскаго жезла. На другой день Строгановъ привелъ къ Платову плѣнниковъ и добычу. «Не служа въ военной службѣ», писалъ генералъ Бенигсенъ родителю Строганова, «вашъ сынъ отличился необыкновеннымъ, блистательнымъ подвигомъ—поздравляю ваше сіятельство!» Строгановъ продолжалъ набѣги, наблюдалъ движеніе непріятеля отъ Алленштейна, участвовалъ въ Гейльсбергскомъ сраженіи, оставался въ авангардѣ до окончанія кампаніи

и за блистательную службу свою получилъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, орденъ Св. Георгія третьей степени».

«По заключеніи Тильзитскаго мира, императоръ Александръ, исполняя прошеніе Строганова, опредѣлилъ его на военную службу. Радостно промѣнялъ онъ свой чинъ тайнаго совѣтника и званіе камергера и сенатора на генералъ-маіорскіе эполеты, съ старшинствомъ по службѣ съ 1-го Ноября 1805 года, за участіе его въ Аустерлицкомъ походѣ Января 27-го 1808 года Строгановъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гренадерскаго полка».

«Съ береговъ Алле и Нѣмана война перенесена была, въ 1808-мъ году, на льды и скалы Финляндіи. Строгановъ перешелъ туда и въ началѣ похода начальствовалъ надъ резервомъ, собраннымъ у Вильманстранда. Когда, въ Февралѣ 1809 года, положено было двинуться по льду на берега Швеціи, онъ поступилъ въ корпусъ Багратіона, коему предписано было идти на Аландскіе острова, занять ихъ, и черезъ Аландгафъ вступить въ Швецію. Багратіонъ раздѣлилъ войска на пять колоннъ. Февраля 26-го вышли они изъ Або и Марта 2-го, по льду, достигли островка Кумлинга. Отсюда четыре колонны пошли прямо на Большой Аландъ; пятой колоннѣ, предводимой Строгановымъ, предписано обойти островъ по льду съ южной стороны, занять проливъ между западнымъ берегомъ Аланда и островкомъ Сигнальскере, и отрѣзать непріятелю отступленіе. Авангардъ Строганова велъ Кульневъ. Шведы хотѣли защищаться на островкѣ Бене, но были сбиты, и когда Багратіонъ занялъ Аландъ, Кульневъ успѣлъ отхватить аріергардъ бѣжавшихъ Шведовъ, отнялъ пушки и остановился въ Лемландѣ по случаю начавшихся переговоровъ. Марта 5-го двинулись впередъ по назначенію. Не успѣвши въ тотъ день дойти до Экере, ибо надлежало проходить пятьдесятъ верстъ по неровнымъ глыбамъ льда, Строгановъ ночевалъ на морѣ, и на другой день догналъ аріергардъ Шведскій въ Сигналскере, проведя такимъ образомъ нѣсколько дней на льду Балтійскаго моря, не видя жилища человѣческаго. По слѣдамъ Шведовъ, Строгановъ послалъ Кульнева на Шведскій берегъ. Кульневъ занялъ тамъ мѣстечко Гриссельгамъ и готовъ былъ идти къ Стокгольму. Приказаніе главнокомандующаго остановило Русскія войска. Шведы просили мира, и Марта 8-го предпринятъ обратный походъ съ Аланда»

«Битвы не умолкали тогда на всѣхъ предѣлахъ Россіи. Война, начатая въ 1806 году на берегахъ Дуная, должна была принять направленіе рѣшительное. Багратіону отдано было, въ 1809 году, главное начальство надъ арміею, и товарищъ походовъ его по льдамъ Балтій-

скимъ' Строгановъ спѣшилъ за нимъ на палимыя солнцемъ Булгарскія степи».

«Находясь въ корпусѣ Маркова, Строгановъ перешолъ за Дунай въ Галацѣ и при осадѣ Мачина начальствовалъ лѣвымъ крыломъ осаждающихъ. Послѣ покоренія Мачина Строгановъ поступилъ въ авангардъ Платова и 30-го Августа былъ при занятіи Кюстенджи. Въ битвѣ Рассеватской ударилъ онъ съ казаками въ центръ Турецкой арміи и споспѣшествовалъ побѣдѣ. Милорадовичъ и Платовъ преслѣдовали бѣгущаго непріятеля на 20 верстъ отъ поля битвы. Остановясь вечеромъ, они послали Строганова и Иловайскаго преслѣдовать непріятеля; Строгановъ гналъ Турокъ до Силистріи. Золотая шпага съ алмазами и надписью *за храбрость* была его наградою. Началась осада Силистріи. Строгановъ находился въ отрядѣ Платова. Сентября 23-го, отъ Рущука, гдѣ сосредоточилъ силы свои великій визирь, корпусъ Турковъ двинулся къ Силистріи. Платовъ встрѣтилъ ихъ и выставилъ въ первой линіи шесть казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ Строганова, подкрѣпляя его конницею и пѣхотою. Довольно было одного удара казаковъ: Турки бѣжали, преслѣдуемые три версты, остановились, были снова сбиты и преслѣдованы еще на 15-ти верстахъ. Бѣгство ихъ было столь стремительно, что въ преслѣдованіи успѣли захватить не болѣе 100 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ былъ двухъ-бунчужный паша Махмутъ. Императоръ Александръ наградилъ Строганова орденомъ Св. Анны 1-й степени».

«Въ началѣ Октября верховный визирь опять двинулся на освобожденіе Силистріи. Багратіонъ пошелъ ему на встрѣчу. Въ битвѣ Татарицкой, Октября 10-го, Строгановъ былъ въ первой линіи, съ казаками, за коими стояли шесть кареевъ пѣхоты. Съ атаманскимъ полкомъ врѣзался Строгановъ въ ряды непріятеля, когда Турки толпою бросились на одинъ изъ кареевъ; онъ опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ и далъ карею возможность овладѣть Турецкою батареею. Наградою его былъ орденъ Св. Владимира 2-й степени. Въ слѣдующемъ 1810 году, Багратіонъ былъ отозванъ съ береговъ Дуная; на мѣсто его назначенъ главнокомандующимъ Молдавскою арміею герой Финляндской войны, графъ Каменскій. Онъ возобновилъ осаду Силистріи. Строгановъ находился при ней, начальствовалъ одною изъ шести колоннъ, подошедшихъ къ крѣпости, участвовалъ въ дѣлахъ при обложеніи и осадѣ ея, за что получилъ алмазные знаки ордена Св. Анны. Армія Русская двинулась къ Шумлѣ. Строгановъ находился въ жаркой схваткѣ съ Турками на высотахъ близъ Шумлы Іюня 11-го и въ битвѣ здѣсь на другой день. Въ дѣлахъ подъ Шумлою вообще принималъ онъ

дѣятельное участіе. Іюня 18-го командовалъ онъ конницею, при занятіи Джумы генераломъ Воиновымъ; 21-го былъ съ Воиновымъ при разбитіи 2,000-го отряда Турецкихъ фуражировъ; Іюля 1-го при совершеніи поиска на Балканы, гдѣ проникъ до Эски-Стамбула. Іюля 23-го находился въ сраженіи съ визиремъ подъ Шумлою, а съ 31-го Іюля начальствовалъ авангардомъ, состоявшимъ изъ двухъ егерскихъ и 3-хъ казачьихъ полковъ, при одной ротѣ конной артилеріи».

«Въ 1811 году скончался родитель его, графъ Александръ Сергѣевичъ, старецъ долголѣтній (онъ умеръ 78 лѣтъ). Заботы и обязанности семейныя призвали графа Павла Александровича въ Петербургъ, но не надолго отвлекли его съ полей битвъ. Уже не сомнѣвались тогда въ предстоявшей войнѣ съ Наполеономъ. Весною 1812 года отправился Строгановъ въ армію, стоявшую на западныхъ предѣлахъ Россіи и принялъ начальство надъ сводною дивизіею, бывшею въ 3-мъ корпусѣ Тучкова и заключавшею въ себѣ гренадерскіе полки: лейбъ-гренадерскій, графа Аракчеева, Павловскій, Екатеринославскій, С.-Петербургскій и Таврическій. Часть Строганова дивизіи участвовала въ Лубинскомъ боѣ за Смоленскомъ, но болѣе важный подвигъ ждалъ Строганова въ Бородинской битвѣ. Онъ находился съ 3-мъ корпусомъ на старой Смоленской дорогѣ, гдѣ бился Понятовскій. Когда другая дивизія корпуса Тучкова, Коновницына, взята была къ Семеновскому, весь натискъ непріятеля легъ на дивизію Строганова. Долго и упорно сражался онъ съ непріятелемъ у деревни Утицы. Подкрѣпленный дивизіею Олсуфьева, изъ корпуса Багговута, Тучковъ устремился снова овладѣть прежнею позиціею, занятою непріятелемъ. Самъ онъ пошелъ съ Павловскимъ гренадерскимъ, Олсуфьевъ съ Вильманстрандскимъ и Бѣлозерскимъ полками; Строгановъ, съ третьей стороны, повелъ въ атаку четыре гренадерскіе полка. Дружнымъ ударомъ въ штыки непріятель былъ оттѣсненъ, и командиръ Русскаго корпуса заплатилъ смертельною раною за успѣхъ. Строгановъ награжденъ былъ за Бородинскій бой чиномъ генералъ-лейтенанта».

«Въ Тарутинскомъ лагерѣ принялъ онъ команду надъ 3-мъ корпусомъ, когда командиръ его, Тучковъ, умеръ отъ полученной при Бородинѣ раны. Предположено было нападеніе на лагеря Мюрата 3-му корпусу назначено быть въ колоннѣ Багговута, долженствовавшей обойти непріятеля справа. Задержанный въ обходѣ черезъ лѣса, ночью на 6-е Октября, и потомъ лишившись начальника колонны, Багговута, убитаго при самомъ началѣ сраженія, 3-й корпусъ мало участвовалъ въ Тарутинскомъ дѣлѣ; но здѣсь была вина не Строганова».

«Армія двинулась изъ Тарутина къ Малоярославцу, Октября 11-го, и Строгановъ былъ свидѣтелемъ боя, стоя подъ непріятельскими выстрѣлами, ибо не только ядра, но даже пули летали здѣсь надъ головою самого Кутузова. При концѣ сраженія часть корпуса Строганова введена была въ битву».

«Въ дѣлахъ подъ Краснымъ, Ноября 5-го, отрядъ князя Д. В. Голицына, которому поручено было нападать на отступающія войска Наполеона съ фланга, когда Милорадовичъ тѣснилъ ихъ съ тыла, состоялъ изъ корпуса Строганова и 2-й кирасирской дивизіи. Самъ Наполеонъ распоряжалъ отраженіемъ напиравшихъ на него войскъ. Строгановъ принималъ въ семъ сраженіи блистательное участіи, особенно во время веденной Наполеономъ атаки на селеніе Уварово. Въ слѣдующій день, Ноября 6-го, при совершенномъ истребленіи Милорадовичемъ корпуса маршала Нея, Строгановъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ Милорадовича. Корпусъ Строганова стоялъ на столбовой дорогѣ, ведущей изъ Смоленска въ Красной, и отбилъ нѣсколько яростныхъ атакъ Нея».

«Разстроенное здоровье не допустило Строганова быть свидѣтелемъ окончательнаго разгрома Наполеоновыхъ полчищъ послѣ Красненскихъ битвъ. Тяжкая болѣзнь принудила его просить отпуска, и онъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь тщетно умоляли его остаться семейство и друзья. Ему ли было жить въ бездѣйствіи, когда побѣдоносныя знамена Русскія уже развѣвались въ Берлинѣ и Дрезденѣ! Какъ будто вознаграждая потерянное время, онъ готовилъ Отечеству новую жертву: везъ съ собою единственнаго сына, 18-тилѣтняго, прекраснаго юношу, графа Александра Павловича. Юноша радостно спѣшилъ на битвы и видѣлъ первый огонь въ сраженіи подъ Кацбахомъ. Родитель его находился тогда въ резервной арміи Бенигсена и явился въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, Октября 6-го, гдѣ мужество его награждено было орденомъ Св. Александра Невскаго».

«Послѣ Лейпцигской битвы Строгановъ поступилъ въ армію наслѣднаго принца Шведскаго, очищавшую Гановеръ и назначенную дѣйствовать противъ Датчанъ. Обративъ двѣ части войска на Бременъ и Голландію, наслѣдный принцъ оставался съ Шведскими войсками и дивизіями графа Воронцова и графа Строганова. Послѣ отдыха въ Гановерѣ, перейдя обратно черезъ Эльбу въ Бойценбургѣ, онъ оставилъ обѣ дивизіи на лѣвомъ берегу Эльбы, съ приказаніемъ Строганову взять Штаде, крѣпость ниже Гамбурга, близъ устья Эльбы, а Воронцову заняться наблюденіемъ Гамбурга. Болотистыя окрестности, на коихъ взломаны были всѣ плотины, кромѣ одной, находившейся подъ

перекрестными выстрѣлами крѣпости, заставляли коменданта Штаде надѣяться на удачную защиту. Строгановъ повелъ войска подъ крѣпостными выстрѣлами плотиною и былъ остановленъ у гласиса разломаннымъ мостомъ. Солдаты и офицеры бросились въ глубокій ровъ и уже взбирались на валы, когда, жалѣя большой потери людей, ударили отбой. Изумленный храбростью Русскихъ, предводимыхъ Строгановымъ, комендантъ запретилъ стрѣлять по отступающимъ. Страшась вторичнаго приступа ночью, посадивъ гарнизонъ на суда, онъ уплылъ по Эльбѣ въ Глюкштадтъ. Строгановъ занялъ Штаде и очистилъ устья Эльбы и Везера, послѣ чего онъ смѣнилъ графа Воронцова, находившагося въ Гарбургѣ, при наблюденіи Гамбурга, гдѣ затворился Даву».

«Бенигсену поручена была дальнѣйшая блокада Гамбурга, и по вступленіи союзныхъ войскъ въ Францію дивизіи Воронцова и Строганова, подъ начальствомъ Винцингероде, присоединились къ дѣйствовавшимъ во Франціи войскамъ въ началѣ Февраля 1814 года. Послѣ битвъ при Шампоберѣ, Монмиралѣ и Вошанѣ отдѣлены онѣ были въ армію Блюхера. Строгановъ участвовалъ въ Краонской битвѣ, Февраля 23-го. Онъ стоялъ въ резервѣ за двумя передовыми линіями Воронцова и подкрѣплялъ его свѣжими полками. Самъ Наполеонъ предводилъ Французскими войсками. Бой горѣлъ свирѣпый. Провидѣнію угодно было испытать здѣсь родительское сердце доблестнаго Строганова тяжкимъ, невыносимымъ ударомъ: надежда и отрада его, единственный сынъ, отличавшійся мужествомъ не по лѣтамъ, дотолѣ находился уже въ большихъ и малыхъ битвахъ, но судьба хранила его на радость отца. Подъ Лейпцигомъ убили подъ нимъ лошадь. Подъ Краономъ, гдѣ выпросился онъ въ отрядъ родственника отцу его И. В. Васильчикова, находившійся въ сильнѣйшемъ огнѣ, юный воинъ палъ героемъ, на 19-мъ году отъ рожденія».

«Строгановъ участвовалъ также въ Лаонской битвѣ, являлся безстрашенъ, какъ всегда; но казалось, тяжкое предчувствіе близкой кончины омрачало ему и сознаніе пожертвованій, принесенныхъ имъ отечеству, и чувство торжества Россіи, которое искупалъ онъ на ряду съ другими товарищами трудомъ неутомимымъ, жертвами великими. Скорбь о потерѣ сына, растерзавшая сердце его, умножила начало смертельной болѣзни, таившейся въ груди его. Онъ видимо склонялся къ могилѣ».

«Послѣднею наградою, полученною Строгановымъ на поляхъ битвъ, былъ орденъ Св. Георгія 2-й степени, пожалованный ему императоромъ Александромъ послѣ покоренія Парижа».

«Графъ П. А. Строгановъ возвратился больной въ Россію, и никакія попеченія любви, дружбы и медицины не могли возстановить увядшихъ силъ его. Врачи совѣтовали, какъ послѣднее средство, испытать морское путешествіе. Весною 1817 года графъ П. А. отправился изъ Кронштадта, но достигнувъ Копенгагена, почувствовалъ приближеніе смерти, щадившей его среди стольких битвъ. Онъ умеръ Іюня 10-го 1817 года, 43-хъ лѣтъ и 3-хъ дней отъ рожденія».

При этой біографіи приложенъ литографированный портретъ графа Строганова, съ оригинала работы славнаго Монье. Выраженіе лица прекрасное, сочувственное и нѣсколько задумчивое.

Графъ П. А. Строгановъ оставилъ послѣ себя записки, отрывки которыхъ напечатаны въ Исторіи царствованія Александра І-го, соч. Богдановича.

*

Н. М. Лонгиновъ, 7 Іюля 1817 года писалъ въ Англію графу С. Р. Воронцову: «Достойнѣйшаго графа Строганова нѣтъ больше на свѣтѣ. Какъ я предвидѣлъ и какъ предсказывали врачи, онъ скончался на морѣ, черезъ два дни по оставленіи Копенгагена, гдѣ разстался съ графинею и съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ [1]): онъ потребовалъ, чтобы они непремѣнно ѣхали назадъ въ Россію къ своимъ семьямъ, сказавъ имъ, что чувствуетъ себя умирающимъ и что ихъ присутствіе не принесетъ ему никакой пользы. Копенгагенскіе врачи, созванные на консиліумъ, объявили, что ему оставалось жить всего два-три дни. На другой день графиня отправилась въ Эльзиноръ, чтобы еще разъ повидать его; но, прибывъ туда, узнала, что, по приказанію графа, фрегатъ, на которомъ онъ плылъ и который долженъ былъ пристать у Эльзинора, прослѣдовалъ мимо. На слѣдующій день графъ скончался или погасъ какъ факелъ, вслѣдствіе совершеннаго истощенія жизненныхъ силъ и способностей. Силы и способности духовныя сохранялъ онъ до конца, разговаривая по-англійски со своимъ врачемъ, по-французски съ племянникомъ барономъ Строгановымъ [2]) и по-русски со своимъ слугою. Датскіе врачи вмѣстѣ съ его врачемъ-Англичаниномъ, по вскрытіи тѣла, письменно засвидѣтельствовали, что легкія у него покрыты нарывами и находились въ полномъ гніеніи. Вчера происходили похороны въ присутствіи Государя и великихъ князей

[1]) Братомъ своей супруги, княземъ Д. В. Голицынымъ (позднѣе Московскимъ генералъ-губернаторомъ).

[2]) Барономъ Александромъ Григорьевичемъ, позднѣе графомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, а впослѣдствіи Одесскимъ генералъ-губернаторомъ.

Константина и Михаила [3]). Государь былъ растроганъ кончиною друга своего дѣтства, а на бѣднаго Новосильцова глядѣть жалко» [4]).

Графъ Строгоновъ похороненъ рядомъ съ своимъ сыномъ, въ Александровской Лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ. Отпѣвалъ его Филаретъ (въ то время еще архимандритъ и ректоръ Духовной Академіи) и произнесъ продолжительное слово на текстъ: «Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни» [5]). По нѣкоторымъ намекамъ и словоизвитіямъ можно догадываться, что проповѣднику были извѣстны обстоятельства жизни покойника. «Искушеніе, посылаемое Провидѣніемъ, есть соль земнаго счастія; въ избыткѣ своемъ она уязвляетъ вкусъ; но безъ нея въ томъ что̀ услаждало вкусъ, осталась была одна гнилость и смрадъ». Изъ проповѣди узнаёмъ, что воспитанникъ Ромма, и въ Копенгагенѣ, и потомъ на морѣ, пріобщался Святыхъ Таинъ. Проповѣдь появилась въ печати съ историческимъ примѣчаніемъ, извлеченнымъ изъ Миллерова «Описанія Сибирскаго царства» о происхожденіи Строгановыхъ, причемъ имя ихъ производится отъ того, что будто Татары замучили одного изъ нихъ, *состругавъ* ему кожу со всего тѣла. Лонгиновъ послалъ эту проповѣдь графу С. Р. Воронцову; онъ не одобряетъ ея и находитъ, что тѣ мѣста, гдѣ говорится о предопредѣленіи, напоминаютъ собою Магометовъ Коранъ [6]).

По словамъ Лонгинова, графъ Строгановъ оставилъ пять милліоновъ долгу и завѣщалъ выдать по три милліона каждой изъ трехъ младшихъ дочерей своихъ [7]). Все имущество оставлено въ пожизненное владѣніе вдовѣ (род. 11 Ноября 1775 † 5 Марта 1845), а по кончинѣ ея нераздѣльно старшей дочери графинѣ Натальѣ Павловнѣ (р. 7 Мая 1796 † 7 Октября 1872), которая вскорѣ по кончинѣ отца вступила въ супружество съ барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ (род. 8 Ноября 1794 † 27 Марта 1882), старшимъ сыномъ того «Гриши», про котораго говоритъ выше Роммъ, принявшимъ поэтому и графскій Строгановскій [8]) титулъ.

---

[3]) Великій князь Николай Павловичъ не былъ на похоронахъ, передъ тѣмъ только что женившись.

[4]) „Архивъ Князя Воронцова“, XXIII, 384.

[5]) Тутъ Александръ Павловичъ вѣроятно въ первый разъ видѣлъ и слышалъ Филарета, которому впослѣдствіи пришлось излагать письменно его посмертную государственную волю. Вслѣдъ за тѣмъ, Филаретъ возведенъ въ санъ епископа Ревельскаго и назначенъ викаріемъ Петербургскаго митрополита.

[6]) „Архивъ Князя Воронцова“ XXIII, 387.

[7]) Графиня Аделаида Павловна († 1882) за княземъ Васильемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, графиня Елисавета Павловна за княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Салтыковымъ и графиня Ольга Павловна († 1837) за графомъ Павломъ Карловичемъ Ферзеномъ.

[8]) Отецъ его и братья получили графство много лѣтъ спустя, уже отъ Николая Павловича.

Филаретъ былъ правъ, сказавъ, что искушенія жизни очистили душу Роммова воспитанника. Графъ Павелъ Александровичъ оставилъ по себѣ свѣтлую память. Чичаговъ называлъ его la bonhomie même, само добродушіе; а графъ С. Р. Воронцовъ, по кончинѣ его, писалъ къ своему сыну отъ 14 Августа 1817 года:

«Кромѣ прекраснаго характера онъ отличался возвышенностью души, весьма рѣдкою въ людяхъ, которые живутъ при дворѣ и близки по дѣламъ къ самому Государю. Надо имѣть очень твердыя начала и особенную душевную крѣпость, чтобы противустоять дурнымъ примѣромъ, заразѣ честолюбія, ненасытности въ исканіи власти, богатства, чиновъ, суетныхъ отличій и всего того, чѣмъ такъ услаждаются министры и фавориты. Кочубей не устоялъ и оттого совсѣмъ утратилъ уваженіе людей благомыслящихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственное спокойствіе, потому что горько видѣть министерство въ рукахъ Козадавлева, а самому оставаться не при чемъ. Это должно его мучить. Графъ же Строгановъ, державшійся началъ болѣе возвышенныхъ и имѣвъ душу болѣе крѣпкую и благородную, будетъ всегда памятенъ людямъ, которые его знали и которымъ горестно видѣть, какъ мало остается у насъ людей съ твердою волей *)».

*

«Нѣсть грѣхъ побѣждаяй любы Божія»; такъ нѣтъ и наносимыхъ къ намъ умственныхъ и нравственныхъ извращеній, которыхъ бы не гладила и не претворила въ себѣ христіанская правда Святой Руси.

*

Портретъ графа Строганова, въ молодыхъ лѣтахъ, приложенный къ настоящей книжкѣ «Русскаго Архива», снятъ съ современной оригинальной гравюры Грёза, сообщенной намъ графомъ Ѳ. Л. Соллогубомъ; а портретъ Ромма полученъ въ снимкѣ отъ графа Григорія Сергѣевича Строганова при любезномъ посредствѣ брата его графа Павла Сергѣевича. П. Б.

---

*) „Архивъ Князя Воронцова“, XVII, 465.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ „АПОСТОЛОМЪ“.

Разсказъ И. М. Муравьева-Апостола.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ (р. 1762 † 12 Марта 1851 года), даровитый, классически-образованный человѣкъ, находившійся кавалеромъ при воспитаніи императора Александра Павловича и позднѣе съ отличіемъ служившій въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, приходился, по матери своей (урожд. Апостолъ), двоюроднымъ братомъ правнуку Малороссійскаго гетмана подполковнику Михаилу Даниловичу Апостолу. Этотъ послѣдній представитель Апостоловъ (нѣкогда Валашскихъ бояръ), по видимому, былъ большой чудодѣй. Проживъ 13 лѣтъ въ бракѣ съ Елисаветой Николаевной (ур. Чорба), онъ прогналъ ее послѣ того, какъ умеръ единственный сынъ ихъ, и за тѣмъ увезъ жену колл. ассессора Лизогуба и сталъ жить съ нею. Павелъ обязалъ его выдавать прогнанной женѣ по 2,500 р. въ годъ; а по жалобѣ Лизогуба заключали Апостола на три года въ Лубенскій монастырь на покаяніе. У него была сестра, замужемъ за Селецкимъ, и отъ нея племянница за Синельниковымъ. У сей послѣдней и происходила тяжба съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, который долженъ былъ, по мировому соглашенію, состоявшемуся 15 Января 1821 года, благодаря посредничеству Малороссійскаго генералъ-губернатора князя Репнина, уступить часть обширнаго гетманскаго имѣнія Синельниковой и кромѣ того уплатить 160 т. вдовѣ М. Д. Апостола. Нижеслѣдующій разсказъ, какъ и дальнѣйшія письма, любезно доставлены въ „Русскій Архивъ“ изъ бумагъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола Августой Павловной Сазановичъ. П. Б.

Письмо къ пріятелю.

Δωροφάγοι, σκολιῶν δὲ δικῶν ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε.
Οἷ δ᾽αὑτῷ κακὰ τεύχει ἀνὴρ ἄλλῳ κακὰ τεύχων

Пожирающіе дары, хорошенько скрывайте (вашъ) кривосудъ.
Самому себѣ вредитъ тотъ, кто наноситъ вредъ другому.

Hesiod., Op. et Dies 264—5.

Вы желали имѣть историческое свѣдѣніе о моемъ *апостольствѣ*, о дѣлѣ, которое конечно займетъ непослѣднее мѣсто въ собраніи

(естьли за таковое когда-нибудь и у насъ примутся) des Causes Célèbres [1]): ополчитесь же терпѣніемъ; ибо я, по примѣру древнихъ повѣствователей о Троянской войнѣ, долженъ начать *отъ яица*, изъ котораго вылупилась Елена, *толикихъ бѣдъ виновница*!

Въ 1796 году, путешествуя по южной Россіи, я заѣхалъ къ Апостолу, потому что жилище его было на пути моемъ въ Кіевъ. Онъ принялъ, обласкалъ меня, какъ ближайшаго родственника. Я прогостилъ у него дня три; и этимъ ограничилась тогда связь наша: ибо, возвратясь въ столицу, я вскорѣ былъ назначенъ министромъ внѣ государства и не прежде возвратился въ отечество мое какъ чрезъ четыре года, въ концѣ 1800.

Я не успѣлъ еще оглядѣться около себя, какъ явился ко мнѣ повѣренный Апостола, прося меня защитить вѣрителя своего отъ нападеній ближнихъ его родственниковъ, кои, пользуясь его сиротствомъ и заключивъ союзъ между собою, истощали всѣ способы ябеды, дабы лишить его, еще при жизни, всего достоянія его. Руководствуясь простымъ, безкорыстнымъ участіемъ, внушеннымъ мнѣ, съ одной стороны сожалѣніемъ къ беззащитности, съ другой презрѣніемъ къ корыстолюбію, я горячо вступился за обиженнаго, и мнѣ посчастливилось представить дѣло его въ настоящемъ онаго видѣ нѣкоторымъ особамъ, тогда дѣлами рода сего управлявшимъ. Человѣкъ, который былъ наканунѣ того, чтобы всего лишиться, даже убѣжища и пропитанія, и въ добавокъ къ тому быть заключеннымъ въ монастырѣ, увидѣлъ себя вдругъ торжествующимъ надъ врагами своими, ихъ уничиженными, себя освобожденнымъ отъ ихъ угнетенія. Таковъ былъ внезапный оборотъ дѣлъ Апостола, и въ семъ состояло единственное право мое на благодарность его, которой впрочемъ я не ожидалъ и не требовалъ. Да и онъ, такъ сказать, не помрачилъ чистоты моихъ намѣреній: ибо, не знавъ еще о неожиданномъ переворотѣ въ его дѣлахъ, онъ сдѣлалъ мнѣ первое предложеніе принять фамилію *Апостолъ* и по немъ въ наслѣдство все имѣніе.

Я долго колебался принять предложеніе его, представляя ему: 1) что вся цѣна моихъ къ нему заслугъ потеряется, какъ скоро можно будетъ привязать къ нимъ мысль о корысти; 2) что онъ имѣетъ родственниковъ, которые хотя по крови къ нему и не ближе меня, но по установленному законами порядку имѣютъ преимущественное противъ меня право на наслѣдство; 3) что, имѣвъ счастіе защитить его

---

[1]) „Знаменитыхъ Тяжебъ".

отъ гоненій его ближнихъ, я чрезъ то самое сдѣлался неспособнымъ быть безпристрастнымъ судьею между нимъ и ими, и, наконецъ, 4) что, будучи лишенъ, отъ самаго рожденія моего, удѣла принадлежащаго матери моей, я довольствоваться буду имъ однимъ, и тѣмъ охотнѣе, что я приму отъ него *какъ даръ* то что̀ онъ исполнитъ *какъ долгъ*.

Всѣ отговорки мои остались тщетными. Апостолъ непоколебимо стоялъ въ своемъ намѣреніи, отражая мои заключенія слѣдующими доводами: на 1) что чистота намѣреній моихъ не можетъ затмиться подозрѣніемъ видовъ корыстолюбія, ибо онъ давно уже питалъ въ душѣ своей мысль имѣть во мнѣ единственнаго преемника имени и достоянія своего, чему служитъ доказательствомъ и то, что онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, прежде нежели могъ узнать о успѣхѣ дѣлъ своихъ въ столицѣ; на 2), что по праву естественному онъ никогда не признаѐтъ родственниками гонителей своихъ; а по праву гражданскому, то есть по конституціи, которая въ силѣ въ Малороссіи, можетъ отдать имѣніе свое не только мимо племянницъ, но даже и мимо дѣтей своихъ, кому заблагоразсудитъ, хотя бы и совершенно постороннему лицу [2]); на 3) что онъ не приглашаетъ меня быть судьею между нимъ и ближними его, но желаетъ только, чтобы я убѣдился въ томъ, что во всякомъ случаѣ отрицаніе мое останется для прочихъ родственниковъ его безполезнымъ: ибо онъ непоколебимо рѣшился отдать, еслибы я отказался, имѣніе свое первому кого повстрѣчаетъ съ тѣмъ только, чтобы оно никогда не могло достаться въ руки тѣмъ, коихъ единственная цѣль была отравлять спокойствіе его жизни.

Послѣ сего, мнѣ ничего другаго не оставалось, какъ или принять предложеніе безъ условій или на отрѣзъ отказаться отъ онаго. Въ недоумѣніи моемъ я прибѣгнулъ къ совѣтамъ друзей моихъ: просилъ ихъ, чтобы они рѣшили за меня отвѣтъ мой. Въ числѣ друзей сихъ я съ гордостію назову тѣхъ, которыхъ теперь уже нѣтъ на поприщѣ жизни: то были братъ мой [3]) Михайла Никитичъ Муравьевъ, графы Строгановы отецъ и сынъ, Гаврила Романовичъ Державинъ. Любя меня и славу мою, они прилежно занялись предметомъ симъ, разсмотрѣли оной со всѣхъ сторонъ и единоустно объявили мнѣ, что я безъ всякаго зазрѣнія совѣсти не только могу, но *долженъ* принять

---

[2]) Узаконяемъ, что каждому позволяется свои имѣнія, отцовскія и матернія, выслуженныя и купленныя и другимъ какимъ-либо образомъ пріобрѣтенныя и названныя, не токмо треть или двѣ трети, но всѣ вообще, сколько бы кто ни имѣлъ, или половину, или по какой бы ни было части, или людей, земли, что похощетъ по желанію и намѣренію своему отдать, продать, подарить, записать, заложить, или отъ дѣтей и родственниковъ отдалить и по своему усмотрѣнію распоряжать. Статутъ, Разд. VII, арт. 1.

[3]) Двоюродный. П. Б.

предложеніе Апостола; долженъ какъ въ отношеніи къ Апостолу, дабы оправдать его ожиданія, такъ и въ отношеніи къ самому себѣ, дабы не пріуготовить себѣ поздняго раскаянія, въ томъ что, будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ, я отказался отъ благосостоянія онаго, самимъ Провидѣніемъ мнѣ представляемаго; тѣмъ еще болѣе, что и самое отрицаніе мое не можетъ оправдаться даже излишнею нѣжностію чувствъ: ибо по принятому Апостоломъ твердому намѣренію, оно не принесетъ ни малѣйшей пользы прочимъ родственникамъ его.

Я убѣдился. Однакоже намѣреніе мое было, чтобы Апостолъ въ унаслѣдованіи меня не утруждалъ Государя Императора, а поступилъ бы просто, по законамъ, по неоспоримому праву, данному ему Литовскимъ Статутомъ. Онъ на то не согласился. Желаніе его состояло въ томъ, чтобы къ его праву присовокупить еще торжественность монаршаго утвержденія. Я долженъ былъ и тутъ уступить желанію его. Прошеніе Апостола подано было Государю Императору, и изложенная въ ономъ воля его удостоилась высочайшаго одобренія, чрезъ именный указъ Правительствующему Сенату, отъ 9 Апрѣля 1801 года [4]).

Такимъ образомъ сдѣлавшись самъ *Апостоломъ* и наслѣдникомъ, я вскорѣ отправился въ Вѣну, съ порученіями нашего двора. Два года спустя по отъѣздѣ моемъ, Селецкая (мать Синельниковой) подала на имя Государя просьбу, въ которой она представляла, что Апостолъ не имѣлъ права унаслѣдовать меня мимо ея дочерей. Государь Императоръ, по свойственной ему любви къ правосудію, не смотря на утвержденіе свое, повелѣлъ Сенату разсмотрѣть дѣло мое снова въ комитетѣ правовѣдцовъ и доложить ему, подлинно ли усыновленіе и унаслѣдованіе меня Апостоломъ основано на правахъ и коренныхъ законахъ Малороссіи. Сенатъ докладомъ своимъ Государю Императору донесъ, что поступокъ Апостола подлинно основанъ на неоспоримыхъ правахъ Литовскаго Статута, и что въ слѣдствіе сего никто уже изъ прочихъ родственниковъ не имѣетъ права требовать мнѣ записаннаго имѣнія.

Я подлинно и не былъ тревоженъ никакими притязаніями чрезъ цѣлыя 15 лѣтъ, до самой кончины Апостола [5]). Тутъ вдругъ появилась

---

[4]) Въ это время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ управленіи дѣлами былъ графъ Н. П. Панинъ, покровитель И. М. Муравьева (см. „Архивъ Князя Воронцова" XI, 161). Послѣдовавшая вскорѣ опала его, безъ сомнѣнія, имѣла вліяніе и на судьбу Муравьева. Онъ остался въ службѣ только сенаторомъ, тогда какъ дарованія его готовили ему блистательное поприще. П. Б.

[5]) 20 Августа 1816 года. Говорятъ, что умирая онъ звалъ къ себѣ несчастную свою жену († 1824). П. Б.

духовная, чрезъ которую умершій, будто бы, отрѣшаетъ меня и называетъ наслѣдницею всего имѣнія своего Синельникову. Я нѣкоторое время не могъ вѣрить, чтобы право мое, на столь незыблемыхъ началахъ основанное, могло быть поколеблемо инымъ чѣмъ какъ только тою властію, которая одна можетъ перемѣнить то, что̀ сама утвердила. Однакожъ заблужденіе мое кончилось, когда я узналъ, что Миргородскій повѣтовый судъ, изъ ничтожнѣйшихъ и подлѣйшихъ людей составленный, не только что чрезъ нѣсколько часовъ по смерти Апостола утвердилъ духовную и ввелъ Синельникову во владѣніе имѣніемъ, но даже и мгновенно не поколебался въ поступкѣ своемъ и не уважилъ акта усыновленія моего, 15 лѣтъ уже существовавшаго и Высочайшею волею утвержденнаго. Тогда, дабы по крайней мѣрѣ остановить расточеніе имѣнія, я прибѣгнулъ къ послѣднему средству: къ прошенію наложить опеку на имѣніе, до Высочайшаго разрѣшенія, ибо сего рода дѣло и не подлежало никакому другому разрѣшенію. Полтавское губернское правленіе, внявъ справедливой просьбѣ моей, приступало уже къ наложенію опеки; но Синельникова предупредила исполненіе сей мѣры жалобою на правленіе въ Сенатъ; а бывшій тогда министръ юстиціи предписалъ, чтобы опеку отмѣнить, имѣніе отдать Синельниковой, а мнѣ предоставить вѣдаться съ нею формою суда. Послѣдствіемъ сего несправедливаго рѣшенія было конечное разореніе всего имѣнія: конной заводъ, въ которомъ и государство находило выгоды, приносившій до ста тысячъ рублей дохода, истребили до основанія.

При таковыхъ обстоятельствахъ мнѣ оставалось только прибѣгнуть къ источнику правосудія, къ Государю. Онъ немедленно благоволилъ повелѣть Комитету Министровъ своихъ разсмотрѣть просьбу мою и дать свое мнѣніе о ней. Сей комитетъ, исключая одного пристрастнаго голоса, единогласно положилъ, что права мои неотъемлемы, замѣтивъ притомъ, что 3-й Сената департаментъ поступилъ неправильно, и вслѣдствіе заключеній своихъ опредѣлилъ, чтобы имѣніе мнѣ немедленно было отдано, за исключеніемъ однакоже Кіевскаго и Херсонскаго, о которыхъ въ просьбѣ Апостола не было упомянуто, предоставляя мнѣ впрочемъ право и тѣ имѣнія отыскивать судебнымъ порядкомъ. Журналъ Комитета Министровъ удостоился Высочайшей конфирмаціи.

Здѣсь замѣтить должно въ помянутой просьбѣ Апостола два обстоятельства: 1) на которое опирались люди желавшіе лишить меня достоянія моего; 2) по которому гг. министры заключили оставить въ рукахъ Синельниковой Кіевское и Херсонское имѣнія.

1) Слова Апостола: *но доколѣ я живъ, по то время располагать всѣмъ тѣмъ имѣніемъ право остается при мнѣ* толковались недоброхотами моими слѣдующимъ образомъ: хотя я и отдаю все имѣніе по смерти моей Муравьеву, хотя торжественный актъ усыновленія и унаслѣдованія его, сверхъ непоколебимости своей по Статуту Литовскому, утвердился еще и Монаршимъ словомъ; однакожъ, не смотря ни на святость Монаршаго слова, ни на непреложность записи, которая по Статуту Литовскому никакою уже другою записью, а того еще менѣе духовною, отмѣниться не можетъ [6]), я предоставляю себѣ право все это отмѣнить, когда только мнѣ заблагоразсудится. Для чего же было все это дѣлать, и съ такимъ *громомъ*, какъ говоритъ самъ Апостолъ, если намѣреніе было все это отмѣнить? Но вопросъ сей давно уже рѣшенъ. Гг. министры, исключая одного, видѣли ясный смыслъ въ семъ предложеніи, и *сей одинъ* доказалъ только то, что пристрастіе имѣетъ свою особенную логику, которая видитъ въ словахъ то чего ей хочется видѣть, а не то чтὸ подлинно есть. Ибо, если бы онъ вникнулъ только въ точное значеніе нарѣчія *по то время*, то призналъ бы что *по то* незначитъ *за то*, или яснѣе сказать: *предоставляя себѣ право располагать имѣніемъ при жизни моей, я не предоставляю себѣ права располагать онымъ за предѣлами жизни*, и тутъ конечно бы вспомнилъ, что духовная располагаетъ не *по то*, а *за то* уже время.

2) Имѣнія Кіевское и Херсонское, Апостоломъ не упомянутыя потому только не были включены въ прошеніи его, что они тогда не были еще за нимъ; ибо просьба его, поданная Государю Императору, была писана въ 1800 году, а Кіевское имѣніе пріобрѣтено имъ въ 1804. Въ Херсонской же губерніи 1800 года былъ только хуторъ, въ послѣдствіи уже населенный изъ тѣхъ самыхъ имѣній, Апостоломъ упомянутыхъ въ прошеніи его, которыми я теперь владѣю.

Въ 1817 году пріѣхавъ въ Малороссію, я нашелъ въ имѣніи моемъ одни только развалины и слѣды опустошеній, которыя оставила по себѣ Синельникова. Хотя и задолго до прибытія моего въ Малороссію, я имѣлъ сильныя подозрѣнія, что духовная была подложная,

---

[6]) Статутъ Литовскій даетъ право умирающему завѣщать по духовной только движимое и пріобрѣтенное имѣніе, а не родовое. А поелику Апостолъ чрезъ запись свою Высочайше утвержденную усыновилъ меня еще за 15 лѣтъ до смерти своей, то никакая духовная не могла уже лишать меня наслѣдства, на которое я получилъ право сыновнее. (Разд. VIII, арт. 1).

рукодѣлье Синельниковой и соумышленниковъ ея; однакоже, не имѣвъ вѣрныхъ на то доказательствъ, я на первыхъ порахъ моего тамъ пребыванія позвалъ Синельникову къ суду въ Кіевъ, по причинѣ ея тамъ пребыванія и потому что имѣніе, которое я доискиваю, лежитъ въ той губерніи. Дѣло началось тамъ гражданскимъ порядкомъ. Я имѣлъ въ виду доказывать: 1) что духовная составлена не по правиламъ законами предписаннымъ; 2) что имѣніе, мнѣ возвращенное, которымъ Синельникова владѣла незаконно, произвольно ею разорено до основанія; 3) что Кіевское имѣніе не упомянуто въ просьбѣ Апостола, потому только что оно не было тогда еще въ рукахъ его; но что онъ не исключалъ и онаго изъ общаго мнѣ по немъ наслѣдства, какъ-то явствуетъ изъ акта, въ которомъ Апостолъ меня признаетъ наслѣдникомъ своимъ въ имѣніяхъ его, въ трехъ губерніяхъ лежащихъ.

Между тѣмъ какъ искъ мой начался въ Кіевѣ, я, будучи самъ на мѣстѣ, гдѣ скончалъ жизнь свою Апостолъ, открылъ уже не одни подозрѣнія, но яснѣйшія доказательства о подлогѣ духовной; какъ-то: что Апостолъ никогда не помышлялъ о духовной, а того еще менѣе приглашалъ къ себѣ судъ для составленія оной; что вызванный Синельниковою повѣтовый судья Кизъ, пріѣхавъ къ Апостолу за нѣсколько часовъ до смерти его, впущенъ былъ въ комнату его съ такимъ объясненіемъ: *что г-нъ Кизъ, случайно проѣзжая мимо Хомутца, заѣхалъ въ домъ, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ больнаго;* что часу во второмъ пополуночи, священникъ, духовникъ Апостола, призванъ былъ съ Св. Дарами для пріобщенія умирающаго, коего (священника) Синельникова, встрѣтивъ у дверей, убѣждала, чтобы онъ на духу просилъ *дядюшку не оставить ее* (слѣдственно *дядюшка* ничего еще тогда не сдѣлалъ для *племянницы*, иначе ей не для чего было бы просить священника), что священникъ не могъ исполнить желанія Синельниковой, потому что больной во время исповѣди и причастія боролся уже со смертію; что священникъ не успѣлъ возвратиться въ церковь (во ста шагахъ отъ дома), какъ уже прибѣжалъ посланный звать его читать отходную по *скончавшемся уже* Апостолѣ; что духовная подписана была въ промежуткѣ нѣсколькихъ секундъ, т.-е. между борьбою со смертію и послѣднимъ издыханіемъ Апостола; что ослабѣвшею рукою умирающаго или, лучше сказать мертваго, водилъ нѣкто Ломиковскій, одинъ изъ свидѣтелей духовной, и тьма подобныхъ обстоятельствъ, одно другаго гнуснѣе и подлѣе.

Открывъ такое злодѣяніе, что̀ должно было мнѣ дѣлать? Не говорю уже о томъ, что тяжба моя рѣшится въ ту минуту, какъ духовная признается ложною, я спрашиваю: можно-ли мнѣ было видѣть зло и не открывать оное? Нѣтъ! Погрѣшаетъ и тотъ кто видитъ пре-

ступленіе и молчитъ о немъ. Я отнесся къ мѣстному начальству; оно нарядило слѣдствіе, и слѣдствіе открыло все то, что̀ я сказалъ и можетъ быть еще болѣе. Съ тѣхъ поръ губернское правленіе и военный губернаторъ, неоднократно требовали чрезъ суды, чтобы Синельникова явилась въ Миргородъ къ отвѣту; но она болѣе года, переѣзжая изъ губерніи въ другую, отклонялась отъ законнаго требованія и наконецъ скрылась въ С.-Петербургѣ, гдѣ вопіетъ противъ меня: «что, я не довольствуясь четырью тысячью душами, отнимаю у нея послѣдній кусокъ хлѣба, и что, начавъ искъ мой противъ нея гражданскимъ порядкомъ въ Кіевѣ, далъ ему двоякій противузаконный ходъ въ Полтавской губерніи». Ложь и безсмыслица. 1) Я не отнимаю у нея ничего, а возвращаю себѣ то, что̀ мнѣ принадлежитъ и что̀ если и будетъ мнѣ возвращено, то не вознаградитъ и десятой доли того, что̀ она у меня разграбила; 2) я не даю двоякаго хода одному дѣлу, но преслѣдую Синельникову: въ Кіевѣ, какъ незаконно-владѣющую имѣніемъ моимъ, а въ Полтавской губерніи, какъ преступницу по уголовному дѣлу.

Слѣдственно Сенатъ не можетъ видѣть, будто бы я даю двоякій ходъ дѣламъ одинаковой сущности. Нѣтъ! Дѣло въ Кіевѣ гражданское; оно тамъ и пойдетъ своимъ порядкомъ, если я не докажу подложности духовной: ибо начавъ дѣло въ Кіевѣ и взявъ оное, какъ говорится тамошнимъ судебнымъ слогомъ, на *поправку*, я имѣю право возобновить оное когда захочу. Дѣло же въ Миргородѣ совсѣмъ другаго рода: оно уголовное, а всякое уголовное дѣло не можетъ производиться иначе, какъ на мѣстѣ преступленія.

Я достигъ до конца моего повѣствованія. Но Троя еще не взята. Чѣмъ кончится осада, не знаю; а единственное желаніе мое

Εὖ δ' οἴκαδ' ἱκέσθαι [7]).

Вскорѣ по окончаніи этой тяжбы, И. М. Муравьевъ постигнутъ былъ страшнымъ горемъ: три сына отъ перваго брака его, даровитые и отлично образованные, сдѣлались государственными преступниками. Одинъ, Ипполитъ, лишилъ себя жизни во время бунта Черниговскаго полка; другой, Матвѣй, сосланъ въ Сибирь; третій, Сергѣй, повѣшенъ 13-го Іюля 1826 года. Приводимъ два замѣчательныя письма сего послѣдняго. П. Б.

---

[7]) „Благополучно въ домъ возвратиться." Началъ повѣствованіе мое Троянскою войною, я счелъ пристойнымъ и окончить оное стихомъ изъ Омира.

ПИСЬМО С. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА КЪ ЕГО ОТЦУ *).

Lettre de Serge Mouravieff-Apostol écrite à son père du palais d'hiver à S-t Pétersbourg après son entrevue avec l'empereur Nicolas 1-er.

Mon cher et bon papa. L'Empereur lui-même a eu la bonté de me permettre de vous écrire, et je l'en bénis du fond de mon coeur: puisqu'il me donne par là le moyen, que j'appellais de tout mes voeux et que certainement jeusse vainement appellé sans cela, de vous demander pardon à genoux de toute l'amertume, dont je vous ai abreuvé, dans la triste époque, qui vient de s'écouler. Croyez-moi, mon cher papa, mon coeur se ressère chaque fois que ma pensée s'arrête sur les angoisses et le profond chagrin que vous devez ressentir; mais, de grâce, pardonnez moi, ne refusez pas cette prière à un fils, qui vous l'adresse le coeur plein de repentir et qui se fie encore à l'indulgence d'un père, même quand il a perdu tout droit à toute autre. Mon pauvre frère Mathieu en est plus digne que moi, car il n'a fait que me suivre dans une entreprise qu'il n'approuvait pas, uniquement pour ne pas séparer son sort du mien. Je vous le déclare, mon cher papa; car c'est la vérité: toute la conduite de Mathieu n'a été qu'un continuel dévouement d'amitié, et il m'est doux de pouvoir vous faire mieux connaître encore par là toute la pureté de son caractère. Je demande bien pardon à maman. Je ne lui ai donné que du chagrin en retour de l'amour qu'elle m'a toujours porté et de ses bontés pour nous tous; je jure cependant que j'eusse été heureux si ma vie m'eût offert une occasion de lui prouver autrement qu'en paroles le dévouement et la reconnaissance que je ne cesserai de lui porter. Je demande bien par-

*) Примѣчанія принадлежатъ брату писавшаго, М. И. Муравьеву-Апостолу. П. Б.

don aussi à ma bonne Catherine et à Bibicoff; je les remercie de leur constante amitié pour moi, et je prie Dieu du fond de mon coeur qu'il les protège eux et leurs enfants. J'adresse la même prière et je forme les mêmes voeux pour ma bonne Annette, ma bonne Hélène; j'embrasse aussi bien fort mes chères Дунюшка, Лизынька et Wassinka, en qui vous trouverez, mon cher et excellent papa, toutes les consolations que vous eussiez du trouver en nous. J'ai besoin, mon cher papa, que vous m'assuriez de votre pardon, que vous me disiez que vous ne me refusez pas votre bénédiction: cette assurance me donnera la force de supporter mon sort quelqu'il soit. Permettez moi de vous prier aussi de garder comme un souvenir de moi une bague que j'ai porté et qui se trouve actuellement parmi mes effets. Je suis sûr qu'on ne la refusera pas à votre prière. Cette bague m'a été donnée par Mathieu *) et ne m'a pas quitté pendant cinq ans. Qu'elle vous rappelle, mon cher et bon papa, un fils dont vous étiez fier (il fut un temps), qui vous a donné bien du chagrin, dont il implore le pardon à genoux, en vous assurant que jamais, malgré cela, il n'a cessé de vous porter l'amour et le respect le plus profond. Je vous baise les mains. Votre fils soumis Serge Mouravieff-Apostol.

Le 21 janvier 1826.

P. S. J'ose recommander à vos soins, mon cher papa, deux petits orphelins, que j'avais adopté et qui se trouvent actuellement à Хомутецъ. Leurs extraits de baptême et autres papiers doivent s'y trouver aussi. L'un d'eux est maladif et a une tumeur scrophuleuse au genou, pour laquelle les médecins m'ont conseillé depuis longtemps les eaux du Caucase. Ils trouveront en vous, mon cher papa, un protecteur, qui leur sera plus utile que moi. Je recommande aussi à vos bontés les gens qui m'ont servi.

Encore une prière, mon cher papa: demandez la permission de m'envoyer un Évangile, et si l'on vous accorde votre demande, écrivez-moi de votre main sur la première feuille que vous m'avez pardonné et que vous me donnez votre bénédiction **). Ce livre qui sera

---

*) Cette bague, je l'ai revue au doigt de Basil (à Moscou 1857); il a refusé de me la rendre....

**) Les personnes qui avaient appartenues à la Société Secrète, amenées de la province à S-t Pétersbourg, comparaissaient devant Nicolas, qui dans les paroles qu'il nous a adressées, d'après le dernier paragraphe de la lettre, à dit, à ce qu'il paraît, à mon frère comme à moi, que mon père m'avait maudit. Connaissant mon père comme je le connaissais, je n'ai pas donné croyance à ces paroles.

pour moi le gage de votre pardon ici-bas et l'espérance du pardon d'en haut, sera une consolation, et je ne m'en séparerai plus.

Dans l'Évangile qui a appartenu à mon frère, après son martyre on a trouvé l'écrit qui suit:

C'est *l'intention* seule qui constitue *la culpabilité. Les actions*, autant qu'actions, ne prouvent *rien*; car on peut faire beaucoup de mal avec les intentions les plus pures du monde et produire le plus grand bien avec les intentions les plus perverses. Il est si vrai que c'est de l'intention, et non de l'action que découle la culpabilité, que ce qui rend le devoir du *juge* si difficile, c'est que non seulement il doit porter dans son caractère, libre des petites haines et des petites passions, les garanties de l'impartialité, de la vérité et du courage, mais il doit posséder en outre un esprit assez exercé, pour pouvoir pénétrer, autant qu'il est possible, jusqu'aux intentions de l'accusé à travers *la série des faits constatés*; et même ce pouvoir discrétionnaire de prononcer sur *le fait et l'intention* a paru tellement exorbitant et audessus des forces de l'homme, qu'il y a des pays, où l'on a partagé la *procédure* entre le jury et les juges, dont le premier est proprement *le juge de l'intention* et les seconds ne sont plus que *les applicateurs de la loi.* Ces réflexions paraîtront à bien des gens des niaiseries bien inutiles. Pour *la procédure* la chose beaucoup plus simple, comme ils l'entendent, c'est véritablement le lit de Procuste: il vient à la taille de tous ceux qu'on y couche, que ce soit naturellement ou non, qu'est-ce que cela fait? Résulte-t-il cependant de tout ce que nous venons de développer que les intentions de chacun n'étant connues que de lui-même, une bonne *procédure* doit appeler chaque accusé à rendre témoignage pour lui-même? Non sans doute! Car peu d'hommes auraient le courage d'un franc aveu, et l'on peut dire même que les plus innocents et les plus purs seraient plus portés que les plus pervers à s'accuser et se condamner eux-mêmes. Mais il résulte sans contredit que *les jugements* des hommes sont tous *faillibles, vacillants et approximatifs*; que plus ils sont *tranchés*, plus ils sont le fruit de la futilité et de la paresse, et plus ils sont voisins de *l'erreur*; qu'une grande responsabilité pèse sur la tête de tout homme qui juge; que cette responsabilité croît en proportion directe avec la discrétion du pouvoir, abandonné au juge, et que par conséquent *l'indulgence, la charité et l'amour* sont les principes du jugement non seulement les plus nobles, mais encore les plus sages et les plus profonds. Et nous voilà rentrés dans la morale de l'Évangile, livre divin, livre profond, trop peu compris, qui contient le germe de toutes les vérités et auquel on est toujours ramené, dès qu'on médite pro-

fondément sur tout ce qui tient à l'homme. Ce livre nous annonce aussi *un grand jugement* réparateur de tous les autres. Il nous annonce qu'un jour, notre Divin Sauveur (*seul Juge infaillible*, puisque sondant les coeurs, *Il juge les actions par les intentions*) viendra, environné de toute la gloire, rendre *à chaqun selon ses oeuvres*; mais Il nous l'annonce indulgent dans Sa *toute-puissance*, plein *d'amour* et *de charité*, inexorable seulement pour *la mauvaise foi* et *l'égoïsme*. Espérons donc et craignons tous ce jour, qui mettra *les intentions de chacun en évidence*!

И вре́мя моегѡ̀ отше́ствія наста̀. Подвигомъ до́брымъ подвиза́хся, тече́ніе сконча́хъ, вѣру соблюдо̀хъ. Et le temps de mon départ approche. J'ai combattu le bon combat, j'ai achevé ma course, j'ai gardé la foi. (Épitre de S-t Paul à Timothé, chap. IV).

Писано въ крѣпости послѣ объявленія смертнаго приговора.

Переводъ.

Письмо Сергѣя Муравьева-Апостола, писанное къ его отцу изъ Зимняго Дворца въ Петербургѣ, послѣ его свиданія съ императоромъ Николаемъ I-мъ.

Мой дорогой и добрый батюшка! Самъ Государь былъ такъ милостивъ, что позволилъ мнѣ писать вамъ, и я его благословляю отъ всего сердца, потому что онъ этимъ даетъ мнѣ возможность, которой я всячески домогался и которой конечно бы не получилъ—испросить у васъ на колѣняхъ прощенія за всѣ горести, которыя я вамъ доставилъ въ печальное, только что протекшее время. Повѣрьте мнѣ, дорогой батюшка, сердце мое сжимается, когда только вспомню о глубокой скорби, которую вы должны были пережить; но ради Бога простите меня, не откажите въ этой милости сыну, обращающемуся къ вамъ съ полнымъ раскаяніемъ и надѣющемуся еще на снисходительность отца, даже когда онъ теряетъ право на снисходительность другихъ. Мой бѣдный братъ Матвѣй достойнѣе меня, потому что онъ послѣдовалъ за мной въ дѣлѣ, которому не сочувствовалъ, единственно чтобы не разлучать своей участи отъ моей. Я вамъ объявляю это, дорогой батюшка, потому что это правда; все поведеніе Матвѣя было только дѣломъ двужественной преданности, и мнѣ пріятно ознакомить васъ ближе со всей чистотой его характера. Я прошу прощенія у матушки. Я возблагодарилъ ее только горемъ за всю любовь, которою она всегда меня окружала и за ея ласки ко всѣмъ намъ. Клянусь однако, что былъ бы счастливъ, если бы жизнь доставила мнѣ случай не одними словами доказать ей преданность и благодарность, которыя не перестану питать къ ней. Прошу также про-

щенія у доброй моей Екатерины и Бибикова; благодарю ихъ за постоянную ихъ дружбу ко мнѣ и отъ всего сердца молю Бога, чтобы онъ сохранилъ ихъ и дѣтей ихъ. Обращаюсь съ тою же просьбой и тѣми же желаніями къ моей доброй Анютѣ, къ Еленѣ; крѣпко цѣлую дорогихъ моихъ Дунюшку, Лизыньку и Васиньку: въ нихъ вы найдете, дорогой мой и достойнѣйшій батюшка, всѣ утѣшенія, которыя мы должны бы были вамъ доставить. Мнѣ необходимо, дорогой батюшка, чтобы вы увѣрили меня въ вашемъ прощеніи, чтобы вы сказали, что не отказываете въ вашемъ благословеніи; эта увѣренность дастъ мнѣ возможность перенести мою судьбу, какая бы она ни была. Позвольте мнѣ также просить васъ сохранить на память обо мнѣ перстень, который я носилъ и который находится теперь въ моихъ пожиткахъ. Я увѣренъ, что вамъ не откажутъ въ немъ, если вы попросите. Этотъ перстень былъ данъ мнѣ Матвѣемъ [1]) и никогда не покидалъ меня въ теченіи пяти лѣтъ. Пусть онъ вамъ напоминаетъ сына, которымъ вы нѣкогда гордились, мой милый и добрый отецъ, сына, доставившаго вамъ много горя, за которое онъ на колѣняхъ вымаливаетъ ваше прощеніе, увѣряя васъ, что, не смотря на все, никогда не переставалъ глубоко любить и уважать васъ. Цѣлую ваши руки.

Покорный вашъ сынъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

21 Января 1826 г.

P. S. Осмѣливаюсь поручить вашимъ попеченіямъ, мой дорогой отецъ, двухъ маленькихъ сиротъ, которыхъ я усыновилъ; они находятся теперь въ Хомутцѣ. Ихъ метрическія свидѣтельства и другія бумаги должны находиться тамъ же. Одинъ изъ нихъ болѣзненный; у него золотушная опухоль на колѣнѣ, для которой доктора мнѣ давно совѣтовали Кавказскія воды. Они найдутъ въ васъ, дорогой отецъ, покровителя, болѣе имъ полезнаго, чѣмъ я. Также предоставляю вашимъ милостямъ служившихъ мнѣ людей. Еще одна просьба, дорогой отецъ: испросите позволенія прислать мнѣ Евангеліе и если уважатъ вашу просьбу, напишите своей рукой на первой страницѣ, что вы меня прощаете и даете свое благословеніе [2]). Съ этой книгой, которая будетъ мнѣ залогомъ вашего прощенія здѣсь и надеждой на прощеніе тамъ, я болѣе не разстанусь.

Въ Евангеліи принадлежавшемъ моему брату, послѣ его казни, нашли слѣдующія строки:

Одно только *намѣреніе* составляетъ *виновность. Дѣйствія*, какъ дѣйствія, *ничего* не доказываютъ, потому что можно сдѣлать много зла съ самыми лучшими намѣреніями и принести много добра съ самыми преврат-

---

[1]) Этотъ перстень я увидѣлъ опять на рукѣ Василья (въ Москвѣ 1857 г.), и онъ не возвратилъ его мнѣ...

[2]) Лица принадлежавшія къ Тайному Обществу, привезенныя въ Петербургъ, являлись къ Николаю, который въ словахъ обращенныхъ къ нимъ по поводу послѣднихъ строкъ этого письма сказалъ, какъ кажется, мнѣ и моему брату, что отецъ насъ проклялъ. Зная, какъ и, своего отца, я не повѣрилъ этимъ словамъ.

ными намѣреніями. Что виновность вытекаетъ изъ намѣреній, а не изъ дѣйствій, это до того справедливо, что главная трудность въ обязанности *судей* состоитъ не только въ томъ, что они должны быть безпристрастны, но должны обладать кромѣ того достаточной проницательностью, чтобы быть въ состояніи проникать, на сколько возможно, въ намѣренія подсудимаго сквозь цѣлый радъ доказанныхъ фактовъ, и даже эта произвольная власть судить *дѣйствія и намѣренія* казалась до того неимовѣрною и выше человѣческихъ силъ, что есть страны, которыя раздѣлили *судопроизводство* на судъ присяжныхъ и судей, изъ которыхъ первый есть собственно *судья намѣреній*, а вторые только *примѣнители закона*. Эти разсужденія покажутся многимъ глупостями не стоющими вниманія. Для судопроизводства же дѣло гораздо проще. По ихъ понятіямъ, это дѣйствительно ложе Прокуста, которое всѣмъ впору кто ни попадетъ на него, естественнымъ ли образомъ или нѣтъ, что̀ до того! Однако выходитъ ли изъ всего сказаннаго нами, что такъ какъ намѣренія каждаго извѣстны ему одному только, то хорошее судопроизводство должно требовать отъ каждаго подсудимаго самооправданія? Конечно нѣтъ! Потому что мало людей имѣли бы духу къ откровенному признанію, и даже можно сказать, что самые невинные и чистые, скорѣе чѣмъ развращенные, были бы способнѣе обвинить и осудить себя. Но безъ сомнѣнія *сужденія* людей подвержены всѣ *погрѣшности, колебанію* и *только приблизительны*; чѣмъ они *рѣшительнѣе*, тѣмъ болѣе они плодъ ничтожества и безпечности и тѣмъ они ближе къ *заблужденію*. Великая отвѣтственность лежитъ на каждомъ судьѣ; эта отвѣтственность увеличивается въ размѣрѣ съ произвольной властью данной судьѣ, и слѣдовательно *снисходительность, милость и любовь* не только самыя благородныя, но и самыя разумныя и твердыя основанія приговоровъ. И вотъ мы доходимъ до нравоученій Евангелія, книги божественной, глубокой, слишкомъ мало понятой, содержащей въ себѣ зародыши всякой истины, къ которой всегда приходится возвращаться, какъ только начнешь размышлять о чемъ бы то ни было касающемся человѣка. Эта книга намъ тоже возвѣщаетъ *великій судъ*, исправляющій всѣ остальные. Она намъ возвѣщаетъ, что нѣкогда нашъ Божественный Спаситель (единственный праведный Судья, такъ какъ, испытуя сердца, судитъ дѣйствія по намѣренію) придетъ, окруженный славою, воздать *каждому по дѣламъ его*; но Онъ намъ возвѣщаетъ это милостиво *во всемъ Своемъ могуществѣ*, полный *любви и милости*, неумолимый только къ *недобросовѣстности и себялюбію*. Будемъ же всѣ надѣяться и бояться этого дня, который обличитъ *намѣренія каждаго*!

Письмо С. И. Муравьева-Апостола наканунѣ казни къ брату его Матвѣю Ивановичу.

Любезный другъ и братъ Матюша. По неоставленію меня, недостойнаго Божескаго Промысла, и по истинно христіанскому обо мнѣ попеченію добраго, почтеннаго отца Петра, общаго нашего духовника,

вчера я со страхомъ и вѣрою приступилъ къ чашѣ спасенія нашего, принесъ въ жертву Богу то, что̀ могъ, — сердце, истинно сокрушенное и глубоко проникнутое какъ своимъ недостоинствомъ, такъ и благостью неизреченнаго Спасителя нашего, Христа, Который, такъ сказать, ожидалъ малѣйшаго отъ меня желанія приблизиться къ Нему, чтобы прибѣгнуть ко мнѣ и восхитить на рамена, какъ погибшую овцу. Радость, спокойствіе, водворившіяся въ душѣ моей, послѣ сей благодатной минуты, даютъ мнѣ сладостное упованіе, что жертва моя не отвергнута, и сильно убѣдили меня, что мы слѣпотствуемъ, когда по какимъ бы, повидимому, благовиднымъ причинамъ уклоняемся отъ исполненія обязанностей нашихъ христіанскихъ. Я испросилъ позволенія написать къ тебѣ сіи строки, какъ для того, чтобы раздѣлить съ тобою, съ другомъ души моей, товарищемъ жизни вѣрнымъ и неразлучнымъ отъ колыбели, также особливо для того, чтобы побесѣдовать съ тобою о предметѣ важнѣйшемъ. Успокой, милый братъ, совѣсть мою на твой счетъ.

Пробѣгая умомъ прошедшія мои заблужденія, я съ ужасомъ воспоминаю наклонность твою къ самоубійству, съ ужасомъ воспоминаю, что я никогда не возставалъ противъ нея, какъ обязанъ былъ сіе дѣлать по моему убѣжденію, а еще увеличивалъ оную разговорами. О, какъ я бы дорого далъ теперь, чтобы боготступныя сло̀ва сіи не исходили никогда изъ устъ моихъ! Милый другъ Матюша! Съ тѣхъ поръ какъ я разстался съ тобой, я много размышлялъ о самоубійствѣ, и всѣ мои размышленія, и особливо бесѣды мои съ отцомъ Петромъ, и утѣшительное чтеніе Евангелія убѣдили меня, что никогда, ни въ какомъ случаѣ человѣкъ не имѣетъ права посягнуть на жизнь свою. Взгляни въ Евангеліе, кто самоубійца—Іуда, предатель Христа. Іисусъ, самъ кроткій Іисусъ, называетъ его *сыномъ погибельнымъ.* По божественности своей Онъ предвидѣлъ, что Іуда довершитъ гнусный поступокъ преданія гнуснѣйшимъ еще самоубійствомъ. Въ семъ поступкѣ Іуды истинно совершилась его погибель; ибо можно ли усумниться, что Христосъ, жертвуя Собою для спасенія нашего, Христосъ, открывшій намъ въ божественномъ ученіи, что нѣтъ преступленія, коего бы истинное раскаяніе не загладило передъ Богомъ, можно ли усумниться, что Христосъ не простилъ бы радостно и самому Іудѣ, еслибъ раскаяніе повергнуло его къ ногамъ Спасителя. Но не мнѣ, грѣшнику, проповѣдывать тебѣ, милый братъ, всеблагую строгость Христова закона; мнѣ слишкомъ утѣшительно, слишкомъ нужно самому вѣрить кроткому снисхожденію Его, чтобы искать вселять въ тебя ужасъ и, можетъ-быть, отчаяніе.—Человѣку свойственно погрѣшать; человѣку свойственно въ изступленіи глубокой горести желать

свергнуть съ себя жизнь, какъ бремя несносное,—и я вѣрю, что нанесшій на себя руки въ таковомъ состояніи, думая въ заблужденіи своемъ, что Создатель его не оскорбится, если однимъ несчастнымъ будетъ меньше на свѣтѣ, найдетъ въ Немъ судью снисходительнаго; но я твердо вѣрю, что самая снисходительность сія будетъ жестокимъ наказаніемъ для души самоубійцы. Предъ нею отверзется Книга Судебъ, намъ невѣдомыхъ; она увидитъ, что она безразсуднымъ своимъ поступкомъ ускорила конецъ свой земной однимъ годомъ, однимъ мѣсяцемъ, можетъ-быть, однимъ днемъ. Она увидитъ, что отверженіемъ жизни, дарованной ей не для себя, а для пользы ближняго, лишила себя нѣскольких заслугъ, долженствовавшихъ еще украсить вѣнецъ ея; она проникнетъ въ глубокую тайну, что Творецъ нашъ ниспосылаетъ намъ и скорби, и страданія для цѣли благой,—и вообрази себѣ каково будетъ ея страданіе! Христосъ Самъ говоритъ намъ, что въ домѣ Отца Небеснаго много обителей, и если правосудіе человѣческое умѣетъ соразмѣрять наказанія проступкамъ, то коль паче Богъ, испытуя сердце и утробы. Мы должны вѣрить твердо, что душа, бѣжавшая со своего мѣста, прежде времени ей установленнаго, получитъ низшую обитель. Ужасаюсь отъ сей мысли. Она сбросила съ себя бремя несносной жизни въ надеждѣ соединить себя на вѣки съ тѣми, коихъ она страстно любила на землѣ, и вмѣсто того она разлучена съ ними на вѣки! Вообрази себѣ, что мать наша, любившая насъ столь нѣжно на землѣ, теперь же на небеси чистый Ангелъ свѣта, лишится на вѣки принять тебя въ свои объятія. Нѣтъ, милый Матюша, самоубійство есть всегда преступленіе. Вѣра наша, кроткая, благая вѣра наша его строго запрещаетъ, и что̀ бы была привязанность наша къ ней, если мы забудемъ ея наставленія, именно въ то время, когда она должна быть единственнымъ нашимъ прибѣжищемъ и утѣшеніемъ.—*Кому дано было много, множайше взыщется отъ него.* Ты будешь больше виноватъ, чѣмъ кто-либо, ибо ты не можешь оправдываться невѣдѣніемъ. Я кончаю сіе письмо, обнимая тебя заочно съ тою пламенною любовью, которая никогда не изсякала въ сердцѣ моемъ и теперь сильнѣе еще дѣйствуетъ во мнѣ отъ сладостнаго упованія, что намѣреніе мое, Самимъ Творцемъ мнѣ внушенное, не останется тщетнымъ и найдетъ отголосокъ въ сердцѣ твоемъ, всегда привыкшемъ постигать мое.—Прощай, милый, добрый, любезный братъ и другъ Матюша. До сладостнаго свиданія!

Кронверкская куртина, Петропавловская Петербург. крѣпость,
ночь съ 12 на 13 Іюля 1826 года.

Письмо Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола къ Е. Ѳ. Муравьевой.

S-t Pétersbourg, 26 mars 1847.

Il n'est que trop vrai que les troubles et les malheurs que j'éprouve aujourd'hui proviennent d'une seule et unique cause—de Basile; et j'en porte la peine: car la faute est à moi seul. Quelque aveugle que soit l'amour maternel, il est pardonnable; mais la faiblesse d'un père ne l'est jamais, et c'est précisément cette faiblesse qui m'a empêché, quand il en était temps, d'agir avec fermeté, qui est la cause de mon malheur.

Dès sa naissance le pauvre enfant a été gâté. Dans son enfance, ni menin, ni gouverneur n'ont pu tenir avec lui, sacrifiés à ses caprices par l'aveuglement de la mère. Il nous a quitté déjà façonné à devenir ce qu'il est à présent, pour commencer ses études à Dorpat. Là, au lieu d'apprendre ce qui est indispensable de savoir, il a achevé à se dépraver. M-me Protassoff et cet excellent homme le défunt Pini, qu'il a dégoûté de lui de toute manière, s'estimèrent heureux d'en être quitte, ainsi que les professeurs auxquels il a été recommandé; tandis que ses camarades, les étudiants lui vouèrent un mépris qu'il n'a que trop mérité. C'est au bout de cette éducation, ou pour mieux l'appeller l'achevement de sa dépravation que ma femme est venue le retirer de Dorpat pour le mettre au service, qu'il a commencé comme bas-officier, sous les auspices et la protection de son cousin Александръ Захарьевичъ. Au bout de deux ans il a été fait officier et venu encore pour s'équiper, ce qu'elle fit avec toute la décence que ses moyens lui permettaient; mais l'enfant ne s'en est pas contenté. Se croyant le fils d'un Crésus et bientôt Crésus lui-même, il fit, à son début dans la carrière d'officier, une dette de 20 m. roubles, qui lui ont été défalqués de ses appointements. Je lui donnais 5, quelquefois 6 m. roubles par an; cependant rien ne pouvait lui suffir. Dans l'année 40 il vint à Florence pour achever à me dégoûter de lui, et et est reparti pour la Russie avec sa mère, qui fit pour lui de nouveaux sacrifices d'argent, sans que cela put jamais suffire à ses besoins. Enfin je suis venu moi-même à Pétersbourg, et là il m'abreuva d'amertumes en me quittant pour aller Caucase, servir comme aide-de-camp de Gourko. Il en revint au commencement de 1846, fortement recommandé par son général. J'en étais dans la joie de mon coeur et remerciai le Ciel de me rendre un fils. Helas! C'était une illusion dont je n'ai été que trop vite désabusé...

Son but principal était indépendance et argent. La défunte Елена

Алексѣевна Mouravieff avait depuis longtemps des vues sur lui pour sa nièce; elle l'entrepris, et comme elle savait que j'avais toute confiance en Ив. Вас. К. elle lui mit en tête, que c'est lui precisément qui serait un obstacle à son plan favori. De ce moment tout alla sens dessus-dessous dans notre maison, qui d'un paradis qu'elle était pour l'harmonie, est devenue un enfer de discorde. Basile commença d'abord par m'insulter, en disant devant moi tout le mal possible de K. le gouverner; et lorsque je lui rappellai que s'il ignore encore la discrétion qu'obligent les convenances de la société, il devrait au moins se rappeler que je suis son père et que cela seul suffit pour lui imposer silence, si non lui apprendre à respecter en K. un homme que j'aime et que j'honore. A ces mots il poussa l'outrage jusqu'à me dire en face que j'étais la dupe d'un fripon qui volait. Je n'y tins plus, quittai la chambre, et depuis lors tout était fini pour moi. La mère par son aveuglement, auquel il n'y a pas de remède, les soeurs, par une fatalité que je ne comprends pas, se livrèrent entièrement aux volontés de Basile et ce liguèrent contre moi. Sur ces entrefaites Gourko arriva, et la passion de B.... s'alluma subitement pour sa fille. Propositions, fiançailles, tout cela s'est fait dans la quinzaine, et je n'avais d'autre rôle que celui d'un père de comédie. Cependant mariage à part, il fallait avoir de quoi vivre. On arrêta dans le *conseil* que je devrais donner une partie de mon bien à Basile, et cela sans tarder ni hésiter. «Je le donnerais tout entier si je le pouvais», fut ma réponse, qui ne produisit d'autre effet que d'augmenter insulte et outrages, au point que je dis un jour à la *soeur-avocat* que «si son frère levait la main sur moi, je me laisserais frapper sans pousser un cri, parce que la vie de sa mère m'est plus chère que la mienne». Je fis mon testament, approuvé par ma femme, que j'engageais à donner tout son bien à Basile. De cette façon le mariage s'est fait, et les choses pour l'*harmonie* en sont restées comme elles étaient.

Je n'ai plus de fils, ni guères de filles, mais pour les formes et les apparences je les garderai tant que je vivrai, d'abord pour conserver les jours de ma femme, qui me sont plus précieux que les miens, et puis parce que j'ai tout pardonné. Pour oublier je ne le puis pas; mais cela ne durera pas: le fumier n'a pas de mémoire; et comme dans peu il ne restera de moi qu'un peu de terre ici bas, là où je serai, on n'a de mémoire que pour le bien et non pour le mal.

Voilà le triste récit que j'avais à vous faire, chère cousine. C'est avec regret que je le fais, parce que vous n'êtes pas heureuse non plus; mais vous me pardonnerez, parce que je n'ai que vous au monde en qui je puis placer mon entière confiance.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 26-го Марта 1847 г.

То слишкомъ вѣрно, что настоящія мои заботы и несчастія происходятъ отъ единственной причины — отъ Василья; и я страдаю за то, потому что я одинъ виновенъ въ нихъ. Какъ бы слѣпа ни была любовь матери, она извинительна; но слабость отца нечѣмъ извинить, а именно эта слабость, помѣшавшая мнѣ своевременно дѣйствовать твердо, и есть причина моихъ несчастій.

Съ самаго своего рожденія бѣдное дитя было избаловано. Въ дѣтствѣ ни дядьки, ни гувернеры не могли угодить ему, будучи предоставлены его капризамъ, благодаря ослѣпленію матери. Онъ уѣхалъ отъ насъ въ Дерптъ, уже подготовленный сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ настоящее время. Тамъ, вмѣсто того чтобы учиться необходимому, онъ окончательно развратился. Протасова *) и достойнѣйшій покойный Пини, которымъ онъ всячески внушалъ полное отвращеніе къ себѣ, считали себя счастливыми отдѣлаться отъ него, также и профессора, которымъ онъ былъ рекомендованъ; товарищи же его студенты выражали ему презрѣніе, котораго онъ вполнѣ достоинъ. Когда онъ окончилъ такимъ образомъ свое образованіе, или вѣрнѣе развращеніе, моя жена взяла его изъ Дерпта, чтобы опредѣлить на службу, которую онъ началъ унтеръ-офицеромъ подъ покровительствомъ своего двоюроднаго брата Александра Захаровича. Черезъ два года онъ былъ произведенъ офицеромъ и пріѣхалъ опять экипироваться, что̀ она сдѣлала такъ прилично, какъ только позволяли ея средства. Но дитя этимъ не довольствовалось; считая себя сыномъ Креза и надѣясь самъ скоро стать такимъ же, онъ началъ свою офицерскую карьеру, сдѣлавъ долгъ въ 20 т. рублей, которые вычитались изъ его жалованья. Я ему давалъ 5, иногда 6 т. въ годъ; однако ему всего было мало. Въ 40-мъ году онъ явился во Флоренцію, чтобы окончательно оттолкнуть меня отъ себя и возвратился опять въ Россію съ матерью, которая приносила для него новыя денежныя жертвы, хотя ничего никогда не доставало на его нужды. Наконецъ, я самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тамъ, погрузивъ меня въ скорбь, онъ оставилъ меня, чтобы отправиться на Кавказъ въ качествѣ адъютанта къ Гурко. Онъ возвратился оттуда въ началѣ 1846 г., очень хорошо рекомендованный своимъ генераломъ. Я былъ счастливъ и благодарилъ Бога, возвращавшаго мнѣ сына. Но увы! это было только самообольщеніе, въ которомъ я долженъ былъ скоро разочароваться....

Его главная цѣль была независимость и деньги. Покойная Елена Алексѣевна Муравьева давно имѣла на него виды для своей племянницы; она принялась за это и, зная, что я имѣлъ полное довѣріе къ Ив. Вас. К., она вбила ему въ голову, что онъ-то именно и будетъ помѣхой его любимому

*) Екатерина Аѳанасьевна Протасова, всѣми уважаемая теща Дерптскаго ректора Мойера. П. Б.

плану. Съ этой минуты все пошло вверхъ дномъ въ нашемъ домѣ, который изъ рая согласія сдѣлался адомъ раздоровъ. Василій началъ съ того, что оскорблялъ меня, говоря при мнѣ много дурнаго о губернаторѣ К. и когда я ему напомнилъ, что если ему неизвѣстна скромность, налагаемая общественными приличіями, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ бы помнить, что я его отецъ, и этого достаточно, чтобы онъ молчалъ, если даже не можетъ уважать человѣка подобнаго К., котораго я люблю и почитаю. При этихъ словахъ онъ такъ забылся, что позволилъ себѣ сказать мнѣ въ лицо, что я одураченъ воромъ. Я болѣе не выдержалъ, оставилъ комнату, и съ той поры все было кончено для меня. Мать по своему ослѣпленію, не имѣющему границъ, сестры, по какому-то непонятному для меня злополучію, предались совершенно волѣ Василья, и всѣ соединились противъ меня. Между тѣмъ пріѣхалъ Гурко; въ Васильѣ внезапно разгорѣлась страсть къ его дочери. Предложеніе, сговоръ, все это совершилось въ двѣ недѣли, а для меня осталась только роль отца въ комедіи. Однако, надо было имѣть средства къ жизни. Въ *совѣтѣ* рѣшили, что я долженъ отдать Василью часть своего состоянія, и это не колеблясь и немедленно. „Я бы отдалъ и все состояніе, если бы могъ", былъ мой отвѣтъ, вызвавшій только новыя оскорбленія и дерзости, такъ что я отвѣчалъ наконецъ *сестрѣ-адвокату*, что, „ если ея братъ подыметъ на меня руку, я не отстраню ея и допущу ударить себя безъ возраженія, потому что жизнь его матери мнѣ дороже своей". Я сдѣлалъ свое завѣщаніе, одобренное женой, которой я предлагалъ отдать все ея имѣніе Василью. Такимъ образомъ свадьба состоялась; что̀ же касается до семейнаго согласія, все осталось по старому.

У меня нѣтъ болѣе сына, ни даже дочерей; но ради приличій они останутся у меня, пока я живъ, вопервыхъ, чтобы сохранить жизнь жены, которая мнѣ дороже своей, вовторыхъ потому, что я все простилъ. Забыть же всего я не могу; но это не долго продлится. Тля памяти не имѣетъ, такъ какъ отъ меня скоро останется лишь одна горсть земли, а тамъ, гдѣ я буду, помнятъ только добро, а не зло.

Вотъ грустный разсказъ, который мнѣ хотѣлось вамъ сообщить, милая кузина. Я это дѣлаю съ сожалѣніемъ, потому что вы несчастливѣе меня *); но простите: вы однѣ на свѣтѣ, къ кому я могу относиться съ полнымъ довѣріемъ. Муравьевъ-Апостолъ.

*

Въ такомъ ужасномъ положеніи очутился престарѣлый Муравьевъ-Апостолъ, нѣкогда столь блистательно начавшій свое поприще, высокопросвѣщенный, отмѣнно-даровитый и надѣленный всякими благами. Судьба сына его Матвѣя, при всей ея превратности, была, конечно, легче. П. Б.

*) У Е. Ѳ. Муравьевой оба сына были тоже государственными преступниками въ Сибири, а внучка отъ старшаго сына страдала умопомѣшательствомъ. П. Б.

ГУСТАВЪ IV-Й И ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

(Составлено по Шведскимъ источникамъ).

По смерти Густава III-го († 17-го Марта 1792) отношенія Шведскаго кабинета къ России были весьма натянуты. Обѣ державы вооружались, и Екатерина прямо требовала, чтобы Швеція отступилась отъ своего нейтралитета, или по крайней мѣрѣ, буде не пожелаетъ принять участіе въ коалиціи, прервала торговыя сношенія съ Франціей. Въ 1793 г. великія державы сочли казнь Французскаго короля и королевы нарушеніемъ народнаго права и всеобщаго мира. Въ такомъ положеніи дѣлъ интриги Армфельда [1], падшаго фаворита Густава III-го, не могли не возбуждать сильнаго подозрѣнія, и въ виду постояннаго вмѣшательства России во внутреннія смуты Швеціи, эти интриги могли повести къ войнѣ или подчиненію Швеціи могущественной сосѣдней державѣ. Угрожавшую опасность можно было отвратить только сильнымъ средствомъ, и таковымъ представился бракъ съ Русской великой княжной. Мысль объ этомъ бракѣ не была новостью; она возникла еще между Густавомъ III-мъ и Екатериной Второй, но теперь, неизвѣстно по чьему почину, взялись за нее въ Стокгольмѣ съ новой горячностью.

Нужно было рѣшить, кому довѣрить это важное дѣло. Первый министръ Рейтергольмъ не имѣлъ особаго довѣрія къ Шведскому по-

---

[1] Армфельдъ, который помогъ Екатеринѣ прекратить Шведскую войну въ 1790 году, по завѣщанію Густава III-го долженъ былъ участвовать въ Шведскомъ регентствѣ, но его отстранили и отправили посланникомъ въ Неаполь. Находясь тамъ, составлялъ онъ заговоръ противъ Шведскаго регентства и за то приговоренъ къ смертной казни, но спасся бѣгствомъ въ Россію, гдѣ и прожилъ (въ Тулѣ и Калугѣ) года два. См. „Р. Архивъ“ 1878, III, 220. Три послѣдніе года жизни († 1814) служилъ онъ у насъ и принялъ участіе въ сверженіи Сперанскаго. П. Б.

сланнику при Русскомъ дворѣ графу Стедингу, тѣмъ болѣе, что для успѣха дѣла приходилось вести его въ строгой тайнѣ. Остановились на нѣкоемъ Виталѣ. Это былъ Еврей, прибывшій въ Стокгольмъ въ концѣ 1792 года. Онъ величалъ себя барономъ и Португальскимъ дворяниномъ и получилъ доступъ къ герцогу-регенту чрезъ придворнаго канцлера Энгельстрёма [1]). Этотъ проходимецъ, снабженный рекомендаціями отъ самого герцога, отправился въ Петербургъ въ началѣ Марта 1793 года. Но несмотря на свой баронскій титулъ, Виталь не могъ добиться аудіенціи у Государыни, а ему было предложено изложить письменно о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Смыслъ письма Виталя, переданнаго Екатеринѣ Второй, былъ до того затемненъ различнаго рода Іудейской и кабалистической мудростью, что Императрица сочла нужнымъ показать его графу Стедингу и только съ его помощію догадалась, что дѣло касается сватовства. Въ письмѣ къ герцогу отъ 15-го Мая 1793 года Екатерина говоритъ: «Такъ какъ присланное имъ (Виталемъ) на Нѣмецкомъ языкѣ посланіе крайне для меня темно, то и осталась я въ прежнемъ своемъ невѣдѣніи и т. д.». Однако въ заключеніи самаго этого письма уже читаемъ: «Спѣшу увѣрить ваше королевское высочество въ моемъ соотвѣтствующемъ вашему желаніи видѣть еще болѣе тѣсными тѣ кровныя и дружественныя связи, которыя существуютъ между нашими домами».

Въ концѣ 1793 года отношенія Швеціи къ Россіи приняли болѣе дружелюбный характеръ. Императрица назначила своимъ посланникомъ туда гр. С. П. Румянцова, который отличался отъ своихъ предшественниковъ большею податливостью и въ началѣ пользовался общимъ уваженіемъ. Рейтергольмъ нашелъ, что приспѣло время снова поднять вопросъ о бракѣ молодаго короля съ великою княжною; но какъ онъ не совсѣмъ довѣрялъ графу Стедингу, почитая его сторонникомъ Армфельда, то для этихъ переговоровъ избрано новое лицо, оберкамеръюнкеръ графъ Стенбокъ. Это былъ молодой человѣкъ съ прекрасными, обольстительными манерами, вышедшій изъ школы Густава III-го, вполнѣ честный, но лишенный опытности и способностей дипломата, необходимыхъ на скользкомъ пути, который ему предлежалъ. Первоначально предполагали послать съ этимъ важнымъ порученіемъ графа Я. Делагарди, но этому помѣшала связь его съ графиней Сенъ-При, которую Екатерина Вторая прозвала «une putaine tracassière» (вздорная непотребница).

---

[1]) Подробнѣе о Виталѣ въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Екатерины Второй къ герцогу Зюдерманландскому, напечатанныхъ нами въ „Русской Старинѣ“ 1879 г. кн. 3-я, стр. 540.

Вопросъ о бракѣ былъ выдвинутъ Рейтергольмомъ съ той цѣлью, чтобы снискать расположеніе Екатерины относительно рѣшенія другихъ не менѣе важныхъ вопросовъ. Графу Стенбоку было поручено добиться отъ Петербургскаго кабинета признанія за Швеціей права нейтралитета въ военное время и возобновленія субсидій, которыя Россія по договору обязалась давать Швеціи.

Графъ Стенбокъ отправился въ Петербургъ въ началѣ Января 1794 года. Онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ особое расположеніе Екатерины [1]) и однажды въ Эрмитажѣ, пригласивъ его сѣсть подлѣ себя, она спросила, что разумѣетъ герцогъ-регентъ подъ особою цѣлью, о которой онъ ей пишетъ. Государыня», отвѣчалъ Стенбокъ, «это касается брака нашего молодаго короля»—*Екатерина:* Ахъ да, я знаю! Значитъ, и вамъ все извѣстно. Вы не могли явиться къ намъ съ болѣе пріятною вѣстью. Но я въ этомъ случаѣ очень осторожна. Я никакъ не могу рѣшить это дѣло, не зная, насколько самъ король сочувствуетъ ему.—*Стенбокъ:* «Государыня, герцогъ-регентъ, съ послѣднимъ курьеромъ извѣщаетъ меня, что король на все согласенъ, что онъ въ восхищеніи отъ этой мысли».—*Екатерина:* Весьма рада, ибо безъ того моя любимая внучка была бы несчастлива.

Всѣ министры Екатерины, для которыхъ порученіе графа Стенбока не было тайною, казалось, относились благопріятно къ тому, за чѣмъ онъ пріѣхалъ. Графъ Марковъ разсыпался въ вѣжливостяхъ передъ графомъ и говорилъ, что онъ тѣмъ болѣе радуется сватовству, что страстно желаетъ быть полезнымъ Швеція и что Императрица склонна на всевозможныя уступки въ пользу Швеціи, изъ чего видно, какое важное значеніе придаетъ она этому браку. Но были при Русскомъ дворѣ и такія лица, соумышленники Армфельда, которые считали нужнымъ противодѣйствовать и для того старались очернить герцога и его министровъ въ глазахъ Екатерины, особенно графъ Стакельбергъ, съ злостными происками котораго безуспѣшно боролся Марковъ. Сей послѣдній постарался, чтобы переговоры о бракѣ шли черезъ Зубова. Зубовъ, при свиданіи съ графомъ Стенбокомъ, конечно высказалъ готовность исполнить желаніе Императрицы, но въ даль-

---

[1]) Договоръ былъ заключенъ въ 1791 г. Окт. 8 (19) на восемь лѣтъ. Въ письмѣ къ герцогу Зюдерманландскому Екатерина отзывается объ этихъ субсидіяхъ такъ: „Графъ Зубовъ, по моему приказанію, писалъ королевскому посланнику при моемъ дворѣ о причинахъ прекращенія субсидій, обѣщанныхъ Швеціи договоромъ... Обѣщанныя въ сепаратной статьѣ субсидіи были лишь условнымъ дополненіемъ и касались извѣстныхъ общихъ плановъ, которые, какъ я упомянула, можетъ быть въ настоящее время не противорѣчатъ Шведскимъ интересамъ, но мало соотвѣтствуютъ тому, что первоначально имѣлось въ виду съ нашей стороны“.

нѣйшихъ разговорахъ не скрылъ той антипатіи, которую питали при Русскомъ дворѣ къ Шведскому правительству и особенно къ всемогущему фавориту регента Рейтергольму. Армфельдъ распустилъ про него слухъ, будто онъ отъявленный якобинецъ. Однимъ изъ главныхъ порученій Стенбока было разубѣдить Екатерину въ этомъ мнѣніи, что ему однакожъ не совсѣмъ удалось, такъ какъ все прошлое Рейтергольма (его оппозиція Густаву III-му) создало ему незавидную репутацію въ глазахъ Императрицы. Зубовъ въ этомъ случаѣ былъ вѣрнымъ отголоскомъ своей Государыни, какъ видно изъ слѣдующаго разговора, происходившаго между нимъ и Стенбокомъ и переданнаго симъ послѣднимъ въ донесеніи регенту.

«Въ письмѣ герцога къ Императрицѣ», замѣтилъ Зубовъ, «упоминается также объ Армфельдѣ. По многимъ причинамъ, между которыми главнѣйшая—его преданнѣйшая служба покойному королю, Императрица считаетъ своимъ долгомъ оказывать Армфельду покровительство».—«Я съ этимъ не могу согласиться, возразилъ Стенбокъ. Пожалуй, Армфельдъ былъ вѣрнымъ слугою короля, такъ какъ это согласовалось съ его личными интересами, но не самымъ преданнымъ: это приговоръ всей Швеціи. Скажу болѣе: еслибъ не Армфельдъ, то Густавъ III-й былъ бы еще живъ».—*Зубовъ.* Но по крайней мѣрѣ вы, графъ, согласитесь со мной, что Ея Величество обязана покровительствомъ Армфельду за услуги, оказанныя имъ при заключеніи мира и другаго рода, до самой кончины короля».—*Стенбокъ.* За эти услуги Армфельдъ уже достаточно вознагражденъ Ея Величествомъ. Я же могу увѣрить ваше сіятельство, что виновность его такъ велика, что еслибы не носимый имъ орденъ, которымъ удостоила его Императрица, то его уже давно постигла бы кара правосудія. Впрочемъ какъ скоро обнаружится его преступность, его ничто не спасетъ. — *Зубовъ.* Неужели вы полагаете, что Императрица, въ случаѣ, если онъ будетъ уличенъ, будетъ продолжать оказывать ему свое покровительство?—*Стенбокъ.* Нѣтъ, я не думаю этого, лишь бы ей представили дѣло съ надлежащей стороны. — *Зубовъ.* Развѣ вы предполагаете, что она дѣйствуетъ въ союзѣ съ Армфельдомъ?—*Стенбокъ.* Можетъ быть.—*Зубовъ.* Графъ, я могу васъ увѣрить, что съ того времени какъ онъ пересталъ быть офиціальнымъ лицомъ, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо соглашеніи съ нимъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на Рейтергольма.

Зубовъ. Герцогъ въ своемъ письмѣ говоритъ также о Рейтергольмѣ. Я долженъ вамъ сказать, что Ея Величество имѣетъ большое предубѣжденіе противъ него.—*Стенбокъ.* Это вслѣдствіе ложныхъ наущеній, о которыхъ я уже имѣлъ честь съ нею говорить. (При этомъ

Стенбокъ хотѣлъ было указать на Стакельберга, но вспомнилъ, что тотъ еще пользуется кредитомъ въ высшихъ сферахъ).—*Зубовъ.* Я могу васъ увѣрить, что если что̀ и было, то очень давно, еще до регентства.

Стенбокъ увѣрялъ, что Рейтергольмъ не имѣетъ ничего общаго съ якобинцами, что никогда не питалъ онъ ненависти къ покойному королю, что, наконецъ, онъ преисполненъ высокаго уваженія къ Ея Величеству, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить настоящее порученіе, которое онъ возложилъ на него, графа Стенбока. Когда зашла рѣчь о баронѣ Сталѣ (мужѣ писательницы, Шведскомъ посланникѣ въ Парижѣ), Зубовъ обозвалъ его якобинцемъ. На это Стенбакъ замѣтилъ, что и Армфельдъ для достиженія своихъ цѣлей также не задумается сдѣлаться якобинцемъ.

Въ продолженіи этихъ переговоровъ Екатерина и регентъ обмѣнялись нѣсколькими письмами, и по дѣлу о бракѣ не предвидѣлось никакихъ непреодолимыхъ препятствій. На придворныхъ празднествахъ и балахъ великая княжна считала за особое удовольствіе танцовать съ гр. Стенбокомъ,—честь, которой до сихъ поръ удостоивались только одни послы. Однажды она танцовала съ нимъ даже сряду два менуэта, что̀ взволновало весь дипломатическій корпусъ.

Герцогъ желалъ, чтобы бракосочетаніе состоялось по возможности ранней весною текущаго года (1794), что̀ повидимому не совершенно согласовалось съ желаніями Императрицы; но наконецъ она уступила и въ этомъ и готовилась уже пригласить герцога и короля въ Петербургъ, какъ неожиданное событіе заставило прервать начавшіеся переговоры. Въ газетахъ, по внушенію Рейтергольма, появился протоколъ Шведскаго государственнаго совѣта отъ 9-го Апрѣля 1794 г., въ которомъ заявлялось, что Армфельдъ находился въ перепискѣ съ одной иностранной державой и побуждалъ оную послать свой флотъ къ Стокгольму. Этой державой могла быть только Россія. Узнавъ объ этой выходкѣ Шведскаго двора, Екатерина прогнѣвалась, въ такомъ несвоевременномъ поступкѣ усмотрѣвъ намѣреніе очернить ее въ глазахъ Шведскаго народа въ то самое время, какъ она питала горячее желаніе сблизиться съ нимъ тѣснымъ союзомъ. Разгнѣванная Государыня объявила въ письмѣ къ регенту дальнѣйшіе переговоры о бракѣ невозможными, до тѣхъ поръ пока онъ не дастъ ей объясненія относительно тѣхъ лишенныхъ основанія подозрѣній, которыя наброшены на нее названнымъ протоколомъ. (Изъ донесеній графа Стенбока).

Послѣ этого Швеція неоднократно пыталась возстановить дружественныя отношенія къ Россіи, и это ей наконецъ удалось. Вслѣдъ

за тѣмъ какъ былъ произнесенъ приговоръ надъ Армфельдомъ, возобновились въ Августѣ (1794 г.) переговоры о бракѣ и продолжались вплоть до слѣдующаго года, когда они опять были снова прерваны. Императрицѣ казалось, что выдать Армфельда непозволительно для ея чести; кромѣ того она не желала, чтобы ея внучка изъ за Шведской короны отреклась отъ вѣры своей. Всѣ дальнѣйшія периферіи этихъ неудавшихся переговоровъ выясняются изъ переписки Рейтергольма съ Стедингомъ (съ Сент. 1794 г. по Апрѣль 1795 г.) и свидѣтельствуютъ о возстановленіи довѣрія перваго къ послѣднему. Къ возбужденію взаимнаго постояннаго неудовольствія между дворами немало также способствовали высокомѣрные и надменные поступки Русскаго посланника въ Стокгольмѣ графа Румянцова. Сначала онъ былъ со всѣми довольно привѣтливъ и не довѣрялся интригамъ г-жи Руденшэльдъ (пріятельницы и друга Армфельда), но когда Рейтергольмъ имѣлъ неосторожность опубликовать извѣстный протоколъ, въ которомъ между прочимъ упомянуто и объ его особѣ, то мстительность графа Румянцова не знала предѣловъ. На долю Рейтергольма, какъ это обыкновенно бываетъ, выпало въ чужомъ пиру похмѣлье. Встрѣтившись однажды съ Румянцовымъ въ королевскомъ саду, Рейтергольмъ поклонился ему; но сей послѣдній отвернулся отъ него съ презрительнымъ видомъ. Такой невѣжливый поступокъ Русскаго министра не могъ не раздражить перваго министра, и онъ поручилъ Стедингу довести о томъ до свѣдѣнія Императрицы. Румянцовъ былъ отозванъ, пробывъ при Стокгольмскомъ дворѣ менѣе года.

По завѣщанію Густава III, наслѣдникъ его дѣлался совершеннолѣтнимъ съ 18-лѣтняго возраста [4]). Вступить въ бракъ онъ долженъ былъ не раньше 17 лѣтъ. Послѣ неудачнаго плана сближенія съ Россіей Рейтергольмъ, желая досадить Императрицѣ, сталъ искать для короля невѣсты между принцессами мелкихъ Германскихъ державъ. Явились многочисленныя предложенія, между прочими и отъ курфирста Саксонскаго; но выборъ молодаго короля остановился на Мекленбургъ-Шверинской принцессѣ, 15-лѣтней Луизѣ-Шарлоттѣ. Переговоры по этому сватовству не представляли затрудненій и были непродолжительны: маленькій Шверинскій дворъ былъ весьма польщенъ предложеніемъ, и въ скоромъ времени женихъ и невѣста обмѣнялись портретами и письмами [5]). Помолвка совершилась со всевоз-

---

[4]) Онъ родился въ 1778 году.

[5]) Принцесса прислала королю свою миніатюру, рисованную ею самой. Она такъ дорожила портретомъ короля, что никогда съ нимъ не разставалась и даже во время стола постоянно смотрѣла на него съ восторгомъ; тотчасъ же стала обучаться Шведскому языку и оказала въ немъ быстрые успѣхи (Minnen).

можнымъ блескомъ 1 (12) Ноября 1795 г., въ день рожденія короля. Это событіе праздновалось въ замкѣ Людвигслустъ въ продолженіи трехъ дней, вся Швеція сочувствовала ему и принимала искреннее участіе въ торжествѣ, провозглашенномъ во всѣхъ церквахъ. Распредѣлены были всѣ должности будущаго молодаго двора и даже отправлены съ радостною вѣстью чрезвычайныя посольства къ ближайшимъ родственнымъ дворамъ Датскому, Прусскому и Русскому; къ сему послѣднему въ лицѣ гофштальмейстера барона Шверина.

Но Екатерина не могла относиться равнодушно къ предпочтенію ея внучкѣ Нѣмецкой принцессы, равно и къ сближенію герцога-регента съ Французской республикой. Стедингъ говаривалъ: Екатерина была женщина, была всегда женщиной, женщиной въ полномъ значеніи этого слова. Могла ли она не почувствовать удара, нанесеннаго ея самолюбію? Уладивъ Польскія дѣла съ Пруссіей, она устремила вниманіе на Швецію, слѣдила съ тайнымъ безпокойствомъ и досадой за поисками невѣсты для Шведскаго короля, а потому не могла не увлечься гнѣвомъ, лишь только узнала о порученіи барона Шверина. Она приказала Остерману дать понять Стедингу, что отправленный къ ней изъ Стокгольма посолъ по различнымъ причинамъ принять быть не можетъ. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Рейтергольмъ воскликнулъ: «Увы, отъ прежней Сѣверной Семирамиды остается только тѣнь!» Стедингъ чуть не заболѣлъ съ досады. «Вы не можете себѣ представить, писалъ онъ, что̀ я долженъ переносить въ этой проклятой странѣ, омоченной кровью и слезами моихъ соотечественниковъ.... Мнѣ не суждено здѣсь пользоваться ни одной минутою счастія и покоя» [6]). Не лучше было положеніе бѣднаго Шверина: непріятное извѣстіе, сообщенное ему Стедингомъ, настигло его только что онъ успѣлъ выѣхать изъ Выборга. Тогда же посланъ ему и совѣтъ сказаться больнымъ до полученія новыхъ инструкцій. Дабы прикрыть постигшую его неудачу, онъ велѣлъ незамѣтно отвинтить у своего экипажа гайку, что̀ причинило его паденіе и послужило ему поводомъ воротиться въ Выборгъ и слечь въ постель.

Впрочемъ Шведскій кабинетъ рѣшился не показывать виду, что онъ оскорбленъ. Регентъ замѣтилъ по этому случаю своему наперснику Рейтергольму: «Отвѣчать на выходки высокомѣрной старушен-

---

[6]) Я не гожусь болѣе для важныхъ дѣлъ, писалъ Стедингъ Рейтергольму. Судьба сдѣлала меня министромъ и генераломъ, не посовѣтовавшись съ моей природой. Мнѣ кажется, что изъ меня вышелъ бы хорошій гражданинъ, хорошій другъ и отецъ; но сердце мое не каменное, и грудь моя не защищена тройною броней и т. д.

ки (käring) значитъ разжечь распрю до отвѣта на нее пушками; лучше избѣгнуть этой крайности и не проливать крови изъ-за мелочей; какъ ни оскорбителенъ подобный шагъ Императрицы, но на него нужно отвѣчать тѣмъ, чѣмъ отвѣчаетъ молодой человѣкъ старой кокеткѣ—презрѣніемъ. Я тѣмъ менѣе думаю объ отвѣтѣ, что замѣчаю намѣреніе причинить намъ досаду; но я не доставлю этого удовольствія старухѣ, и мы на удочку не попадемся». Тѣмъ не менѣе раздраженіе перваго министра не знало мѣры. Онъ предписалъ Стедингу объявить, что Швеція будетъ себя держать по отношенію къ Россіи сообразно съ образомъ дѣйствій сей послѣдней и что тѣ союзы и договоры, которые король найдетъ нужнымъ заключить для блага своей земли, не подлежатъ суду Россіи, какъ не касающіеся ея интересовъ. Вообще предписывалась Шведскому посланнику горделивая сдержанность.

Однакожъ вскорѣ оказалось, что Екатерина слишкомъ свыклась съ мыслью увидѣть свою внучку на престолѣ Шведскомъ и уже не разбирала средствъ для достиженія этой цѣли: Стедингъ доносилъ, что Екатерина поклялась не сойти въ могилу, пока не поставитъ на своемъ. Месть ея началась тѣмъ, что, съ цѣлью выразить презрѣніе къ Шведскому двору, а также задать ему страха, она послала туда въ качествѣ своего повѣреннаго нѣкоего барона Будберга, человѣка очень молодаго, безъ всякаго значенія и отличавшагося противнымъ плебейскимъ высокомѣріемъ. Этими качествами Будберга, пожалуй, и достигалась цѣль посольства; но и Шведы съумѣли оцѣнить по достоинству поведеніе Русскаго дипломата. Такъ въ одномъ обществѣ, гдѣ присутствовала большая часть придворныхъ дамъ и кавалеровъ, всѣ были съ непокрытыми головами; одинъ Будбергъ не снималъ шляпы. На слѣдующемъ пріемѣ герцогъ не удостоилъ Будберга ни единымъ словомъ и все время стегалъ себя бичемъ по сапогамъ [7]). Въ подобномъ же родѣ было все что̀ ни говорилъ и дѣлалъ Будбергъ при Шведскомъ дворѣ. Между прочимъ онъ распространилъ вымышленный протоколъ, которымъ Остерманъ будто бы увѣдомлялъ Стединга о непринятіи посольства Шверина и который былъ наполненъ самыми низкими намеками противъ герцога.

При такихъ обстоятельствахъ главнѣйшей задачею Екатерины было помѣшать браку Густава-Адольфа съ Мекленбургской принцес-

---

[7]) Одинъ Шведскій писатель объясняетъ эту манипуляцію такъ: регентъ хотѣлъ показать, что, при слѣдующемъ неприличіи Русскаго повѣреннаго, онъ будетъ наказанъ. Жалкій дворъ, гдѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы осмѣлился указать Будбергу неприличіе его грубыхъ поступковъ!

сой. Русскій дворъ съ этой цѣлью прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ; между прочимъ распустили слухъ, будто король не имѣетъ ни малѣйшей наклонности къ этому браку. И нельзя сказать, чтобъ Екатерина дѣйствовала безъ успѣха. Былъ посланъ въ Стокгольмъ генералъ Будбергъ, дядя повѣреннаго въ дѣлахъ, чтобы противодѣйствовать Мекленбургскому браку, и это было тѣмъ легче, что между Шведами нашлось много сторонниковъ Русскаго брака. Въ числѣ сихъ послѣднихъ были графъ Аксель Ферзенъ, генералъ Таубе и эмигранты графъ и графиня Сенъ-При, имѣвшіе большія связи въ Петербургѣ. Густавъ-Адольфъ, какъ и естественно въ молодыхъ лѣтахъ, не былъ равнодушенъ къ женской красотѣ. Вскорѣ послѣ помолвки на Мекленбургской принцессѣ онъ страстно влюбился во фрейлейну Модэ (Modée). Воспитанный въ строгихъ правилахъ король-юноша питалъ эксцентрическія идеи; онъ презиралъ распущенность нравовъ, господствовавшую при дворѣ его дяди, и возъимѣлъ намѣреніе соединиться съ любимымъ предметомъ законнымъ бракомъ, отказавшись отъ престола. Извѣстно также, что его постоянно преслѣдовала мысль о его незаконномъ рожденіи [8]). Около этого времени произошла значительная перемѣна въ характерѣ короля. Тихій, скромный и со всѣми любезный, внезапно (во время поѣздки въ Шонскій лагерь) онъ сталъ предаваться то крайней грусти и гнѣву, то дикой радости, то апатіи и безпечности. Близко стоявшій къ нему Мункъ разсказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ король болталъ безсвязныя рѣчи и послѣ рыданій внезапно переходилъ къ дикому хохоту. Такія черты его нравственной физіономіи подавали поводъ къ неосновательному предположенію, что Густавъ-Адольфъ въ молодости былъ отравленъ, и въ послѣдствіи часто сравнивали его судьбу съ судьбой другаго современнаго ему государя, извѣстнаго своими причудами и крайностями характера. Вообще король отличался странностями и склонностью ко всему необыкновенному уже съ раннихъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, онъ любилъ подговаривать своихъ сверстниковъ въ играхъ составлять заговоръ противъ него, и этотъ заговоръ кончался самоубійствомъ короля. Но какъ бы то ни было, актъ отреченія отъ престола составленъ имъ по

---

[8]) См. Р. Архивъ 1876, I, 410. Екатерина въ письмѣ къ Гримму, 10 Апрѣля 1795, прямо говоритъ: „Покойникъ, умирая, поручилъ мнѣ своего сына. И прежде того я открыто принимала сторону ребенка противъ всѣхъ его враговъ. Я говорила и покойному королю, и всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, что если отецъ признаётъ ребенка за своего сына, то никто уже не имѣетъ права оспаривать, тѣмъ болѣе, что у короля больше власти, чѣмъ у всякаго другаго отца“. (Р. Архивъ 1878, III, 220).

всей формѣ и даже переписанъ его рукой; этимъ актомъ онъ предоставлялъ престолъ своему дядѣ и отказывался отъ брака съ Мекленбургской принцессой. Такое рѣшеніе объясняли еще тѣмъ, что его всегда преслѣдовала мысль, будто его семейное счастіе намѣрены подчинить политическому разсчету. Не задолго до страсти своей къ фрейлейнѣ Модэ онъ былъ влюбленъ въ красавицу графиню Софію Пиперъ (вышедшую потомъ замужъ за графа Ферзена). Лишь совокупными стараніями разсудительной дѣвицы Пиперъ и герцога онъ былъ отклоненъ отъ этого намѣренія.

Партія, желавшая разстроить Мекленбургскій бракъ, прибѣгала также къ клеветѣ. Распространяли между прочимъ слухъ, что портретъ, присланный принцессою, имѣлъ съ нею малое сходство, что она маленькаго роста, косая и вообще уродлива и некрасива. Этимъ достигли того, что мысль объ этомъ бракѣ стала противна неопытному юношѣ, и онъ рѣшился отослать принцессѣ обратно портретъ ея и просить о возвращеніи собственнаго. Въ тоже время не упустили разглашать, что Мекленбургское сватовство было лишь дѣломъ мести Рейтергольма и его клевретовъ и что великая княжна Александра Павловна оставалась постояннымъ и единственнымъ предметомъ желаній короля.

Весной 1796 года Швеція стала дѣятельно вооружаться, готовясь отразить нападеніе Россіи. Вся Финляндская армія была подвинута къ границѣ, и герцогъ вмѣстѣ съ королемъ собирались въ путь, чтобы стать во главѣ ея. Уже отданъ былъ приказъ готовиться къ походу; не подумали объ одномъ: на какія средства вести войну; ибо съ замѣной конвента директоріей между Франціей и Швеціей возникли несогласія, вслѣдствіе которыхъ были пріостановлены выплачиваемыя Швеціи субсидіи, а потому правительственныя кассы оказались пусты. Слѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ помощи сейма; но какъ герцогъ, такъ и фаворитъ его Рейтергольмъ, опасаясь торжества противной партіи, не хотѣли сейма. Всѣ эти обстоятельства не могли укрыться отъ зоркихъ глазъ Петербургскаго кабинета.

Увидѣвъ, что Швеція на угрозы и вооруженія обратила мало вниманія, Екатерина прибѣгнула къ другимъ средствамъ. Главная ея задача состояла теперь въ томъ, чтобы привлечь на свою сторону регента и Рейтергольма. Весьма пригоднымъ орудіемъ для этого оказался поселившійся въ Стокгольмѣ въ началѣ 1796 г. эмигрантъ Кристинъ, бывшій частный секретарь и корреспондентъ Французскаго министра Калонна, человѣкъ съ обширными свѣдѣніями, обладавшій необыкновеннымъ даромъ слова и искушенный въ политическихъ

происках[*]). Кристинъ имѣлъ много почитателей и обширныя связи какъ при Шведскомъ, такъ и при Русскомъ дворахъ. Однакожъ Рейтергольмъ, замѣчая его частыя сношенія съ Русскимъ посольствомъ, не совсѣмъ довѣрялъ ему. Присланный въ Стокгольмъ генералъ Будбергъ долженъ былъ начать переговоры на основаніяхъ заложенныхъ Кристиномъ, тогда какъ младшему Будбергу, въ случаѣ неудачныхъ операцій Кристина, слѣдовало поддерживать тревожное состояніе умовъ.

Кристинъ началъ съ того, что запискою испросилъ аудіенціи у герцога. Сей послѣдній допустилъ его до себя, любопытствуя узнать, какого рода предложенія могутъ быть ему сдѣланы со стороны Россіи. Физіономія Кристина не располагала герцога въ его пользу, и онъ былъ встрѣченъ съ чувствомъ недовѣрія. Кристинъ началъ было рѣчь о политическихъ отношеніяхъ Швеціи къ Россіи, но былъ тотчасъ же прерванъ желаніемъ видѣть кредитивъ, который бы его уполномочивалъ касаться этихъ отношеній передъ регентомъ Швеціи. «Настоящій шагъ, отвѣчалъ Кристинъ, внушенъ мнѣ единственно усердіемъ и благодарностію за милости, которыми я былъ осыпанъ со стороны королевскаго двора со времени моего пріѣзда въ Швецію, и я имѣю въ виду лишь счастливое окончаніе дѣлъ Швеціи и ея короля. Прошу ваше высочество мнѣ повѣрить, что со стороны Россіи Швеціи угрожаетъ великая опасность. Затѣмъ я не скрою отъ васъ, что, имѣя въ той странѣ большія связи, я намѣренъ въ ней поселиться и вступить въ бракъ. Я почелъ бы великимъ счастіемъ для себя, еслибы могъ послужить орудіемъ для примиренія и избѣжанія войны, которая угрожаетъ Швеціи».

— Ваша необычайная услужливость, возразилъ герцогъ, удивляетъ меня, тѣмъ болѣе, что вы дозволили себѣ отнестись ко мнѣ, не будучи на то уполномочены; а потому я не нахожу возможнымъ бесѣдовать съ вами о государственныхъ дѣлахъ, а могу вамъ только сказать, что мнѣ ничего неизвѣстно о какихъ-либо несогласіяхъ съ Россіей и чтобъ Императрица имѣла какой-либо основательный поводъ быть нами недовольна. Но если, не смотря на то, она имѣетъ намѣреніе угрожать намъ войной, то меня это нисколько не пугаетъ: Шведы, которыми я уже однажды предводительствовалъ въ войнѣ противъ Русскихъ, еще не разучились храбро защищаться».

Кристину, послѣ такихъ рѣчей, ничего не оставалось какъ взять шляпу и удалиться. Но спустя нѣсколько дней, онъ исхо-

---

[*]) Нашъ старый знакомецъ, тотъ самый Фердинандъ Кристинъ, котораго необыкновенно занимательная переписка съ княжною Туркестановой издана въ 3-хъ томахъ при Русскомъ Архивѣ 1882—1883 годовъ. Екатерина узнала его весною 1793 г., когда онъ пріѣзжалъ къ намъ съ герцогомъ Дартуа. П. Б.

датайствовалъ себѣ новую аудіенцію, на которой, какъ и на первой, Рейтергольмъ не пожелалъ присутствовать. На этотъ разъ Кристинъ употребилъ всѣ способы, чтобы убѣдить герцога въ чувствахъ уваженія, которыя питаетъ Императрица къ его личному характеру. Онъ изъявлялъ сожалѣніе, что ея намѣренія относительно Швеціи превратно понимаются, и наконецъ осмѣлился даже упомянуть о 10 или 12 милліонахъ, которыми она, ради блага Швеціи, не прочь бы снабдить ее. И эти рѣчи подобно первымъ были приняты герцогомъ весьма сухо, и онъ не скрылъ своего удивленія относительно смѣлости Кристина. Но этого виртуоза по части политическихъ интригъ трудно было смутить: онъ сталъ усиленно просить, чтобы ему по крайней мѣрѣ было позволено хотя письменно обратиться съ своимъ дѣломъ къ министру. На это домогательство герцогъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ему запретить обращаться къ кому угодно съ просьбами, но что̀ касается до него лично, то онъ не желаетъ имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.

Пріемъ Кристина Рейтергольмомъ былъ холоденъ не менѣе герцогскаго. «Меня весьма удивляетъ, началъ онъ, что лицо одаренное такой разсудительностію и остроуміемъ, какъ вы, м. г., и зная отъ герцога о моей неохотѣ вступать съ вами въ сношенія, все-таки домогались свиданія со мною. Я согласился на это, дабы показать вамъ, что не боюсь вашихъ обольщеній. И такъ объясните что̀ вы имѣете мнѣ сообщить». Неласковый пріемъ не сбилъ съ толку ловкаго Француза [10]). Послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, онъ вкрадчивымъ тономъ продолжалъ: «Повѣрьте, ваше превосходительство, что Императрица и не думаетъ желать вамъ зла или мстить за обиды, которыя, какъ она полагала, были ей когда-то нанесены. Напротивъ, эта Государыня до того проникнута уваженіемъ къ в. п—ву, что даже согласна, когда потребуется, признать васъ судьею между нею и Шведскимъ дворомъ». При этихъ словахъ Рейтергольмъ не утерпѣлъ и перебилъ Кристина: «Не совѣтую этого Императрицѣ, ибо мой приговоръ былъ бы очень невыгоденъ для ея дѣла; я долженъ предупредить васъ, что я не Русскій, а Шведъ. Впрочемъ я удивляюсь интересу, который вы показываете къ Русскимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе, что не понимаю, на чемъ онъ можетъ быть основанъ». Кристинъ, какъ-бы оправдываясь, заявилъ о горячемъ сочувствіи, которое онъ питаетъ къ Швеціи вообще и къ королевской фамиліи въ особенности, затѣмъ предупреждалъ о бурѣ, которая готова разразиться надъ двумя госу-

---

[10]) Въ Швеціи Кристина считали Французомъ, но онъ былъ Швейцарецъ. П. Б.

дарствами и которую еще можно отстранить, если выслушають со вниманіемъ то что̀ онъ имѣетъ предложить.—«Угрозы на меня не дѣйствуютъ, возразилъ Рейтергольмъ; Императрица знаетъ насъ и въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, требующихъ ея полнаго вниманія, при желаніи избѣгнуть возможныхъ замѣшательствъ, не менѣе нашего нуждается въ мирѣ. Но что̀ бы ни случилось, при нападеніи на насъ мы будемъ защищаться. Разъ жребій будетъ брошенъ, пусть воля Всевышняго рѣшитъ, въ чью пользу онъ выпадетъ».

— «Но развѣ васъ не страшитъ судьба Польши? Великое могущество Русской Государыни?»

— «Прошу васъ не сравнивать Швеціи съ Польшей! возразилъ, едва сдерживая себя, Рейтергольмъ; характеръ этихъ двухъ націй не подлежитъ сравненію. Сила Швеціи всѣмъ извѣстна».

— «Совершенно справедливо, перебилъ Кристинъ. Императрица очень хорошо понимаетъ это различіе и не желаетъ Швеціи какого-либо зла. Напротивъ, она выказываетъ постоянную заботливость о счастіи молодаго короля и по мѣрѣ силъ своихъ хотѣла бы оказать Швеціи добрую услугу. Желаемое ею сближеніе съ вами повлечетъ за собой перемѣну Шведской политики, той политики, которая угрожаетъ вамъ большими бѣдствіями».

На это Рейтергольмъ съ запальчивостью возразилъ: «М. г., вы такъ хорошо владѣете Французскимъ языкомъ, что нельзя предполагать, чтобы вамъ не была извѣстна исторія Франціи и величайшаго изъ ея королей Генриха IV-го. Насколько я понимаю ее, то ни одно изъ необыкновенныхъ достоинствъ этого государя не можетъ снять съ имени его позора перемѣны вѣры; а потому я рѣшительно вамъ объявляю, что Греческая вѣра никогда не будетъ введена въ Швеціи» [11]).

Разгоряченный Рейтергольмъ, между прочими выходками противъ Императрицы, коснулся также ея несогласія удовлетворить просьбѣ регента и возложить на Стединга пожалованный регентомъ орденъ Серафима. *Великая* Екатерина, сострилъ министръ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, относительно насъ оказалась очень *маленькой*».

«Прошу в. п—во меня извинить, что я осмѣлился отнять у васъ столько драгоцѣннаго времени», сказалъ озадаченный этой наглостію Кристинъ, уходя отъ министра.

---

[11]) Шинкель, авторъ книги „Minnen“ (Воспоминанія), откуда заимствованъ этотъ разговоръ, не разъясняетъ, по какому поводу Рейтергольмъ вдругъ коснулся вѣроисповѣднаго вопроса.

«Напротивъ, замѣтилъ Рейтергольмъ, провожая его весьма вѣжливо до дверей, я не жалѣю проведенныхъ съ вами минуть, ибо убѣжденъ теперь, что вы успѣли меня узнать лучше чѣмъ знали вчера или когда ко мнѣ вошли».

Этотъ разговоръ замѣчателенъ по его послѣдствіямъ. Переданный въ нѣсколько искаженномъ видѣ Петербургскому двору, онъ произвелъ на Императрицу сильное впечатлѣніе; она сочла себя лично оскорбленной Рейтергольмомъ и объявила, что не помирится со Швеціей, пока сей послѣдній будетъ оставаться во главѣ ея управленія. Въ это же самое время младшій Будбергъ сталъ распускать въ Стокгольмѣ тревожные слухи, какъ напримѣръ, что оскорбленная Екатерина потребуетъ, по меньшей мѣрѣ, уступки Россіи острова Готланда, уничтоженія Свеаборгской крѣпости, перемѣны министерства и объявленія короля совершеннолѣтнимъ, что безъ этого, а также безъ разрыва союза Швеціи съ Франціей, война неизбѣжна, и для размышленія данъ будетъ только шестинедѣльный срокъ. Все это не могло не встревожить Шведскую столицу. Къ тому же, нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса, которымъ Русскіе планы были хорошо извѣстны, не преминули раздуть опасность и совѣтовали регенту заблаговременно удалить Рейтергольма.

Такимъ образомъ размолвка между обоими дворами достигла высшаго напряженія; но, какъ обыкновенно случается при всякомъ кризисѣ, отношенія эти столь же внезапно измѣнились къ лучшему. Можетъ быть, Рейтергольмъ изъ патріотизма и готовъ былъ подчиниться деспотическому желанію Русской Государыни, но ни герцогъ, ни король не желали подвергнуться упреку въ слабости, доводившей Швецію до уничиженія. Такимъ образомъ нужно было выбирать одно изъ двухъ: или, не колеблясь, готовиться вступить въ борьбу съ восточнымъ великаномъ, или найти средство къ сближенію, не роняя національнаго достоинства. Рѣшеніе этой дилеммы находилось въ рукахъ Рейтергольма; а извѣстно, что эта личность состояла вся изъ противорѣчій, и отъ нея можно было всего ожидать. Денно и нощно корпѣлъ онъ надъ этой задачей, придумывалъ какъ выбраться изъ политическаго лабиринта, совѣтовался съ земными и неземными силами. Многія обстоятельства говорили въ пользу сближенія съ Россіей: Франція отказывала въ отдачѣ субсидій, ибо не довѣряла Шведской политикѣ. (Говорили, что планъ брака Густава-Адольфа съ великой княжной очень не нравился директоріи, а на Мекленбургскій бракъ можно было смотрѣть какъ на разстроенный). Но съ другой стороны необходимо было придумать такія средства къ сближенію, которыя, хотя и незамѣтно, но соотвѣтствовали бы цѣли. Са-

молюбіе Императрицы было слишкомъ часто уязвляемо въ ея существеннѣйшихъ интересахъ; а потому трудно было предположить, что она вдругъ согласится примириться какъ съ герцогомъ, такъ и съ Рейтергольмомъ.

Къ переговорамъ приступили одновременно въ Стокгольмѣ—съ генераломъ Будбергомъ, и въ Петербургѣ—чрезъ посредство Стединга. Начальная попытка подойти къ первому была не совсѣмъ удачна; но дѣло пошло успѣшнѣе, послѣ того какъ посланникъ получилъ изъ Петербурга новыя инструкціи. Русскій кабинетъ хорошо сознавалъ всю пользу привлеченія Рейтергольма къ задуманному плану и потому измѣнилъ свои прежнія отношенія къ этой личности. Кромѣ того множество лицъ на той и другой сторонѣ сильно желали примиренія Россіи со Швеціей и лучшимъ къ тому средствомъ считали бракъ короля съ великой княжной, а потому всѣ послѣдовавшіе переговоры имѣли въ виду главнѣйше этотъ предметъ. Особенной дѣятельностію въ этомъ направленіи отличалась г-ня Сенъ-При [12]). Состоя въ близкихъ отношеніяхъ съ вліятельными лицами, она служила какъ бы каналомъ, по которому передавались мнѣнія переговаривавшихся сторонъ. Посредствомъ нея состоялось также сближеніе барона Эссена съ ген. Будбергомъ. Сей послѣдній завѣрилъ именемъ Императрицы, что, если король и герцогъ въ дружественныхъ письмахъ къ Екатеринѣ объявятъ о своемъ намѣреніи разорвать союзъ съ Франціей и несостоявшимся бракъ съ Мекленбургской принцессою, то этимъ отстранятся всѣ препятствія къ сближенію дворовъ.

Въ запискѣ Рейтергольма, составленной для Эссена (Апрѣль 1796), находимъ слѣдующій перечень происходившихъ переговоровъ: 1) Точныя намѣренія Императрицы ему, Будбергу, вполнѣ извѣстны; онъ уполномоченъ начать переговоры и отвѣчаетъ за ихъ исходъ. 2) О перемѣнѣ личнаго состава управленія не можетъ быть и рѣчи, и

---

[12]) Графъ Сенъ-При, эмигрантъ, поселился въ Швеціи въ 1791 году. Супруга его, урожд. Людольфъ, Нѣмка, выросла посреди придворныхъ интригъ и не могла жить безъ нихъ. Влюбчивая до крайности, несмотря на свои 40 лѣтъ, она считала десятками своихъ любовниковъ, и задача ея жизни состояла—доставить имъ, а также и себѣ, видное положеніе при дворѣ молодаго короля. Она состояла въ сношеніяхъ съ княземъ Платономъ Зубовымъ посредствомъ поселившагося въ Петербургѣ маркиза Ламберта. Мужъ ея, отличаемый Екатериной II, во время его пребыванія въ Петербургѣ, впослѣдствіи исходатайствовалъ у Павла Петровича для своего несчастнаго короля пріютъ въ Митавѣ. Въ Запискахъ „Русскаго сенатора“, сосланнаго въ Митаву въ 1800 г., помѣщена его характеристика (Revue de deux Mondes, Октябрь 1885). Если не ошибаюсь, то этотъ сенаторъ, Курляндскій баронъ съ Французской фамиліей, есть Лафонъ, мать котораго была начальницей Смольнаго монастыря и котораго записки о Павлѣ недавно изданы въ Берлинѣ Бинеманомъ.

государыня никогда о томъ не помышляла. 3) Напротивъ, онъ можетъ меня вполнѣ увѣрить, что ему поручено начать переговоры ни съ инымъ кѣмъ, а со мною. 4) Письмо герцога, какъ оно проектировано, можетъ поправить все дѣло. 5) Онъ проситъ не упоминать ни обо мнѣ, ни о другихъ лицахъ, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ королевскомъ, говоря, что излишне продолжать затрогивать эту струну, тѣмъ болѣе, что онъ Будбергъ, въ своихъ донесеніяхъ (которыхъ впрочемъ онъ мнѣ не показалъ) достаточно о томъ распространяется. 6) Затѣмъ онъ выразилъ желаніе касательно королевскаго письма, которое и было ему передано, причемъ онъ допытывался узнать о его содержаніи... [13]). 12) Ему хорошо извѣстно воинственное настроеніе Маркова и Зубова; но тѣмъ не менѣе онъ можетъ увѣрить, что Императрица намѣрена исполнить принятыя относительно Швеціи условія, ибо эта Государыня занимается сама своими дѣлами.

Такъ говорилъ Будбергъ, заключаетъ записка, а вотъ какъ онъ поступилъ. 1) По полученіи послѣднихъ донесеній, не смотря на всѣ свои увѣренія, онъ сразу заговорилъ о своемъ отъѣздѣ, который впрочемъ откладывался со дня на день. 2) Въ тотъ же самый день онъ сталъ всѣмъ разсказывать о своемъ отъѣздѣ съ цѣлью показать, что онъ надъ нами насмѣялся. 3) На слѣдующій день онъ снова сталъ дурно отзываться о моей личности, хотя было между нами и рѣшено никогда не касаться этого предмета. 4) Молодой Будбергъ, въ разговорѣ съ г-жей Сенъ-При, повторялъ рѣчи своего дяди [14]) и угрожалъ бунтомъ и революціей, если раболѣпно не подчинимся Русскому деспотизму. 5) Передъ врученіемъ ему королевскаго письма, онъ клялся честью, что оно непремѣнно произведетъ свое дѣйствіе; теперь же, когда еще не получено и отвѣта на это письмо, Будбергъ вновь подымаетъ вопросы, побудившіе написать его. 6) Такимъ образомъ г-нъ Будбергъ, выказавъ въ своихъ сношеніяхъ весьма мало искренности и честности, и желая, можетъ статься, этимъ путемъ уяснить себѣ способъ дальнѣйшихъ дѣйствій, одурачивъ Эссена и меня, заставилъ насъ ввести въ обманъ какъ короля, такъ и герцога и склонить ихъ на унизительныя для нихъ дѣйствія; словомъ, обратившись къ одному изъ моихъ друзей, онъ обманулъ насъ обоихъ. 7) Не стану касаться предосудительности его поведенія; но онъ затруднилъ, болѣе чѣмъ когда-либо, примиреніе обоихъ дворовъ и внушилъ королю недовѣріе и даже отвращеніе ко всѣмъ послѣдующимъ переговорамъ.

---

[13]) Пункты 7, 8, 9, 10 и 11 представляютъ мало интереснаго для Русскаго читателя.

[14]) Рейтергольмъ ошибался между этими Будбергами родства не было. П. Б.

Теперь посмотримъ, какое дѣйствіе произвели на Императрицу письма короля и герцога. Прежде всего Екатеринѣ не понравилось, что герцогъ не довольно положительно выразился о Мекленбургскомъ бракѣ: онъ увѣрялъ только въ общихъ выраженіяхъ, что этотъ бракъ не совершится во время несовершеннолѣтія короля; изъ этого можно было заключить, что бракъ отлагается лишь на время. Впрочемъ опасеніе на счетъ этого брака изгладилось вскорѣ послѣ того, какъ герцогъ приказалъ Стедингу конфиденціально разубѣдить Императрицу.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ Екатерина узнала о прекращеніи Мекленбургскаго сватовства послѣдовало приглашеніе герцога и короля въ Петербургъ. (Первоначально письмомъ Маркова къ Стедингу, а затѣмъ—Екатерины къ герцогу). Приглашеніе это не слишкомъ понравилось Стокгольмскому кабинету. Герцогъ выразился такъ: «Оно рѣзко противорѣчитъ завѣщанію покойнаго короля, конституціи и моимъ священнымъ обязанностямъ относительно короля. Притомъ же я не имѣю права оставлять государство. Но съ другой стороны я вполнѣ сознаю трудность отдѣлаться отъ поѣздки, которая можетъ только насъ унизить и дать поводъ нашимъ врагамъ сказать, что мы, король и я, отправились искать пощады и мира у ногъ могущественной Государыни, которую я ненавижу отъ всей души. Я не чувствую въ себѣ достаточныхъ силъ для подобной роли, могу показаться при Русскомъ дворѣ довольно докучной фигурою и, въ концѣ концовъ, все-таки вынужденъ буду признаться въ моемъ опасеніи, что цѣль поѣздки не будетъ достигнута».

Столь же мало склоненъ былъ къ этой поѣздкѣ и самъ король. Для молодыхъ его сердечныхъ чувствъ было достаточно свободы и въ Стокгольмскомъ дворцѣ; а его самолюбіе не могло не страдать отъ мысли, что онъ явится, какъ бы по приказанію Екатерины, просить у нея руки ея внучки. Ко всему этому присоединились религіозныя сомнѣнія (skrupler). Взглядъ на затруднительность положенія вполнѣ раздѣлялъ также глава кабинета Рейтергольмъ, и ему эта поѣздка тоже вовсе не нравилась. Конечно онъ не могъ не придавать величайшей важности союзу съ Россіей, какъ акту, который долженъ былъ съ честью заключить управленіе регента. Онъ думалъ, что этотъ союзъ могъ состояться и безъ поѣздки въ Петербургъ. Но тщетны были всѣ его усилія избѣжать ея: министры Императрицы не переставали представлять эту поѣздку какъ непремѣнное условіе сближенія обоихъ дворовъ. Что же касается до представителя Швеціи въ Петербургѣ, то онъ ни минуты не сомнѣвался въ необходимости какъ этой поѣздки, такъ и брачнаго союза. На бракъ короля съ великой княжной смотрѣлъ онъ какъ на твердый оплотъ отъ опасности, угрожавшей Швеціи

и королевскому дому со стороны Французской революціи. Чтобы привлечь на свою сторону перваго министра, онъ увѣрялъ его, что Императрица уже давно измѣнила о немъ свое мнѣніе на болѣе благосклонное; сверхъ того Стедингъ старался подѣйствовать на самолюбіе его и другими средствами. Такъ въ одномъ письмѣ къ Рейтергольму онъ говоритъ, что уже одно то̀, что онъ увидитъ перваго министра возлѣ Императрицы и въ хорошихъ съ ней отношеніяхъ, сдѣлаетъ его Стединга на двадцать лѣтъ моложе. Не оставили также довести до Рейтергольма о письмѣ г-жи Сенъ-При къ Эссену, въ которомъ передавалось выраженіе Будберга, будто бы послѣдній сказалъ, что если предполагаемый бракъ состоится, то король и Императрица будутъ этимъ обязаны одному Рейтергольму, что этотъ бракъ оградитъ его навсегда отъ всяческихъ интригъ его враговъ, наконецъ, что признательность молодыхъ короля и королевы послужитъ наилучшимъ средствомъ утвердить его положеніе, заслуженное его честнымъ характеромъ и превосходными способностями.

Послѣ того какъ сторонники сближенія съ Россіей успѣли привлечь на свою сторону Рейтергольма, не трудно было убѣдить какъ герцога, такъ и чрезъ него (хотя нѣсколько позже) короля, въ необходимости поѣздки. Для того прибѣгли кромѣ убѣжденій и къ содѣйствію обоихъ предметовъ любви Густава IV-го, Модэ и Пиперъ: онѣ должны были употребить свое вліяніе на обожавшаго ихъ короля. Король подозрѣвалъ, что Рейтергольмомъ руководствуютъ эгоистическія цѣли, и мысль, что онъ долженъ служить орудіемъ честолюбивыхъ плановъ герцогскаго фаворита возмущала его. Но, очень хорошо постигая источникъ всѣхъ совѣтовъ регента, онъ не считалъ себя въ правѣ открыто противиться имъ, хотя и не скрывалъ своего неудовольствія относительно поѣздки. Разсказывали объ очень непріятныхъ сценахъ между королемъ и Рейтергольмомъ почти наканунѣ отъѣзда въ Петербургъ, который, наконецъ, былъ назначенъ на 12-е Августа н. с. (5-го числа былъ отправленъ отвѣтъ на приглашеніе Императрицы).

Въ назначенное время герцогъ и король оставили Стокгольмъ и прибыли въ Петербургъ 24-го н. с. вечеромъ. Ихъ свита состояла преимущественно изъ лицъ, которыя сочувствовали главной цѣли поѣздки — браку; тутъ были бароны Рейтергольмъ, Флемингъ и Эссенъ, оберкамергеры графы Ферзенъ и Стенбокъ. Роскошь, оказанная Екатериною въ пріемѣ гостей, превзошла всякое ожиданіе. Первое свиданіе происходило въ Эрмитажѣ, вечеромъ 26-го Августа н. ст. Всѣ присутствующіе были въ парадной формѣ. Шведскихъ гостей встрѣтили при входѣ фаворитъ Зубовъ и обергофмаршалъ князь Барятинскій. Двери въ покой Императрицы были для герцога и короля

растворены вице-камергеромъ графомъ Остерманомъ. Престарѣлая Екатерина встрѣтила своихъ гостей съ необычайной и искренней привѣтливостію, глаза ея блистали отъ радости. Она была пріятно удивлена тонкими и заманчивыми чертами въ лицѣ герцога, напомнившими ей Густава III-го; при видѣ же короля пришла въ восторгъ отъ благородства его осанки, отъ этого соединенія простоты съ вѣжливостію, которое подобало его лѣтамъ и высокому сану. Позднѣе она сама сознавалась, что королю удалось плѣнить ее до такой степени, что она съ первой же минуты полюбила его [15]). Она не позволила королю поцѣловать себѣ руку, сказавъ: «Я не должна забывать, что графъ Гага [16])—король». На это Густавъ-Адольфъ находчиво возразилъ: «Если Ваше Величество въ санѣ Императрицы не желаете меня допустить къ рукѣ, то дозвольте это сдѣлать какъ женщина, возбуждающая во мнѣ удивленіе и уваженіе». (Mémoires secrets sur la Russie, Masson). Простой этой фразою молодой государь напомнилъ своего отца, который обладалъ въ высшей степени талантомъ сказать кстати какую-нибудь любезность. Черезъ полчаса бесѣды Императрица сама растворила двери и ввела великаго князя Павла Петровича, его супругу, великихъ князей Александра и Константина Павловичей съ ихъ супругами и всѣхъ великихъ княженъ; между ними замѣтно выдавалась Александра и тотчасъ привлекла къ себѣ вниманіе короля. Черезъ часъ допущены были къ императорской фамиліи бароны Рейтергольмъ, Эссенъ и Стедингъ и остальная свита. За ними слѣдовали графъ Зубовъ, князь Барятинскій, графъ Остерманъ и другіе высшіе чины. Обрядъ представленія былъ исполненъ королемъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, увѣренностію и въ такихъ внушительныхъ формахъ, что почти озадачилъ Екатерину, такъ что она забыла представить особъ собственной свиты, по принятому при дворахъ обычаю,—промахъ, въ которомъ въ послѣдствіи она, смѣясь, призналась графу Стедингу [17]). Еще черезъ часъ открылись залы, и начался балъ менуэтомъ, въ которомъ участвовали графъ Гага съ вел. кн. Елисаветой Алексѣевной и графъ Ваза съ вел. кн. Анной Ѳеодоровной. Вслѣдъ затѣмъ великія княгини пригласили танцовать барона Рейтергольма и Стединга.

Послѣ часоваго отдыха, начался ужинъ. За столомъ Императрицы сидѣли король, герцогъ, великія княгини и Стедингъ. По окончаніи стола танцы продолжались за полночь, когда Императрица удалилась въ свои покои. Шведскіе гости были очарованы этимъ вече-

---

[15]) Надо вспомнить, что еще въ 1778 году Екатерина составила особую записку о томъ какъ воспитывать Густава IV-го (Р. Архивъ 1871, стр. 1519). П. Б.

[16]) Имя это, принятое во время поѣздки въ Россію, заимствовано, какъ должно полагать, отъ королевской лѣтней резиденціи, находящейся въ окрестностяхъ Стокгольма.

[17]) Эти и послѣднія подробности заимствованы изъ „Записокъ барона Стединга“.

ромъ, на которомъ каждый изъ нихъ былъ удостоенъ чести разговаривать съ Императрицей, находившейся въ наилучшемъ расположенiи духа.

Не будемъ описывать однообразные пиры и празднества, слѣдовавшiе ежедневно одинъ за другимъ. Густавъ-Адольфъ и вел. кн. Александра Павловна, узнавъ другъ друга, почувствовали взаимную склонность. Молодой король былъ очарованъ своей невѣстой, восхищался простотой ея обхожденiя и въ тоже время находилъ, что она получила прекрасное воспитанiе. Великая княжна, цвѣтущая юностью и красотою, отличалась благородствомъ и величественностiю осанки. Ея наивныя чувства къ своему будущему супругу, еще съ дѣтства ей назначенному, придавали ея особѣ еще болѣе прелести и заманчивости. Ей было не болѣе четырнадцати лѣтъ [18]), но она была велика ростомъ и достаточно развита физически. Черты ея лица были правильны, а превосходный цвѣтъ кожи и свѣтлые волосы усиливали въ ней впечатлѣнiя невинности, откровенности и добродушiя. Ея прекрасной наружности вполнѣ соотвѣтствовали качества ума и сердца, украшенныя разнообразными дарованiями. Трудно было Густаву-Адольфу устоять противъ соединенiя всѣхъ этихъ совершенствъ; къ тому же эти зарождающiяся сердечныя чувства молодыхъ людей были прiятны для Императрицы, и она ихъ явно поощряла. Уже два раза влюбленный король имѣлъ случай находиться наединѣ съ своей будущей невѣстой, открыться ей въ своихъ чувствахъ и помѣняться первыми поцѣлуями счастливой любви. Происходило это подъ тѣнистымъ сводомъ деревъ прекраснаго Таврическаго сада. Въ одну изъ этихъ прогулокъ король сдѣлалъ свое предложенiе. Обрадованная Екатерина тотчасъ же послала курьера въ Гатчину извѣстить родителей объ этомъ радостномъ событiи.

Въ то время какъ во дворцѣ вниманiе всѣхъ было обращено на высокую молодую чету, въ министерскихъ кабинетахъ не переставали заниматься вопросами политики. О тѣхъ статьяхъ мирнаго договора, которыя основаны были на будущемъ заключенiи брачнаго союза и имѣли чисто-политическiй характеръ, шли переговоры между Рейтергольмомъ и Стедингомъ съ одной стороны и Остерманомъ, Зубовымъ, Безбородкой и Марковымъ съ другой. Такъ какъ здѣсь казалось все яснымъ, то полное соглашенiе состоялось весьма скоро. Россiя обѣщала, согласно Дротингольмскому трактату, выдавать Швецiи ежегодно по 300 тыс. рубл. и сверхъ того выплатить всю съ 1793 года удер-

[18]) Великая княжна Александра Павловна родилась 29-го Iюля 1783 г. и въ годъ прiѣзда короля въ Петербургъ ей было только тринадцать лѣтъ и нѣсколько дней.

жанную субсидію въ количествѣ 1.050.000 рубл. [19]). Гораздо труднѣе было удовлетворить требованіямъ сторонъ по статьямъ, касавшимся брака. Днемъ обрученія назначено было 21-го Сентября (с. ст.). Императрица желала, чтобы свадьба состоялась тою же осенью; регентъ же находилъ это время года во многихъ отношеніяхъ крайне неудобнымъ.

Эта статья (о днѣ свадьбы) была третьей въ числѣ секретныхъ и состояла въ указаніи на отдѣльный актъ, который долженъ былъ состояться предъ отъѣздомъ короля и заключать въ себѣ точнѣйшее обозначеніе времени, когда совершится бракосочетаніе. Въ послѣдствіи, когда Императрица уговорилась объ этомъ актѣ съ регентомъ, она собственноручно начертала (16-го Сентября н. ст.) слѣдующую памятную записку. «Предложенія (propositions), сдѣланныя мною графу Вазѣ (регенту) вчерашняго дня: 1) Обрученіе должно совершиться точно такъ, какъ было условлено, въ Четвергъ. 2) Я высказала, что девятимѣсячная отсрочка слишкомъ продолжительна и что какъ по моему мнѣнію, такъ и по мнѣнію друзей и родственниковъ невѣсты желательно и необходимо сократить этотъ срокъ. Вслѣдствіе сего я предложила, чтобы первымъ правительственнымъ актомъ короля, вступившаго въ управленіе, было назначеніе посла съ порученіемъ отвезти великую княжну въ Швецію. Посолъ немедленно по прибытіи долженствуетъ именемъ короля, par procuration, бракосочетаться съ моей внучкой, и новобрачная королева тотчасъ же послѣ церемоніи отправится отсюда въ Або; о способѣ же отправленія ея далѣе, черезъ заливъ, должны позаботиться адмиралъ Стедингъ, согласившись съ другими моряками. 3) Такимъ образомъ можно будетъ избѣжать множества совершенно лишнихъ расходовъ и формальностей. Смѣю думать, что слѣдующій отвѣтъ можетъ устранить всѣ затрудненія и возраженія, могущія возникнуть при обсужденіи моихъ предложеній. На первый пунктъ, какъ уже условленный, возраженій не предвидится. На второй, отъ сего числа до 1-го Ноября (н. ст.)—шесть недѣль, срокъ достаточный для избранія посла и немедленнаго и спѣшнаго его отправленія. Что касается возраженія о позднемъ времени года, то и осенью множество путешественниковъ благополучно достигаютъ какой угодно (Шведской) гавани. Противъ холода имѣются у насъ шубы и

---

[19]) Сверхъ того было обѣщано Русскимъ кабинетомъ всячески содѣйствовать полюбовному регулированію границъ въ пользу Швеціи; условлено также заключить торговый трактатъ и предоставить Швеціи право вывоза изъ Русскихъ портовъ до 50.000 четвертей хлѣба. Эти статьи были секретныя, явныя же касались преимущественно сохраненія во всѣхъ пунктахъ Дротингольмскаго трактата 1791 г.

другая теплая одежда. Обыкновенный путь чрезъ заливъ не очень дологъ; но даже тотъ, которымъ прiѣхали графы (Гага и Ваза), хотя нѣсколько длиннѣе, не представляетъ затрудненiй. Остается вопросъ о неприготовленномъ помѣщенiи [20]; но если у короля имѣются двѣ смежныя комнаты, то и этотъ вопросъ очень просто разрѣшается. Королева возьметъ съ собой все, что́ необходимо для омеблировки этихъ комнатъ и, если окажется нужнымъ, то эту часть приданаго можно отправить впередъ. Встрѣча королевы по прибытiи ея въ Швецiю и ея въѣздъ въ столицу должны быть устроены съ той торжественностiю, къ которой привыкла нацiя. Въ случаѣ неимѣнiя приличнаго на сей случай экипажа можетъ оный быть отправленъ вмѣстѣ съ великой княжной. Въ самый день прiѣзда будущей королевы должно совершиться ея бракосочетанiе по обряду Лютеранской церкви, чѣмъ и заканчиваются для обоихъ государствъ, къ моему величайшему удовольствiю, всѣ хлопоты и расходы. За исключенiемъ нѣкоторыхъ неважныхъ перемѣнъ никакихъ другихъ приготовленiй для торжества бракосочетанiя не потребуется, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя окажутся нужными по случаю принятiя королемъ кормила правленiя».

Наибольшее затрудненiе представляла статья относящаяся до свободы совѣсти и отправленiя будущею королевою обрядовъ. Здѣсь Густава-Адольфа одолѣвали различныя мелочныя сомнѣнiя, служившiя предвѣстникомъ тѣхъ его странностей, которыя, къ несчастiю Швецiи, развились у него впослѣдствiи. Не разъяснено еще, кто поселилъ въ его молодой головѣ такiе устарѣлые взгляды; былъ ли то законоучитель Флодинъ, или кто иной. Наконецъ, удалось условиться и касательно этой статьи: королевѣ разрѣшалось имѣть моленью (kapell) въ своихъ внутреннихъ покояхъ, гдѣ она могла бы спокойно и безъ возбужденiя соблазна (?) исполнять обряды православной церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывалась она при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, гдѣ по обычаю присутствуетъ королева вмѣстѣ съ королемъ, принимать участiе въ Лютеранскихъ церковныхъ церемонiяхъ. Король неоднократно увѣрялъ Императрицу, что онъ намѣренъ строго исполнять это условiе, и тоже самое повторяли Шведскiе министры Рускимъ; въ дѣйствительности же онъ всетаки не могъ совладѣть съ своими причудами и, по внушенiю ли извнѣ или по какимъ другимъ причинамъ, но въ его мысляхъ внезапно произошла перемѣна. На балѣ у генералъ-прокурора графа Самойлова [21]), на которомъ присут-

[20]) Въ Стокгольмскомъ дворцѣ. Это была одна изъ тѣхъ пустыхъ отговорокъ, которыя придумывались, чтобы затянуть дѣло.

[21]) 27 Августа ст. ст. Р. Ст. 1874, 2 кн., стр. 293.

ствовалъ весь дворъ, король попросилъ Императрицу удалиться съ нимъ въ кабинетъ и въ довольно продолжительной бесѣдѣ держалъ пространныя рѣчи, удивившія Екатерину: онъ не только распространялся о строгостяхъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, о законахъ, которымъ подчиненъ Шведскій королевскій домъ, а именно, что королева должна непремѣнно исповѣдывать одну вѣру съ королемъ, но еще пытался доказывать Императрицѣ заблужденія Греческой церкви. Это было уже слишкомъ для Русской Государыни, и она, взволнованная до крайности такими рѣчами, оставила балъ.

По поводу этихъ разговоровъ происходили на слѣдующій день чрезвычайно важныя совѣщанія у Императрицы въ присутствіи короля, регента и Стединга. Екатерина, не безъ основанія, опасалась, что мнѣнія выраженныя королемъ наканунѣ, хотя и въ формѣ общихъ разсужденій, могутъ повести къ нарушенію данныхъ обѣщаній. И она не ошиблась: короля также тяготили сомнѣнія и, чтобы избавиться отъ нихъ и выяснить положеніе дѣлъ, онъ вздумалъ рѣшительно отказаться отъ всѣхъ своихъ формальныхъ обѣщаній. «Крайне необходимо, говорилъ онъ, чтобы великая княжна, прежде чѣмъ вступитъ на Шведскую землю, перемѣнила свою вѣру».

— «Но этотъ вопросъ уже порѣшенъ въ противномъ смыслѣ, и министры вашего величества изъявили свое согласіе», возразила Императрица.

— «Я не думаю, чтобы подобное согласіе могло быть дано; во всякомъ случаѣ я не могу согласиться».

— «Значитъ, ваше величество обмануты вашими министрами?» перебила его удивленная Императрица.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ король, не мои министры меня обманываютъ; но я опасаюсь, что министры вашего величества обманываютъ насъ обоихъ».

Припоминая все предшествовавшее такимъ страннымъ рѣчамъ короля, должно удивляться, какъ могли еще продолжаться переговоры. Однакожъ король, повидимому, скоро одумался и когда по его желанію назначено новое свиданіе съ Екатериною въ присутствіи Александры Павловны и ея родителей, то онъ высказался въ смыслѣ желаній Императрицы столь опредѣлительно, что оставалось только назначить день для обрученія. Гдѣ же прославленная твердость характера Густава-Адольфа? спрашиваетъ Шведскій писатель.

Наконецъ, насталъ приснопамятный день обрученія. Но прежде чѣмъ приступимъ къ роковой развязкѣ брачныхъ переговоровъ, мы должны коснуться одного эпизода, который, по мнѣнію Шведскихъ историковъ, значительно подѣйствовалъ на перемѣну королевскихъ

мыслей. Увѣряютъ, что Густавъ-Адольфъ, послѣ перваго же краткаго разговора съ очаровательной супругой Александра Павловича великой княгиней Елисаветой Алексѣевной, до того плѣнился ею, что сталъ совершенно равнодушенъ къ своей нареченной невѣстѣ. Эта зарождающаяся склонность не могла укрыться ни отъ регента и его свиты, ни отъ самой Елисаветы Алексѣевны, которая будто бы задумала воспользоваться обстоятельствами и обратить чувства короля на свою любимую сестру принцессу Баденскую. Разсказываютъ, что когда Елисавета Алексѣевна показала Густаву-Адольфу портретъ своей сестры (его будущей супруги), то король крѣпко задумался и долго его разсматривалъ. Могло быть, что великой княгинѣ уже были извѣстны недоразумѣнія угрожавшія браку съ Александрой Павловной, и по этому случаю она считала позволительнымъ позаботиться о счастіи своей сестры. Но какъ бы то ни было, близость, возникшая между этими двумя особами, была всѣми замѣчена, и вскорѣ убѣдились, что главной причиною въ перемѣнѣ чувствъ короля къ Александрѣ Павловнѣ была, волей или неволей, в. кн-я Елисавета Алексѣевна. Послѣдовавшій черезъ годъ бракъ короля съ принцессой Баденской и возникшая съ этого времени холодность между членами императорскаго семейства относительно Елисаветы Алексѣевны, равно и тѣ непріятности, которымъ сія послѣдняя впослѣдствіи подвергалась, какъ бы подтверждаютъ собой вышесказанное.

За всѣмъ тѣмъ нельзя отрицать и того обстоятельства, что вопросъ вѣроисповѣдной игралъ значительную роль въ разстройствѣ брака съ Александрой Павловной. Густавъ-Адольфъ никакъ не могъ помириться съ мыслью, что Шведская королева будетъ исповѣдывать православную вѣру. Притомъ же, опредѣленіе Норчепингскаго договора [22]), въ силу котораго наслѣдникъ престола, вступившій въ бракъ съ иновѣркой, лишается своихъ правъ, не было еще отмѣнено. Неудивительно, что двойственность взглядовъ относительно вѣроисповѣднаго вопроса и неуваженіе къ постановленіямъ закона возмущали совѣсть юноши. Повидимому и между его окружающими были также лица, которыя поддерживали въ королѣ эти сомнѣнія. Къ числу этихъ лицъ могъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежать его любимецъ Флеммингъ; говорятъ, будто бы онъ по этому поводу написалъ къ королю письмо на 12 страницахъ [23]).

---

[22]) Норчепингскимъ договоромъ (1604) о престолонаслѣдіи права наслѣдства Шведскаго престола перешли къ Карлу IX и его потомству.

[23]) Масонъ увѣрнетъ, что только Флемингъ не согласенъ былъ уговаривать короля нарушить государственный законъ.

Съ другой стороны нельзя не признать неосторожности, которую обнаружила Екатерина въ этомъ дѣлѣ. Разъ, король далъ формальное обѣщаніе удовлетворить ее по статьѣ о вѣроисповѣданіи, было бы гораздо благоразумнѣе не затрогивать болѣе этой чувствительной струны; но, напротивъ, сочли необходимымъ, вслѣдствіе подозрительности, требовать отъ короля въ самый день обрученія формальнаго письменнаго обязательства, которое женихъ долженъ былъ подписать за нѣсколько минутъ до назначенной церемоніи. Русскій кабинетъ этимъ не удовольствовался. Марковъ, составлявшій эту бумагу, въ предположеніи, что король, ослѣпленный любовью къ невѣстѣ, будетъ не въ состояніи прекословить, внесъ отъ себя въ этотъ документъ нѣкоторыя сомнительныя условія, предоставлявшія королевѣ гораздо болѣе обширныя вѣроисповѣдныя права, нежели тѣ, о которыхъ состоялось соглашеніе. Эта уловка не удалась и произвела совершенно противоположное дѣйствіе [24]).

Наконецъ, крутой оборотъ сватовства можно также объяснить гордостію и высокомѣріемъ Густава-Адольфа. Если принять во вниманіе Русскій законъ, въ силу котораго всѣ иновѣрныя принцессы, вступающія въ бракъ съ членами Императорскаго дома, обязаны принимать православіе,—причина почему такія великія державы какъ Австрія и Франція, не желая уронить своего достоинства, постоянно уклонялись отъ родства съ Русскими государями [25]), то легко можетъ быть, что Шведскій король, будучи питомкомъ государей нѣкогда предписывавшихъ законы Европѣ, пожелалъ воспользоваться тою же прерогативой относительно націи лишь недавно вышедшей изъ варварства.

Представивъ эти соображенія, можно перейти къ событіямъ дня, назначеннаго для обрученія.

11 Сентября ст. ст., къ 7 часамъ по полудни все что̀ принадлежало ко двору съѣхалось въ парадной формѣ во дворецъ и размѣстилось въ

---

[24]) Стедингъ убѣжденъ, что Марковъ въ этомъ случаѣ исполнялъ лишь приказаніе Екатерины; но по другимъ современнымъ свѣдѣніямъ объясняется поступокъ Маркова совершенно постороннимъ побужденіемъ: увѣряютъ, что онъ былъ подкупленъ Датскимъ дворомъ, который былъ встревоженъ Шведскими видами на Норвегію. Извѣстно, что Датскій посланникъ въ Стокгольмѣ графъ Бернсторфъ отправился немедленно въ Петербургъ вслѣдъ за Густавомъ-Адольфомъ, снабженный порядочной суммой денегъ. Стедингъ увѣряетъ, что на случай брака съ великой княжной выговорено было Швеціей содѣйствіе Россіи въ пріобрѣтеніи Норвегіи. На сколько извѣстно, это условіе не вошло въ письменный договоръ, заключенный между Россіей и Швеціей.

[25]) Бывали и исключенія: бракъ той же Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ (впрочемъ вынужденный тогдашнимъ критическимъ положеніемъ Австріи).

тронной залѣ. Собралась вся Императорская фамилія. Великая княжна въ убранствѣ невѣсты блистала стыдливостію и красотой. Наконецъ, появилась Императрица въ пышномъ убранствѣ, усыпанномъ сверкающими брилліантами. Все было готово, недоставало лишь одного короля. Часъ проходилъ за часомъ; но онъ, къ общему и справедливому удивленію, не являлся. Замѣчено было неоднократное появленіе и исчезновеніе Зубова; затѣмъ Императрица начала обнаруживать нетерпѣніе и, наконецъ, всѣ шепотомъ стали спрашивать другъ друга о случившемся. Говорили, что вѣроятно король занемогъ и что во всякомъ случаѣ съ его стороны чрезвычайно невѣжливо и дерзко заставить ждать Императрицу со всѣмъ ея дворомъ. Уже было близко 10-ть часовъ, а отвѣтъ на всѣ эти вопросы не приходилъ; всѣ продолжали ожидать и ожидать напрасно.

Къ назначенному времени, одѣтый и съ обручальными кольцами на рукѣ, король ходилъ по комнатѣ въ ожиданіи извѣстія о томъ, что всѣ приготовленія для церемоніи окончены. Уже поданы были кареты, и регентъ съ Рейтергольмомъ, Эссеномъ и другими шли садиться, какъ, проходя мимо гостиной короля, замѣтили тамъ поданный чай и остановились, чтобы выпить чашку чаю. Замедленіе, причиненное этимъ ничтожнымъ случаемъ, оказалось роковымъ по своимъ послѣдствіямъ. Въ то время какъ герцогъ занялся чаемъ, къ подъѣзду дома подъѣхалъ Марковъ и изъявилъ желаніе видѣться съ Стедингомъ. Отведя его въ сторону отъ прочей королевской свиты, онъ объявилъ ему, что привезъ актъ, составленный по собственному приказанію Императрицы и въ которомъ излагается формальное обязательство короля въ томъ, что онъ не будетъ препятствовать великой княжнѣ въ исполненіи обрядовъ ея церкви и не станетъ ее уговаривать къ перемѣнѣ ея вѣры; наконецъ, что онъ (Марковъ) требуетъ отъ имени своей Государыни, чтобы король это обязательство скрѣпилъ своею подписью. Такое очевидное недовѣріе слову короля, какъ можно предвидѣть, должно было сильно раздражить его, тѣмъ болѣе, что въ этомъ бумагѣ были приданы свободѣ вѣроисповѣданія великой княжны болѣе обширные размѣры, чѣмъ тѣ, о которыхъ онъ условился съ Императрицею.

Когда Стедингъ подалъ королю бумагу, привезенную Марковымъ съ просьбой подписать ее, то Густавъ-Адольфъ, узнавъ объ ея содержаніи, не могъ не обидиться; онъ съ досадой бросилъ бумагу отъ себя, но тотчасъ же ее поднялъ и разорвалъ. «Скажите Маркову, воскликнулъ раздраженный юноша, что послѣ того какъ я столько разъ честью увѣрялъ Императрицу и великую княжну въ томъ, что никоимъ образомъ не буду дѣлать затрудненій въ дѣлахъ вѣры, Императрица

своими сомнѣніями оказываетъ мнѣ несправедливость; что она можетъ быть увѣрена, что все что̀ касается этого вопроса будетъ установлено согласно ея желаніямъ». Марковъ, получивъ такой отвѣтъ, пожалъ плечами и сказалъ Стедингу, что по его убѣжденію Императрица не удовлетворится этимъ. Еще гнѣвъ и раздраженіе Густава-Адольфа не успѣли смягчиться, какъ Марковъ вторично появился. Всего хуже, что король былъ недоступенъ для всякаго совѣта; онъ былъ золъ на регента и удостоивалъ вниманія лишь рѣчи Стединга; Рейтергольма же даже не допускалъ къ себѣ въ комнату. Марковъ во вторичный приходъ свой говорилъ весьма рѣзко о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ сопротивленія желаніямъ Императрицы. Затѣмъ онъ попросилъ нѣсколько строкъ отъ короля, которыя бы могли успокоить Государыню, ибо она была очень удивлена обнаруженнымъ упорствомъ короля, и наконецъ опять сталъ угрожать дурными послѣдствіями, причиной которыхъ будетъ самъ король.

Густавъ-Адольфъ еще болѣе разгнѣвался, когда узналъ чрезъ Стединга объ этихъ рѣчахъ Маркова. Стедингъ умолялъ его, во имя блага народа и пользы короны, не доводить дѣла до крайности. «Послѣ того, говорилъ онъ, какъ вы такъ оскорбили и прогнѣвили Императрицу, весьма возможно, что она увлечется до того, что приметъ мѣры противъ личной свободы вашего величества, ибо вы находитесь въ ея власти. Но если даже допустить, что она не воспротивится вашему отъѣзду, то можете быть увѣрены, что война будетъ немедленно объявлена: 100,000 войска ждутъ только приказанія начать непріязненныя дѣйствія. Къ этому должно прибавить прекрасно вооруженный флотъ и полную казну.... Дѣйствіями вашего величества приносятся въ жертву сомнѣніямъ второстепенной важности самые дорогіе интересы страны, и вашъ народъ можетъ возненавидѣть того, кто изъ-за своихъ причудъ жертвуетъ его благомъ».

Всѣ эти представленія не произвели никакого дѣйствія на короля; его отвѣтъ былъ: «Я скорѣе подвергнусь всѣмъ личнымъ опасностямъ, чѣмъ рѣшусь идти противъ моей совѣсти».

— Но если, государь, дѣло идетъ о вашей коронѣ? возразилъ Стедингъ.

— «Такъ пусть же лучше снимутъ съ моей головы корону, воскликнулъ король съ горячностью, сопровождаемой весьма выразительнымъ тѣлодвиженіемъ, нежели я сдѣлаю что-либо противъ своихъ убѣжденій».

Удивленный такими рѣшительными словами и видя, что угрозы личной опасности не дѣйствуютъ на короля, Стедингъ попытался тронуть въ немъ чувство сыновней любви и представилъ ему горькую

участь, которая можетъ постигнуть его мать. «Вдовствующая королева, мать вашего величества, говорилъ онъ, можетъ подвергнуться оскорбленіямъ толпы. Взгляните на Францію.... Разъяренная чернь можетъ повлечь ее по улицамъ столицы, и Швеція сдѣлается поприщемъ тѣхъ ужасовъ, которые свирѣпствуютъ въ настоящее время въ той странѣ».

Эти рѣчи не могли не опечалить короля; слезы потекли по его лицу, и онъ со вздохомъ спросилъ: «Неужели мой отказъ повлечетъ за собой такія послѣдствія?»

— Непремѣнно, если ваше величество не одумаетесь, отвѣчалъ Стедингъ. Къ чему же далѣе упорствовать? продолжалъ онъ. Существуетъ ли нація, или духовенство, которыя могли бы противиться желанію принцессы остаться при своей вѣрѣ; я увѣренъ, что во всей Швеціи не найдется и одного каплана [26]), который бы испытывалъ и половину вашего угрызенія совѣсти. Если уже она такъ сильно дѣйствуетъ въ васъ, то спросите совѣта у духовенства.

— «Хорошо, я прикажу созвать соборъ, и тогда Флодинъ [27]) также выскажетъ свое мнѣніе».

— Но духовный соборъ не можетъ состояться ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а до тѣхъ поръ мало ли что̀ можетъ произойти... Обратитесь къ епископамъ: они обязаны дать вамъ отвѣтъ.... Тутъ Густавъ-Адольфъ принялъ бумагу и начертилъ на ней слѣдующія слова: «Надѣюсь, что меня достаточно знаютъ, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что я сдержу данное слово. Я далъ заручиться моимъ честнымъ словомъ не оказывать препятствія въ исполненіи великою княжною, моей будущей супругою, обрядовъ ея церкви съ тою лишь оговоркой, насколько это не будетъ несогласно съ постановленіями Шведскихъ законовъ, а также обѣщалъ не уговаривать великую княжну измѣнить свое вѣроисповѣданіе».

Съ такимъ отвѣтомъ отправился Марковъ, который, какъ мы видѣли, не очень сочувствовалъ Шведскому браку. Прибывъ во дворецъ, онъ не преминулъ разсказать о томъ, чему былъ свидѣтель; и конечно сцена разорванія акта не могла не возбудить толковъ и подозрѣнія. Въ отвѣтной бумагѣ короля особенное вниманіе обратило на себя то мѣсто, гдѣ упоминается объ ограниченіи свободнаго исповѣданія вѣры Шведскими государственными законами. Это было скрытое подъ маской королевскихъ обязанностей явное прекословіе желаніямъ Императрицы, и конечно не отъ Маркова можно было ожидать истолкованія

---

[26]) Пасторъ безъ прихода, также помощникъ пастора.

[27]) Законоучитель Густава-Адольфа, вліяніе котораго на отказъ короля не подлежитъ сомнѣнію.

этой оговорки въ смыслѣ благопріятномъ дѣлу. Онъ передалъ обо всемъ случившемся Зубову, а тотъ незамѣтно и шопотомъ Императрицѣ, которая мгновенно встала, почувствовавъ себя дурно,—припадокъ, который нѣсколько недѣль спустя свелъ ее въ могилу [28]).

Такимъ образомъ, говоритъ Стедингъ, изъ Записокъ котораго мы заимствовали большую часть приведенныхъ подробностей, по причинѣ упрямства и ханжества (bigotisme) Густава-Адольфа не могъ осуществиться планъ, благодаря которому Швеція должна была занять подобающее мѣсто среди великихъ державъ; былъ упущенъ благопріятный случай, который въ царствованіе этого короля болѣе не представлялся. Никакія соображенія, ни интересы государства, ни важныя обязанности государя, ни семейныя обязанности не въ состояніи были переломить нравъ Густава-Адольфа. По этимъ его дѣйствіямъ можно было сдѣлать заключеніе о характерѣ его послѣдовавшаго царствованія, полнаго непростительныхъ ошибокъ.

На слѣдующій же день послѣ несчастнаго Четверга, 23-го Сентября н. ст. король и регентъ имѣли свиданіе съ Императрицей, а также съ Александрой Павловной, въ присутствіи ея родителей; но въ положеніи дѣла никакой перемѣны не послѣдовало. Въ слѣдующіе затѣмъ дни и до 26-го числа, король нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ Екатериной въ ея кабинетѣ, но становился еще непреклоннѣе, тѣмъ болѣе, что ему показалось, что всѣ противъ него въ заговорѣ. Никакіе доводы, ни увѣренія въ чувствахъ дружбы и преданности Императрицы не могли измѣнить однажды принятаго имъ рѣшенія.

Послѣ 26-го Сентября прекратились сношенія между Русскимъ дворомъ и Шведскими министрами, но частные переговоры продолжались. Всѣ предложенія съ Русской стороны о возобновленіи офиціальныхъ переговоровъ только усиливали упрямство въ Густавѣ-Адольфѣ. Наконецъ, для предупрежденія внезапнаго разрыва и въ видахъ личной безопасности короля и высшихъ чиновъ его свиты [29]), регентъ

---

[28]) Авторъ книги Mémoires secrets задаетъ себѣ вопросъ: почему бы Екатеринѣ было не удовольствоваться тѣмъ, что уже обѣщалъ король? Сдѣлай она это, и всѣ препятствія къ обрученію были бы удалены; такимъ образомъ, разсуждаетъ онъ, главною причиной разрыва была сама Императрица и непрактичность ея министровъ. Впрочемъ онъ не отрицаетъ, что счастливому окончанію дѣла также немало помѣшало упрямство короля, не пожелавшаго дать письменнаго удостовѣренія относительно свободнаго исповѣданія вѣры великой княжною.

[29]) Раздраженная сопротивленіемъ Екатерина запретила своимъ подданнымъ посѣщать Шведское посольство, въ которомъ пребывали король и его свита, и полиціи приказано было наблюдать за домомъ посла. Положеніе короля въ столицѣ чужой страны, разобщеннаго отъ общества, напоминало нѣкоторымъ образомъ положеніе Карла XII въ Бендерахъ. Къ тому же распространился слухъ, что Русская армія уже вторглась въ Финляндію и что Русскіе до такой степени возмущены дѣйствіемъ Шведскаго короля, что угрожали побросать всѣхъ Шведовъ въ Неву.

испросилъ у Императрицы аудіенцію для себя. Тутъ было условлено, что Шведскіе уполномоченные подпишутъ трактатъ и его тайныя статьи, въ которыхъ вопросъ о свободномъ вѣроисповѣданіи великой княжны будетъ изложенъ совершенно согласно съ требованіями представленными Марковымъ и что герцогъ въ своей ратификаціи на все это изъявитъ свое согласіе. Со стороны же короля было заявлено, что статья о вѣроисповѣданіи будетъ имъ утверждена, коль скоро она будетъ одобрена Шведскимъ архіепископомъ и консисторіей.

Въ прощальной аудіенціи, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, Императрица обошлась весьма милостиво какъ съ королемъ, такъ и съ его свитою, которую удостоила къ своей рукѣ.

1-го Октября н. ст. былъ днемъ отъѣзда короля изъ Петербурга, и 15-го числа все Шведское общество прибыло въ Стокгольмъ. Пріѣзду короля предшествовалъ слухъ о событіяхъ въ Петербургѣ, породившій различные толки; они, однакожъ, всѣ согласны были въ томъ, что нужно отдать справедливость рѣшительному характеру молодаго короля, который, находясь какъ бы во власти Екатерины, отважился противиться ей. Не столь благопріятно судили о его поступкахъ придворные, изъ которыхъ многіе обманулись въ своихъ надеждахъ на милости и повышенія при будущемъ молодомъ дворѣ.

Одною изъ первыхъ заботъ короля, по возвращеніи въ Швецію, было покончить съ дѣлами касавшимися его брака и дать своему народу королеву. Съ этой цѣлью возобновлены были переговоры съ Русскимъ дворомъ, хотя и безъ большаго успѣха.

Пребываніе короля въ Петербургѣ произвело на Императрицу самое тяжелое впечатлѣніе. Послѣ извѣстной катастрофы она долгое время не являлась публично. Шведскій посланникъ баронъ Стедингъ, еще такъ недавно чрезвычайно любезный и пріятный, ходилъ нахмурившись и также нигдѣ не показывался. Его уже болѣе не приглашали на вечернія собранія въ Эрмитажѣ, гдѣ онъ еще такъ недавно былъ желаннымъ гостемъ. Екатерина жаловалась, что онъ былъ отчасти виновникомъ всего случившагося. Въ гнѣвѣ своемъ говорила она: «Никто иной какъ Стедингъ руководилъ конференціей; онъ придумалъ всевозможныя препятствія и, передавая Маркову ея рѣшеніе, нимало не старался измѣнить его». Обвиненіе совершенно незаслуженное. Стедингъ, разсказывая въ послѣдствіи объ этой размолвкѣ, всегда прибавлялъ: «C'est moi qui suis le page d'Hanovre, le bouc d'iniquité» [30]). Но это было еще не все; такъ какъ на первыхъ порахъ

---

[30]) Гановерскій пажъ, козелъ отпущенія.

старались выгородить регента и Рейтергольма, то единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ оказался посланникъ. О Рейтергольмѣ разсказывали, что въ тотъ роковой Четвергъ, когда Стедингъ расхаживалъ съ сіяющей физіономіей, онъ заперся въ своей комнатѣ и ни за что не хотѣлъ видѣть Маркова.

Не смотря на все это, Стедингъ не переставалъ видѣться съ министрами Императрицы, и они оказывали ему наружную вѣжливость и вниманіе. Марковъ увѣрялъ его, что все то, что имъ было писано или передаваемо, основано на точномъ приказаніи самой Императрицы. Зубовъ же заботился лишь о возобновленіи прерванныхъ переговоровъ и чтобы состоялся союзъ, въ сущности желаемый обѣими державами [31]).

Самымъ интереснымъ предметомъ и въ тоже время невинной жертвой всѣхъ этихъ интригъ была безъ сомнѣнія молодая великая княжна, столь же несчастная, какъ и обожаемая. Великая Екатерина была слишкомъ горда, чтобы лишить себя всякой надежды видѣть свою внучку на Шведскомъ престолѣ. Для достиженія этой цѣли она даже сдѣлала королю предложеніе присоединить къ Швеціи Норвегію, если онъ только согласится съ ея первоначальными условіями относительно вѣроисповѣднаго вопроса. Она обѣщала, какъ скоро будутъ составлены необходимыя бумаги, послать въ Стокгольмъ для возобновленія переговоровъ графа Головкина [32])

Трудно было ожидать большаго успѣха отъ посольства Головкина, послѣ того какъ король, возвратившись изъ своей поѣздки въ Петербургъ, еще болѣе убѣдился въ необходимости отстаивать свои убѣжденія относительно спорныхъ пунктовъ вѣроисповѣданія будущей королевы. Тѣмъ не менѣе проблематическія предложенія Головкина, представлявшія столь значительныя выгоды для Швеціи, нашли благосклонный пріемъ, не смотря даже на то, что архіепископъ, д-ръ Мюррей и другія богословскія знаменитости Стокгольма, къ которымъ обратились за совѣтомъ, настаивали, чтобы будущая королева была избрана не иначе какъ изъ принцессъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія [33]). Внушали королю, что если онъ допуститъ, чтобы въ однихъ

---

[31]) Донесеніе Стединга отъ Ноября 1796 г.

[32]) Головкинъ былъ человѣкъ легкомысленный, отличавшійся болтливостію и умѣньемъ подслуживаться. Онъ былъ удостоенъ довѣреннаго порученія лишь благодаря тому случаю, что былъ дежурнымъ при Императрицѣ въ то самое время, когда Густавъ IV-й покидалъ Петербургъ и гнѣвъ Екатерины достигъ крайнихъ предѣловъ (Minnen).

[33]) Предложенный на рѣшеніе Стокгольмской консисторіи вопросъ привелъ архіепископа и ея членовъ въ немалое смущеніе. Герцогъ и умолялъ, и требовалъ, чтобы консисторія высказалась за свободу совѣсти; въ противномъ случаѣ стращалъ онъ войной и всякими несчастіями. Кромѣ того не дали консисторіи достаточно времени, чтобы обсудить свое рѣшеніе: секретари Рейтергольма и барона Эссена постоянно тревожили

и тѣхъ королевскихъ покояхъ исповѣдывалась иная вѣра, чѣмъ та, которую самъ онъ исповѣдуетъ и которая запечатлѣна кровью его предковъ, и эта чужая вѣра будетъ исповѣдываться матерью страны и народа, то онъ поставитъ на карту не только уваженіе къ себѣ народа, но и самый престолъ [34]).

Такого рода внушеніе не могло не подѣйствовать на короля, потому отъ посольства Головкина нельзя было ожидать особеннаго успѣха. Но такъ какъ, съ другой стороны, въ Швеціи не желали упустить благопріятнаго случая наблюсти существенныя выгоды страны, то Русскаго посла не только приняли съ большимъ вниманіемъ, но и въ свою очередь отправили въ Петербургъ генерала барона Клингспора, поручивъ ему возобновить переговоры о бракѣ и снабдивъ его необходимыми полномочіями.

Между тѣмъ Екатерина скончалась 8-го Ноября ст. ст.

Такъ какъ новый императоръ принималъ мало участія во всемъ, что происходило по брачному дѣлу при Екатеринѣ, благодаря интригамъ ея министровъ, то ему не трудно было предать забвенію все случившееся по этому дѣлу. Къ тому же императрица Марія, въ виду страданій несчастной великой княжны, оказывала крайнее расположеніе къ возобновленію переговоровъ о бракѣ ея съ Густавомъ-Адольфомъ. Были кромѣ того другіе поводы, и во всякомъ случаѣ не подлежало сомнѣнію, что высокая чета была одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ устроить судьбу своей старшей дочери.

Первая аудіенція, которой удостоился Стедингъ, отличалась довѣріемъ и пріязнью какъ со стороны Императора, такъ и его супруги. Такой же лестный пріемъ былъ оказанъ и генералу Клингспору.

Въ самый день аудіенціи былъ онъ приглашенъ къ высочайшему столу, послѣ котораго представленъ всему царскому семейству. На Клингспора смотрѣли какъ на представителя родственнаго и дружественнаго дома, и потому обращеніе съ нимъ преисполнено было сердечности и ласки [35]). Дабы представить себѣ насколько могла быть пріятна Русскому императору секретная цѣль посольства Клингспора, необходимо припомнить слѣдующія обстоятельства. Павелъ питалъ

консисторію требованіемъ немедленнаго отвѣта. Собственно говоря, объявленное рѣшеніе консисторіи было ни что иное какъ ссылка на законъ о вѣротерпимости 1779 г., касавшійся брака между лицами разнаго вѣроисповѣданія, но безъ примѣненій его къ королю и королевѣ. Архіепископъ и д-ръ Мюррей дѣйствовали особыми путями. См. Anteck ningar III.

[34]) Изъ напечатаннаго письма архіепископа Троиля и д-ра Мюррея къ герцогу.

[35]) Депеши Стединга отъ 9-го Декабря 1796 и 10-го Января 1797 гг.

сильную ненависть къ Датскому королевскому дому вслѣдствіе того, что онъ, по настоянію своей матери, долженъ былъ отказаться въ пользу Даніи отъ своего родоваго наслѣдія [36]). Ненависть къ этой странѣ перешла къ нему отъ его отца Петра III-го, герцога Гольштейнъ-Готторпскаго. Хотя продолжительный споръ между дворами Русскимъ и Датскимъ и былъ законченъ тѣмъ, что Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, уступилъ свою часть Голштиніи Датскому королю, взамѣнъ которой получилъ Гольштейнъ-Ольденбургъ, но какъ только Екатерина успѣла закрыть глаза, вражда возобновилась. Павелъ охотно повторилъ предложеніе своей матери и обѣщалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданаго, Норвегію. При этомъ будто бы обѣщано было вознаградить Данію Шведскими землями въ Германіи съ добавкой значительной суммы денегъ. Осуществленіе этого плана было подкрѣплено обѣщаніемъ Императора, въ случаѣ надобности, отправить противъ Даніи пятьдесятъ тысячъ войска.

Проектъ этотъ, должно сознаться, имѣлъ много заманчиваго для Швеціи; но и теперь какъ и прежде, въ бытность короля въ Петербургѣ, всѣ эти пріятныя надежды уничтожались возникавшими съ новою силой религіозными сомнѣніями. При согласіи на всѣ прочія условія требовалась лишь небольшая уступка какой-либо изъ двухъ сторонъ относительно вѣроисповѣднаго вопроса; но къ сожалѣнію ни тотъ, ни другой изъ монарховъ не были склонны сдѣлать эту уступку.

Между тѣмъ какъ продолжались переговоры Клингспора съ Русскимъ дворомъ, Густавъ IV-й, не ожидая ихъ результатовъ, прекратилъ ихъ слѣдующимъ рѣшительнымъ шагомъ. Когда графъ Головкинъ сталъ ему говорить о спорномъ, щекотливомъ пунктѣ переговоровъ, король, показавъ ему письмо архіепископа Троиля къ его дядѣ герцогу, сталъ доказывать и невозможность и опасность брака, если королева не будетъ принадлежать къ Лютеранскому вѣроисповѣданію. Заявленіе короля было тотчасъ же передано Головкинымъ своему двору, и Русскій посланникъ былъ вскорѣ послѣ того отозванъ. Съ своей стороны Павелъ, потерявъ всякую надежду на благополучный исходъ брачныхъ переговоровъ, далъ понять Клингспору, что считаетъ безполезнымъ его дальнѣйшее пребываніе при Русскомъ дворѣ. Клингспоръ возвратился въ Швецію въ Апрѣлѣ 1797 года. Хотя въ послѣдствіи еще разъ была сдѣлана попытка возобновить трижды прерванные пе-

---

[36]) Черезъ два мѣсяца Павелъ Петровичъ уступилъ ихъ коадъютору Любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линіи Гольштинскаго дома.

реговоры о бракѣ [37]), но, какъ извѣстно, снова безуспѣшно, и король сталъ себѣ подыскивать другую невѣсту. Объ этомъ своемъ рѣшеніи увѣдомилъ онъ Императора письмомъ, которое долженъ былъ передать Стедингъ. Сей послѣдній, не подозрѣвавшій содержанія письма, вручилъ его на одномъ придворномъ празднествѣ и тѣмъ нарушилъ общее веселье: ни Павелъ, ни его супруга не въ состояніи были скрыть своего гнѣва.

Густавъ же припомнилъ то впечатлѣніе, которое произвела на него супруга великаго князя Александра Павловича Елисавета Алексѣевна. Не долго думая, отправилъ онъ въ Карлсруэ своего повѣреннаго барона Эверта съ порученіемъ просить руки ея сестры Баденской принцессы Фридерики-Доротеи-Вильгельмины. Принцессѣ было не болѣе шестнадцати лѣтъ, но красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ. Родители ея маркграфъ и маркграфиня Баденскіе, разумѣется, были польщены этимъ предложеніемъ, и бракъ Густава IV-го Адольфа съ Баденской принцессой состоялся 31-го Октября 1797 года.

Какъ извѣстно, два года спустя великая княжна Александра Павловна вступила въ бракъ съ эрцгерцогомъ палатиномъ Венгерскимъ Іосифомъ.

Ревель, 1886.

А. Чумиковъ.

*

Статья эта написана по Шведскимъ источникамъ, которые доступны у насъ весьма немногимъ изъ лицъ, занимающихся Русскою исторіей. Въ нашей исторической печати уже имѣется обильный запасъ бумагъ и разсказовъ объ этомъ важномъ событіи, которымъ, можно сказать, закончилось Екатерининское царствованіе; но полезно познакомиться и съ показаніями стороны противной. Читатель не посѣтуетъ на то, что, въ дополненіе къ предъидущему, приведемъ разсказъ самой Екатерины изъ письма къ ея Стокгольмскому посланнику Будбергу, написаннаго 17 Сентября 1796 года, т.-е. за три дня до отъѣзда Шведскихъ гостей изъ Петербурга.

«24-го Августа графы [38]) обѣдали у меня въ Таврическомъ дворцѣ. Послѣ обѣда мы пошли въ садъ, и въ то время, какъ вся кампанія пила кофей на лугу, я пошла сѣсть на скамью, и графъ Гага помѣстился возлѣ меня. Тутъ онъ началъ мнѣ говорить, что сердце велитъ ему просить у меня въ супружество внучку мою великую

---

[37]) Депеша Стединга отъ 19-го Іюня 1797г.

[38]) Т.-е. графъ Гага (король) и графъ Ваза (регентъ).

княжну Александру. На это я ему замѣтила, что ему нельзя дѣлать такого предложенія, ни мнѣ его выслушивать, такъ какъ у него ведутся брачные переговоры съ принцессою Мекленбургскою, о чемъ знаетъ вся Европа, а въ Швеціи во всѣхъ церквахъ торжественно за нее молятся, какъ за будущую Шведскую королеву. Въ отвѣтъ онъ сказалъ мнѣ, что переговоры эти почти уже прерваны и что посланъ будетъ нарочный курьеръ къ Мекленбургскому герцогу, чтобы совсѣмъ покончить это дѣло. Тогда я сказала ему, что подумаю о предложеніи его и не скрою, что оно, по моей къ нему дружбѣ, мнѣ пріятно. Онъ просилъ меня провѣдать у внучки моей, не противенъ-ли онъ ей, такъ какъ ему казалось, что она его избѣгаетъ. Я ему обѣщала это, равно какъ и поговорить съ ея родителями. Онъ мнѣ сказалъ, что оставаться здѣсь долго ему нельзя, и потому желалъ бы онъ поскорѣе получить отъ меня отвѣтъ. Я отвѣчала, что для этого мнѣ нужно по крайней мѣрѣ три дня, такъ какъ сынъ мой и невѣстка въ деревнѣ».

«Дѣйствительно, я тотчасъ же, придя къ себѣ въ комнату, написала великому князю обо всемъ, что̀ произошло между графомъ Гагою и мною. Онъ пріѣхалъ въ городъ, и такъ какъ противорѣчія никакого не было, то на третій день, на балѣ у генерала-прокурора, я могла дать графу Гагѣ обѣщанный отвѣтъ. Я поставила два условія: вопервыхъ, чтобы они прежде всего устранили препятствіе, состоящее въ ихъ обязательствѣ относительно Мекленбургскаго дома; и вовторыхъ, чтобы внучка моя оставалась въ той вѣрѣ, въ которой она рождена и воспитана. Тутъ начались всякаго рода затрудненія со стороны впрочемъ однаго графа Гага: регентъ и господа министры не находили никакого и надѣялись уговорить короля. Эти затрудненія, продолжались до 2 (13) Сентября, когда, на балѣ у имперскаго посла, графъ Гага сказалъ мнѣ, что представленными ему доводами побѣждены его сомнѣнія и что онъ не имѣетъ никакихъ болѣе.—Какъ только я замѣтила въ немъ колебаніе, то приказала присоединить къ трактату особую статью, которая бы обезпечивала королевѣ свободу совѣсти и свободное исповѣданіе вѣры, въ которой она рождена и воспитана. Я сдѣлала больше: я своеручно написала королю прилагаемое въ спискѣ письмо, въ которомъ, какъ вы увидите, приведены всѣ убѣдительнѣйшіе доводы, какіе могла я придумать; письмо это было у меня въ карманѣ, и когда король объявилъ мнѣ, что больше не сомнѣвается, я его вынула и подала королю, сказавъ: вотъ это можетъ утвердить васъ въ чувствахъ, которыя вы мнѣ сейчасъ заявили; прошу васъ прочитать внимательно, когда вернетесь къ себѣ съ бала. Король взялъ письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ. На

другой день, во время фейерверка, сидя со мною въ ложѣ, графъ Гага благодарилъ меня за мое писаніе и сказалъ, что ему досадно только, зачѣмъ я не знаю его сердца, что онъ не способенъ кого-либо мучить, особливо великую княжну, которая ему такъ дорога».

«Повидимому не оставалось больше никакого препятствія: отправленъ курьеръ къ герцогу Мекленбургскому, затрудненіе относительно вѣры словесно устранено, а моимъ письмомъ выражено согласіе; наступили полная радость и веселіе».

«Король становился день ото дня внимательнѣе и желалъ какъ можно чаще видѣть великую княжну Александру. Кромѣ бальныхъ вечеровъ, онъ видѣлъ ее три раза: два у великой княгини-матери, въ присутствіи регента, посла, великой княжны Елены и генеральши Ливенъ, и третій въ присутствіи великаго князя Александра и супруги его, в. кн. Елены, генеральши Ливенъ, регента и Штединга (великой княгини-матери не было тогда въ городѣ). Эти частые визиты побудили меня рѣшиться 8-го Сентября на бала, который давала я въ большой залѣ Таврическаго дворца, предложить регенту обрученіе по обряду нашей церкви, съ благословеніемъ епископа. Регентъ, тотчасъ же согласившись, пошелъ сообщить объ этомъ своимъ министрамъ и потомъ королю, который уговорился уже съ великою княгинею-матерью просить меня, чтобы я предложила о томъ регенту. Черезъ часъ герцогъ пришелъ сказать мнѣ, что король согласенъ отъ всего сердца. Я спросила его: будетъ-ли обрученіе съ церковнымъ благословеніемъ или безъ таковаго? Онъ отвѣчалъ мнѣ: съ благословеніемъ, по вашей вѣрѣ, и просилъ назначить день. Тогда, подумавъ, я сказала ему: въ Четвергъ, у меня въ комнатахъ (такъ какъ они желали, чтобъ это произошло частнымъ образомъ, не въ церкви, въ томъ соображеніи, что въ Швеціи бракъ этотъ долженъ быть объявленъ публично лишь по совершеннолѣтіи короля)».

«При этой церемоніи со стороны короля должны были находиться регентъ и три министра ихъ, а съ нашей стороны я, семейство мое и министры, коимъ назначено подписать договоръ, генералъ графъ Николай Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Въ Четвергъ, 11-го Сентября, въ день назначенный для обрученія, въ полдень собрались Шведскіе и наши уполномоченные, чтобъ подписать договоръ. Наши къ великому удивленію увидѣли, что четвертой отдѣльной статьи, касающейся свободы вѣроисповѣданія великой княжны Александры, нѣтъ въ числѣ актовъ. Они спросили у Шведовъ, куда они ее дѣвали? Тѣ имъ отвѣчали, что это распоряженіе короля и что онъ хотѣлъ самъ объясниться объ этомъ со мною. Уполномоченные мои тотчасъ послали мнѣ сказать объ этомъ обстоятельствѣ. Было четыре часа по-

слѣ обѣда. Я сообразила, что до обрученія не увижу ни короля, ни регента, а послѣ обрученія будетъ уже слишкомъ поздно говорить объ этомъ. И такъ я рѣшилась послать тотчасъ графа Маркова къ регенту и королю, сказать имъ о необходимости, чтобъ эта статья прежде обрученія была подписана вмѣстѣ съ остальными статьями договора въ томъ видѣ, какъ о ней состоялось соглашеніе уполномоченныхъ. Марковъ вернулся черезъ два часа съ плохими вѣстями, не добившись подписанія статьи. Тогда я ему продиктовала записку, которая содержитъ сущность отдѣльной 4-й статьи и приложена къ сему въ спискѣ, приказавъ, чтобы онъ сказалъ регенту, что если король подпишетъ эти строки, продиктованныя мною, то я на время удовольствуюсь этимъ документомъ; но если онъ не подпишетъ, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ. Графъ Марковъ пошелъ снова въ помѣщеніе короля и вмѣсто яснаго и откровеннаго отвѣта принесъ отъ короля письмо, прилагаемое здѣсь, написанное рукою короля и составленное въ темныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Было уже десять часовъ вечера, когда я получила это письмо. Я велѣла позвать моего сына, и мы согласились послать сказать королю, что я сдѣлалась больна и приказала отпустить всѣхъ лицъ, которыя ждали въ пріемной окончанія этой комедіи. Въ этотъ вечеръ назначенъ былъ балъ и ужинъ у великаго князя. Предоставляю вамъ судить, каковы нелѣпость и неприличіе всего этого. Письмо короля я даже отослала ему обратно съ графомъ Марковымъ». (Сборникъ Р. Ист. Общ. IX, 300—305).

Черезъ два дни, 19-го Сентября, Екатерина сообщали Будбергу: «Великая княгиня-мать полагала, что король чувствуетъ сильное расположеніе къ ея дочери, потому что онъ часто говорилъ съ нею довольно долго шопотомъ. Теперь я разузнала, какого рода были эти разговоры. Оказывается, что онъ говорилъ вовсе не о своихъ чувствахъ, и что бесѣды эти касались исключительно вѣры. Онъ старался совратить ее въ свое исповѣданіе, взявъ съ нея подъ величайшимъ секретомъ обѣщаніе никому не говорить о томъ. Онъ выражалъ намѣреніе читать съ нею Библію и самъ объяснять ей догматы; говорилъ, что въ день ея коронованія она должна пріобщаться съ нимъ вмѣстѣ и пр. Она отвѣчала, что ничего не сдѣлаетъ безъ моего согласія». Твердость ни на минуту не покидала великой государыни. Того же 19-го Сентября она приказала Будбергу объявить въ Швеціи, какъ рѣшеніе безповоротное, что великая княжна, сдѣлавшись Шведскою королевою, непремѣнно останется въ Греческой вѣрѣ.

11-го СЕНТЯБРЯ 1796.

Записка современника графа Растопчина, составленная для графа С. Р. Воронцова.

Въ полдень собрались у князя Зубова для обсужденія статей брачнаго договора. Комитетъ этотъ составляли: князь Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко и Марковъ, баронъ Штедингъ, баронъ Рейтергольмъ и графъ Эссенъ. Оказалось, что соглашеніе имѣлось лишь по самымъ незначительнымъ статьямъ, а другія статьи противорѣчили намѣреніямъ короля и министровъ. Въ четыре часа разошлись, не порѣшивъ ничего. Графъ Марковъ то и дѣло ѣздилъ въ домъ Шведскаго посланника; время проходило, и ничего не устраивалось. Въ семь часовъ, согласно данному приказу всѣ собрались въ Кавалергардской залѣ. Обрученіе назначено быть въ Бриліянтовой. Все было готово. Митрополитъ (вызванный изъ Новгорода, откуда онъ ѣхалъ 18-ть часовъ) облачился въ святительскія одежды и дожидался въ церкви, что его позовутъ благословлять жениха и невѣсту. Наканунѣ Императрица говорила нѣкоторымъ дамамъ, что на завтра она готовитъ имъ сюрпризъ. Назначены лица въ свидѣтели брачнаго договора. Тутъ были, кромѣ императорской фамиліи: госпожа Ливенъ, князь Зубовъ, графы Остерманъ, Безбородко, Марковъ, Эссенъ и бароны Штедингъ и Рейтергольмъ. Послѣ ужина у великаго князя-отца долженъ былъ начаться балъ. До семи часовъ Императрицѣ ровно ничего не докладывали о происходившемъ. Наконецъ князь Зубовъ, не отваживаясь самъ идти съ такою дурною вѣстью, возложилъ ее на графа Маркова, который объявилъ Императрицѣ, что король согласенъ быть на ужинѣ и на балу, но что онъ не хочетъ обручаться, пока все не уладится. Тогда Императрица разгнѣвалась до такой степени, что приближенные опасались за ея жизнь. Маркова опять послали къ королю съ собственноручною запискою Императрицы и съ ея помѣтами на всѣхъ статьяхъ. Дочитавъ до статьи, гдѣ для великой княжны, когда она будетъ Шведскою королевою, требовалось свободное исповѣданіе ея вѣры, король взялъ перо и вычеркнулъ эту статью. Марковъ возвратился, отправился опять, и только въ 9 часовъ послали сказать королю, что онъ можетъ оставаться у себя. Во все это время князь Зубовъ то и дѣло ходилъ къ великому князю отцу и передавалъ ему о происходившемъ. Въ половинѣ десятаго оберъ-маршалъ князь Барятинскій, на которомъ лица не было, провозгласилъ, что бала не будетъ, потому что Императрица не такъ хорошо себя чувствуетъ. Великій князь ходилъ къ ней и нашелъ ее въ сильнѣйшемъ волненіи: она хотѣла отдать приказаніе, чтобъ арестовать барона Флеминга, котораго считаютъ (невѣрно) фаворитомъ короля, и сослать его въ Сибирь; но великому князю удалось успокоить ее. На другой день Императрица признавалась, что ночь

съ 27 на 28 Іюня [39]) ничто въ сравненіи съ тою, которую она провела. („Архивъ Князя Воронцова“, VIII, 146).

*

Графъ Ростопчинъ былъ тогда камеръ-юнкеромъ, но во дворцѣ не присутствовалъ и составилъ свою записку по дворскимъ и городскимъ слухамъ. Съ его словъ утвердилось мнѣніе, будто Екатерина скончалась вслѣдствіе огорченія, причиненнаго неудачею Шведскаго брака. Намъ кажется, что это мнѣніе преувеличено: вопервыхъ, она прожила съ тѣхъ поръ почти два мѣсяца; вовторыхъ, сохранившіяся отъ того времени бумаги и письма ея нисколько не показываютъ въ ней какого-либо ослабленія памяти и силъ умственныхъ. Она по прежнему изумительна въ своемъ трудолюбіи, принимаетъ доклады, кладетъ на нихъ свои рѣшенія, ведетъ войну съ Персіею, имѣя обширнѣйшіе государственные виды, готовитъ преобразованіе Сената, занимается по источникамъ Русскою исторіею и древностями, поддерживаетъ личную переписку со многими лицами и въ ясной головѣ твердо держитъ всѣ нити тогдашней Европейской политики. Въ Густавѣ-Адольфѣ ошиблась не одна Екатерина, но всѣ его современники и весь Шведскій народъ. Онъ представлялъ собою болѣзненное психологическое явленіе, изображенное Достоевскимъ въ его «Подросткѣ». Но можно удивляться тому, что Екатерина долго обольщалась этимъ королькомъ, какъ его называли у насъ, и недостаточно приняла въ разсчетъ Лютеранскую нетерпимость Шведскаго народа. Два старшіе внука уже были тогда женаты; естественно было позаботиться о подроставшихъ внучкахъ, и Шведскій король казался женихомъ наиболѣе подходящимъ. Относительно вѣроисповѣданія послушаемъ, чтó писала Екатерина Густаву-Адольфу въ той запискѣ, которую она передала ему на балѣ у Германскаго посла:

«Неужели могла бы я согласиться на этотъ бракъ, еслибъ усматривала въ немъ что-либо опасное или неудобное для вашего величества и не надѣялась, напротивъ, что имъ можетъ утвердиться счастіе ваше и моей внучки? Мысль объ этомъ бракѣ принадлежитъ покойному вашему родителю славной памяти, чтó могутъ засвидѣтельствовать не только многіе Русскіе и Шведы, но и лица, совершенно непричастныя, именно Французскіе принцы и кавалеры ихъ свиты. Находясь вмѣстѣ съ покойнымъ королемъ на водахъ въ Спа, они слышали его сужденія о томъ и могутъ подтвердить, что онъ

---

[39]) То-есть ночь, проведенная въ Петергофѣ передъ восшествіемъ на престолъ въ 1762 году.

очень былъ занятъ мыслію о такомъ бракѣ, разсчитывая, что тѣмъ упрочится доброе согласіе между двумя царствующими домами и двумя государствами». Далѣе Екатерина ссылается на то, что Густавъ III-й внесъ на сеймъ законъ о всеобщей вѣротерпимости, а на сеймѣ въ Гефтлѣ, когда шла рѣчь о будущемъ бракѣ наслѣдника престола, выражалъ желаніе, чтобы различіе вѣры не служило препятствіемъ, что епископы въ одной бумагѣ даже вычеркнули слова: *съ принцессою Лютеранскаго исповѣданія.* «Русской княжнѣ не подобаетъ мѣнять вѣру. Дочь императора Петра I-го вышла за герцога Карла-Фридриха Голштинскаго, сына старшей сестры Карла XII-го; она не мѣняла для того вѣры. Права ея сына на наслѣдство Шведскаго престола были тѣмъ не менѣе признаны государственными чинами, которые отправляли къ нему въ Россію торжественное посольство съ предложеніемъ короны; но императрица Елисавета уже объявила тогда этого сына своей сестры Россійскимъ великимъ княземъ и будущимъ своимъ наслѣдникомъ; она утвердила предварительными статьями Абовскаго договора, чтобы наслѣдникомъ Шведскаго престола былъ дѣдъ вашего величества. Такимъ образомъ, благодаря обѣимъ дочерямъ Петра I-го досталась Шведская корона вашей династіи и тѣмъ открылся блестящимъ дарованіямъ вашимъ путь къ царствованію, которому я не могу довольно желать благоденствія». Конечно ссылка на дочерей Петра Великаго должна была оскорбить самолюбиваго юношу.

Наканунѣ его отъѣзда изъ Петербурга Государыня писала въ Стокгольмъ Будбергу: «Королю всего 17-ти лѣтъ. Занятый своими богословскими мыслями, онъ не предвидитъ всей важности того, что̀ можетъ произойти и для него, и для великой княжны, если она перемѣнитъ вѣру. Первымъ послѣдствіемъ такого легкомысленнаго поступка была бы утрата ею въ Россіи всякаго расположенія къ себѣ: ни я, ни отецъ ея, ни мать, ни братья, ни сестры, никогда больше не увидали бы ея; она не осмѣлилась бы показаться въ Россіи, и поэтому лишилась бы значенія и въ Швеціи». (Сборникъ Р. Ист. Общ. IX, 311—318).

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ I.

съ 1828 по 1833 годъ.

(Писаны въ 1872 году).

Авторъ этихъ Записокъ Яковъ Ивановичъ Костенецкій скончался 1885 года 1-го Іюня въ своемъ имѣніи Черниговской губ., хуторѣ Скибенцы-Липки. Получивъ возможность оставить военную службу, покойный поселился въ деревнѣ и занимался хозяйствомъ. Когда разрѣшено ему было принимать участіе въ земскихъ собраніяхъ, чего онъ долго добивался, онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей и къ дѣятельности своей въ засѣданіяхъ съѣзда относился всегда съ большою любовью, такъ какъ до самой смерти сохранялъ интересъ къ юридической наукѣ, вынесенной изъ университета. Въ качествѣ члена училищнаго совѣта, и потомъ попечителя школъ, онъ принималъ также дѣятельное участіе въ распространеніи школъ въ Конотопскомъ уѣздѣ и заслужилъ общее о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ умномъ, справедливомъ и честномъ. Въ частной жизни онъ представляетъ примѣръ необыкновеннаго трудолюбія, неугасимой даже въ старости энергіи, глубокаго и сильнаго характера. До послѣдняго дня покойный стремился пополнять свои знанія, совершенствовалъ свои силы и сохранилъ на 75-мъ году жизни необыкновенную свѣжесть души. Изъ его литературныхъ трудовъ надо указать на „Аварскую экспедицію 1839 года" (издана отдѣльной книжкой), на юридическую брошюрку: „Объ улиточной записи", и на „Разсказы объ императорѣ Николаѣ", напечатанные въ „Историч. Вѣстн." 1883 г. (№ 7) Подъ старость покойный большую часть времени отдавалъ игрѣ на скрипкѣ, первые серьезные уроки которой (раньше онъ игралъ самоучкою) началъ онъ брать почти на пятидесятомъ году жизни у Вьетана, въ Петербургѣ. Замѣчательна любовь къ Московскому университету, о которомъ говоритъ авторъ въ своихъ Запискахъ. Покойный

сохранялъ ее до глубокой старости и, въ послѣдніе годы его, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, общество Московскихъ студентовъ было для него самымъ пріятнымъ обществомъ.

I.

Отъѣздъ мой изъ дому въ Москву.—Дорожный товарищъ.—Пріѣздъ въ Москву.—Мой фракъ.—Свиданіе съ товарищами по гимназіи.—Первая квартира.—Горе отъ Ума.—Вступительный экзаменъ.—Первое посѣщеніе аудиторіи.—Товарищи: Калугинъ, Тимковскій, Каменскій, Почека, Оболенскій, Герценъ, Огаревъ, Станкевичъ и пр.—Воспоминаніе о Лермонтовѣ.

Отецъ мой Иванъ Іосафовичъ Костенецкій и мать Евдокія Васильевна, урожденная Богдановская, жили въ своемъ небольшомъ родовомъ имѣніи, Черниговской губерніи, Конотопскаго уѣзда, въ селеніи Веровкѣ, имѣя двухъ сыновей и четырехъ дочерей. Я былъ старшій сынъ.

Въ 1827 году, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, окончилъ я гимназическое ученіе въ одной изъ трехъ гимназій Черниговской губерніи, въ Новгородъ-Сѣверской, состоявшей тогда только изъ четырехъ классовъ, въ которыхъ однакожъ преподавался полный гимназическій курсъ, и окончившіе его съ успѣхомъ могли поступать въ университетъ. По молодости моей—мнѣ было только шестнадцать лѣтъ—и по совѣту директора гимназіи, незабвеннаго для всѣхъ учениковъ своихъ, Ильи Ѳедоровича Тимковскаго *), я, хотя и съ успѣхомъ кончилъ четвертый классъ гимназіи, но остался въ немъ, для бо̀льшаго усовершенствованія, еще на годъ, такъ что я вышелъ изъ гимназіи на семнадцатомъ году возраста, и съ хорошими познаніями во всѣхъ гимназическихъ наукахъ. Я былъ первымъ ученикомъ. Въ то время, въ послѣднемъ, т.-е. въ четвертомъ классѣ гимназіи, было всего одиннадцать учениковъ, а именно, кромѣ меня: Платонъ Антоно̀вичъ, Александръ Похорскій, Григорій Курилко, Иванъ Полоникъ, Петръ Роговичъ, Иванъ Самойловичъ, Николай Шабловскій, Петръ Енько, Степанъ Ивановскій и.... одинадцатаго не припомню. Всѣ они, исключая, кажется, Похорскаго, поступили въ Московскій университетъ. Это былъ уже второй выпускъ учениковъ во время директорства Тимковскаго, а изъ перваго выпуска поступили въ Московскій же университетъ товарищи мои по первому году четвертаго класса: Николай Тимковскій,

---

*) Любопытныя и важныя Записки И. Ѳ. Тимковскаго помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 года. П. Б.

сынъ директора, Николай Калугинъ, Филиппъ Левдикъ, Яковъ Косачъ и другіе. Всѣ эти ученики, кромѣ меня, Тимковскаго, Полоника и Ивановскаго, были дѣти очень бѣдныхъ дворянъ; Курилковъ же былъ мѣщанинъ, а Полоникъ—купеческій сынъ. Всѣ они съ большимъ трудомъ, то съ товарищами, то съ обозами, могли доѣхать до Москвы, гдѣ только съ помощію товарищей и кондицій едва могли кое-какъ существовать даже въ тогдашней дешевой Москвѣ. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что между тогдашними, не только средняго состоянія, но даже и богатыми помѣщиками нашей губерніи, мало еще было стремленія къ университетамъ: вся молодежь, если она и оканчивала гимназію, то поступала или въ военную службу, или же, послуживъ до перваго чина въ гражданской службѣ, оставалась дома хозяйничать.

Такое тяготѣніе учениковъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи къ Московскому университету, не смотря на отдаленность отъ него губерніи и близость къ ней Харьковскаго университета, къ округу котораго она тогда и принадлежала, было въ слѣдствіе совѣтовъ ея директора Ильи Өедоровича Тимковскаго, который хотя самъ и былъ профессоромъ Харьковскаго университета, но всегда отдавалъ преимущество передъ нимъ Московскому университету, послалъ туда своего сына, а съ нимъ поѣхали и соученики его. Кромѣ того наши сѣверные уѣзды, изъ которыхъ была большая часть учениковъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, какъ ближайшіе къ Москвѣ, и прежде посылали туда дѣтей своихъ. Разумѣется, и нашъ выпускъ, имѣя уже товарищей въ Москвѣ, тоже туда стремился, и какъ онъ весь почти состоялъ изъ жителей сѣверныхъ уѣздовъ, то для нихъ это было дѣломъ обыкновеннымъ. Но для меня, какъ жителя южнаго уѣзда, Конотопскаго, который гораздо ближе къ Харькову чѣмъ къ Москвѣ и изъ котораго уже нѣсколько помѣщичьихъ сынковъ воспитывалось въ Харьковскомъ университетѣ (и даже одинъ мой близкій родственникъ), трудно было попасть въ Московскій университетъ, и нужны были особыя усилія, чтобы склонить къ тому моего отца, который уже и располагалъ отвезти меня, вмѣстѣ съ сыномъ своего родственника и друга, въ Харьковъ. По окончаніи гимназическаго экзамена, я обратился къ своему директору, сказалъ ему о моемъ желаніи поступить въ Московскій университетъ и о намѣреніи отца отдать меня въ Харьковскій, и директоръ, принявъ во мнѣ участіе, написалъ объ этомъ къ моему отцу. По пріѣздѣ домой на каникулы, письмо директора и мои просьбы склонили моего добраго и любившаго меня отца согласиться съ моимъ желаніемъ, и какъ я былъ радъ, когда наконецъ отецъ сказалъ мнѣ о своемъ согласіи!...

Въ то время Москва была для нашихъ помѣщиковъ какимъ-то таинственнымъ и страшнымъ городомъ, о которомъ они только кое-что слышали, и ежели кому-либо изъ нихъ, по какимъ-либо дѣламъ, случалось побывать въ ней, то, по возвращеніи домой, онъ дѣлался уже особымъ человѣкомъ: къ нему съѣзжались сосѣди и дальніе знакомые поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ и благодушно слушали его разсказы о сорока-сорокахъ церквей въ Москвѣ, объ удивительной царь-пушкѣ, объ Иванѣ Великомъ, за крестъ котораго цѣпляются облака, о стадахъ галокъ и голубей, о Московскихъ мошенникахъ, о разбойникахъ и о прочихъ подобныхъ диковинкахъ, и достаточно было уже одной поѣздки въ Москву, чтобы пріобрѣсти значеніе умнаго и образованнаго человѣка и въ высочайшей степени важнаго, который знакомъ и съ министрами, и, пожалуй, извѣстенъ даже Государю.... И такихъ бывалыхъ помѣщиковъ въ то время было, однакоже, немного. Поэтому можно судить, какую рѣшимость нужно было имѣть моему доброму, но простому, только что грамотному отцу, чтобы согласиться отпустить своего любимаго сына за тридевять земель, въ тридесятое царство! И когда ужъ онъ рѣшился, то предстоялъ немаловажный вопросъ, какъ и съ кѣмъ меня туда отправить? Сколько ни искалъ отецъ, не ѣдетъ ли кто въ Москву, чтобы и меня съ нимъ отправить, но такого попутчика не находилось, ни между помѣщиками, ни между купцами; да и невозможно было найти даже и извощика между Малороссіянами, которые ни за что̀ не поѣхали бы въ такую даль, да еще въ Московщину, гдѣ, того и гляди что зарѣжутъ проклятые Москали! Возможность отправить меня на почтовыхъ лошадяхъ, кромѣ опасности, вѣроятно не могла прійти на мысль, какъ дѣло небывалое. Къ счастію, возлѣ Батурина жилъ дворникъ, т.-е. содержатель постоялаго двора, какъ обыкновенно въ Малороссіи, изъ Русскихъ, по имени Тихонъ, который занимался и извозомъ, и его-то отецъ мой договорилъ свезти меня съ человѣкомъ за сто рублей ассигнаціями—цѣна, по тогдашнему времени, огромная!

Кажется въ Августѣ мѣсяцѣ 1828 года выѣхалъ я изъ дому въ Москву. Разлука съ родителями была самая грустная; отецъ и мать горько плакали, цѣловали меня, благословляли.... Бѣдные! Они какъ будто предчувствовали, что намъ было суждено не скоро увидѣться! Да, хотя я отправлялся въ Москву и не надолго, всего на годъ, до будущихъ каникулъ, но увидѣлся съ родителями уже черезъ тринадцать лѣтъ по возвращеніи моемъ съ Кавказа!... Разумѣется, и мнѣ грустно было оставить родительскій кровъ; но молодость моя, любопытство видѣть новыя, неизвѣстныя мнѣ мѣста и пылкое воображеніе, рисовавшее мнѣ въ розовомъ цвѣтѣ мою будущность, скоро раз-

сѣяли грусть мою, и я всей душой предался увлеченію и новизною мѣстъ, и новизною моего положенія. Телѣга Тихона, запряженная тройкой добрыхъ коней, была настоящимъ сухопутнымъ кораблемъ, по которому даже можно было ходить. Я съ моимъ сундучкомъ и человѣкомъ помѣстился въ глубинѣ кибитки, а на передкѣ ея сидѣли еще два попутчика, кучера какихъ-то офицеровъ, ѣхавшіе съ вещами господъ своихъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ очень хорошо пѣлъ Русскія пѣсни, и какъ я всегда былъ любителемъ музыки и пѣнія, то съ удовольствіемъ его заслушивался, и отъ него-то перваго я получилъ понятіе о напѣвахъ Русскихъ пѣсенъ, которыхъ я до того, живя въ Малороссіи, ни отъ кого еще не слыхалъ. Въ особенности кучеръ этотъ пѣлъ прекрасно: *Ахъ, не одна-то одна во полѣ дороженька пролегала....* мотивъ которой навсегда остался въ моей памяти. Иногда присоединялись къ нему я и мой человѣкъ, и мы втроемъ пѣли очень порядочно. Мы ѣхали очень медленно, какъ обыкновенно ѣздятъ *на долгихъ,* и до Москвы тянулись двѣнадцать дней. Дорóгой много говорили о разбойникахъ, и я въ Тулѣ купилъ себѣ пистолетъ, не столько изъ предосторожности, какъ для игрушки, который, разумѣется оказался никуда негоднымъ.

Дорóгой съѣхался я съ однимъ чиновникомъ, Ѳеофиломъ Осиповичемъ Гайдебуровымъ, ѣхавшимъ изъ Одессы въ Москву, тоже на долгихъ, человѣкомъ лѣтъ подъ тридцать и очень умнымъ и образованнымъ, учившимся въ Ришельевскомъ лицеѣ. Мы часто бесѣдовали съ нимъ о разныхъ научныхъ предметахъ, и онъ-то мнѣ, въ послѣдствіи, указалъ сочиненіе Сильвестра де Саси: La Grammaire des Grammaires—первое философское сочиненіе о грамматикѣ, которое мнѣ привелось читать и которое бросило первый ясный лучъ науки въ мою, въ то время темную еще, хотя и набитую разными свѣдѣніями, голову.

Въ Москву въѣхали мы поутру, и я съ такимъ любопытствомъ засматривался на ея дома и церкви, что самъ сдѣлался предметомъ любопытства для прохожихъ. Остановился я, вмѣстѣ съ Гайдебуровымъ, гдѣ-то на Москворѣцкомъ подворьѣ въ номерѣ и, немного отдохнувъ и умывшись, начали одѣваться, чтобы идти разсматривать Москву. Здѣсь случилось со мной одно прекуріозное происшествіе, которое еще и теперь смѣшитъ меня и надъ которымъ я часто задумываюсь. Мы начали одѣваться. У Гайдебурова было прекрасное платье, сшитое въ Одессѣ по послѣдней модѣ; но когда онъ надѣлъ свой суконный сюртукъ, то я сосмѣху покатился на кровать.—Помилуйте, началъ я говорить ему, развѣ можно въ такомъ сюртукѣ показаться на улицу: вѣдь надъ вами будутъ всѣ смѣяться! Мнѣ отъ

того показался такимъ смѣшнымъ сюртукъ Гайдебурова, что въ немъ была низкая талія, какъ разъ на поясницѣ, и узенькій воротникъ, какъ тогда носили въ столицахъ сюртуки, но какіе у насъ въ Малороссіи носили, въ то время, только старики. Гайдебуровъ нѣсколько сконфузился и, подумавъ, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ мода въ Москвѣ новѣе нежели въ Одессѣ, ничего мнѣ не отвѣчалъ. Но вотъ начинаю и я одѣваться. Не стану описывать всего своего костюма, но скажу только, что, отправляя меня въ Москву, мнѣ дома сдѣлали синяго сукна фракъ, еще первый въ жизни, сшитый нашимъ дворовымъ портнымъ, знаменитымъ въ Конотопѣ и его окрестностяхъ Дмитромъ, который одинъ только и умѣлъ шить фраки. Талія въ моемъ фракѣ была на самой спинѣ, откуда, почти до самыхъ икръ, спускались двѣ узенькихъ фалдочки; воротникъ былъ широкій, шалью, круто выдающійся на груди, и густо посаженныя мѣдныя, плоскія пуговицы доканчивали его прелесть. Вообразите же, какъ долженъ былъ быть пораженъ этимъ уродливымъ фракомъ Гайдебуровъ, человѣкъ свыкшійся съ хорошимъ Одесскимъ покроемъ платья! Разумѣется, онъ также покатился со смѣху, и мы, качаясь на кроватяхъ, долго смѣялись одинъ надъ другимъ.

Послѣ этого, вышелъ я походить по Москвѣ. У всѣхъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу порядочно одѣтыхъ мущинъ я видѣлъ фраки и сюртуки тоже съ низкими таліями и узенькими воротниками. Сначала я удивлялся, что въ Москвѣ такъ дурно одѣваются; но чрезъ нѣсколько дней, видя одно и тоже, я началъ колебаться въ моемъ вкусѣ, и фракъ мой становился для меня что-то подозрительнымъ. Однажды, а именно 30-го Августа, на Тверскомъ бульварѣ была иллюминація и гулянье, куда пускали всѣхъ лицъ, прилично одѣтыхъ. Я тоже сунулся туда въ моемъ фракѣ; но у входа грозный будочникъ закричалъ на меня: *ты куда лѣзешь, халуй!*... и не пустилъ на бульваръ. Тутъ только я уже окончательно разубѣдился въ достоинствахъ моего фрака, и на другой же день онъ полетѣлъ на толкучку.... Вотъ такъ-то часто бываетъ и со многими другими нашими убѣжденіями: усвоивши себѣ одинъ образъ мыслей, намъ кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ другой, ему противуположный; а глядишь потомъ, какъ вчитаешься, да вдумаешься, да пройдетъ время, и принимаешь потомъ то убѣжденіе, надъ которымъ когда-то смѣялся. Подобные куріозы случались со мной неоднократно въ жизни, въ разныхъ сферахъ моего міросозерцанія. Когда въ сороковыхъ годахъ возвратился я домой съ Кавказа, гдѣ у меня литературныя убѣжденія были тѣже самыя, какія я получилъ еще въ университетѣ, то есть, я былъ отъявленнымъ романтикомъ... (совершенно мой синій фракъ), встрѣтился

я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, окончившимъ университетскій курсъ, занимавшимся литературой, страстнымъ обожателемъ Гоголя и послѣдователемъ натуральной школы... (точь въ точь Одесскій сюртукъ). Когда онъ превозносилъ Гоголя и его Мертвыя Души, то я сильно съ нимъ спорилъ, находилъ сочиненія Гоголя пошлыми, грязными, вовсе не поэтическими, унижающими наше отечество.... Разумѣется, куда же ему было, по моему мнѣнію, равняться съ Марлинскимъ, Сенковскимъ, и особливо съ Дюма или Ежень-Сю! Но когда потомъ началъ я читать все, что̀ только писалось о Гоголѣ, и прислушиваться ко всему, что̀ о немъ говорилось умными людьми, и наконецъ, когда прочелъ критики Бѣлинскаго, который, какъ молотомъ.... (совершенно какъ будочникъ Тверскаго бульвара) разбилъ мой романтизмъ: тогда только я понялъ Гоголя и восхищался уже тѣмъ, что̀ прежде порицалъ. Да и не въ одной литературѣ случались подобные перевороты съ моими убѣжденіями, и эта встрѣча Конотопскаго фрака съ Одесскимъ сюртукомъ мнѣ часто приходитъ на мысль, когда начинаешь прослѣживать исторію своего умственнаго и нравственнаго прогресса.

На другой или на третій день по пріѣздѣ въ Москву пошелъ я въ театръ, взялъ билетъ на самое дешевое мѣсто и попалъ въ рай, гдѣ зрителей было тогда очень мало. Съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ я на сцену, гдѣ въ то время шелъ какой-то балетъ Кавказскій Плѣнникъ, гдѣ меня необыкновенно поразили декораціи горъ и летающій орелъ... Это была первая, видѣнная мною на театрѣ піеса, и она какъ будто была для меня предзнаменованіемъ моей Кавказской жизни!..

Началъ я отыскивать своихъ гимназическихъ товарищей, уже прежде поступившихъ въ университетъ. Отыскалъ Тимковскаго и Ивановскаго, которые очень мнѣ обрадовались, наставили меня что̀ и какъ дѣлать для поступленія въ университетъ, и хотѣли принять меня къ себѣ на квартиру; но у нихъ было тѣсно. Скоро я отыскалъ себѣ квартиру на Бронной улицѣ, въ домѣ генерала Самарина, гдѣ, у какой-то хозяйки, содержательницы прачечнаго заведенія, и поселился въ одной комнатѣ съ товарищемъ своимъ Полоникомъ (роковымъ для меня человѣкомъ въ послѣдствіи) и Животкевичемъ, тоже прежнимъ ученикомъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, но не окончившимъ въ ней курса, который уже года два проживалъ въ Москвѣ, все приготовлялся вступить въ университетъ, иногда посѣщалъ лекціи, но болѣе трактиры, гдѣ очень усовершенствовался въ биліардной игрѣ. Такъ онъ и не попалъ въ университетъ, и я въ послѣдствіи потерялъ его совершенно изъ виду. Но для меня этотъ Животкевичъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ первый познакомилъ меня съ комедіей Грибоѣдова *Горе*

отъ Ума, которая тогда только что сдѣлалась извѣстною въ Москвѣ и которую всѣ переписывали и учили наизусть. Я также переписалъ ее съ рукописи Животкевича и выучилъ наизусть. Въ послѣдствіи, встрѣчая много другихъ рукописей этой безсмертной комедіи, я находилъ въ нихъ много пропусковъ и неточностей противъ моей, а когда комедія эта была напечатана, то уже во многомъ была измѣнена и искажена, такъ что я мою рукопись, до сихъ поръ у меня сохранившуюся, всегда считаю самою вѣрною. Когда лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого былъ я въ Москвѣ, въ гостяхъ у роднаго дяди моего по матери сенатора Богдановскаго, человѣка довольно образованнаго, бывшаго когда-то въ масонской ложѣ и имѣвшаго тогда сына, студента Московскаго университета: то я, сидя съ дядей и его сыномъ въ кабинетѣ (а въ это время въ гостиной сидѣло много гостей) началъ читать имъ наизусть нѣкоторыя сцены изъ Горе отъ Ума. Они очень удивились тому, что эти сцены они слышатъ еще въ первый разъ, и когда дядя сказалъ объ этомъ своимъ гостямъ, то всѣ просили меня прочитать имъ эти сцены, и всѣ они потомъ заявили, что никогда ихъ не читали и не слышали. Такъ эта безсмертная комедія была оборвана и изуродована тогдашнею нашей цензурой, и преданія и вѣрныя рукописи изчезли даже между студентами!

Подавши прошеніе о принятіи меня въ университетъ по *этико-политическому* факультету, какъ назывался тогда юридическій факультетъ, сталъ я ходить въ правленіе университета, помѣщавшееся тогда въ нижнемъ этажѣ главнаго стараго корпуса, на лѣво отъ входа со двора въ главный корридоръ; въ правленіи тогда экзаменовали поступающихъ въ университетъ. Со скромностію и застѣнчивостію провинціала, стоялъ я съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ большой комнатѣ канцеляріи правленія, межъ тѣмъ какъ гимназисты другихъ гимназій, а особливо Московскихъ, щегольски одѣтые, съ форсомъ мимо насъ расхаживали и гордо на насъ посматривали. Мнѣ вспомнился разсказываемый тогда же давнишній анекдотъ про гимназистовъ-хохликовъ въ Москвѣ. Собравшись въ кучку, нѣсколько человѣкъ, въ своихъ старомодныхъ костюмахъ, стояли они смирно въ канцеляріи университетскаго правленія, когда вошелъ ректоръ и обратился къ нимъ съ вопросомъ: вы чтó за люди? Вопросомъ этимъ они обидѣлись, и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: Мы не люди, мы Черниговскіе дворяне! Анекдотъ этотъ дѣйствительно вѣрно характеризуетъ положеніе тогдашнихъ нашихъ робкихъ хохликовъ въ столицѣ и ихъ высокомѣрное понятіе о своемъ дворянскомъ достоинствѣ.

Нѣсколько дней ходилъ я въ правленіе, дожидаясь очереди экзамена; когда же наступила эта очередь, то сначала, днемъ, усадили

насъ всѣхъ очередныхъ въ канцелярской комнатѣ правленія и задали намъ какую-то тему, на которую мы должны были написать наши разсужденія, а вечеромъ уже начали экзаменовать, вызывая по одиночкѣ изъ канцеляріи въ присутствіе правленія за стеклянную дверь, гдѣ, за покрытымъ краснымъ сукномъ столомъ, сидѣли ректоръ Двигубскій и нѣсколько профессоровъ. Долго я съ нетерпѣніемъ и біеніемъ сердца ожидалъ призыва меня на экзаменъ, и когда, уже почти къ полуночи, позвали меня, то, я со страхомъ и трепетомъ вступилъ за стеклянную дверь. Экзаменаторами были: изъ Всеобщей исторіи — Погодинъ, изъ Русской словесности—Мерзляковъ, изъ Латинскаго языка—Кубаревъ, изъ Греческаго—Ивашковскій, изъ Математики и прочихъ предметовъ—уже не помню кто. Я поочередно переходилъ отъ одного профессора къ другому, и отвѣчалъ такъ хорошо, что когда ректоръ спросилъ меня, наконецъ, изъ которой я гимназіи и я сказалъ, что изъ Новгородъ-Сѣверской, то онъ воскликнулъ: Давно бы вы это сказали; мы бы васъ и не экзаменовали! Экзаменъ кончился, я вышелъ изъ присутствія; послѣ меня еще кого-то экзаменовали, но я не уходилъ домой: мнѣ хотѣлось тогда же знать, буду ли я принятъ въ университетъ, и для этого я дожидался окончанія засѣданія, чтобы спросить о себѣ кого-либо изъ профессоровъ. Когда стали выходить изъ присутствія, я осмѣлился подойти къ Михаилу Петровичу Погодину, котораго личность, какъ молодаго еще человѣка, меня болѣе всѣхъ привлекла, и спросилъ его: могу ли я надѣяться быть принятымъ въ университетъ? О, безъ сомнѣнія! отвѣчалъ онъ. Кого же и принимать, если не такихъ гимназистовъ какъ вы? Я несказанно обрадовался, побѣжалъ стремглавъ на квартиру по едва освѣщенной Никитской улицѣ, наткнулся на какое-то бревно, преспокойно лежавшее поперекъ тротуара и сильно ушибся... И такъ, я наконецъ принятъ въ университетъ и сдѣлался студентомъ! Блаженное то было время! Я радовался какъ ребенокъ и чувствовалъ себя тогда выше всего на свѣтѣ....

Сшилъ себѣ форменное студенческое платье изъ синяго сукна съ малиновымъ воротникомъ на мундирѣ, съ двумя вышитыми золотомъ петлицами. Отпраздновавъ по обыкновенію съ товарищами мое вступленіе въ университетъ, явился я, наконецъ, въ аудиторію политическаго факультета, помѣщавшуюся тогда во второмъ этажѣ стараго университета, на право отъ параднаго входа съ задняго двора, имѣвшую три комнаты, окнами на задній дворъ: переднюю, залъ или собственно аудиторію, и за ней еще комнату для прогулки студентовъ, каковыхъ удобствъ не имѣли другіе факультеты. Въ аудиторіи было три отдѣленія скамеекъ, расположенныхъ противъ каѳедры и противъ оконъ, скамеекъ по шести или по семи въ каждомъ отдѣленіи, устро-

енныхъ амфитеатромъ, такъ что на послѣднія скамьи едва съ трудомъ можно было взобраться. Кромѣ того, еще рядомъ съ каѳедрой, вдоль оконной стѣны, стояло три скамейки, между которыми и супротивными скамьями оставался проходъ не шире сажени. По входѣ въ аудиторію я сѣлъ на вторую скамью, третьяго отъ входа отдѣленія, возлѣ товарища своего Калугина и, не смѣя сойти съ мѣста, робко посматривалъ на прочихъ студентовъ, смѣло расхаживавшихъ по аудиторіи. Около меня и Калугина садились и другіе наши же товарищи по гимназіи, и скамья эта такъ на всегда за нами и осталась, и ее прозвали Малороссійской колоніей. Въ то время каждый студентъ садился гдѣ ему было угодно, и въ обыкновеніи было, прійдя въ аудиторію, положить шапку на избранное мѣсто, котораго послѣ этого никто уже не смѣлъ занять, что̀ и называлось шапочнымъ правомъ. Но почти каждый студентъ занималъ всегда одно и тоже мѣсто, и поэтому каждый зналъ мѣсто другаго и не занималъ его. Я и теперь помню, гдѣ кто сидѣлъ изъ моихъ товарищей.

Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе сорока лѣтъ. Трудно мнѣ припомнить теперь многихъ моихъ товарищей и современниковъ по университету, и потому скажу здѣсь нѣчто о тѣхъ только изъ нихъ, безъ различія курсовъ, съ которыми я, или въ послѣдствіи времени встрѣчался, или они чѣмъ-либо заявили о своемъ существованіи.

Я уже упомянулъ о Николаѣ Николаевичѣ Калугинѣ. Онъ былъ уже студентомъ втораго курса и старѣе годами всѣхъ прочихъ товарищей, такъ что мы всѣ называли его дядюшкой. Онъ очень хорошо занимался науками, въ особенности, еще въ гимназіи отличался знаніемъ Исторіи, имѣлъ удивительную способность, почти стенографическую, записывать слово въ слово лекціи, которыя у него были записаны всѣ по всѣмъ предметамъ, и которыми я очень много пользовался. Онъ былъ очень добръ, подѣльчивъ и благороденъ, но скрытенъ въ своей жизни, любилъ пошутить и посмѣяться, но не любилъ ни спорить о чемъ-либо, ни увлекаться, ни высказываться... былъ человѣкъ положительный. Мы всѣ его очень любили и уважали; но никто не зналъ ни его квартиры, ни чѣмъ и какъ онъ живетъ. Въ послѣдствіи, выйдя изъ университета кандидатомъ, онъ служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ былъ потомъ начальникомъ отдѣленія, служилъ усердно, честно, трудился много и жилъ скромно, зналъ только департаментъ и церковь, не составилъ себѣ никакого состоянія и вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ пенсіономъ въ 500 рублей, съ лысиной и гемороемъ. Теперь живетъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, гдѣ по смерти своего брата, получилъ порядочное имѣніе и женился... Неоднакратно, въ разные

промежутки времени, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ и находилъ его всегда такимъ же веселымъ и безпечнымъ, какимъ онъ былъ и студентомъ.

Каменскій, Павелъ Павловичъ. Онъ учился въ какомъ-то Московскомъ пенсіонѣ, кажется Галушки, гдѣ содержалъ его родной дядя, бывшій тогда въ Москвѣ частнымъ приставомъ. Какъ Москвичъ, онъ держалъ себя очень гордо противъ провинціаловъ, да и по характеру былъ спѣсивъ и высокомѣренъ, много о себѣ думалъ и ставилъ себя выше всѣхъ. Столичное, поверхностное пенсіонское воспитаніе и баловство развили въ немъ страсть къ жуированію, къ общественнымъ развлеченіямъ, къ кутежу и мотовству, что̀ въ послѣдствіи и погубило его. Онъ безспорно имѣлъ много способностей и въ послѣдствіи обнаружилъ и свой литературный талантъ, но въ университетѣ занимался слабо, хотя и считалъ себя болѣе всѣхъ знающимъ. Онъ не кончилъ курса въ университетѣ. Послѣ извѣстной университетской исторіи, въ слѣдствіе которой я попалъ на Кавказъ, Каменскій, за какіе-то свободные разговоры, былъ удаленъ изъ университета и посланъ въ военную службу на Кавказъ, въ Грузинскій гренадерскій полкъ, гдѣ я съ нимъ и встрѣтился въ 1833 году, въ одной изъ экспедицій въ Чечнѣ. Это былъ въ полномъ смыслѣ добрый малый, но страшный гуляка. Вся его Кавказская жизнь была разгуломъ, но разгуломъ не какимъ-нибудь низкимъ и грязнымъ, а изящнымъ. Онъ имѣлъ удивительную способность увлекать каждаго и всѣхъ къ веселому препровожденію времени и, будучи самъ бѣденъ, очень искусно умѣлъ выманывать и тратить чужія деньги. Гдѣ онъ только былъ, въ Тифлисѣ ли, въ полку ли, вездѣ умѣлъ подвинуть общество къ баламъ, къ обѣдамъ, къ попойкамъ, на которыхъ онъ отлично танцовалъ, пѣлъ, пилъ, ораторствовалъ, любезничалъ съ дамами, однимъ словомъ былъ душою общества и, будучи собою красавецъ, восхищалъ и плѣнялъ собою всѣхъ дамъ. Но всегда выходило такъ, что сначала всѣ его полюбятъ, носятъ его на рукахъ; но когда онъ всѣхъ разоритъ и надѣлаетъ интригъ, то его потомъ отовсюду гонятъ. На Кавказѣ онъ прослужилъ юнкеромъ года три, получилъ серебряный Георгіевскій крестъ и вышелъ въ отставку четырнадцатымъ классомъ. Послѣ этого онъ жилъ въ Петербургѣ, занимался литературой, писалъ повѣсти въ духѣ Марлинскаго и познакомился съ вице-президентомъ Академіи Художествъ, графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Толстымъ, на дочери котораго Маріѣ Ѳедоровнѣ—прелестной и образованной дѣвицѣ—и женился. Казалось бы, что, вступя въ родство съ человѣкомъ, высокостоящимъ и въ служебной, и въ общественной сферѣ и пользовавшимся расположеніемъ къ себѣ всей царской фамиліи, Каменскій могъ

бы составить себѣ хорошую карьеру, и въ послѣдствіи достигнуть знатности и богатства. Дѣйствительно, по ходатайству своего тестя, онъ поступилъ на службу, въ Собственную Его Величества Канцелярію. Но не такова была его пылкая натура, не таково было его стремленіе, испорченное вообще тогдашнимъ направленіемъ лучшей молодежи, которая, не видя правильнаго пути, сокрытаго отъ нея всѣми возможными преградами администраціи и цензуры, стремилась къ какимъ-то туманнымъ и фальшивымъ цѣлямъ.... Къ тому же и собственная его распущенность и страсть къ похожденіямъ и наслажденіямъ окончательно сбили его съ толку. Вмѣсто того чтобы, наслаждаясь семейною жизнію съ такой милой женой, служить честно и усердно и быть въ послѣдствіи полезнымъ обществу, какъ дѣятельный и образованный администраторъ... онъ, обрадовавшись деньгамъ, полученнымъ въ приданое за женою, вдругъ изчезъ неизвѣстно куда изъ Петербурга. Долго не знали, куда онъ дѣвался, и только года черезъ полтора узнали, что онъ находится въ Сѣверной Америкѣ, откуда наконецъ, промотавъ всѣ деньги, онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ, только изъ соболѣзнованія къ его женѣ и тестю, оставили этотъ его противузаконный поступокъ безъ всякихъ, особо непріятныхъ для него послѣдствій. Въ 1850 году, когда я еще въ первый разъ былъ въ Петербургѣ, видѣлся я съ Каменскимъ и былъ у него на квартирѣ. Онъ имѣлъ уже сына и двухъ дочерей, и мнѣ очень пріятно было проводить у него время. Я былъ въ восторгѣ отъ его милой и умной жены, которая съ такимъ геройствомъ переносила всевозможныя лишенія (они жили очень бѣдно). У него я познакомился и съ его тестемъ, достойнѣйшимъ графомъ Толстымъ, у котораго потомъ бывалъ въ домѣ. Каменскій тогда нигдѣ не служилъ, жилъ на счетъ своего тестя, занимался изрѣдка литературою, и все же не оставлялъ давнишней своей страсти у каждаго занимать денегъ и веселиться, когда хоть что нибудь заведется въ карманѣ. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого, еще разъ видѣлъ я его въ Петербургѣ, но въ какомъ положеніи! Онъ шлялся по гостинницамъ и трактирамъ, оборванный, пьяный и протягивалъ руку, прося подаянія!.... Что̀ послѣ сталось съ нимъ, не знаю.

Кромѣ того, современниками моими и одного факультета были: Януарій Михайловичъ Невѣровъ, нынѣшній попечитель Ставропольскаго учебнаго округа, Петръ Савостьяновъ, прославившійся потомъ археологическими трудами, Александръ Васильевичъ Назаровъ, теперешній предсѣдатель Московскаго Коммерческаго Суда, два брата Цвѣтаевы—дѣти профессора, Перегудовъ, Тюринъ, графъ Иванъ Петровичъ Толстой, князь Шаховской, князь Андрей Оболенскій, Алексѣй Демидовъ, Вадимъ Пассекъ и Станкевичъ, сдѣлавшійся въ по-

слѣдствіи извѣстнымъ по вліянію своему на свой кружокъ. Съ Станкевичемъ я былъ довольно знакòмъ, бывая у него на квартирѣ у профессора Павлова. Иногда онъ читалъ мнѣ свои стихотворенія, даже какую-то написанную имъ трагедію въ стихахъ, кажется «Димитрій Донской». Это былъ очень скромный и кроткій какъ ангелъ юноша, вполнѣ предавшійся наукамъ и поэзіи.

Изъ студентовъ другихъ факультетовъ были болѣе или менѣе со мною знакомы:

Яковъ Ивановичъ Почека, словеснаго факультета, сынъ помѣщика Нѣжинскаго уѣзда, имѣвшій значительное состояніе. Это былъ добрый, благородный и великодушный юноша. Съ нимъ я былъ очень друженъ и въ университетѣ, и потомъ на родинѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своихъ сосѣдей и уже въ преклонныхъ лѣтахъ, женясь на молодой дѣвушкѣ, вскорѣ умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ дочерей.

Иванъ Аѳанасьевичъ Оболенскій, тоже словеснаго факультета. Это былъ очень образованный и превосходный молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ очень друженъ, но съ которымъ послѣ университета никогда уже не встрѣчался и не знаю что̀ съ нимъ случилось.

Николай Огаревъ, *Герценъ* и *Закревскій* составляли какой-то тріумвиратъ, и хотя они были и разныхъ факультетовъ (Герценъ—математическаго, Огаревъ и Закревскій—словеснаго), но они всегда ходили вмѣстѣ и неразлучно. Герценъ былъ худенькій, маленькій, юноша, съ коротко остриженными свѣтлыми волосами и желтымъ угреватымъ лицемъ. Онъ былъ очень живой, бойкій, всегда смѣющійся, вѣчно движущійся... но съ нимъ я былъ мало знакомъ. Огаревъ, напротивъ, былъ серіозенъ, скроменъ, всегда какъ бы задумчивъ. Съ нимъ я хорошо сошелся; мы часто вмѣстѣ читали по нѣмецки Шиллера, и онъ подарилъ мнѣ четыре стереотипныхъ томика сочиненій этого поэта, написавъ на каждой книжечкѣ: *Якову отъ Николая*, которыя, не смотря на всѣ мои превратности въ жизни, и самъ не знаю какимъ чудомъ, сохранились у меня до настоящаго времени—единственная вещь, уцѣлѣвшая изъ моего студенческаго періода. Когда я вспоминаю объ этихъ двухъ знаменитыхъ личностяхъ, Герценѣ и Огаревѣ, мнѣ всегда становится жаль, что они ушли изъ своего отечества, которому могли бы быть очень полезны...

Филиппъ Лонгиновичъ Левдикъ, студентъ математическаго факультета, товарищъ мой еще по гимназіи, гдѣ онъ учился превосходно и имѣлъ особенный даръ къ математикѣ. Изъ университета онъ вышелъ кандидатомъ, служилъ потомъ по военному министерству и послѣднее время былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и правителемъ

дѣлъ артилерійскаго департамента. Это былъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ чиновниковъ; говорили, что уставъ эмеритальной кассы ему обязанъ своимъ существованіемъ. Въ послѣдствіи, я часто видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ въ кругу его милаго семейства очень пріятно проводилъ время. Онъ всегда оставался такимъ же, какимъ я зналъ его еще въ гимназіи, веселымъ, добрымъ и простымъ человѣкомъ, безъ всякой спеси или бюрократическаго важничанья. Теперь его уже нѣтъ на свѣтѣ.

Альбини, Николай Антоновичъ, Москвичъ, политическаго факультета. Въ послѣдствіи, онъ служилъ въ драгунахъ, былъ адъютантомъ у генерала Граббе, съ назначеніемъ котораго командующимъ войсками на Кавказской линіи и Альбини прибылъ въ Ставрополь, гдѣ мы съ нимъ встрѣтились, вмѣстѣ служили и очень подружились. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, отличный товарищъ, готовый помогать каждому и много дѣлавшій нуждающимся невозвратныхъ одолженій. Войдя въ отставку капитаномъ, женился и живетъ теперь помѣщикомъ Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

Когда уже я былъ на третьемъ курсѣ, въ 1831 году, поступилъ въ университетъ по политическому же факультету, *Лермонтовъ,* неуклюжій, сутуловатый, маленькій, лѣтъ шестнадцати юноша, брюнетъ, съ лицемъ оливковаго цвѣта и большими черными глазами, какъ бы изъ подлобья смотрѣвшими. Вообще студенты послѣдняго курса не очень-то сходились съ первокурсниками, и потому и я былъ мало знакомъ съ Лермонтовымъ, хотя онъ и часто подлѣ меня садился на лекціяхъ; тогда еще никто и не подозрѣвалъ въ немъ никакого поэтическаго таланта. Кстати разскажу теперь всѣ мои случайныя встрѣчи съ этимъ знаменитымъ поэтомъ. На Кавказѣ, въ 1841 году, находился я въ Ставрополѣ, въ штабѣ командующаго войсками въ то время генерала Граббе, гдѣ я, въ должности старшаго адъютанта, завѣдывалъ первымъ, т. е. строевымъ отдѣленіемъ штаба. Однажды входитъ ко мнѣ въ канцелярію штаба офицеръ въ полной формѣ и рекомендуется поручикомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовымъ. Въ то время мнѣ уже были извѣстны его поэтическія произведенія, возбуждавшія такой восторгъ, и поэтому я съ особеннымъ волненіемъ сталъ смотрѣть на него и, попросивъ его садиться, спросилъ, не учился ли онъ въ Московскомъ университетѣ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ ему мою фамилію, и онъ припомнилъ наше университетское съ нимъ знакомство. Послѣ этого онъ объяснилъ мнѣ свою надобность, приведшую его въ канцелярію штаба: ему хотѣлось знать, что̀ сдѣлано по запросу объ немъ военнаго министра. Я какъ-то и не помнилъ этой бумаги, велѣлъ писарю оты-

скать ее, и когда писарь принесъ мнѣ бумагу, то я прочиталъ ее Лермонтову. Въ бумагѣ этой къ командующему войсками военный министръ писалъ, что Государь Императоръ, вслѣдствіе ходатайства бабки поручика Тенгинскаго полка Лермонтова (такой-то, не помню фамиліи) объ отпускѣ его въ С.-Петербургъ для свиданія съ нею, приказалъ узнать о службѣ, поведеніи и образѣ жизни означеннаго офицера.—«Что же вы будете отвѣчать на это?» спросилъ меня Лермонтовъ. По обыкновенію въ штабѣ, по нѣкоторымъ бумагамъ, не требующимъ какой-либо особенной отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вотъ въ эту-то категорію попалъ какъ-то случайно и запросъ министра о Лермонтовѣ, и писарь начернилъ и отвѣтъ на него.—«А вотъ вамъ и отвѣтъ», сказалъ я засмѣявшись, и началъ читать Лермонтову черновой отпускъ, составленный писаремъ, въ которомъ было сказано, что такой-то поручикъ Лермонтовъ служитъ исправно, ведетъ жизнь трезвую и добропорядочную и ни въ какихъ злокачественныхъ поступкахъ не замѣченъ... Лермонтовъ расхохотался надъ такой его атестаціей и просилъ меня нисколько не измѣнять ея выраженій и этими же самыми словами отвѣчать министру, чего, разумѣется, нельзя было такъ оставить.

Послѣ этого тотъ часъ же былъ посланъ министру самый лестный объ немъ отзывъ, вслѣдствіе котораго и былъ разрѣшенъ ему двадцативосьмидневный отпускъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ 1841 роковаго для Лермонтова года, зимою. Въ Маѣ мѣсяцѣ, я, по случаю болѣзни, отправился въ Пятигорскъ для пользованія минеральными водами. Вскорѣ пріѣхалъ туда и Лермонтовъ, возвратившійся уже изъ Петербурга. Въ Пятигорскѣ знакомство мое съ Лермонтовымъ ограничивалось только нѣсколькими словами при встрѣчахъ. Сойтиться ближе мы не могли. Вопервыхъ, онъ былъ вовсе не симпатичная личность, и скорѣе отталкивающая, нежели привлекающая, а главное, въ то время, даже и на Кавказѣ, былъ особенный, извѣстный родъ изящныхъ людей, людей свѣтскихъ, считавшихъ себя выше другихъ по своимъ аристократическимъ манерамъ и свѣтскому образованію, постоянно говорящихъ по-французски, развязныхъ въ обществѣ, ловкихъ и смѣлыхъ съ женщинами и высокомѣрно презирающихъ весь остальной людъ, которые, съ высоты своего величія, гордо смотрѣли на нашего брата армейскаго офицера и сходились съ нами развѣ только въ экспедиціяхъ, гдѣ мы въ свою очередь съ презрѣніемъ на нихъ смотрѣли и издѣвались надъ ихъ аристократизмомъ. Къ этой категоріи принадлежала большая часть гвардейскихъ офицеровъ, ежегодно тогда посылаемыхъ на Кавказъ, и къ этой же категоріи принадлежалъ и Лермонтовъ, который, сверхъ того, и по ха-

рактеру своему не любилъ дружиться съ людьми: онъ всегда былъ ѣдокъ и высокомѣренъ, и едва ли онъ имѣлъ хоть одного друга въ жизни.

Выдержавъ курсъ лѣченія минеральными водами, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1841 года, я уѣхалъ изъ Пятигорска и, имѣя отпускъ, прямо поѣхалъ домой въ Малороссію, гдѣ, скоро по пріѣздѣ, получилъ отъ одного моего пріятеля изъ Ставрополя письмо, извѣстившее меня о гибельной для Лермонтова дуэли его съ Мартыновымъ. Считаю нелишнимъ разсказать здѣсь все, что̀ я только зналъ и слышалъ въ Пятигорскѣ и потомъ узналъ изъ писемъ ко мнѣ Кавказскихъ товарищей, объ отношеніяхъ Лермонтова къ Мартынову и объ ихъ дуэли— свѣдѣнія, за вѣрность которыхъ я, хотя и не могу ручаться, но какъ они разсказывались и до, и вскорѣ послѣ самаго этого происшествія, то я думаю, что въ нихъ есть часть правды.

Мартыновыхъ было два брата, оба гвардейскіе офицеры. Старшій изъ нихъ въ 1839 году прибылъ на Кавказъ, былъ прикомандированъ къ нашему Куринскому полку, участвовалъ въ экспедиціи этого года подъ Ахульго, гдѣ былъ слегка раненъ пулей въ бровь и, получивъ Владимира 4-й степени съ бантомъ, уѣхалъ въ Ставрополь, куда въ 1840 году прибылъ и его меньшой братъ. Въ это время я служилъ въ Ставрополѣ при штабѣ и квартировалъ вмѣстѣ съ адъютантами генерала Граббе, Альбини (моимъ университетскимъ товарищемъ) и Викторовымъ, хорошо игравшимъ на фортепіано. Къ намъ на квартиру почти каждый день приходилъ меньшой Мартыновъ. Это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, блондинъ, со вздернутымъ немного носомъ и высокаго роста. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепіано романсы и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ и орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего маіоромъ, не имѣлъ никакого ордена и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодаго человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отростилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ Черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, въ нахлобученной бѣлой папахѣ, вѣчно мрачный и молчаливый! Какая была причина такой скорой съ нимъ перемѣны, осталось мнѣ неизвѣстнымъ: знакомство мое съ нимъ въ это время было, какъ говорится, шапочное, и хотя въ послѣдствіи, уже на Желѣзныхъ водахъ, гдѣ насъ было всего только два паціента, я съ нимъ и сошелся нѣсколько ближе, но все

же не на столько, чтобы имѣть право на его откровенность. Мнѣ кажется, причиною такого страннаго образа дѣйствій Мартынова было тогдашнее романтическое направленіе нашего образованнаго юношества и желаніе играть роль Печорина, героя того времени, котораго Мартыновъ, къ несчастію, и дѣйствительно вполнѣ олицетворилъ собою.

Когда Лермонтовъ былъ въ Петербургѣ [1]), гдѣ онъ былъ знакомъ съ родными Мартынова, то ему будто бы очень понравилась сестра Мартынова, и онъ хотѣлъ было на ней жениться, о чемъ будто бы и объяснялся съ отцомъ дѣвицы. Но отецъ, будучи не очень-то хорошаго мнѣнія о Лермонтовѣ, далъ ему уклончивый отвѣтъ. Когда Лермонтовъ, передъ отъѣздомъ на Кавказъ [2]), пришелъ проститься съ семействомъ Мартынова, то отецъ просилъ его доставить письмо къ своему сыну, со вложеніемъ 500 р. Лермонтовъ взялъ письмо и, предполагая, что вѣроятно въ немъ отецъ пишетъ къ своему сыну что нибудь о его предложеніи, и желая знать его о себѣ мнѣніе, дорогою, будто бы, распечаталъ письмо, въ которомъ и прочелъ самый неблагопріятный о себѣ отзывъ старика Мартынова. Письмо это Лермонтовъ уничтожилъ, а по пріѣздѣ сказалъ Мартынову, что у него было къ нему отъ его отца письмо съ деньгами, но что онъ его потерялъ, деньги же отдалъ Мартынову. Вотъ это-то, будто бы, и было причиною тайнаго неудовольствія Лермонтова на Мартынова, хотя по наружности онъ оставался его другомъ.

Въ Пятигорскѣ жило въ то время семейство генерала Верзилина, находившагося на службѣ въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ, состоявшее изъ матери и трехъ взрослыхъ дочерей дѣвицъ. Это былъ единственный домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ, почти ежедневно, собиралась вся изящная молодежь Пятигорскихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были Лермонтовъ и Мартыновъ. Въ особенности привлекала въ этотъ домъ старшая Верзилина, Эмилія, дѣвушка уже немолодая, которая еще во время посѣщенія Пятигорска Пушкинымъ прославлена была имъ какъ звѣзда Кавказа, дѣвушка очень умная, образованная, свѣтская, до невѣроятности обворожительная и превосходная музыкантша на фортепіано, отъ чего въ домѣ ихъ, кромѣ фешенабельной молодежи, собирались и музыканты, но въ то время уже очень увядшая и пользовавшаяся незавидной репутаціей. Она была лихая наѣздница, часто составляла кавалькады, на которыхъ была одѣта всегда въ какомъ-нибудь фантастическомъ костюмѣ. Разсказывали, что однажды пришелъ къ Верзилинымъ Лермонтовъ въ то время, какъ Эмилія,

---

[1]) Роковое письмо было написано, не изъ Петербурга, а изъ Пятигорска въ экспедицію, какъ передавалъ намъ Н. С. Мартыновъ. П. Б.

[2]) Въ экспедицію изъ Пятигорска. П. Б.

окруженная толпой молодыхъ наѣздниковъ, собиралась ѣхать верхомъ куда-то за городъ. Она была опоясана Черкесскимъ хорошенькимъ кушакомъ, на которомъ висѣлъ маленькій, самой изящной работы Черкесскій кинжальчикъ. Вынувъ его изъ ноженъ и показывая Лермонтову, она спросила его: не правда-ли хорошенькій кинжальчикъ?— Да, очень хорошъ, отвѣчалъ онъ; *имъ особенно ловко колоть дѣтей!* намекая этимъ язвительнымъ и дерзкимъ отвѣтомъ на ходившую про нее молву. Это характеризуетъ язвительность и злость Лермонтова, который, какъ говорится, для краснаго словца не щадилъ ни матери ни отца.

Такъ, говорили, поступалъ онъ и съ Мартыновымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ отпуская ему въ публикѣ самыя ѣдкія колкости. Мартыновъ, будто бы, неоднократно просилъ его не говорить ему такихъ колкостей въ обществѣ, а особливо при дамахъ, на которыя ему, какъ другу его, хотя и не слѣдуетъ сердиться, но и сносить же ихъ можетъ быть для него иногда предосудительнымъ, и что подобныя пререканія между ними могутъ довести ихъ до самыхъ непріятныхъ послѣдствій. Но Лермонтовъ не унимался, и даже какъ бы нарочно, еще болѣе старался раздражать Мартынова, и наконецъ, когда однажды, въ домѣ же Верзилиныхъ, Лермонтовъ, издѣваясь при дамахъ надъ костюмомъ Мартынова и его кинжаломъ, саркастически назвалъ его какъ бы даннымъ ему прозвищемъ, *г. большой кинжалъ* (m-r le grand poignard), то Мартыновъ не выдержалъ болѣе, будто бы, отвѣчалъ ему при всѣхъ: *послѣ этого я вижу, что ты большой дуракъ!...* и это, будто бы, и было поводомъ къ ихъ роковой дуэли.

Насколько все выше сказанное мною справедливо, утверждать не берусь; но считаю интересными всѣ эти, даже быть можетъ и невѣрные, разсказы, какъ выражающіе характеръ Лермонтова и показывающіе не-симпатію къ его личности того общества, которое такъ восхищалось его поэзіей.

Возвращаюсь къ моей студенческой жизни. Простоявъ мѣсяцъ на квартирѣ въ Бронной съ Полоникомъ и Животкевичемъ, согласились мы съ Тимковскимъ и Степаномъ Алексѣевичемъ Ивановскимъ, тоже товарищемъ моимъ по гимназіи, жить вмѣстѣ, для чего и наняли квартиру въ Старой Конюшенной, недалеко отъ Пречистенскаго бульвара. Квартира наша, во второмъ этажѣ, состояла изъ передней, залы и двухъ особыхъ комнатъ. Тимковскій, хотя былъ между нами главнымъ соквартирантомъ, уступилъ мнѣ и Ивановскому особыя комнаты, а самъ помѣстился въ общей, проходной залѣ—черта его великодушія. Тимковскій имѣлъ для услуги своего крѣпостнаго человѣка (я своего человѣка отдалъ въ обученіе портному Нѣмцу); да нанимали еще кухарку и жили на своемъ содержаніи. Обѣдъ и ужинъ состоялъ у насъ

изъ трехъ блюдъ, а утромъ и вечеромъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ или сухариками. Часто у насъ обѣдалъ кто-либо изъ товарищей, а къ вечернему чаю приходило ихъ и по нѣскольку, и все это содержаніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, мебелью и мытьемъ бѣлья, стоило намъ въ мѣсяцъ, на каждаго квартиранта по тридцати рублей ассигнаціями: такъ было въ то время все дешево въ Москвѣ! Это было самое пріятнѣйшее соквартированіе. Мы жили между собою очень дружно, занимались лекціями и чтеніемъ книгъ. Къ намъ часто собирались студенты, бесѣдовали, спорили или читали, пили чай и курили трубки. Мы тогда не знали ни картъ, ни вина.

Знакомыхъ въ Москвѣ я еще никого не имѣлъ, и единственнымъ моимъ развлеченіемъ и удовольствіемъ въ свободное праздничное время, былъ театръ, гдѣ въ то время играли первокласные артисты: Мочаловъ, Щепкинъ, Сабуровъ, Живокини, Львова-Синецкая и Рѣпина. Въ особенности, приводили меня въ восторгъ трагедіи, и игра Мочалова восхищала меня до упоенія. Въ «Жизни Игрока» и въ «Разбойникахъ» онъ былъ неподражаемъ! Когда играли разбойниковъ Шиллера въ первый разъ, игра Мочалова до того была восхитительна, что вся публика, которой, разумѣется, было биткомъ набито, была въ какомъ-то опьяненіи. До сихъ поръ не могу забыть поразительной его игры въ сценѣ свиданія Карла Мора съ своимъ отцомъ. Когда къ нему товарищи его разбойники вынесли, изъ подземелья башни, дряхлаго и едва живаго старика, и онъ, обращаясь къ нимъ, сказалъ, указывая на старика—*это отецъ мой!* то въ театрѣ, среди мертвой тишины, вдругъ послышался невольный стонъ всей публики. У меня волосы стали дыбомъ и замерло дыханіе, и на меня послѣ этого ни одинъ уже актеръ не производилъ такого впечатлѣнія. Даже самъ Мочаловъ, играя въ другой разъ эту же сцену, никогда уже не могъ произнести этихъ словъ съ такою потрясающею силой. Такъ онъ всегда игралъ болѣе по своему внутреннему чувству, нежели по искусству. У насъ часто бывало между студентами возникалъ споръ объ игрѣ Мочалова и Каратыгина. Я видѣлъ Каратыгина въ *Жизни Игрока*; но мнѣ не понравилась его напыщенная и холодная декламація и во всей его игрѣ, кромѣ искусства, вовсе не было никакаго чувства. Поэтому Каратыгинъ всѣ свои роли всегда игралъ одинаково; межъ тѣмъ Мочаловъ, смотря по расположенію, каждый разъ игралъ иначе: когда онъ былъ не въ духѣ, то и игралъ нехорошо; но когда онъ воодушевлялся, то съ тѣмъ вмѣстѣ воодушевлялъ и всѣхъ зрителей

(Продолженіе будетъ).

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА П. В. ЗАВАДОВСКАГО.

Замѣтки.

Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я, въ свое время, напечатанную въ 3-й книгѣ „Русскаго Архива“ за 1883 годъ превосходную біографію графа П. В. Завадовскаго, составленную И. С. Листовскимъ, преимущественно на основаніи фамильныхъ бумагъ, хранящихся у него и писемъ графа Завадовскаго, напечатанныхъ въ XII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. До этого у насъ не было не только хорошей, но даже никакой біографіи этого крупнаго въ исторіи нашей дѣятеля; а потому всѣмъ интересующимся отечественною стариною нельзя не быть искренно благодарными достопочтенному составителю этой біографіи.

Тѣмъ не менѣе, въ виду трудности составленія подобной біографіи, занимающей 94 страницы, въ нее естественно вкрались нѣсколько неточностей и недомолвокъ, которыя здѣсь, по возможности, исправляются и пополняются, преимущественно на основаніи тѣхъ бумагъ графа Завадовскаго, которыя хранятся въ моемъ архивѣ, частью же по напечатаннымъ достовѣрнымъ даннымъ.

—

На стр. 81 и 82 отецъ графа Петра Васильевича Завадовскаго названъ *Васильемъ Ѳедоровичемъ*; между тѣмъ изъ подлинной грамоты императора Франца II-го, пожалованной П. В. Завадовскому съ двумя его братьями на графскій Римской имперіи титулъ и хранящейся въ моемъ архивѣ, видно, что этого отца звали *Василій Васильевичъ*. „А какъ потомъ дѣдъ его (графа П. В. Завадовскаго) Василій и отецъ Василій Завадовскіе, сказано въ переводѣ съ грамоты, выданномъ въ 1795 году графу П. В. Завадовскому и также хранящемся у меня, оказали Россійскимъ монархамъ важныя услуги въ важныхъ чинахъ и званіяхъ, а именно: первый въ походахъ царя Петра Перваго противъ Шведовъ, Турокъ и въ Персіи, а послѣдній въ Турецкихъ походахъ при взятіи Очакова и Хотина [1]), отъ

---

[1]) Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о взятіи Очакова и Хотина фельдмаршаломъ Минихомъ въ 1737 и 1739 годахъ. Объ участіи въ этихъ дѣлахъ бунчуковаго товари а

предводительствовавшихъ тогда арміею генераловъ пріобрѣлъ похвальнѣйшія свидѣтельства о своемъ благоповеденіи". Желательно было бы достовѣрно выяснить, которое имя вѣрно.

На стр. 85-й сказано, что Георгіевскій крестъ 4-й степени П. В. Завадовскій получилъ 10-го Іюня 1775 года, между тѣмъ какъ полученіе имъ этой награды показано въ придворныхъ мѣсяцесловахъ 26-го Ноября 1775 года, въ день орденскаго праздника.

На стр. 87-й говорится, что Завадовскій получилъ въ 1776 Августовскую экономію, въ Могилевской губерніи, съ 4.000 душъ крестьянъ. Грамота на эту экономію, хранящаяся у меня, выдана была 19-го Декабря 1779 года. По грамотѣ этой (подписанной Императрицею и вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ), кромѣ вышеозначеннаго Могилевскаго имѣнія, Завадовскій получилъ еще населенныя деревни въ Гомельскомъ уѣздѣ Бѣлорусской губерніи, Старыя и Новыя Юркевичи, село Поповку и деревни Завидовку и Веселовку.

Къ стр. 106-й, гдѣ говорится, что Медико-Хирургическая Академія обязана своимъ основаніемъ Завадовскому, слѣдуетъ прибавить, что 27-го Августа 1808 года онъ былъ выбранъ почетнымъ членомъ этой Академіи. Подлинный дипломъ на это званіе, за подписью князя Алексѣя Борисовича Куракина и баронета Вилліе, хранится также въ моемъ архивѣ.

На той же стр. упомянуто, что за учрежденіе въ 25-ти губерніяхъ народныхъ училищъ Завадовскій получилъ отъ императрицы Екатерины II-й 6.000 душъ крестьянъ въ Малороссіи и орденъ Св. Владимира 1-й степени. Орденъ этотъ, какъ видно изъ придворныхъ мѣсяцесловъ, пожалованъ Завадовскому 28-го Іюня 1786 года.

На стр. 107-й говорится объ основаніи Завадовскимъ, по повелѣнію императрицы Екатерины II-й, въ 1786 году Государственнаго заемнаго банка, съ тремя экспедиціями, которому онъ и далъ правильное движеніе. Небезъинтересно привести по этому поводу замѣчаніе Михаила Гавріиловича Гарновскаго [2]), находящееся въ его интересныхъ Запискахъ,

---

Завадовскаго есть между прочимъ указаніе въ Запискахъ Марковича. Не участвовалъ-ли кто-либо изъ Завадовскихъ и въ позднѣйшемъ штурмѣ Очакова въ 1788 году? Въ моемъ собраніи оружія находятся два ружья, принадлежавшія нѣкогда графу П. В. Завадовскому и сыну его графу Василію Петровичу, съ слѣдующими надписями золотомъ на стволахъ: 1) „На штурмѣ въ Очаковѣ 1788 года Декабря 6-го дня, Дмитрію Ивановичу Шираю. Отдѣлано его мастеромъ въ Спиридоновой Будѣ 1800 года". 2) „Отъ Дмитрія Ивановича Ширая, его сіятельству графу Петру Васильевичу Завадовскому, сдѣлано въ Малой Россіи, въ селѣ Спиридоновой Будѣ въ 1802 году". Вторая подпись какъ будто отвѣчаетъ на первую.

[2]) М. Г. Гарновскій, военный совѣтникъ 5-го класса, былъ внукъ часовщика Гарнова, жившаго въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, при Петрѣ II-мъ. Обязанный всѣмъ князю Потемкину, Гарновскій завѣдывалъ хозяйственными дѣлами его, управлялъ его

напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1876 года: „Господа графы Воронцовъ и Завадовскій всячески стараются о пріобрѣтеніи украшенія Распятія, Первозваннаго Андрея изображающаго. Петръ Васильевичъ (Завадовскій) весьма прилежно занимается теперь сочиненіемъ устава о ввѣренномъ ему новомъ банкѣ, который онъ передъ отъѣздомъ Ея Величества кончить намѣренъ. Сочиняетъ же оный уставъ издатель „Зеркала Свѣта“ г-нъ Туманскій“ [3]). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, Гарновскому, какъ лицу преданному Потемкину, который не любилъ Завадовскаго, можно и не совсѣмъ довѣрять.

Далѣе, на стр. 109-й говорится о родственницѣ гетмана графа Разумовскаго, графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, на дочери которой Завадовскій впослѣдствіи женился. Графиня С. О. Апраксина была, какъ извѣстно, родная племянница графа Разумовскаго, дочь его сестры Анны Григорьевны, бывшей замужемъ за генеральнымъ бунчужнымъ Осипомъ Лукьяновичемъ Закревскимъ. Въ моемъ архивѣ сохранилось письмо генералъ-прокурора князя Вяземскаго [4]) къ Андрею Осиповичу Закревскому [5]),

---

стекольнымъ заводомъ, находившимся близъ Петербурга и въ отсутствіе своего покровителя доносилъ ему о всемъ происходившемъ при дворѣ. Въ 1783 году онъ завѣдывалъ постройкою Таврическаго дворца, а въ 1790 выстроилъ и себѣ великолѣпный домъ одновременно и рядомъ съ Державинымъ и выстроилъ его такъ, что затемнилъ свѣтъ сосѣду. Державинъ жаловался на это въ полицію и написалъ, по этому поводу, свою оду „Второму Сосѣду“, напечатанную въ 1808 году. Въ царствованіе императора Павла, вовлеченный въ преступленія по хозяйственнымъ поставкамъ въ армію, Гарновскій попалъ подъ судъ; домъ его отобрали въ казну, а самъ онъ, освобожденный изъ крѣпости, былъ заключенъ въ городскую тюрьму, гдѣ и скончался.

[3]) „Русская Старина“, томъ XV, стр. 16—17. Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій, статскій совѣтникъ, скончался въ 1810 году. Онъ былъ очень просвѣщеннымъ человѣкомъ и напечаталъ много статей на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. О немъ находятся интересныя свѣдѣнія въ изданной графомъ Г. А. Милорадовичемъ книгѣ: Стихотворенія В. И. Туманскаго (троюроднаго племянника Ѳедора Осиповича) С.-Петербургъ, 1881 (стр. XIV—XX).

[4]) Въ моемъ архивѣ сохранилось три портрета и двѣнадцать весьма любопытныхъ записокъ супруги князя Вяземскаго княгини Елены Никитичны къ моей бабушкѣ, а ея внучкѣ, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Голубцовой, рожденной графинѣ Толстой, за 1823—1830 года. По словамъ бабушки у княгини Вяземской находилась большая переписка ея съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, въ бытность его посломъ въ Парижѣ. Судьба этихъ интересныхъ писемъ къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстна, равно какъ судьба ея замѣчательнаго собранія медалей и монетъ, о существованіи котораго кромѣ показанія І. Г. Георги (см. Описаніе С.-Петербурга 1794 г., стр. 549) свидѣтельствуетъ рукописное описаніе его, въ двухъ томахъ, хранящееся у меня. Превосходный акварельный портретъ князя Александра Борисовича Куракина, работы извѣстнаго художника Соко-

брату графини С. О. Апраксиной, по поводу долговъ ея мужа (свадьба въ 1759) графа Николая Өедоровича Апраксина [6]). Считаю небезъинтереснымъ привести здѣсь это письмо; касаясь родни Завадовскаго, оно этимъ самымъ относится и до него самого.

Государь мой Андрей Осиповичъ.

Для свѣдѣнія вашего прилагаю здѣсь копію съ имяннаго Ея Императорскаго Величества указа [7]), даннаго Сенату 14-го числа нынѣшняго мѣсяца, объ окончаніи извѣстнаго дѣла по долгамъ графа Николая Өедоровича Апраксина, препровождая на благоразсужденіе ваше довершить все дѣло скорѣйшимъ взносомъ денегъ въ С.-Петербургскій Совѣстный Судъ и увѣдомить меня, у васъ-ли вексель Роговикова на сто тысячъ, котораго я еще отъ васъ не получалъ. Причемъ прошу пожаловать вѣрно переслать вложенное здѣсь письмо къ сестрицѣ вашей графинѣ Софьѣ Осиповнѣ, пребывая въ протчемъ съ моимъ почтеніемъ всегда вашъ государя моего покорный слуга „*Князь Алѣксандръ Вязсмскій*".

Марта 16-го дня 1782 г.

На стр. 110-й говорится о женитьбѣ П. В. Завадовскаго на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной. Прибавимъ къ этому, что свадьба была отпразднована въ Гостилицахъ, имѣніи гетмана Разумовскаго, дяди невѣсты.

Далѣе, на той же страницѣ сказано, что Завадовскій получилъ въ 1793 году орденъ Св. Александра Невскаго и въ томъ же году пожалованъ графомъ Римской имперіи. Оба свѣдѣнія невѣрны: изъ придворныхъ мѣсяцесловов видно, что Завадовскій получилъ помянутый орденъ 12-го Февраля 1786 года (слѣдовательно въ одинъ годъ съ орденомъ Св. Владимира 1-й ст.), титулъ же графа Римской имперіи пожалованъ братьямъ Якову, Петру и Ильѣ Завадовскимъ 27-го Іюля 1794 года, какъ то видно изъ подлинной грамоты императора Франца II-го, хранящейся у меня.

лова, принадлежавшій нѣкогда княгинѣ Е. Н. Вяземской, хранится также въ моемъ собраніи.

[5]) Д. с. с., президентъ Коммерцъ-Коллегіи, женатый на княжнѣ Марьѣ Ивановнѣ Одоевской.

[6]) Эта вѣтвь Апраксиныхъ состояла, впрочемъ, и въ непосредственномъ родствѣ съ Разумовскими, вслѣдствіе двухъ брачныхъ союзовъ: 1) Сестра графа Н. Ө. Апраксина, графиня Александра Өедоровна была замужемъ за ген.-маіоромъ, егермейстеромъ Васильемъ Ивановичемъ Разумовскимъ (двоюроднымъ племянникомъ гетмана). 2) Старшій братъ графа Н. Ө. Апраксина, графъ Петръ Өедоровичъ, женился въ 1775 году, вторымъ бракомъ, при жизни первой жены, Ягужинской (которая послѣ этого постриглась, чѣмъ и узаконила бракъ своего мужа), на графинѣ Елисаветѣ Кириловнѣ Разумовской, дочери гетмана.

[7]) Копія эта утрачена.

На стр. 111-й сказано, что младшій братъ графа Петра Васильевича, графъ Илья Васильевичъ Завадовскій былъ болѣзненный, а старшій, графъ Яковъ Васильевичъ имѣлъ только одного сына. Послѣднее свѣдѣніе не вѣрно: у графа Якова Васильевича было два сына, оба камергеры высочайшаго двора, графъ Василій Яковлевичъ, годъ рожденія и кончины котораго намъ неизвѣстенъ, и графъ Иванъ Яковлевичъ, дѣйств. ст. сов. р. 7-го Мая 1785 † 6-го Марта 1833. Что касается до графа Ильи Васильевича Завадовскаго, то 30-го Января 1790 года у него родилась, отъ вдовы колл. асс. Ивана Хоминскаго († 1788) Александры Васильевны, на которой онъ женился 6-го Ноября 1813 года, дочь Анна Ильинична, бывшая замужемъ за Малороссійскимъ помѣщикомъ Кулябкою-Корецкимъ и узаконенная въ 1824 году.

На стр. 129-й упоминается, что императоръ Павелъ возвелъ графа Петра Васильевича Завадовскаго въ графское, Россійской имперіи, достоинство и пожаловалъ ему, въ день коронованія, орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Грамота на Россійское графство была пожалована братьямъ Якову, Петру и Ильѣ Завадовскимъ, также въ день коронованія, 5-го Апрѣля 1797 года, а графъ Петръ Васильвичъ получилъ въ этотъ день, кромѣ Андрея Первозваннаго, еще и Анну 1-й степени.

Свѣдѣніе, показанное на стр. 131-й, будто орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго былъ полученъ графомъ Петромъ Завадовскимъ въ 1798 году, не вѣрно; ибо орденъ этотъ (командорскій крестъ) былъ пожалованъ ему 8-го Января 1799 года.

Въ біографіи гр. Завадовскаго не упомянуто также, что 14-го Мая 1794 года Императорская Академія Художествъ избрала его „за любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художествамъ“ почетнымъ любителемъ, а 30-го Іюня 1804 онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго Университета. Обѣ грамоты на это, первая за подписью президента Академіи Художествъ, знаменитаго отъискателя „Слова о Полку Игоревѣ“, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а вторая—ректора Харьковскаго Университета А. Стойковича, хранятся въ моемъ архивѣ.

Не забудемъ также, что, благодаря графу П. В. Завадовскому прекрасное дарованіе А. Ѳ. Мерзлякова получило надлежащее развитіе (см. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли Бантышъ-Каменскаго. М. 1836 г., ч. 3, стр. 209).

На стр. 163-й біографіи Завадовскаго, говорится, что жена его, графиня Вѣра Николаевна, пожалована была, въ 1806 году, кавалерственною дамой ордена Св. Екатерины, меньшаго креста. Прибавимъ къ этому, что пожалованіе это послѣдовало 18-го Ноября. Въ моемъ архивѣ хранятся два любопытныя письма къ графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Завадовской отъ графини А. А. Матюшкиной [8]) и отъ графа Ильи Васильевича Завадовскаго. Считаю небезъинтереснымъ привести здѣсь эти два письма.

---

[8]) Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, рожденная кн. Гагарина (внучка Сибирскаго губернатора кн. М. П. Гагарина, казненнаго 17 Іюля 1721 г. и дочь кн. А. М.

I.

Сентября 24 числа 1800 года.

Милостивая государыня моя графиня Вѣра Николаевна!

За пріятной вашего сіятельства мнѣ подарокъ, кольцо святыя Варвары Христовой мученицы, покорно васъ благодарю. Богу молиться я за васъ буду; только не знаю, будетъ ли моя молитва доходна. Впрочемъ желаю вамъ отъ Бога всѣхъ благъ по желанію вашему. Честь имѣю пребыть

вашего сіятельства покорная услужница

„*Любезныхъ дѣтей вашихъ цалую. Графу вашему кланяюсь*". „*Графиня Анна Матюшкина*"[9]).

II.

Любезная сестрица графиня Вѣра Николаевна.

Страховое ваше письмо, отпущенное вами 7 числа настоящаго теченія, на сихъ дняхъ я получилъ, съ котораго вижу, что дѣла ваши и по ся поры не рѣшены, а все васъ волочутъ безъ всякаго резона [10]). Естьли въ томъ мѣшаетъ Драбовъ, то мнѣ кажется можно Драбовъ оставить за сынами, а на свою часть взять Ляличи и Ущерпье. Потери вашей въ томъ не будетъ. Августовскую же волость почитаю для васъ не будетъ выгодно, да и для дочерей вашихъ будетъ обидно, ибо ни одной не будетъ хлѣбопашества, отнявши отъ нихъ Августовскую волость. Впрочемъ, я такъ сужу какъ знаю, а ваша собственная воля можетъ рѣшить такъ какъ желаете; племянники и сами не знаютъ чего желаютъ, дѣла свои запутаютъ, а между тѣмъ вездѣ имѣніе разоряется въ доходахъ и впрочемъ терпятъ разореніе. Вамъ удобнѣе тамъ стараться, дабы сократить оную тяжбу поскорѣе. Желаніе ваше есть знать о здоровьи графини Александры Васильевны, кото-

---

Гагарина и жены его баронессы Шафировой) родилась въ 1716, скончалась 9 Мая 1804 года. Графиня Матюшкина была пожалована императрицею Екатериною II статсъ-дамою, а императоромъ Павломъ оберъ-гофмейстериной и кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины большаго креста (въ день коронованія 5-го Апрѣля 1797). За мужемъ была за тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ графомъ Дмитріемъ Михайловичемъ Матюшкинымъ, род. 1725 г. † 1800.

[9]) Слова отмѣченныя въ обоихъ письмахъ курсивомъ написаны собственноручно.

[10]) Дѣло идетъ о раздѣлѣ послѣ кончины графа П. В. Завадовскаго его имѣній Драбова, Лялнчъ, Ущерпья, Августовской волости и прочихъ.

рая очень больна, и я надежду теряю въ ея выздоровленіи, да я и самъ не совсѣмъ здоровъ; хоча я на ногахъ таскаюсь, но слабъ, и видно, что въ сихъ суетахъ мнѣ недолго жить. Жалѣю очень, что васъ столько времени безпокоютъ нерѣшительностью. Нигдѣ дѣла(не) видно; правда вездѣ потеряна. И такъ, къ заключенію, всего душевно желаю, дабы вы были здоровы и, пожелавъ того съ усердіемъ, навсегда остаюсь

„вашъ покорный слуга графъ И. Завадовскій.
Графиня благодаритъ васъ, что вы ея не забываете и поклонъ свой свидѣтельствуетъ вамъ“.

1819 года, Октября 29-го дня.
Мѣриновка.

Въ концѣ біографіи графа П. В. Завадовскаго, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1883 годъ, упоминается о пожалованномъ ему императрицею Екатериною, любимомъ имѣніи его Ляличахъ, составлявшемъ его главную резиденцію, причемъ разсказывается печальная судьба, постигшая это прекрасное имѣніе. Прибавимъ къ этому, что Ляличская библіотека, состоявшая изъ 3750 томовъ (частью, впрочемъ, принадлежавшихъ уже позднѣйшему владѣльцу Атрыганьеву) была куплена въ 1878 году у купца Самикова, тогдашняго владѣльца Ляличъ, Стародубовскимъ книгопродавцемъ Пероновымъ.

Печальная судьба, постигшая Лялячи и библіотеку графа Завадовскаго, невольно напоминаетъ намъ судьбу имѣнія пожалованнаго также императрицею Екатериною II другому достопамятному лицу, Д. П. Трощинскому [11]), и библіотеки имъ собранной. Имѣніе это, находящееся въ Кіевской губерніи, прекрасно устроенное и приносившее его владѣльцу, какъ говорятъ, до 300,000 р. годоваго доходу, было продано, лѣтъ 25 тому назадъ, благодаря Евреямъ, облѣпившимъ его, съ молотка, вмѣстѣ съ прекрасною библіотекою и со всѣми жалованными Д. П. Трощинскому вещами. Говорятъ, дѣло было обставлено такъ Евреями, что третья часть проданнаго имѣнія (Кагорлыкъ, пожалованный Трощинскому въ 1795 г.) даетъ теперь его

---

[11]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, сынъ войсковаго товарища Прокофья Ивановича Трощинскаго, родился 26 Октября 1749 г. (Этимъ числомъ и годомъ, взятыми изъ календаря, принадлежавшаго племяннику Д. П. генералъ-маіору Андр. Андр. Трощинскому, мы исправляемъ ошибочно считавшійся годомъ рожд. Д. П. Т. 1754 г.). Окончивъ воспитаніе въ Кіевской Духовной Академіи, онъ служилъ при импер. Екатеринѣ правителемъ канцеляріи Главнаго Почтоваго Управленія (1786), впослѣдствіи же (1793) былъ статсъ-секрет. у принятія прошеній. При Павлѣ былъ сенаторомъ и президентомъ Главнаго Почтоваго Правленія. Въ 1799 г. получилъ Александровскую ленту и въ томъ же году уволенъ отъ званія главнаго директора почтъ. При имп. Александрѣ находился министромъ удѣловъ (1801—1806) и министромъ юстиціи (1814—1817). Скончался 26-го Февраля 1829, будучи съ 1817 г. въ отставкѣ.

новому владѣльцу, заплатившему за все, сравнительно, гроши, 200,000 р. годоваго дохода. Превосходная библіотека Д. П. Трощинскаго была куплена Кіевскимъ книгопродавцемъ Е. Я. Ѳедоровымъ, у котораго мнѣ посчастливилось пріобрѣсти между прочихъ 23 мѣсяцеслова, изданіе Императорской Академіи Наукъ, за 1794—1828 гг., съ собственноручными замѣтками ихъ прежняго владѣльца. Одна изъ этихъ замѣтокъ относится къ графу П. В. Завадовскому, почему я ее привожу здѣсь:

„Во время пребыванія моего въ Яресках (записано Д. П. Трощинскимъ въ мѣсяцесловѣ на 1811-й годъ), 6-го Іюля посѣтилъ меня гр. П. В. Завадовскій и пробылъ тутъ до 10-го ч.; а сего числа я поѣхалъ съ нимъ въ его деревни и пробылъ у него до 16-го; въ сей же день возвратился въ Кибинцы, а 17-го отправился паки въ Яресnúmи".

Слѣдовательно за 6-ть мѣсяцевъ передъ кончиною своею († 10 Января 1812 года) графъ П. В. Завадовскій былъ еще въ своихъ любимыхъ Ляличахъ.

Въ заключеніе сообщаю возможно - подробную роспись графской вѣтви рода Завадовскихъ.

2 Ноября 1886 г.
Село Александровское
Пермской губ.

В. В. Голубцовъ.

ЗАВАДОВСКІЕ

(*Графская вѣтвь*).

I.

№ — № Отцовъ.

1. *Яковъ Завадовскій*, жилъ во второй половинѣ XVII-го столѣтія; служилъ въ Малороссійскомъ войскѣ войсковымъ товарищемъ и владѣлъ помѣстьемъ, утвержденнымъ за нимъ гетманомъ Мазепою въ 1688-мъ году. (Село Дохновичи, Стародубскаго повѣта).

II.

2. *Ѳедоръ* (по грамотѣ императора Франца II, 1794 г. Василій) *Яковлевичъ* участвовалъ въ походахъ Петра I-го противъ Шведовъ, Турокъ и Персовъ.. 1

III.

3. *Василій Ѳедоровичъ* (Васильевичъ?) бунчуковый товарищъ (съ 1725 г.); находился при взятіи Очакова (1737) и Хотина (1739) † послѣ 1754 г. Ж. № Михайловна Шрай (дочь подкоморія Стародубовскаго повѣта, Михаила Степановича Шрая, † послѣ 1779 г.)........ 2

IV.

4. *Иванъ Васильевичъ*, полковникъ Стародубовскій (послѣдній въ этомъ званіи), въ послѣдствіи ген.-маіоръ † 1786 (въ отставкѣ съ 22 Сентября 1778).

5. *Графъ Яковъ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ; предсѣдатель палаты гражданскаго суда въ Новгородѣ-Сѣверскомъ (1784); поручикъ правителя того же намѣстничества (1790); кавалеръ орд. Св. Владимира 3-й ст. (22 Сентября 1785). Ж. Елисавета Павловна N. N. (оба были живы въ 1822 г.) . . . .

6. *Графъ Петръ Васильевичъ*, воспитывался въ Іезуитской школѣ въ Оршѣ и Кіевской Духовной Академіи; въ службу вступилъ въ 1760 г., въ Малороссійскую Коллегію, гдѣ былъ вскорѣ назначенъ правителемъ канцеляріи гр. Румянцова-Задунайскаго. Впослѣдствіи генералъ-маіоръ (съ 1776), статсъ-секретарь Екатерины II, дѣйств. тайн. совѣтн., сенаторъ министръ народнаго просвѣщенія (1802—1810) и предсѣдатель департамента законовъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Кавалеръ орденовъ: Св. Георгія 4-й ст. (1775), Св. Александра Невскаго (1786), Св. Владимира 1-й ст. (1786), Св. Анны 1-й ст. (1797), Св. Андрея Первозваннаго (1797), съ алмазами (1805) и Польскихъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава; командоръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (1799). Возведенъ вмѣстѣ съ братьями своими Яковомъ и Ильею въ графское достоинство Римской имперіи императоромъ Францомъ II-мъ (1794) и Россійской — императоромъ Павломъ (1797). Родился 1739 † 10-го Января 1812, г., схороненъ на старомъ Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Ж. (30-го Апрѣля 1787) фрейлина графиня Вѣра Николаевна Апраксина, кавалерственная дама орд. Св. Екатерины меньшаго креста, род. 1770 † 22-го Ноября 1845 г. въ городѣ Нарвѣ, схоронена въ селѣ Межникахъ, Порховскаго уѣзда, Псковской губерніи 3

7. *Графъ Илья Васильевичъ*, премьеръ-маіоръ Острогожскаго легко-коннаго полка (1787); въ послѣдствіи д. с. сов. Ж. (6-го Ноября 1813) вдова кол. асс. Ивана Хоминскаго († 1788) Александра Васильевна. (Оба живы въ 1819 г.) . . . .

8. *Даніилъ Васильевичъ* † слѣпымъ въ селѣ Красновичахъ Суражскаго уѣзда, гдѣ и схороненъ въ алтарѣ мѣстной церкви . . .

Марина Васильевна, замужемъ за Покорскимъ-Журавкою . . . .

Марія Васильевна *) замужемъ за Ерошевичемъ . . . .

*) Въ 26-мъ томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", на стр. 20, 235 и 372 упоминаются Андрей Васильевичъ и Михаилъ Васильевичъ, которые въ текстѣ и въ алфавитномъ указателѣ названы Завадовскими и братьями Петра

V.

№ Отцовъ.

9. *Графъ Василій Яковлевичъ* камергеръ.....................

10. *Графъ Иванъ Яковлевичъ*, подпоручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, кам.-юнк., кавалеръ ордена Св. Анны 3-й ст. (1806); въ послѣдствіи д. с. с. камергеръ и кавалеръ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Родился 7-го Мая 1785 г. † 6-го Марта 1833, схороненъ въ Духовской церкви Александро-Невской Лавры, въ С.-Петербургѣ..................... 5

11. *Графъ Александръ Петровичъ*, камеръ-юнкеръ и поручикъ Александрійскаго гусарскаго полка (1817); въ послѣдствіи отставной актуаріусъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; род. 178... г. † 27-го Октября 1856, въ селѣ Елисаветовкѣ, Ново-Московскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи и схороненъ въ тамошней Покровской церкви. (Интересныя подробности о немъ и объ его дуэли съ кавалергардомъ Шереметевымъ, см. въ „Русской Старинѣ", томъ 39, стр. 383—386).

12. *Графъ Василій Петровичъ*, лейбъ-гусаръ (1818—1822), въ послѣдствіи тайный совѣтникъ (1840), сенаторъ и почетный опекунъ (1849). Въ 1829—1833 гг. находился церемоніймейстеромъ и управлялъ экспедиціею ордена Св. Анны. Кавалеръ орденовъ: Св. Станислава 1-й ст., „за труды подъятые въ прекращеніи распространенія болѣзни холеры въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ" (1831), Св. Анны 1-й ст. (1833), Св. Владимира 2-й ст. (1848), Бѣлаго Орла (1851), Св. Александра Невскаго (1855). Родился 21-го Іюля 1798 г. † 10-го Октября 1855 г. Ж. (31 Октября 1824 г.) Елена Михайловна Влодекъ [1]), род. 2-го Декабря 1807 † 22 Марта 1874. Оба схоронены въ Ѳедоровской церкви Александро-Невской Лавры въ С.-Петербургѣ [2])............................ 6

Васильевича Завадовскаго, *хотя изъ подлинниковъ фамиліи ихъ не видно* (такъ какъ она обозначена, въ „Сборникѣ", въ скобкахъ). Не встрѣтивъ, до сихъ поръ, *нигдѣ*, кромѣ этой книги именъ Андрея и Михаила Васильевичей Завадовскихъ, братьевъ графа Петра Васильевича, мы полагаемъ, что здѣсь или перепутаны имена, или это не Завадовскіе. Ни въ архивѣ И. С. Листовскаго, ни въ нашемъ нѣтъ о нихъ никакихъ свѣдѣній; а опредѣлять братское родство исключительно по тождеству отечества именъ поставленныхъ рядомъ—невозможно.

[1]) Послѣ графа Василья Петровича Завадовскаго, человѣка прекрасно образованнаго и съ превосходными душевными качествами, осталось нѣсколько весьма любопытныхъ рукописныхъ записокъ и разсужденій, которыя мы надѣемся со временемъ напечатать.

[2]) Графиня Елена Михайловна была дочь генерала-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютанта, Михаила Ѳедоровича Влодека (р. 1780 г. † 1849) и жены его фрейлины, графини Александры Дмитріевны Толстой (р. 1785 † 1847). Эта фамилія Влодековъ, герба Правдичъ, принадлежитъ къ древнимъ *Подольскимъ* дворянскимъ родамъ и становится извѣстною въ лѣтописяхъ Червонной Руси съ XVI-го столѣтія. Кромѣ этой существуетъ три и существовала четвертая фамилія Влодековъ, различнаго происхожденія и гербовъ.

Графиня Софья Петровна, фрейлина, род. 1794 † 1830 замужемъ (1815) за капитаномъ л.-гв. Егерскаго полка, въ послѣдствіи ген.-маіоромъ, княземъ Владимиромъ Николаевичемъ Козловскимъ........................... *Графиня Варвара Петровна* род. 17-го Марта 1796 † до 1815 г. *Графиня Аглаида Петровна* род. 2-го Декабря 1799 замужемъ за камеръ-юнкеромъ Феликсомъ Мержеевскимъ † 1854 г. (на его дочери Марьѣ Феликсовнѣ женатъ біографъ ея дѣда, д. ст. сов. Иванъ Степановичъ Листовскій)..................... *Графиня Татьяна Петровна*, род. 19-го Апрѣля 1802, замужемъ за генералъ-маіоромъ кавалергардскаго полка, въ послѣдствіи дѣств. т. сов. Владимиромъ Ивановичемъ Каблуковымъ.	6

Примѣчаніе. У графа Петра Васильевича Завадовскаго было еще шесть дѣтей, скончавшихся въ младенчествѣ, между прочими дочь *Татьяна* † четырехъ лѣтъ, съ которою художникъ Лампи нарисовалъ ея мать, и дочь *Прасковья*, род. 6-го Февраля 1788 г. † 7-го Сентября 1788 г., схороненная на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, въ СПб.

	№ Отцовъ.
Графиня Анна Ильинична, род. 30-го Января 1790 г. (внѣбрачная дочь графа Ильи Васильевича Завадовскаго и вдовы Александры Васильевны Хоминской, на которой онъ женился 6-го Ноября 1813 г. Графиня Анна Ильинична была *узаконена въ 1824 г.*) замужемъ за помѣщикомъ Кулябкою-Корецкимъ..	7

VI.

13. *Графъ Петръ Васильевичъ*, род. 17-го Ноября 1828 г. † въ Неаполѣ 20-го Декабря 1842; схороненъ въ Ѳедоровской церкви Александро-Невской Лавры, въ С.-Петербургѣ......	12

*

Гербъ графовъ (Россійской имперіи) Завадовскихъ напечатанъ въ Общемъ Гербовникѣ, ч. I, № 91.

АДМИРАЛЪ УНКОВСКОЙ.

11-го Августа 1886 г. въ Москвѣ, на Смоленскомъ бульварѣ, въ своемъ домѣ, скончался адмиралъ Иванъ Семеновичъ Унковской, одинъ изъ послѣднихъ представителей знаменитаго Черноморскаго флота и непосредственныхъ учениковъ М. П. Лазарева. Проходя вторую половину своего почти-полувѣковаго служенія (сначала въ должности Ярославскаго губернатора, а затѣмъ почетнаго опекуна и предсѣдательствующаго въ Московскомъ присутствіи Опекунскаго Совѣта) Иванъ Семеновичъ до конца своего, до предсмертнаго забытья включительно, оставался страстнымъ поклонникомъ той стихіи, которая двадцать одинъ годъ любовалась его подвигами. Случайно сдѣлавшись администраторомъ, случайно, на склонѣ лѣтъ, ставъ во главѣ обширныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, почившій внесъ въ свою дѣятельность чисто-морскія качества: энергію, упорство въ достиженіи намѣченной цѣли, прямолинейность, чуждую всякихъ соглашеній и уступокъ, и во главѣ всего идеальную безстрашную правду и истинное безкорыстіе, чуждое тщеславія и честолюбія. Эти послѣднія качества своимъ наивнымъ характеромъ могли вводить въ заблужденіе лицъ мало его знавшихъ; но стоило только немного съ нимъ познакомиться, чтобы испытать на себѣ обаяніе до старости уцѣлѣвшей душевной чистоты этого необыкновеннаго человѣка.

Умеръ Иванъ Семеновичъ, и съ этой смертью осиротѣла нетолько личная семья покойнаго, но и кружокъ людей, имѣвшихъ счастіе быть съ нимъ въ непосредственномъ общеніи. Своей семьѣ и этому кружку онъ принадлежалъ въ особенности три послѣднихъ года жизни, когда надломленныя тяжкимъ недугомъ силы требовали частаго отдыха. Тутъ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ предъ слушателями развивалась по-

вѣсть его жизни полная разнообразныхъ случайностей, изъ мельчайшихъ подробностей складывался цѣльный обликъ не только самаго разсказчика, но и среды, воспитавшей эти *старомодные* характеры, выростала колоссальная фигура Михаила Петровича Лазарева.

Да, чтобы понять значеніе Лазарева, надо было слушать Ивана Семеновича. Только въ ранней молодости первые порывы непорочной страсти умѣютъ извлекать изъ души такіе восторженные отзывы. Это была не любовь, это было обожаніе.

И вотъ пришла смерть и поставила точку. Смолкли бесѣды, прекратились разсказы. Записки, начатыя покойнымъ въ послѣдній годъ его жизни, едва доведены до 1848 года. Горько подумать, что эти вечера на Смоленскомъ бульварѣ должны изчезнуть безслѣдно. Пусть каждый изъ бывшихъ слушателей исполнитъ свою обязанность, сбережетъ слышанное и передастъ другимъ то, что̀ онъ слышалъ, насколько и какъ онъ запомнилъ. Я рѣшаюсь положить начало такому сбереженію. Принадлежа къ семьѣ исключительно-морской, сынъ старшаго адъютанта Михаила Петровича Лазарева, страстно любящій море, хотя и никогда не служившій во флотѣ, я своимъ присутствіемъ уже вызывалъ адмирала на любимый предметъ его воспоминаній. Эти воспоминанія усиленно воскресали въ памяти Ивана Семеновича, когда пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей его вице-адмиралъ Платонъ Юрьевичъ Лисянскій, бывшій адъютантъ В. А. Корнилова.

Разскажу все, что̀ слышалъ и какъ запомнилъ. Не морякъ, я, конечно, могу сдѣлать погрѣшности; ихъ легко исправить каждому кто замѣтитъ: теперь во всѣхъ углахъ Россіи еще живетъ столько современниковъ и сослуживцевъ покойнаго адмирала, что истина можетъ быть скоро возстановлена. Эта увѣренность и придаетъ мнѣ смѣлости.

Иванъ Семеновичъ Унковской родился 29-го Марта 1822 года въ Калужской губерніи, Перемышльскаго уѣзда, въ сельцѣ Колышовѣ. Отецъ почившаго, Семенъ Яковлевичъ Унковской, происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, былъ сверстникомъ, сослуживцемъ и другомъ Михаила Петровича Лазарева. Вмѣстѣ учились они въ Морскомъ Корпусѣ, вмѣстѣ для практическаго образованія жили въ Англійскомъ флотѣ, вмѣстѣ совершили кругосвѣтное плаваніе на кораблѣ Американской Компаніи «Суворовъ» и въ теченіи всей жизни сохранили съ дѣтства установившіяся отношенія. Вскорѣ послѣ Отечественной войны, Семенъ Яковлевичъ вышелъ въ отставку и, поселившись въ упомянутомъ Колышовѣ, женился на Смоленской дворянкѣ Бѣлкиной и зажилъ помѣщикомъ. Прошло много лѣтъ, семейство прибавлялось, девять человѣкъ дѣтей требовали образованія, а средства

были крайне ограничены. Семенъ Яковлевичъ снова поступилъ на службу, но уже въ этотъ разъ гражданскую. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ директоромъ Калужской гимназіи. Вскорѣ послѣ его назначенія посѣтилъ Калугу императоръ Николай Павловичъ. «Чтò, Унковской, ты теперь на покоѣ: гимназіей управлять легче, чѣмъ кораблемъ?» — «Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество: тутъ что ни голова, то корабль», отвѣчалъ директоръ. Государь остался отмѣнно доволенъ гимназіей, зачислилъ старшихъ сыновей директора кандидатами различныхъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ одинадцатилѣтняго Ивана въ Морской Кадетскій Корпусъ, а самого Семена Яковлевича черезъ годъ перевелъ директоромъ Московскаго университетскаго пансіона. Въ 1834 году Иванъ Семеновичъ поступилъ въ 9-й классъ этого славнаго пансіона, а въ исходѣ 1835 года переведенъ въ Морской Корпусъ, гдѣ и оставался четыре года до производства въ мичманы.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о Семенѣ Яковлевичѣ. Это была личность выходившая изъ общаго уровня какъ по умственнымъ способностямъ образованія, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Талантливый педагогъ, онъ имѣлъ самое благотворное вліяніе на руководимое заведеніе, но къ сожалѣнію оставался въ немъ недолго; разошедшись во взглядахъ по одному серьезному вопросу съ попечителемъ учебнаго округа, онъ вышелъ въ отставку и снова поселился въ деревнѣ Колышевѣ. Семенъ Яковлевичъ по прежнему былъ озабоченъ участью семейства и, случайно прочитавъ публикацію о продажѣ имѣнія въ Тамбовской губерніи, рѣшился попытать счастія. Надобно сказать, что по описаніямъ имѣніе представлялось весьма выгоднымъ, но требовало доплаты за переводомъ долга Сохранной Казнѣ 40.000 рублей, а у Семена Яковлевича въ карманѣ не было даже одной тысячи. Тѣмъ не менѣе онъ двинулся въ путь, разумѣется на долгихъ, разсчитывая устроить соглашеніе съ продавцомъ и призанять немного у стараго товарища по морской службѣ, жившаго въ своемъ имѣніи немного въ сторонѣ отъ прямаго пути на Тамбовъ. Товарища своего Семенъ Яковлевичъ не видѣлъ лѣтъ двадцать, чтó не помѣшало имъ встрѣтиться добрыми друзьями. Когда хозяинъ узналъ о цѣли пріѣзда гостя, то добродушно предложилъ ему взять въ столѣ столько денегъ, сколько нужно, говоря, что у него ихъ много. Семенъ Яковлевичъ отсчиталъ сорокъ тысячъ и сталъ писать росписку.

— Что это ты, батюшка? спросилъ хозяинъ. Я подъ росписку старому товарищу не дамъ; бери такъ; устроишься и отдашь, а росписка мнѣ на чтó? Требовать я все равно не стану.

Взялъ Семенъ Яковлевичъ деньги безъ росписки, купилъ имѣніе, выплатилъ въ послѣдствіи весь долгъ и, наконецъ, улучшилъ свое имущественное положеніе.

Свои познанія и педагогическую опытность Семенъ Яковлевичъ приложилъ къ воспитанію собственныхъ дѣтей, неустанно слѣдя за ихъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Благотворное вліяніе мудраго старца приносило ожиданные плоды, и трогательно было слышать благодарныя воспоминанія объ отцѣ Ивана Семеновича. Семенъ Яковлевичъ достигъ самой глубокой старости: онъ умеръ въ Ноябрѣ 1882 г. девяностачетырехъ лѣтъ отъ роду, до конца жизни сохранивъ полную свѣжесть ума и сердца. Какъ образецъ впечатлительности Семена Яковлевича приведу слѣдующій разсказъ Ивана Семеновича. За годъ до смерти Семена Яковлевича, теплымъ весеннимъ днемъ, ѣхали они въ шарабанѣ изъ Калуги въ Колышево. Выбравшись изъ бору на поляну, Семенъ Яковлевичъ любовно оглянулся кругомъ: внизу весело блестѣла свѣжая зелень, надъ головой широко раскинулось голубое небо, все радовалось, все горѣло подъ теплыми лучами живительнаго солнца. Крупныя слезы текли по щекамъ Семена Яковлевича; онъ снялъ шапку, перекрестился и вылилъ душевный порывъ въ благодарной молитвѣ Богу за то, что Онъ еще разъ далъ ему насладиться чудесами творенія. Послѣ смерти Семена Яковлевича, проведшаго всю жизнь и умершаго глубокимъ христіаниномъ, остались не только распоряженія какъ поступить съ его тѣломъ въ духѣ простоты и христіанскаго смиренія, но даже самый гробъ изготовленъ собственными руками почившаго. Семенъ Яковлевичъ похороненъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ близъ Калуги, и память о немъ надолго сохранится въ родной губерніи.

Я невольно остановился на этомъ симпатичномъ образѣ отчасти подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ разсказовъ Ивана Семеновича, отчасти и потому, что семейная обстановка многое объясняетъ въ характерѣ потомковъ. Безсмертная душа живетъ не только въ мірѣ вѣчнаго блаженства: она существуетъ и среди насъ, преемственно передавая свойства духа.

Въ Декабрѣ 1839 года Иванъ Семеновичъ, семнадцати лѣтъ отъ году, былъ произведенъ въ офицеры въ 8-й флотскій экипажъ, квартировавшій тогда какъ и нынѣ въ Петербургѣ. Лѣто проходило въ плаваніяхъ, зима въ караульной службѣ. Такъ прошло два года. Морская служба нравилась молодому офицеру, но море еще не охватило его души. Недостатокъ простора, отсутствіе случая толкнуть еще непроснувшіяся силы дѣлало Ивана Семеновича какъ бы безразличнымъ къ избранному роду службы. Это замѣтилъ Семенъ Яковлевичъ и

обратился къ старому другу Лазареву съ просьбой взять сына подъ свое начальство. Весною 1841 года, вопреки желанію Ивана Семеновича, послѣдовалъ его переводъ къ списки Черноморскаго флота.

Не хотѣлось Ивану Семеновичу въ Николаевъ главнымъ образомъ потому, что Черноморская служба издали казалась не особенно привлекательною, а самого Лазарева представляли сухимъ, безмѣрно строгимъ и не по силамъ требовательнымъ. Молодому человѣку, привыкшему къ семейной ласкѣ и относительно легкой службѣ въ Балтикѣ, трудно было измѣнять привычныя условія жизни. Это нежеланіе и враждебно-настроенное воображеніе достигли такой степени, что, завернувъ по дорогѣ на Югъ проститься съ семьей, Иванъ Семеновичъ подъ различными предлогами уклонялся отъ дальнѣйшей поѣздки и прожилъ въ Колышовѣ до Марта 1842 года. Далѣе откладывать было невозможно: въ частыхъ письмахъ къ Семену Яковлевичу Лазаревъ постоянно спрашивалъ о сынѣ и, наконецъ, увѣдомилъ, что у него освободилась ваканція адъютанта и что онъ не прочь взять на эту должность Ивана Семеновича. Дѣлать было нечего. Въ Мартѣ 1842 года Иванъ Семеновичъ тронулся на Югъ и по прибытіи въ Николаевъ явился къ новому начальнику. Лазаревъ принялъ его какъ роднаго, поселилъ у себя въ домѣ и, сразу понявъ душевное настроеніе юноши, пожелалъ дать ему занятіе, способное поглотить все его вниманіе.

«Я поселился—говоритъ Иванъ Семеновичъ въ своихъ Запискахъ — на набережной, въ верхнемъ этажѣ флигеля; у меня было четыре большихъ комнаты и прихожая. Видъ изъ оконъ былъ очаровательный на армиралтейство и на рѣку Ингулъ, впадающую въ Бугъ; подъ окнами проходили военныя суда, транспорты, пароходы и яхты; около домика, подъ горой, у самой воды былъ адмиралтейскій шлюпочный сарай, наполненный разнаго рода гребными судами, на которыхъ были различныя парусныя вооруженія; подлѣ сарая стоялъ на подпорахъ ботъ, прекрасно выстроенный, такъ называемой наборной постройки по образцу Плимутскаго бота. На всѣхъ шлюпкахъ парусное вооруженіе приказано было возобновить и освѣжить, всѣ шлюпки выкрасить. Все это адмиралъ приказывалъ очевидно для того, чтобы пріохотить и пристрастить меня къ морскому дѣлу; я былъ назначенъ по приказанію адмирала завѣдующимъ шлюпками и гребными адмиральскими судами, находившимися въ адмиралтейскомъ, шлюпочномъ сараѣ, въ которомъ между различными шлюпками находился люгеръ съ полнымъ вооруженіемъ по образцу Дильскаго люгера. Я былъ въ полномъ восторгѣ двадцатилѣтняго юноши; съ восходомъ солнца, я уже былъ среди этихъ шлюпокъ и гребныхъ судовъ; все шло по моей волѣ

и желанію. Я предался этому дѣлу, такъ мудро устроенному для меня адмираломъ и оставался въ этомъ сараѣ или около него до захожденія солнца и только отлучался отъ вновь дарованнаго мнѣ поста на время, когда приходили звать меня къ обѣду или къ адмиральскому часу. Я былъ всецѣло преданъ возложенному на меня адмираломъ дѣлу или, лучше сказать, дѣломъ этимъ былъ увлеченъ съ необычайною страстью свойственной моей природѣ. Другихъ мыслей и разговоровъ, какъ объ этихъ шлюпкахъ и съ кѣмъ бы то ни было, я не имѣлъ и имѣть не могъ, такъ какъ къ самымъ интереснымъ предметамъ въ жизни въ то время я относился съ полнымъ равнодушіемъ. На душѣ и въ головѣ только и было единственное дѣло вникнуть и глубоко понять это практическое искусство, въ которомъ въ то время я еще ничего не понималъ. Однако, мудрый адмиралъ далеко предугадывалъ будущность мою во флотѣ и вмѣстѣ съ пристращеніемъ къ этому дѣлу, въ короткое время знакомства со мною, такъ сказать, влюбилъ меня въ себя до такой степени, что невозможнымъ казавшееся его предложеніе дѣлалось для меня исполненіемъ удобнымъ и даже нетруднымъ. Михаилъ Петровичъ по моей къ нему привязанности становился для меня какъ бы вторымъ моимъ отцомъ, и потому только не дерзалъ я его въ помышленіяхъ ставить выше моего отца и сильнѣе любить его, что опасался навлечь на себя гнѣвъ Божій.....»

Охваченный съ первыхъ шаговъ поэзіею моря, Иванъ Семеновичъ вполнѣ отдался обаянію заманчивой службы. Лазаревъ сразу понялъ, что новымъ юношей стоитъ заняться, и изъ писемъ его къ Семену Яковлевичу видно, какъ онъ шагъ за шагомъ слѣдилъ за успѣхами молодаго ученика. Пришла осень, а затѣмъ и зима, рѣку оковало льдомъ, шлюпки пришлось убрать и нѣсколько мѣсяцевъ остаться безъ любимыхъ занятій. Иванъ Семеновичъ сильно горевалъ, но къ своему утѣшенію, часто посѣщая и зимой шлюпочный сарай, онъ нашелъ въ немъ старый буэръ—родъ шлюпки на полозьяхъ съ мачтой и парусами. Исправить буэръ, приспособить къ нему новую болѣе соразмѣрную мачту и пригнать подходящіе паруса было дѣломъ нѣсколькихъ дней, и вотъ начинается новое развлеченіе однородное съ главнымъ занятіемъ, полезное въ смыслѣ развитія удали и находчивости. Примѣру Ивана Семеновича послѣдовало еще нѣсколько офицеровъ, на рѣкѣ Бугѣ появилось еще три буэра, и изъ нихъ одинъ принадлежавшій братьямъ Григорію и Ивану Бутаковымъ скоро сдѣлался достойнымъ соперникомъ буэра Ивана Семеновича. Стали устроиваться гонки, катанія съ приглашенными, и полузабытый родъ морскаго спорта сталъ предметомъ оживленныхъ толковъ Николаевской публики.

Я забылъ сказать, что лѣтомъ 1842 года, по случаю празднованія серебряной свадьбы императора Николая Павловича, Лазаревъ былъ приглашаемъ въ Петербургъ, куда бралъ съ собою и Ивана Семеновича. Здѣсь впервыя, въ качествѣ адъютанта высокопоставленнаго лица, участвуя въ разнообразныхъ празднествахъ, онъ близко видѣлъ Государя и даже имѣлъ счастіе быть ему представленнымъ.

Кстати разскажу анекдотъ, относящійся къ этому времени, слышанный мной отъ Ивана Семеновича. Въ Петербургѣ къ предстоявшимъ празднествамъ ожидали пріѣзда Прусскаго короля Фридриха IV-го, брата императрицы Александры Ѳеодоровны. Время назначеннаго пріѣзда уже миновало, прошло три или четыре дня, а короля еще не было. Государь и Императрица очень безпокоились. При несуществованіи въ то время электрическаго телеграфа узнать причину замедленія было нельзя, и вотъ однажды утромъ сѣвернаго дождливаго дня изъ Кронштадта дали знать, что на горизонтѣ показался пароходъ подъ Прусскимъ королевскимъ штандартомъ. Въ Петергофѣ забили тревогу, на пароходной пристани быстро собрались всѣ лица, обязанныя сопровождать Государя, въ томъ числѣ и Лазаревъ. Пріѣхалъ Государь съ Императрицей, всѣ сѣли на пароходъ и подъ проливнымъ дождемъ отправились къ Кронштадту. Но проходя уже по Малому рейду узнали, что произошла ошибка: дѣло въ томъ, что въ то время за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ пассажирское сообщеніе между Кронштадтомъ и Штетиномъ содержали два парохода—одинъ Русскій и одинъ Прусскій; послѣдній назывался «Прусскій Орелъ» и имѣлъ флагъ весьма схожій съ королевскимъ штандартомъ. На семафорномъ телеграфѣ перепутали и, принявъ одинъ флагъ за другой, сообщили о прибытіи королевскаго вмѣсто пассажирскаго парохода. Легко представить себѣ ужасъ морскаго персонала. Николай Павловичъ, ничего не подозрѣвая, вышелъ изъ каюты и сталъ на мостикѣ съ Императрицей; дождь лилъ какъ изъ ведра, оба парохода быстро сблизились; поддерживать дальше мистификацію было невозможно. Никто однако не рѣшался выступить съ докладомъ; наконецъ, князь Меншиковъ возложилъ это непріятное порученіе на вице-адмирала К. Дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трясущейся правой рукой поднятой къ околышу кивера, К. доложилъ Государю о происшедшей ошибкѣ. Наступило мертвое молчаніе. Сдвинулись грозныя брови, и Николай Павловичъ взглянулъ на К. тѣмъ леденящимъ взглядомъ, который приводилъ въ трепетъ даже иностранныхъ вѣнценосцевъ. К. стоялъ неподвижно, кругомъ все замерло въ ожиданіи развязки.

— Да знаешь-ли, что̀ я съ тобою сдѣлаю? грозно спросилъ Императоръ.

К. молчалъ.

— Знаешь-ли что̀ я съ тобою сдѣлаю? возвышая голосъ, повторилъ Государь.

К. молчалъ.

— Я заставлю выпить тебя три стакана морской воды, съ набѣжавшею улыбкой закончилъ Николай Павловичъ и, подавъ руку Императрицѣ, быстро спустился съ нею въ каюту.

Такъ благополучно отдѣлался неповинный К. именно потому, что Государь тотчасъ же понялъ, что К. ни въ чемъ неповиненъ и что онъ только высланъ сильнѣйшими для принятія на себя царскаго гнѣва.

Съ наступленіемъ весны 1843 года Иванъ Семеновичъ вернулся къ своимъ любимымъ занятіямъ. Впрочемъ на этотъ разъ катанье на шлюпкахъ по рѣкѣ казалось ему уже недостаточнымъ. Вниманіе его остановилось на томъ ботикѣ, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, и въ душу закралось непреодолимое желаніе выйти на этомъ ботикѣ въ просторъ Чернаго моря. Ботикъ былъ маленькій, команды полагалось на немъ всего четыре человѣка, и Иванъ Семеновичъ основательно опасался, что Лазаревъ, помимо прочихъ соображеній, какъ бы связанный нравственною отвѣтственностью предъ Семеномъ Яковлевичемъ, ни за что̀ не позволитъ рискованнаго предпріятія. Колеблясь между чувствомъ страха и надежды, тѣмъ не менѣе Иванъ Семеновичъ рѣшился однажды воспользоваться добрымъ расположеніемъ адмирала и высказалъ ему свое затаенное желаніе сходить на ботикѣ въ Севастополь. Къ удивленію и радости Иванъ Семеновичъ услышалъ отвѣтъ совершенно неожиданный. Лазаревъ сказалъ, что этотъ ботикъ построенъ такъ, что на немъ можно смѣло совершить путешествіе изъ Ливерпуля въ Вандименову Землю и разрѣшилъ Ивану Семеновичу его завѣтное плаваніе.

Надобно было слышать, какъ черезъ сорокъ лѣтъ разсказывалъ Иванъ Семеновичъ о своемъ юношескомъ восторгѣ. Это первое самостоятельное плаваніе и затѣмъ эпопея Оріанды, кажется, произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

Въ тотъ же вечеръ ботикъ былъ снабженъ провизіей и всѣмъ необходимымъ, а на другое утро съ разсвѣтомъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Иванъ Семеновичъ пустился внизъ по Бугу. Счастію его не было предѣла, какъ вдругъ совершенно неожиданно онъ увидалъ слѣдующую по берегу коляску и въ коляскѣ Лазарева, выѣхавшаго проводить ботикъ.

«Передъ закатомъ солнца», пишетъ Иванъ Семеновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «я вышелъ изъ Днѣпровскаго лимана, то-есть прошелъ мимо Очакова и Кинбурна и съ закатомъ вступилъ въ море; попутный вѣтеръ свѣжѣлъ, и ботикъ мой несся по волнамъ Чернаго моря. Я былъ въ восторгѣ и почувствовалъ осязательно всю красоту и наслажденіе морской жизни. По утру на другой день, я на этомъ ботикѣ уже входилъ съ гордо-поднятымъ военнымъ флагомъ на Севастопольскій рейдъ... При этомъ плаваніи я буквально соблюдалъ каждое слово тѣхъ наставленій, которыми начинялъ меня наканунѣ этого плаванія Михаилъ Петровичъ».... Въ Севастополѣ Иванъ Семеновичъ оставался всего одинъ день и вскорѣ вернулся въ Николаевъ совершенно благополучно, къ великому удовольствію Михаила Петровича.

Лѣта 1842 и 1843 годовъ имѣли рѣшающее вліяніе на всю послѣдующую жизнь Ивана Семеновича, а потому будетъ вполнѣ умѣстно привести отрывокъ изъ его, къ сожалѣнію, слишкомъ краткихъ воспоминаній. Отрывокъ этотъ относится къ веснѣ 1843 года и рисуетъ картину морской жизни въ Николаевѣ. Самая восторженность отрывка лучше всего свидѣтельствуетъ о глубинѣ произведеннаго на воспріимчивую душу впечатлѣнія.

«Во второй половинѣ Марта рѣки въ тѣхъ мѣстахъ уже вскрывались, а къ Апрѣлю всѣ воды становились чистыми отъ льда, и въ Николаевъ, то-есть въ Ингулъ входили изъ разныхъ портовъ Чернаго моря преимущественно транспорты и пароходы. Они проходили подъ горой адмиральскаго сада и тутъ же убирали паруса и становились на якорь или швартовались для принятія различнаго груза, чтобы потомъ развозить эти грузы по портамъ. Тутъ непремѣнно всякій проходившій по дорожкамъ сада увидѣлъ бы адмирала съ трубою на берегу у стѣнки, замѣчающаго каждое движеніе на входящемъ суднѣ. Это былъ по истинѣ страстный охотникъ до морскаго дѣла, и ни одинъ моментъ на суднѣ входящемъ въ портъ или выходящемъ изъ онаго не ускользалъ отъ его глаза. Въ тоже время многочисленныя шлюпки подъ парусами и подъ веслами сновали по рѣкѣ на глазахъ адмирала. Радость наступившей весны изображалась на каждомъ шагу, и не было точки на водѣ, гдѣ бы не останавливалось вниманіе на какомъ-либо чудесномъ зрѣлищѣ, разумѣется морскомъ; жизнь морская, что называется, не умолкала до глубокой ночи, а на берегу соотвѣтствующіе этой жизни разговоры, критическія бесѣды различныхъ группъ, и вся эта жизнь полная энергіи и страсти къ одному дѣлу, проявлялась лишь благодаря постоянно дѣйствующей пружинѣ, и эта пружина, все ободряющая, все оживляющая, все движущая, несомнѣнно былъ Михаилъ Петровичъ. Для всѣхъ и каждаго удостоившихся

чести носить морской мундиръ въ то время, онъ казался божествомъ и повелителемъ всего, что на водахъ и на морѣ двигалось и колыхалось. Такъ былъ онъ великъ и могущественъ. Можно смѣло сказать, что подобнаго ему дѣятеля въ Россіи не существовало!»

«Часто катался я на шлюпкахъ разнаго рода изъ адмиральскаго сарая и поутру и послѣ обѣда. Иногда—но это уже бывало полное торжество—послѣ обѣда являлась въ группѣ катающихся новая шлюпка: самъ Михаилъ Петровичъ садился на руль. Я забивался на этой шлюпкѣ куда-нибудь въ носовую часть, гдѣ обдавало брызгами воды; весь мокрый, но не обращающій на эту мокроту ни малѣйшаго вниманія, я при катаньѣ этомъ былъ самымъ восторженнымъ и ревностнымъ исполнителемъ личныхъ требованій адмирала. Такого рода катанія доставляли мнѣ осязательную пользу для будущей моей службы на морѣ. Въ то время я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Я катался, какъ сказано, почти каждый день подъ парусами на различныхъ шлюпкахъ и послѣ этого, когда только представлялась возможность, старался искать бесѣды о своихъ впечатлѣніяхъ (конечно морской бесѣды, иныхъ у меня не было) съ Михаиломъ Петровичемъ, чтобы зарядить себя морскими размышленіями и съ ними на ночь лечь въ постель. Наиудобнѣйшее время представлялось обыкновенно за вечернимъ чаемъ у адмирала. Иногда въ то время морскіе анекдоты, разсказы адмираломъ разныхъ случаевъ бывшихъ въ его продолжительной морской службѣ продолжались до поздняго часа, и въ такихъ случаяхъ, несмотря на юность свою и дневное утомленіе, мнѣ, въ силу внутренняго волненія, происходившаго отъ избытка счастія, случалось не спать всю ночь и съ нетерпѣніемъ ожидать восхода солнца, чтобы поспѣшить подъ гору въ шлюпочный сарай для новыхъ дневныхъ похожденій и нерѣдко для немедленнаго приложенія на практикѣ того, что̀ слышалъ я наканунѣ изъ золотыхъ устъ моего несравненнаго благодѣтеля».

Въ этомъ же году лѣтомъ и на томъ же ботикѣ Иванъ Семеновичъ совершилъ болѣе серіозное плаваніе по портамъ Чернаго моря. Онъ заходилъ въ Одессу, Севастополь, Ѳеодосію, Керчъ, оттуда къ Сулинскому гирлу Дуная и обратно въ Николаевъ. Плаваніе это, совершенное при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ и обнаружившейся течи въ ботикѣ, закрѣпило довѣріе адмирала къ Ивану Семеновичу и, полагая, что онъ уже въ совершенствѣ постигъ искусство управленія шлюпками, Лазаревъ назначилъ его вахтеннымъ командиромъ на бригъ *Персей*, отправлявшійся на станцію въ Пирей въ распоряженіе нашего посланника. На этомъ бригѣ Иванъ Семеновичъ посѣтилъ многіе порты Средиземнаго моря, былъ на Мальтѣ. въ Неаполѣ,

частнымъ образомъ ѣздилъ въ Римъ и, возвратившись ровно черезъ годъ, то-есть въ Сентябрѣ 1844 года въ Николаевъ, снова вступилъ въ отправленіе обязанностей адъютанта. Какъ адъютантъ, Иванъ Семеновичъ ежегодно исполнялъ при адмиралѣ обязанности флагъ-офицера, когда Михаилъ Петровичъ въ теченіи лѣта на мѣсяцъ приходилъ въ Севастополь и лично вступалъ въ командованіе флотомъ.

Время учебныхъ занятій дѣлилось обыкновенно на двѣ половины. Сначала Лазаревъ производилъ рядъ ученій на якорѣ въ Севастопольской бухтѣ, а затѣмъ имѣя флагъ на кораблѣ *Двѣнадцать Апостоловъ* подъ командою В. А. Корнилова со всѣмъ Черноморскимъ флотомъ уходилъ въ море для производства различныхъ эволюцій. Время это было временемъ самой напряженной дѣятельности, и соревнованіе доходило до болѣзненности. Живо помню я разсказы Черноморскихъ моряковъ, слышанные мною въ ранней юности въ Кронштадтѣ объ ученьяхъ Лазарева. Въ особенности помню я разсказы одного изъ героевъ Севастопольской обороны вице-адмирала Аполинарія Александровича Зарина. Достаточно сказать, что Заринъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ обороны провелъ на бастіонахъ и восемь изъ нихъ прокомандовалъ 1-й оборонительной линіей, то-есть правымъ флангомъ нашихъ укрѣпленій: было о чемъ вспомнить! И вотъ изъ всѣхъ его разсказовъ наиболѣе врѣзавшимися въ память были тѣ, которые относились до Лазаревскихъ посѣщеній Севастополя. Воображенію рисовалась дивная картина. Севастопольская бухта покрыта десятками судовъ, вышедшими изъ знаменитаго Лазаревскаго адмиралтейства; красота корабельныхъ линій какъ бы стремилась вверхъ лѣсомъ мачтъ, то покрытыхъ бѣлоснѣжными парусами, то щеголявшихъ безупречною чистотою вооруженія; распорядителями малѣйшаго движенія на каждомъ суднѣ являлись избранные знатоки морскаго искусства. Каждый изъ нихъ обладалъ неумолимымъ критическимъ взглядомъ, каждый чувствовалъ на себѣ пытливо устремленный взглядъ учителя. Это былъ какъ бы оркестръ, составленный исключительно изъ виртуозовъ; среди подобнаго оркестра обратить на себя вниманіе было достойною цѣлью жизни. И всѣ стремились къ этой цѣли и въ одобреніи Михаила Петровича видѣли ея достиженіе.

Понятно, съ какою страстностью вникалъ Иванъ Семеновичъ въ тайны управленія судами высшихъ ранговъ; ни малѣйшаго замѣчанія адмирала, по собственному признанію, онъ не забылъ до конца жизни, и всѣ мечты его были направлены къ тому, чтобы явиться самостоятельно дѣйствующимъ лицомъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Этимъ мечтамъ суждено было сбыться довольно скоро; въ Сентябрѣ 1846 г.

Иванъ Семеновичъ былъ произведенъ по экзамену въ лейтенанты, а въ Декабрѣ того же года назначенъ командиромъ яхты *Оріанда.*

Два слова объ этой яхтѣ. *Оріанда* была тендеръ, то-есть одномачтовое судно, выстроена въ 1836 году подъ личнымъ наблюденіемъ Михаила Петровича и составляла предметъ особенной его гордости. Лазаревъ съ нѣкоторымъ упрямствомъ считалъ *Оріанду* чуть-ли не первою яхтою въ мірѣ и считалъ ее таковою даже тогда, когда въ Англійскихъ адмиралтействахъ были отстроены яхты усовершенствованнаго типа. Первыя десять лѣтъ *Оріандѣ* не везло, три послѣдовательно-смѣнявшіеся командира не удовлетворяли требованіямъ Лазарева, и онъ сталъ уже было къ ней охладѣвать, какъ вдругъ, съ назначеніемъ Ивана Семеновича, ослабѣвшее пристрастіе проснулось съ удвоенною силою.

Иванъ Семеновичъ, уже въ совершенствѣ постигшій искусство управленія парусными судами, влюбленный въ Лазарева и зная, чего послѣдній ожидалъ, назначая его командиромъ яхты, съ перваго дня напрягъ всѣ свои силы, чтобы оправдать довѣріе адмирала. *Оріанда,* по мѣрѣ изученія ея свойствъ новымъ командиромъ, стала давать тѣ результаты, которые предчувствовалъ Михаилъ Петровичъ. Уже въ первыхъ плаваніяхъ по Бугу *Оріанда* сорвала нѣсколько одобреній. Иногда Михаилъ Петровичъ появлялся на ея палубѣ со своимъ семействомъ и предпринималъ на ней послѣобѣденныя прогулки. Однажды, разсказывалъ Иванъ Семеновичъ, мы спускались внизъ по рѣкѣ; впереди насъ, на значительномъ разстояніи, ходко выбирался Французскій бригъ. «Обгоните-ка мнѣ этотъ бригъ», сказалъ Лазаревъ. Задача казалась непосильна; двухъ мачтовый бригъ, очевидно хорошій ходокъ, находился слишкомъ далеко впереди и, несмотря на всѣ усилія управлявшаго рулемъ Ивана Семеновича, дѣло подвигалось медленно. «Пустите меня къ рулю» сказалъ Лазаревъ и, взявъ на себя управленіе яхтою, пользуясь каждымъ благопріятнымъ мгновеніемъ, мастерски выполнилъ намѣченную задачу. Черезъ полчаса яхта уже шла впереди брига. Иванъ Семеновичъ всегда любилъ вспоминать этотъ случай и мастерство Михаила Петровича.

Лѣто 1847 года Иванъ Семеновичъ, командуя яхтою, неоднократно плавалъ по Черному морю и принималъ участіе въ упомянутыхъ морскихъ ученіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ адмирала.

«Адмиралъ», пишетъ Иванъ Семеновичъ, «нѣсколько дней стоялъ съ флотомъ на рейдѣ въ Севастополѣ. Екатерина Тимоѳеевна *) почти каждый день съ дѣтьми пріѣзжала къ нему на корабль въ два часа обѣдать. Послѣ обѣда, по сигналу съ флагманскаго корабля, ото всѣхъ

*) Супруга Михаила Петровича.

стоявшихъ на этомъ рейдѣ судовъ отваливали подъ парусами гребныя суда различныхъ вооруженій—кататься и лавировать по рейду; всѣ стремились проходить подъ кормой адмиральскаго корабля; на прочихъ корабляхъ играла музыка, и я, съ яхтой *Оріандой* снимаясь съ якоря, лавировалъ по рейду чрезвычайно близко и множество разъ проходилъ или, выражаясь морскимъ языкомъ, рѣзалъ корму этого корабля. Адмиралъ въ это время обыкновенно послѣ обѣда сидѣлъ на корабельномъ балконѣ съ сигарой, и возлѣ него были дѣти и жена. Эти торжественныя для меня минуты остались для меня лучшимъ, благоговѣйнымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Милый привѣтъ адмирала и громкое выраженіе его удовольствія, каждый разъ, какъ я съ яхтою проходилъ у него подъ кормой «*хорошо, очень хорошо*», восторженно звучатъ до сей минуты у меня въ сердцѣ..... Послѣ нѣсколькихъ такихъ незабвенныхъ дней, проведенныхъ съ флотомъ на якорѣ въ Севастополѣ, наконецъ, по сигналу съ адмиральскаго корабля весь флотъ снимался съ якоря и уходилъ для практическаго плаванія на нѣсколько дней въ морѣ, и по волѣ адмирала я слѣдовалъ съ яхтой *Оріандой* за флотомъ всегда съ неописаннымъ восторгомъ. Снимались съ якоря обыкновенно очень рано поутру и когда всѣ корабли и суда выходили изъ Севастопольской бухты и уже были на просторѣ въ морѣ, тогда съ адмиральскаго корабля поднимался сигналъ: «Кораблямъ и фрегатамъ построиться въ ордеръ похода двухъ колоннъ, а мелкимъ судамъ занять мѣста на вѣтрѣ флота на линіи выстроенныхъ въ колонны кораблей, яхтѣ же *Оріанда* быть на вѣтрѣ, на линіи адмиральскаго корабля». Послѣ начинались различныя эволюціи, построенія, ученья, и такъ продолжалось двое сутокъ. На третьи сутки, по обыкновенію, по сигналу съ адмиральскаго корабля «гнать по вѣтру», весь флотъ гонялся, всѣ лавировали по вѣтру, и по обыкновенію *Оріанда* была къ исходу гонки у всѣхъ на вѣтрѣ, а между кораблями впереди всѣхъ былъ адмиралъ....»

Плаваніями *Оріанды* въ 1847 году Михаилъ Петровичъ остался вполнѣ доволенъ, что видно изъ слѣдующаго. Въ Николаевѣ было извѣстно, что лѣтомъ 1848 года въ Кронштадтѣ предполагалась гонка яхтъ, тендеровъ и шкунъ на Императорскіе призы. Михаилъ Петровичъ выразилъ желаніе, чтобы *Оріанда* приняла участіе въ этой гонкѣ и написалъ объ этомъ князю Меншикову, бывшему въ то время начальникомъ Главнаго Морскаго Штаба. Въ началѣ 1848 года полученъ былъ удовлетворительный отвѣтъ. Понятно, какова должна была быть увѣренность адмирала въ своей яхтѣ и ея командирѣ, чтобы самому напроситься на подобное дѣло. *Оріанда* на водахъ Финскаго залива должна была явиться представительницей Черноморскаго флота, въ руки

ея командира какъ бы ввѣрялись честь этого флота и самолюбіе его начальника. Иванъ Семеновичъ съ радостью принялъ рискованное порученіе.

Зимніе мѣсяцы протекли въ изготовленіи яхты къ дальнему плаванію. Михаилъ Петровичъ входилъ въ мельчайшія подробности, цѣлыхъ три мѣсяца проводилъ вечера въ ежедневныхъ наставленіяхъ и предвидѣніи возможныхъ случайностей. Между прочимъ адмиралъ непремѣнно желалъ, чтобы Иванъ Семеновичъ принялъ участіе во всѣхъ трехъ гонкахъ, то-есть не только съ тендерами, но и со шкунами. Наконецъ 20-го Апрѣля *Оріанда* снялась съ якоря и отправилась по назначенію.

Экипажъ яхты составляли: самъ командиръ, два мичмана Потресовъ и Дмитрій Бутаковъ, подпоручикъ Чернявскій и 25 лучшихъ красавцевъ-матросовъ, выбранныхъ со всего флота.

Гонка яхтъ въ Кронштадтѣ предполагалась около половины Августа, и Иванъ Семеновичъ разсчитывалъ прибыть къ мѣсту назначенія много ранѣе срока, но задержанный постоянными противными вѣтрами онъ медленно подвигался впередъ и только 11-го Іюля прибылъ въ Портсмутъ. Здѣсь яхта простояла цѣлую недѣлю, и командиръ ея ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ въ то время находился В. А. Корниловъ, наблюдавшій за постройкою парохода *Владиміръ*, заказаннаго для Черноморскаго флота. Корниловъ остался очень доволенъ молодымъ командиромъ, о чемъ и писалъ Лазареву. Послѣдній въ свою очередь сообщалъ всѣ получаемыя свѣдѣнія Семену Яковлевичу. Въ письмѣ изъ Николаева отъ 20 Августа 1848 года онъ пишетъ между прочимъ: «Вотъ тебѣ и другой бюллетень объ *Оріандѣ*, любезный другъ Семенъ Яковлевичъ, а слѣдующій ты получишь вѣроятно отъ самого Вани изъ Кронштадта. По выходѣ изъ Гибралтара 19 Іюня онъ встрѣтилъ крѣпкій NW, который все усиливался при увеличивавшемся волненіи. Не желая напрасно ломать яхты, онъ спустился въ Лиссабонъ и вошелъ туда 25-го, но 26-го при перемѣнившемся вѣтрѣ опять вышелъ и прибылъ въ Портсмутъ 11-го Іюля. Тамъ онъ простоялъ восемь дней, да и нельзя было не посмотрѣть прекраснаго тамошняго адмиралтейства и всѣхъ заведеній, дѣлающихъ честь великой морской державѣ. Обѣдалъ у главнаго командира и принятъ имъ былъ очень ласково и радушно; ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ пробылъ два дня, тамъ онъ чуть не влюбился въ знаменитую пѣвицу Jenny Lind. По письму отъ Корнилова, онъ готовъ былъ просидѣть въ театрѣ трое сутокъ не ѣвши и не пивши, только бы слушать и смотрѣть на нее! По видно вспомнилъ, что *Оріанда* еще лучше и потому сѣлъ въ вагонъ и черезъ два съ половиною часа опять очутился въ Портс-

мутѣ: все пролетѣло и изчезло какъ сонъ! Яхта выдержала переходъ океаномъ какъ нельзя лучше. 19-го Іюля онъ изъ Портсмута вышелъ, и съ того времени объ *Оріандѣ* ничего не слышу; а давно бы пора, тѣмъ болѣе, что изъ Кронштадта есть письма отъ 3 Августа, но ея еще тамъ не было. Вѣроятно штили и противные вѣтры ее задерживаютъ, а жаль будетъ, если она къ гонкѣ не поспѣетъ, которая назначена на 12, 13 и 14-е числа сего Августа. Впрочемъ до 12-го оставалось еще девять дней, а въ девять сутокъ (былъ бы только вѣтерокъ) на такомъ суднѣ какъ *Оріанда* много можно сдѣлать.....»

Корниловъ сопровождалъ Ивана Семеновича въ Портсмутъ и прожилъ три дня на *Оріандѣ*. Эта встрѣча и привѣтъ одного изъ славнѣйшихъ командировъ роднаго флота, далеко отъ родины, произвели на Ивана Семеновича самое отрадное впечатлѣніе. Эти три дня, по разсказамъ Ивана Семеновича, онъ посвятилъ исключительно бесѣдамъ о предстоявшей гонкѣ, внимательно выслушивая совѣты Корнилова. Отъ него же онъ услышалъ, что гонка для *Оріанды* предстоитъ весьма трудная. Михаилъ Петровичъ, говорилъ Корниловъ, восторгается *Оріандой*, какъ своимъ дѣтищемъ, и дѣйствительно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годъ своей постройки, *Оріанда* была одною изъ лучшихъ яхтъ въ мірѣ, но съ тѣхъ поръ много воды утекло; въ кораблестроеніи судовъ этого рода сдѣлано много усовершенствованій, и въ Балтійскомъ яхтъ-клубѣ есть нѣсколько яхтъ, выстроенныхъ частію въ Англіи, частію по новѣйшимъ Англійскимъ чертежамъ». Въ особенности предостерегалъ Корниловъ относительно яхты *Варягъ*, принадлежавшей князю Борису Дмитріевичу Голицыну, купленной имъ въ Англіи послѣ взятаго приза на гонкѣ въ Плимутѣ. Все это естественно сильно волновало Ивана Семеновича. «Та увѣренность, говорилъ онъ, которая была во мнѣ въ присутствіи адмирала, исчезала постепенно; я чувствовалъ себя въ постоянной лихорадкѣ, и по мѣрѣ приближенія къ Кронштадту нервное состояніе во мнѣ достигло такой степени, что я совершенно лишился сна».

Утромъ, 8-го Августа, послѣ трехсполовиною мѣсячнаго плаванія, яхта *Оріанда* бросила якорь въ Кронштадтѣ, прибывъ своевременно къ гонкѣ, день для которой еще не былъ окончательно назначенъ. Вечеромъ, въ день прибытія, яхту посѣтилъ князь Меншиковъ со свитой и поздравилъ командира и команду съ благополучнымъ прибытіемъ.

«Встрѣченъ я былъ въ Кронштадтѣ, разсказывалъ Иванъ Семеновичъ, очень радушно моряками вообще и будущими участниками въ гонкѣ въ частности, но не начальствомъ. Изъ лицъ высшаго персонала вниманіе къ *Оріандѣ* оказали только главный начальникъ флота князь Меншиковъ, начальникъ штаба главнаго командира Крон-

штадтскаго порта контръ-адмиралъ Васильевъ, да два лица недавно переведенныхъ изъ Чернаго моря: контръ-адмиралъ Путятинъ и эскадръ-маіоръ Государя флигель-адъютантъ Истоминъ. Два послѣднихъ, посѣщая *Оріанду*, старались возбудить мой смущенный духъ, не отрицая преимуществъ Балтійскихъ яхтъ, но утверждая, что въ управленіи *Оріандой* я буду навѣрное имѣть превосходство».

Путятинъ и въ особенности мой отецъ, еще недавно переставшій носить званіе адъютанта Михаила Петровича, волновались не менѣе командира яхты; для нихъ *Оріанда* имѣла значеніе представительницы Лазаревской чести, а потому еще задолго до прихода, собирая свѣдѣнія о морскихъ достоинствахъ каждой изъ яхтъ, готовившихся къ состязанію, они теперь сообщали Унковскому какъ личныя свои наблюденія, такъ и мнѣнія другихъ опытныхъ моряковъ. *Варягъ*, о которомъ говорилъ Корниловъ, дѣйствительно оказывался самымъ опаснымъ соперникомъ. Что же касается до гонки со шкунами, то объ этомъ не представлялось возможности и помышлять.

Контръ-адмиралъ Васильевъ посѣтилъ яхту и, замѣтивъ въ капитанской каютѣ три висѣвшихъ картинки, изображавшихъ *Оріанду* на якорѣ, подъ парусами въ тихую погоду и подъ парусами со взятыми рифами при сильномъ волненіи, обѣщалъ прислать картину, которую и совѣтывалъ повѣсить на мѣсто средней.

Картина, которую доставилъ Васильевъ, была небольшая копія масляными красками съ извѣстной въ то время картины художника Кригера, изображавшей объѣздъ войскъ на Майскомъ парадѣ Императоромъ Николаемъ, Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и другими лицами свиты. Согласно желанію Васильева Иванъ Семеновичъ повѣсилъ ее на указанномъ мѣстѣ.

Время гонки уже окончательно приблизилось, а между тѣмъ Иванъ Семеновичъ ни отъ кого не могъ добиться когда же именно она произойдетъ. 12-го Августа вечеромъ Унковской былъ у Васильева и засталъ тамъ одно изъ высшихъ лицъ во флотѣ, назначенное быть въ числѣ судей гонки, но и это лицо ничего положительнаго не сказало. Вернувшись на яхту совершенно спокойный, что на завтра гонки не будетъ, Иванъ Семеновичъ легъ спать, но раннимъ утромъ былъ разбуженъ донесеніемъ вахтеннаго, что мимо *Оріанды* лавировкою проходятъ другія яхты. Вслѣдъ за тѣмъ отъ Васильева получена была записка слѣдующаго содержанія: «Подлежитъ сняться съ якоря и слѣдовать къ мѣсту гонки, къ мысу Стерсуденю, отстоящему отъ Кронштадта миль на девять».

Здѣсь въ послѣдній разъ обратимся къ Запискамъ покойнаго, такъ какъ вскорѣ за тѣмъ онѣ къ сожалѣнію прерываются. «Не оставалось

никакой надежды», пишетъ Иванъ Семеновичъ, «въ этотъ день попасть къ мѣсту гонки, но однако я снялся съ якоря и сталъ лавировать. На одномъ изъ гальсовъ у меня на яхтѣ переломился перержавленный гакъ и упалъ гафель; я вынужденъ былъ бросить якорь. Въ это время мимо меня прошелъ пароходъ *Ладога* подъ брейтъ-вымпеломъ Великаго Князя Константина Николаевича со многими судьями гонки; очевидно, что на гонку я попасть не могъ, такъ какъ оставалось еще болѣе пяти миль при противномъ крѣпкомъ вѣтрѣ. Сдѣлавъ исправленія, я снова поставилъ паруса и снялся съ якоря, продолжая лавировать къ мѣсту гонки. Тутъ снова встрѣтилъ я возвращавшійся пароходъ *Ладогу*. Великій Князь поздоровался со мною, закричавъ, что гонка отмѣнена на сегодня и назначена на завтра. Тогда я поворотилъ обратно и короткое время пройдя рядомъ съ *Ладогой*, бросилъ якорь на большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ».

«Часа черезъ два послѣ того прибылъ изъ Петергофа, ко мнѣ на яхту, контръ-адмиралъ свиты Путятинъ; ему поручено было Императоромъ узнать, что̀ случилось съ яхтой *Оріандой* и какимъ образомъ посреди рейда *Оріанда* стала на мель, какъ донесено было Государю».

«Я опровергъ это ложное извѣстіе, показавъ Путятину самый сломанный гакъ. Путятинъ просилъ меня заблаговременно занять свое мѣсто на гонкѣ; я снялся съ якоря въ этотъ же день вечеромъ и, когда заштилѣло, перешелъ на свое мѣсто подъ веслами».

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Истоминъ.

ЕЩЕ ЗАГРОБНЫЙ ГОЛОСЪ А. С. ПУШКИНА.

Въ нынѣшнемъ 1887 году истекаетъ полвѣка съ роковаго дня 29 Января, въ который Россія лишилась Пушкина. Ему было бы 88 лѣтъ, и нынѣ здравствуютъ лишь очень немногіе изъ сверстниковъ лично его знавшихъ: въ Одессѣ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ; въ Москвѣ Александръ Петровичъ Петерсонъ, Геннадій Владимировичъ Грудевъ; въ Верхнеднѣпровскѣ А. С. Гангебловъ. Скончался послѣдній его Лицейскій товарищъ канцлеръ князь Горчаковъ; въ прошломъ году, 8 Іюля, отошла въ вѣчность и княгиня В. Ѳ. Вяземская (до конца дней сохранявшая живую, сочувственную память о немъ). Да и младшихъ современниковъ, знавшихъ лично Пушкина въ своей молодости, въ настоящее время на перечетъ: баронъ А. И. Дельвигъ, А. А. Краевскій, графиня А. Г. Толстая; изъ поколѣнія позднѣйшаго—князь П. П. Вяземскій, графъ А. В. Адлербергъ, С. И. Мальцовъ, князь В. А. Трубецкой, графини А. Д. Блудова и Е. Ѳ. Тизенгаузенъ *).

Намъ доводилось бесѣдовать по долгу со многими изъ пріятелей и знакомыхъ Пушкина. Нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ разсказахъ не скрывали личныхъ недостатковъ его; но рѣшительно никто, даже и графъ М. А. Корфъ (изобразившій его въ особой запискѣ съ самой непригляднoй стороны), не могъ говорить о немъ безъ увлеченія и не былъ чуждъ художественнаго и умственнаго обаянія, которое производилъ этотъ человѣкъ не одними своими произведеніями, но еще болѣе своею бесѣдою, въ особенности съ дамами (называвшими его, какъ позднѣе Тютчева, irrésistible, т.-е. передъ кѣмъ нельзя устоять). То что̀ отъ него осталось въ печати не выражало собою и малой доли великихъ дарованій, которыми былъ онъ полонъ. Братъ его Левъ Сергѣевичъ увѣрялъ, что его разговоръ, въ минуту одушевленія, стоилъ цѣлой лучшей его поэмы. Покойный другъ его П. В. Нащокинъ (┼ 1854) говаривалъ, что поприще словесное было для Пушкина лишь случайностью, что если бы судьба велѣла ему быть воиномъ или отвела ему на долю какую либо другую дѣятельность, онъ вездѣ оставилъ бы по себѣ слѣдъ

---

*) Живъ еще во Франціи и убійца Пушкина, баронъ Дантесъ-Гекеренъ.

своего генія. Дѣйствительно, Пушкинъ представляетъ собою удивительное сочетаніе пламеннаго Юга съ здравою разсудительностію Сѣверянина: въ немъ и пылъ воображенія, и великороссійская сметка; и западно европейское просвѣщеніе, и вѣрность простонародной старинѣ. Эта послѣдняя черта, съ годами, развивалась въ немъ все болѣе и болѣе. Въ частныхъ бесѣдахъ иногда онъ даже увлекался до исключительнаго предпочтенія всего Русскаго привозному. Друзья его князь Вяземскій и А. И. Тургеневъ часто спорили съ нимъ по этому поводу, а послѣдній говаривалъ ему: „Милый, да съѣздилъ бы ты хоть въ Штетинъ!“ [1]) Но Пушкинъ, нѣкогда сильно желавшій побывать въ чужихъ краяхъ, въ Одессѣ помышлявшій о бѣгствѣ за границу, позднѣе собиравшійся даже ѣхать въ Китай, въ послѣдніе мѣсяцы жизни своей думалъ, какъ бы перебраться ему со всею семьею въ Псковскую деревню, которая въ 1836 году, по кончинѣ его матери, досталась ему въ наслѣдство и въ которой онъ могъ теперь расположиться по своему усмотрѣнію. Онъ вздыхалъ по своемъ Михайловскомъ, куда нѣкогда его сослали изъ Одессы. Пріѣздъ въ Петербургъ П. А. Осиповой оживилъ въ немъ это желаніе. Его жена еще не видала любимой его деревни. Въ тогдашнихъ произведеніяхъ его можно указать нѣсколько мѣстъ, которыя свидѣтельствуютъ объ этой тоскѣ по деревнѣ и о желаніи выпутаться изъ тяжкихъ условій разорительной Петербургской жизни.

Прошлою осенью въ Ревелѣ удалось намъ встрѣтить (въ спискѣ) Пушкинское осмистишіе, написанное подъ этимъ настроеніемъ. Вновь приводимъ его, съ дополненіемъ, полученнымъ недавно изъ того же источника.

Пора мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ.
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія; а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь, все прахъ: умремъ!

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля:
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Вслѣдъ за этимъ въ Пушкинской рукописи читаемъ:

Юность не имѣетъ нужды въ at home [2]); зрѣлый возрасту ужасается своего уединенія. Блаженъ, кто находитъ подругу: тогда удались онъ *домой*. О скоро-ли перенесу я мои

---

[1]) Слышано отъ князя П. А. Вяземскаго. Въ Штетинъ изъ Петербурга ходили тогда срочные казенные пароходы. П. Б.

[2]) Англійское выраженіе, означающее домашній уголъ, свой домъ. П. Б.

пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь etc. Религія, смерть.

А послѣ этого наброска Пушкинъ написалъ, перенесясь воспоминаніемъ къ жизни въ Михайловскомъ, за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ:

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы,
И въ рощѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы,—
Пріютъ, сіяньемъ Музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ,
И Нимфы Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ,
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ,
И вѣтру въ даръ на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

Конечно, въ печати Пушкинъ исправилъ бы 9-й стихъ и, можетъ быть, не назвалъ бы Дерпта „капищемъ наукъ“; но въ цѣломъ намъ дороги и эти не вполнѣ налаженныя струны его задушевной лиры, этотъ родной, загробный, какъ бы завѣщательный голосъ великаго поэта, зовущій домой, въ Русскую деревню. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и **въ Петербургѣ**, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостинаго Двора, въ д. 46-й, въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются тамъ же, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ВЪ КОНТОРѢ РУССКАГО АРХИВА

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 173-ii)

продаются слѣдующія книги:

Стихотворенія **А. С. Пушкина.** Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова** Цѣна 30 коп.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго.** Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева.** Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, переписка его и статьи о немъ. Цѣна каждому выпуску **ОДИНЪ РУБЛЬ**, за пересылку 10 к.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова.** Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** рубля, съ пересылкою **3** р. **10** к.

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. (Императоръ Александръ Павловичъ въ частныхъ бесѣдахъ, императрица Марія Ѳеодоровна, придворное и высшее Петербургское и Московское общества, тогдашнее политическое и умственное движеніе, живыя и яркія картины быта и страстей). Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

РОСТОПЧИНСКІЯ ПИСЬМА.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1876 и 1878 годовъ напечатаны письма графа Ростопчина, писанныя въ Лондонъ къ графу Воронцову, за послѣдніе годы Екатерининскаго и за все Павловское царствованіе, въ Русскомъ переводѣ съ Французскихъ подлинниковъ, появившихся въ VIII-й книгѣ „Архива Князя Воронцова“. Эти живыя, вполнѣ откровенныя сообщенія, обыкновенно пересылавшіяся не по почтѣ, а съ курьерами или съ путешественниками, представляютъ собою яркую и разнообразную картину дворской, общественной и политической жизни того времени и принадлежатъ къ числу любопытныхъ историческихъ источниковъ. Пылкій, но въ тоже время зоркій графъ Ростопчинъ за частую увлекается пристрастіемъ, иной разъ клевещетъ, нерѣдко мѣняетъ свои мнѣнія о лицахъ и событіяхъ; но въ основѣ своихъ повѣствованій онъ правдивъ и искрененъ, а его отношенія къ графу Воронцову были таковы, что онъ могъ писать ему только то, что̀ считалъ въ данную минуту полною правдою. Въ виду этого извлекаемъ еще нѣсколько Ростопчинскихъ писемъ изъ той же книги, какъ и тѣхъ, которыя появились въ 1880 году въ XXIV-й книгѣ того же сборника. П. Б.

I.

Въ царствованіе Екатерины Великой.

27-го Іюля 1793 года.

Какъ только г-нъ Сиверсъ принялъ методу Сальдерна и князя Репнина, наши затрудненія въ Польшѣ прекратились. Это извѣстіе пришло 23, а послѣ обѣда Государыня украсила графа Зубова голубой лентою и своимъ портретомъ; г-нъ Марковъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а Сиверсъ св. Андрея Первозваннаго. Можете представить, какіе пошли толки при дворѣ. Впрочемъ графъ Зубовъ велъ себя съ отмѣнною скромностью и принималъ поздравленія, какъ

человѣкъ, заслужившій награду. Говорятъ и увѣряютъ, что это голова, наилучше созданная для дѣлъ, что̀ мнѣ кажется тѣмъ удивительнѣе, что молодой человѣкъ до возвышенія своего проводилъ жизнь за чтеніемъ драматическихъ сочиненій; по крайней мѣрѣ я не могу понять, какимъ образомъ Мольеръ или Мариво́ образовали его для управленія дѣлами.

Графа Безбородку ожидаютъ въ Августѣ. Я только-что узналъ объ одномъ, довольно странномъ и доселѣ неизвѣстномъ обстоятельствѣ, что, передъ отъѣздомъ въ Москву, онъ жаловался Императрицѣ на ея обхожденіе съ нимъ и на отдаленіе отъ дѣлъ, говоря, что онъ и вице-канцлеръ только изъ газетъ узнаютъ о томъ что̀ происходитъ въ Европѣ; онъ будто просилъ ее, коли служба его ей не нравится и она можетъ найти другаго на его мѣсто, позволить ему выйти въ отставку. Въ его письмѣ, говорятъ, было много рѣзкаго и справедливаго. Она заперлась у себя въ кабинетѣ и написала ему отвѣтъ съ упреками, къ какимъ она обыкновенно прибѣгаетъ: какъ онъ могъ подумать, что она обошлась бы безъ него, что она оставитъ его при себѣ до конца своей жизни, что онъ напрасно ее обвиняетъ и проч. и проч. Объ этомъ письмѣ Зубовъ до сихъ поръ ничего не знаетъ. По возвращеніи графа Безбородки увидимъ, исполнитъ ли она его желаніе; но я думаю, что, не вредя ему открыто, его соперники отстранятъ его, сколько будетъ возможно. Впрочемъ, самыя важныя дѣла въ ихъ рукахъ: раздѣлъ Польши, Французская война. Въ послѣднее время графу Безбородкѣ поручалось только отправленіе посольства въ Константинополь.

Сегодня дворъ долженъ отправиться въ Петергофъ, гдѣ пробудетъ два или три дня. Это путешествіе дѣлается единственно для того, чтобы показать мѣстность великой княжнѣ Елисаветѣ. Ея сестра Фридерика [1]) немедленно уѣдетъ въ сопровожденіи г-на Стрекалова. Мнѣ даже досадно, за чѣмъ ее такъ долго удерживали; для нея это сонъ, воспоминаніе о которомъ можетъ имѣть вліяніе на остальную ея жизнь. Молодая в. княжна ведетъ себя удивительно для своихъ лѣтъ; она обнаруживаетъ присутствіе характера. Совсѣмъ тѣмъ она немного робѣетъ при Императрицѣ. Молодой великій князь влюбленъ въ нее до безумія и играетъ роль робкаго любовника. Отецъ творитъ вещи необычайныя: онъ губитъ себя и изобрѣтаетъ средства сдѣлаться ненавистнымъ. Онъ велѣлъ сказать гофмаршалу князю Барятинскому, чтобы онъ помнилъ, чѣмъ былъ и не осмѣливался дурно отзываться объ его дѣтяхъ. Онъ приказалъ сказать тоже самое горничнымъ Им-

---

[1]) Съ 1797 года супруга Шведскаго короля Густава IV-го. П. Б.

ператрицы. Онъ грозилъ Бушу, садовнику въ Царскомъ Селѣ, побить его палкой за то, что онъ послалъ великой княгинѣ плодовъ. Графинѣ Шуваловой, немного опоздавшей приходомъ, велѣно отъ него сказать, что она могла бы себя постѣснить для него, такъ какъ она исполняла же все, что̀ заставлялъ ее дѣлать князь Потемкинъ. Онъ очень на меня расчитываетъ, расточаетъ мнѣ вниманіе и любезности, говоритъ, что я съ нимъ могу быть, какъ мнѣ хочется, и это меня чрезвычайно стѣсняетъ: ибо для меня нѣтъ ничего въ свѣтѣ страшнѣе послѣ безчестія какъ его благосклонность. Что̀ я ни дѣлалъ, чтобы отъ него быть подальше, онъ приказалъ мнѣ недавно придти къ нему въ его небольшой садъ и тамъ заявилъ мнѣ, какъ обо мнѣ думаетъ и какъ ему желательно почтить меня своею довѣренностью. Онъ спросилъ, какъ я хочу, чтобы онъ обходился со мною? Я отвѣчалъ, что моими поступками я всегда домогался внушить Его Императорскому Высочеству доброе о себѣ мнѣніе и такъ какъ я этого достигъ, то буду стараться сохранить оное, а затѣмъ желать больше для меня нечего.

Этотъ Нарышкинъ такой человѣкъ, что подобнаго никогда не встрѣтишь: кромѣ хлопотъ, которымъ онъ предается, онъ вѣчно въ заботѣ и все для того, чтобы понравиться великому князю. Недавно онъ устроилъ великолѣпный праздникъ въ день имянинъ великой княгини. Вотъ женщина, которой слѣдовало бы воздвигать алтари; это сама добродѣтель [2]).

Объ себѣ не получилъ я еще никакого отвѣта. Между тѣмъ произошло со мной удивительное обстоятельство, очень даже непріятное для меня; я нахожу въ немъ даже нѣчто весьма оскорбительное. Этой зимой игралъ я съ друзьями пословицы и, говорятъ, имѣлъ успѣхъ. Однажды вечеромъ въ Царскомъ Селѣ вздумали импровизировать коечто, чтобъ позабавить Государыню. Затѣя не удавалась, и я сказалъ Зубову, что играть не хочу; но Государыня позвала меня и ласково попросила представить ей нѣкоторыхъ лицъ. Отказаться не было никакой возможности; я представилъ, это ей понравилось, и она попросила повторить. Затѣмъ я сочинилъ пословицу, имѣвшую большой успѣхъ. Она много говорила обо мнѣ, бесѣдуетъ со мной всегда, и вотъ родъ извѣстности, заслуженной ремесломъ комедіанта. Я самъ браню себя за это, и боюсь, что вы не одобрите того, что́ я дѣлаю. Умоляю, скажите, что̀ вы объ этомъ думаете?—Кочубей еще въ Вѣнѣ, продолжаетъ быть въ подагрѣ; недавно онъ мнѣ писалъ. Прощайте,

---

[2]) Черезъ семь лѣтъ графъ Ростопчинъ совсѣмъ иначе судилъ о той же особѣ; но тогда времена наступили совершенно другія. П. Б.

графъ! Я боюсь, что въ моихъ дѣйствіяхъ иное вамъ не нравится; а я постоянно забочусь о томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ вашего довѣрія. Говорю вамъ все, такъ какъ вы для меня все.

2.

2 (13) Сентября (1793). С.-Петербургъ.

Я только что возвратился изъ дворца и улучаю минуту, чтобы написать вамъ нѣсколько строкъ, будучи принужденъ ѣхать въ Павловское, куда возвращается великій князь. Графу Безбородкѣ пожаловали бриллiантовую оливковую вѣтку и земель. Самойлову шпагу и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; онъ будетъ также сдѣланъ графомъ какъ и Завадовскій, очень опечаленный смертью своего единственнаго сына. Пассекъ, графъ Остерманъ Московскій, Измайловъ, оберъ-егермейстеръ Голицынъ, Гудовичъ получили голубыя ленты; князь Барятинскій, Несвицкій, Чертковъ, Обуховъ ленты св. Александра Невскаго, также и графъ Валерьянъ Зубовъ. Старшему Зубову пожаловано 15,000 душъ крестьянъ; старшему Маркову 3,000; младшему 1,200; князю Репнину алмазные знаки и 60,000 рублей. Фельдмаршалу Румянцову шпага, Суворову благодарность отъ Сената и на выборъ крестъ Георгія 3-й степени или св. Владимира. Всего роздано 111 крестовъ св. Владимира разныхъ степеней, изъ нихъ 37 второй степени. Мнѣ назначался 3-й степени, но какіе-то бездѣльники помѣшали, и я не горюю, жалѣя только, что огорчили графа Безбородку при раздачѣ наградъ, которыхъ онъ испрашивалъ. Салтыковы, Дарья Петровна и Наталья Владимировна, сдѣланы статсъ-дамами. Маленькая Браницкая, дочь Потоцкой, и дочь князя Юрья Долгорукова—фрейлинами. Отецъ получилъ ленту св. Владимира 1-й степени [3]).

Вотъ все, что̀ я успѣлъ вамъ сообщить; могу васъ увѣрить, что для меня ваше уваженіе дороже всякихъ знаковъ отличія.

3.

9 (20) Марта (1794). С.-Петербургъ.

Мнѣ кажется, что война неизбѣжна для Россіи, такъ какъ ея желаетъ Государыня, не смотря на умѣренные и миролюбивые отвѣты

---

[3]) Это награды по поводу торжества мира съ Турціею, заключеннаго гораздо раньше. П. Б.

Порты. Она настаиваетъ на своей цѣли и хочетъ наполнить газеты вѣстью о бомбардированіи Константинополя. Она говоритъ у себя за столомъ, что скоро потеряетъ терпѣніе и покажетъ Туркамъ, что также легко войдти къ нимъ въ столицу, какъ совершить путешествіе въ Крымъ. Она даже обвиняетъ иногда князя Потемкина въ томъ, что онъ, по недостатку доброй воли, не довершилъ ея намѣренія: *потому что стоило бы только захотѣть*. Это ея выраженіе. Съ другой стороны, ей сверхъ того хочется закрѣпить за великимъ княземъ Константиномъ Валахію и Молдавію и воцарить его тамъ. Но война неизбѣжна и потому, что графъ Зубовъ непремѣнно хочетъ самъ водить арміями и имѣть предлогъ сдѣлаться главнокомандующимъ, великимъ военнымъ человѣкомъ и пр. Онъ вѣроятно надѣется на Маркова, рѣшаясь взять на себя обязанность, которая на долго удалитъ его отъ двора, что̀ поистинѣ опасно для людей, находящихся въ милости.... Повидимому онъ хочетъ слѣдовать примѣру князя Потемкина.

Наличныхъ денегъ больше нѣтъ: серебрянный рубль стоитъ 150 коп. бумажныхъ. Самойловъ, не знаю по чьему наущенію, предложилъ было изготовить новую монету по теперешней ея цѣнности. Это предложеніе едва не было принято, благодаря выгодѣ, которую находили въ томъ, что тѣмъ помѣшаютъ вывозу звонкой монеты; но не приняли въ разчетъ, что бумажки останутся бумажками и что онѣ никогда не могутъ быть равноцѣнны съ новой звонкой монетой, мнимая цѣнность которой была бы только приманкою.

На границахъ производятся усиленные сборы войскъ. Генералы и офицеры получили строжайшія приказанія быть къ своимъ полкамъ; не смотря на это, никто не торопится: до такой степени непослушаніе вошло въ привычку. Черноморской флотъ весьма значителенъ. Имъ командуетъ честный и порядочный Мордвиновъ, а флотиліей Рибасъ, совершенно противоложный Мордвинову. Они оба въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Зубовымъ. Графъ Салтыковъ замѣняетъ въ Польшѣ князя Юрья Долгорукова, который, получа ленту Св. Владиміра, фрейлинскій шифръ для дочери, которая тѣмъ самымъ узаконна [1]) и убѣдясь, что человѣку, привыкшему къ порядку, невозможно долѣе служить, удаляется по болѣзни въ Москву.

По всему, что̀ я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, доставшаяся на нашу долю часть Польши сдѣлалась притономъ разбойниковъ. Сол-

[1]) Князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ женился на графинѣ Бутурлиной въ то время, когда братъ его князь Василій былъ женатъ на другой сестрѣ графинѣ Бутурлиной же. Поэтому княжна Варвара Юрьевна (впослѣдствіи княгиня Горчакова) считалась незаконнорожденной. П. Б.

даты, не получая въ теченіе 8 мѣсяцевъ жалованья и терпя во всемъ недостатокъ, никого не слушаются и грабятъ безнаказанно.

Вамъ хотѣлось знать, кто замѣнитъ Скавронскаго. Я думаю, вы уже извѣщены теперь о назначеніи новыхъ министровъ. Графъ Панинъ, молодой человѣкъ отмѣнныхъ достоинствъ и поведенія необыкновеннаго для его возраста (ему всего 24 года), долженъ былъ ѣхать въ Неаполь [5]). Указъ уже былъ подписанъ; но вслѣдствіе выхода въ отставку Нессельроде, назначенія измѣнились: въ Берлинъ поѣдетъ Колычевъ изъ Гаги, Панинъ на его мѣсто; графъ Штакельбергъ въ Туринъ, а бѣдный Бѣлосельскій остался не при чемъ, не подозрѣвая того до самой той поры, какъ хотѣлъ возвращаться туда изъ отпуска. Этотъ Штакельбергъ какъ бы рожденъ для той службы, которую онъ выбралъ; онъ очень уменъ, проницателенъ, вкрадчивъ, со всѣми крайне вѣжливъ, напоминаетъ Іезуита, и образомъ дѣйствій своихъ какъ бы оттѣняетъ странности своего отца. Сей послѣдній до сихъ поръ воображаетъ себя 25 лѣтнимъ прельстителемъ, любезникъ, несносный, честолюбивый, низкопоклонный, оправдываетъ поступки свои желаніемъ упрочить судьбу своихъ дѣтей; влюбленъ въ дворскую жизнь, гдѣ имъ тяготятся, особенно послѣ припадка падучей болѣзни, которую онъ называетъ слабостью. Головкинъ [6]) назначенъ въ Неаполь. Можно было бы порадоваться, что отдѣлались отъ бездѣльника, если бъ не оставалось ихъ еще болѣе десятка на замѣну его. Этотъ человѣкъ обладаетъ всѣми нужными качествами, чтобы имѣть успѣхъ при дворѣ и обманывать публику. Я увѣренъ, что онъ одинаково отличался бы при дворѣ Людовика XV и между Якобинцами. Я очень сожалѣю о кончинѣ Зиновьева. Это былъ такой хорошій старикъ! То что онъ видѣлъ, въ связи съ проволочкою его отправленія, ускорило его кончину. Въ Царскомъ Селѣ обращались съ нимъ почти какъ съ шутомъ; его увлеченіе Испаніей и живой его характеръ подавали поводъ къ насмѣшкамъ, въ которыхъ не знали мѣры при дворѣ. Его наградили пенсіей въ 2.000 р. въ прибавку къ жалованію, чему онъ очень былъ радъ. Не знаю, за что, но онъ питалъ ко мнѣ большую дружбу и когда говорилъ о своемъ отъѣздѣ, то всегда прибавлялъ, что сердце у него обливается кровью отъ всего видѣннаго и слышаннаго здѣсь. Онъ еще никѣмъ не замѣненъ; думаютъ, что Крюднеръ получитъ это мѣсто,

---

[5]) Любопытенъ этотъ отзывъ о человѣкѣ, котораго графъ Ростопчинъ впослѣдствіи считалъ злѣйшимъ врагомъ своимъ, чему способствовали Нѣмецкія связи графа Никиты Петровича. П. Б.

[6]) Графъ Юрій Александровичъ, впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа. П. Б.

а сего послѣдняго замѣнитъ въ Копенгагенѣ баронъ Штакельбергъ, только что пожалованный камергеромъ, очень достойный человѣкъ, долго служившій при иностранныхъ посольствахъ.

Вліяніе Маркова все усиливается. Онъ средоточіе всѣхъ дѣлъ, и все идетъ по его почину и руководству. Любимецъ слыветъ за очень работящаго человѣка, потому что никого не принимаетъ, отзываясь, что онъ занятъ. На дняхъ будетъ онъ княземъ Римской Имперіи, а Марковъ—графомъ. Я нахожу, что сей послѣдній очень хорошо дѣлаетъ, напоминая отъ времени до времени, что ему еще чего-то недостаетъ, и онъ всегда вмѣстѣ съ Зубовымъ награждаетъ и раздаетъ придворныя милости. Графъ Безбородко опять поѣхалъ въ Москву; предлогомъ частыхъ его отлучекъ служитъ постройка тамошняго дома. Ему положительно нечего дѣлать, и онъ это говоритъ самъ, такъ какъ иностранныя дѣла находятся въ рукахъ Маркова, а внутреннія у Трощинскаго, очень работящаго секретаря Государыни.

Кажется, дѣла Франціи уже наскучили Государынѣ, потому что больше не говорятъ про то что̀ тамъ дѣлается, и вообще ею занимаются только для виду. Тѣмъ не менѣе къ намъ пріѣзжаетъ много Французовъ; таможня полна мужчинами, женщинами и дѣтьми. Я нахожу, что революція очень повредила коронованнымъ особамъ да Арабскимъ сказкамъ тысячи и одной ночи: невѣроятно, до какой степени у всѣхъ развратились и напряглись умы, и росказни про эмигрантовъ превосходятъ волшебныя сказки. Эстергази, кажется, выходитъ изъ моды; Марковъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобы не предостерегать на его счетъ Зубова. Онъ васъ не любитъ и находитъ, что вы приняли слишкомъ мало участія въ несчастной судьбѣ князей и дворянъ, странствующихъ подобно Вѣчному Жиду. Но вражда его къ вамъ ограничилась восклицаніями Привыкнувъ смотрѣть справедливо на вещи, вы слишкомъ любите правду, чтобы скрывать ее въ обстоятельствахъ, при которыхъ ложное состраданіе и желаніе насиловать мнѣнія увлекли рѣшительно всѣхъ и побудили прибѣгнуть къ средствамъ, которыя сплотили цѣлую націю для общей обороны [7]). Думаютъ, что все это кончится скорѣе чѣмъ ожидаютъ, и король Прусскій повидимому первый подаетъ примѣръ возстановленія мира [8]). Въ Швеціи очень довольны графомъ Сер-

---

[7]) Графъ Воронцовъ, въ донесеніяхъ своихъ, не скрывалъ, что Французскіе принцы поступали неблаговидно: и въ Петербургѣ конечно знали, что герцогу Дартуа (будущему Карлу X-му) онъ сказалъ, что если въ жилахъ течетъ кровь Генриха IV-го, слѣдуетъ добывать себѣ положеніе шпагою, а не нищенствовать по чужимъ дворамъ. П. Б.

[8]) Пруссія, воюя вмѣстѣ съ Австріею противъ революціонной Франціи, не столько думала о побѣдахъ, какъ о томъ, какъ бы отхватить землицы у сосѣдей, даже и у своей

гѣемъ, и регентъ уже нѣсколько разъ выражалъ благодарность за выборъ. Это меня очень радуетъ, потому что я очень боялся, чтобы онъ не принялся опять за свои Берлинскія продѣлки [9]).

Дворъ уѣдетъ поздно въ Царское Село: Государынѣ такъ нравится пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, что она пробудетъ тутъ весь Май мѣсяцъ. Главную пріятность этого дворца составляетъ окружающій его садъ, въ которомъ бываетъ немного народа. Великій князь съ недѣлю какъ въ Гатчинѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ моемъ я сообщу вамъ подробности о дворѣ его и его дѣтей. Великій князь Александръ восхищенъ вами и поручилъ мнѣ благодарить васъ за ваше о немъ мнѣніе.

Я счастливъ и слишкомъ влюбленъ въ мою жену, чтобы говорить вамъ про нее. Она довольна велика ростомъ, стройна, держитъ себя хорошо, у нея прекрасные глаза. Вотъ все, что̀ я могу сказать вамъ; больше было бы неумѣстно, и я подожду еще нѣсколько мѣсяцевъ. Я веду близкое знакомство лишь съ нѣсколькими лицами, которыхъ имѣлъ случай узнать раньше, а такъ какъ и жена моя довольно давно находится при дворѣ, чтобы не дорожить большимъ свѣтомъ, то мы бываемъ въ немъ насколько необходимо, чтобы не прослыть чудаками [10]).

4.

Въ царствованіе Павла Петровича.

11-го Февраля 1797 г. С.-Петербургъ.

Я получилъ вашихъ три письма. Послѣднее передалъ мнѣ Рожерсонъ, сказавшій мнѣ, что оно пришло чрезъ Англійскаго негоціанта. Я не писалъ къ вамъ до сихъ поръ не по недостатку времени (потому что, разумѣется, всегда найдешь его для исполненія священной обязанно-

---

союзницы, и первая начала заигрывать съ цареубійцами. Ея тогдашняя измѣна была у насъ позабыта, благодаря вліянію Маріи Ѳеодоровны и королевы Луизы. П. Б.

[9]) Говорится про графа Сергѣя Петровича Румянцова, человѣка близкаго графу Воронцову по уваженію, которое тотъ питалъ къ его отцу-фельдмаршалу, бывшему своему начальнику. Къ сожалѣнію, автобіографія графа С. П. Румянцова (въ „Р. Архивѣ“ 1869, стр. 839) доведена только до 1786 года. П. Б.

[10]) Графиня Екатерина Петровна Ростопчина воспиталась у сестры отца своего камерфрейлины Протасовой и жила съ дѣтства при дворѣ. Съ нею въ Февралѣ 1791 года великій князь Александръ Павловичъ открывалъ балъ въ Таврическомъ дворцѣ на славномъ Потемкинскомъ праздникѣ. П. Б.

сти), но повторяю вамъ опять, какъ не разъ говорилъ, что не люблю писать вамъ чрезъ почту. Вотъ теперь представился довольно удобный случай. Рекомендую вамъ подателя сего, брата очень хорошей особы. Она меня просила поручить его вашему вниманію; его лѣта, желаніе образоваться, а главное хорошее поведеніе расположатъ васъ въ его пользу.

Вы пишете мнѣ объ образчикахъ сукна для мундира, который вы должны носить; я предпочелъ послать мой старый мундиръ: вамъ стоитъ показать его вашему портному. Единственная разница въ томъ, что вмѣсто бархатнаго воротника надо поставить воротникъ изъ краснаго сукна: этимъ обще-армейскій мундиръ отличается отъ мундира Преображенской гвардіи, который носитъ Государь и мы; жилетъ и брюки бѣлые съ позолоченными пуговицами, какъ у мундира; генеральская шляпа съ галуномъ, образчикъ котораго я вамъ посылаю, кокарда какъ прилагаемая и бѣлый плюмажъ; застежка золотая; темлякъ тоже при семъ посылаю.

Теперь буду отвѣчать на нѣкоторые вопросы вашего письма. Волковъ, судьба котораго васъ такъ занимаетъ, умеръ много лѣтъ тому назадъ. Измайловъ очень отличенъ Государемъ. Онъ говорилъ мнѣ, что писалъ вамъ, и я ему показалъ ваше письмо. Гудовичъ ѣдетъ и будетъ во время коронаціи во главѣ Украинской депутаціи. Это умная голова, только прибѣгаетъ къ изворотамъ, чего Государь терпѣть не можетъ; поэтому судите, могъ-ли онъ понравиться. Графъ Николай Румянцовъ сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ; онъ вернулся изъ Кіева, гдѣ былъ на похоронахъ отца. Чтобы почтить память этого великаго мужа, Государь назначилъ въ войскахъ трехдневный трауръ. Графъ Суворовъ получилъ увольненіе, и нельзя достаточно удивляться снисходительности Государя ко всѣмъ глупостямъ, рѣзкостямъ и сальностямъ, которыя позволялъ себѣ этотъ человѣкъ со времени восшествія на престолъ.

До васъ дойдутъ слухи о нѣкоторыхъ смутахъ по губерніямъ. Это вотъ что. Крестьянъ нашихъ стали приводить къ присягѣ, чего прежде не было, и эта глупость нѣкоторыхъ губернаторовъ во многихъ мѣстахъ подала поводъ крестьянамъ думать, что они приписываются къ удѣльнымъ. Они послали отъ себя выборныхъ съ письмами къ Государю и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ. Посланы были воинскія команды съ манифестомъ, въ которомъ Его Императорское Величество изъявляетъ свою волю, чтобы всякій возвратился спокойно къ своимъ обязанностямъ, и съ объявленіемъ, что нарушители порядка будутъ наказаны какъ бунтовщики. Дай Богъ, чтобы Государь былъ всегда доволенъ и спо-

коенъ. Пять лѣтъ мира оградятъ насъ отъ всякихъ покушеній объявлять намъ войну, и Россійская имперія подъ управленіемъ Павла изъ нѣдръ своего благоденствія будетъ предписывать законы всему міру.

Князь Зубовъ получилъ позволеніе ѣхать на два года за границу, а его братъ Валерьянъ въ виду разстроеннаго здоровья просился вернуться изъ Персіи, на что Его Императорское Величество тотчасъ выразилъ согласіе. Онъ женился на нѣкоей графинѣ Протопотоцкой, истой Полькѣ, которая всюду слѣдовала за нимъ. Корсаковъ возвращается сюда по приказанію Государя служить въ гвардіи. Дворъ уѣзжаетъ отсюда 1-го Марта. Останутся до 10-го и поѣдутъ въ Москву. Государь будетъ ожидать въ такъ называемомъ Петровскомъ дворцѣ съѣзда всей семьи, а 25-го Марта во главѣ своей гвардіи вступитъ въ Москву. Онъ будетъ жить въ домѣ графа Безбородки. Коронація назначена на первый день Пасхи, а 2-го Мая Его Императорское Величество съ двумя великими князьями отправится въ Казань, потомъ на Моршанскъ, Рязань, Тулу, Калугу и Смоленскъ. Къ 15-му Іюня онъ думаетъ возвратиться. Государь былъ такъ милостивъ, что назначилъ меня принять участіе во всѣхъ этихъ путешествіяхъ. Я не исполняю болѣе должности генералъ-адъютанта, но завѣдую всей военной частью. Отправляю приказанія Государя, его письма и получаю всѣ донесенія. У меня много дѣла; но я молю Бога, чтобы Онъ мнѣ далъ только здоровья исполнять свои обязанности въ угоду моего Государя. Я ложусь въ 10 часовъ, встаю въ 6; весь день занятъ; обѣдаю съ женой, послѣ обѣда возвращаюсь къ своимъ занятіямъ. Жена по многимъ причинамъ остается здѣсь: ей пришлось бы путешествовать одной туда и назадъ; въ Москвѣ мы видались бы еще менѣе чѣмъ здѣсь, а черезъ мѣсяцъ я бы уѣхалъ оттуда. Весной она привьетъ оспу нашему малюткѣ и займется устройствомъ дома. Я безъ ума отъ моей жены; не знаю, что изъ двухъ любовь или уваженіе наиболѣе привязываетъ меня къ ней. Моему сыну два года и три мѣсяца; онъ великъ, силенъ и очень забавенъ. Болтаетъ немного по-русски и по-англійски. Я кончаю, потому что пришли сказать, что Государь возвращается. Прощайте; позвольте сохранить болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣжденіе, что я всѣмъ обязанъ вамъ, и что, послѣ счастья быть женатымъ на моей женѣ, самое большое счастіе имѣть васъ своимъ благодѣтелемъ.

5.

20-го Мая. Москва (1797).

Я получилъ ваше письмо съ курьеромъ Витворта. Съ тѣхъ поръ не одинъ разъ брался я за перо, чтобы къ вамъ писать, но не могъ

ничего сообщить. Я удрученъ скорбью. Завтра ѣду и еще дальше буду отъ жены и сына, которому привили оспу. Въ короткое время здѣшней жизни я былъ четыре раза боленъ; и кромѣ того не могу не страдать, будучи свидѣтелемъ ужасовъ, имѣя дѣло только съ негодяями, которые наровятъ пограбить, для чего образуютъ сообщества и заключаютъ между собою договоры, наконецъ видя, что и мущины, и женщины думаютъ исключительно о своихъ выгодахъ. На свѣтѣ вы да я служимъ Государю съ единственною цѣлью доказать ему нашу признательность. Можете судить, на какомъ мы счету, и я не понимаю, какъ до сихъ поръ насъ не вытѣснятъ изъ службы. Они могутъ устроить, что Государь на меня прогнѣвается; но онъ никогда не станетъ презирать меня, и въ деревенской ссылкѣ я, можетъ быть, обрѣту счастіе, столь трудно находимое безъ примѣси отравы. Ѣдемъ завтра въ Смоленскъ, Минскъ, Вильну, Гродну и возвращаемся въ Петербургъ черезъ Ригу, къ 29-му числу сего мѣсяца. Въ путешествіи участвуютъ оба великіе князя, князь Безбородко и еще нѣсколько человѣкъ. Простите. Надѣюсь, что вы убѣждены въ двухъ истинахъ: вопервыхъ, что государи очень несчастные люди, и вовторыхъ, что немногіе честные люди, служащіе имъ, гибнутъ оставаясь при дворѣ.

6.

28-го Іюня 1798 г. С.-Петербургъ.

Завтра я уѣзжаю къ себѣ въ деревню, въ которой я выросъ, которую покинулъ ища приключеній и куда теперь возвращаюсь на покой. Я впередъ ощущаю прелесть тамошняго пребыванія съ возможностью сказать черезъ нѣсколько лѣтъ старымъ дубамъ:

Beaux arbres qui m'avez vu naître,
Bientôt vous me verrez mourir [11]).

Я бы уѣхалъ еще мѣсяцъ тому назадъ, но здоровье моей жены и прорѣзываніе зубовъ у моей маленькой дочери задержали меня. Я снабженъ всѣмъ, чтобы забыть о существованіи скуки. Попрошу у васъ, какъ милости, извѣщать меня отъ времени до времени, не случилось-ли съ вами чего непріятнаго, и какъ здоровье ваше и вашихъ дѣтей. Кочубей доставитъ мнѣ ваши письма. Прощайте! [12]).

---

[11]) Прекрасныя деревья, свидѣтели моего рожденія, скоро увидите вы меня умираращаго.

[12]) Графъ Ростопчинъ уѣхалъ въ Ливенскую деревню 3-го Іюля 1798, гдѣ и жилъ у отца своего. Онъ удаленъ былъ по вліянію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Герман-

7.

20 Сентября 1798 (Петербургъ).

Вы очень удивитесь, что я здѣсь. Едва успѣлъ я пріѣхать къ себѣ въ деревню, какъ на четвертый день получаю письмо отъ Государя, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе имѣть меня при себѣ. Я вернулся одинъ: жена пріѣхала послѣ съ дѣтьми, всѣ къ счастью здоровые. Я назначенъ генералъ-лейтенантомъ и начальникомъ военнаго департамента, или вѣрнѣе, военнымъ министромъ Государя. Я сталъ вести прежній образъ жизни, но чувствую себя не особенно хорошо. Меньше прежняго волнуюсь, отчасти потому, что помочь нечѣмъ, отчасти чтобы не околѣть съ горя.

Я почти увѣренъ, что вы не примете того, что̀ вамъ предлагаютъ [13]). Князь Безбородко рѣшительно хочетъ уволиться; сначала онъ будетъ проситься на воды. Вы знаете, можетъ ли кто нибудь замѣнить его. Какъ я былъ радъ слышать о производствѣ вашего сына! Посылаю вамъ камергерскій ключъ. Дворъ скоро возвращается въ Петербургъ: погода отвратительная, дождь льетъ цѣлый мѣсяцъ. Бывшій генералъ-прокуроръ князь Куракинъ получилъ сегодня увольненіе. Знаменитый банкъ, предложенный Вутомъ, поддерживаемый Куракинымъ и покровительствуемый Императрицей, подвергся великому очень полезному преобразованію. Съ первой оказіей я вамъ подробнѣе опишу все происходящее. Графъ Сергѣй Румянцовъ повышенъ и удаленъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что̀ его очень огорчаетъ; но это было желаніе князя Безбородки. Онъ чрезвычайно покровительствуетъ Куракинымъ, изъ которыхъ одинъ глупъ, какъ безсловесное животное, другой бездѣльникъ, годный на висѣлицу. Прощайте, графъ; не смѣю льстить себя надеждой видѣть васъ скоро здѣсь. Вамъ надо будетъ рѣшиться на многія пожертвованія, а вы умѣете цѣнить счастье.

8.

26-го Октября 1798 г. Петербургъ

Я до сей поры не могъ сказать вамъ, какъ бы хотѣлось мнѣ ежедневно говорить съ вами по душѣ. Меня захватила въ расплохъ

скія пристрастія которой въ это время возбуждали общее негодованіе благонамѣренныхъ людей, знакомыхъ съ ходомъ правленія. 24-го Августа того же года графъ Ростопчинъ уже былъ въ Гатчинѣ (какъ писалъ о немъ князь Кочубей, см. „Архивъ Князя Воронцова“ XVIII, 162), и тогда же стало ослабѣвать и политическое значеніе Императрицы. П. Б.

[13]) Т.-е. быть вице-канцлеромъ. П. Б.

эстафета, посланная изъ Гатчины, и я только успѣлъ сообщить вамъ мою радость по случаю производства вашего сына. Съ тѣхъ поръ я получилъ вашихъ два письма: одно, адресованное мирному обитателю полей, другое горожанину-царедворцу. Послѣднее передалъ мнѣ Назаревскій. Онъ, мнѣ кажется, поправился, и я берусь устроить все что̀ до него лично касается. Не безпокойтесь о немъ: онъ ни въ чемъ не будетъ нуждаться, такъ какъ онъ изъ вашихъ.

Со мной случилось нѣчто такое, о чемъ недѣлю тому назадъ я не могъ и подумать. Усмотрѣвъ, что Петръ Обрѣсковъ такой же бездѣльникъ какъ многіе другіе, Государь удалилъ его отъ своей особы съ безпримѣрной снисходительностью, сдѣлавъ его сенаторомъ и давъ вознагражденіе въ 20.000 р.: портфель же иностранныхъ дѣлъ порученъ мнѣ. Приходитъ ваше письмо, доказывающее Государю, что ваше возвращеніе сюда не состоится, и отымающее у меня надежду видѣть васъ раньше, чѣмъ самому можно будетъ ѣхать. Два дня спустя (это было третьяго дня) Кочубей назначается вице-канцлеромъ, а я третьимъ членомъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, какъ былъ Бакунинъ и послѣ Марковъ оба съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Я остаюсь при особѣ Государя исполнять тѣже обязанности. Вотъ милости, которыхъ я не могу считать себя достойнымъ. Но больше всего льститъ мнѣ, что всѣмъ этимъ я обязанъ вниманію Монарха вслѣдствіе моихъ дѣйствій, основанныхъ на прямотѣ и отвращеніи отъ всякой низости и происковъ, которыхъ я боюсь и ненавижу болѣе чѣмъ злые боятся ада.

Надѣюсь, что со временемъ министры будутъ довольны этими назначеніями, потому что съ нами водворятся порядокъ и дѣятельность. Нѣтъ нужды говорить вамъ, что князь Безбородко доволенъ этимъ отличіемъ, оказаннымъ его племяннику. Болѣе чѣмъ когда нибудь я буду придерживаться того образа жизни, который мнѣ необходимъ по моимъ занятіямъ, то есть ложиться въ 9, вставать въ 5 часовъ. Мое мѣсто при Государѣ даетъ мнѣ возможность не видаться съ посторонними, чему я очень радъ. Менѣе словъ, менѣе глупостей, и за тѣмъ мнѣ необходимо еще быть съ женой и дѣтьми и имѣть возможность хотя нѣсколько часовъ въ сутки сознавать, что я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Вотъ уже двѣ недѣли, что̀ жена моя и дѣти пользуются прекраснымъ здоровьемъ. 2400 верстъ, которыя они проѣхали, нисколько не повредили имъ. Вы посмѣетесь, услышавъ, что моя маленькая Наташа, которой еще нѣтъ года, улыбается глядя на вашъ портретъ, чего не дѣлаетъ, когда смотритъ на мой или на портретъ матери. Она вся въ свою мать. Дай Богъ ей туже голову и сердце. Я боялся сильно заболѣть; но къ счастью разстройство желудка, происшедшее отъ простуды, совершенно остано-

вило болѣзнь. Но я пролежалъ десять дней. Прилагаю при семъ записочку отъ Кушелева, которую онъ только что прислалъ. Этотъ достойный человѣкъ назначенъ вице-президентомъ Адмиральтейской Коллегіи, а Кутузовъ исполняющимъ должность президента.

Передайте мой привѣтъ уважаемому Рожерсону. Онъ кичится морскими побѣдами Англичанъ, а мы съ Головинымъ радуемся его отсутствію: эти побѣды стоили бы намъ нѣсколькихъ кулачныхъ ударовъ, и наши ребра поплатились бы за подвиги Нильскаго князя. Вы знаете, что графиня Скавронская дѣлаетъ глупость и выходитъ замужъ за графа Литту. Она влюблена въ него и считаетъ за счастіе быть его женою. Прощайте! Поздравьте меня, наставьте, побраните, побейте заочно, но любите преданнаго вамъ по гробъ Ростопчина.

9.

2-го Ноября 1798 г. С.-Петербургъ.

Недѣлю тому назадъ я писалъ вамъ по почтѣ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ моемъ положеніи. Я дѣйствительный тайный совѣтникъ, третій членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и мнѣ порученъ дипломатическій портфель при особѣ Государя. Кочубей также дѣйствительный тайный совѣтникъ и вице-канцлеръ. Только недѣля какъ все это совершилось, и я бы дорого далъ, чтобы ничего этого не было. Горе, тысячекратное горе честному человѣку, обладающему довѣріемъ и расположеніемъ своего монарха: не говоря уже о завистникахъ, его не понимаютъ даже близкіе люди и дѣлаютъ его отвѣтственнымъ за всѣ дѣйствія царя. Я это говорю вамъ, потому что вижу, что ни князь Безбородко, ни Кочубей меня не знаютъ. Государь прогналъ этого бездѣльника Обрѣскова, враждовавшаго противъ Кочубея, казавшагося ему соперникомъ относительно мѣста, о которомъ тотъ никогда и не думалъ. Онъ дѣлалъ непріятности, даже дерзости, князю Безбородкѣ, который, имѣя привычку беречь всякаго находящаго въ милости при дворѣ, обратился, наконецъ, въ секретаря его. Удаливъ Обрѣскова, Государь по просьбѣ князя Безбородки сдѣлалъ его сенаторомъ и далъ ему въ вознагражденіе 20.000 рублей. Я сдѣлался его преемникомъ и недѣлю спустя былъ повышенъ. Первый, кого я смѣнилъ (съ согласія князя Безбородки и даже подчиняясь его намѣренію) былъ здѣшній почтмейстеръ, нѣкій Ганъ, старый дуракъ, сынъ котораго креатура Обрѣскова и вполнѣ ему подчинялся. Государь хотѣлъ непремѣнно, чтобы здѣсь былъ Пестель, Московскій почтъ-директоръ, а на его мѣсто князь предложилъ Бекле-

шова, Кронштадтскаго коменданта, на что Государь тотчасъ согласился. Князь продержалъ у себя указъ четыре дня. Пестель прибылъ сюда и просилъ назначить на свое мѣсто въ Москву меньшаго своего брата, на что Государь согласился, приказавъ, чтобы Беклешова помѣстили здѣсь въ дирекцію почтъ, и велѣлъ мнѣ принести указъ. Вотъ вся моя вина. Она состоитъ въ послушаніи. Князь разсердился, и изъ рѣчей Кочубея я легко понялъ, что на меня смотрятъ какъ на человѣка желающаго завладѣть дѣлами. Князь даже сказалъ, что никогда ничего подобнаго не вышло бы съ нимъ во времена Обрѣскова. Вотъ мнѣ и награда за всѣ мои труды въ теченіи двухъ лѣтъ до воцаренія Государя, за всѣ мои старанія сблизить ихъ. Съ той поры я ловлю всякій случай, чтобы угодить ему и еще недавно отклонилъ отъ себя мѣсто вице-канцлера, чтобы не раздражить его и просилъ за Кочубея. Я говорю это вамъ, потому что его неблагодарность довела меня до слезъ, и вамъ надо это знать. Господь мнѣ свидѣтель, и я сознаюсь въ томъ вамъ, что нисколько не дорожу всѣми этими отличіями; потому что все, что я имѣю мнѣ досталось отъ щедротъ моего царя, и я бы только желалъ имѣть возможность сказать вслухъ, чѣмъ я заслужилъ каждую дарованную мнѣ милость. Государь не слишкомъ долюбливаетъ Кочубея. Онъ находитъ въ немъ какую-то спѣсь и непреклонность въ обращеніи. Надо стараться ослабить это впечатлѣніе. Кочубей ничего для этого не дѣлаетъ. Что же я могу при этомъ? Но къ чему и принимать какую-то личину, когда нужно только дѣйствовать прямо и честно? Однимъ словомъ, мнѣ давно не приходилось такъ огорчаться, и давно со мной не поступали такъ жестоко. Я ничего не сказалъ князю. Я говорилъ съ Кочубеемъ, и мнѣ въ его словахъ послышалась гордость вмѣсто чувства. Но я буду терпѣть, потому что считаю себя въ долгу у дядюшки, и потому что племянникъ изъ вашихъ. Вамъ извѣстенъ мой образъ дѣйствій. Я ненавижу происки. Еслибы даже я захотѣлъ ими заняться, то мой характеръ и моя наружность представляютъ къ тому неодолимое препятствіе. Я ни у кого ничего не просилъ и никогда не буду просить. Я привязался къ Государю, когда онъ еще былъ великимъ княземъ за то, что всѣ его избѣгали и что его благосклонность была пятномъ, а выраженное имъ кому-нибудь презрѣніе служило въ пользу. Вступивъ на престолъ, онъ осыпалъ меня благодѣяніями. Вотъ наша связь; я ему вѣренъ, потому что такъ присягалъ. Я былъ прямъ и честенъ, за это подвергся преслѣдованіямъ; думалъ вслухъ, за это меня прогнали. Вотъ я вернулся, не взлелѣявъ никакого чувства мести; но могу только негодовать, видя, что Государь, расточившій милліоны благодѣяній, не имѣетъ у себя вѣрныхъ слугъ. Его ненавидятъ даже собственныя его дѣти; ве-

ликій князь Александръ ненавидитъ своего отца, великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и все прочее, матерью, съ отвращеніемъ смотрятъ на отца; между тѣмъ всѣ ему улыбаются, будучи рады видѣть его погибель. Какой ужасный характеръ у.... Ея прошлый идолъ — общественное мнѣніе; настоящій — деспотизмъ и страсть къ господству. Она не пренебрегла сообществомъ старой кокетки и своей заклятой соперницы, чтобы управлять мужемъ, и чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ вывести, наконецъ, изъ терпѣнія примѣрную покорность ея волѣ.

Вы очень удивитесь, узнавъ, что новый генералъ-прокуроръ [14]) есть самый скромный и въ дѣлахъ самый ловкій человѣкъ въ свѣтѣ. Дай Богъ, чтобы онъ такъ продолжалъ. Его жена весьма обходительная особа, но не свѣтская и не имѣетъ никакого на него вліянія. Дочь, въ которую влюбленъ Государь, самаго кроткаго нрава. Это страсть рыцарскихъ временъ; никогда Государь не видитъ ея иначе какъ въ обществѣ или въ присутствіи ея отца или мачихи.

Вслѣдствіи увольненія по собственному желанію графа Строгонова произошли при дворѣ перемѣны. Его замѣнилъ графъ Шереметевъ. Вашъ своякъ Нарышкинъ назначенъ на его мѣсто оберъ-гофмаршаломъ. Камергеръ Дурновъ гофъ-маршаломъ. Послѣ производства Кочубея и моего, генералъ-прокуроръ представилъ нѣсколько старыхъ тайныхъ совѣтниковъ, которые и произведены въ дѣйствительные тайные, въ томъ числѣ и вашъ двоюродный братъ гр. Воронцовъ. Уродливый, ростовщическій банкъ, отъ котораго Рожерсонъ едва не умеръ съ горя, подвергся, по здравому разсмотрѣнію, значительнымъ улучшеніямъ. Заемная сумма опредѣлена въ 50.000.000 рублей, облигаціи будутъ обмѣнены изъ денегъ возвращающихся въ двадцалѣтній банкъ, уничтоженіе котораго отлагается на годъ. Назначаютъ также нѣсколько милліоновъ для начала. Убавляютъ проценты, а взысканіе за неплатежъ ограничивается опекой до уплаты долга. Графиня Скавронская вышла замужъ за Литту: еще одной глупостью больше въ ея жизни. Инспекція Литвы поручена генералу Ласси и, несмотря на это, князь Репнинъ не оставитъ службы. Прощайте, графъ! Будьте счастливы вашимъ пребываніемъ въ Англіи. Вы далеко отъ отечества, это правда, но за то какъ далеки отъ низостей и гадостей, совершающихся въ немъ! Пожалѣйте, что я все это вижу и еще больше, что ничего не могу сдѣлать въ данномъ случаѣ.

---

[14]) Князь П. В. Лопухинъ. П. Б.

10.

3-е Декабря (1798).

Пишу съ курьеромъ, котораго отправляютъ къ вамъ. Я получилъ ваше письмо и замѣчу вамъ, что, не смотря на мои настоящія занятія и на тѣ которыя еще могутъ быть возложены на меня, я всегда найду время писать къ вамъ и сообщать что̀ дѣлаю и что̀ думаю. Начну съ увѣдомленія, что вашъ отказъ пріѣхать сюда никого не удивилъ, потому что заранѣе были увѣрены, что вы не примете предложеннаго вамъ. Слабое здоровье, исполненіе самой трудной обязанности, неспокойный дворъ: вотъ три, не только одна, уважительныя причины, чтобы не мѣнять вѣрнаго хорошаго на невѣрное лучшее. Повѣрьте, уважаемый благодѣтель, что нѣсколько недѣль, даже можетъ быть нѣсколько дней пребыванія вашего здѣсь породили бы вамъ враговъ, непріятностей, разочарованій и всего что̀ за тѣмъ слѣдуетъ. О, какъ я тоскую по деревнѣ, куда стремлюсь, не будучи въ состояніи отправиться жить туда и наслаждаться непрерывнымъ счастіемъ вдали отъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ оно всегда ненадежно.

Увѣряю васъ, что не знаешь, наконецъ, чего держаться на этомъ свѣтѣ. Легко себя увѣрить, что, будучи безгранично преданъ своему Монарху, служа ему честно и вѣрно, говоря и думая вслухъ, уважая добродѣтель, презирая порокъ и не заглядывая въ будущее, можно легче чѣмъ когда либо стать человѣкомъ не зауряднымъ; но это только самообольщеніе. Чернь васъ злословитъ, вельможи вамъ завидуютъ и язвятъ; остальные относятся враждебно, сами не зная за что. Хотя мы съ виду и хороши, но я вижу, что князю Безбородкѣ не очень нравится мое безпристрастіе и удаленіе отъ всего что походитъ на происки и стачку. Впрочемъ я не обнаруживаю самой слабой человѣческой струны, именно корыстолюбія: я ничего не просилъ для себя и не буду просить. Это знаютъ, и это-то не нравится. Кочубей очень остороженъ; онъ продолжаетъ посѣщать великаго князя Александра, который очень виноватъ передъ отцомъ своимъ. Я ему высказалъ свое мнѣніе по этому поводу. Даже я рѣшился на нѣкоторыя откровенности и очень не кстати, потому что это ни къ чему не повело. Князь Безбородко говорилъ мнѣ о своемъ предполагаемомъ путешествіи въ Москву на шесть недѣль. Не знаю даже, не думаетъ ли онъ послать оттуда просьбу объ увольненіи; впрочемъ это только мое предположеніе которое естественно, когда часто слышишь отъ него жалобы на непріятности настоящей службы.

Не знаю, удастся ли вамъ сблизить Лондонскій дворъ съ Вѣнскимъ. Мнѣ кажется, что безъ войны они еще болѣе разойдутся; потому что одинъ слишкомъ недобросовѣстенъ, а другой слишкомъ обиженъ. Если Французы вторгнутся въ Неаполитанское королевство, тогда Австрійцы поневолѣ должны начать войну; если же они откажутся воевать, то Государь отниметъ у нихъ данную имъ помощь, которую тогда съ пользою можно употребить въ Голандіи противъ Французовъ, дѣйствуя заодно съ Пруссіей. На это нужно нѣсколько недѣль, и вы увидите, что опасность и необходимость настоятельнѣе всѣхъ убѣжденій. Какъ я ненавижу политику! Она дѣйствительно наука достойная людей, будучи основана на недобросовѣстности и давая право величаться въ ущербъ чести и честности. Вы вѣроятно уже знаете, что Бонапартъ, совершенно разбитый беями, сначала попалъ въ плѣнъ, а за тѣмъ умерщвленъ. Это извѣстіе привезли въ Константинополь семь курьеровъ, посланные туда главными беями; оттуда привезъ его Татаринъ Молдаванскому господарю, который сообщилъ его графу Гудовичу, въ Каменецъ-Подольскъ, а тотъ прислалъ сюда съ нарочнымъ. Это ничего не измѣнитъ въ системѣ Директоріи, и я думаю, она дорого бы дала, чтобы обезпечить себѣ сколько нибудь выгодный миръ. Ихъ глупости весьма на руку ихъ врагамъ, которые къ несчастію ссорятся между собою. Митавскій король и его вельможи живутъ мыслями уже въ Версалѣ, и нѣкоторые надѣются избѣжать нынѣшней зимы. Какая нація! Изверги и невѣжи остались въ своемъ отечествѣ, а глупцы его покинули, чтобы умножить число шарлатановъ по бѣлому свѣту.

Скажу вамъ, что Лопухинъ держитъ себя пока прекрасно; хотя у него два друга способные на все, но они не имѣютъ повидимому вліянія на дѣла: это князь Гаврила Гагаринъ и Карадыгинъ; спросите Рожерсона, онъ вамъ разскажетъ все. Мое здоровье не очень хорошо, и потому я отказался отъ всѣхъ удовольствій свѣта. Я ложусь въ 9 часовъ, будучи принужденъ вставать въ 5½ часовъ, чтобы быть въ 6½ во дворцѣ. Обѣдаю дома и утромъ стараюсь, хотя часъ времени, гулять пѣшкомъ или верхомъ. Можетъ быть, я когда-нибудь пріѣду провести нѣсколько мѣсяцевъ въ вашемъ помѣстьи, и предупреждаю васъ, что я хорошій земледѣлецъ. Обнимаю Рожерсона, которому необходимо скорѣе вернуться сюда: великая княгиня Елисавета должна родить въ концѣ Мая. Я знаю, какъ она его любитъ; а мы всѣ будемъ рады его возвращенію.

11.

6-го Октября, Гатчино (1799) г.

Податель сего нѣкій Новосильцовъ [15]), бывшій въ службѣ подполковникомъ, исключенный изъ нея за то, что попросилъ позволенія лѣчиться. Онъ весьма честенъ, не разъ показалъ себя человѣкомъ прямымъ, приверженнымъ къ своему долгу и отечеству. Онъ чрезвычайно деликатенъ; вниманіе человѣка подобнаго вамъ будетъ ему какъ бальзамъ для души, потрясенной многими непріятностями. Прощайте, графъ. Я бы очень хотѣлъ сопровождать его, и надѣюсь, что это скоро будетъ возможно.

12.

Писано цифрами, 26-го Іюня 1800.

Возвратясь вчера изъ Петербурга, я узналъ, что графу Палену приказано спросить Витворта, когда онъ отправляется съ своимъ посольствомъ, и мнѣ велѣно передать ему. что Гейльсъ, оставившій Стокгольмъ, не простившись ни съ кѣмъ, оказалъ этимъ неуваженіе къ Государю и что Его Императорское Величество не желаетъ Англійскаго повѣреннаго при своемъ дворѣ. Ради Бога, постарайтесь, говоря съ Гренвилемъ, устроить, чтобы не отослали Лизакевича [16]). Господь только знаетъ, къ чему все это поведетъ; нельзя ничего предвидѣть. ничего сказать, тѣмъ менѣе заставить перемѣнить рѣшеніе.

Живите спокойно, гдѣ живете, и ежели плачете, будете увѣрены, что вы не одни плачете. Разорвите это письмо.

13.

Въ царствованіе Александра Павловича.

10-го Ноября 1801. Вороново.

Пріѣхавъ въ Москву, я поспѣшилъ навѣстить вашего брата и повидать вашего сына. Мнѣ было счастіемъ обнять его, познакомить его съ собою, и если не ошибаюсь, приверженность моя къ вамъ говорила въ мою пользу. Я видѣлъ вашего сына часто и могу сказать вамъ, что это образецъ молодыхъ людей. Дай Богъ, чтобы наставленія ваши и примѣръ вашъ преуспѣвали въ его прекрасномъ сердцѣ и устраняли его отъ всякихъ пороковъ, которыхъ повидимому нѣтъ у него. Я жду, чтобы установилась дорога и поѣду въ деревню къ вашему

---

[15]) Будущій дѣятель при Александрѣ и председатель Государственнаго Совѣта при Николаѣ. П. Б.

[16]) Лондонская миссія оставлена была на руки священника Смирнова. П. Б.

брату. Имъ доволенъ я какъ нельзя больше: онъ оказалъ мнѣ довѣренность, а этого только и могъ я желать отъ него.

Удалившись отъ свѣта, разставшись съ тревогами и глупостями, которыя управляютъ имъ, я снова въ здѣшнемъ мѣстѣ съ женою и дѣтьми, и въ нихъ нахожу для себя замѣну всего. Опытъ закалилъ меня, и внѣ семьи моей я помышляю лишь о весьма немногихъ людяхъ, мною любимыхъ, уважаемыхъ и по счастію въ настоящее время довольныхъ судьбою своей. Общество мое немноголюдно, за то надежно, и въ немъ каждый занимается усердно своимъ дѣломъ. Время проходитъ однообразнымъ порядкомъ: поутру занимаюсь хозяйствомъ; въ 8 съ половиной часовъ мы завтракаемъ, и до 10-ти я остаюсь съ женою и дѣтьми. Затѣмъ иду въ манежъ и ѣзжу верхомъ для здоровья. Въ полдень возвращаюсь и читаю. Обѣдаемъ мы въ два часа, послѣ чего я прогуливаюсь пѣшкомъ и вернувшись сижу съ женою. Въ 6 часовъ мы пьемъ чай; ухожу распорядиться работами завтрашняго дня и поиграть на биліардѣ. Въ 9 ужинаемъ, и въ 11 всѣ въ постеляхъ. Общество наше состоитъ изъ г-на Крафта, искуснаго медика и хирурга, который предпочелъ ѣхать со мною сюда докторскому мѣсту при нынѣшнемъ Государѣ; изъ одного Француза-эмигранта, находящагося при моемъ сынѣ и живущаго здѣсь съ женою своей, урожд. графинею Минихъ, дочерью Вѣры Николаевны, скончавшейся два года назадъ, изъ Англичанки, которая воспитывала мою жену, и изъ Нѣмца-берейтора, очень даровитаго и образованнаго человѣка. Съ нимъ и съ однимъ музыкантомъ я занимаюсь музыкой. Такой образъ жизни свидѣтельствуетъ вамъ, что ведущіе его люди довольны тѣмъ мѣстомъ, гдѣ они находятся. Но съ мѣсяцъ назадъ два событія нѣсколько встревожили насъ: смерть управляющаго, котораго я никогда не буду въ состояніи кѣмъ-либо замѣстить, и тяжба по имѣнію, которое пожаловалъ мнѣ покойный Государь. Дѣло идетъ о пяти тысячахъ десятинъ, и если Сенатъ присудитъ ихъ противной сторонѣ, то у меня останется 500 д. крестьянъ, которымъ нечего будетъ пахать, и я лишусь отъ 8 до 9 т. годоваго дохода. Это нѣсколько безпокоитъ меня, такъ какъ мнѣ приходится платить 20 т. однихъ процентовъ по заключеннымъ долгамъ и тратиться на исправленіе построекъ и на хозяйственныя заведенія, необходимыя для умноженія дохода.

Я не получилъ еще отвѣта на большое мое письмо [17]), содержащее въ себѣ обзоръ моей политической дѣятельности и исповѣдь моихъ убѣжденій. Я не опасаюсь встрѣтить въ васъ цензора или строгаго судью, и какъ покорный сынъ жду рѣшенія отъ добродѣтельнаго отца. Скажу вамъ одно: я вполнѣ счастливъ мыслію, что былъ до

[17]) См. Р. Архивъ 1876, III, 424.

сихъ поръ совершенно честнымъ человѣкомъ, приверженнымъ къ своему Государю, признательнымъ къ единственному безкорыстному своему благодѣтелю, т.-е. къ вамъ, и настоящимъ другомъ своихъ друзей.—Простите, графъ. Было бы излишне говорить о другихъ лицахъ: вамъ извѣстно что̀ дѣлается; но вы должны знать, что немногіе благонамѣренные люди, любящіе Россію, желаютъ вашего пріѣзда, какъ необходимаго блага.

14.

15-го Января 1802. Вороново.

Мнѣ понадобилось съѣздить въ Москву, и тамъ я получилъ ваше письмо при нѣсколькихъ строкахъ отъ вашего брата [18]). Признаюсь, я чувствовалъ большую потребность въ вашемъ словѣ, которое всегда имѣло свойство проникать мнѣ въ душу. Вы жестоко несправедливы ко мнѣ, ставя мнѣ въ упрекъ связь мою съ Кутайсовымъ. Происхожденіе въ нашей странѣ ничего не значитъ. Какое кому дѣло до происхожденія Меншикова, который былъ неблагодаренъ къ своему Государю и къ государству, осыпавшими его благодѣяніями? Въ теченіи двухъ лѣтъ я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ Государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ мнѣ можно было говорить объ его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ, обличавшихъ въ немъ то умоповрежденіе, то бѣшенство. Мы искренно любили Государя: я по чувству чести, онъ же всегда оставаясь слугою [19]). Замѣтивъ, что Кутайсовъ сдѣлался слишкомъ развязенъ и неразборчивъ, убѣдившись, что у него нѣтъ другихъ побужденій, кромѣ соблюденія во всемъ личной выгоды, я не только разошелся съ нимъ, но пересталъ посѣщать его и подходить къ нему. И я одинъ такъ поступилъ. Вслѣдъ затѣмъ и состоялось мое увольненіе, бывшее для меня величайшимъ счастіемъ. Но мнѣ такъ много надо передать вамъ, что я откладываю это до пріѣзда вашего въ Россію. Если угодно, то, не смотря на мое отвращеніе къ Петербургу и любовь къ уединенію, въ которомъ я наслаждаюсь милостями Создателя, я пріѣду только для того, чтобы васъ видѣть и вамъ доказать, что, ставя мнѣ въ упрекъ недостатки, происходящіе отъ малаго знанія, опрометчиво-

---

[18]) Въ это время уже находившагося въ Петербургѣ государственнымъ канцлеромъ. П. Б.

[19]) Графъ Кутайсовъ, будучи Андреевскимъ кавалеромъ, не покидалъ первоначальной своей должности, т.-е. брилъ Павла Петровича. Для нашего времени это кажется невѣроятнымъ. П. Б.

сти и своенравія, на меня клевещутъ приписывая мнѣ побужденія, недостойныя души, которая возвышается надъ своимъ положеніемъ, и можетъ быть, надъ своими современниками [20]).

Къ восхищенію моему сынъ вашъ встрѣтилъ во мнѣ соревнователя по части приверженности къ вамъ. Я еще разъ видѣлъ его въ деревнѣ. Не нужно особой проницательности, чтобы усмотрѣть въ немъ всѣ добрыя качества его отца, и всѣ посторонніе люди также ихъ замѣтятъ. Въ особенности я удивленъ въ немъ чистотою нрава, спокойствіемъ въ обращеніи и основательностью сужденій. Меня пугаетъ адское сообщество Петербургской молодежи. Будучи врагомъ всего, что̀ нарушаетъ общественный порядокъ, вы ужаснетесь, встрѣтивъ въ Петербургѣ цѣлыми сотнями юношей, которыхъ Робеспьеръ или Дантонъ охотно взяли бы себѣ въ пріемыши.

То, что̀ вы говорите мнѣ про великую особу, которая продавала свою страну и своего государя, меня вовсе не удивляетъ; но иногда онъ дѣлается рабомъ того, что̀ у него въ гербѣ: «по примѣру предковъ», и политическія мнѣнія его дяди служатъ ему компасомъ. Я почитаю этого человѣка способнымъ на все самое дурное. Цѣль его— наполнить міръ молвою о себѣ, какою бы то ни было. Для этого онъ возьметъ за образецъ себѣ даже хоть Герострата. Онъ пропитанъ началами Макіавеля, въ особенности тѣмъ его правиломъ, по которому министръ не долженъ быть честнымъ человѣкомъ, а долженъ заботиться о томъ, чтобы казаться таковымъ. Но представьте себѣ: этотъ человѣкъ, будучи вѣроломцемъ и лицемѣромъ, постоянно опасающійся проговориться, въ тоже время по сту разъ на день откровенничаетъ съ своимъ секретаремъ или съ ничтожнымъ лакеемъ. Чтобы увѣковѣчить память о гиперборейской физіономіи своей, онъ раздаетъ приверженцамъ своимъ табакерки съ своимъ портретомъ [21]).

Про себя ничего не могу сказать вамъ новаго. Изо всей семьи я пользуюсь наилучшимъ здоровьемъ; жена страдаетъ желудкомъ вслѣдствіе того, что мало бываетъ на воздухѣ, къ чему она прежде пріучилась. Дѣти довольно хорошо переносятъ зиму; а для меня самое тяжелое отлучиться на нѣсколько дней и оставаться одному посреди людей, которыхъ я не имѣю довольно причинъ особенно любить. Зима у насъ запоздала, и можно опасаться за будущій урожай. Простите, графъ. Еще разъ, извините мнѣ нѣкоторыя ошибки минувшаго за мою нынѣшнюю жизнь. Это жизнь фермера, который любитъ

---

[20]) Этого личнаго объясненія тогда не послѣдовало: графъ Воронцовъ пріѣзжалъ въ Россію лѣтомъ 1802 года, но графъ Ростопчинъ къ нему не ѣздилъ въ Петербургъ. П. Б.

[21]) Про кого это говорится, мы недоумѣваемъ; конечно не про графа Н. П. Панина, который въ это время былъ уже не у дѣлъ. П. Б.

Бога, свою семью, благотворитъ, ложится спать и просыпается безъ угрызеній совѣсти.

15.

2-го Іюля (1802). Вороново.

Удаленный отъ васъ на 800 верстъ, я тѣмъ не менѣе имѣю постоянныя про васъ извѣстія: сообщать ихъ обязалъ я тѣхъ лицъ, съ которыми нахожусь въ перепискѣ. Теперь вы, должно быть, возвратились изъ вашего путешествія, повидавъ страну, самую неблагодарную въ Европѣ, короля, который былъ бы совершенствомъ, еслибы судьба поставила его во главѣ великаго народа, дворянство, гордое своимъ происхожденіемъ и своею бѣдностью, и войско, которому наши военачальники, принцъ Нассау и въ особенности эгоизмъ и нерадѣніе князя Потемкина придали незаслуженной славы. Но маленькій флотъ ихъ долго будетъ гораздо выше нашего, благодаря дарованіямъ офицеровъ и усвоенной опытности нижнихъ чиновъ [22]).

Всякій разъ неохотно и лишь по неизбѣжной надобности покидаю я пріютъ моего благополучія, чтобы бросить бѣглый взглядъ на Москву. Фреппертъ въ «Шотладкѣ» согласно со мною выразился: «Меньше новостей, меньше глупостей». Что за исторія съ этимъ негоднымъ княземъ Горчаковымъ! Полиція всюду его ищетъ, и въ примѣтахъ его прямо значится: «въ звѣздахъ ордена Св. Анны и Губерта». Тяжело мнѣ было также услышать, что честнѣйшій Алопеусъ снова на службѣ. Во время моего министерства онъ всячески добивался мѣста; но я не только держалъ его вдалекѣ, но по случаю новыхъ штатовъ совсѣмъ уволилъ. Этотъ человѣкъ слишкомъ извѣстенъ; я меньше бы удивился, узнавъ, что въ Берлинѣ комендантское жалованье отдано графу Гаугвицу [23]). Быть можетъ, не слѣдуетъ огорчаться зломъ неизбѣжнымъ; но я слишкомъ люблю мою родину, чтобы видѣть равнодушно, какъ предается она въ руки иноземцамъ, которые торгуютъ ея выгодами для собственнаго благополучія. Вотъ почему сообщу вамъ два предположенія, обѣщающія, мнѣ кажется, принести нѣкоторую пользу. Предоставляю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Вы знаете, что барки, подымаясь по Окѣ и по Москвѣ-рѣкѣ, съ великимъ трудомъ достига-

---

[22]) Графъ Воронцовъ, въ краткую бытность свою въ Россіи, ѣздилъ на нѣсколько времени въ Швецію, сопровождая императрицу Елисавету Алексѣевну, которая навѣщала сестру свою королеву Шведскую. П. Б.

[23]) Графъ Гаугвицъ, тогдашній первый Прусскій министръ, извѣстенъ своею лукавою политикою и низостями передъ Бонапартомъ. П. Б.

ютъ города Москвы по причинѣ мелководья. Расходы этого пути доходятъ иногда до чрезвычайныхъ размѣровъ. Въ нынѣшнемъ году владѣльцы барокъ съ изумленіемъ замѣтили, что Москва-рѣка поднялась на пять вершковъ и въ такомъ положеніи оставалась четверо сутокъ, такъ что не нужно было припрягать лишнихъ лошадей, и барки прибыли скоро и благополучно. Это возвышеніе воды произошло отъ того, что размылась плотина въ 80 верстахъ отъ Москвы, въ имѣніи покойнаго князя Гагарина, который, пожелавъ имѣть у себя больше воды, уговорилъ казенныхъ крестьянъ дозволить ему загородить истокъ болота на восемь верстъ въ окружности. Образовавшееся озеро существовало годы, но по смерти князя Гагарина казенные крестьяне начали изъ-за него тяжбу. Плотина прокопана, и вода потекла въ Истру, а изъ нея въ Москву-рѣку, которую и подняла на пять вершковъ. Отчего бы не возобновить эту плотину, всякую весну открывать ее и тѣмъ облегчать слѣдованіе барокъ, которыя на цѣлые полгода прокармливаютъ столицу?—Вторая статья. Когда имѣніе закладывается въ казну, посылаютъ по губерніямъ повѣстку съ заявленіемъ о закладѣ и о запрещеніи продавать и отчуждать. По уплатѣ занятыхъ денегъ и слѣдов по уничтоженіи заклада, мучатъ васъ требованіемъ снова разсылать повѣстки по губерніямъ, которыя по большей части даже и не распечатываются, и берегутъ ихъ на случай взысканія денегъ за такъ называемую «отмѣтку». Не лучше-ли было бы объявлять въ газетахъ отъ каждаго губернатора и отъ банковыхъ директоровъ, что такое-то имѣніе заложено или оно выкуплено? Это чрезвычайно облегчило бы дѣло, помѣшало бы обкрадывать бѣдняковъ и сократило бы переписку. Вотъ два проекта, одинъ для торговли, другой для самаго несчастнаго сословія въ нашей землѣ, для просителей. Право, наступила пора укрѣплять правосудіе и карать грабежъ и преступленія. Для того, чтобы милость и строгость цѣнились какъ слѣдуетъ, люди должны быть образованы, мудры и добродѣтельны. Иначе первая сочтется слабостью, а вторая—тиранствомъ.

Въ Москвѣ не оберешься новостей. Увольняютъ графа Салтыкова и на его мѣсто назначаютъ князя Сергѣя Голицына или Каменскаго. Говорятъ, что братъ вашъ на годъ уѣзжаетъ въ деревню, Беклешовъ уходитъ, а генералъ-губернаторомъ будетъ Алексѣевъ. Что касается до меня, то, желая одного—счастія моей жены и дѣтей, я живу спокойно и озабочиваюсь только хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и развращеніемъ человѣческаго рода. Напомните обо мнѣ вашему брату. Обнимаю графа Михаила и желаю вамъ здоровья и спокойствія. Кстати: вы должно быть удивились нашей встрѣчѣ съ Чичаговымъ.

Я его уважалъ, любилъ, былъ ему даже полезенъ, и обращеніе мое никогда не измѣнялось. Отчего же, нѣкогда бѣгавъ за мною, чтобъ со мною поздороваться и бывъ всячески предупредителенъ ко мнѣ, онъ не узналъ меня? Говорятъ, что къ Государю онъ близокъ. Тѣмъ хуже!

16.

7 Сентября (1802), Вороново.

4-го числа, возвратившись сюда изъ дальней моей поѣздки, я получилъ ваше письмо. То что̀ вы пишите про ваше здоровье, наиболѣе меня заняло и опечалило. Правду сказать, жизнь, какую ведутъ въ Петербургѣ, разрушительна для самаго крѣпкаго сложенія. Прогуливаются только для того, чтобы возбудить позывъ на ѣду, и это движеніе, столь нужное для поддержки тѣла, становится источникомъ несваренія желудка. Путешествіе принесетъ вамъ пользу, тѣмъ паче возвращеніе въ страну, которой климатъ вамъ наиболѣе полезенъ.

Я ничего не знаю о Петербургскихъ происшествіяхъ; слышалъ только про пистолетный выстрѣлъ, которымъ раненъ офицеръ въ саду въ присутствіи Его Императорскаго Величества, а также и про то, что полиція не могла сыскать виноватаго. Очень плачевно быть въ необходимости брать съ собою огнестрѣльное орудіе во время прогулокъ по городу, къ чему ни разу въ жизни не прибѣгалъ я даже и въ многократныя мои поѣздки внутри страны. Еще плачевнѣе, коль скоро наглость не останавливается даже въ такомъ важномъ обстоятельствѣ, чтобы выслужиться подобнаго рода обманомъ.

Проѣхавшись по четыремъ губерніямъ, видѣлъ я своими глазами всевозможныя грабительства и продажность. Орловскій губернаторъ, бывшій нѣкогда, во времена князя Алексѣя Куракина, офицеромъ сенатской ротной команды, есть величайшій негодяй. Коммиссары у продажи соли, городничіе и исправники должны ему доставлять каждый по тысячѣ рублей въ годъ. Соль продается по 60 к. пудъ, да и за эту цѣну не всегда ея получишь. Негодямъ дозволяется воровать, потому что никого не наказываютъ.

Нынѣшній разъ посѣтилъ я страну, въ которой никогда прежде не бывалъ. Это часть Воронежской губерніи, гдѣ протекаетъ Битюгъ. Почва тамъ до того плодородна, что поле, распаханное сто лѣтъ назадъ (когда Петръ Великій заселялъ эти мѣста) и никогда не знавшее удобренія, дало въ нынѣшнемъ году въ десятеро больше противъ посѣва. Вотъ гдѣ надо устроивать большія хозяйства, и я похвастаюсь, что у меня заведенъ посѣвъ пшеницы, котораго до сихъ поръ

тамъ не знали. Въ одномъ Бобровскомъ уѣздѣ въ нынѣшнемъ году соберутъ ея до 8 тыс. четвертей. Много занимаясь земледѣліемъ и, помышляя не о своихъ только барышахъ, я имѣю надобность въ смышленомъ Англичанинѣ, котораго бы я могъ сдѣлать главноуправляющимъ въ этомъ имѣніи. Англичане превзошли всѣхъ въ умѣньи улучшать землю и собирать обильные урожаи. Я уже писалъ о томъ къ Смирнову и обращаюсь еще къ вамъ. Этимъ вы мнѣ окажете существенную услугу. Мнѣ бы хотѣлось имѣть умнаго фермера, опытнаго въ произращеніи зерноваго хлѣба и овощей и который бы умѣлъ завести сѣвооборотъ сообразный со свойствами почвы; а жена его завѣдывала бы фермою, коровами, масломъ и пр. Я дамъ нужное ему жалованье, содержаніе и черезъ три года, когда все будетъ заведено, шестую долю урожая какъ съ полей, такъ и съ фермы. Всѣ эти условія послалъ я къ Смирнову. Я былъ бы очень доволенъ получить такого фермера, какой у графа Николая Румянцова: онъ уже творитъ чудеса у него въ подмосковной. На этихъ дняхъ жду къ себѣ изъ Берлина профессора ветеринарной школы; онъ долженъ ее устроить здѣсь.

Черезъ нѣсколько дней перебираюсь въ большой домъ, въ нижнемъ этажѣ котораго, наконецъ, сдѣлалось возможнымъ поселиться. Не скрою отъ васъ, что увѣдомленіе о скоромъ вашемъ отъѣздѣ меня не огорчаетъ. Я всегда считалъ, что ваше пребываніе принесетъ Россіи большую пользу. Какъ Русскій, желаю вашего участія въ дѣлахъ; какъ другъ вашъ, радуюсь вашему возвращенію въ Англію.

17.

18 Января 1803. Вороново.

Узнаю, что вы возвращаетесь въ Лондонъ, и спѣшу поздравить васъ съ покоемъ и отдыхомъ, которыми вы будете наслаждаться въ странѣ, имѣющей столько правъ на вашу къ ней любовь. Я писалъ въ Петербургъ, чтобы меня увѣдомили подробнѣе о томъ, что̀ приключилось съ вами въ окрестностяхъ Франкфурта; но узнавъ, что братъ вашъ получилъ отъ васъ письма изъ мѣстъ дальше Франкфурта, я успокоился.

Я по прежнему веду любезную мнѣ деревенскую жизнь. Жена теперь поѣхала въ Петербургъ повидать тетку и сестеръ, а я остался одинъ съ дѣтьми. Она очень меня встревожила извѣстіемъ о болѣзни графа Александра Романовича; но Рожерсонъ сказалъ ей, что онъ выздоравливаетъ, и мнѣ весело думать, что вы больше не безпокоитесь о немъ, и что, согласно съ предположеніемъ, которое вы мнѣ пе-

редавали, вы еще увидитесь съ братомъ столь достойнымъ любви вашей. Я встрѣчался въ нѣкоторыхъ домахъ съ вашею сестрою, и мы не могли довольно наговориться и поспорить между собою. Она черезчуръ пристрастно судитъ о дѣлахъ и не хочетъ убѣдиться, что измѣненія и новизны приносятся самимъ временемъ. Ей все кажется, что она живетъ въ 1762 году, и она никакъ не хочетъ убѣдиться, что лучшій способъ спокойно смотрѣть на современныя событія заключается въ сознаніи невозможности устранить зло и въ ограниченіи своей дѣятельности опредѣленнымъ, непереступаемымъ кругомъ [24]).

Москва обладаетъ великимъ канцлеромъ украшеній, княземъ Куракинымъ. Онъ желаетъ первенствовать своими праздниками, балами и пр. Тѣло его все покрыто бриліантами, и онъ больше похожъ на фонарь, нежели на своего дядю [25]), въ чемъ и заключается все его честолюбіе. Онъ вздумалъ посвататься къ дочери графа Алексѣя Орлова; тотъ не отказалъ, но просилъ времени подумать. Покамѣстъ искатель руки танцуетъ съ Московскою молодежью и позволилъ, или вѣрнѣе, пожелалъ, чтобъ его изображеніе изъ воску было выставлено въ кабинетѣ восковыхъ фигуръ, которыя показываются въ Москвѣ. —Графъ Зубовъ также въ Москвѣ. Онъ часто бываетъ въ домѣ графа Орлова и, говорятъ, также имѣетъ въ виду посвататься къ его дочери.

Вотъ почти все, что̀ я могу сообщить вашему сіятельству про городъ, въ который иногда ѣзжу. Въ настоящее время Москва помѣшалась на клубахъ, мужскихъ собраніяхъ и на страсти отличаться краснорѣчіемъ, и во всемъ этомъ одно только подражаніе. Бѣдный канцлеръ графъ Остерманъ вообразилъ, что его примутъ въ Англійскій клубъ безъ балотировки; но члены, и въ особенности всѣ стриженныя головы, подняли крикъ о нарушеніи клубнаго устава, и лишь послѣ многихъ хлопотъ удалось отстранить ихъ рѣшеніе противъ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Князь Циціановъ пишетъ мнѣ изъ Георгіевска про страшный безпорядокъ въ тамошнихъ гражданскихъ дѣлахъ, что̀ и неудивительно. Въ Петербургѣ сдѣлался пожаръ въ артилерійской лабораторіи и перешелъ на Гошпиталь, при чемъ погибло 40 человѣкъ; но Государя увѣрили, что всѣ спаслись. Полагаютъ, что величавый баронъ Будбергъ будетъ Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, что̀ весьма вѣроятно, такъ какъ онъ снова опредѣлился по военной части и произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Прошу вашего вниманія къ

---

[24]) Въ Москвѣ сохранилось преданіе, что графъ Ростопчинъ съ княгинею Дашковой ѣзжали вмѣстѣ въ славный нѣкогда Троицкій трактиръ на Ильинкѣ. П. Б.

[25]) Т. е. дѣда-дядю, графа Н. И. Панина. П. Б.

нѣкоему Николаю Селиверстовичу Муромцову, отставному генералъ-маіору прошлаго царствованія. Это военный человѣкъ отличныхъ достоинствъ, храбрый и весь израненный.

18.

23 Августа (1803). Вороново.

Очень вамъ признателенъ за письмо отъ 12 Іюля; оно разсѣяло во мнѣ тягостную мысль, которую начиналъ я питать о томъ, что вы меня позабыли. Зная про нѣжную любовь, которую питаете вы къ вашему брату, я хорошо постигаю, что вы должны уговаривать его, чтобы онъ сложилъ съ себя бремя дѣлъ, позаботился о здоровьи своемъ и возобновилъ спокойную жизнь, которой лишенъ въ настоящемъ своемъ положеніи. Но за его отсутствіемъ, кому будутъ поручены дѣла? Кто съумѣетъ сдерживать эгоизмъ, жадность и глупость, коими отличается большинство должностныхъ лицъ? У насъ въ изобиліи плохія головы и плохія сердца, и нѣтъ души Русской, по милости нашего воспитанія и благодаря господствующимъ въ обществѣ идеямъ. Не знаю, какъ это выходитъ; но, за исключеніемъ негодяевъ и нѣкоторыхъ такъ называемыхъ философовъ, всѣ недовольны. Конечно, Государь желаетъ добра, намѣренія его самыя благія, и до сихъ поръ онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ; но милліоны людей страдаютъ, потому что правда стала товаромъ, котораго всякій можетъ купить смотря по своему достатку, и должностей добиваются какъ привилегій на обогащеніе. Нѣмцы снова сплотились. Мартинисты, допускающіе, чтобы ихъ презирали, лишь бы не мѣшали имъ дѣйствовать, подняли опять головы и набираютъ себѣ много послѣдователей. Молодежъ наша хуже Французской: она никого не слушается и никого не боится. Нужно сознаться, что одѣты мы по-европейски, но образованности у насъ еще очень мало. Самое худое то, что мы перестали быть Русскими, купивъ знаніе иностранныхъ языковъ цѣною дѣдовскихъ нравовъ.

Я все время почиталъ Аміенскій миръ только перемиріемъ. Покуда Англія и Франція не измѣнятся, война между ними есть явленіе естественное. Бѣда въ томъ, что, не особенно вредя одна другой, обѣ эти страны своею враждою вредятъ Европѣ. Я раздѣляю ваше мнѣніе о слабости нынѣшняго Британскаго министерства, но нахожу также, что президентъ (если можно употребить это выраженіе) былъ черезчуръ настойчивъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда будетъ имѣть въ виду уничтоженіе единственной соперницы—Франціи, и затѣмъ деспотическое господство надъ вселенной. Англійское мини-

стерство допустило Бонапарта дѣйствовать, съ тѣмъ, чтобы получить предлогъ къ возобновленію войны съ нимъ. Оно хочетъ удержать за собою Мальту и достигнетъ того, а въ случаѣ паденія Оттоманской имперіи завладѣетъ Египтомъ; тогда наступитъ пора, что придется испрашивать паспортовъ у Британскихъ чиновниковъ, чтобы получить позволеніе плавать по морямъ. Я постоянно держусь того мнѣнія, что нетрудно напасть на Францію и пригнести ее, чего нельзя сдѣлать съ Англіей, которая оберегается своимъ положеніемъ; а флотъ ея уже теперь многочисленнѣе, чѣмъ флоты всѣхъ остальныхъ Европейскихъ державъ. Вопреки всѣмъ Французскимъ военнымъ приготовленіямъ и грозѣ Бонапарта, я увѣренъ, что сему послѣднему не сдобровать; потому что, собственно говоря, войну ведетъ онъ одинъ, а однаго человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, всегда можно одолѣть. Но мнѣ будетъ очень жаль, если онъ погибнетъ; потому что я считаю его великимъ человѣкомъ и, зная самъ, что̀ такое родъ человѣческій, я даже извиняю ему качества выскочки. Государь или глава народа можетъ, у себя дома, жить какъ ему захочется; но когда онъ на виду у всѣхъ, необходимо, чтобы окружало его величіе, чтобы личность его внушала уваженіе и являла въ немъ повелителя подданныхъ. Можно ненавидѣть этикетъ, относиться съ презрѣніемъ къ околичностямъ и пышнымъ оказательствамъ, но нельзя царствовать инкогнито. Я много трачу времени на свои дѣла и заведенія и желалъ бы улучшеніями содѣйствовать общему благу, распространяя у насъ хорошую обработку земли. Жена и дѣти мои здоровы, и если я не всѣ часы во дню бываю счастливъ, въ томъ моя вина. Простите, графъ; будьте здоровы и возвращайтесь въ Россію.

19.

23-го Ноября 1803. Воропово.

Мы ждемъ нетерпѣливо прибытія вашего брата въ Москву; судя по извѣстіямъ изъ Петербурга, онъ въ скоромъ времени поѣдетъ наслаждаться спокойствіемъ въ своемъ прекрасномъ Владимирскомъ помѣстьи. Когда вы тамъ будете, я буду имѣть предлогъ чаще туда ѣздить, и надѣюсь, что мы съ вами сойдемся во всемъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ по части политики.

У меня къ вамъ просьба, которую исполнить вамъ будетъ нетрудно, благодаря вашему значенію въ Англіи, и которая для меня очень важна. Будучи занятъ моимъ хозяйствомъ не столько для личной прибыли, какъ для общаго блага, я нахожу, что теперь именно благопріятное время для покупки овецъ и барановъ хорошей Англій-

ской породы. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ Англіи строго запрещено ихъ вывозить и даже подъ опасеніемъ смертной казни; но въ тоже время я отлично знаю, что каждый годъ продаются они въ небольшомъ количествѣ и перевозятся на материкъ. Вамъ будетъ очень легко пріобрѣсти ихъ на ваше имя. Желаю не болѣе 12 овецъ и 4 барановъ. Изъ находящихся у меня на службѣ Шотландцевъ одинъ отлично опытенъ въ уходѣ за скотомъ, и я могъ бы, мѣшая новую породу съ породою Шведскою, которой у меня свыше ста головъ, получить черезъ нѣсколько лѣтъ отличный приплодъ, какъ относительно шерсти, такъ и внѣшней красоты. Можно бы ихъ переслать, съ открытіемъ судоходства, въ Петербургъ, а оттуда я перевезъ бы ихъ сюда на подводахъ. Стану ждать съ большимъ нетерпѣніемъ вашего отвѣта и если вы захотите оказать мнѣ эту услугу, почту ее за одну изъ самыхъ значительныхъ и за истинное благодѣяніе для нашей родины [26]). Половина скота, выписаннаго для Государевой фермы, погибла отъ непригоднаго корма и отъ небрежности, и это утрата невознаградимая. Мнѣ бы хотѣлось самому находиться на мѣстѣ и заняться одною фермою исключительно; но, къ несчастію моему, не могу этого сдѣлать.

Ничего занимательнаго не могу вамъ сообщить. Много кричатъ противъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ: въ Петербургѣ четверть ржи продается до 22 рубл. Прошлое лѣто рѣки обмелѣли, и суда не могли приплыть. Я живу по прежнему въ моемъ уединеніи и нахожу довольно занятій и поводовъ, чтобы считать себя счастливымъ.

20.

28-го Апрѣля (1813). Москва.

Письмо вашего сіятельства доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я думалъ, что вы меня позабыли, и послѣ десятилѣтняго молчанія

---

[26]) Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Воронцовъ не исполнилъ этой просьбы своего горячаго поклонника, чѣмъ сей послѣдній конечно обидѣлся. Слѣдъ того находимъ въ его письмѣ къ князю Циціанову отъ 4-го Февраля 1804 года: „Я все не могу отвыкнуть любить его, хотя онъ съ пріѣзда его въ его отечество и наше, точно какъ на Масляницѣ, въ моемъ умѣ скатился съ горы“, а въ письмѣ отъ 4-го Ноября того же года: „Видя какъ онъ себя велъ въ Петербургѣ и узнавъ много внутреннихъ объ немъ анекдотовъ, я его обратилъ нынѣ изъ боговъ въ идолопоклонники. Мнѣ прежде прискорбно бы было знать, что сынъ, проѣзжая чрезъ Москву, не заглянулъ въ мою пустыню; но свѣтъ есть свѣтъ, а люди—люди“. („Девятнадцатый Вѣкъ“, II, 36 и 67). Переписка между друзьями прекратилась до самаго 1813 года, когда графъ Ростопчинъ прославился во всемъ мірѣ. П. Б.

вновь пишу къ вамъ, прежде всего, чтобы поблагодарить за всѣ изъявленія дружбы, которыя вы мнѣ оказываете, и побесѣдовать съ человѣкомъ, котораго я уважаю вторую четверть вѣка и которому старался доказать на дѣлѣ мою приверженность. Понимаю, въ какой тревогѣ должны вы были находиться, по мѣрѣ успѣховъ непріятеля и узнавъ о занятіи столицы. Повидимому, Провидѣніе опредѣлило ей быть могилою страшной силѣ этого человѣка-дьявола, грозившаго завоевать весь материкъ. Вамъ извѣстны военныя подробности этого достопамятнаго похода, увѣковѣченнаго невѣроятными дѣлами, невѣроятными ошибками и успѣхами. Бонапартъ, слывшій первымъ полководцемъ вѣка, обезумѣлъ и, завлеченный въ Москву, думалъ или окончательно погибнуть въ ней, или предписать нашему отечеству позорный миръ. Небо рѣшило иначе. Его армія въ 300 тысячъ человѣкъ должна была воспрепятствовать соединенію нашихъ двухъ армій и двумя днями раньше подойти къ стѣнамъ Смоленска. Даву принимаетъ корпусъ Раевскаго за цѣлую армію, останавливается, медлитъ, проситъ подмоги и даетъ время Багратіону совершить два перехода. Бонапартъ какъ будто хочетъ пріостановить военныя дѣйствія и десять дней ничего не предпринимаетъ, послѣ чего съ силами 210 тысячъ человѣкъ является подъ Смоленскомъ и громитъ его 5-го и 6-го Августа. Барклай благоразумно предоставляетъ ему городъ и располагается на большой Московской дорогѣ; Бонапартъ за нимъ слѣдуетъ и сильно тѣснитъ его до 23-го числа, когда наша армія очутилась у Бородина. 26-го числа происходитъ кровавая битва, послѣ которой съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя слишкомъ 90 тысячъ человѣкъ. Кутузовъ отступилъ къ Москвѣ, прослѣдовалъ черезъ нее 2-го числа и впустилъ въ нее непріятеля.

Еслибы Бонапартъ, овладѣвъ Смоленскомъ, остался въ немъ и отрядилъ бы отъ 20 до 30 тыс. человѣкъ въ подмогу Сенъ-Сиру, противъ котораго Витгенштейнъ едва держался, то Французы овладѣли бы Петербургомъ, и Бонапартъ, господствуя на пространствѣ между Смоленскомъ и Вислою, могъ бы прозимовать тамъ и приготовиться къ рѣшительному походу. Явившись передъ Смоленскомъ, еслибы онъ послалъ половину своей арміи на Ельню, онъ овладѣлъ бы дорогами Московскою и Калужскою. Вмѣсто того, чтобы давать рѣшительную битву, еслибы онъ обошелъ Бородино, онъ могъ бы откинуть нашу армію вправо и овладѣлъ бы Москвою безъ потерь. Послѣ Бородина, не иди онъ большою дорогой, а слѣдуй на Верею и Боровскъ, онъ пресѣкъ бы намъ всѣ подвозы, направлявшіеся на Калугу и шедшіе оттуда, и оголодилъ бы нашу армію. Тогда онъ вступилъ бы въ Москву нѣсколькими днями позднѣе. Не останавливаясь въ Москвѣ, онъ могъ

бы немедленно напасть на Кутузова, разсѣялъ бы всю нашу армію, и опасности ему больше бы не было. Ему довольно было пяти дней ограбить и сжечь этотъ несчастный городъ, и онъ могъ бы раньше насъ занять Калужскую дорогу и спокойно слѣдовать далѣе, направляясь на Брянскъ и Кіевъ, чтобы вступить въ Подольскую и Волынскую губерніи.

Ничего этого онъ не сдѣлалъ, обманувшись въ своихъ великихъ надеждахъ, въ образѣ мыслей Государя и Русскаго народа. Онъ далъ Москвѣ горѣть чтобы имѣть предлогъ ее грабить. Пятинедѣльное въ ней пребываніе довело до крайности безпорядокъ въ его войскахъ, которымъ все стало ни почемъ и въ которыхъ исчезла всякая дисциплина. Со 2-го Сентября по 10-е Октября Бонапартъ лишился въ Москвѣ и ея окрестностяхъ отъ 50 до 60 тыс. человѣкъ. Партизаны, казаки, крестьяне убивали всѣхъ встрѣчныхъ, нападая то открытою силою, то изъ-за угла и обманомъ.

Не стану говорить вамъ о настроеніи нашего народа въ это бѣдственное время. Одинъ былъ обѣтъ, одно желаніе, одно побужденіе— истреблять орду злодѣевъ. «Не поддадимся!» слышалось изо всѣхъ устъ. Господь благословилъ наши усилія, и Русская доблесть увѣнчана славою истребленія самой страшной арміи, какая появлялась въ Европѣ съ самаго сотворенія міра. Въ теченіи зимы на Бородинскихъ поляхъ сожжено по моему распоряженію 58.630 людскихъ и 32.765 конскихъ труповъ. Здѣсь въ Москвѣ предано огню свыше 23 тыс. тѣлъ изъ госпиталей и изъ числа побитыхъ жителями.

Вы знаете, что по кончинѣ императора Павла я удалился въ помѣстье мое Вороново, гдѣ жилъ посреди семьи своей, въ тишинѣ и благополучіи. Съ дворомъ не оставалось у меня никакихъ связей. Въ 1809 году, пріѣхавъ въ Москву, Государь оказывалъ мнѣ вниманіе и сына моего пожаловалъ въ камеръ-пажи. Годъ тому назадъ я ѣздилъ въ Петербургъ просить, чтобы сынъ мой опредѣленъ былъ въ армейскій полкъ. Въ чинѣ гусарскаго поручика его назначили адъютантомъ къ покойному герцогу Ольденбургскому [27]). За нѣсколько дней до моего обратнаго отъѣзда, Государь предложилъ мнѣ Московское генералъ-губернаторство, которое получало большую важность въ виду предстоявшей смертельной борьбы съ Бонапартомъ. Я взялся за эту должность, зная, что дѣла будетъ много. Предшественникъ мой, фельдмар-

---

[27]) Графъ Ростопчинъ вошелъ въ частыя сношенія съ герцогинею Ольденбургскою, великою княгинею Екатериной Павловной, и ѣздилъ къ ней въ Тверь, куда привлекъ и Карамзина. П. В.

шалъ Гудовичъ, былъ слишкомъ старъ для дѣятельности и слишкомъ дурно окруженъ, чтобы оставаться безвреднымъ. При мнѣ дѣла проснулись, и въ виду того, что непріятельскія войска подвинулись во глубину Россіи, и Москву можно было спасти не иначе, какъ выигравъ рѣшительное сраженіе, я начерталъ себѣ образъ дѣйствій. Мнѣ не было надобности увѣщевать дворянство, которое всегда предано Государю сердцемъ, душою и умомъ; но я постарался предостеречь народъ отъ коварныхъ внушеній и пріучилъ его презирать Французовъ, обѣщая легкую побѣду, лишь бы не терять бодрости и оставаться непреклоннымъ. Вы не повѣрите, графъ, что, при всей ненависти къ иностранцамъ, которая одушевляла Русскихъ, ни одинъ изъ иностранцевъ не былъ умерщвленъ. Исколотили только двоихъ, а въ Москвѣ жило по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ Французской канальи, прибывшей въ Россію насъ обкрадывать, надъ нами смѣяться и намъ измѣнять. Не стану излагать въ подробности употребленныя мною средства; но могу васъ увѣрить, что Магомета любили и слушались меньше, нежели меня въ теченіи Августа мѣсяца; я же дѣйствовалъ только словами, пускалъ въ ходъ много шарлатанства и не прибѣгалъ вовсе къ строгости: 42 негодяя здѣшнихъ обывателей сосланы на баркѣ въ Казань, двое въ Сибирь, вотъ и все. Но мнѣ пришлось много возиться съ философами, филантропами и мартинистами. Это отродье—сущая язва для правительствъ! Въ три недѣли я образовалъ въ Москвѣ ополченіе въ 31 т. человѣкъ, изъ которыхъ 27 тыс. были подъ Бородинымъ и чудесно исполняли свой долгъ. Государь ввѣрилъ мнѣ еще шесть сосѣднихъ губерній, каждая доставила по 15 тыс. человѣкъ, и все это было готово къ 25-му Августа, хотя манифестъ объ ополченіи состоялся только 15-го Іюля. Еще черезъ два мѣсяца я разсчитывалъ имѣть 120 т. ополченцевъ съ восемью тысячами человѣкъ превосходной конницы.

Когда непріятель занялъ Вязьму, въ 230 верстахъ отсюда, я приказалъ вывозить все цѣнное изъ казеннаго имущества, и 63 тыс. лошадей и повозокъ было доставлено въ теченіи двухъ недѣль изъ шести уѣздовъ (пять уѣздовъ уже были въ непріятельской власти). Я опасался возмущенія слугъ и, заботясь прежде всего о тишинѣ и безопасности города, предоставилъ всякому выѣзжать, и 3-го Сентября [28]), когда Бонапартъ вошелъ въ Москву, въ ней было всего 10 т. жителей, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ половина всякой сволочи, дожидавшейся какъ бы пограбить городъ. Мнѣ какъ нельзя лучше удалось внушить крестьянину презрѣніе къ Французскому солдату.

---

[28]) Графъ Ростопчинъ ошибся: Наполеонъ вступилъ въ Москву 2-го Сентября. П. Б.

Я покинулъ Москву съ аріергардомъ нашей арміи, предоставивъ хищникамъ мое движимое имущество, которое я ни за что не хотѣлъ увезти. До 26-го Сентября находился я въ главной квартирѣ, разъѣзжая по сторонамъ для возбужденія крестьянъ и моимъ появленіемъ, и моими воззваніями.

Вы хвалите мою любовь къ отечеству; но сколько другихъ, которые меня превзошли! Крестьяне, поджигавшіе сами свои жилища; отецъ, приведшій ко мнѣ двухъ сыновей на истребленіе врага; старуха, явившаяся ко мнѣ съ двумя сыновьями и внукомъ и говорившая имъ: «Да будете вы прокляты, если не истребите злодѣевъ!»; лакей, выстрѣлившій на Арбатѣ въ Мюрата, котораго онъ принялъ за Бонапарта, и застрѣлившій у него полковника; крестьянка, запалившая домъ, въ которомъ, ей сказали, спалъ Бонапартъ. Двое послѣднихъ поплатились за то жизнью. Вотъ герои! Позавидуемъ имъ и порадуемся, что мы ихъ соотечественники [29]). Я весьма вознагражденъ тѣмъ, что имѣлъ счастіе исполнить свой долгъ. Бонапартъ меня ненавидитъ, и его бѣшенство сдѣлало имя мое безсмертнымъ, какъ имя сэра Сидней-Смита.

Сынъ у васъ таковъ, что вы можете себя поздравить съ нимъ. Вы передали ему ваши доблести. Его уважаютъ всѣ честные люди. Дай Богъ ему жить, чтобы нѣкогда быть фельдмаршаломъ, какъ Румянцовъ и Суворовъ [30]). И да будетъ онъ обязанъ своею славою только своимъ подвигамъ, а не ослѣпленію непріятеля, холоду и голоду.

Моему сыну всего 18-ть лѣтъ. Онъ служилъ усердно и на хорошемъ счету. Онъ былъ адъютантомъ у генерала Барклая. Подъ нимъ ранено три лошади, а въ Бородинскомъ сраженіи пуля оторвала у него рукавъ шинели и оцарапала ему руку; но онъ остался на конѣ и на своемъ мѣстѣ. Хотя онъ и единственный сынъ, но первая его обязанность служить отечеству, на что я его благословилъ.

Мнѣ чрезвычайно лестно мнѣніе, какое имѣетъ обо мнѣ Англійское общество, и, признаюсь, какой-нибудь знакъ вниманія отъ города Лондона былъ бы для меня драгоцѣненъ: шпага, ваза, право гражданства, все будетъ почетно со стороны народа, который умѣетъ цѣнить хорошія дѣла; а правà мои суть: ненависть Корсиканца и зло, которое я ему надѣлалъ. Преданный вамъ графъ Ростопчинъ.

---

[29]) Тоже самое выражалъ графъ Ростопчинъ и десять лѣтъ спустя въ своей „Правдѣ о пожарѣ Москвы"; онъ писалъ, что не можетъ приписать себѣ честь „великодушнаго пожара"; что она принадлежитъ Московскимъ жителямъ, а самъ онъ, обманутый Кутузовымъ, не имѣлъ времени сдѣлать нужныя для того распоряженія. П. Б.

[30]) Это желаніе исполнилось черезъ 43 года. П. Б.

21.

28-го Апрѣля 1814. Москва.

Я почти увѣренъ, что два мои письма къ вамъ пропали. Одно послано было черезъ Петербургъ, другое—въ главную квартиру къ лорду Каткарту. Мнѣ очень досадно, если такъ; потому что, пожалуй, вы меня заподозрите либо въ лѣности, либо въ мизантропіи. Для моего успокоенія посылаю это письмо черезъ г-на Левиса, Англійскаго купца, поселившагося въ Москвѣ: онъ ѣдетъ въ Лондонъ, и я препоручаю его въ вашу милость.

Боже мой, сколько произошло необыкновеннаго въ теченіи двадцати мѣсяцевъ! Какой послѣдовательный рядъ событій, и въ этой всеобщей встряскѣ то что̀ происходило не походитъ нисколько ни на что, случавшееся въ человѣческой исторіи. Итакъ, колоссъ, давившій Европу, уничтоженъ, и человѣчеству пришлось снова вздохнуть! Этотъ проклятый Бонапартъ— злодѣй, созданный быть бичемъ человѣческаго рода и деспотомъ у сумасброднаго и развращеннаго народа, оказался подлымъ негодяемъ, ибо онъ гнуснѣе Нерона: тотъ по крайней мѣрѣ попросилъ раба лишить его жизни, а этотъ кончилъ какъ лакей, котораго прогоняютъ изъ дома за воровство. Замѣтьте, пожалуйста, что можно его предать суду и законнымъ порядкомъ осудить на смерть, какъ виновнаго въ убійствѣ, въ разореніи Парижа и какъ фальшиваго монетчика. Онъ заслуживаетъ висѣлицы, потому что распространялъ фальшивые банковые билеты. Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало бы желать ему смерти, такъ какъ ненависть его меня обезсмертила, и жизнь будетъ ему адомъ; но я не пожалѣю, узнавъ, что это поношеніе человѣческаго рода больше не существуетъ.

Какую роль Провидѣніе судило императору Александру! Сколько благословеній заслужено имъ не отъ людей въ отдѣльности, а отъ цѣлыхъ государствъ! Государи могутъ считать свое вступленіе на престолы съ 19-го Марта 1814. Какая слава быть Русскимъ или Англичаниномъ! Какое вамъ счастье, мой почтенный графъ, имѣть такого сына какъ вашъ! Онъ шелъ по вашимъ стопамъ; но ему выпала счастливая доля, которой вы не имѣли—сражаться и пролить кровь для блага своего отечества [31]). Онъ Русскій, онъ вамъ сынъ; слѣдовательно онъ долженъ имѣть геройскую храбрость; но что̀ за прекрасная у него душа! Скромность равна въ немъ доблести и честности. Лестно знать его своимъ соотечественникомъ, почетно служить съ

---

[31]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ былъ по наклонности своей воинъ. Въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ онъ участвовалъ въ сраженіяхъ и подъ Кагуломъ заслужилъ Георгіевскій крестъ, но раненъ не былъ. П. Б.

нимъ вмѣстѣ и быть ему признательнымъ. Участіе мое въ немъ такое же, какъ въ моемъ родномъ сынѣ, и слухъ, будто онъ опасно раненъ въ сраженіи при Лаонѣ, очень меня встревожилъ. По счастію подробности о вступленіи въ Парижъ убѣдили меня, что онъ здоровъ, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, онъ можетъ-быть уже въ вашихъ объятіяхъ. Мой сынъ, всего 19-ти лѣтъ, отданный на службу въ 1812 году, когда надлежало каждому Русскому или погибать или торжествовать, избѣгъ смерти. Подъ Бородинымъ пуля рикошетомъ оторвала у него рукавъ шинели и оцарапала ему руку; подъ Смоленскомъ ранена подъ нимъ лошадь, подъ Кульмомъ оторвало ногу его лошади. Онъ капитанъ-лейтенантъ въ кавалергардскомъ полку, и находясь адъютантомъ при Барклаѣ, заслужилъ нѣсколько орденовъ [32]).

То, что̀ теперь скажу вамъ, огорчитъ васъ. по дружбѣ, которую вы изволите мнѣ оказывать: съ Сентября мѣсяца здоровье мое пошатнулось. Отъ бѣдствій 1812 года и отъ страшныхъ занятій по возвращеніи въ Москву совершенно разстроились у меня нервы. Хоть я и не слегъ въ постель, но уже семь мѣсяцевъ страдаю ежедневно. Надѣюсь поправиться съ наступленіемъ хорошей погоды и думаю съѣздить мѣсяца на два на Липецкія воды, а какъ скоро Государь возвратится въ Петербургъ, надо будетъ поѣхать туда, чтобы развестись съ Москвою. Два года я мучился въ ней какъ въ аду, и еслибы не тогдашнія грозныя событія, ни за что на свѣтѣ не принялъ бы этого мѣста, которое есть почетная должность, подобающая старику. Мнѣ посчастливилось: не только ни одинъ Русскій, но даже ни одинъ поганецъ-Французъ не былъ умерщвленъ, тогда какъ ожидали всякаго неистовства въ теченіи двухъ мѣсяцевъ до занятія города Французами. Возвратившись, я спасъ населеніе отъ голода, холода и нищеты. Никто не погибъ, никто не былъ наказанъ за неповиновеніе или буйство. Страшное дѣло—Бородинское поле. На немъ зарыто и сожжено 67 т. людскихъ и 36 тыс. конскихъ тѣлъ, и это на пространствѣ 15 верстъ въ ширину и 10 въ длину. Въ подтвержденіе у меня еще хранится записка лицъ, которымъ я поручилъ этимъ распорядиться и которыя работали до Марта мѣсяца. Мнѣ платятъ неблагодарностью; потому что Кутузовъ, покинувъ городъ ночью, распустилъ слухъ, что я тому причиною, такъ какъ будто я обѣщалъ ему 300 тыс. человѣкъ ратниковъ; между тѣмъ онъ не вводилъ въ дѣло и тѣхъ 119 тыс. ополченцевъ, которыхъ я ему поставилъ изъ окрестностей Москвы и ко-

---

[32]) Говорится о старшемъ сынѣ графѣ Сергѣѣ, не оставившемъ прямаго потомства Младшій сынъ, нынѣ здравствующій графъ Андрей Ѳедоровичъ, тогда еще былъ младенцемъ (род. 13 Октября 1813). П. Б.

торые могли присоединиться къ арміи еще до Бородинскаго сраженія. Бонапартъ, сваливая вину на чужую голову, провозгласилъ меня зажигателемъ, и многіе Русскіе этому вѣрятъ! А я лишился во всей этой исторіи почти милліоннаго имущества: ибо Вороново со всѣми заведеніями сгорѣло; дача моя, стоившая мнѣ 150 т. р. [33]), сожжена по именному приказанію Бонапарта; моя библіотека, картины, эстампы, физическіе инструменты, все разграблено и перебито. Говорю вамъ это какъ другу, потому что не разглашаю и даже не думаю о томъ. Жена моя, ангелъ небесный, и добрыя мои дѣти здоровы; богатство дѣло наживное и, полагаясь на Провидѣніе, я не забочусь о будущемъ, будучи увѣренъ, что если по стеченію обстоятельствъ дѣти мои обнищаютъ, имъ стóитъ съѣздить въ Лондонъ и заявить въ Сенъ-Джемсъ-паркѣ, что они дѣти Московскаго генералъ-губернатора 1812 года, и имъ будетъ чтò ѣсть, пить и прожить въ довольствѣ.

Вы сообщили мнѣ, что Англичане очень мною довольны, что они хотѣли имѣть мой портретъ и что они воздаютъ должное, быть-можетъ свыше моихъ заслугъ, чувству столь естественному въ честномъ человѣкѣ—любви къ отечеству. Сдѣлайте же мнѣ одолженіе, устройте, чтобы я имѣлъ какой-либо знакъ Англійскаго уваженія, шпагу, вазу съ надписью, право гражданства. Вы это можете по тому значенію, какимъ вы пользуетесь въ этой странѣ людей мыслящихъ. Я же буду гордъ и признателенъ. Стану ждать вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ [34]).

Москва чудеснымъ образомъ воскресаетъ. Дворянства меньше прежняго, но это по недостатку помѣщенія. Считается до 200 тысячъ жителей. Въ числѣ праздниковъ по случаю занятія Парижа давался балъ въ Благородномъ Собраніи на 600 человѣкъ; на купеческомъ маскарадѣ—2.090 человѣкъ; на праздникѣ у нѣкоего Познякова—1.062 человѣка. Въ нарядахъ было бриліантовъ и жемчуговъ на милліоны. Еще хорошій урожай, и мы оправимся [35]); но не воскреснутъ два милліона лицъ обоего пола, погибшихъ отъ войны, отъ болѣзней, отъ рекрутчины и отъ наборовъ въ ополченіе.

Передайте мое почтеніе графинѣ Пемброкъ. Можетъ-быть въ слѣдующемъ году посчастливится мнѣ увидать васъ въ Англіи, заявить вамъ мою признательность и удостовѣрить, что на всю жизнь вамъ преданъ графъ Ѳ. Ростопчинъ.

---

[33]) Въ Сокольникахъ, позднѣе принадлежавшая Митькову. П. Б.

[34]) Сколько намъ извѣстно, одна изъ Лондонскихъ улицъ названа именемъ графа Ростопчина. Портреты его сотнями тысячъ расходились по Европѣ. П. Б.

[35]) Какъ это напоминаетъ намъ слова князя В. И. Васильчикова о послѣдней нашей войнѣ: и два-три года урожая, и раны залечатся. Но Севастопольскій герой прибавлялъ: „при непремѣнномъ условіи, чтобы изъ Петербурга не вмѣшивались въ Русскую жизнь!“ П. Б.

ПИСЬМА ИЗЪ ЭПОХИ 1812—1813 ГОДОВЪ КЪ М. А. ВОЛКОВОЙ.

Маргарита Александровна Волкова, урожд. Кошелева—мать той достопамятной дѣвицы Маргариты Аполоновны, которой письма о 1812 годѣ, отлично изображающія ту эпоху, помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 года. М. А. Волкова была женщина просвѣщенная и благотворительная. Отъ Французскаго нашествія она спасалась въ Тамбовской губерніи. Вдовѣ ея внука Сергѣя Сергѣевича, Марьѣ Владимировнѣ Волковой благодарны мы за сообщеніе нижеслѣдующихъ писемъ. П. Б.

Отъ Саратовскаго бурмистра Шохина.

Ваше высокопревосходительство, милостивая государыня, матушка Маргарита Александровна.

Сего Августа 6-го числа, сверхъ чаянія моего, случилось неожидаемое происшествіе: вотчинъ вашего высокопревосходительства, состоящихъ подъ моимъ управленіемъ, села Верхней Добринки, крестьяне рядовые почти всѣ безъ изъятія, съ самаго объявленія отъ Камышинскаго Земскаго Суда въ селѣ ихъ бумаги, послѣдовавшей съ указа Саратовскаго Губернскаго Правленія и приложеннаго при ономъ экземпляра высочайше утвержденнаго въ 12 день Марта сего года мнѣнія Государственнаго Совѣта, о предоставленіи дворянамъ на волю о подачѣ посемейныхъ о крестьянахъ обоего пола списковъ, не внявъ силы того объявленія, поколеблясь разсужденіемъ, вообразили, что чрезъ сіе дается имъ вольность—быть барскими или нѣтъ, и единомысленно всѣ склонились на то, что быть непремѣнно имъ вольными. Я, услышавши о семъ непріятномъ для меня замѣшательствѣ того села отъ старосты Осипа Крапивина, старшины Антона Толстова и Василья Усанкина и земскаго Орлова, тотчасъ же пріѣхалъ въ село Добринку, приказалъ немедленно собрать большой валовой

сходъ и на ономъ сходѣ началъ имъ о ихъ заблужденіи говорить, что они такую глупость выдумали, представляя имъ всѣ резоны къ отвращенію отъ онаго злаго ихъ умысла. Но все къ несчастію моему не ускорило: они, вмѣсто того, чтобы выслушать мои совѣты и уговоръ, въ тотъ же день по своей волѣ смѣнили старосту и старшину и ругали на ономъ сходѣ меня не яко бурмистра, но яко самаго подлаго человѣка всякими непотребными словами, изъ числа коихъ крестьянина Ивана Суворова сынъ, подозрительный Сергѣй, называлъ меня при всѣхъ и при священникѣ самозванцемъ. И не приказали мнѣ давать подводы, хотѣли меня связать, отъ коихъ я, взявъ съ собою смѣненныхъ старосту и старшинъ, уѣхалъ ночью, опасаясь, дабы они со мною чего въ таковыхъ смутныхъ и глупыхъ мысляхъ дурнаго не сдѣлали. Пріѣзжаю я въ свое село Грязнуху, нахожу уже въ ономъ Верхнедобринскихъ крестьянъ человѣкъ до 20-ти, принуждающихъ тамошнихъ старосту и старшинъ о собраніи схода для таковаго же злоумышленія о вольности; но староста и старшины безъ моего позволенія таковаго сходу дѣлать не осмѣлились; а я уже приказалъ оный учинить и спросить ихъ, что бунтуютъ ли они также какъ и Верхнедобринскіе крестьяне, на что̀ ото всѣхъ единогласно услышалъ, что они бунтовать противу госпожи своей никогда и не помышляли и не думали. Послѣ сего означенные Верхнедобринскіе крестьяне, слышавъ таковой отвѣтъ крестьянъ Грязнушинскихъ, съ прискорбіемъ уѣхали, и съ ними вмѣстѣ поѣхали (безъ позволенія моего, старосты и старшинъ села Грязнухи) крестьяне Петръ Ковалевъ и Пименъ Ашнинъ; а за чѣмъ, мнѣ неизвѣстно.

Я, видя обстоятельства неудобопріятныя, неминуемымъ долгомъ почелъ обо всемъ къ пресѣченію таковаго зла предварительно донести его превосходительству Алексѣю Давыдовичу *); но онъ за болѣзнію своею разбирательствомъ еще сего числа не приступалъ.

При семъ, матушка, ваше высокопревосходительство, къ разсмотрѣнію вашему посылаю съ рѣшительнаго Саратовской межевой конторы опредѣленія о землѣ копію. Затѣмъ остаюсь вашего высокопревосходительства нижайшій рабъ и слуга бурмистръ

Григорій Шокинъ.

Августа 12 ч. 1812 года.
Саратовъ.

---

*) Саратовскому губернатору Панчулидзеву.

1.

Отъ надворнаго совѣтника Ивана Кульмана [1]).

Милостивая государыня Маргарита Александровна, ваше высокопревосходительство!

Легко быть-можетъ, что болѣе уже счастія не буду имѣть васъ видѣть, то пользуюсь сею оказіею черезъ Григорія Анисимовича васъ благодарить за всѣ ваши милости и ласки. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и благополучны со всею своею фамиліею. Но я совершенно все, что̀ имѣлъ, потерялъ; даже письменныя дѣла, собственные мои труды и тѣ сгорѣли, безъ шубы и безъ сапогъ и безъ хлѣба, короче сказать 3-го, 4 го и 5-го числа Сентября я полагаю въ аду хуже быть не можетъ. Безпрестанно страдательная смерть въ глазахъ, и надежды никакой нѣтъ; рѣшился брать службу какую ни на есть у Французовъ, хотя мелкаго офицера какъ слуга, и Mestivier [2]) письмо писалъ такого содержанія: «Было время, что я искалъ вашей дружбы безъ всякаго интереса, но теперь въ вашей помощи имѣю великую надежду, ибо помогите мнѣ войти во Французскую службу. Въ полкахъ на бивуакѣ лѣта мои не позволяютъ, въ госпиталѣ служить въ состояніи, ибо безъ хлѣба умирать слишкомъ страшно». Я ему честь отдать долженъ, что старался; но до сего времени резолюціи не послѣдовало, а между тѣмъ сдѣлали меня членомъ въ Московскомъ муниципалитетѣ, и потому даютъ понемножку муки и мяса; денегъ обѣщаютъ много, а денегъ теперь никому не хочется, особливо бумагъ. Такова моя жизнь, за сорокалѣтнюю службу безъ всякаго порока получилъ вмѣсто медали и креста такое награжденіе. Но есть еще и меня несчастнѣе; есть и такіе, которые въ живыхъ сгорѣли. На что̀ теперь Москва похожа, сказать не знаю, хотя ужъ немалое время прошло, и всякій день на нее гляжу, но безъ слезъ почти видѣть не можно. Съ тѣмъ прощаюсь съ вами на вѣкъ и желаю отъ искренняго сердца вамъ всякаго благополучія. Что касается до лошадей моихъ, весьма радъ, ежели онѣ вамъ служили хорошо и что̀ онѣ стоятъ или, лучше сказать, что̀ изъ великодушія намѣрены за нихъ платить, прошу отдать воспитанницѣ моей въ Симбирскѣ Ульянѣ Ивановнѣ Коховой; она бѣдная также съ Москвы почти все потеряла, ибо должники ея все потеряли, и потому покорнѣйше прошу тоже г-ну графу Велеурскому объявить: буде мои труды стоятъ награды, что̀ за благо разсудитъ, благоволилъ бы отдать оной дѣвицѣ Коховой. Полагаю, что она бѣднѣе меня. Еще вамъ желаю отъ Бога всякаго блага и остаюсь вамъ благодарный за всѣ полученныя отъ васъ милости Иванъ Кульманъ.

---

[1]) Этотъ Кульманъ служилъ въ Московской Управѣ Благочинія старшимъ штабъ-лекаремъ и, оставшись въ Москвѣ, сдѣланъ былъ членомъ учрежденнаго Французами муниципальнаго управленія. П. Б.

[2]) Извѣстный тогда врачъ. П. Б.

2.

Милостивая государыня Маргарита Александровна, ваше высокопревосходительство!

Что̀ въ Москвѣ происходило, вамъ вѣрно давно извѣстно; но несчастья мои превосходятъ всѣ мѣры, что въ грабежѣ все свое имущество даже до послѣдней рубашки потерялъ, и въ пожарѣ даже до послѣдняго лоскутка бумаги, сутки по двое не ѣвши, требушины валяющейся на улицѣ съ радостію проглотилъ бы, и въ самомъ сильномъ пожарѣ въ маленькой шубенкѣ на улицѣ ночевалъ при сильномъ дождѣ и вѣтрѣ. И коль скоро Французы ушли, мужики начали грабить, казаки тожъ, могу сказать, страшнѣе прежняго! Но все сіе почитаю ни за что̀, и Богъ помогъ пережить. Я же кое-какъ съ одной душою перебрался въ Воспитательный Домъ. Потомъ Нѣжинскіе гусары вошли и сдѣлали порядокъ. Только хотѣлъ благодарить Бога; но тотъ же день былъ призванъ къ генералъ-маіору Гельману, который занялъ мѣсто полицеймейстера, и отданъ подъ стражу съ обнаженными саблями въ такъ-называемой полиціи, но по настоящему званію въ кухнѣ: подъ ногами мокро, окошки разбиты, тремъ человѣкамъ едва сѣсть можно, а лечь не на чѣмъ. Могу сказать, тутъ почувствовалъ злѣйшее свое несчастіе. Товарищи мои были нѣкоторые мнѣ подобные, между прочимъ музыкантъ Катанъ и какой-то Позняковъ *), а наиболѣе самые подлѣйшіе преступники. Поутру рано я былъ призванъ; а вечеръ уже приближается, вдругъ терпѣніе потерялъ. Прежде сталъ судить себя строго: казалось мнѣ, я ни съ которой стороны невиноватъ, то закричалъ на казака караульнаго, зная, что я надворный совѣтникъ. «Призови мнѣ офицера!» Казакъ мой сего не ожидалъ и отвѣчалъ: «Скажу, ваше высокоблагородіе», и призвалъ офицера. Офицеръ, могу сказать, благородный и честный человѣкъ; но я ему тоже сказалъ и прибавилъ: «Скажите г-ну полицеймейстеру; пока я не разжалованъ, онъ такой власти надо мной не имѣетъ, а за вину свою отвѣчаю я». Тотчасъ мнѣ и всѣмъ моимъ товарищамъ дали другую порядочную комнату и для меня постель, и до сегодня я отличенъ; почему, не знаю. Офицеръ мой глядѣлъ на меня съ печальнымъ видомъ, плечами пожималъ и просилъ меня ходить по немъ. «Кажется васъ всѣ знаютъ, а уйти невозможно!» Оттого духъ мой успокоился. До самой полночи г-нъ маіоръ нашъ полицеймейстеръ не явился; прі-

*) Тоже членъ Московскаго муниципалитета. П. Б.

ѣхавши сталъ насъ всѣхъ по одиночкѣ распрашивать, а меня съ такой учтивостью, что желалъ вину на себя прибавить, и ежели бы у насъ была смертная казнь, вѣрно прибавилъ бы, чтобъ лишить жизни. Таково-то мнѣ горько было; но убить себя, хотя способъ лучше другихъ имѣю и меня П. А. Ивашкинъ тѣмъ упрекалъ, не хочу и не буду, какъ христіанинъ. Законъ не велитъ какъ philosophe равномѣрно: ибо только трусъ не можетъ несчастіе свое пережить, а честный человѣкъ преодолѣть долженъ всѣ свои бѣдствія, а умирать когда Богъ велитъ. Потому подписалъ то, что̀ велѣлъ, а именно: что во время бытности Французской арміи въ Москвѣ я былъ членомъ въ Московскомъ муниципалитетѣ, имѣлъ присмотръ за церквами и госпиталями и для отличія носилъ красную ленту на лѣвой рукѣ (такъ велѣлъ написать, а по справедливости для того, чтобъ на улицѣ свободно ходить можно было). Безъ позволенія полиціи изъ Москвы не выѣзжать. Потомъ отпустилъ.

На третій день пріѣхалъ П. А. Ивашкинъ, вновь призвалъ всѣхъ, началъ допрашивать съ великою гордостію и грубостію; потомъ по четыре человѣка велѣлъ за собой идти въ другую комнату. Какъ до послѣднихъ четырехъ дошелъ, я хотѣлъ съ ними идти, но онъ приказалъ остаться, а какъ поворотилъ, меня въ кабинетъ призвалъ, перемѣнилъ тонъ, обходился съ великою учтивостью и ласкою, говорилъ быть тѣмъ довольну, что я васъ отпущу. И, за правду, до сего времени я ото всѣхъ отмѣненъ. Ласкою онъ меня такъ тронулъ, что я со слезами отвѣчалъ ему, говоря: «Петръ Алексѣевичъ, повѣрьте, было время, что я горько плакалъ, что не могъ лакейское мѣсто найти, и ежели тѣмъ виноватъ, что я въ Московскомъ муниципалитетѣ служилъ, то стало Богу такъ угодно, а я себя упрекать не буду. Судьи два-три невѣжи о томъ судить не могутъ. Я буду ожидать наказанія своего безъ всякаго роптанія, и ежели другой разъ то случится, что̀ случилось, и опять тоже сдѣлаю, что̀ теперь сдѣлалъ». А когда онъ очень грубо со мною говорилъ, между прочимъ раза три пальцемъ показалъ, какъ въ такихъ случаяхъ пистолетомъ застрѣлиться долженъ, тоже сказалъ только твердымъ тономъ и добавилъ, что службу я столько-то знаю, что на такіе случаи потребно имѣть письменное повелѣніе, а словесное недостаточно; но я напротивъ отъ вашего превосходительства наканунѣ совсѣмъ противное повелѣніе получилъ и не отъ единаго человѣка даже въ уши ничего не слыхалъ. Крайне осердился, наговорилъ пустыхъ рѣчей препропасть, между прочимъ: «Ты видѣлъ, что буточниковъ и трубъ нѣтъ. А! Каре-

та видно не готова была, или кофе не сваренъ», и такихъ пустыхъ словъ подобныхъ, какъ я сказалъ, что невѣжа былъ, закричалъ: «Врешь, какъ ты смѣешь сказать! Жалованье получаешь». Мнѣ можно было сказать, что годъ прожилъ, что не получалъ и ассигнацій и рублей. Только я разсудилъ лучше молчать; но не могъ удержаться, чтобъ не сказать: Нашихъ здѣшнихъ жителей нѣсколько пропало, а Французы ни въ чемъ не нуждались, были сыты и пьяны, и многіе наши только по ихъ милости живы. Корову или быка убьютъ, голову, требушину и ноги бросаютъ, а мы съ опасеніемъ жизни прибираемъ, и тѣ, которые зубами таскали.

Простите мнѣ, что я вамъ наскучилъ. Несчастное мое положеніе къ тому принудило и великіе мои интересы. Знаю ваше человѣколюбіе и великодушіе; хочу, чтобъ знали совершенно дѣянія мои и потому судили не только то, что̀ сдѣлалъ, но и то, чего хотѣлъ. Вамъ симъ чистосердечно объявляю. Къ оправданію своему могу еще нѣсколько добавить, а въ винѣ своей божиться могу, что нѣтъ; то теперь усерднѣйшая просьба моя къ вашему высокому превосходительству, буде сердце ваше и умъ вашъ меня виновнымъ находятъ, то забудьте Кульмана: пусть онъ въ Сибирь пошлется; но если, на что̀ надѣюсь, вы можете меня по уму и по сердцу своему оправдать, то употребите всѣ тѣ преимущества и способы, которые вамъ Богъ далъ воистинну обиженному человѣку помочь. Болѣе сорока лѣтъ служилъ государству какъ честный человѣкъ. Пусть меня кто уличитъ въ бездѣльствѣ отъ первѣйшаго генерала до послѣдняго извощика, я буду виноватъ; ни чина, ни креста, хотя оба заслужилъ, не желаю; но отставки какъ честнаго человѣка съ полнымъ пенсіономъ. Я о томъ трудилъ и братца вашего, и министра Балашова, и графа Ростопчина, писалъ оправданіе свое, только черезъ Бурцова. Писалъ и вамъ; не знаю, получили ли вы; только про него могу сказать, что нехорошій человѣкъ. Василій его съ Французомъ уѣхалъ. Шедель, вашъ знакомый, для меня честный человѣкъ. Его супруга извергъ, адская фурія: что̀ я отъ нея потерпѣлъ, описать никакъ нельзя; они уѣхали самые послѣдніе, и легко станется, что казакамъ въ руки попались, только до сего времени объ нихъ ничего не слыхать. Duchert нѣсколько разъ видалъ; думаю, и онъ уѣхалъ. Только вамъ еще скажу: послѣ пожара и грабежа, ежели знакомаго увидите, удивится, и первое слово: ахъ, и ты живъ. Такъ понеже Кульманъ еще живъ, прошу усердно объ немъ не забыть. Буде черезъ Марью Ѳедоровну, то можно на Тутолмина ссылаться: онъ всѣ дѣла мои знаетъ и мнѣ давно знако̀мъ. Теперь

желаю вамъ отъ искренняго сердца вопервыхъ здоровья, а потомъ всякаго благополучія. Марьѣ Аполлоновнѣ и всѣмъ тѣмъ, которые при васъ, мое нижайшее почтеніе; также прошу Игнатію Петровичу мое почтеніе объявить; а я остаюсь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашъ, милостивая государыня, преданнѣйшій слуга

Иванъ Кульманъ.

Москва, 5-го Ноября 1812.

3.

Милостивая государыня Маргарита Александровна, ваше высокопревосходительство!

За милостивѣйшее письмо ваше приношу мою благодарность, а именно что сказали: старый другъ лучше новыхъ двухъ; сіи слова суть для меня весьма лестны. Казалось, что репутаціи и самъ Государь отнять не можетъ; но его сіятельство г-нъ графъ Ростопчинъ и Петръ Алек. Ивашкинъ успѣли честь мою до такой степени помарать, что Авдотья Селиверстовна [1]) на два письма мои плачевныя и просительныя не посмѣла отвѣчать. Ив. Мих. Волынской по случаю (имѣвъ до меня нужду крайнюю), какъ меня увидѣлъ, сказалъ: *Ты таки побывай ко мнѣ; я ихъ не боюсь.* Я хотя ему отвѣчалъ какъ должно, но онъ мнѣ повторилъ: ты въ горячкѣ и можешь себѣ хуже сдѣлать. Такъ сами изволите видѣть, какъ же мнѣ не стараться обстоятельствъ своихъ поправить. А въ Тамбовъ охотно-бъ поѣхалъ и просилъ о томъ Петра Алексѣевича; примолвилъ: на мѣсто свое опредѣляю другаго. Я жалованья не получаю, а въ Тамбовъ мнѣ повернуть, отказали безъ остановки. Вся моя судьба отъ Александра Ивановича Татищева зависитъ; подъ нимъ здѣшняго генеральнаго военнаго госпиталя старшій докторъ Миндереръ умеръ. Буде онъ желаетъ, то безъ всякаго сомнѣнія оное мѣсто мнѣ дастся, и я могу показаться, какъ честный человѣкъ, всѣмъ тѣмъ людямъ, которые меня опасаются; а въ противномъ случаѣ я долженъ не токмо въ Петербургъ, но куда судьба велитъ идти. Я хотя въ надеждѣ, что передъ Александромъ Ивановичемъ [2]) ни въ чемъ не виноватъ, послалъ къ нему отъ себя просительное письмо, и Ал. Петр. Валуевъ [3]) о томъ же во имя матери [4])

---

[1]) Небольсина, урожд. Муромцова. П. Б.

[2]) Татищевымъ. П. Б.

[3]) Отецъ графа П. А. Валуева. П. Б.

[4]) Супруга начальника Кремлевской экспедиціи, Петра Степановича Валуева Дарья Александровна, урожд. Кошелева, родная сестра М. А. Волковой. П. Б.

своей писалъ, за что̀ долженъ болѣе васъ благодарить, и зная, что больше для васъ нежели для кого сдѣлаетъ, туже минуту вашего покровительства просилъ; но по крайнему моему несчастію письмо мое осталось до сего времени въ Москвѣ, то симъ усердно прошу ваше высокопревосходительство писать къ А. И. Татищеву обо мнѣ. Я сказать не умѣю, какъ мнѣ дорога̀ просьба ваша, и Богъ мой свидѣтель, хотя ничего не получу, то вѣкъ не забуду ваше благодѣяніе.

Теперь позвольте мнѣ, хотя меня не спрашивали, совѣсть свою очистить такъ, какъ докторъ и болѣе всего, какъ честный человѣкъ. Сотни лѣтъ назадъ не было такого чистаго воздуха, какъ теперь, ради двухъ причинъ: сильный пожаръ истребилъ набранную многими временами всякаго рода нечистоту, и вѣтеръ повсюду продуваетъ, что̀ прежде сего быть не могло. Мертвыя тѣла Французовъ сожжены, Русскія глубоко зарыты. Короче сказать, воздухъ здѣсь теперь точно такой, какъ въ лѣсу. Пріѣзжайте только на три дня, то сами почувствуете и увидите какой. Что̀ касается до подстриганья, приказаніе ваше исполнилъ въ точности. И затѣмъ препоручаю себя въ ваши прежнія всегдашнія милости, и всѣмъ вашимъ, и остаюсь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашъ, милостивая государыня, преданнѣйшій слуга

Иванъ Кульманъ.

Москва, 3-го Апрѣля 1813.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЕЛИНГЪ

УРОЖДЕННОЙ СТУРДЗЫ.

Съ неизданной Французской рукописи.

(Писано въ 1829 году).

Прежде чѣмъ начать разсказъ о событіяхъ историческихъ, я должна познакомить читателя съ моею собственной исторіей, дабы онъ могъ судить о моемъ характерѣ, о моихъ чувствахъ и о томъ довѣріи, какое онъ долженъ питать къ этимъ воспоминаніямъ. Подробности, касающіяся моего семейства, должны имѣть извѣстнаго рода занимательность, въ каковой нельзя отказать жизни, ознаменованной тяжкими скорбями. Матушка моя была изъ роду князей Мурузи, извѣстныхъ въ Левантѣ по своему вліянію на Оттоманскую Порту и по своимъ отмѣннымъ дарованіямъ. Дѣдушка мой, Молдавскій господарь, выдалъ за мужъ старшую свою дочь за моего отца, который по своему рожденію и состоянію удовлетворялъ его честолюбію. Я родилась въ Константинополѣ, и мнѣ было пять лѣтъ, когда родители мои рѣшились покинуть страну свою и поселиться въ Россіи. Дѣдушка скончался вслѣдъ за Ясскимъ миромъ *). Нелады, возникшіе между матушкою и ея старшимъ братомъ, побудили моихъ родителей склониться на приглашеніе Русскихъ дипломатовъ и генераловъ къ переселенію въ Россію, о чемъ они потомъ нерѣдко сожалѣли. Огромное состояніе ихъ, будучи оставлено на чужія руки, въ скоромъ времени разстроилось. Батюшка, отъ природы склонный къ меланхоліи, сталъ поддаваться горести. Ему приходилось для спасенія остатковъ своего богатства пускаться въ дальнія и трудныя поѣздки, а содержать семью

---

*) Стало быть, въ началѣ 1792 года. П. Б.

свою въ Петербургѣ было начетисто; и потому онъ купилъ себѣ въ отдаленной губерніи красивую усадьбу, которая и послужила убѣжищемъ для насъ, Молдавскихъ эмигрантовъ. Матушка поселилась въ этомъ помѣстьи съ пятью человѣками дѣтей. Ума живаго и настойчиваго, она принялась за новую дѣятельность, расширяла кругъ своихъ познаній, читала, воспитывала дѣтей, предавалась благородному занятію сельскимъ хозяйствомъ. Кругомъ насъ возникли прекрасные сады съ произрастеніями разныхъ климатовъ, и окрестныя селенія благословляли имя моей матери, которая распространяла на нихъ блага, дотолѣ имъ неизвѣстныя. Наше обученіе нисколько не терпѣло отъ этого поселенія въ глуши, потому что въ домѣ нашемъ были учителя, присутствіемъ которыхъ оживлялись долгіе зимніе вечера. Способности наши развивались посреди этой занятой и правильно распредѣленной жизни; но въ тоже время уединенность нашего быта и вліяніе величавой сѣверной природы сообщили намъ какую-то мрачную восторженность, которая составляла странную противоположность съ мягкостью и подвижностью нашего южнаго происхожденія.

Въ то время всѣ умы заняты были Французскою революціей. Съ утра до ночи слышали мы толки о самыхъ важныхъ предметахъ и, благодаря этимъ заманчивымъ разговорамъ, а равно и чтенію Древней Исторіи, составлялось у насъ столь же восторженное, какъ и невѣрное понятіе о томъ что̀ происходило на свѣтѣ. Искренно благочестивый отецъ нашъ съ раннихъ лѣтъ внушалъ намъ уваженіе къ религіи; но чтеніе многихъ философскихъ сочиненій потрясло въ насъ вѣру: мы сомнѣвались вопреки самимъ себѣ, и наше возвращеніе къ смиренному, настоящему вѣрованію послѣдовало лишь тогда, какъ разсудокъ началъ разгонять туманы, которыми были окутаны наши головы. Сочиненія Клопштока также немало способствовали нашему примиренію съ Богомъ. Этотъ второй Давидъ, геній котораго состоитъ въ наилучшемъ ощущеніи божества, научилъ насъ, меня и старшую мою сестру, проникать въ таинства искупленія, смерти и безсмертія, тогда какъ старшій изъ моихъ братьевъ, сгарая славолюбіемъ, мечталъ только о войнѣ и о возможности самому принять участіе въ сраженіи. Мать наша, будучи сама отъ рожденія высокаго полета, поощряла въ немъ это расположеніе, не предвидя горестныхъ послѣдствій.

Въ 1801 году мы покинули мирную усадьбу, въ которой провели безвыѣздно восемь лѣтъ, и перебрались въ Петербургъ. Началось новое столѣтіе и вмѣстѣ новое царствованіе. Страшнѣйшимъ событіемъ кончилось мрачное и гибельное для Россіи царствованіе Павла I-го.

Люди честные оплакивали совершившееся преступленіе, но въ тоже время сердца ихъ отверзлись для радости и надежды. Поспѣшно покидалась вынужденная замкнутость, въ которой каждому приходилось жить, и, забывая прошедшее, всѣ восторженно привѣтствовали новую эру. Она не обманула надеждъ Русскаго народа. Александръ вступилъ на престолъ для счастія Россіи и человѣчества. Въ это-то время родители мои рѣшились возвратиться къ свѣтской жизни. Они желали познакомить насъ съ нею, довершить наше воспитаніе и опредѣлить старшаго моего брата въ военную службу. Вслѣдствіе долгаго отсутствія изъ столицы, мы не сохранили пріятныхъ связей въ обществѣ. Къ тому же Петербургъ есть настоящій волшебный фонарь, въ которомъ изображенія смѣняются безпрерывно. Пришлось заводить новыя знакомства. Выборъ не былъ удаченъ, и кружокъ нашъ, хотя довольно многочисленный, не отличался ничѣмъ замѣчательнымъ. Мы не смѣли заявлять, что намъ скучно; но часто это сказывалось само собою. Намъ ставили въ упрекъ нашу одичалость, которая, напротивъ, свидѣтельствовала объ изящномъ нашемъ вкусѣ. Такъ прошло два года, по истеченіи которыхъ мы ужасно обрадовались, когда рѣшено было провести четыре мѣсяца въ деревнѣ. Мнѣ шелъ 17-й годъ, и въ это памятное мнѣ время я научилась познавать ничтожество жизни. Лѣто прошло быстро и очень пріятно, и мы собирались назадъ въ Петербургъ, какъ заболѣла внезапно моя сестра, и черезъ три мѣсяца страданій, попеченій и тревоги скончалась. Я лишилась друга дѣтства и спутницы въ жизни. Старшій братъ былъ исключительно занятъ военною службою. Слѣдующій за нимъ и младшая сестра, будучи въ то время еще очень молоды, не могли наполнить пустоты, которая образовалась вокругъ меня по кончинѣ сестры. Душа моя, удручаемая горемъ и усталостью отъ ухода за родителями, находила себѣ отраду въ грустныхъ мечтаніяхъ, которыя я изливала на бумагу. Къ грусти моей примѣшивалась нѣкоторая сладость, такъ какъ я страдала съ самоотреченіемъ, и надежда никогда меня не покидала. Братецъ перешелъ на службу въ гвардейскіе гусары. Его поведеніе, наружность, обширныя познанія и благородство характера обратили на него вниманіе начальства. Но успѣхи эти его не радовали. Пылкое славолюбіе и раздражительная впечатлительность отравляли ему существованіе; онъ презиралъ и жизнь, и общество. Командиръ полка, дядя Государя, герцогъ Людвигъ Виртембергскій, взялъ его къ себѣ въ адъютанты и предложилъ ѣхать съ собою въ Германію, куда онъ намѣренъ былъ отправиться для здоровья своей герцогини. Сестра опасно заболѣла въ то время, когда братецъ уѣзжалъ, и тревожась за нее, мы не особенно заботились о немъ. Однако я помню, что по какому-то

неудержимому движенію я кинулась отъ постели больной сестры къ отъѣзжавшему брату, съ невыразимымъ стѣсненіемъ сердца еще разъ обняла его внизу на лѣстницѣ и не выпускала изъ глазъ его бѣлаго султана, пока онъ не исчезъ за сосѣднимъ домомъ. Тогда я возвратилась къ больной съ такимъ чувствомъ скорби, какого никогда потомъ мнѣ не проходилось испытывать. Мнѣ не суждено было его больше увидѣть.

Политическій горизонтъ начиналъ омрачаться. Государь, окруженный молодыми людьми безъ дарованій и опытности, казалось, желалъ нетерпѣливо получить извѣстность въ Европѣ. Онъ послалъ къ Наполеону Новосильцова уговориться на счетъ положенія дѣлъ на материкѣ. Но еще не доѣхавъ до мѣста, онъ прервалъ сношенія, отправивъ очень рѣзкую ноту, которая всѣхъ удивила. Я была тогда слишкомъ молода и слишкомъ мало видала людей, чтобы оцѣнить поводы такого заявленія *). Впослѣдствіи я познакомилась съ характеромъ и дарованіями Новосильцова и друга его князя Чарторыжскаго, и это знакомство заставляетъ меня думать, что вышепомянутая нота не была произведеніемъ высокаго ума. Оба эти лица въ то время и позднѣе пользовались блистательною извѣстностью. Оба разительно доказываютъ, какъ мало слѣдуетъ довѣрять общественному мнѣнію. Напускной видъ размышленія и даровитости, внушительное молчаніе, пышныя изреченія моднаго свободомыслія, ослѣпляютъ толпу, всегда готовую дивиться тому, чего она не понимаетъ. Государь любилъ ихъ, потому что они находились при немъ въ его молодости и по нѣкоторому согласію съ ними въ правилахъ и понятіяхъ, которыя онъ усвоилъ себѣ своею молодою и страстною душою. Но не хочу забѣгать впередъ и стану продолжать нашу семейную исторію.

Братъ мой, видя, что война готова вспыхнуть и что его начальникъ не расположенъ принимать въ ней участіе, просился у него назадъ въ свой полкъ. Герцогъ долго не отпускалъ его; въ теченіи нѣсколькихъ недѣль братъ жестоко мучился опасеніемъ пропустить благопріятный случай къ отличіямъ, и эта тревога отражалась въ его письмахъ. Онъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ дорогою, что Русское

---

*) Главнымъ поводомъ конечно была депеша Талейрана (напечатанная у Биньона и у насъ извѣстная лишь по нѣсколькимъ строкамъ, приведеннымъ въ исторіи Богдановича въ т. 1-мъ, 5-е прим. къ XII-й главѣ), въ которой Наполеонъ, раздраженный трауромъ, по настоянію императрицы Маріи Ѳеодоровны, надѣтымъ при нашемъ дворѣ по случаю убіенія герцога Ангіенскаго, нагло намекаетъ на участіе императора Александра Павловича въ Мартовскомъ событіи 1801 года. Изъ-за короля Сардинскаго, изъ-за ничтожнаго Бурбона началась борьба, въ которой Россія принесла страшныя жертвы. П. Б.

войско отступаетъ и повидимому больше не будетъ принимать участія въ войнѣ. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ и много Русскихъ. Его хорошо приняли. Придворные праздники слѣдовали одинъ за другимъ; бѣдный братъ мой противъ воли долженъ былъ въ нихъ участвовать, и это насильственное развлеченіе только усилило въ немъ меланхолію. Онъ застрѣлился въ Берлинскомъ паркѣ, оставивъ записку въ нѣсколько строкъ; въ нихъ онъ просилъ прощенія у Неба и у родителей своихъ въ невольномъ преступленіи, которое одно могло спасти ему честь. Мнѣ суждено было сообщить о томъ моимъ родителямъ, для которыхъ я осталась единственною опорою. Кто прошелъ чрезъ подобныя испытанія, тотъ уже не принадлежитъ больше къ жизни, и только чувство отдыха служитъ ему благополучіемъ. Сколько разъ потомъ, въ разнообразныхъ обстоятельствахъ моего поприща, въ вихрѣ празднествъ, память прошлаго поражала меня, пронизывала насквозь, какъ стрѣла и повергала въ горестныя размышленія. Мнѣ посчастливилось утаить отъ матушки о томъ, какою смертью погибъ братъ; но батюшка долженъ былъ испить чашу до дна. Онъ почерпалъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ почтеннымъ 80-тилѣтнимъ и удалившимся на покой архіепископомъ Евгеніемъ, и святой старецъ счелъ необходимымъ открыть ему полную истину братниной гибели.

Жизнь моя съ тѣхъ поръ протекала въ ежеминутныхъ заботахъ и страданіяхъ. Я постоянно боялась, что матушка узнаетъ роковую тайну. Тяжкое уныніе овладѣло мною, я видимо таяла, и родители мои думали развлечь меня, доставивъ мнѣ мѣсто при дворѣ. Это отличіе принудило меня возвратиться въ общество. Иноземка по происхожденію, 19-ти лѣтъ отъ роду, я предоставлена была собственнымъ силамъ, и некому было руководить мною при вступленіи въ большой свѣтъ. Я чувствовала, что, не имѣя ни покровительства, ни богатства, ни замѣчательной наружности, я должна играть скромную роль. Душа моя была слишкомъ удручена, чтобы искать иной. Я не покинула родительскаго дома, и вся моя служба ограничивалась появленіемъ при дворѣ разъ или два въ недѣлю. Матушка, хотя и не въ силахъ была выѣзжать со мною въ свѣтъ, въ это время нѣсколько поуспокоилась и старалась развлечь насъ. Мы радовались развитію и успѣхамъ младшаго брата и сестры. Къ намъ собирались его товарищи и ея подруги, и непорочная веселость ихъ отвлекала насъ отъ нашихъ воспоминаній. Братъ на пять лѣтъ меня моложе. Я чувствовала къ нему что-то въ родѣ материнской нѣжности и всячески пеклась о немъ. Мое участіе къ нему началось съ самаго его рожденія; наклонившись надъ его колыбелью, я долго на него смотрѣла, и то

невыразимое ощущеніе, которое я тогда испытала, осталось во мнѣ живо и неизмѣнно. У меня съ нимъ была одна кормилица. Эта превосходная женщина въ то время еще была при насъ. Ея приверженность, ея нѣжная заботливость, ея святыя молитвы конечно имѣли великое вліяніе на судьбу нашу.

Я съ горестью замѣтила, что наша семья оставалась чужою въ Россіи и что братъ мой и сестра не будутъ имѣть покровительства при вступленіи въ свѣтъ, если я не наживу себѣ благопріятелей. Для этого была у меня довольно вѣрная сметка, благодаря которой всегда и во всѣхъ странахъ я освоивалась съ пріемами общежитія. Къ этому присоединялись откровенность, благожелательство и простота въ обращеніи. Я никогда не совалась впередъ, но нерѣдко привлекала къ себѣ вниманіе удачнымъ словомъ, движеніемъ, взглядомъ, и предоставляла наблюдателю заслугу оцѣнивать меня. Вотъ все искусство, къ которому я прибѣгала при вступленіи въ свѣтъ для снисканія уваженія и дружбы нужныхъ мнѣ людей. До людей пустыхъ и злыхъ мнѣ никогда не было дѣла; я избѣгала ихъ сообщества и не была отъ того въ накладѣ. Я начала съ того, что пріобрѣла расположеніе старухи графини Ливенъ, гувернантки императорскаго семейства, женщины отмѣннаго ума, неуклонныхъ нравовъ и убѣжденій, умѣвшей въ теченіи слишкомъ сорока лѣтъ оставаться въ милости *). Я безкорыстно посѣщала ее, потому что она мнѣ нравилась, и у нея можно было говорить обо всемъ. Вскорѣ я узнала, что она отлично отзывалась обо мнѣ въ обществѣ Императрицы-матери. Великія княжны стали отличать меня, что нѣсколько подняло меня въ глазахъ дворской толпы. Тѣмъ не менѣе я продолжала быть одинокою и искала особы, съ которою могла бы являться на придворныхъ праздникахъ и которая служила бы мнѣ поддержкою.

Съ дѣтства я знала адмирала Чичагова, потому что въ бурное Павлово царствованіе онъ жилъ въ ссылкѣ по сосѣдству съ нашею деревнею. Я подружилась съ его женою, которая пользовалась отличною извѣстностью. Обожаемая мужемъ, нѣжнаго здоровья и своеобразная въ пріемахъ, она обращала на себя общее вниманіе. Чичаговъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума. Государь отличалъ его и желалъ привязать его къ себѣ, но безуспѣшно. Будучи горячимъ поклонникомъ Французской республики и Наполеона, Чичаговъ не скрывалъ величайшаго презрѣнія къ своей странѣ и своимъ соотечественникамъ. Онъ не щадилъ и Англичанъ, хотя жена его была Англичанка и всегда

---

*) Ея свойствъ графъ С. Р. Воронцовъ желалъ генералъ-адъютантамъ Александра Павловича. П. Б.

держалась противоположныхъ съ нимъ мнѣній. Онъ былъ увѣренъ въ превосходствѣ своихъ дарованій и, при характерѣ пылкомъ и непослѣдовательномъ, позволялъ себѣ всякаго рода странности. Объ его выходкахъ толковали, ихъ боялись, и лишь немногія лица отваживались сближаться съ нимъ. По своей должности морскаго министра онъ долженъ былъ принимать общество. Два раза въ недѣлю давали у него ужины, на которые собиралось много иностранцевъ. Тамъ я познакомилась съ графомъ де-Местромъ и съ его братомъ. Бесѣда ихъ, блистательная и въ тоже время дѣльная, плѣняла Чичагова; но старшій изъ нихъ, знаменитый своими сочиненіями, которыя составили собою эпоху, присоединялъ къ сокровищамъ знанія и таланта отмѣнную чувствительность, не покидавшую его въ самыхъ простыхъ житейскихъ дѣлахъ. Непреклонный, порою даже нетерпимый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ всегда былъ снисходителенъ и любовенъ въ личныхъ сношеніяхъ, поклонялся женщинамъ, искалъ ихъ бесѣды и дорожилъ ихъ мнѣніемъ. Его дружба была мнѣ столь же пріятна, какъ и полезна, потому что его всѣ знали, и удовольствіе, которое онъ находилъ въ разговорахъ со мною, уже обращало на меня общее вниманіе. Наши понятія совпадали, кромѣ только вѣроисповѣданія (онъ былъ самый ревностный поклонникъ католичества). По своимъ близкимъ связямъ съ іезуитами, питалъ онъ надежду, что нѣкогда Русская церковь присоединится къ Римской и изо всѣхъ силъ старался помогать имъ въ этомъ смѣломъ замыслѣ. Я выслушивала не противорѣча и невозмутимо что̀ говорилъ мнѣ объ этомъ графъ де-Местръ, потому что была сознательно предана своей церкви. Однако іезуитамъ удалось овладѣть воспитаніемъ высшихъ слоевъ общества и чрезъ то пріобрѣсти себѣ сильныхъ покровителей. Самыя знатныя дамы открыто выражали склонность свою къ католичеству и искали себѣ между іезуитами руководителя совѣсти. Русское духовенство, живя особнякомъ и въ бѣдности, не могло имѣть вліянія на дворянство, воспитанное по-французски и почерпавшее свои познанія о вѣрѣ изъ книгъ, одобренныхъ обществомъ Іисусовымъ. Впослѣдствіи я часто размышляла о знаменитомъ орденѣ, дарованіямъ и доблестямъ котораго нельзя не удивляться. Но, воздавая должное уваженіе многимъ изъ его членовъ, нужно помнить, что въ основѣ ихъ системы лежитъ тоже опасное начало, какъ и у дѣятелей революціи, т.-е. цѣль оправдываетъ средства. Для нихъ было важно утвердиться въ Петербургѣ, и для того они пронырливо захватили въ свои руки управленіе католическою церковью, которая была построена на средства общины. За тѣмъ они безотчетно распоряжались ея доходами и надѣлали значительныхъ долговъ. У нихъ были значительныя помѣстья, полученныя отъ правительства послѣ перваго

Польскаго раздѣла. Екатерина Вторая думала посредствомъ ихъ распространить гражданственность и просвѣщеніе среди невѣжества. Мы жили по сосѣдству съ этими помѣстьями, и я могу, какъ очевидица, засвидѣтельствовать, что крестьяне ихъ были, можетъ быть, бѣднѣе и несчастнѣе другихъ. Въ то самое время какъ въ Петербургѣ они прилагали всевозможныя старанія, чтобы совратить въ свою вѣру кого-либо изъ придворныхъ, населеніе въ 35 тысячъ душъ, вполнѣ предоставленное на ихъ волю, стонало въ невѣжествѣ и горестномъ небреженіи.

У того же Чичагова познакомилась я ближе съ герцогомъ Виченцскимъ, тогдашнимъ посломъ Наполеона. Онъ отличался благородствомъ въ обращеніи и природнымъ великодушіемъ, въ силу котораго жертвы революціи встрѣчали отъ него пощаду. Сколько разъ доводилось мнѣ слышать его, дружески бесѣдующаго съ самыми горячими противниками его повелителя. Ему поручено было изучать характеръ Государя, свойства Русскихъ людей и средства Россіи; но я не думаю, чтобы наблюденія его были особенно полезны Наполеону. Въ значительной степени высокомѣрный и легкомысленный, онъ судилъ о Русскомъ народѣ по столичнымъ гостинымъ, а объ управленіи Россіею по остротамъ морскаго министра, который въ его присутствіи охотно давалъ волю изліяніямъ своего озлобленія. Умы посредственнаго закала любятъ останавливаться на поверхности дѣлъ. Коленкуръ видѣлъ въ императорѣ Александрѣ только любезнаго человѣка, не подозрѣвая въ немъ ни сильной воли, ни отмѣнной тонкости ума. Русскіе люди казались ему какими-то машинами, и онъ не зналъ, что народная гордость и приверженность къ вѣрѣ отцовъ творятъ изъ нихъ героевъ. Онъ и не доискивался истины, будучи занятъ любовными похожденіями, своею конюшнею и своимъ богатствомъ. Государь обращался съ нимъ очень ласково, но въ Петербургѣ его не пускали во многіе дома; это было ему ни почемъ и только усиливало въ немъ признательность къ Государю за его любезности. Долго полагали, что Коленкуръ участвовалъ въ убійствѣ герцога Ангіенскаго; но предшественникъ его Савари поспѣшилъ оправдать его, принявъ очень хладнокровно всю вину на себя. Это подтвердилъ мнѣ впослѣдствіи вице-король Итальянскій, увѣрявшій меня, что онъ самъ видѣлъ въ пріемной у Наполеона, какъ сдѣлалось дурно Коленкуру, когда онъ узналъ о гибели герцога.

Въ это время императоръ Александръ еще не выражалъ мнѣ своего вниманія; но я питала къ нему восторженную патріотическую приверженность, внушенную мнѣ моею матерью, которая держалась старинныхъ понятій и видѣла въ немъ Божьяго помазанника и отца

отечества. Тильзитскій миръ и опасности союза съ Наполеономъ огорчали насъ, и хотя иной разъ мы и поносили правительство, но я чувствовала искреннее негодованіе противъ тѣхъ, кто отзывался съ горечью о характерѣ Государя. Русскій народъ отъ природы наклоненъ къ недовольству, и гордость его была слишкомъ оскорблена, чтобы относиться снисходительно къ тогдашнему положенію дѣлъ. Петербургскія гостинныя оглашались жалобами, несправедливыми нареканіями и неумѣстными притязаніями, и все это относилось къ Государю; ибо къ любопытнымъ особенностямъ Александровскаго царствованія принадлежитъ то, что должностныя лица постоянно оправдывали себя въ глазахъ общества и всю вину взваливали на особу Государя. А онъ, съ его благороднымъ характеромъ, который составитъ эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго сердца, какъ и на скрижаляхъ Исторіи, показывалъ видъ, что ему неизвѣстно происходившее вокругъ него и въ тайнѣ готовился къ борьбѣ, близость которой предвидѣлъ, а опасность сознавалъ.

Прежде чѣмъ говорить о томъ достопамятномъ времени, я должна описать Государя, какъ я его знала. Его изображеніе и изображеніе его вѣка будутъ вѣрны: всегда горячо участливая ко всему, что̀ относится до Исторіи, я запечатлѣвала въ своей памяти не только собственныя наблюденія, но и все, что̀ доводилось мнѣ слышать о временахъ протекшихъ. Императоръ Александръ, родившійся съ драгоцѣнными задатками самыхъ высокихъ доблестей и отличнѣйшихъ дарованій, рано сознавалъ себя особнякомъ и сталъ испытывать чувство одиночества, которое ощущаетъ всякая возвышенная душа посреди испорченнаго двора. Онъ одушевленъ былъ благожелательствомъ чистымъ и великодушнымъ и видѣлъ вокругъ себя лишь притворство и пронырство; понятно, что сердце его затворилось для дѣйствительности и стало втихомолку питаться философическими химерами того вѣка *). Онъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы постигать необыкновенный геній обожавшей его императрицы Екатерины; и его

---

*) Вспомнимъ стихи князя П. А. Вяземскаго, писанныя въ 70-хъ годахъ:

„Сфинксъ неразгаданный отъ вѣка!
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ его любви сверкала злоба,
А въ злобѣ слышась любовь.
Дитя осмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ“. П. Б.

привязанности мучительнымъ образомъ дѣлились между нею и его родителями. Ему приходилось угождать то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, такъ что онъ съ раннихъ поръ научился скрывать свои чувства. Истину и успокоеніе находилъ онъ только у своего учителя Лагарпа, къ которому и привязался съ любовью, никогда потомъ неизмѣнившеюся. Лагарпъ же не умѣлъ развить его умъ, будучи самъ слабъ въ этомъ отношеніи; но онъ укрѣпилъ въ своемъ питомцѣ врожденное въ немъ отвращеніе ко злу вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ человѣческому достоинству, которое онъ цѣнилъ до послѣдняго своего издыханія. Благожелательныя наклонности молодаго Александра проявлялись во всемъ. Онъ безпрестанно выражалъ заботливость о своемъ братѣ, о сестрахъ, наставникахъ, даже о предметахъ неодушевленныхъ, напримѣръ о Царскосельскихъ садахъ. Оттого имя его съ одинаковымъ умиленіемъ произносилось и въ пышномъ дворцѣ Екатерины, и въ бѣднѣйшей хижинѣ Россійской имперіи. Русскій народъ, въ тридцатилѣтнее славное царствованіе, совершенно сроднился съ своей необыкновенной Государыней, и вслѣдствіе того раздѣлялъ ея любовь къ Александру и свои надежды на будущее соединялъ съ любезнымъ его именемъ. Екатерина вовсе не была жестокою матерью, какъ хотѣли ее намъ изобразить; но она отлично знала своего сына, предвидѣла пагубное его царствованіе и желала предотвратить бѣду, заставивъ его отречься отъ престола и уступить его Александру. Ея не остановили бы затрудненія, которыми могъ сопровождаться столь смѣлый шагъ, и она поспѣшила женить внука, едва достигавшаго 16-ти-лѣтняго возраста. Ея министры остановили ея выборъ на княжнахъ Баденскаго дома, и Елисавета, въ сопровожденіи сестры своей (впослѣдствіи королевы Шведской) поѣхала въ Петербургъ. Съ наружностью Психеи, съ горделивымъ сознаніемъ своей прелести и исторической славы своей родины, которую она восторженно любила, Елисавета трепетала отъ мысли о томъ, что ей придется подчинить свою будущность произволу молодаго варвара. Дорогою, когда ей объявили, что она должна покинуть страну свою и свою семью, она силилась выскочить изъ кареты, въ отчаяніи простирала руки къ прекраснымъ горамъ своей родины и раздирающимъ голосомъ прощалась съ ними, что́ растрогало даже и ея мать, женщину холодную и честолюбивую. Но и сама она не была равнодушна къ соблазнамъ величія. Возвышенная душа ея была создана для престола; но живое и кипучее воображеніе, слабо развитой умъ и романическое воспитаніе готовили ей опасности, которыми омрачилось ея благополучіе. По прибытіи въ Россію она заполонила сердца, и въ томъ числѣ сердце Александра. Онъ сгаралъ потреб-

ностью любви; но онъ чувствовалъ, думалъ и держалъ себя какъ шестнадцатилѣтній юноша, и супругѣ своей, восторженной и важной, представлялся навязчивымъ ребенкомъ. Екатерина приказала Лагарпу занимать молодыхъ супруговъ поучительнымъ чтеніемъ. Вмѣсто того, чтобы слушать читаемое, Александръ, отъ природы лѣнивый, дремалъ, либо заводилъ разныя шалости съ молодыми людьми, которыхъ неосмотрительно помѣстили къ его двору. Но въ случаяхъ, выходившихъ изъ обычной колеи, проявлялась нерѣдко горячность и красота его души. Раздѣлъ и паденіе Польши до того огорчили его, что онъ не въ силахъ былъ скрывать своего отвращенія и негодованія. Эти ощущенія укоренились въ немъ и существенно обозначились въ его царствованіе. Намѣреніе Екатерины касательно престолонаслѣдія стало ему извѣстно. Онъ отнесся къ нему съ такимъ же негодованіемъ, и я знала человѣка, который слышалъ отъ него слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права̀ отца моего, то я сумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женой спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ». Трогательное изліяніе молодой и чистой души, отъ которой Россія могла ожидать себѣ всяческаго блага!

Екатерина скончалась, не имѣвъ возможности исполнить свое намѣреніе. Павелъ I-й вступилъ на престолъ, на которомъ не могъ долго оставаться. Лишь умственнымъ разстройствомъ можно извинить царствованіе этого злополучнаго государя. Оно ознаменовалось для Александра многими горестными испытаніями. Его матери, столь почтенной, столь уважаемой во всей Россіи, дважды грозило заточеніе въ крѣпости, единственно изъ-за прихоти ея жестокаго супруга. Дважды эта безобразная мѣра была отстранена вмѣшательствомъ Александра. Павелъ I-й, управлявшій своею семьею столь же насильственно какъ и своею имперіею, едва не погубилъ великую княгиню Елисавету. Ее спасъ тотъ же Александръ, и благородное его сопротивленіе удивило Павла I-го, который заключилъ, что, сдѣлавшись императоромъ, сынъ его будетъ вполнѣ управляемъ своею супругою. Онъ даже говорилъ объ этомъ предположеніи своемъ (столь мало впослѣдствіи оправдавшемся) многимъ придворнымъ лицамъ, которыхъ уже не удивляла эта новая его выходка. Но эти домашнія подробности были лишь мимолетными бурями въ сравненіи съ бѣдствіями, которыя тяготѣли надъ всѣмъ народомъ; и потому, когда событіе, само по себѣ ужасное, совершилось, крикъ радости раздался съ одного края Россіи до другаго. Было бы ошибочно обвинять въ этомъ случаѣ Русскихъ въ жесткомъ чувствѣ: противоестественный порядокъ вещей всегда влечетъ къ подобнымъ слѣдствіямъ. Но если страшное событіе это спасло имперію,

то оно содѣлалось для того, кто долженъ былъ возложить на себя тяготу вѣнца, неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній. Всего 23 хъ лѣтъ отъ роду, безъ опытности, безъ руководства, Александръ очутился въ средѣ губителей отца своего, которые разсчитывали управлять имъ. Онъ съумѣлъ удалить ихъ и мало-по-малу укрѣпить колебавшуюся власть свою, обнаруживъ притомъ благоразуміе, какого трудно было ожидать отъ его возраста. Успѣхъ этотъ отнюдь не утѣшилъ его въ кончинѣ отца. Онъ долженъ былъ скрывать свои чувства ото всѣхъ его окружавшихъ. Нерѣдко запирался онъ въ отдаленномъ покоѣ и тамъ, предаваясь скорби, испускалъ глухіе стоны, сопровождаемые потоками слезъ. О, какъ этотъ простой разсказъ, слышанный мною отъ него самаго, долженъ внушать умиленіе къ участи государей! Желая высказаться и подѣлиться горемъ, онъ сближался съ Императрицей. Она не поняла его. Тогда оскорбленное сердце его отдалось Нарышкиной; о ней я скажу потомъ подробнѣе.

Теперь возвращаюсь къ событіямъ, посреди которыхъ я жила и которыя становились для меня все болѣе занимательными. Адмиралъ Чичаговъ, увлеченный славою Наполеона, всячески старался сблизиться съ предметомъ своего поклоненія. Вопреки волѣ Государя и отговариваніямъ герцога Виченцскаго, онъ настаивалъ на своемъ увольненіи отъ службы и готовился ѣхать въ Парижъ. Жена его, болѣе его разсудительная, не могла удержать его отъ такого явнаго дурачества. Мнѣ было жаль ихъ отъѣзда, тѣмъ болѣе, что адмиральша не скрывала горестныхъ предчувствій своихъ. Мы разстались со слезами, и эта разлука должна была произвести большую пустоту въ нашемъ обществѣ; но оно оживилось новыми связями.

Родители мои давали обѣды по два раза въ недѣлю; я принимала гостей и съ удовольствіемъ замѣчала, что намъ удавалось соединять у себя многихъ людей любезныхъ и отличавшихся нравственными достоинствами. Назову только двоихъ; они равно памятны и въ Исторіи, и для меня лично: князь Ипсиланти и графъ Каподистрія. Первый былъ намъ родственникъ и однолѣтокъ съ младшимъ моимъ братомъ. Онъ представился ко двору 15-тилѣтнимъ отрокомъ, и государыня Марія Өеодоровна обѣщала его отцу, спасшемуся въ Россію Валашскому господарю, покровительствовать ему при вступленіи его въ свѣтъ. Осыпанный милостями Государя, онъ безъ труда располагалъ въ свою пользу завлекательною и героическою наружностью, живымъ умомъ и превосходнымъ сердцемъ. Но легкомысліе и лѣность къ умственнымъ занятіямъ помѣшали ему въ развитіи драгоцѣнныхъ задатковъ, данныхъ ему природою. Тяжело мнѣ было слышать, какъ онъ подвергался строгимъ осужденіямъ свѣта; я сама иной разъ вынуждена была жу-

рить его, но сохраняла къ нему снисходительную дружбу, такъ что онъ привязался ко мнѣ и почиталъ меня, какъ старшую сестру. Я была еще слишкомъ молода тогда, чтобы воздѣйствовать какъ слѣдуетъ на его поступки; но я всегда старалась отвлекать его отъ опасныхъ бесѣдъ, которыя онъ часто посѣщалъ, ставя ему на видъ несчастія его семейства и уничиженіе Греціи. Надежда, что Греческій народъ нѣкогда будетъ свободенъ, являлась намъ радужнымъ сномъ. Восторженныя чувства наши раздѣлялъ съ нами графъ Каподистрія, человѣкъ старше насъ лѣтами, уже пытавшійся осуществить эти золотыя мечты и посвятившій лучшіе годы молодости своей на созданіе Іонической республики. Эта республика, его родина, была уничтожена однимъ почеркомъ пера въ Тильзитѣ. Тогда онъ удалился съ поприща и принялъ, хотя и вовсе неохотно, предложеніе Русскаго кабинета поступить на службу къ императору Александру. Онъ надѣялся не быть празднымъ и вести тихую жизнь; но канцлеръ Румянцовъ изнурялъ его проволочками, не давая никакихъ занятій и въ тоже время расточаясь предъ нимъ въ любезностяхъ и благопріятныхъ заявленіяхъ. Въ такомъ обидномъ для себя положеніи онъ изнывалъ отъ скуки и впадалъ въ меланхолію. Вдали отъ семьи и родныхъ, безъ надежды въ будущемъ, лишенный способовъ продолжать занятія науками, начатыя въ прекрасной Италіи, гдѣ онъ воспитывался, онъ находилъ себѣ нѣкоторое развлеченіе въ нашемъ обществѣ. Мы всячески старались утѣшать его и окружали его ласкою и расположеніемъ, о чемъ онъ не забылъ потомъ, когда наступили для него лучшіе дни. Графъ Каподистрія принадлежитъ къ числу людей, знакомство съ которыми составляетъ эпоху въ жизни, не говоря уже о примани чивости исторической. Его прекрасная наружность, отмѣченная печатью генія, можетъ служить предметомъ изученія для живописца и физіономиста. Умомъ яснымъ, плодотворнымъ и тонкимъ онъ обнимаетъ все чѣмъ займется и въ предметѣ созерцанія своего обрѣтаетъ великія и новыя стороны; но онъ похожъ на художника, который трудится для потомства: его созданія обыкновенно сосредоточиваютъ на себѣ всецѣло его мысли, и тогда все прочее въ природѣ становится для него второстепеннымъ. Такой пріемъ можетъ иногда оскорбить его друзей; но онъ проистекаетъ именно отъ высоты его ума, и потому долженъ быть извиняемъ. Кто дерзнулъ бы обвинять Микеля Анджело въ безчувственности въ то время, когда чертилъ онъ планъ церкви Св. Петра? Впрочемъ, отмѣнная доброта графа Каподистріи, кротость и благоволѣніе въ характерѣ его, преобладали въ немъ надъ нѣкоторыми легкими недостатками, и впослѣдствіи онъ отъ нихъ осво-

бодился, когда лѣта и опытность остудили въ немъ этотъ пылъ за служеннаго славолюбія, которымъ сгарала душа его.

Брату моему исполнилось 17 лѣтъ отъ роду. Его опредѣлили въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Канцлеръ Румянцовъ причислилъ его къ своей канцеляріи, и подъ начальствомъ этого дипломатическаго автомата началось его служебное поприще. Семейная жизнь наша, украшенная умственною дѣятельностью и дружбою, могла бы почитаться счастливою, если бы не болѣзнь сестры. Ея красота, дарованія и умъ развивались замѣтно, но она страдала въ теченіи цѣлой зимы жестокимъ и сложнымъ недугомъ. Съ дѣтства у нея разстроены были нервы, и это разстройство усилилось вслѣдствіе пламеннаго воображенія, развившагося со страшною быстротою. Все въ этой огненной душѣ становилось страстью: и благотворительность, и дружба, и вѣра. Къ веснѣ она нѣсколько успокоилась, благодаря умному леченію, но не надолго.

Адмиральша Чичагова скончалась въ Парижѣ отъ хронической болѣзни, которую она привезла туда съ собою. Графъ Каподистрія, не въ силахъ будучи переносить свое положеніе, рѣшился взять второстепенную должность при Вѣнскомъ посольствѣ. Съ его отъѣздомъ сдѣлалось у насъ пусто въ домѣ. Многія другія лица изъ нашего общества также уѣхали изъ Петербурга. Чувствуя себя одинокою, я сблизилась съ графинею Головиною. Она привлекала въ свой домъ любезностью, изяществомъ и дарованіями. Сердечнымъ другомъ ея была принцесса Тарантъ, нѣкогда придворная дама Маріи-Антуанеты. Въ наружности и пріемахъ этой странной женщины было что-то отталкивающее, но тѣмъ не менѣе душа ея способна была любить очень горячо. Я никогда не встрѣчала болѣе сильнаго характера въ соединеніи съ самымъ узкимъ умомъ. Она на все смотрѣла не иначе, какъ сквозь очки своихъ предразсудковъ; но я приноровилась къ ея обществу, потому что питала уваженіе къ ея несчастіямъ, къ вѣрности ея королевскому семейству, и находила удовольствіе въ ея долгихъ разсказахъ о старой Франціи и Маріи-Антуанетѣ, которая навсегда осталась ея идоломъ. Съ своей стороны, принцесса Тарантъ тѣшилась возможностью вспоминать прошедшее, не покидая въ тоже время надежды, что я, подобно графинѣ Головиной и многимъ другимъ лицамъ того же кружка, сдѣлаюсь нѣкогда ревностною католичкою.

Обѣ эти дамы безпрестанно говорили мнѣ про императрицу Елисавету, съ которою онѣ иногда видались запросто. Головина жила при дворѣ Екатерины и привязалась къ молодой великой княгинѣ, которая удостоивала ее своего довѣрія. Придворныя происки разсорили ихъ, и графиня Головина удалилась отъ предмета своего обожанія, не пере-

ставая любить ее. Послѣдовало новое сближеніе. Восторженность графини Головиной иногда бывала трогательна, другой разъ смѣшна. Я забавлялась, наблюдая за переходами ея пылкаго воображенія, которое она величала именемъ чувствительности. Но все что она разсказывала мнѣ о совершенствахъ Государыни возбудило, напослѣдокъ, и во мнѣ удивленіе къ ней, и мы обѣ находили удовольствіе въ этомъ неистощимомъ предметѣ нашихъ бесѣдъ.

Матушка моя собиралась на нѣкоторое время въ деревню, куда батюшка уже отъѣхалъ впередъ; брату надо было оставаться въ Петербургѣ. По своей молодости и неопытности онъ еще нуждался въ поддержкѣ. Я могла пользоваться почетнымъ положеніемъ при дворѣ и, чтобы не оставлять брата одного, рѣшено было, чтобы я искала помѣститься при одной изъ императрицъ, т. е. въ самомъ дворцѣ. Я могла разсчитывать на покровительство графини Ливенъ, которой легко было опредѣлить меня къ Императрицѣ-матери; но я уже столько наслушалась про императрицу Елисавету. Я почитала ее несчастною, воображала, что она нуждается въ женщинѣ-другѣ, и готова была посвятить себя ей. Графиня Головина поощряла эти романическія мысли, и оставалось только улучить благопріятное время для осуществленія ихъ. Императрица, когда ей предложили меня, выразила удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе. Она увѣряла графиню Головину, что ей казалось невѣроятнымъ, чтобы мать моя согласилась разлучиться со мною, что это самое говорила она и самому Государю, выражавшему ей неудовольствіе противъ лицъ, которыя ее окружали и спросившему ее, отчего она не возьметъ къ себѣ меня. Я очень изумилась, узнавъ отъ графини Головиной про такой знакъ уваженія ко мнѣ со стороны Государя, который, повидимому, не обращалъ на меня вниманія. Скоро при дворѣ и въ городѣ узнали, что я опредѣляюсь къ императрицѣ Елисаветѣ, и мнѣ начали завидовать. Я позаботилась предувѣдомить графиню Ливенъ о перемѣнѣ въ моемъ положеніи. Она выразила мнѣ свое огорченіе, признавшись, что Императрица-мать поручала ей звать меня къ ней. Государыня не скрыла о томъ отъ своей невѣстки, а та была очень довольна, что предупредила свекровь свою. Обстоятельство это льстило моему самолюбію; оно было послѣдствіемъ благоразумнаго и обдуманнаго образа дѣйствій, и моя будущая повелительница усматривала въ немъ доказательство моей нераздѣльной преданности къ ея особѣ.

Рѣшено было, что я переберусь во дворецъ съ наступленіемъ лѣтняго времени, когда Императрица переѣдетъ на дачу. Область политики, коей вліяніе простиралось тогда рѣшительно на всѣхъ, пріобрѣтала въ глазахъ моихъ новую заманчивость. Только-что ото-

званъ былъ Коленкуръ, нѣкоторое время надѣявшійся, что повелитель его подружится съ Россіею, женившись на младшей великой княжнѣ. Любопытно было слѣдить за ходомъ переговоровъ объ этомъ дѣлѣ, наблюдая за болѣе или менѣе глубокими поклонами и изъявленіями почтительности Французскаго посла передъ молодою едва вышедшею изъ младенчества княжною, на которую до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія. Но императорское семейство, какъ и всѣ Русскіе, вовсе не желали этого брачнаго союза; поэтому, когда переговоры прервались, та и другая стороны не сдерживали себя, и Коленкуръ, откланиваясь, былъ чрезвычайно смущенъ, что всѣхъ поразило. Онъ зналъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Наполеона и напередъ увѣренъ былъ въ его торжествѣ и, будучи отъ природы человѣкомъ добрымъ и признательнымъ, не могъ подавить въ себѣ горестнаго чувства на прощаньи со дворомъ, который оказывалъ ему столько ласки и котораго достоинства онъ умѣлъ цѣнить. Еслибы будущность открылась передъ нимъ, то онъ пролилъ бы слезы не объ Александрѣ, а о своемъ повелителѣ.

Адмиралъ Чичаговъ возвратился изъ Парижа со смертными останками жены своей, съ разочарованіемъ въ Наполеонѣ и съ горячимъ сожалѣніемъ о прошедшемъ. Предаваясь мрачной скорби, онъ обвинялъ и ненавидѣлъ самого себя и отвергалъ всякое утѣшеніе. Подобное изъявленіе горести конечно сдѣлалось всюду предметомъ разговоровъ, и Государь, отъ природы склонный сочувствовать сердечнымъ волненіямъ, былъ очень тронутъ несчастіемъ адмирала. Война всеобщая должна была скоро вспыхнуть, а между тѣмъ не кончилась еще война Турецкая. Государь нѣсколько разъ посылалъ генералу Кутузову, который командовалъ Молдавскою арміею, настоятельныя повелѣнія заключить необходимый миръ; но старый воинъ, влюбленный во власть и опасавшійся, что онъ останется не у дѣлъ, старался подъ невозможными предлогами отсрочивать дѣло, столь важное для отечества. Выведенный изъ терпѣнія его медлительностью и недобросовѣстностью, Государь придумалъ замѣнить его Чичаговымъ, котораго прямота была ему извѣстна. Ему были уже даны полномочія и нужныя наставленія, какъ г-жа Кутузова, успѣвъ о томъ провѣдать, предувѣдомила мужа, и тотъ заключилъ миръ до пріѣзда новаго главнокомандующаго. Сей послѣдній пожелалъ окружить себя надежными чиновниками и взялъ съ собою моего брата. Мы сочли, что лучше ему ѣхать съ Чичаговымъ въ Валахію, нежели слушать напыщенныя изреченія канцлера. Графъ Каподистрія, томившійся въ Вѣнѣ, какъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ, недостаткомъ дѣятельности, которая бы соотвѣтствовала его дарованіямъ, назначенъ былъ управлять дипломатическою канцеляріею новаго генерала.

Отъѣздъ брата и предстоявшій вслѣдъ затѣмъ отъѣздъ матушки и сестры наполняли сердце мое горестью. Я оставалась совсѣмъ одна. Въ виду опасностей, угрожавшихъ какъ государству такъ и существованію отдѣльныхъ лицъ, я позабывала о милостяхъ двора и объ успѣхахъ, которыя я могла имѣть въ свѣтѣ. Смѣшно про нихъ думать, когда чувствуешь себя на волканѣ.

Въ Апрѣлѣ Государь отправился къ войскамъ. Покидая столицу, онъ, по обыкновенію, ѣздилъ въ соборъ помолиться. Вокругъ него тѣснилась несмѣтная толпа. Торжественность церковныхъ молитвъ, умиленіе народа, искренность, сдержанность и самоотреченіе главы государства, все чрезвычайно какъ меня тронуло. Я чувствовала, что внутренно приношу ему въ жертву все мое существованіе, и могу сказать по правдѣ, что впослѣдствіи ничто ни разу не помрачило во мнѣ этого чистаго и глубокаго душевнаго настроенія.

Вслѣдъ за отбытіемъ Государя, Императрица немедленно переѣхала на дачу, куда и я перебралась тогда же. Дворецъ на Каменномъ Острову, въ теченіи многихъ лѣтъ любимое мѣстопребываніе императора Александра, не имѣлъ въ себѣ ничего царственнаго. Онъ выстроенъ и убранъ съ отмѣнною простотою. Единственное украшеніе его—прекрасная рѣка, на берегу которой онъ стоитъ. Нѣсколько красивыхъ дачъ построено рядомъ съ императорскою резиденціей. Лицевая сторона дворца окружена прекрасными, правильно разсаженными деревьями; садовые входы никогда не запирались, такъ что мѣстные обыватели и гуляющіе свободно ими пользовались. Вокругъ царскаго жилища не было видно никакой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на нѣсколько ступенекъ убранныхъ цвѣтами, чтобы проникнуть въ небольшія комнаты Государя и его супруги. Мнѣ отвели павильонъ, не вдали отъ главнаго зданія, рядомъ съ помѣщеніемъ одной дамы, пріѣхавшей съ сестрою Государыни, принцессою Амаліей. Въ другомъ павильонѣ жили двѣ другія дамы, также какъ и я состоявшія при особѣ ея величества; обѣ должны были скоро уѣзжать и потому не отличались любезностью. Вниманіе, которое оказывала мнѣ Императрица, не могло ихъ радовать. Мы вели очень правильную жизнь. Надо было вставать рано и сопровождать Императрицу въ ея прогулкахъ пѣшкомъ, продолжительныхъ и занимательныхъ, потому что въ это время она была сообщительна и словоохотлива. Около полудня мы возвращались къ себѣ, а въ пять часовъ собирались въ комнаты къ Императрицѣ обѣдать. Эти обѣды бывали довольно многолюдны: къ нимъ приглашались значительнѣйшія лица въ государствѣ, а также иностранцы, которыхъ того удостоивали. Послѣ семи часовъ и по вечерамъ мы должны были кататься съ Императрицею

въ экипажѣ, иногда по долгу. Въ это время вообще не было расположенія къ веселости, и мнѣ лично было не до веселья; поэтому я отлично приноровилась къ этой однообразной жизни. Война быстро приближалась къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находилось наше имѣніе, и я знала, что матушка будетъ тамъ одна, такъ какъ батюшку увезъ съ собою адмиралъ Чичаговъ въ Бухарестъ. Грозная будущность безпрестанно мнѣ представлялась, и мнѣ нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы одолѣвать мою чувствительность. Государыня это замѣтила и не выражала мнѣ неудовольствія, находясь сама въ такомъ настроеніи, которое располагало ее раздѣлять то, что я испытывала. Ея доброта, ласковыя рѣчи, участливость и довѣріе окончательно меня заполонили. Но, питая къ ней самую восторженную приверженность, все таки въ ея присутствіи я никогда не находила себѣ свободы и отрады, что казалось бы такъ естественно при столь близкихъ сношеніяхъ. На меня находило иногда смущеніе; въ противность характеру моему, я замыкалась сама въ себѣ и лишь спустя долгое время я замѣтила, что это происходило отъ недостатка равновѣсія въ характерѣ Императрицы: воображеніе у нея было пылкое и страстное, а сердце холодное и неспособное къ настоящей привязанности. Въ этихъ немногихъ словахъ вся исторія ея. Благородство ея чувствъ, возвышенность ея понятій, доброжелательныя склонности, плѣнительная наружность заставляли толпу обожать ее, но не возвращали ей ея супруга. Поклоненіе льстило ея гордости, но не могло доставить ей счастія, и лишь подъ конецъ своего поприща эта Государыня убѣдилась, что привязанность, украшающая жизнь, пріобрѣтается только привязанностью. Постоянно гоняясь за призраками, она занималась то искусствами, то науками, волновалась самыми страстными ощущеніями; все надоѣдало ей, во всемъ наступало для нея разочарованіе, и она постигла настоящее счастіе лишь тогда, какъ жить осталось ей недолго. Зная цѣну этой душѣ, столько испытавшей, Богъ призвалъ ее къ себѣ, когда она приготовилась къ лучшей жизни всѣмъ что скорбь и вѣра могутъ доставить лучшаго и высокаго. Я сама въ то время отдавалась молодымъ мечтамъ и безпрерывно занята была надеждою увидѣть августѣйшую чету въ счастливомъ единомысліи.

Между тѣмъ нашествіе непріятеля приближалось разрушительнымъ потокомъ. Государь, поручивъ войска храброму и доблестному Барклаю, отправился въ Москву, жизненное средоточіе государства, гдѣ его присутствіе, въ виду народной опасности, наэлектризовало всѣ умы. Исторія исчислитъ несмѣтныя, всякаго рода, жертвы, принесенныя Русскими славѣ и независимости ихъ родины. Государь научился знать свой народъ, и душа его поднялась въ уровень съ его

положеніемъ. До тѣхъ поръ царскій вѣнецъ былъ для него лишь бременемъ, которое онъ несъ повинуясь долгу. Охваченный и какъ бы просвѣтленный общимъ восторгомъ, онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ дѣламъ великимъ, и его нравственная бодрость и самодѣятельность получили поспѣшное развитіе. Народъ рѣшился побѣдить или погибнуть и опасался только недостатка твердости и опытности въ молодомъ своемъ Государѣ. Сей послѣдній, въ свою очередь, сомнѣвался, на долго ли станетъ столь напряженнаго одушевленія, такъ что правительство и народъ относились другъ къ другу съ взаимнымъ недовѣріемъ.

Именно въ это высоко настроенное время имѣла я счастіе ближе узнать этого великаго Монарха. Его нѣтъ уже на свѣтѣ; записки эти не будутъ обнародованы, во всякомъ случаѣ не увидятъ свѣта пока я живу; поэтому безъ льстивости и безъ суетности могу я вспомнить здѣсь про одно сообщеніе, которое будетъ для меня всегда дорого, потому что оно вполнѣ чисто и искренно. Государь любилъ общество женщинъ, вообще онъ занимался ими и выражалъ имъ рыцарское почтеніе, исполненное изящества и милости. Чтò бы ни толковали въ испорченномъ свѣтѣ объ этомъ его расположеніи, но оно было чисто и не измѣнялось въ немъ и тогда, какъ съ лѣтами, размышленіемъ и благочестіемъ ослабѣли въ немъ страсти. Онъ любезничалъ со всѣми женщинами, но сердце его любило одну женщину и любило постоянно до тѣхъ поръ, пока сама она не порвала связи, которую никогда не умѣла оцѣнить. Нарышкина, своею идеальною красотою, какую можно встрѣтить развѣ на картинахъ Рафаэля, плѣнила Государя, къ великому огорченію народа, который желалъ видѣть въ императрицѣ Елисаветѣ счастливую супругу и счастливую мать. Ее любили и жалѣли, а Государя осуждали, и чтò еще хуже, Петербургское общество злорадно изображало ее жертвою. Я уже отмѣтила, что будь поменьше гордости, побольше мягкости и простоты, и Государыня взяла бы легко верхъ надъ своею соперницей; но женщинѣ, и особенно царственной, трудно измѣнить усвоенный образъ дѣйствій. Привыкнувъ къ обожанію, Императрица не могла примириться съ мыслію, что ей должно изыскивать средства, чтобы угодить супругу. Она охотно приняла бы изъявленіе его нѣжности, но добиваться ея не хотѣла. Кромѣ того, между супругами всегда находилось третье лицо, сестра Императрицы, принцесса Амалія, гостиная которой была средоточіемъ городскихъ сплетень, производившихъ дурное вліяніе на Императрицу. Государь не могъ позабыть времени своего вступленія на престолъ, когда сердце его наиболѣе нуждалось въ утѣшеніи и когда онъ его не встрѣтилъ. Ему передавалось все, что толковали въ обществѣ, и

онъ считалъ своею обязанностью вознаграждать г-жу Нарышкину за ненависть, коей она была предметомъ. Положа себѣ правиломъ не предоставлять ей никакого вліянія и ничѣмъ не отличать ее, онъ неуклонно держался такого образа дѣйствій. Нѣжными попеченіями, довѣріемъ, преданностью возмѣщалъ онъ ей изъяны самолюбія. Я еще помню блестящіе праздники до 1812 года. Роскошь и царственное величіе проявлялись на нихъ во всемъ блескѣ. Среди ослѣпительныхъ нарядовъ являлась Нарышкина, украшенная лишь собственными прелестями и ничѣмъ инымъ не отдѣлявшаяся отъ толпы; но самымъ лестнымъ для нея отличіемъ былъ выразительный взглядъ, на нее устремляемый. Немногіе подходили къ ней, и она держала себя особнякомъ, ни съ кѣмъ почти не говоря и опустивъ прекрасные глаза свои, какъ будто для того, чтобъ подъ длинными рѣсницами скрывать отъ любопытства зрителей то что̀ было у нея на сердцѣ. Съ умысломъ или просто это дѣлалось, но отъ того она была еще прелестнѣе и заманчивѣе, и такой пріемъ дѣйствовалъ сильнѣе всякаго кокетства. Возвращаюсь къ моему разсказу.

Только что пріѣхавъ на Каменный Островъ, Государь освѣдомился о лицахъ, вновь поселившихся въ его дворцѣ, и Государыня сказала мнѣ, что Его Величество желаетъ со мною познакомиться. Она приказала мнѣ остаться у нея въ кабинетѣ послѣ обѣдни. Вскорѣ пришелъ Государь. До того времени я никогда съ нимъ не говорила. Онъ привѣтствовалъ меня вѣжливо и съ какимъ-то оттѣнкомъ любопытства, такъ какъ про меня говорили ему лица, весьма ко мнѣ расположенныя. Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей разговоръ зашелъ о тяжеломъ положеніи того времени, и я должна воспроизвести здѣсь нѣкоторыя черты этого разговора, въ которыхъ выразилось тогдашнее уморасположеніе Государя; я же увѣрена, что не забыла ни единаго слова. Говоря о патріотизмѣ и народной силѣ, Государь отозвался такъ: «Мнѣ жаль только, что я не могу, какъ бы желалъ, соотвѣтствовать преданности этого удивительнаго народа.»—«Какъ же это, Государь? Я Васъ не понимаю.»—«Да, этому народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдѣ; а я, по несчастію, не имѣю для того ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла въ тѣни двора (à l'ombre d'une cour); еслибы меня тогда же отдали къ Суворову или Румянцову, они меня научили бы воевать, и можетъ-быть я съумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя теперь намъ угрожаютъ.»—«Ахъ, Государь! Не говорите этого. Вѣрьте, что Ваши подданные знаютъ Вамъ цѣну и ставятъ васъ во сто кратъ выше Наполеона и всѣхъ героевъ на свѣтѣ».—«Мнѣ пріятно этому вѣрить, потому что вы это говорите; но у меня нѣтъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы ис-

полнять, какъ бы я желалъ, должность, которую я занимаю. Но по крайней мѣрѣ не будетъ у меня недостатка въ доброй и твердой волѣ на благо моего народа въ нынѣшнее страшное время. Если мы не дадимъ непріятелю напугать насъ, война можетъ обратиться къ нашей славѣ. Онъ разсчитываетъ поработить насъ миромъ; но я убѣжденъ, что если мы настойчиво отвергнемъ всякое соглашеніе, то въ концѣ концовъ восторжествуемъ надъ всѣми его усиліями».—«Такое рѣшеніе, Государь, достойно Вашего Величества и единодушно раздѣляется народомъ».—«Да, мнѣ нужно только, чтобы не ослабѣвало усердіе къ великодушнымъ жертвамъ, и я ручаюсь за успѣхъ. Лишь бы не падать духомъ, и все пойдетъ хорошо». Этими простыми словами объясняются всѣ успѣхи 1812 и 1813 годовъ. Затѣмъ мы стали говорить о нашемъ семействѣ, о моемъ воспитаніи и тогдашнемъ положеніи. Благодаря его добротѣ и благородной простотѣ въ обращеніи, я говорила вовсе не стѣсняясь. Уходя онъ просилъ, чтобы я навсегда сохранила выраженное мною участіе къ нему. Я ему обѣщала это, и съ той поры питала къ нему самую чистую приверженность, на которую не подѣйствовали ни время, ни люди, ни отсутствіе, ни сама смерть.

Вскорѣ потомъ Государь уѣхалъ въ Финляндію, гдѣ его ожидалъ наслѣдный принцъ Шведскій. Это путешествіе имѣло полный успѣхъ. Онъ навсегда привлекалъ Бернадота къ Россіи, что̀ было важно и выгодно въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Этимъ мы обязаны личнымъ свойствамъ Государя.

Въ кратковременное отсутствіе Государя пріѣхалъ къ намъ великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся до того при арміи, гдѣ онъ держалъ себя такъ, что вынудилъ Барклая наговорить ему самыхъ строгихъ упрековъ въ присутствіи многихъ генераловъ. Послѣ этой головомойки Великій Князь благимъ матомъ поскакалъ въ Петербургъ и распространилъ по городу тревогу, которою самъ былъ преисполненъ. Любя правду, я обязана изобразить этого человѣка въ настоящемъ свѣтѣ. Съ колыбели онъ воспитывался вмѣстѣ со старшимъ братомъ, и они, несмотря на полную противоположность въ нравѣ, были очень между собою дружны. Александръ имѣлъ къ нему настоящую слабость, по кровной близости и по привычкѣ; Константинъ почиталъ Александра и по отношенію къ нему усвоилъ себѣ образъ дѣйствій, въ которомъ выражалось не столько братское чувство, какъ благоговѣніе къ царскому достоинству. Съ 18-ти лѣтняго возраста онъ любилъ окружать себя посторонними людьми и искалъ постороннихъ развлеченій. Пріятели или, вѣрнѣе, льстецы его были люди безъ правилъ и безъ нравственной выдержки, и онъ нажилъ себѣ общую ненависть и презрѣніе. Въ

первые годы царствованія Александра одна изъ его оргій сопровождалась плачевными послѣдствіями. Публика приходила въ ужасъ, и самъ Государь вознегодовалъ до того, что повелѣлъ нарядить самое строгое слѣдствіе, безъ всякой пощады его высочества; такъ именно было сказано въ приказѣ. Однако удалось ублажить родителей потерпѣвшей жертвы и, благодаря посредничеству Императрицы-матери, постарались покрыть случившееся забвеніемъ. Но общество не было забывчиво, и Великій Князь, не лишенный прозорливости, читалъ себѣ осужденіе на лицахъ людей, съ которыми встрѣчался. Это жестоко его обижало, и онъ, въ свою очередь, возымѣлъ настоящее отвращеніе къ странѣ своей. Живой образъ злосчастнаго отца своего, онъ, какъ и тотъ, отличался живостью ума и нѣкоторыми благородными побужденіями; но въ тоже время страдалъ полнымъ отсутствіемъ отваги, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ и не былъ способенъ сколько-нибудь подняться душою надъ уровнемъ пошлости. Онъ постоянно избѣгалъ опасности и въ виду ея терялся совершенно, такъ что его можно было принять тогда за виноватаго или умоповрежденнаго. Такъ точно, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1812 году, онъ только и твердилъ что объ ужасѣ, который ему внушало приближеніе Наполеона и повторялъ всякому встрѣчному, что надо просить мира и добиться его, во что бы ни стало. Онъ одинаково боялся и непріятеля, и своего народа и, въ виду общаго напряженія умовъ, вообразилъ, что вспыхнетъ возстаніе въ пользу императрицы Елисаветы. Питая постоянное отвращеніе къ невѣсткѣ своей, тутъ онъ вдругъ перемѣнился и началъ оказывать ей всякое вниманіе, на которое эта возвышенная душа отвѣчала ему лишь улыбкою сожалѣнія. Возвращеніе Государя образумило Великаго Князя и заставило войти въ предѣлы долга и приличія; но поведеніе его оцѣнили по достоинству, такъ что оставаться въ Петербургѣ было ему не сладко, и если память мнѣ не измѣняетъ, онъ поспѣшилъ уѣхать въ Тверь, къ сестрѣ своей герцогинѣ Ольденбургской, которая его баловала.

Назвавъ эту женщину, я должна помѣстить здѣсь мое воспоминаніе о ней. Она лишь промелькнула по землѣ, хотя ей даны были всѣ качества, необходимыя для того, чтобы долговременно украшать ее. Великая княгиня Екатерина Павловна, любимая сестра императора Александра, позднѣе королева Виртембергская, будь ее сердце на одномъ уровнѣ съ ея умомъ, могла бы очаровать всякаго и господствовать надъ всѣмъ, что̀ ее окружало. Прекрасная и свѣжая какъ Геба, она умѣла и очаровательно улыбаться, и проникать въ душу своимъ взоромъ. Глаза у нея искрились умомъ и веселостью; они вызывали на довѣріе и завладѣвали онымъ. Естественная, одушевленная рѣчь и

здравая разсудительность, когда она не потемнялась страстью, сообщали ей своеобразную прелесть. Въ семействѣ ее обожали, и она чувствовала, что, оставаясь въ Россіи, она могла играть блестящую роль. Послѣ Тильзитскаго мира, Наполеонъ предложилъ бы ей свою руку, если бы его сколько-нибудь обнадежили въ успѣхѣ такого предложенія. Государь догадался о томъ и предупредилъ сестру; но она была слишкомъ горда, чтобы стать на мѣсто Жозефины, поспѣшила заявить, что ея намѣреніе никогда не покидать родины и тотчасъ же приняла предложеніе герцога Ольденбургскаго, къ которому до того времени относилась съ пренебреженіемъ. Этотъ бракъ всѣхъ удивилъ. По родству, онъ противорѣчилъ уставамъ церкви, такъ какъ они были между собою двоюродные. Наружность герцога не представляла ничего привлекательнаго, но онъ былъ честный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Екатерина Павловна имѣла благоразуміе удовольствоваться имъ, и по природной своей живости вскорѣ привязалась къ мужу со всѣмъ пыломъ страсти. Государь осыпалъ сестру своими милостями: ей удвоено было содержаніе, а герцогу отдана въ управленіе одна изъ лучшихъ въ государствѣ областей. Тамъ они жили счастливо, окруженные дворомъ, которымъ Великая Княгиня управляла по произволу. Она старалась привлекать къ себѣ замѣчательныхъ людей, и они являлись выразить ей почтеніе. Она ничѣмъ не пренебрегала, чтобы усилить вліяніе, которое, по ея мнѣнію, производила она на Государя. Въ тогдашнее тревожное время каждый думалъ по своему. Великая Княгиня и ея приверженцы полагали необходимымъ, чтобы Государь пріѣхалъ къ ней, во глубину своей имперіи; но послѣдствія доказали, что послушаться такого совѣта было бы вредно. Александръ не удалился отъ средоточія управленія и поступилъ отлично.

Тѣмъ временемъ Барклай продолжалъ отступать. Не привыкшія къ тому Русскія войска обвиняли его въ малодушіи и въ измѣнѣ и громко осуждали Государя за то, что онъ ввѣрилъ судьбу государства человѣку съ иностраннымъ именемъ (Барклай былъ иностранцемъ только по имени; онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ Россіи, и любовь къ отечеству равнялась въ немъ съ его храбростью). Общій ропотъ и уныніе, а также можетъ быть нѣкоторые происки побудили, наконецъ, Государя отозвать отъ командованія войскомъ генерала, котораго онъ наиболѣе уважалъ и ввѣрить начальство старику Кутузову, престарѣлому и больному, но сохранившему еще всю тонкость отмѣнно развитаго ума. Онъ не могъ быть дѣятеленъ какъ подобаетъ главнокомандующему; но этотъ недостатокъ возмѣщался въ немъ его военною опытностью. Выборъ этотъ оживилъ умы, что̀ было очень важно. Оскорбленный людскою несправедливостью, но тронутый

довѣріемъ и обхожденіемъ Государя, Барклай попросился продолжать службу безъ особой должности и въ сраженіяхъ искалъ смерти. Въ день Бородина подъ нимъ убито три лошади; но, казалось, смерть избѣгала его. Въ послѣдствіи былъ онъ награжденъ за свои страданія общимъ уваженіемъ и довѣріемъ.

Прощаясь съ Государемъ, генералъ Кутузовъ увѣрялъ его, что онъ скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допуститъ непріятеля къ Москвѣ (это его собственное выраженіе). Мы знали, что Московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ принималъ самыя сильныя мѣры для того, чтобы древняя столица государства, еслибы овладѣлъ ею непріятель, содѣлалась ему могилою. Можно же представить себѣ всеобщее удивленіе и въ особенности удивленіе Государя, когда заговорили въ Петербургѣ, что Французы вступили въ Москву и что ничего не было сдѣлано для обороны ея. Государь не получалъ никакихъ прямыхъ извѣстій ни отъ Кутузова, ни отъ Ростопчина, и потому не рѣшался остановиться на соображеніяхъ, представлявшихся уму его. Я видѣла, какъ Государыня, всегда склонная къ высокимъ душевнымъ движеніямъ, измѣнила свое обращеніе съ супругомъ и старалась утѣшить его въ горести. Убѣдившись, что онъ несчастенъ, она сдѣлалась къ нему нѣжна и предупредительна. Это его тронуло, и во дни страшнаго бѣдствія пролился въ сердца ихъ лучъ взаимнаго счастія. Сильный ропотъ раздавался въ столицѣ. Съ минуты на минуту ждали волненія раздраженной и тревожной толпы. Дворянство громко винило Александра въ государственномъ бѣдствіи, такъ что въ разговорахъ рѣдко кто рѣшался его извинять и оправдывать. Государыня знала о томъ. Она поручила мнѣ бывать въ обществѣ и опровергать нелѣпые слухи и клеветы, распространяемые про дворъ. Горячо взявшись за это порученіе, я не пренебрегала никакимъ средствомъ, чтобъ успокоивать умы и опровергать безсмысленные и вредные толки; и къ счастію моему иной разъ мнѣ это удавалось. Между тѣмъ Государь, хотя и ощущалъ глубокую скорбь, усвоилъ себѣ видъ спокойствія и бодраго самоотреченія, которое сдѣлалось потомъ отличительною чертою его характера. Въ то время какъ всѣ вокругъ него думали о гибели, онъ одинъ прогуливался по Каменноостровскимъ рощамъ, а дворецъ его по прежнему былъ открытъ и безъ стражи. Забывая про опасности, которыя могли грозить его жизни, онъ предавался новымъ для него размышленіямъ, и это время было рѣшительнымъ для нравственнаго его возрожденія, какъ и для внѣшней его славы. Воспитанный въ эпоху безвѣрія, наставникомъ, который самъ былъ проникнутъ идеями того вѣка, Александръ признавалъ лишь религію естественную, казавшуюся ему и разумною, и удобною. Онъ проникнутъ былъ глубокимъ

уваженіемъ къ божеству и соблюдалъ внѣшніе обряды своей церкви, но оставался деистомъ. Гибель Москвы потрясла его до глубины души; онъ не находилъ ни въ чемъ утѣшенія и признавался товарищу своей молодости князю Голицыну, что ничто не могло разсѣять мрачныхъ его мыслей. Князь Голицынъ, самый легкомысленный, блестящій и любезный изъ царедворцевъ, передъ тѣмъ незадолго остепенился и сталъ читать Библію съ ревностью новообращеннаго человѣка. Робко предложилъ онъ Александру почерпнуть утѣшенія изъ того же источника. Тотъ ничего не отвѣчалъ; но черезъ нѣсколько времени, придя къ Императрицѣ, онъ спросилъ, не можетъ ли она дать ему почитать Библію. Императрица очень удивилась этой неожиданной просьбѣ и отдала ему свою Библію. Государь ушелъ къ себѣ, принялся читать и почувствовалъ себя перенесеннымъ въ новый для него кругъ понятій. Онъ сталъ подчеркивать карандашемъ всѣ тѣ мѣста, которыя могъ примѣнить къ собственному положенію, и когда перечитывалъ ихъ вновь, ему казалось, что какой-то дружескій голосъ придавалъ ему бодрости и разсѣевалъ его заблужденія. Пламенная и искренняя вѣра проникла къ нему въ сердце и, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ. Про эти подробности я узнала много времени спустя, отъ него самого. Они будутъ занимательны для людей, которые его знали и которые не могли надивиться внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ этой чистой и страстной душѣ. Его умственныя и нравственныя способности пріобрѣли новый болѣе широкій разбѣгъ; сердце его удовлетворилось, потому что онъ могъ полюбить самое достолюбезное, что̀ есть на свѣтѣ, т.-е. Богочеловѣка. Чудныя событія этой страшной войны окончательно убѣдили его, что для народовъ, какъ и для царей спасеніе и слава только въ Богѣ.

Приближалось 15-е Сентября, день коронаціи, обыкновенно празднуемый въ Россіи съ большимъ торжествомъ. Онъ былъ особенно знаменателенъ въ этотъ годъ, когда населеніе, приведенное въ отчаяніе гибелью Москвы, нуждалось въ ободреніи. Уговорили Государя, на этотъ разъ, не ѣхать по городу на конѣ, а прослѣдовать въ соборъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Императрицами. Тутъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни онъ уступилъ совѣту осторожной предусмотрительности; но поэтому можно судить, какъ велики были опасенія. Мы ѣхали шагомъ въ каретахъ о многихъ стеклахъ, окруженные несмѣтною и мрачно-молчаливою толпою. Взволнованныя лица, на насъ смотрѣвшія, имѣли вовсе непраздничное выраженіе. Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы вступали въ церковь, слѣдуя посреди толпы, ни единымъ возгласомъ не заявлявшей своего присутствія. Можно было слышать наши шаги, а я была убѣждена, что достаточно

было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось. Я взглянула на Государя, поняла, что̀ происходило въ его душѣ, и мнѣ показалось, что колѣна подо мною подгибаются.

Эти тяжелые дни миновали, и вскорѣ прибылъ отъ Кутузова полковникъ Мишо съ извѣстіями, которыя вывели насъ изъ состоянія страшнаго недоумѣнія. Привезенныя имъ точныя и ясныя подробности новаго плана кампаніи, принятаго главнокомандующимъ, подали основательную надежду на лучшее будущее. Безпристрастный наблюдатель подивился бы нашей радости: Мишо былъ принятъ, какъ будто пріѣхалъ вѣстникомъ выиграннаго сраженія. То что̀ онъ говорилъ оправдалось потомъ. Наполеонъ, разсчитывая на миръ, которымъ его манили, потратилъ понапрасну благопріятное время и покинулъ наконецъ дымящіяся развалины Москвы, не обезпечивъ отступленія своей арміи, уже ослабленной безпорядками и бѣдствіями войны. Какъ изобразить что̀ мы испытали, при извѣстіи объ очищеніи Москвы! Я дожидалась Императрицы въ ея кабинетѣ, когда извѣстіе это захватило мнѣ сердце и голову. Стоя у окна, глядѣла я на величественную рѣку, и мнѣ казалось, что ея волны неслись какъ-то горделивѣе и торжественнѣе. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ съ крѣпости, позолоченная колокольня которой приходится какъ разъ напротивъ Каменноостровскаго дворца. Отъ этой разсчитанной, торжественной пальбы, знаменовавшей радостное событіе, затрепетали во мнѣ всѣ жилы, и подобнаго ощущенія живой и чистой радости никогда я не испытывала. Я была бы не въ состояніи вынести дольше такое волненіе, еслибы не облегчили меня потоки слезъ. Я испытала въ эти минуты, что ничто такъ не потрясаетъ душу, какъ чувство благородной любви къ отечеству, и это-то чувство овладѣло тогда всею Россіею. Недовольные замолчали; народъ, никогда не покидавшій надежды на Божью помощь, успокоился, и Государь, увѣрившись въ узорасположеніи столицы, сталъ готовиться къ отъѣзду въ армію.

Мы переѣхали въ городъ, и образъ нашей жизни перемѣнился. Я видала Императрицу только по утрамъ. Вечера она проводила большею частію вдвоемъ съ сестрою или одна, когда та выѣзжала. Однажды Ея Величество велѣла мнѣ сказать, чтобы я пришла пить съ нею чай: Государь, котораго я долго не видала, выразилъ ей желаніе побесѣдовать со мною. Разумѣется, я съ удовольствіемъ явилась на такое приглашеніе. Вскорѣ пришелъ Государь изъ своего рабочаго кабинета въ простомъ форменномъ сюртукѣ. Милость и величіе выражались въ его благородной наружности. Онъ сіялъ удовольствіемъ и сказалъ мнѣ, что, зная про участіе, которое я принимала въ общемъ горѣ и несчастіяхъ, онъ захотѣлъ подѣлиться со мною радостнымъ чувствомъ

по поводу счастливаго исхода событій. Мы разговорились о томъ что̀ произошло и о необыкновенномъ человѣкѣ, который, ослѣпившись своею удачею, причинилъ столько бѣдствій милліонамъ людей. Государь много и горячо говорилъ о загадочномъ характерѣ Наполеона и передавалъ мнѣ, какъ онъ изучалъ его во время Тильзитскихъ совѣщаній. Бесѣда наша происходила съ полнымъ непринужденіемъ, и тутъ я увидѣла, какъ ошибочно думали, будто Наполеонъ обольстилъ Александра. Онъ признавалъ превосходство его генія и добровольно согласился на предложенія великаго человѣка, но не былъ ослѣпленъ имъ и не возымѣлъ къ нему вреднаго для себя довѣрія. Наполеону было лестно внушать удивленіе къ себѣ такому Государю, который превосходилъ всѣхъ остальныхъ, какихъ онъ до тѣхъ поръ зналъ; но онъ, съ своей стороны, не постарался изучить этого человѣка, котораго природа и тяжкія обстоятельства надѣлили рѣдкимъ благоразуміемъ. Говоря про Наполеона, Государь не могъ воздержаться отъ нѣкотораго раздраженія, но не прибѣгалъ однако къ выраженіямъ рѣзкимъ: воздержность рѣдкая для того времени, когда Наполеоново имя не произносилось иначе какъ въ сопровожденіи ѣдкихъ словъ, въ родѣ проклятія. Государь говорилъ между прочимъ: «Нынѣшнее время напоминаетъ мнѣ все что̀ я слышалъ отъ этого необыкновеннаго человѣка въ Тильзитѣ про случайности войны. Тогда мы подолгу бесѣдовали, такъ какъ онъ любилъ высказывать мнѣ свое превосходство, говорилъ съ любезностью и расточалъ передо мною блестки своего воображенія. Война, утверждалъ онъ, вовсе не такое трудное искусство, какъ воображаютъ, и поистинѣ неизвѣстно иной разъ, почему именно выиграно то или другое сраженіе. Побѣждаешь потому, что позднѣе непріятеля устрашаешься, и въ этомъ вся тайна. Нѣтъ полководца, который бы не страшился за исходъ сраженія; надо только припрятывать въ себѣ этотъ страхъ какъ можно дольше. Лишь этимъ пріемомъ пугаешь противника, и успѣхъ становится несомнѣннымъ. Я выслушивалъ—продолжалъ Государь—съ глубокимъ вниманіемъ все что̀ ему пріятно было сообщать мнѣ объ этомъ предметѣ и питалъ въ себѣ твердое намѣреніе воспользоваться тѣмъ при случаѣ, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ я пріобрѣлъ нѣкоторую опытность для того, что̀ намъ остается сдѣлать».—«Какъ, Государь?» сказала я, «развѣ мы не обезпечены теперь отъ всякаго новаго нашествія? Развѣ кто-либо осмѣлится еще разъ переступить наши границы?»—«Это возможно; но если хотѣть мира прочнаго и надежнаго, то надо подписать его въ Парижѣ, въ этомъ я глубоко увѣренъ». Я привожу этотъ разговоръ не только по его занимательности, но и потому что онъ доказываетъ, какъ Государь уже тогда помышлялъ о

славномъ овладѣніи Францією, на которое никто еще не дерзалъ разсчитывать.

Черезъ нѣсколько дней потомъ Государь уѣхалъ, сопровождаемый благословеніями всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ взялъ съ собою немногихъ, и эти немногіе были люди довольно посредственные, въ числѣ которыхъ я должна назвать графа Нессельроде, представляющаго собою поразительный примѣръ того, какъ слѣпо счастіе льнетъ къ ничтожеству. Этотъ министръ, котораго имя записано на всѣхъ великихъ международныхъ актахъ Европы, въ то время былъ еще просто статсъ-секретарь. Сначала его помѣстили къ князю Куракину въ Парижъ, откуда онъ долженъ былъ извѣщать Государя о всемъ, чего мудрый посолъ не могъ замѣтить. Чтобы успѣшно исполнять это трудное порученіе, графъ Нессельроде прибѣгъ къ перу и дарованію одного изъ своихъ товарищей, барона Криднера, мать котораго написала романъ «Валерію». Молодой человѣкъ отличался умомъ, усердіемъ и честностью. Онъ охотно принялся собирать свѣдѣнія, нужныя для отечества въ его тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Началась переписка. Государь былъ ею доволенъ и возымѣлъ хорошее мнѣніе о способностяхъ графа Нессельроде. Канцлеръ Румянцовъ занималъ свою должность только для виду. Государь работалъ съ княземъ Гагаринымъ, молодымъ человѣкомъ, который подавалъ блестящія надежды. Его съумѣла помѣстить на эту должность М. А. Нарышкина, и онъ пошелъ бы очень далеко и по заслугамъ, еслибы тутъ не замѣшалась любовь. Они влюбились другъ въ друга и стали думать, какъ бы получить возможность удалиться отъ двора и отъ своихъ семействъ и предаться взаимной страсти. Князь Гагаринъ сослался на здоровье. Государю нуженъ былъ секретарь; въ это время пріѣхалъ Нессельроде, уже получившій нѣкоторую извѣстность. Его выбрали на мѣсто Гагарина, женили на дочери министра финансовъ, и въ нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опознаться, у него были богатая, ловкая жена, значительное мѣсто и сильные покровители. Дѣло устроилось ко всеобщему удовольствію, только не Государя, который скоро замѣтилъ ничтожество своего секретаря и заподозрилъ въ невѣрности женщину, которую онъ такъ любилъ. Но быстрота политическихъ событій не давала ему досуга обратить должное вниманіе на мелкіе происки близкихъ къ нему лицъ. Онъ весь былъ занятъ тою ролью, которую Провидѣніе ему назначило въ великой драмѣ, тогда начинавшейся, и онъ поспѣшилъ въ Вильну. Въ этомъ городѣ тѣснились побѣдители и побѣжденные, наполняя собою тамошніе пропитанные заразительнымъ воздухомъ госпитали, въ которыхъ умирали безпомощно отъ тифа, принявшаго такіе размѣры, что трупы уже не выносились изъ комнатъ, а

просто выбрасывались въ окна. Никому не хотѣлось взяться за горестный и опасный трудъ приведенія въ порядокъ больничной части. За него взялся герой-христіанинъ Сенъ-При. Его не страшила смерть въ разнообразныхъ ея видахъ, и онъ разносилъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ жертвамъ самой жестокой войны. Но и его безстрашіе поколебалось, когда въ эти гнѣздилища смерти явился самъ Государь. Напрасно Сенъ-При пытался не допускать его туда, трепеща за драгоцѣнную его жизнь. Но Александръ также не думалъ о заразѣ и, являя собою примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, ходилъ утѣшать своимъ присутствіемъ тѣхъ, кого долгъ и бѣдствіе собрали въ эти скорбныя помѣщенія. Никто не прославлялъ этихъ трогательныхъ заявленій его человѣколюбія; но они записаны въ книгѣ жизни *).

Я вовсе не имѣю въ виду писать исторію и привожу здѣсь только то что̀ происходило, такъ сказать, на моихъ глазахъ. Поэтому я не стану слѣдить за военными событіями 1813 года; но не могу не сказать еще объ адмиралѣ Чичаговѣ, который въ то время и навсегда сошелъ со сцены. Когда онъ прибылъ въ Букурестъ, миръ уже былъ заключенъ, и ему оставалось озаботиться только тѣмъ, чтобы войска какъ можно поспѣшнѣе могли двинуться назадъ. Со свойственными ему честностью и трудолюбіемъ онъ возстановилъ порядокъ по распорядительной и денежной частямъ. Ему удалось безъ угнетенія жителей собрать достаточно средствъ для нуждъ и движенія арміи, которая быстро пошла на встрѣчу непріятеля. Но Чичагова обманывали невѣрными увѣдомленіями, и онъ пропустилъ Наполеона черезъ Березину, что̀ и навлекло на него всеобщее порицаніе, и хотя онъ пытался поправить неудачу, преслѣдуя непріятеля съ изумительною быстротой, но никто не оцѣнилъ его усилій. По своему чудачеству онъ отправилъ къ Государю съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ заклятаго своего врага, генерала Сабанеева, который конечно не постарался его оправдать. Но Государь былъ настолько проницателенъ и милос-

---

*) И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Эти стихи написаны про Николая Павловича, посѣщавшаго Московскія холерныя больницы. Зналъ ли Пушкинъ, что они еще въ большей степени могутъ быть отнесены къ его гонителю? П. Б.

тивъ что обсудилъ дѣло какъ слѣдуетъ, и Чичаговъ могъ съ отличіемъ продолжать службу, еслибы самъ, въ припадкѣ своенравія, внезапно не попросилъ объ увольненіи.

Братъ мой, сопровождавшій адмирала во время этого похода, незадолго до его выхода изъ службы, возвратился въ Петербургъ. Онъ разсказалъ мнѣ объ ужасахъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ и которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти. Адмиралъ выпросилъ брату камеръ-юнкерское званіе. Онъ препоручилъ также въ милость Государя графа Каподистрію, котораго онъ полюбилъ до такой степени, что уговаривалъ его также покинуть службу и оставаться при немъ; но будущій президентъ Греціи былъ потверже его духомъ. Онъ остался при канцеляріи арміи, гдѣ генералъ Барклай вскорѣ оцѣнилъ его.

Между тѣмъ въ Петербургѣ слѣдили за ходомъ войны и только и говорили что о политикѣ. Я жила довольно уединенно, исполняя обязанности моего положенія и видая нѣкоторыхъ друзей, общество которыхъ мнѣ было по душѣ. Весною мы переѣхали въ Царское Село, гдѣ Императрица захотѣла провести и лѣто, предпочитая сырому и неудобному Каменному Острову это по истинѣ царское мѣсто, напоминавшее ей прекрасные дни ея молодости. Я съ удовольствіемъ гуляла по этимъ прекраснымъ садамъ, столь величаво расположеннымъ и напоминавшимъ о стольких главныхъ событіяхъ. Во времена Екатерины обширные покои дворца едва вмѣщали въ себѣ многочисленныхъ и блестящихъ царедворцевъ. Нашъ же дворъ состоялъ въ то время всего изъ трехъ дамъ и гофмаршала, такъ что мы жили какъ въ пустынѣ. Императрица занимала спальную комнату Екатерины, которая отличалась простотою, но за то изъ нея очаровательный видъ въ садъ. Изъ оконъ своихъ Екатерина могла любоваться великолѣпнымъ лугомъ, окаймленнымъ прекрасными рощицами и украшеннымъ колонною, которая воздвигнута въ честь ея войска. Рабочій кабинетъ ея—очень большая и вовсе не веселая комната; Китайскіе обои дѣлали ее мрачною. Тутъ великая Государыня помышляла о благѣ народа ею любимаго и ее обожавшаго. Утомившись и чувствуя нужду въ отдыхѣ, она отворяла дверь и выходила прямо на галлерею, уставленную изваяніями великихъ людей, украшающихъ собою человѣчество. Когда я прохаживалась по этой величественной колоннадѣ, мнѣ всякій разъ представлялась необыкновенная женщина, геніемъ которой укрѣплена Россія и доведена до величія, въ которомъ мы теперь ее видимъ. Я воображала себѣ Екатерину съ ея яснымъ лицомъ, медленною и плавною походкою, въ широкомъ и своеобразномъ одѣяніи, посреди этихъ мраморныхъ ликовъ, принадлежащихъ, какъ и она, Всемірной Исторіи. Вспоминая также и про ея слабости, я говорила

себѣ, какъ Ламартинъ: Для героевъ и для насъ вѣса́ разныя (Pour les héros et nous il y a des poids divers).

Императрица Елисавета также говаривала о прошедшемъ, но она въ особенности любила припоминать о мечтахъ и ощущеніяхъ своей молодости. Мы вдвоемъ гуляли по долгу и всегда оживленно бесѣдовали, хотя души наши оставались одна другой посторонними. Обѣдали мы также вмѣстѣ; по вечерамъ катались, и потомъ всѣ сходились къ чаю. Императрица принимала два раза въ недѣлю. Эти пріемы иной разъ были утомительны, потому что рѣдко приходилось видѣть людей любезныхъ. Однако я должна назвать графиню Софью Строганову. Будучи очаровательно умна, она постоянно давала чувствовать свое превосходство. Потребно много искусства, дабы скрывать такое обиліе прелестей и добродѣтелей. Что́ до меня, то я восхищаюсь охотно, и потому я любила графиню Строганову и полагаю, что не возможно встрѣтить въ свѣтѣ столько совершенствъ въ одномъ лицѣ.

Мы занимались также благотворительностью. Военноплѣнные, размѣщенные по окрестностямъ столицы, страдали отъ болѣзней и нищеты. Положеніе ихъ возбуждало состраданіе въ Императрицѣ, которая ничѣмъ не могла помочь имъ кромѣ денегъ. Я взяла на себя эту часть, покупала имъ одежду, распредѣляла пищу, и намъ посчастливилось спасти многихъ. Плѣнники изъ Испанцевъ составляли исключеніе; изъ нихъ образовали такъ называемый королевско-Александровскій полкъ, подъ начальствомъ одного плѣннаго полковника, брата графу Лабисбалю. Устройствомъ этого полка занимался Зеа-Бермудецъ, питавшій надежду содѣйствовать тѣмъ благу и возрожденію своей родины. Я близко знала этого превосходнаго человѣка. Еслибы всѣ Испанцы имѣли его душу и добродѣтели, по истинѣ классическія, эта прекрасная страна конечно наслаждалась бы благоденствіемъ. Романическое воображеніе Императрицы горячо настроилось въ пользу Испанцевъ, и можно было навѣрное прогнѣвить ее, позволивъ себѣ какое-либо неблагопріятное замѣчаніе о солдатахъ королевско-Александровскаго полка.

Часто мы ѣзжали въ Павловскъ, всего въ восьми верстахъ отъ Царскаго Села; но эти поѣздки почти всегда были непріятны, такъ какъ между обоими дворами господствовали крайне-натянутыя отношенія и взаимная зависть. Мнѣ кажется, я одна не придавала значенія этимъ мелочамъ и старалась вносить снисхожденіе и доброжелательство въ отношенія мои къ Павловску, и тѣмъ иной разъ гнѣвила принцессу Амалію Баденскую, которая вообще меня не долюбливала. Императрица-мать, разумѣется, любила Павловскъ, какъ свое созданіе; но тамошніе сады далеко не удовлетворительны для настоящихъ любителей

природы. Въ общемъ въ нихъ мало вкуса, что не выкупается нѣкоторыми мелочными украшеніями. Не могу не сказать о впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ однажды комната сосѣдняя съ кабинетомъ Императрицы-матери. Я въ ней дожидалась императрицы Елисаветы и сидѣла съ одною дамою Павловскаго двора. Комната эта замѣчательна была тѣмъ, что въ ней стояла самая простая походная кровать, нѣсколько такой же мебели, и на столѣ разложено было полное мужское одѣяніе. Моя собесѣдница замѣтила, что я гляжу съ удивленіемъ на всю эту обстановку и объяснила мнѣ, что все это принадлежало Павлу I-му и сохранялось Императрицею возлѣ ея кабинета. Молча взявъ меня за руку, она подвела меня къ постели... Я отскочила въ ужасѣ. По истинѣ я не могу понять, какъ можно услаждаться подобными воспоминаніями и вдобавокъ хранить эти вещи въ комнатѣ, чрезъ которую постоянно проходили не только члены имперaской семьи, но всѣ придворные и обыватели дворца.

Въ теченіи этого года имѣла я много случаевъ узнавать и изучать свѣтъ. Тщетно преодолѣвала я ощущеніе горечи, которыя онъ мнѣ внушалъ; я чувствовала, что сердце мое мало-по-малу вянетъ, и что дорогія мечты мои покидаютъ меня одна за другою.

Однако въ свѣтѣ же встрѣтила я друга, посланнаго мнѣ Провидѣніемъ. С. *) поняла меня и полюбила посреди самого пустаго общества. Согласіе вкусовъ и наклонностей, взаимное сочувствіе, сладостное созвучіе двухъ душъ, упивавшихся одна другою, я васъ узнала и всегда буду тосковать по васъ! Эта дружба утѣшала меня въ горести, причиняемой положеніемъ нашего семейства. Батюшкѣ поручено было устройство Бессарабіи, присоединенной къ Россіи по Бухарестскому миру. Онъ опасно занемогъ, у него отнялась половина тѣла, такъ что онъ не могъ больше заниматься дѣлами. Состояніе наше, и безъ того незначительное, разорено было совсѣмъ войною, и съ прекращеніемъ жалованья отцу моему было бы не съ чѣмъ выѣхать. Ходатаевъ у насъ не было. По счастію я вспомнила, что письма къ дипломатическимъ чиновникамъ обыкновенно вскрывались и читались самимъ Государемъ. Я была въ перепискѣ съ Лебцельтерномъ, который состоялъ при главной квартирѣ Австрійскимъ агентомъ. Мнѣ пришло въ голову изложить ему въ одномъ изъ моихъ писемъ положеніе нашего семейства и мое о немъ горе. Эта невинная хитрость мнѣ удалась, и родители мои были пріятно удивлены, совер-

---

*) Въ подлинникѣ это имя означено одною буквою. Мы не знаемъ навѣрное, Софья ли Петровна это Свѣчина (урожд. Соймонова) или фрейлина Софья Александровна Самойлова (въ послѣдствіи графиня Бобринская); вѣрнѣе первая. П. Б.

шенно неожиданно получивъ отъ Государя лестный рескриптъ съ назначенiемъ пенсiона въ 10 т. р. Въ послѣдствiи я размышляла о томъ, какъ можно злоупотреблять подобнымъ средствомъ; но тогда я только радовалась, что могла, безъ всякой просьбы, оказать пользу нашему семейству. Я увѣрена, что и Государь, по чрезвычайно тонкому своему чувству, остался доволенъ тѣмъ, что его благодѣянiе состоялось этимъ путемъ. Я не позволила себѣ прямо выразить мою признательность; но въ другомъ письмѣ къ Лебцельтерну (которому не приходило и въ голову, что онъ служитъ посредникомъ между мною и Государемъ) я изложила подробно, какимъ счастiемъ наполнила мнѣ сердце эта милость, столь благородно дарованная. Черезъ нѣсколько времени я попросила Государыню объ опредѣленiи моего брата къ Вѣнскому посольству. Она написала Государю, который немедленно и въ самыхъ любезныхъ выраженiяхъ изъявилъ свое согласiе. Я поспѣшила увѣдомить о томъ брата, который поѣхалъ къ нашимъ родителямъ, чтобы привезти ихъ въ Петербургъ.

Осень уже совсѣмъ наступила, когда мы покинули Царское Село. Это было вскорѣ послѣ Лейпцигскаго сраженiя, которымъ обезпечился успѣхъ союза державъ, устроеннаго и руководимаго императоромъ Александромъ. Его полнѣйшему отреченiю отъ мелочей самолюбiя, его настойчивой заботѣ о согласованiи выгодъ, честолюбiй и страстей между его союзниками должно приписать паденiе Наполеона и освобожденiе Европы. Руководя столь разнородными массами, онъ всячески старался не показывать своего влiянiя и силы, для чего нужна была его возвышенная душа. Но Провидѣнiе устраняло все то, что могло бы умалить его славу. Такъ сошелъ со сцены Моро. Еслибы онъ остался въ живыхъ, то конечно слава военныхъ успѣховъ принадлежала бы вся ему. Ядро, отъ котораго онъ палъ, не только пролетѣло необыкновенно далеко, но оно не поразило стоявшаго возлѣ Моро Государя, единственно отъ того, что, по обычной ему вѣжливости, онъ уступилъ свое мѣсто Моро, у котораго лошадь начала биться. Извѣстна кончина генерала Моро. Государь окружилъ его трогательными попеченiями, семейство его осыпано благодѣянiями, и смертные останки республиканскаго полководца отправлены въ Петербургъ для торжественнаго погребенiя. Дворъ и городъ присутствовали на этихъ необыкновенныхъ похоронахъ въ Католической церкви, убранной трауромъ и давшей послѣднее убѣжище изгнаннику. Въ торжествѣ участвовалъ дипломатическiй корпусъ, состоявшiй изъ старыхъ враговъ революцiи и, въ довершенiе необычайности, надгробная проповѣдь произнесена Iезуитомъ, а Русскiе солдаты снесли гробъ въ церковный подвалъ, гдѣ Моро преданъ землѣ возлѣ послѣдняго Поль-

скаго короля, представляющаго собою другой примѣръ измѣнчивости судебъ. Посреди равнодушной толпы, собравшейся на эти странные похороны, внезапно появились двѣ фигуры, поспѣшно протѣснились ко гробу и съ плачемъ кинулись на него. То были адъютантъ покойника и его маленькій Негръ. Сердце мое умилилось при этомъ зрѣлищѣ, и мнѣ отрадно было увидѣть, что хоть сколько-нибудь слезъ пролилось о несчастномъ Моро, продолжавшемъ терпѣть изгнаніе и по кончинѣ своей. Маленькій Негръ былъ чрезвычайно жалокъ. Адъютантъ Рапатель недолго пережилъ своего генерала.

Батюшка и матушка пріѣхали въ Петербургъ около половины Ноября. Ихъ присутствіе сдѣлалось для меня новымъ источникомъ горя. Здоровье батюшки совершенно разрушилось: онъ не могъ ходить и до того ослабъ, что казался тѣнью. Матушка сокрушалась о немъ и о сестрѣ моей. Мы скрывали отъ нея новое несчастіе, бывшее отчасти виною отцовской болѣзни: два ея брата были умерщвлены Турками. Порта пожертвовала ими Наполеону, который потребовалъ ихъ казни, приписывая имъ заключеніе Бухарестскаго мира. По этому поводу во Французскомъ «Монитерѣ» появилась большая статья, позорящая семейство Мурузи. Тутъ не пощадили памяти не только моихъ дядей, передъ тѣмъ погибшихъ, но и моего дѣда, который скончался 25-ть лѣтъ назадъ. Чтеніе этой статьи меня взволновало, и моему воображенію чудился орелъ, терзающій трупы.

Придворное положеніе мое было тоже нерадостно. Не постигая утѣхъ суетности, я съ изумленіемъ увидала, что завидуютъ нѣкоторому успѣху, которымъ я пользовалась при дворѣ, и что меня ненавидятъ. Сначала стали говорить, что я самолюбива, притворна и пронырлива. Я молчала, заботясь вовсе о другомъ. Между тѣмъ здоровье мое пошатнулось, я видимо измѣнилась, мои друзья встревожились и совѣтовали мнѣ предпринять путешествіе. Я чувствовала, что это нужно; но, убѣдившись въ невозможности, перестала о томъ думать и отдалась на волю судьбы. Однажды Императрица такъ участливо распрашивала меня о моемъ здоровьи, что вызвала меня на полную откровенность. Ее тронули мои рѣчи. Увлекшись необыкновеннымъ для нея движеніемъ сердоболія, она обняла меня и склонила голову мнѣ на плечо, такъ что слезы наши лились вмѣстѣ, и во взаимномъ чувствѣ позабылась разница въ нашихъ положеніяхъ. Меня глубоко тронуло это дружеское изліяніе. Я чувствовала, что она меня утѣшитъ во многихъ горестяхъ, слагала въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души моей все, что̀ исходило изъ устъ Императрицы въ эти торжественныя минуты, и вполнѣ обнадежилась относительно моего положенія при дворѣ. Каково же мнѣ было и какъ изумилась я, когда, нѣсколько не-

дѣль спустя, я узнала, что Императрица собирается ѣхать въ Германію, и что объ этомъ таятъ отъ меня. Принцесса Амалія нарочно запретила своей статсъ-дамѣ сообщать мнѣ про эти сборы конечно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы меня не взяли. Признаюсь, мнѣ казалось, что я въ бреду. Я никакъ не постигала, какъ Императрица могла не сообразить, что тѣмъ самымъ она помогаетъ моимъ зложелателямъ. Я тотчасъ же рѣшилась дѣйствовать и написала ей нѣсколько строкъ, въ которыхъ спрашивала, правда ли, что она уѣзжаетъ и что я не буду имѣть счастія ее сопровождать. Въ ея немедленномъ отвѣтѣ слышалась неловкость; она увѣряла, что я такъ поздно узнаю объ этомъ путешествіи единственно потому, что встрѣтилось нѣкоторое затрудненіе относительно экипажей, которое теперь, къ великому удовольствію ея, она устранила. Я тотчасъ же отправилась къ ней съ рѣшимостью избѣгать всякихъ объясненій, что́ и было мнѣ очень легко, потому что я по истинѣ сочувствовала ея счастію: ей предстояло увидаться съ своими и съ Императоромъ вдали отъ Петербургской обстановки и дворскихъ происковъ. Но вмѣсто того, чтобы отдаться этому радостному чувству, Императрица волновалась дорожными сборами. До тѣхъ поръ ей никогда не доводилось выходить изъ своего круга, и она, разумѣется, терялась въ подробностяхъ и житейскихъ мелочахъ, которыя были ей совсѣмъ чужды и которыми по настоящему и не слѣдовало бы ей заниматься. Ей не удавалось учредить путешествіе по ея желанію, чему препятствовали также время года и трудность выбрать гофмаршала. Оберъ-камергеръ Нарышкинъ былъ самый любезный царедворецъ и въ тоже время человѣкъ наименѣе способный держать что-либо въ порядкѣ. Поэтому Императрицѣ казалось, что ей на каждомъ шагу поперечатъ. Она тревожилась, выходила изъ себя, нарушая тѣмъ свое достоинство и огорчая всѣхъ окружавшихъ ее. Внутренне она должна была сознаться, что та нравственная высота, на которой она себя чувствовала въ тиши своего кабинета, далеко еще не достигнута ею. Это ее раздражало, и она находилась постоянно въ дурномъ нравѣ. Она видѣла, что всѣ эти мелочи не укрывались отъ моей молчаливой наблюдательности. Мое присутствіе становилось для нея стѣснительно, что̀ конечно оскорбляло и меня. Наши отношенія измѣнились, и я почувствовала неизвѣстную мнѣ до тѣхъ поръ горечь. Конечно вина была на моей сторонѣ, потому что мнѣ слѣдовало успокоивать ее. Вслѣдствіе независимости моего характера, я показывала видъ, будто мнѣ ни почемъ всѣ ея вспышки, и моя невозмутимость естественно остудила ее ко мнѣ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

II *).

Профессоры: Павловъ.—Погодинъ.— Исторія Русскаго народа.— Цвѣтаевъ.— Василевскій.— Сандуновъ.— Васильевъ.— Щедритскій.— С—въ.— Маловъ.

Такъ однообразно потекла моя студенческая жизнь въ хожденіи на лекціи, въ посѣщеніяхъ товарищей, театра, въ прогулкахъ по Москвѣ и пр. Въ первый годъ, кромѣ лекцій своего факультета, я посѣщалъ постоянно лекціи физики профессора Павлова не по обязанности, а добровольно. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ. Физику онъ читалъ по системѣ Шеллинга. Онъ имѣлъ удивительный даръ излагать лекцію ясно, въ высшей степени логично, безъ всякихъ краснорѣчивыхъ или напыщенныхъ фразъ, но просто и вразумительно до невѣроятности. Каждая его лекція запечатлѣвалась твердо въ памяти, и ее очень легко можно было повторить всю наизусть,—такъ послѣдовательно истекала одна мысль изъ другой. Я слушалъ Павлова три года, не пропуская ни одной его лекціи, которыя всѣ были у меня записаны, хотя это былъ предметъ математическаго факультета, и этимъ лекціямъ я впервыя былъ обязанъ не столько физическими свѣдѣніями, какъ вообще философскими идеями, почти началомъ моего умственнаго развитія. До поступленія въ университетъ, въ гимназіи всѣ науки преподавались намъ чисто-механически: мы затверживали только факты, объ идеяхъ и помину не было, и когда я прослушалъ первую лекцію Павлова, то я былъ необыкновенно пораженъ, какъ будто какая-то завѣса спала съ ума моего, и въ головѣ моей засіялъ новый свѣтъ. Передо мною открылся новый міръ

*) См. выше, стр. 99.

идей, новый взглядъ на науки... однимъ словомъ, въ первый разъ пробудилось мое мышленіе, и я увидѣлъ раскрывшуюся передо мною перспективу философскихъ понятій, которая такъ понравилась моему юному уму. Да, я всегда буду обязанъ Павлову за мое умственное пробужденіе!

Теперь скажу кое-что о профессорахъ своего факультета.

Священникъ и магистръ богословія *Терновскій* читалъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ догматическое богословіе и Церковную Исторію. Мы всегда внимательно слушали его лекціи, записывали ихъ, по мѣрѣ возможности ихъ изучали, и очень любили этого почтеннаго пастыря за его кротость и ласковое съ нами обращеніе. Насъ всегда сильно огорчало, что когда, бывало, пріѣзжаетъ къ намъ на экзаменъ изъ богословія митрополитъ Филаретъ, то обыкновенно всѣ сидѣли, какъ студенты, такъ и профессоры: одинъ только бѣдный нашъ законоучитель долженъ былъ стоять предъ митрополитомъ въ продолженіи всего экзамена, иногда часа четыре или пять. За это мы очень не любили митрополита, да еще за то, что во время экзамена онъ ужъ слишкомъ много требовалъ отъ насъ знанія священныхъ текстовъ.

Русскую Исторію читалъ, тогда еще молодой адъюнктъ, *Михаилъ Петровичъ Погодинъ*. Онъ первый далъ намъ понятіе о критической сторонѣ Исторіи, о существованіи лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ, и разбиралъ ихъ и объяснялъ съ поразительною для насъ ясностію. Весь первый годъ читалъ онъ намъ только о происхожденіи Варяговъ-Руси. Казалось бы, что могло быть скучнѣе этого предмета? А между тѣмъ, онъ до того заинтересовалъ насъ, до того внушилъ намъ участіе въ разрѣшеніи этого, тогда еще нерѣшеннаго вопроса, что мы съ удовольствіемъ изучали Шлёцера, благоговѣли предъ Несторомъ, не соглашались съ Эверсомъ и Каченовскимъ, производившимъ Варягъ изъ-за Чернаго моря; однимъ словомъ, полюбили критическую исторію. На второй годъ Погодинъ разбиралъ первый періодъ Русской Исторіи, и на этотъ періодъ онъ первый бросилъ тотъ критическій взглядъ, который, въ противность изложенію этого періода Карамзинымъ, сдѣлался потомъ господствующимъ въ нашей исторіи. Читая въ послѣдствіи Европейскую Исторію, онъ познакомилъ насъ съ Гереномъ, Гердеромъ, Нибуромъ и всѣми вообще современными знаменитыми историческими писателями, Нѣмецкими, Французскими, Англійскими; однимъ словомъ, раскрылъ передъ студентами весь современный кругозоръ Исторіи и внушилъ намъ любовь къ этому самому интересному предмету знанія. На лекціяхъ его, кромѣ студентовъ своего факультета, всегда было множество студентовъ другихъ факультетовъ и даже постороннихъ слушателей, такъ что, не смотря

на обширность аудиторіи, дѣлалось тѣсно, и студенты окружали даже профессорскій столъ. Надобно сказать, что голосъ у Погодина былъ довольно тихъ, и онъ тогда не имѣлъ еще дара вести рѣчь плавно; онъ, какъ говорится, мямлилъ; но его свѣтлыя и новыя идеи, тогда еще нигдѣ не появлявшіяся въ печати, возбуждали самое напряженное вниманіе къ каждому его слову, и тишина на лекціяхъ была невозмутимая. Студенты любили его до энтузіазма какъ за его прекрасныя лекціи, такъ и за то участіе, какое онъ всегда принималъ въ положеніи студентовъ, особенно бѣдныхъ, которымъ онъ старался найти средства къ ихъ существованію. Я помню, какое сильное чувство расположенія къ себѣ онъ возбуждалъ въ насъ своимъ участіемъ въ положеніи извѣстнаго Венелина, бѣднаго ученаго Болгарина, съ трудомъ добравшагося до Москвы со своими археологическими записками о происхожденіи Гунновъ. Погодинъ одѣвалъ и содержалъ его и сдѣлалъ намъ извѣстными его сочиненія, которыя потомъ и напечаталъ на свой счетъ.

Въ то время вышла въ свѣтъ первая часть «Исторіи Русскаго народа» Полеваго, посвященная Нибуру. Какое страшное броженіе произвела эта книга между нами! Мы знали Полеваго какъ хорошаго журналиста, съ удовольствіемъ читали его «Телеграфъ», восхищались его полемическими статьями, но объ историческихъ его трудахъ или же объ занятіяхъ его Исторіей рѣшительно никто ничего не зналъ. Да и можно-ли было ему заниматься этимъ многотруднымъ предметомъ при его занятіяхъ журналомъ и комерціей? И вдругъ появляется его историческое сочиненіе, гдѣ въ предисловіи онъ говоритъ, что онъ уже пять лѣтъ занимается Исторіей, какъ будто пятилѣтнихъ трудовъ достаточно для изученія и изложенія такого обширнаго предмета! И каково же было наше изумленіе, когда, прочитавши этотъ первый и единственный томъ его Исторіи, въ которой онъ, какъ бы подобно Нибуру, разрушалъ старыя Карамзинскія идеи о событіяхъ и изложилъ свои собственныя, мы вдругъ узнали въ этой книгѣ всѣ лекціи Погодина о первомъ періодѣ нашей Исторіи!... Не могу выразить тогдашняго нашего всеобщаго негодованія противъ такого литературнаго воровства афериста Полеваго и такой гнусной спекуляціи на карманы подписчиковъ этого торгаша-журналиста. Мы всѣ обратились къ Погодину съ изъявленіемъ нашего негодованія на Полеваго. Погодинъ написалъ критическій разборъ на его сочиненіе, да и всѣ тогдашніе журналы отозвались объ ней очень неблагосклонно. Но вѣдь Полевому только того и хотѣлось, чтобы надѣлать шуму своей книгой и тѣмъ заставить раскупить все изданіе, въ чемъ онъ и успѣлъ вполнѣ. Ненависть наша къ Полевому доходила до того, что мы готови-

лись поколотить его... и счастье его, да и наше, что онъ не попался намъ тогда въ руки! Онъ зналъ такіе замыслы противъ него студентовъ и долго скрывался отъ насъ всячески. Не знаю, извѣстенъ ли этотъ фактъ въ нашей литературѣ; до сихъ поръ я еще нигдѣ ничего не читалъ объ этомъ гнусномъ литературномъ скандалѣ, объ этомъ безчестномъ воровствѣ ученой славы у трудолюбиваго профессора, чтобы потомъ дорого продать ее и набить себѣ карманы. Но фактъ этотъ вѣренъ: всѣ какіе только есть, въ первомъ томѣ «Исторіи Русскаго народа», новыя историческія изслѣдованія и новые взгляды на событія перваго періода нашей Исторіи принадлежатъ не Полевому, а Погодину, который, еще за годъ до появленія этого сочиненія, излагалъ ихъ намъ въ своихъ лекціяхъ, а Полевой только низко и своекорыстно ими воспользовался почти буквально.

Профессоръ *Левъ Цвѣтаевъ* читалъ намъ Римское Право, которое онъ издалъ небольшою книжкой. Заслуга его въ исторіи Русской юриспруденціи немалая: всѣ наши научные юридическіе термины обязаны ему своимъ происхожденіемъ; но лекціи онъ читалъ очень, если можно такъ выразиться, *ограниченно*, очень кратко, безъ всякаго философскаго разбора правъ человѣка, безъ всякаго критическаго изслѣдованія Римскихъ законовъ. Отъ того онъ не могъ поселить въ своихъ слушателяхъ любви къ этому предмету, и мы занимались имъ просто-механически, т.-е. учили наизусть. Но мы уважали эту спокойную и всегда важную личность, и никогда никакой шумъ не прерывалъ его монотонныхъ и усыпительныхъ лекцій. Когда я былъ уже на послѣднемъ курсѣ, Цвѣтаевъ вышелъ въ отставку. Нѣкоторые студенты затѣяли было, въ знакъ расположенія къ нему, поднести ему золотую табакерку, для чего и составили подписной листъ. Но какъ большая часть студентовъ не была проникнута сознаніемъ особенныхъ заслугъ этого профессора, то подписка шла очень медленно и скупо. Когда подписной листъ, покрытый уже многими подписями, поднесенъ былъ для подписи пожертвованія студенту князю Андрею Оболенскому, то онъ, видя, что всѣ подписывались на табакерку, а объ табакѣ никто и не подумалъ, написалъ: *грошъ на табакъ*! Этимъ и кончилась подписка, и профессоръ не получилъ табакерки. Два сына Цвѣтаева были студентами юридическаго факультета, но не знаю, занималъ ли хотя одинъ изъ нихъ видное служебное мѣсто. Въ ученомъ мірѣ что-то не слышно Цвѣтаевыхъ.

Василевскій читалъ Народное Право и Дипломатію. Это былъ очень оригинальный профессоръ: небольшаго роста, въ очкахъ, но какъ будто ни на что и ни на кого не смотрящій и всѣхъ вообще презирающій. Онъ былъ для насъ непостижимъ. Кромѣ Университета, онъ

нигдѣ болѣе не давалъ уроковъ, не былъ женатъ, слѣдовательно не имѣлъ и семейныхъ заботъ. Казалось бы, онъ долженъ былъ весь принадлежать Университету, а между тѣмъ онъ нерѣдко пропускалъ свои лекціи, да и лекціи читалъ неохотно, какъ бы только поневолѣ, не развивалъ вполнѣ своего предмета, даже старался какъ можно скорѣе, по тетрадкѣ, прочитать лекцію. Но за то онъ былъ неподражаемъ въ приведеніи примѣровъ изъ Исторіи, особенно изъ Римской Исторіи. Тутъ онъ воодушевлялся, былъ въ высшей степени краснорѣчивъ и увлекалъ насъ до самозабвенія. Когда онъ разсказывалъ намъ смерть Сенеки или исторію Регула, то у насъ волосы становились дыбомъ, и мы настроивались до самопожертвованія. При этомъ и голосъ его и жесты были почти трагическіе, и часто, въ порывѣ восторга, онъ вскакивалъ съ кресла, стучалъ о столъ и пр. Чуть ли Гоголь не его имѣлъ въ виду, описывая въ «Ревизорѣ» учителя исторіи, о которомъ городничій говоритъ: «Положимъ, Александръ Македонскій былъ великій полководецъ, но зачѣмъ же ломать стулья?» Василевскій былъ очень добръ и благороденъ, но держалъ себя такъ, какъ бы онъ былъ не отъ міра сего. Онъ лично никого не зналъ изъ студентовъ, считалъ насъ дѣтьми и очень щедро ставилъ балы. Также несообщителенъ былъ онъ и съ профессорами, да и вообще со всѣми людьми. Дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна.

Сандуновъ, Николай Николаевичъ, ординарный профессоръ Практическаго Россійскаго Судопроизводства. Онъ былъ уже очень пожилой человѣкъ, часто бывалъ боленъ и отъ того очень рѣдко бывалъ на лекціяхъ, и этотъ самый главный предметъ юридическаго факультета былъ намъ очень мало извѣстенъ. Въ обществѣ Сандуновъ былъ извѣстенъ какъ отличный юристъ, велъ много частныхъ процессовъ и между студентами слылъ за очень умнаго человѣка. Но былъ онъ большой шутъ и насмѣшникъ. Мы всегда радовались, когда онъ являлся на лекціи, потому что онъ всегда смѣшилъ насъ; хотя не было ни одного изъ насъ, кого бы онъ не осмѣялъ самыми ѣдкими словами, но мы не обижались и все извиняли старику. Забавнѣе всего было, когда онъ, бывало, составитъ изъ студентовъ какое-нибудь судебное мѣсто, напримѣръ Уѣздный Судъ, и изберетъ судью, засѣдателей, истца и отвѣтчика изъ однихъ заикъ. Истецъ, напримѣръ, все тянетъ ó, ó, ó, отвѣтчикъ прыскаетъ и давится, судья картавитъ или гримасничаетъ, секретарь сюсюкаетъ.... ну, просто, мы животики надрывали, а до дѣла намъ не было никакого дѣла. Вѣроятно, онъ очень хорошо понималъ недостатки тогдашняго нашего судоустройства и законодательства; но можно ли было въ то время, когда законы наши считались святыми, а власти земными божествами, можно ли было

выразить о нихъ какое-либо критическое мнѣніе? И поэтому, при чтеніи какого-либо указа, онъ возмущался его нелѣпостію до того, что трудно ему было удержаться, чтобы не высказать о немъ какого-либо неблагопріятнаго замѣчанія, а между тѣмъ, за каждое неблагоговѣйное слово могли потянуть его къ Іисусу.... Онъ и высказывался мимикой и гримасами, и какъ скорчитъ, бывало, при чтеніи указа, рожу, то мы, кромѣ того что смѣялись, но и понимали, что тутъ есть какая-либо явная нелѣпость. Однажды онъ задалъ намъ написать какое-то юридическое разсужденіе, и когда потомъ вызывалъ студентовъ, по алфавиту фамилій, къ каѳедрѣ и заставлялъ каждаго читать свое сочиненіе.... это была сущая каторга! Насмѣшкамъ его, сопровождаемымъ гримасами, не было конца, и надо правду сказать, что наши сочиненія доставляли для насмѣшекъ много матеріала. Когда пришла очередь мнѣ читать свое сочиненіе, я шелъ къ каѳедрѣ, какъ на эшафотъ.... Кому же пріятно сдѣлаться посмѣшищемъ всей аудиторіи и получить иногда такой эпитетъ, который можетъ сдѣлаться и навсегда обиднымъ прозвищемъ? Со страхомъ и трепетомъ начинаю я читать дрожащимъ голосомъ мое сочиненіе. Сандуновъ согнулся, приставилъ ладонь къ уху, сдѣлалъ самую глупую рожу и приготовился уже осыпать меня градомъ своихъ насмѣшекъ. Я читаю, съ ужасомъ жду его колкостей.... но онъ молчитъ. Читаю далѣе.... онъ все молчитъ, отнялъ руку отъ уха, выпрямился, и лицо его приняло серіозное выраженіе. Когда я прочиталъ все сочиненіе, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ: полно, такъ ли, самъ ли ты написалъ это? И когда я увѣрилъ его, что сочинилъ самъ, то онъ сказалъ: «Все это, батинька, вздоръ; все это молодо, зелено; но у тебя есть свои мысли, и сочиненіе твое мнѣ нравится тѣмъ, что оно не сшито изъ чужихъ лоскутковъ, какъ то сдѣлали другіе.» Покажется страннымъ такое появленіе шута на профессорской каѳедрѣ; но мнѣ кажется, что, въ то желѣзное время для умнаго профессора, желающаго хоть сколько-нибудь выразить свой недовольный взглядъ на наше законодательство и судоустройство, и не было другаго средства, какъ выражать свое мнѣніе гримасами и шутками.

Вотъ и всѣ тогдашнія профессорскія личности политическаго факультета, хотя сколько-нибудь внушавшія къ себѣ уваженіе студентамъ и не подававшія имъ повода къ насмѣшкамъ или же и дерзостямъ надъ собою; но всѣ остальные.... вы увидите.

Экстраординарный профессоръ Политической Экономіи—*Васильевъ*. Это было какое-то злобное существо, котораго уже одинъ взглядъ возбуждалъ къ нему отвращеніе. Онъ былъ еще молодой человѣкъ, и, казалось бы, долженъ былъ очень симпатизировать студентамъ; но

онъ, напротивъ, дѣлалъ все возможное, чтобы только раздражить насъ. Онъ читалъ лекціи очень медленно, почти диктовалъ ихъ, и требовалъ, чтобы студенты ихъ записывали, и потомъ учили бы ихъ наизусть, такъ что, какъ бы кто хорошо ни зналъ его лекціи, но если на экзаменахъ излагалъ ихъ своими словами, а не буквально его выраженіями, то получалъ низкіе балы. Это сильно возмущало студентовъ, которыхъ онъ, такимъ образомъ, низводилъ на степень гимназистовъ, и какъ Политическая Экономія предметъ очень интересный, и многіе студенты изучали ее не по однѣмъ только лекціямъ Васильева, а и по источникамъ, читая тогдашнихъ знаменитыхъ экономистовъ, то можно себѣ представить, какъ это должно было огорчать всѣхъ дѣльныхъ студентовъ! По моей пылкости характера, я сильно возненавидѣлъ этого профессора и всегда старался дѣлать ему всевозможныя непріятности; особенно же я сильно озлобился на него за Тимковскаго. Тимковскій, по убѣжденію даже всѣхъ товарищей, былъ первый студентъ по своимъ знаніямъ; Политическую Экономію онъ зналъ лучше самого Васильева, но на послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ, Васильевъ поставилъ ему низкіе балы, и это было причиною, что этотъ первый студентъ въ факультетѣ, получившій даже золотую медаль за сочиненіе, не получилъ степени кандидата, а только дѣйствительнаго студента! Послѣ этого я сдѣлался уже просто врагомъ Васильева. Я сталъ очень рѣдко ходить на его лекціи, хотя и старательно изучалъ Политическую Экономію, и если случалось встрѣтиться съ нимъ въ толпѣ студентовъ, то нерѣдко надѣлялъ его сильными толчками. Васильевъ, разумѣется, все это зналъ и съ своей стороны старался всячески вредить мнѣ. Онъ никогда не спрашивалъ меня изъ своего предмета ни на репетиціяхъ, ни на экзаменахъ, для того, чтобы ставить мнѣ нули. Замѣтивши это, когда на одномъ экзаменѣ онъ, вызывая по алфавиту студентовъ, пропустилъ меня, я самъ подошелъ къ каѳедрѣ и просилъ его, чтобы онъ меня экзаменовалъ. Васъ безполезно экзаменовать: вы ничего не знаете, сказалъ онъ.—Г-нъ профессоръ, возразилъ я, какъ же вы можете это знать, никогда не спрашивавши меня?—Вы рѣдко бываете на моихъ лекціяхъ, и безъ сомнѣнія, вы ихъ не знаете.—Лекцій вашихъ я дѣйствительно не знаю; но большая разница между знаніемъ вашихъ лекцій и знаніемъ Политической Экономіи. Прошу экзаменовать меня изъ Политической Экономіи!—И Васильевъ, съ озлобленнымъ видомъ и весь раскраснѣвшись, долженъ былъ экзаменовать меня, и я отвѣчалъ ему превосходно. Разъ какъ-то, пришелъ ко мнѣ во время лекціи Васильева студентъ математическаго факультета Діомидъ Пассекъ, бывшій въ послѣдствіи извѣстнымъ генераломъ на Кавказѣ (гдѣ онъ и убитъ),

мы, сидя рядомъ, довольно громко разговаривали и смѣялись. Васильевъ злобно на насъ посматривалъ, и хотя онъ и боялся меня, однакожъ не вытерпѣлъ и, обращаясь къ намъ, сказалъ: Господа, прошу слушать лекцію! Тогда Пассекъ всталъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: Пойдемъ, братецъ! Стоитъ ли слушать эти глупости? И мы торжественно, мимо озлобленнаго Васильева, вышли изъ аудиторіи. Когда предстоялъ мнѣ выпускной экзаменъ, то я, боясь, чтобы Васильевъ не сдѣлалъ со мною того же что̀ съ Тимковскимъ, то есть не поставилъ бы мнѣ низкихъ баловъ или же и нуля, просилъ профессора Погодина присутствовать на этомъ экзаменѣ и предупредить и другихъ профессоровъ-экзаменаторовъ быть какъ можно болѣе внимательными къ моимъ отвѣтамъ, и потомъ обратить вниманіе и на тѣ балы, какіе Васильевъ мнѣ поставитъ. На экзаменѣ Васильевъ старался дѣлать мнѣ самые затруднительные вопросы; всѣ экзаменаторы, будучи предупреждены Погодинымъ, съ особеннымъ любопытствомъ меня слушали. Погодинъ и другіе предлагали мнѣ и отъ себя вопросы. Мой экзаменъ продолжался гораздо долѣе экзаменовъ другихъ студентовъ, я на всѣ вопросы отвѣчалъ превосходно. Злобный Васильевъ, видя такое ко мнѣ участіе и похвалы всѣхъ экзаменаторовъ, волей не волей, долженъ былъ поставить мнѣ самые высшіе по тогдашнему четыре бала. Но при этомъ инспекторъ своекоштныхъ студентовъ профессоръ Чумаковъ не упустилъ сказать: Вы-то, вы-то, батенька, какъ видно учитесь прекрасно, да ведете-то себя дурно! и этимъ сильно омрачилъ мое торжество. Это случилось отъ того, что Васильевъ неоднократно жаловался на меня инспектору. Пишу это не для того, чтобы выставить свои успѣхи въ Политической Экономіи, а для того единственно, чтобы показать, въ какія недостойныя благороднаго профессора отношенія ставилъ себя Васильевъ къ студентамъ, и какъ онъ этимъ унижалъ и свое званіе, и самого себя, и какъ поведеніе его портило нравственность студентовъ, заставляя ихъ, вмѣсто любви и уваженія, питать злобу къ профессору и стараться дѣлать ему непріятности... Неужели былъ еще когда либо профессоръ подобный Васильеву?

По моему, уже гораздо лучше Васильева дѣлалъ экстраординарный профессоръ *Щедритскій*, читавшій Всеобщую Статистику. Онъ хорошо сознавалъ свое невѣжество въ Статистикѣ и поэтому былъ увѣренъ, что никакія его усилія не заставятъ студентовъ слушать его глупыя лекціи, и потому махнулъ на все рукой и ограничился тѣмъ, что лишь бы только исправно ходить въ аудиторію и читать какія-нибудь лекціи. Поэтому студенты никогда его не слушали, и во время лекціи страшно шумѣли, то уходили, то входили, разговаривали

между собою, однимъ словомъ, поступали какъ бы и не было въ аудиторіи профессора. И Щедритскій не только никогда этимъ не огорчался, но даже былъ доволенъ такимъ *modus vivendi* и радъ былъ, что его никто не слушаетъ. Случилось, когда онъ въ статистикѣ Франціи началъ читать о Французской литературѣ XVIII-го вѣка и произнесъ имена Вольтера, Дидеро, Жанъ-Жака Руссо, то всѣ эти великія имена поразили слухъ студентовъ, и мы, желая знать, что-то скажетъ Щедритскій объ этихъ великихъ писателяхъ, вдругъ, какъ бы сговорившись, всѣ умолкли и стали его слушать. Это обстоятельство до того поразило жалкаго профессора, до того вниманіе студентовъ показалось ему ненормальнымъ ихъ состояніемъ, что онъ сильно сконфузился и, обращаясь къ студентамъ, какъ будто они сдѣлали какой-либо предосудительный поступокъ, сказалъ: *Ну, что же это вы, господа, дѣлаете?!...* Послѣ этого мы, разумѣется, разсмѣялись, принялись опять смѣяться и разговаривать, а Щедритскій читать свою лекцію, и тишина наша никогда уже болѣе не нарушала спокойствія нелюбящаго ея профессора!..

Теорію Россійскаго Гражданскаго Права читалъ экстраординарный профессоръ, незабвенный *Семенъ Алексѣевичъ С....* Это былъ мущина уже пожилой, огромнаго роста, съ большими на выкатѣ глазами, суровою миною — просто, по наружности, звѣрь, а не человѣкъ, между тѣмъ какъ онъ былъ самое кроткое и безобидчивое существо. Онъ читалъ лекціи по своему сочиненію, довольно толстой книгѣ *in quarto*, еще давно имъ составленной. Можно себѣ представить, какого рода теорію Русскаго Права можно было вообще написать въ то время, и какъ ее написалъ въ особенности С....въ, человѣкъ не знавшій ни одного иностраннаго языка, и кажется, ни о чемъ болѣе не имѣвшій понятія, кромѣ тогдашняго нашего практическаго судопроизводства, въ чемъ онъ, какъ говорили, былъ большой дòка. Сочиненіе его, какъ и слѣдовало тогда, заключало панегирикъ нашему законодательству и компиляціи законовъ, распредѣленныхъ и сведенныхъ вмѣстѣ по нѣкоторымъ статьямъ нашего бѣднаго права. Нѣкто Медвѣдскій, студентъ вообще плохо занимавшійся, но имѣвшій хорошее состояніе, купилъ у С.... его книгу, переплелъ ее въ красный сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ и, передъ приходомъ С...., положилъ ее возлѣ себя на видномъ мѣстѣ. Проходя мимо, С.... замѣтилъ книгу, спросилъ у Медвѣдскаго, что это за книга, и когда узналъ, что это его сочиненіе удостоилось такого великолѣпнаго переплета, то какъ дитя обрадовался такому почету его сочиненія, и Медвѣдскій, послѣ этого, былъ у него самымъ лучшимъ студентомъ и всегда получалъ четыре бала.

Но книга эта причиняла иногда автору ея и огорченія. Такъ какъ она напечатана была еще при Александрѣ Павловичѣ, то въ ней, разумѣется, вездѣ гдѣ нужно стояло: *нынѣ благополучно царствующій императоръ Александръ Павловичъ*, и студенты, когда приходилось, всегда такъ буквально ему и отвѣчали.—«Эхъ, батенька, замѣтилъ онъ, вѣдь я уже сколько разъ повторялъ вамъ, вмѣсто этого говорить: нынѣ благополучно царствующій императоръ Николай Павловичъ!» Что-жъ дѣлать, Семенъ Алексѣевичъ, отвѣчаетъ пренаивно студентъ: твердо выучилъ наизустъ, никакъ не могу перемѣнить! Иногда я, бывало, подойду къ нему, и съ самою добродушною миною начну ему говорить: Семенъ Алексѣевичъ! Вамъ непремѣнно нужно вновь перепечатать свою книгу. Ну что, ежели когда-нибудь Государь посѣтитъ Университетъ, придетъ на вашу лекцію, велитъ вамъ спросить кого-нибудь изъ студентовъ, и вдругъ студентъ скажетъ: нынѣ благополучно царствующій императоръ Александръ Павловичъ? Вѣдь просто бѣда будетъ и вамъ, и намъ! И онъ принималъ совѣтъ мой за чистую монету и обѣщалъ перепечатать книгу.

На лекціяхъ у него былъ постоянный шумъ и гамъ, и онъ всегда самымъ строгимъ тономъ и грознымъ видомъ требовалъ тишины; но никто его не слушалъ. Тогда онъ посылалъ сторожа въ правленіе, сказать объ этомъ ректору. Сторожъ, который всегда благоволилъ къ студентамъ, никогда его не слушалъ. Но однажды, когда шумъ сдѣлался невыносимымъ, и Семенъ Алексѣевичъ, разсвирипѣвъ, призвалъ сторожа и велѣлъ ему сходить къ ректору и сказать, что студенты шумятъ и не даютъ ему читать лекціи, мы упросили сторожа, чтобы онъ сходилъ къ ректору, между тѣмъ сами всѣ вышли изъ аудиторіи. Приходитъ ректоръ, Алексѣй Ѳедоровичъ Двигубскій, и видитъ пустую аудиторію и посреди ея на каѳедрѣ сидящаго профессора. «Ну, что же вы присылаете ко мнѣ сказать, что студенты шумятъ, сердито сказалъ ему ректоръ; да здѣсь некому шумѣть, нѣтъ ни одного студента!» Тѣмъ дѣло и кончилось, и послѣ этого Семенъ Алексѣевичъ былъ уже совершенно обезоруженъ и уже болѣе никогда не грозилъ намъ ректоромъ, и не проходило лекціи, чтобы студенты не выкинули ему какой-либо штуки или не сдѣлали шалости...

Теорію Гражданскаго и Уголовнаго Права читалъ экстраординарный профессоръ *Михаилъ Яковлевичъ Маловъ*. Физіономія его отражала на себѣ вполнѣ всю его глупость: это была кругленькая, маленькая и рябинькая рожица, съ узенькими, ко рту сходящимися бакенбардиками, къ маленькими, впалыми и изъ глубины сверкающими глазками, съ лысиной посреди головы и со взбитыми скудоволосыми висками—совершенно голова пугливой кошки или обезьяны, съ миной,

то серіозной до смѣшнаго, то осклабляющейся самой отвратительной сладенькой улыбкой, росту небольшаго, худенькій и съ быстрыми тѣлодвиженіями. Проходя къ каѳедрѣ мимо студентовъ, онъ принималъ самую строгую физіономію, которая, при поклонѣ ему какого-либо студента, вдругъ осклабится на одну секунду, и потомъ опять нахмурится; при другомъ поклонѣ тоже самое, и такимъ образомъ это смѣшное гримасничанье то направо, то налѣво, продолжалось до самой каѳедры, на которую онъ не всходилъ, а какъ-то уморительно вспрыгивалъ; однимъ словомъ, это былъ человѣкъ глупый, самолюбивый, и съ претензіями на самыя изящныя манеры. Одѣвался онъ всегда щегольски, и особливо бѣлыя воротнички, подпирая бакенбарды, очень изящно округляли эту прилизанную и пошлую физіономію.

Лекціи его были какою-то смѣсью отрывковъ изъ разныхъ иностранныхъ теоретиковъ: Беккаріи, Бентама, Макіавели и проч. съ нашимъ Русскимъ законовѣдѣніемъ, чистой чепухой безъ системы и идеи, какой-то компиляціей, откуда-то имъ самимъ или кѣмъ другимъ выбранной, но въ которой нашему законодательству отдавалось преимущество предъ всѣми другими Европейскими законодательствами, и наше правленіе было выставлено идеаломъ всѣхъ правленій. Разумѣется, изъ такого рода лекцій не много можно было почерпнуть здравыхъ идей о правахъ и обязанностяхъ гражданъ, а тѣмъ болѣе объ образѣ правленія, и мы слушали и изучали ихъ по необходимости. На лекціяхъ Малова мы, однакожъ, сидѣли смирно: онъ умѣлъ любезностію своею и вкрадчивостію останавливать нашу шумливость. Милостивые государи, бывало, обратясь къ намъ, говоритъ онъ: прошу васъ, чтò я вамъ сдѣлалъ? и студенты успокоятся; и еслибы онъ и всегда держался этой униженности, мы бы всегда прощали ему его глупость, и не случилось бы съ нимъ той, непріятной для него, исторіи, о которой я разскажу въ послѣдствіи.

При всемъ своемъ невѣжествѣ, ему, однакожъ, хотѣлось прослыть между нами за человѣка образованнаго, и, бывало, съ удивительною хитростію, онъ говоритъ намъ: «Конечно, милостивые государи, я не могу назвать себя человѣкомъ высокоученымъ; я не знаю ни Еврейскаго, ни Греческаго, ни Санкритскаго языковъ; я только и знаю что Латинскій, Французскій и Нѣмецкій языки». Но въ самомъ дѣлѣ, онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, чтò намъ было хорошо извѣстно. У насъ въ отдѣленіи много было студентовъ-Нѣмцевъ изъ Остзейскаго края. Однажды Маловъ спрашиваетъ лекцію у одного изъ нихъ. Нѣмецъ, хотя и хорошо зналъ порусски, но нарочно сказалъ, что онъ не можетъ хорошо объясняться порусски, и проситъ позволенія отвѣчать понѣмецки.—«Извольте, съ моимъ удовольствіемъ, мнѣ

все равно!» говоритъ Масловъ, и студентъ начинаетъ отвѣчать понѣмецки: несетъ страшную дичь, ругаетъ Малова, говоритъ, напримѣръ, что ему быть бы не профессоромъ, а свинопасомъ...., и Маловъ пресеріозно его слушаетъ и только повторяетъ: *Ja! sehr gut, sehr gut!..* а мы, разумѣется, помираемъ со смѣху.

Физіономія его до того казалась мнѣ карикатурною, что на лекціяхъ я всегда рисовалъ его, и такъ, наконецъ, набилъ руку, что въ одну минуту былъ готовъ его очень похожій портретъ, которыми я и надѣлялъ всѣхъ, желающихъ имѣть ихъ студентовъ. Однажды на репетиціи онъ спрашиваетъ меня изъ своихъ лекцій, и я такъ хорошо отвѣчалъ ему, что онъ, будучи очень доволенъ, воскликнулъ: «Прекрасно, превосходно! Вотъ, милостивые государи, и видно чѣмъ человѣкъ занимается!» А какъ всѣ знали, чѣмъ я занимался на его лекціяхъ, то восклицаніе его выходило очень забавнымъ.

Въ числѣ студентовъ было у насъ нѣсколько такъ называемыхъ *лазарей*, людей съ ограниченными способностями, съ низкимъ характеромъ, которые, низкопоклонствомъ и лестью, старались пріобрѣсть расположеніе къ себѣ профессоровъ, разумѣется, такихъ какъ Маловъ. Эти лазари, обыкновенно, передъ приходомъ Малова въ аудиторію, становились рядомъ у входа, и когда онъ входилъ въ аудиторію, они, другъ за другомъ, отвѣшивали ему пренизкіе поклоны; а онъ, весь лучезарный, сгибаясь и подпрыгивая, дарилъ каждому изъ нихъ по одной своей, самой сладенькой улыбкѣ. И вотъ, бывало, я, забравшись въ эту толпу, вдругъ, среди его самодовольнаго торжества отъ раболѣпства предъ нимъ, или ущипну его невидимо, или дерну за фалду вицмундира!... Надобно видѣть, какъ въ одно мгновеніе изчезнетъ его лучезарность, и физіономія сдѣлается мрачною и испуганною, пока новые поклоны лазарей не заставятъ его опять осклабиться.... Онъ всегда считалъ меня отличнымъ студентомъ, что̀ разумѣется досадно было лазарямъ, и одинъ изъ нихъ, извѣстный Степанъ Пестовъ, наговорилъ ему на меня, что я вовсе не занимаюсь его предметомъ, и что у меня нѣтъ даже его лекцій, что̀ было и справедливо, потому что мнѣ очень нетрудно было знать его предметъ, прочитавши у кого-нибудь изъ студентовъ его лекціи. Послѣ такого на меня доноса, Маловъ, придя на лекцію, вдругъ вызываетъ меня къ каѳедрѣ и начинаетъ спрашивать, стараясь задавать мнѣ самые трудные, по его мнѣнію, вопросы—и я отвѣчаю какъ нельзя лучше.—«Ну, да, хорошо, говоритъ онъ мнѣ съ самой суровой миной; но имѣете ли вы мои лекціи? Покажите мнѣ ихъ!»—«Михаилъ Яковлевичъ! отвѣчаю ему я, развѣ можно знать вашъ предметъ, но имѣя вашихъ лекцій? И съ этимъ, отправляюсь къ своему мѣсту, беру у дядюшки Ка-

лугина, возлѣ котораго я сидѣлъ, его толстую тетрадь лекцій и смѣло подношу ихъ Малову. Онъ разсматриваетъ ихъ и, нисколько не подозрѣвая моего обмана, говоритъ, уже съ веселой улыбкой: Прекрасно, превосходно!... А мнѣ наговорили, что у васъ нѣтъ моихъ лекцій, и при этомъ, онъ сурово посмотрѣлъ на право на Пестова, недалеко возлѣ каѳедры всегда сидѣвшаго. Послѣ этого уже никакая клевета не могла поколебать его хорошаго обо мнѣ мнѣнія, и когда въ послѣдствіи, послѣ извѣстной *Маловской исторіи*, ему нужно было указать виновниковъ, и когда ему говорили обо мнѣ, какъ о самомъ главномъ зачинщикѣ этого скандала, онъ ничему не повѣрилъ и не указалъ на меня, что̀ тогда меня очень тронуло, и я раскаивался потомъ въ нанесеніи ему оскорбленій.

Чтобы какъ можно болѣе заявить свое низкопоклонство, лазари придумали еще другой маневръ: когда Маловъ, по окончаніи лекціи выходилъ въ переднюю одѣваться, особливо зимой, то лазари бросаются туда толпою, хватаютъ его шубу и надѣваютъ на него, подставляютъ калоши.... фу! даже гадко вспоминать про такія низости молодыхъ людей, да еще студентовъ! Однажды я тоже затесался въ толпу и какъ уже человѣкъ пять распялили шубу и одѣли ею благочестиваго и въ высшей степени самодовольнаго профессора, калоши тоже были уже подставлены.... я схватилъ лежавшую на столѣ теплую шапку Малова, надѣлъ ее вдругъ ему на голову, насунувши ее до ушей, отошелъ шагъ назадъ и съ самою подобострастной миной сталъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Поднявши насунутую шапку, онъ, сначала, съ какимъ-то недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но видѣвши мою уничиженную физіономію, сдѣлалъ мнѣ свою сладенькую улыбку и потомъ величественно вышелъ изъ передней, между тѣмъ какъ товарищи мои, т. е. не лазари, долго смѣялись надъ моею продѣлкой..... Ничего нѣтъ для меня лестнаго писать про эти мои ребяческія шалости, которыя разумѣется, не могутъ рекомендовать меня съ хорошей стороны. Но я описываю ихъ для того, что онѣ, хотя сколько нибудь, обрисовываютъ, какъ профессора Малова, такъ и вообще тогдашнее наше положеніе Университета, который имѣлъ такихъ профессоровъ, и положеніе бѣдняковъ студентовъ, которые, не имѣя достаточно умственныхъ занятій и питая полное презрѣніе къ профессору, должны были хоть чѣмъ нибудь заявить свое къ нему пренебреженіе. И припоминая теперь эти событія, невольно воскликнешь: *o tempora, o mores!!...*

Изъ представленной мною, кажется довольно ясной, характеристики профессоровъ юридическаго факультета, современные, а еще болѣе отдаленные читатели этихъ воспоминаній, если онѣ только появятся когда-либо въ свѣтъ, едва ли повѣрятъ возможности существо-

ванія когда-либо такихъ личностей, какъ Маловъ, Щедритскій, Васильевъ—такъ онѣ уродливы и карикатурны, и едва ли повѣрятъ, что Московскій Университетъ былъ когда-либо въ такомъ жалкомъ положеніи. Но, если они, т. е. читатели, представятъ себѣ ясно вообще степень образованія нашего тогдашняго общества, а еще болѣе, взглядъ правительства на образованіе юношества, то они убѣдятся, что другаго рода профессоровъ тогда и не могло быть; а если они и были, то должны были на лекціяхъ своихъ дѣлать и говорить что либо другое, а никакъ не разсуждать о своемъ предметѣ. Такъ Василевскій, вмѣсто Международнаго Права, расказывалъ анекдоты изъ Древней Исторіи; такъ Сандуновъ, вмѣсто критическаго разбора Русскаго законовѣдѣнія, шутилъ, острилъ, балагурилъ и почти паясничалъ на лекціяхъ.... И я и теперь еще удивляюсь, какъ Погодину сошли съ рукъ его критическія лекціи Русской Исторіи?! Но какое же можно составить понятіе и о степени образованія студентовъ, при такомъ составѣ профессоровъ? Безъ сомнѣнія—самое жалкое. И если кто изъ студентовъ не старался самъ образовать себя чтеніемъ и изученіемъ иностранныхъ писателей, а довольствовался только профессорскими лекціями, тотъ выходилъ изъ Университета, при самой хорошей атестаціи въ успѣхахъ, невѣждой и неразвитымъ существомъ. Въ послѣдствіи я встрѣчалъ нѣкоторыхъ моихъ товарищей, которыхъ образованіе ограничилось однѣми только профессорскими лекціями, получившихъ даже степень кандидата, которые въ государственной службѣ занимали потомъ очень значительныя должности, но они всегда оставались невѣждами и рутинерами. Служили, разумѣется, исправно, даже иные и очень честно, но міросозерцаніе ихъ было не шире своего служебнаго круга. Они даже не были любознательны, ничего не читали и ни о чемъ никогда здраво не разсуждали.... все равно что и не были въ Университетѣ.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ Н. А. МУХАНОВА.

За сообщеніе этого, къ сожалѣнію слишкомъ краткаго, воспоминанія обязаны мы Прасковьѣ Алексѣевнѣ Мухановой. Оно написано старшимъ ея братомъ, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ Николаемъ Алексѣевичемъ, который (какъ и два его брата, Александръ и Владиміръ Алексѣевичи Мухановы) издавна былъ друженъ съ А. С. Хомяковымъ. П. Б.

Я познакомился съ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ въ 1824 году, когда онъ былъ юнкеромъ въ конной гвардіи. Онъ жилъ тогда съ братомъ своимъ, Өедоромъ Степановичемъ, тоже очень хорошо надѣленнымъ природою, и который былъ похищенъ въ послѣдствіи ранней смертію на Кавказѣ. Оба они получили воспитаніе дома. Именно кому было поручено ихъ воспитаніе, припомнить не могу; но оно было самое серіозное и основательное.

Алексѣй Степановичъ при первомъ знакомствѣ поразилъ меня особенной живостію ума и глубокомысліемъ, не всегда чуждымъ парадоксовъ и которое уже тогда оказывалось въ немъ очень разительно. Вообще, здѣсь надобно замѣтить, что онъ никогда не вдавался въ заблужденія молодости, жизнь велъ, я могу сказать, строгую, держалъ всѣ посты, установленные Церковію, такъ что съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ былъ какимъ мы знали его въ позднее время. Особенно въ немъ была замѣчательна способность мышленія, которая не оставляла его ни въ какихъ обстоятельствахъ, какъ бы онѣ сильно ни затрогивали его сердца при самыхъ глубоко потрясавшихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ онъ продолжалъ разсуждать самымъ яснымъ и спокойнымъ образомъ о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, какъ будто ничего тревожнаго не происходило въ то время. Приведу одинъ случай.

Я пришелъ съ нимъ прощаться, когда онъ ѣхалъ въ армію. Повозка уже стояла у крыльца. За завтракомъ завязался разговоръ, не помню, о какомъ вопросѣ глубокомысленномъ и довольно-сложномъ. Онъ съ обыкновеннымъ своимъ оживленіемъ разсуждалъ съ своимъ братомъ и со мною; прощаясь, все продолжалъ свои доводы и, сѣвъ уже въ кибитку, остановилъ отъѣздъ, чтобы все разъяснять свои мысли. Это можно приписать и другой причинѣ: поступая такъ, онъ не хотѣлъ давать ходу своей чувствительности, подавляющей энергію характера; а минута была торжественная, ибо братъ его также уѣзжалъ на Кавказъ, и они болѣе уже не свидѣлись. Вообще, онъ былъ одаренъ сильнымъ характеромъ. Я это могъ замѣтить при одномъ грустномъ случаѣ, сильно насъ огорчившемъ. Хомяковы были очень дружны съ малолѣтства съ Веневитиновыми. Старшій братъ, отличавшійся блестящими способностями, прекрасными качествами серд-

ца и замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, пріѣхалъ на службу въ Петербургъ и жилъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ. Я съ нимъ познакомился передъ тѣмъ въ Москвѣ и оцѣнилъ все, что̀ было въ немъ прекраснаго. Мы видались ежедневно, и эта кратковременная эпоха никогда не выдетъ изъ моей памяти: сколько въ ней было игривости ума, пылкости и прелести! Едва прошло недѣли три съ пріѣзда его, какъ онъ занемогъ, и сначала болѣзнь казалась неважная, всего длилась восемь дней и когда мы стали о положеніи его тревожиться, съ предвидѣніемъ опасности, врачъ удостовѣрялъ насъ положительно, что онъ скоро выздоровѣетъ и даже въ день кончины подтверждалъ свое мнѣніе. Черезъ нѣсколько часовъ все перемѣнилось, и тотъ же врачъ объявилъ намъ, что больной не проживетъ до другаго дня. Надо было привести умирающаго къ сознанію его положенія. Это тяжелое порученіе принялъ на себя Алексѣй Степановичъ и исполнилъ его. Хотя онъ и былъ блѣденъ, какъ смерть, но одна только тяжелая слеза выкатилась изъ его глазъ, посреди всѣхъ растроганныхъ присутствующихъ. Тутъ я могъ замѣтить силу этого характера, знавши до какой степени онъ нѣжно его любилъ.

Алексѣй Степановичъ полагалъ себя, и отчасти справедливо, обладающимъ силою физическою, всегда говаривалъ, что настоящее его призваніе было военное поприще и съ скрытой горечью оставилъ военную службу, тайно оскорбленный тѣмъ, что наружный недостатокъ служилъ поводомъ не наряжать его на парады и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, гдѣ являлись его товарищи *). Это обстоятельсто имѣло значительныя послѣдствія на всю его жизнь, заронивъ въ сердце его чувство непріязненное, подобное тому, которое ощущаетъ человѣкъ, полагающій себя жертвою несправедливости. Мы можемъ тоже замѣтить въ одной знаменитости намъ современной—въ лордѣ Байронѣ, который такъ раздражался при мысли объ изъянѣ своей ноги: чувство немало способствовавшее враждебному его расположенію къ человѣчеству и мрачности, отразившейся во всѣхъ его твореніяхъ. Отъ этой крайности спасли Хомякова его добронравіе и добросердечіе. Прибавляю еще одну черту странную. Въ разговорахъ его съ глазу на глазъ нельзя было правильнѣе и глубже разсуждать о предметахъ и вопросахъ высшей важности; какъ только являлось болѣе слушателей, онъ перемѣнялъ совершенно направленіе своихъ рѣчей и вводилъ въ нихъ воззрѣнія столь парадоксальныя, часто неосновательныя и поддерживалъ ихъ силою и доводами испещренными необыкновенною живостію и игривостію...

---

*) А. С. Хомяковъ былъ сутуловатъ. П. Б.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

„Пора домой!“ Этотъ возгласъ не разъ раздавался въ патріотическихъ рѣчахъ лучшаго изъ Русскихъ людей, достойнѣйшаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Этимъ возгласомъ великій патріотъ призывалъ Верховную Власть въ пристань вѣрнаго созерцанія Русскихъ потребностей—въ Москву.

Мы начинаемъ настоящую повѣсть про „Экономическіе провалы“ тѣми же словами „Пора домой“, разумѣя подъ этимъ совсѣмъ другой смыслъ, именно: пора государственной мысли перестать блуждать внѣ своей земли: пора прекратить поиски экономическихъ основъ за предѣлами отечества и засорять насильственными пересадками ихъ родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать *въ своихъ людяхъ свою силу*. Всѣ нижеизлагаемые провалы произошли единственно отъ невѣрованія въ эту спасительную силу, безъ поворота къ которой никогда нельзя достигнуть согласованія экономическихъ мѣропріятій съ нуждами и потребностями народной жизни.

*

Печалованіе о разстройствѣ Русскихъ финансовъ объемлетъ въ настоящее время всѣ сословія; всѣ чувствуютъ, какъ быстро въ нашихъ карманахъ таютъ денежныя средства и какъ неуклонно мы приближаемся къ самому мрачному времени нуждъ и лишеній.

Наше финансовое оскудѣніе образовывалось цѣлыми десятками лѣтъ и дошло до того, что теперь никакія новыя системы займовъ не могутъ направить насъ на путь общаго довольства и благосостоя-

нія. Вмѣстѣ съ этимъ было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянію; а лучше взглянуть безъ колебаній и робости прямо въ глаза причинамъ, породившимъ угнетающія насъ обстоятельства. Финансовая война противъ Россіи настойчиво ведется Европою съ начала 30-хъ годовъ; мы потерпѣли отъ Европейскихъ злоухищреній и собственнаго недомыслія полное пораженіе нашей финансовой силы. Настоящее положеніе настойчиво требуетъ того, чтобы мы ободрились духомъ и сознали бы силу въ самихъ себѣ. Примѣрами ободренія намъ могутъ служить времена Петра I-го. Мы были тогда въ военномъ дѣлѣ совершенно поражены подъ Нарвою; но это, однакожъ, не помѣшало намъ въ тоже царствованіе отпраздновать Полтавскую побѣду и къ удивленію всей Европы заявить такой исполинскій ростъ нашей военной силы, что послѣ присоединенія Крыма и побѣдъ на Альпахъ, черезъ сто лѣтъ отъ времени Нарвскаго пораженія, мы вступили въ Парижъ побѣдителями и даровали всей Европѣ миръ и освобожденіе отъ порабощенія Наполеономъ I-мъ. Мы выростали въ военномъ дѣлѣ на почвѣ незыблемаго сознанія своего будущаго великаго назначенія и на силѣ духа, вѣрующаго въ народную мощь; но въ дѣлѣ финансовъ послѣ каждаго пораженія мы, наоборотъ, падали духомъ и, наконецъ, до того пріубожились, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ выражалось постоянно одно лишь рабоподражательное снятіе копій съ Европейскихъ финансовыхъ системъ и порядковъ. Продолжая идти этимъ путемъ, мы дошли до бездны; мы утратили уваженіе къ самимъ себѣ и вѣру въ самихъ себя. Но, благодаря Бога, теперь наступило иное время: съ высоты Престола вѣетъ свѣжимъ, новымъ духомъ познанія Русскихъ силъ, и это вѣяніе свидѣтельствуется въ глазахъ всѣхъ указаніями и рѣшеніями, исходящими лично отъ благополучно царствующаго Императора Александра III-го, въ силу чего Русское патріотическое здравомысліе можетъ признавать въ себѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что періодъ нашего финансоваго возрожденія возможенъ и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимымъ предупредить благосклонныхъ читателей, что я вовсе не имѣю намѣренія утруждать ихъ вниманіе предложеніемъ какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая въ себѣ полное незнаніе финансовой техники, при совершенномъ недовѣріи къ девальваціямъ, консолидаціямъ, конверсіямъ и тому подобному туману, напускаемому на насъ въ видѣ финансовой науки; но въ тоже время я полагаю, что внесу въ сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу послѣдовательно всѣ случаи пережитыхъ Россіей финансовыхъ и экономическихъ проваловъ, для опредѣленія ко-

торыхъ, я долженъ сознаться, у меня нѣтъ никакихъ матеріаловъ, кромѣ запаса памяти о событіяхъ, причинившихъ финансовое разстройство. События эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданіями со стороны изобрѣтателей ихъ и сопровождались самыми горькими послѣдствіями, достававшимися на долю народонаселенія. Таковыя событія живо и ясно сохранились въ моей памяти, и мнѣ сдается, что если читатель вообразитъ себѣ нижеизлагаемые провалы никогда не существовавшими, то его внутреннему воззрѣнію представится наше дорогое отечество богатѣйшею страною въ мірѣ, не нуждающеюся ни въ какихъ кредитныхъ пособіяхъ со стороны иностранныхъ биржъ, Ротшильдовъ, Мендельсоновъ, Блейхредеровъ и т. п. А дабы губительное дѣйствіе проваловъ было по возможности исправлено, надо прежде всего знать ихъ корень и горечь послѣдствій. Вотъ почему, на закатѣ моихъ дней, я рѣшился написать очерки экономическихъ проваловъ, начинающихся за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, основанные единственно на пережитыхъ мною тяжелыхъ ощущеніяхъ, при видѣ того, какъ при каждомъ провалѣ искалѣчивалась Русская народная жизнь и какъ надвигались на нее тучи бѣдности и лишеній, не смотря на блестящую внѣшность оффиціальной Россіи. Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ настоящее время постоянно слышится: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Отвергая этотъ взглядъ, я вѣрую въ то, что надъ Россіей совершится исполненіе другаго изрѣченія: *«въ скорби моей распространилъ мя еси»*.

Преисполненный этого вѣрованія, перехожу къ изложенію пережитыхъ нами проваловъ, порожденныхъ внѣшнею интригою и завистью и самобичеваніемъ собственнаго изобрѣтенія.

Первый провалъ.

Слухъ о намѣреніи правительства сдѣлать монетною единицей серебрянный рубль появился въ 1837 году. Слухъ этотъ встревожилъ всѣхъ; всѣмъ представлялось, что имѣемый каждымъ капиталъ значительно сократится въ выраженіи своей цѣнности при покупкѣ на рынкѣ разныхъ потребностей жизни. Такъ напримѣръ: пенсіонеры, получавшіе, примѣрно, 350 рублей пенсіи въ годъ по ассигнаціонному курсу, могли при установленіи новой единицы получать только 100 рублей, считая на серебро. Заводчики и фабриканты, нанимавшіе рабочихъ, предвидѣли, что, при опредѣленіи новыхъ окладовъ, переложенныхъ на серебро, нельзя будетъ тому рабочему, который, примѣрно, получалъ въ мѣсяцъ 10 р. 50 к. на ассигнаціи, назначить

только 3 р. сер. Отсюда выводилось то заключеніе, что производство фабрикатовъ и заводскихъ издѣлій вздорожаетъ. Интеллигенты того времени и главнѣйше лица соприкосновенныя новому проекту высокой денежной единицы утверждали, что всѣ предметы въ продажной своей цѣнѣ на столько подешевѣютъ, что на одинъ рубль серебряный можно будетъ купить на рынкѣ все то, что̀ покупалось на 3 съ полов. рубля ассигнаціонныхъ; но въ тоже время интеллигенты, чуждые увлеченій и не принадлежавшіе къ составу Петербургскаго чиновничества, т. е. помѣщики, проживавшіе тогда въ своихъ имѣніяхъ, и первоклассные купцы находили, что Россіи еще рано жить на серебрянную единицу, потому что эта единица невольнымъ образомъ разовьетъ нашу жизнь въ графу расхода, тогда какъ намъ было бы полезнѣе развивать себя въ графу прихода, посредствомъ изученія техническихъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ знаній. Въ такомъ положеніи всѣ чувствовали шаткость своихъ состояній и предвидѣли въ будущемъ потрясеніе въ торговыхъ дѣлахъ. Въ началѣ 1838 года распространился слухъ, что мысль о серебрянной единицѣ внесена въ Государственный Совѣтъ членомъ онаго, бывшимъ Польскимъ министромъ Любецкимъ. Слухъ этотъ настойчиво поддерживался съ добавленіемъ къ нему извѣстія о томъ, что бывшій тогда министръ финансовъ графъ Канкринъ ратуетъ противъ введенія крупной единицы. Возникли подозрѣнія, что тлетворный вѣтеръ дуетъ изъ Польши. Народъ заговорилъ: мы Поляковъ побили дубьемъ, а они насъ бьютъ рублемъ. Приготовленія къ перемѣнѣ единицы выражались въ 1838 году разсылкою по всей Россіи новыхъ окладныхъ листовъ съ переложеніемъ податей, цѣны на вино, соль, гербовую бумагу и т. д. на серебрянный рубль.

1-го Іюля 1839 года послѣдовало бракосочетаніе Великой Княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Это была первая свадьба въ царствованіе императора Николая въ царскомъ семействѣ. Между значительными помѣщиками Костромской губерніи (Шиповыми, Катениными, Купріяновыми и т. д.) шелъ разговоръ, передававшійся и въ другіе слои Костромскаго общества, что день бракосочетанія Великой Княгини будетъ ознаменованъ прощеніемъ Декабристовъ. Всѣ ожидали милостиваго манифеста, и манифестъ дѣйствительно появился 1-го Іюля, но не о Декабристахъ, а о введеніи въ дѣйствіе серебрянной единицы. И потекла Русская жизнь широкою, но мутною струею по графѣ расхода, и стали мы жить, признавая наименьшимъ знакомъ цѣнности рубль серебра; тогда какъ Франція жила и нынѣ живетъ, не смотря на богатство ея почвы, производящей виноградъ, шелковицу, пшеницу и фрукты, на единицу (франкъ)

сравнительную съ нашимъ четвертакомъ, т. е. въ 25 копѣекъ цѣнности; а Германія на единицу (марка) равняющуюся нашимъ тремъ гривенникамъ. И стали наши мѣняльные столы на столичныхъ губернскихъ и уѣздныхъ рынкахъ, обремененные массою Екатерининскихъ имперіаловъ и полуимперіаловъ и Французскихъ (по тогдашнему народному выраженію) золотыхъ лобанчиковъ и грудами Петровскихъ и Екатерининскихъ цѣлковыхъ и Австрійскихъ талеровъ, освобождаться отъ этихъ тяжелыхъ грузовъ, и потекли эти грузы туда, гдѣ завистливо смотрѣли на богатства Россіи, и зажили мы бойко, весело, укладывая въ карманахъ не тяжелыя ноши золота и серебра, а легкіе бумажные знаки кредитныхъ билетовъ. Народная жизнь увидѣла предъ собою совершенно противоположное явленіе тому, которое ей предсказывали изобрѣтатели высокой единицы: на рынкахъ ничто не подешевѣло, и со временемъ цѣны на всѣ припасы сдѣлались на серебро почти тѣже самыя, какія были на ассигнаціи. По этой причинѣ рабочій трудъ заявилъ требованіе на прибавку жалованья, которая въ силу необходимости была сдѣлана; но черезъ годъ, когда заводчики и фабриканты свели свои счеты, производство ихъ выразилось убыткомъ.

Въ это время не было никакихъ газетъ кромѣ «Сѣверной Пчелы», которая извѣщала о ходѣ Русской жизни только сообщеніями о поѣздкѣ Ѳаддея Булгарина два раза въ годъ на мызу его Карлово близъ Дерпта; слѣдовательно большинство людей могли судить о вредныхъ послѣдствіяхъ серебряной единицы только по разрушительнымъ явленіямъ той мѣстности, въ которой они жили. Въ это время я жилъ въ городѣ Солигаличѣ, на Сѣверѣ Костромской губерніи. Это самая глухая мѣстность, далѣе которой нѣтъ почтоваго тракта, и потому очень естественно, что я не могу дать очертаніе тому разстройству, которое серебряная единица произвела вообще въ Россіи, а поименую только тѣ бѣдствія, какія произошли около Солигалича, именно: находившійся въ гор. Солигаличѣ солеваренный заводъ, принадлежавшій мнѣ въ соучастіи съ моими дядьями, закрылся вслѣдствіе того, что при возвышенномъ для рабочихъ жалованьи солевареніе оказалось убыточнымъ. Сто человѣкъ заводскихъ рабочихъ пошли по міру, и пятьсотъ человѣкъ дровопоставщиковъ и извощиковъ для перевозки соли въ ближайшіе села и города потеряли свои заработки. Въ городѣ Галичѣ и селеніи Шоктѣ закрылись всѣ замшевыя фабрики, получавшія оленью кожу для выдѣлки замши изъ Архангельской губерніи (Мезени и Пинеги); въ Костромѣ закрылись полотняныя фабрики Дурыгиныхъ, Угличаниновыхъ, Солодовниковыхъ, Ашастиныхъ и Стригалёвыхъ; въ Ярославлѣ и Кинешмѣ закрылись извѣст-

ныя салфеточныя фабрики, и вмѣстѣ съ этимъ уничтожился спросъ на лёнъ, оживлявшій сельскій бытъ въ губерніяхъ Ярославской, Вологодской и Костромской.

Если вѣрить тому, что тлетворный вѣтеръ крупной серебряной единицы дулъ изъ Польши, то нельзя не признать, что злоухищренія Польскаго подкопа подъ нашу экономическую жизнь попали въ цѣль и произвели такой взрывъ, отъ котораго мы бѣдствуемъ полвѣка *).

Когда съ прекращеніемъ въ Солигаличѣ завододѣйствія я былъ вытѣсненъ изъ рамки уѣздной жизни въ Петербургъ для пріисканія себѣ откупныхъ занятій и когда я удостоился благорасположенія бывшаго министра финансовъ графа Вронченки, то при разговорѣ съ нимъ о вредныхъ послѣдствіяхъ злополучной единицы я узналъ отъ него, что графъ Канкринъ былъ противъ этой единицы и поручилъ ему, какъ товарищу своему, увѣдомить циркулярно Европейскихъ банкировъ о томъ, что министръ финансовъ не раздѣляетъ пользы и потребности этого нововведенія; но Ѳ. П. Вронченко отказался подписать эти увѣдомленія, находя, что, послѣ утвержденія новой единицы верховною властью, онъ не считаетъ себя въ правѣ разсылать по Европѣ какія-то письма, не одобряющія послѣдовавшаго рѣшенія.

Обращаясь къ Костромскимъ фабрикантамъ, выдѣлывавшимъ парусину для флота и холстъ для войскъ, припоминаю одно печальное, потрясающее обстоятельство. Всѣ фабриканты собрались и поѣхали въ Петербургъ, еще во время министерства графа Канкрина, объяснять свою убыточность и просить выдѣланные на ихъ фабрикахъ парусину и холсты принять въ казну вмѣсто заготовленія таковыхъ въ Англіи, дабы этимъ способомъ ликвидировать свои дѣла безъ банкротства. Просьба не была уважена, и возвратившіеся фабриканты въ ближайшемъ времени всѣ обанкротились, а одинъ изъ старшихъ Дурыгиныхъ (двоюродный мой братъ), который орудовалъ дѣлами своей фирмы, уединясь отъ семьи, вышелъ на крышу своего дома и бросился на мостовую; чрезъ шесть часовъ, послѣ тяжкихъ страданій, онъ умеръ. Послѣ этого страшнаго событія и прекращенія дѣйствій на моемъ солеваренномъ заводѣ, я видѣлъ въ серебряной единицѣ гнѣвъ Божій, наказаніе, превосходящее по убыткамъ, понесеннымъ во всей Россіи, въ нѣсколько разъ тѣ потери, какія причинилъ пожаръ Москвы въ 1812 году. Затѣмъ понятно, что ко всякому

---

*) Князь А. Ѳ. Голицынъ-Прозоровскій передавалъ намъ свое воспоминаніе о томъ, какъ однажды къ матушкѣ его пріѣхалъ прямо изъ Государственнаго Совѣта графъ Литта и торжественно заявилъ: La Russie est ruinée (Россія разорена). На вопросъ, что это значитъ, онъ сообщилъ, что состоялось рѣшеніе ввести серебряную единицу. П. Б.

Петербургскому нововведенію я не могъ иначе относиться, какъ съ боязнію, опасаясь, чтобы послѣдствія нововведенія не разразились опять новыми бѣдствіями. Въ такомъ настроеніи засталъ меня 1840-й годъ, когда совершился новый нижеизлагаемый экономическій провалъ.

Второй провалъ.

Крупная серебряная единица, спровадивъ наши имперіалы и цѣлковые за границу, не замедлила привести насъ къ необходимости дѣлать заграничные займы. Въ эти годы заемъ былъ сдѣланъ, кажется, въ Голландіи на постройку желѣзной дороги между столицами. Вопросъ о дорогѣ предварительно обсуждался въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ всѣхъ министровъ, съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ частныхъ лицъ: графа Бобринскаго, А. В. Абазы и К. И. Кузина. Графъ Канкринъ былъ противъ сооруженія дороги; но никто изъ Русскихъ людей не раздѣлялъ этого мнѣнія, а желали того, чтобы дорога была построена сначала отъ Москвы къ Черному морю, а потомъ уже было бы приступлено къ сооруженію второй линіи между Москвою и Петербургомъ *). Мнѣніе это основывалось на томъ, что Петербургъ можетъ безъ особаго ущерба 5—10 лѣтъ подождать рельсоваго пути къ Москвѣ, будучи соединенъ съ нею для пассажирскаго движенія шоссейнымъ трактомъ, а для товарныхъ грузовъ тремя водяными системами Маріинской, Тихвинской и Вышневолоцкой. Соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ казалось болѣе необходимымъ въ смыслѣ обезпеченія Черноморскихъ береговъ отъ высадки непріятеля и торговыхъ интересовъ, которые представляли большіе грузы при устройствѣ рельсоваго пути черезъ всю хлѣбородную площадь, не имѣющую водяныхъ сообщеній къ Москвѣ и гораздо болѣе населенную, чѣмъ пространство между столицами. На сторонѣ этого мнѣнія были Москва, Харьковъ, Рыбинскъ и самый Петербургъ. Для сообщенія такого взгляда явились къ министру финансовъ первоклассные купцы того времени: И. М. Журавлевъ (Рыбинскій), С. Л. Лепешкинъ (Московскій) и К. Н. Кузинъ (Харьковскій) и другіе. Они разсчитывали на то, что Канкринъ, какъ противникъ сооруженія дороги изъ Петербурга въ Москву, поддержитъ ихъ мнѣніе; но оказалось нѣчто смѣшное. Больной и устарѣвшій

---

*) Покойный графъ К. Ѳ. Толь многократно сообщалъ намъ, что отецъ его (главноуправляющій путями сообщенія) скончался отъ огорченія послѣ того, какъ отвергнута была его записка о необходимости имѣть сначала только одну желѣзную дорогу отъ Москвы до Севастополя и о томъ, что дороги другія, безъ этой, неминуемо разорятъ Россію. Графъ Толь такъ и умеръ, не успѣвъ исполнить своего обѣщанія доставить намъ эту записку, въ которой знаменитый стратегъ пророчилъ, что Европейскія державы непремѣнно попробуютъ отнять у насъ Севастополь. П. Б.

Канкринъ, при всемъ своемъ умѣ, не могъ оцѣнить великаго значенія вышеизложенной мысли и отвѣчалъ имъ, что онъ удивляется, какъ могло придти въ голову предположеніе строить желѣзную дорогу черезъ такую мѣстность, гдѣ на волахъ всякая перевозка дѣлается за самую дешевую цѣну. Послѣдствія показали, сколь великъ былъ промахъ со стороны правительства, не обратившаго вниманія на вышеизложенный взглядъ. Еслибы дорога отъ Москвы къ Черному морю была начата постройкою въ 1841 году, то Россія не почувствовала бы невозможности съ милліономъ лучшаго въ мірѣ своего войска отразить высадившагося около Севастополя непріятеля въ количествѣ 70 тысячъ. Впрочемъ и самой высадки не могло бы быть, когда бы Европа знала, что наши войска по желѣзной дорогѣ, безъ всякаго утомленія, могутъ черезъ нѣсколько дней явиться на берегахъ Чернаго моря. Провалъ этотъ былъ такъ великъ, что въ него провалились Черноморскій флотъ, Севастополь, полмилліона войскъ и сотни милліоновъ рублей. Отсюда получаетъ свое начало порабощеніе финансовыхъ силъ Россіи денежному вліянію иностранныхъ капиталовъ, и какая бухгалтерія возьмется опредѣлить въ цифрахъ общую сумму понесенныхъ Россіею потерь отъ того, что Москва не была прежде С.-Петербурга соединена желѣзною дорогою съ Чернымъ моремъ!

Третій провалъ.

По поводу распространенія бумагопрядилень, ткацкихъ и набивныхъ ситцевыхъ фабрикъ, возникло какое-то дѣлоразсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, кажется, вслѣдствіе представленія въ 1848 г. гр. Закревскаго, желавшаго уменьшить число фабрикъ въ Москвѣ, въ видахъ освобожденія города отъ зловонія. Пользуясь благорасположеніемъ министра финансовъ графа Вронченки, я дозволилъ себѣ выяснить весь вредъ, наносимый этими фабриками крестьянскому сельскому хозяйству и торговому балансу Россіи. Вредъ этотъ состоялъ въ томъ, что Русскій крестьянинъ сталъ носить ситцевыя рубашки, а крестьянки ситцевые сарафаны и платья, и такимъ образомъ все Русское наро донаселеніе сдѣлалось данникомъ Америки, по платежу денегъ за хлопокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другая часть народонаселенія, занимавшаяся посѣвомъ льна въ губерніяхъ Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Псковской и Витебской, потеряла возможность сбыта его. Выяснивъ все это, я просилъ графа Вронченку защитить наши льняные посѣвы и льноткачество отъ замѣны льна хлопкомъ. Послѣ этого разговора, я отлучился изъ Петербурга въ разныя губерніи на продолжительное время, и когда возвратился въ Петербургъ, то возобновилъ мой разговоръ о защитѣ льнянаго производства. Графъ

мнѣ сказалъ, что Государственный Совѣтъ для льнопрядильщиковъ далъ такія льготы, какихъ не имѣютъ бумагопрядильни, а именно: далъ право каждой вновь возникающей льнопрядильнѣ получать безплатно отводъ 100 десятинъ казенной земли и быть 1-й гильдіи купцомъ безъ платежа по гильдейскимъ свидѣтельствамъ. Разумѣется, это гомеопатическое пособіе никакого вліянія на развитіе дѣла не имѣло, такъ какъ на устройство льнопрядильни нужно, по крайней мѣрѣ, милліонъ рублей, который и долженъ быть огражденъ тарифомъ на хлопокъ, а не пожертвованіемъ 100 десятинъ земли, стоющихъ, положимъ, въ Псковской губерніи 1000 рублей, и не облегченіемъ платежа гильдейскихъ податей, составлявшихъ тогда 200 рублей въ годъ. Послѣ 1848 года до 1878 года, т. е. въ теченіи 30 лѣтъ, не было никакого тарифа на хлопокъ въ сырцѣ. Россія, въ теченіи этихъ 30 лѣтъ, заплатила за хлопокъ, по крайней мѣрѣ, милліардъ рублей и, нарядивъ всѣхъ въ ситцевыя одежды, уничтожила огромную отрасль промышленности, существовавшую во всѣхъ деревняхъ при окраскѣ холста въ синій цвѣтъ кубовою краскою съ набойкою по ней ручнымъ способомъ разныхъ узоровъ. Теперь, на каждомъ крестьянинѣ, на каждомъ фабричномъ и рабочемъ труженикѣ вы видите въ его весьма непрочной ситцевой рубахѣ вывѣску плательщика подати въ пользу Америки. Въ послѣднее время явилась и другая подать въ пользу Германіи,—это пошлина на ввозимый туда Русскій хлѣбъ, составляющая до 2 рубл. на четверть, т. е. гораздо болѣе того, что̀ можетъ получить въ лучшій годъ отъ хлѣба сельскій хозяинъ или купецъ, торгующій хлѣбомъ. Такимъ образомъ, легла иностранная подать на плечи рабочаго въ видѣ одежды и на мускулы пахаря въ видѣ пошлины за право провоза хлѣба за границу. Отсюда является самъ собою такой выводъ, что самостоятельной Россіи въ смыслѣ экономическомъ нѣтъ, и вмѣсто нея существуетъ Европейско-американская Русская колонія, обложенная веригами налоговъ въ пользу иностранцевъ. Существующій нынѣ тарифъ на хлопокъ установленъ съ 1878 года и составляетъ, кажется, только 40 коп. съ пуда; если бы этотъ тарифъ былъ удесятеренъ, тогда бы посѣвы льна и употребленіе на носильное платье прочной льняной ткани получили бы преобладаніе надъ бумажною тканью *).

Четвертый провалъ.

Хотя вышеизложенные три провала значительно поколебали крѣпость Русскихъ финансовъ, но Европейская экономическая интрига

*) Екатерина Вторая говаривала, что Россія должна одѣвать всю Европу изъ своего льна. П. Б.

устремилась еще на новый пунктъ сокрушенія нашей внутренней экономической силы. Начинаю рѣчь о Кяхтѣ, этомъ размѣнномъ пунктѣ, въ которомъ Китайскіе чаи размѣнивались на Сибирскіе мѣха и произведенія Московскихъ и Владимірскихъ фабрикъ, какъ-то: суконныхъ, плисовыхъ, парчевыхъ и тюлевыхъ. Намъ почему-то вздумалось въ 1849 г. уничтожить размѣнную торговлю, основанную Петромъ I-мъ и укрѣпленную Екатериною II, допущеніемъ покупки въ Кяхтѣ чая на золото и серебро.

Вскорѣ послѣ этого былъ разрѣшенъ ввозъ Китайскаго чая по всѣмъ заграничнымъ западнымъ таможнямъ и въ портахъ морей Балтійскаго и Чернаго. Съ введеніемъ этого узаконенія, приготовленіе въ Россіи разныхъ тканей для Китая прекратилось, и намъ пришлось платить Европейской торговлѣ за чай десятки милліоновъ рублей въ годъ, не говоря уже о тѣхъ потеряхъ, какія понесъ Сибирскій край, на разстояніи болѣе 10,000 верстъ отъ Кяхты до Москвы, отъ сокращенія перевозочнаго движенія. И такимъ образомъ по потребленію чая всѣ мы сдѣлались данниками чуждыхъ странъ. Когда приготовлялись порѣшить размѣнную торговлю въ Кяхтѣ и отворить всѣ таможни для пропуска чая по западной границѣ, тогда стали являться въ С.-Петербургъ изъ Москвы, какъ Кяхтинскіе торговцы, такъ и фабриканты, работавшіе для Китая, и умолять, въ видахъ общей и государственной пользы, оставить дѣло при старомъ порядкѣ; но золото Англіи, какъ гласила тогда народная молва, превозмогло, и потому интересы государственнаго торговаго баланса, Сибирскаго тракта, Московскихъ фабрикъ и вообще всего Русскаго народа съ его потомствомъ были принесены въ жертву интересамъ чужестраннымъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, что, послѣ четырехъ проваловъ, потребность во внѣшнихъ займахъ усилилась, и курсъ нашего бумажнаго рубля пришелъ въ колебаніе.

Пятый провалъ.

Изъ четырехъ проваловъ три оказали самое губительное дѣйствіе на состояніе финансовъ: крупная единица въ видѣ серебрянаго рубля, распространеніе бумагопрядильныхъ фабрикъ безъ обложенія пошлиной хлопка, съ происшедшимъ отъ того угнетеніемъ льнянаго народнаго промысла, и отмѣна мѣновой торговли въ Кяхтѣ, съ допущеніемъ привоза чая по западной границѣ. Мы употребили выраженіе, что серебрянная единица была введена только въ видѣ серебрянаго рубля, потому что въ народномъ обращеніи этого рубля нигдѣ не оказалось черезъ 3—5 лѣтъ послѣ манифеста 1-го Іюля 1839 года, и цѣлыя поколѣнія народились и сошли въ могилу, не видавъ ни разу монеты, хотя жизнь ихъ шла по бумажной перепискѣ на какой-то серебряный рубль. Слѣды этой фальши существуютъ и донынѣ въ нашихъ мѣд-

ныхъ деньгахъ, на которыхъ сказано *пять копѣекъ серебромъ*, *три копѣйки серебромъ* и т. д. Археологи будущихъ столѣтій получатъ полное право считать наше время до того невѣжественнымъ, что мы даже мѣдь признавали за серебро.

Между тѣмъ, какъ приближалось къ намъ финансовое разстройство, мы въ 1849 и 1850 годахъ сводили денежные и политическіе счеты послѣ Венгерской кампаніи и въ томъ и въ другомъ значеніи получили весьма скорбные выводы. Затѣмъ въ 1851 году праздновали открытіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и 25лѣтній юбилей царствованія императора Николая I-го. Въ это время носились слухи, что заемъ, сдѣланный для сооруженія Николаевской дороги, поглощенъ расходами Венгерской войны, и что это привело къ необходимости, для окончанія желѣзнодорожныхъ разсчетовъ, сдѣлать экстренный выпускъ кредитныхъ билетовъ. Хотя эти билеты, при обезпеченіи ихъ всѣмъ достояніемъ государства, было обязательно для правительства размѣнивать на монету всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя этого размѣна потребуютъ, но для болѣе еще твердой цѣнности этихъ билетовъ былъ изданъ Высочайшій указъ о томъ, что выпускъ кредитныхъ билетовъ не иначе можетъ быть производимъ, какъ съ обезпеченіемъ ихъ на $^1/_6$ часть золотомъ или серебромъ. Среди такихъ шаткихъ финансовыхъ обстоятельствъ, въ Европѣ сталъ возникать вопросъ о томъ, можно ли цѣнить Русскій бумажный рубль въ его полной нарицательной стоимости, и одно возникновеніе этого вопроса произвело то, что всѣ займы, предшествовавшіе Крымской войнѣ, пришлось дѣлать по уменьшенному курсу. При такихъ условіяхъ приближались къ намъ ужасныя послѣдствія втораго провала, исходившія изъ того, что рельсовые пути не были положены отъ Москвы къ Черному морю прежде соединенія ими нашихъ столицъ.

Въ 1853 году послѣдовала высадка Англо-французскихъ, Сардинскихъ и Турецкихъ войскъ на южный берегъ Крыма. Всѣмъ извѣстны неудачи и послѣдствія войны, описаніе которыхъ не можетъ входить въ составъ моей повѣсти; но я скажу лишь то, что̀ относится до финансовыхъ очерковъ того времени. Все перепуталось и потеряло свои основы, такъ что указъ объ обезпеченіи кредитныхъ билетовъ $^1/_6$ частью монеты остался мертвою буквою. Война кончилась, Русская грудь засвидѣтельствовала передъ всей Европой свою непобѣдимость, а финансовое состояніе оказалось въ полномъ безсиліи и даже въ неизлѣчимыхъ язвахъ. Въ это время, послѣ Парижскаго мира, мы сознали необходимость покрыть Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ и начали съ того, что народное дѣло сооруженія дорогъ предоставили въ руки Французовъ, нашихъ, такъ сказать, вчерашнихъ враговъ, и на Русской землѣ, во время коронаціи Александра II-го, появился Пер-

рейра съ толпою булочниковъ, парикмахеровъ, башмачниковъ и т. д., называвшихъ себя опытными инженерами. Составленное подъ руководствомъ этихъ лицъ общество получило названіе Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и въ кругъ его дѣятельности входили четыре линіи: 1-я отъ Петербурга до Варшавы, 2-я отъ Москвы къ Черному морю до Ѳеодосіи, 3-я отъ Курска до Либавы и 4-я отъ Москвы до Нижняго-Новгорода. Нѣсколько патріотическихъ лицъ изъ среды купечества, испуганныхъ вторженіемъ Французовъ въ дѣло Русскаго народнаго труда и предвидѣвшихъ, что Россія снова попадается въ ловушку иностранной экономической интриги, обратились съ разъясненіемъ своихъ опасеній къ графу Закревскому, пригласивъ и меня къ участію въ ихъ совѣщаніяхъ. Графъ выразилъ полное сочувствіе къ нашимъ словамъ и добавилъ отъ себя: «Зачѣмъ намъ прибѣгать къ какимъ-то иностраннымъ капиталамъ, когда у насъ есть все нужное для постройки дорогъ дома: желѣзо на Уралѣ, лѣсъ, песокъ и щебенка повсюду, съ массою рукъ, ожидающихъ работы во всѣхъ деревняхъ? Поѣзжайте къ Чевкину дня черезъ три, а я его увижу и предупрежу о вашемъ посѣщеніи». Мы рѣшили, что ѣхать цѣлой гурьбой неудобно, а лучше кому-либо одному, дабы можно было говорить прямѣе и свободнѣе. Выборъ палъ на извѣстное Чевкину лицо Торлецкаго, который былъ очень хорошо знакомъ и съ А. П. Ермоловымъ и просилъ его предварительно переговорить съ Чевкинымъ, назначеннымъ уже за нѣсколько мѣсяцевъ до коронаціи главноуправляющимъ путей сообщенія, вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ очень любезно принялъ Торлецкаго, внимательно выслушалъ и сказалъ: «Ничего не могу сдѣлать, мой миленькій (обычная поговорка Чевкина), потому что дѣло съ Французами слажено и условлено въ Парижѣ княземъ Орловымъ, во время заключенія мира. Нахожу возможнымъ хлопотать только объ одномъ, чтобы правленіе желѣзныхъ дорогъ было не въ Парижѣ, какъ было предположено, а въ Россіи». Этого послѣдняго результата Чевкинъ достигъ года черезъ два, но не даромъ, а по случаю выдачи какихъ-то многомилліонныхъ ссудъ Главному Обществу, выторговавъ у него измѣненіе въ уставѣ о переводѣ правленія изъ Парижа въ Петербургъ.

Величайшею ошибкою со стороны нашей было то, что Главному Обществу назначили строить сначала желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Варшаву, вмѣсто направленія изъ Москвы въ Ѳеодосію. Петербурго-Варшавская линія, какъ пролегающая по мѣстностямъ малонаселеннымъ и неимѣющимъ на двѣ трети своего протяженія ни хлѣбородной почвы, ни фабричнаго и заводскаго производства, не могла представить такой дѣятельности по движенію пассажировъ и товаровъ,

которая бы покрывала расходы эксплоатаціи, не говоря уже о гарантіи. Правительство нашлось въ необходимости нѣсколько разъ выдавать Главному Обществу милліонныя денежныя ссуды, и когда это Общество заявило свою несостоятельность въ дальнѣйшемъ сооруженіи дорогъ и уплатѣ лежащихъ на немъ долговъ, тогда оно (конечно, въ силу политическихъ вліяній Наполеона III-го) не было признано банкротомъ и оставлено при полныхъ своихъ правахъ хозяиномъ двухъ линій: Варшавской и Нижегородской, съ отсрочкою взысканія накопившагося на немъ долга болѣе 50 милліоновъ, каковой долгъ въ послѣдствіи возросъ и до настоящаго времени остается неуплаченнымъ. Въ послѣдствіи, черезъ 10 лѣтъ, это неисправное общество получило отъ правительства, какъ бы въ награду за свои злоухищренія и несостоятельность, первую по доходности въ Европѣ Николаевскую желѣзную дорогу, причемъ въ бывшемъ въ то время ходатайствѣ 92-хъ лицъ изъ первыхъ Русскихъ торговыхъ домовъ о передачѣ имъ Николаевской дороги было имъ отказано.

Обращаясь къ предъидущему, надобно сказать, что главная бѣда состояла еще не въ томъ, что Французское общество задолжало намъ десятки милліоновъ, а въ ошибкѣ нашей разрѣшить обществу строить Варшавскую желѣзную дорогу прежде Московско-Ѳеодосійской. Эта послѣдняя не только окупила бы расходы эксплоатаціи, но и платежи процентовъ по облигаціямъ, какъ это уже доказано на опытѣ результатами замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ, и таковая выгодность породила бы въ Европѣ довѣріе къ Русскимъ желѣзнодорожнымъ бумагамъ, слѣдовательно и стремленіе къ пріобрѣтенію ихъ по выгодному для насъ курсу. Напротивъ того, возвратившіеся за границу, по случаю несостоятельности Главнаго Общества и уменьшенія его дѣятельности, бывшіе его второстепенные инженеры: парикмахеры, булочники и башмачники, вездѣ распространили молву о неспособности Русскихъ желѣзныхъ дорогъ приносить доходъ. Послѣдствія этихъ слуховъ, равно какъ и очевидные факты, что дороги Главнаго Общества не прекратили своего движенія потому только, что ихъ поддерживало наше правительство денежными средствами, привело къ значительному пониженію цѣнности гарантированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій, которыя намъ, при дальнѣйшемъ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, пришлось продавать за границей по 66-ти за 100. Но позднѣе, когда замосковныя дороги (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) убѣдили въ своей доходности, дальнѣйшая реализація облигацій, постепенно возвышаясь, достигла 93-хъ за 100. Отсюда очевидно, что еслибы Европа убѣдилась въ доходности замосковныхъ желѣзныхъ дорогъ прежде сооруженія Варшавской линіи, тогда всѣ наши желѣзно-

дорожныя бумаги были бы реализованы на 25% выше состоявшейся реализаціи, что сократило бы нашу задолженность на сотни милліоновъ, а народъ избавило бы отъ платежа излишнихъ процентовъ, которые, въ концѣ-концовъ (какъ бы хитро ни были подтасованы цифры бюджетовъ) всегда приходится оплачивать народу своими потовыми трудами, по случаю неизбѣжно порождаемыхъ займами новыхъ налоговъ.

Шестой провалъ.

Вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра Николаевича, былъ назначенъ, вмѣсто П. Ф. Брока, министромъ финансовъ А. М. Княжевичъ. Во время его министерства подготовлялось освобожденіе крестьянъ съ предшествовавшимъ этому великому, достославному и свѣтлому дѣлу весьма мрачнымъ событіемъ—уничтоженіемъ опекунскихъ совѣтовъ, отчего земледѣліе и землевладѣніе остались безъ всякихъ пособій кредита, брошенные на произволъ судьбы, или, иначе говоря, отданные во власть ростовщикамъ. Давнымъ давно зная А. М. Княжевича за человѣка исполненнаго самыхъ лучшихъ сердечныхъ стремленій, мнѣ много разъ приходилось бесѣдовать съ нимъ о невозможности оставлять земельныя хозяйства безъ кредитныхъ учрежденій, въ какое бы то ни было время, а тѣмъ болѣе въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда отъ земли отнимается у дворянскихъ имѣній даровой трудъ, а для найма рабочихъ и пріобрѣтенія новѣйшихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ нужны деньги. Раздѣляя этотъ взглядъ, А. М. Княжевичъ выразился такъ: «ничего не подѣлаешь съ *ними*; *они* такъ хотятъ, чтобы всякая дѣятельность становилась на свои ноги и никакой уступки въ этомъ не сдѣлаютъ».—«Но позвольте возразить: развѣ возможно, чтобъ новорожденный ребенокъ—наше сельское хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ, могъ сразу встать на ноги безъ всякаго о немъ попеченія? И кто же эти *они*, очевидно желающіе искалѣчить Русскую сельскую жизнь?» Тутъ я впервые узналъ, что *они*—люди новыхъ воззрѣній, составившіе изъ 5—6 человѣкъ кружокъ, стремящійся въ кабинеты высокопоставленныхъ лицъ и салоны высокознатныхъ барынь для распространенія въ нихъ своихъ взглядовъ, дабы потомъ, мало-по-малу, расширяя свой кругъ, забрать въ свои руки направленіе правительственной власти. Еще позднѣе я узналъ, кто именно эти *они* и, убѣдился въ томъ, что это все люди по большей части честные, благонамѣренные и бредившіе объ экономической равноправности, но безъ всякаго пониманія нуждъ и потребностей Русской жизни. Эти *они* проповѣ-

дывали намъ въ тарифныхъ коммисіяхъ пониженіе цѣны на пошлину съ кофе, потому что кофе разовьетъ мозговыя силы крестьянина, и требовали такого же пониженія на пикули и капорцы, какъ приправы, могущія дать вкусъ грубой крестьянской пищѣ. Сколько тутъ добросердечія, смѣшаннаго съ полнымъ невѣдѣніемъ деревенской жизни!

Но *они*, блистая книжнымъ чужеземнымъ знаніемъ, пріобрѣли такое значеніе, что ихъ стали собирать на дворцовые вечера и признавать за свѣжую силу, способную обновить общій строй высшаго управленія. *Они* не замедлили поступать на мѣста въ тѣхъ кабинетахъ и комитетахъ, откуда проистекаетъ дѣйствіе власти. Въ это время *они* усидчиво работали по сочиненію новыхъ законопроектовъ, приводя механизмъ самобичеванія въ непрерывное дѣйствіе, но всегда подъ вѣяніемъ человѣколюбиваго попеченія о благѣ народномъ. Еслибъ эти *они* имѣли Русскую жилку, то конечно, при ихъ трудолюбіи и настойчивости, изъ нихъ образовались бы полезнѣйшіе для отечества дѣятели. Прибавимъ то, что *они* никого не думали надувать; *они* даже очистили свой кружокъ отъ такихъ лицъ, которые хотѣли изъ служебной дѣятельности извлекать свои выгоды; но въ тоже время *они*, стремясь все переиначить и передѣлать по новому, изгоняли изъ службы всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не принадлежали къ ихъ воззрѣніямъ, какую бы ни имѣли эти лица опытность въ дѣлахъ. Этимъ самымъ *они* лишили себя возможности прислушиваться къ требованіямъ жизни и указаніямъ опыта, и отсюда произошло то, что *своя своихъ не познаша*, и земледѣльческая жизнь стала задыхаться отъ безпросыпнаго пьянства и безкредитнаго удушья.

Въ 1868 году появились земельные банки съ самыми угнетательными для земледѣлія уставами. Появленіе этихъ банковъ было чуждо вчинанія со стороны правительства; оно возникало изъ корыстныхъ видовъ учредителей банковъ. Приниженные, угнетенные и придушенные безденежьемъ помѣщики протянули руки за пособіемъ въ эти банки (которые народъ называлъ *мышеловками*) и обязались платить такіе проценты, какихъ сельскіе доходы отъ овса, сѣна и т. под. никогда не могутъ дать. Кромѣ того значительная часть займовъ была сдѣлана на металлическую валюту, которая подлежитъ колебаніямъ отъ политическихъ и другихъ событій, не зависящихъ отъ заемщиковъ, привлеченныхъ по своимъ займамъ къ обязанности оплачивать всѣ потери, порождаемыя биржевымъ курсомъ. Этотъ экономическій провалъ, пришедшій къ намъ не отъ внѣшнихъ уже враговъ, а отъ насъ самихъ, изображалъ жестокое самобичеваніе. Большинство помѣщиковъ бросили свои усадь-

бы, семейства ихъ пошли скитаться куда попало, и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ процвѣтала тихая семейная жизнь, образовались безлюдныя развалины съ характеромъ мрака и отчаянія. Но будущее сулило еще дальнѣйшіе провалы, потому что благонамѣренные *они*, о которыхъ, вѣроятно, со временемъ будутъ написаны цѣлые томы съ выразительными портретами, подготовляли для Русской жизни новыя преобразованія.

Седьмой провалъ.

Въ 1861 г. началось министерство (финансовъ) М. Х. Рейтерна, о которомъ сохранится навсегда доброе и благодарное воспоминаніе за устройство желѣзныхъ дорогъ, за развитіе внутренняго кредита посредствомъ образованія комерческихъ банковъ и за выкупную операцію при освобожденіи крестьянъ, совершенную при существовавшихъ финансовыхъ затрудненіяхъ безъ особыхъ потрясеній въ кредитныхъ оборотахъ. Кромѣ этого есть еще и другое важное историческое воспоминаніе о незабвенной услугѣ М. Х. Рейтерна, оказанной имъ Русской внутренней жизни во время послѣдней Восточной войны. Когда мы сидѣли подъ Плевною и сокрушались о военныхъ неудачахъ, промышленная жизнь Россіи шла покойно, безъ всякихъ потрясеній и частныхъ банкротствъ, такъ что Европа была изумлена тѣмъ, какъ здорово и крѣпко Русское нутро. Окажись въ этомъ нутрѣ слабость и колебаніе во время войны, наша скорбь удесятерилась бы, а враги наши сказали бы, что внутренняя сила Россіи уже подорвана и не можетъ пережить ударовъ войны. Ничего подобнаго не случилось, потому что Рейтернъ всякому полезному дѣлу, нуждающемуся въ поддержкѣ, помогалъ денежными ссудами, дабы не уронить духа и живительности народной промышленности. Въ постройкѣ дорогъ въ Рейтернѣ обнаружился финансовый техникъ, а въ поддержаніи торговли въ нужное и тяжелое время—попечительный хозяинъ, умѣвшій смотрѣть прямо въ глаза труднымъ обстоятельствамъ и въ силу этихъ обстоятельствъ умѣвшій сразу отрѣшиться отъ прежнихъ взглядовъ, встрѣчающихъ во всемъ форменныя препятствія. Нельзя пройдти молчаніемъ и того памятнаго обстоятельства, какъ была спасена М. Х. Рейтерномъ Волга, по всему ея протяженію, со всѣми своими притоками, отъ порабощенія ея въ крѣпостное владѣніе какого-то Эпштейна, подладившаго уже это порабощеніе въ другихъ вѣдомствахъ въ свою пользу.

Послѣ того какъ мы обозначили свѣтлыя стороны дѣятельности Рейтерна, перейдемъ къ тому, что̀ выражается пословицей: и въ солнцѣ есть пятна. Построенныя въ это время желѣзныя дороги обошлись очень дорого отъ невыгодной реализаціи за границей желѣзно-

дорожныхъ бумагъ; но это надобно отнести къ винѣ предъидущаго времени, т. е. къ началу сооруженія Варшавской дороги прежде замосковныхъ дорогъ. Эта невыгодность могла бы быть значительно уменьшена, если бы прежде приступа къ сооруженію дорогъ были устроены рельсовые, локомотивные, вагонные и другіе заводы для всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, и тогда бы къ намъ дѣйствительно влились иноземные капиталы, мы бы продавали сто за сто бумаги (акціи и облигаціи) готовыхъ уже дорогъ, сооружаемыхъ постепенно одна послѣ другой, и получали бы за нихъ золото; а вышло то, что въ дѣйствительности къ намъ никакихъ капиталовъ не попало, нашъ государственный вексель (облигація съ 5% гарантіей) брали со скидкою 30% съ рубля, а намъ платили за него рельсами, локомотивами, вагонами и т. п. съ накидкою, вѣроятно, 20% на рубль. Само дѣло указывало, что надобно было спѣшить устройствомъ горной Уральской дороги, чтобы получать оттуда рельсы, желѣзные мосты и прочее; а мы, эту дорогу, отложивъ на самый конецъ, покрывали (о, ужасъ!) рельсами и желѣзными мостами, привозимыми изъ Англіи. На это остается сказать одно: Наполеонъ III, сидя въ Гамской тюрьмѣ, написалъ въ своихъ запискахъ, что вводимыя въ народную жизнь ложныя экономическія воззрѣнія дѣйствуютъ сильнѣе баррикадъ на разрушеніе самыхъ гранитныхъ монархій въ мірѣ.

Но въ это время, когда мы выписывали изъ-за границы всѣ желѣзнодорожныя принадлежности, частная предпріимчивость съ упорнымъ трудомъ образовала нѣсколько желѣзнодѣлательныхъ заводовъ (Струве, Полетика, Мальцовъ, Ухтомскій, Губонинъ и др.), не встрѣтившихъ того правительственнаго поощренія, которое могло бы укрѣпить ихъ, по примѣру Берлинскаго завода Борзига, доведеннаго до громадной широты въ своихъ дѣйствіяхъ посредствомъ сознанія правительствомъ въ этомъ заводѣ государственной силы.

Обращаясь къ исторіи сооруженія Русскихъ желѣзныхъ дорогъ, мы видимъ поразительное явленіе. Англичане получили предварительныя концессіи на дороги: Орловско-Витебскую до 100 тыс. и на Московско-Севастопольскую по 105 тыс. металлическихъ за версту съ 5% гарантіей правительства; но по обѣимъ дорогамъ, черезъ годъ, отказались отъ исполненія за невозможностію собрать акціонерный капиталъ, не смотря на то, что въ Севастополѣ, въ придачу къ ужасной цѣнности дороги, имъ предоставлялось, кажется, на 25 лѣтъ, право учредить порто-франко. Люди Русскіе! Возрадуйтесь этому отказу и возблагодарите милосердіе Божіе, отвращающее отъ насъ грѣшныхъ бѣды и напасти.

М. Х. Рейтернъ нашелъ возможность, посредствомъ П. І. Губонина, построить желѣзную дорогу отъ Орла до Витебска и потомъ посредствомъ С. С. Полякова и того же Губонина отъ Курска до Севастополя почти на половину дешевле Англійскихъ цѣнъ и безъ всякаго порто-франко. Возможность эта явилась оттого, что, не стѣсняясь статьями Свода Законовъ, сочиненными прежде всякой мысли о желѣзныхъ дорогахъ и требовавшими сначала взноса акціонернаго капитала, а потомъ уже допускавшими займы по облигаціямъ, были эти статьи повернуты однимъ концомъ кверху, другимъ книзу, т.-е. сперва занимать по облигаціямъ, а потомъ приступать къ выпуску акцій. А такъ какъ оказалось возможнымъ построить многія дороги на одинъ лишь облигаціонный капиталъ, то акціи остались, вполнѣ или частію, въ рукахъ учредителей въ видѣ награды за ихъ трудъ; а мы, жители Русской земли, сѣли въ вагоны и поѣхали, преисполненные благодарности за освобожденіе насъ отъ прежней мучительной ѣзды въ почтовыхъ телѣгахъ. Говорятъ, что мысль этого простаго переворота производить прежде выпускъ облигацій, а не акцій, принадлежитъ А. И. Колемину и П. Г. Фонъ-Дервизу; но какъ мысль эта введена въ дѣйствіе Рейтерномъ, то ее и надо признать его собственностію: потому что никакой министръ не имѣетъ времени и обязанности выдумывать новые пріемы для осуществленія разныхъ начинаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ только тотъ министръ можетъ что-либо созидать, который не душитъ заявленныхъ ему полезныхъ мыслей справками въ старыхъ законахъ, потерявшихъ уже свое значеніе по приложеніи ихъ къ новымъ дѣламъ и который не ставитъ себя въ рамки раболѣпнаго служенія губительному и мертвящему формализму.

Восьмой провалъ.

Многіе относятъ къ крупной ошибкѣ М. Х. Рейтерна акцизную систему съ вина, составленную безъ всякаго согласованія съ интересами земледѣлія; но это не вѣрно, потому что систему акциза измыслили и создали *они*, навязавъ ее Россіи къ исполненію, съ замѣчательно гордою самоувѣренностію въ ея достоинствѣ, безъ предварительнаго совѣщанія съ извѣстными земледѣльческими хозяевами. Вредныя послѣдствія этого самобичеванія выразились въ слѣдующемъ.

Мы видѣли, что въ экономической жизни Россіи пошатнулись три главные устоя: денежный курсъ, народный кредитъ и сельское хозяйство. Шаткость этихъ устоевъ искривила все зданіе, по всѣмъ его линіямъ. Вдобавокъ къ этимъ бѣдствіямъ, съ введеніемъ акцизной системы, явилось право безграничнаго увеличенія кабаковъ, отчего,

въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ, болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ пропили всѣ принадлежности своего хозяйства и остались безъ лошадей и коровъ. Подтвержденіемъ этой горькой истины служатъ подворныя описи, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и обнаружившія, что въ лучшихъ уѣздахъ Рязанской губерніи у $^{1}/_{6}$ части населенія не оказалось ни скота, ни молока для дѣтей. Введеніе однообразной акцизной системы для сбора дохода съ винокуренія перемѣстило винокуренное производство на черноземную почву; а это перемѣщеніе, уменьшивъ число сельско-хозяйственныхъ винокурень въ сѣверныхъ губерніяхъ, повело сельское хозяйство на Сѣверѣ къ уменьшенію скота, а землю къ лишенію удобренія. Далѣе, не только сѣверныя винокурни, но и южныя оказались подавленными вліяніемъ вновь возникшихъ громадныхъ винокуренныхъ заводовъ, имѣющихъ характеръ спекулятивно-промышленный. Результатъ вышелъ самый плачевный: тысячи помѣщичьихъ усадебъ разрушились, полевыя земли за неимѣніемъ удобренія остались невспаханными, а владѣльцы имѣній, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по бѣлу свѣту. Всѣ эти печальныя послѣдствія могли бы не существовать, еслибы съ уничтоженіемъ откуповъ винокуреніе было какъ можно болѣе размельчено, и тогда при каждой винокурнѣ находился бы техникъ-слесарь, способный для установки и починки земледѣльческихъ орудій и машинъ, введеніе которыхъ безъ средствъ къ ремонту оказалось неприложимымъ къ дѣлу.

Въ настоящее время, народная жизнь находится въ самой гнетущей истомѣ отъ ожиданія путеводныхъ указаній. Вновь созданные земельные банки—дворянскій и крестьянскій—неоспоримо будутъ нѣсколько полезны для тѣхъ дворянъ и крестьянъ, у которыхъ имѣются нѣкоторыя средства къ жизни; но они были бы вполнѣ полезны при взиманіи самыхъ уменьшенныхъ процентовъ, не болѣе трехъ годовыхъ. Впрочемъ никакіе банки не могутъ уже пособить ни тому крестьянину, который все пропилъ, и ни тому мелкопомѣстному помѣщику, который всѣ выкупныя свидѣтельства израсходовалъ на потребности домашней жизни. Быть-можетъ, эти слова покажутся преувеличенными и невѣроятными, но правдивость ихъ подтверждается массой безпомощныхъ людей, которые стучатъ въ двери своихъ сосѣдей, могущихъ имъ что-либо дать. Иные говорятъ: если пропился какой-нибудь мужикъ, то и погибай за свою вину. Но такъ какъ пропились два милліона, теперь пропивается третій, а за нимъ пойдетъ четвертый, то уже тутъ нельзя махнуть рукой. Спасая пропившихся, мы спасаемъ себя, спасаемъ общій порядокъ.

Въ настоящихъ очеркахъ я вовсе не намѣренъ излагать проектъ питейнаго сбора, и скажу лишь только то, что будущая система должна

обновить помѣщичье хозяйство сооруженіемъ новыхъ мелкихъ винокурень и изобразить картину, представляющую стада коровъ, пьющихъ винокуренную барду, поля съ массою удобренія, дѣтей съ горшкомъ молока и мясное варево на крестьянскомъ столѣ; словомъ, у всѣхъ трезвыя и веселыя лица, кромѣ кабатчиковъ, огорченныхъ принятыми къ сокращенію пьянства мѣрами.

Мы всегда и во всемъ стремимся подражать Европѣ; но непонятно, почему въ винокуренномъ производствѣ мы не хотимъ послѣдовать примѣру Германіи, въ которой для поддержки мѣстнаго винокуренія взиманіе акциза съ вина имѣетъ различныя правила и размѣры, соглашенные съ условіями почвы. Отъ этого въ Германіи на 45 милліоновъ жителей болѣе 15 тысячъ винокурень, а въ Россіи на 90 милліоновъ только 3 тысячи, изъ которыхъ $^3/_4$ находятся на черноземной почвѣ, не требующей удобренія. Исключеніе изъ этого положенія составляетъ Остзейскій край, который, какъ не входившій въ черту откупной монополіи, угнетавшей винокуреніе, имѣлъ возможность за полстолѣтіе до введенія акцизной системы обзавестись мелкими винокурнями и потомъ, при посредствѣ ихъ, образовать громадные картофельные посѣвы. Полезныя послѣдствія мелкихъ винокурень очевидны изъ слѣдующихъ сравнительныхъ цифръ: Эстляндія имѣетъ 143 завода, съ производствомъ $3^1/_2$ милліоновъ ведеръ вина (40°), а Петербургская и Новгородская губерніи 20 заводовъ, съ производствомъ 340,000 ведеръ. Эстляндія получаетъ для винокуренія съ своихъ полей картофеля ежегодно $7^1/_2$ милліоновъ пудовъ, а губерніи Петербургская и Новгородская только 160,000 пудовъ. Эстляндія, при населеніи въ 350,000, по размѣру своего винокуренія можетъ выкормить бардою ежегодно 35,000 быковъ; Петербургская только 90, а Новгородская 2,400 головъ, при двухмилліонномъ населеніи этихъ губерній, кромѣ С.-Петербурга! Вслѣдствіе этого Остзейскій край, за полнымъ удовлетвореніемъ себя мяснымъ продовольствіемъ, доставляетъ ежегодно на Петербургскій скотопригонный дворъ до 10,000 быковъ, а сельское населеніе губерній Петербургской, Новгородской и проч. едва можетъ имѣть отъ собственнаго хозяйства мясную пищу въ дни разговѣнія *). Здѣсь нельзя не замѣтить, что во всѣхъ вопросахъ по займамъ и биржевымъ курсамъ мы руководимся указаніями заграничныхъ мудрецовъ, не проявляя никакой своей мысли; въ дѣлѣ же сельскохозяйственномъ,

---

*) Цифры заимствованы изъ „Ежегодника Министерства Финансовъ“, выпускъ X, изъ „Берлинскаго Вѣстника о спиртовой промышленности“ и изъ „Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы“

на оборотъ, мы не хотимъ пользоваться полезными примѣрами Германіи. Дѣло ясно: по займамъ и курсамъ являются изъ-за границы ловкіе проводники, а у сельскаго хозяйства ихъ нѣтъ по совершенному отсутствію всякой въ томъ, со стороны Германіи, надобности.

Окончимъ настоящій провалъ такимъ заключеніемъ: теченіе народной жизни не можетъ быть направлено на путь спокойствія и благоденствія *никакими иными мѣрами*, кромѣ полнаго и вѣрнаго согласованія экономическихъ законоположеній съ нуждами и потребностями народа. Согласованіе это можно считать достигнутымъ только въ томъ случаѣ, если новыя законоположенія о винокуреніи и продажѣ вина доставятъ каждой усадьбѣ и каждой крестьянской избѣ, въ особенности въ 15 сѣверныхъ губерніяхъ, возможность имѣть сытный обѣдъ отъ плодородія своей земли и отъ мяса своего собственнаго скота. Все то, что̀ не идетъ прямо къ этой простой цѣли, идетъ противъ удовлетворенія насущныхъ потребностей Русской жизни.

Девятый провалъ.

При существованіи крѣпостнаго права, винокуреніе было предоставлено только дворянамъ, и совершенно понятно, что оно, такимъ образомъ, составляло необходимую принадлежность сельскаго помѣщичьяго хозяйства, доставляя скотоводству барду, а полямъ—удобреніе. Но знаменитые *они*, преслѣдуя идею о равноправности, года черезъ три по введеніи акцизной системы, нашли нужнымъ сдѣлать право на винокуреніе общимъ достояніемъ и забыли о томъ, или лучше сказать, вовсе не вѣдали, что при предоставленіи каждому выкуривать хлѣбное вино, гдѣ онъ пожелаетъ, винокуреніе сосредоточится только въ губерніяхъ черноземной почвы и почти совершенно прекратится въ сѣверныхъ губерніяхъ,—что̀ и воспослѣдовало. Этою мѣрою было отнято послѣднее сельско-хозяйственное значеніе дворянскихъ имѣній и, вмѣсто мелкихъ винокурень, явились громадные винокуренные заводы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ барда вовсе не нужна и гдѣ винокуреніе приняло характеръ промышленныхъ спекуляцій. Такимъ образомъ интересы пашни, скотоводства, рынка по продажѣ мяса и другихъ сельскихъ продуктовъ принесены были въ жертву ложной идеѣ о винокуренной равноправности.

Но пора бросить общій взглядъ на усиленную правительственную работу въ теченіи трехъ лѣтъ съ (1861 по 1864 годъ), имѣвшую по послѣдствіямъ разрушеніе помѣщичьяго хозяйства, иначе говоря, разрушеніе быта десятковъ тысячъ семействъ, получившихъ гораздо болѣе другихъ сословій высшее образованіе. Воздавая хвалу и вѣч-

ную благодарность за уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, нельзя въ тоже время не признать обязанностью правительства поддержку помѣщичьяго быта, имѣющаго неоспоримо-полезное нравственное вліяніе на всѣхъ сосѣдей, окружающихъ усадьбы дворянъ, т. е. на крестьянъ. Но, вмѣсто того, чтобы поддержать эти усадьбы какимъ-либо новымъ мѣропріятіемъ при уничтоженіи крѣпостничества, были отняты отъ нихъ и остальныя права: кредитъ, выборы изъ среды себя мѣстныхъ администраторовъ и винокуреніе; и въ добавокъ ко всему этому всѣ деревни были наполнены кабаками, въ которыхъ рабочій людъ пропивалъ деньги и время, не думая о работѣ (разумѣется, за условленную плату) на бывшихъ помѣщичьихъ поляхъ. И все это дѣлалось для разрушенія дворянства въ правительствѣ, состоящемъ изъ одного только дворянства. Непонятно! Никто не пойметъ, какъ могло случиться такое лютое самобичеваніе, что дворяне довели дворянъ же до такого разстройства, которое заставило ихъ въ огромномъ большинствѣ—бросить свои родныя гнѣзда и идти скитаться по бѣлу свѣту. Эти скитальцы были насильно, противъ ихъ воли и желанія, вытолкнуты изъ своихъ жилищъ на путь недовольныхъ, на такой путь, гдѣ утраченное понятіе о привязанности къ отечеству замѣняется безнадежностью и отчаяніемъ.

Бѣдствія отъ акцизной питейной системы.
съ 1861 по 1864 годъ.

Простая народная пословица гласитъ, *что у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ*. Сознаюсь, что я очень много говорю о мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокурняхъ; но что же дѣлать съ болѣзнью сердца, страдающаго желаніемъ видѣть въ Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ массу мелкихъ винокуренъ, безъ которыхъ процвѣтаніе сельскаго хозяйства немыслимо. Болѣзнь мою я не скрываю. У меня нѣтъ никакой винокурни, ни большой, ни малой, и я считая себя чуждымъ всякаго пристрастія въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя единственно по внушенію моего внутренняго убѣжденія. На этомъ основаніи считаю не безполезнымъ повторить здѣсь въ извлеченіи разныя доказательства о необходимости мелкихъ винокуренъ, выраженныя мною въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Собранія сельскихъ хозяевъ. Вотъ что было сказано, между просимъ, въ докладѣ моемъ 21 Октября 1880 года.

Питательная сила, потребная для человѣческаго организма, лежитъ въ землѣ, откуда ее возможно извлечь только посредствомъ удобренія почвы, съ перепашкою ея хорошими орудіями и съ посѣвомъ добрыхъ зерновыхъ сѣмянъ.

Сѣмянныхъ зеренъ у насъ нѣтъ; мы ихъ выпили. Слышу выраженіе удивленія, какъ это могло случиться, что мы выпили зерновые хлѣба? Отвѣчаю: существующая у насъ система для сбора акциза съ винокуренія опредѣлила норму выходовъ вина изъ каждой четверти хлѣба, предоставивъ право винокуреннымъ заводчикамъ перекуръ вина сверхъ опредѣленныхъ нормъ обращать въ продажу безъ платежа акциза.

Этотъ перекуръ доставилъ винокуреннымъ заводамъ слѣдующія преміи:

Перекуръ:							Премія:
Въ 1863 году	„	1.718.841	ведро безв. спирта	по	4 р.		6.875.364 р.
Съ 1864—1868 г.	включ.	13.009.796	„ „ „	„	5 „		65.048.980 „
„ 1869—1873 „	„	18.039.379	„ „ „	„	6 „		108.236.274 „
„ 1874—1879 „	„	20.584.206	„ „ „	„	7 „		144.089.442 „
							324.250.160 р.

Чтобъ достигнуть перекура и полученія 324,000,000 р., надобно было на всѣхъ винокуренныхъ заводахъ стараться пріобрѣтать только одни лучшіе сорта зерновыхъ хлѣбовъ для размола ихъ на муку, и, вслѣдствіе этого, полныя, хорошо провѣянныя зерна употреблялись не на посѣвъ, а въ квасильные чаны; для продажи же на рынокъ поступали низшіе сорта зерноваго хлѣба.

Вотъ какимъ способомъ мы выпили зерновыя сѣмена, отнявъ ихъ у земли и, вслѣдствіе этой причины, большинство нашихъ полей нанаполнилось сорными травами.

Если бы 324 милліона перешли изъ народнаго капитала къ винокуреннымъ заводчикамъ (по 1887 годъ эта сумма, вѣроятно, составитъ полмилліарда рублей) съ условіемъ поставить Русское земледѣліе на прочную ногу, т.-е. образовать всюду и преимущественно на Сѣверѣ мелкія винокурни съ скотопригонными дворами для откармливанія быковъ, при опредѣленіи обязательной распашки земли и удобренія ея: тогда эти милліоны представляли бы возвратный расходъ, а не награду отъ казны, выданную какъ бы за разрушеніе сельскаго хозяйства съ истребленіемъ зерновыхъ сѣмянъ.

Доказательство того, какъ угасали у насъ существовавшіе до 1863 года мелкіе винокуренные заводы и на мѣсто ихъ возникали громадные, не сельскохозяйственные, а спекулятивно-промышленные заводы, служатъ слѣдующіе факты: въ 1867 году было винокуренныхъ заводовъ въ Имперіи и Царствѣ-Польскомъ 5011, въ 1879 г. ихъ имѣется только 2752; но при этомъ выкурка вина увеличилась на 10 милліоновъ ведеръ въ годъ, считая въ 40° крѣпости.

Обезпеченіе земледѣлія хорошими сѣменами составляетъ такую важную потребность, безъ которой всѣ прочія мѣропріятія не имѣютъ смысла, и потому винокуреніе должно поставить въ такое положеніе, которое не представляло бы заводчикамъ интереса похищать отъ земли лучшіе сорта хлѣбовъ для помѣщенія ихъ въ квасильные чаны. Для уничтоженія этого хищенія потребно отмѣнить обязательныя нормы выхода вина и взимать акцизъ съ того количества, какое у кого выкурится. При этомъ правилѣ выйдетъ обратное дѣйствіе: всѣ низшіе сорты хлѣбовъ пойдутъ на выкурку вина, а лучшіе на рынки для продажи, въ пищу и на обсѣеваніе полей *). Конечно, на введеніе этого порядка встрѣтится канцелярское возраженіе, что акцизной администраціи будетъ труднѣе слѣдить за учетомъ винокуренныхъ заводовъ; но въ этомъ еще нѣтъ такой бѣды, какую представляетъ потеря зерновыхъ сѣмянъ. Пусть лучше будетъ лишній трудъ акцизной администраціи, чѣмъ уничтоженіе лучшихъ сортовъ хлѣба.

Послѣ сѣмянъ, вопросомъ первой важности оказывается удобреніе полей, находящееся въ зависимости отъ увеличенія скотоводства, которое немыслимо безъ винокуренной барды, возможной къ полученію вблизи каждой деревни; но здѣсь мы опять встрѣчаемся съ акцизною системою, которая, имѣя однообразный во всей Россіи акцизъ съ вина, почти все винокуреніе сѣверныхъ губерній передвинула въ черноземныя губерніи. Это передвиженіе произошло вслѣдствіе того, что оказалось выгоднѣе ввозить, положимъ, изъ Тамбовской губерніи въ Новгородскую, хлѣбъ въ видѣ спирта, такъ какъ куль хлѣба вѣситъ девять пудовъ, а когда онъ обращенъ въ спиртъ, тогда вѣсъ спирта, извлеченнаго изъ этого куля, составляетъ два пуда 30 фунтовъ. Выгодность привоза изъ черноземной полосы въ сѣверныя губерніи спирта, вмѣсто хлѣба, была давнымъ-давно извѣстна; но этотъ привозъ графомъ Канкринымъ, какъ вредный для сѣверныхъ полей, былъ затрудненъ: онъ дозволялся каждый разъ по особому разрѣшенію Министерства Финансовъ и только въ случаяхъ неурожая въ какой-нибудь сѣверной губерніи. Сверхъ того, сѣверное винокуреніе, какъ средство, дающее удобреніе, поддерживалось графомъ Канкринымъ искусственно. Поддержка эта выражалась въ слѣдующемъ: во время управленія министерствомъ графа Канкрина и до 1863 года, все потребное для сѣверныхъ губерній количество вина заготовлялось посредствомъ казеннаго распоряженія. Это дѣлалось такъ: положимъ,

*) Въ Германіи существуетъ законъ, воспрещающій хорошіе сорта хлѣбовъ употреблять на винокуреніе.

что для Тверской губерніи нужно ежегодно $1\frac{1}{2}$ милліона ведеръ вина, то на поставку $\frac{1}{3}$ этого количества назначались торги по запечатаннымъ объявленіямъ, на которыхъ могли участвовать заводчики черноземныхъ губерній, а $\frac{2}{3}$ распредѣлялись пропорціонально между мѣстными Тверскими заводчиками безъ торговъ, съ прибавкою этимъ мѣстнымъ заводчикамъ 40% къ состоявшейся на торгахъ цѣнѣ.

Если для огражденія сѣвернаго сельскаго хозяйства отъ подрыва его привознымъ виномъ слѣдовать примѣру Финляндіи, то пришлось бы совсѣмъ запретить ввозъ хлѣбнаго вина и спирта. Замѣтимъ здѣсь, что Финляндія не только не впускаетъ къ себѣ хлѣбнаго вина, но даже и мяса, чтобы поставить населеніе въ необходимость создать себѣ собственное мясное и винное продовольствіе. Вмѣсто этой крутой мѣры, намъ достаточно обложить дополнительнымъ акцизомъ (примѣрно отъ полушки до одной копѣйки съ градуса) вино, привозимое изъ черноземныхъ губерній въ сѣверныя. Одна полушка можетъ быть установлена для губерній сопредѣльныхъ съ черноземною полосой, а копѣйка для губерній отдаленныхъ отъ этой полосы. Въ такомъ государствѣ, какъ Россія, при разнообразіи почвенныхъ и климатическихъ условій, когда въ одинъ день, положимъ въ Мартѣ, можно въ одномъ концѣ государства замерзнуть въ снѣжныхъ вьюгахъ, а въ другомъ—быть убитымъ молніей, нельзя установить безъ тяжкаго стѣсненія для народа общія правила въ видѣ однообразнаго акциза съ вина.

Поклонники предвзятыхъ теорій въ вопросахъ экономическихъ не разъ засвидѣтельствовали свою благонамѣренность: они искренно желаютъ добра человѣчеству, но ихъ взглядъ основанъ, къ сожалѣнію, на изученіи однихъ лишь иностранныхъ сочиненій. Они изслѣдовали Европу; имъ, какъ говорится, и книги въ руки; но они не видали скудной кладовой Русскаго крестьянина, не бывали въ его пустомъ хлѣбномъ амбарѣ, не подмѣчали, какъ въ концѣ зимы раскрывается соломенная крыша для того, чтобы этою гнилою соломою поддержать существованіе изнемогающаго отъ голода скота; они не осматривали скотныхъ хлѣвовъ въ Апрѣлѣ, когда коровъ, истощенныхъ недостаткомъ корма, поднимаютъ кольями, чтобы поставить на ноги и вытолкать въ поле. Если бы кто-нибудь изъ теоретиковъ потрудился осмотрѣть все это, то, нѣтъ сомнѣнія, при ихъ добросовѣстности, они сказали бы: «мы изучили прилежно многое, кромѣ того только, что̀ намъ нужно было изучить». Европейскіе экономическіе знахари, прежде чѣмъ признать за собою право участія въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся общихъ интересовъ жизни, исходили пѣшкомъ: Нѣмцы свою Германію, Англичане—Великобританію, и передъ ихъ мышленіемъ всегда

во всей своей величинѣ стояла самая суть дѣла, т. е. нужды и потребности мѣстнаго населенія.

Если, при всей благонамѣренности и даже при порывахъ добрыхъ желаній, у насъ выходитъ во многомъ что-то нескладное и неприложимое къ жизни, то причина этому лишь та, что корень нашего мышленія по вопросамъ общаго благоустройства происходитъ не изъ своей родной почвы. Самый громогласный порицатель нашего сельскаго хозяйства— степной быкъ, и объ этомъ быкѣ было гдѣ-то сказано мною слѣдующее. Нѣтъ надобности доказывать того, что гдѣ мало скота, тамъ мало и хлѣба и совершенный недостатокъ въ мясѣ. Мы надѣемся въ отношеніи мяса на Донскія и другія степи и бездѣйствуемъ на Сѣверѣ, вовсе не задавая себѣ заботы объ устройствѣ нашего экономическаго положенія. Самый громогласный порицатель нашихъ безпорядковъ относительно винокуренія и сельскаго хозяйства,—это Черноморскій быкъ, шагающій 2.000 верстъ съ береговъ Кубани на берега Невы, чтобы продовольствовать своимъ мясомъ Петербургскихъ экономистовъ съ предвзятыми теоріями. Быкъ этотъ можетъ служить вѣрнымъ барометромъ нашего экономическаго положенія. Когда онъ будетъ направлять шаги съ Кубани къ Черноморскимъ портамъ для ростбифовъ въ Лондонѣ, тогда экономическій барометръ будетъ выражать перемѣну къ лучшему; но когда и Донской быкъ направится вмѣсто Невы къ Черному морю, тогда барометръ покажетъ «ясно», и тогда мы будемъ, подобно Эстляндіи, имѣть свое мѣстное мясо. Внѣ этого барометра не существуетъ никакихъ доказательствъ нашего сельскаго благоустройства: какъ бы мы себя ни превозносили въ отчетахъ и какія бы ни приводили цифры, удостовѣряющія наше благополучіе, все это будетъ ложь, самообманъ, пока быкъ своими шагами въ обратную сторону, т.-е. къ Черному морю, не засвидѣтельствуетъ нашу экономическую зрѣлость.

Вредоносность вводимыхъ въ жизнь системъ, безъ соглашенія ихъ съ практикою, состоитъ главнѣйше въ томъ, что системы эти своимъ однообразіемъ, въ родѣ одинаковаго акциза съ вина для всей Россіи, гнетутъ народную жизнь, требующую экономическаго успѣха, различія въ правилахъ, чтобы, напримѣръ, для Вологды было сдѣлано то, что̀ ей потребно, а для Воронежа не дѣлалось бы того, что̀ полезно одной только Вологдѣ. Если кому-нибудь изъ числа теоретическихъ попечителей о нашихъ нуждахъ придется проѣхать по Выборгской губерніи, то просимъ ихъ обратить вниманіе на тамошнее винокуреніе, породу скота, равно какъ на цѣну мяса, и убѣдиться въ томъ, что благоустройство сельскаго быта достигнуто тамъ только тѣмъ, что, при обсужденіи сельскохозяйственныхъ вопросовъ, рѣшающія лица

руководились соображеніями мѣстныхъ жителей, не стѣсняясь никакими авторитетными мнѣніями. Въ противоположность этому, при проѣздѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ чрезъ Любань, просимъ обратить вниманіе на разрушенный, недѣйствующій винокуренный заводъ г. Стобеуса, находящійся возлѣ самой станціи съ правой стороны дороги по пути изъ Петербурга въ Москву.

Еслибы заводъ г. Стобеуса не былъ поставленъ въ бездѣйственное положеніе вліяніемъ акцизной системы, установившей однообразный акцизъ для всей Россіи, то заводъ этотъ откармливалъ бы на бардѣ не только то количество быковъ, какое нужно для Любани, но удѣлялъ бы часть мяса и для Петербургскаго рынка; а теперь наоборотъ: Петербургъ снабжаетъ мясомъ, привозимымъ въ него изъ степныхъ мѣстностей, не только Любань, но и ближайшія къ ней станціи Николаевской желѣзной дороги: Чудово, Вишеру, Окуловку и другія, между ними лежащія, что ясно выражаетъ, что пространство, облегающее Николаевскую желѣзную дорогу, представляетъ собою голодную пустыню, по случаю отсутствіе барды и скотоводства.

Мы указали на заводъ Стобеуса потому, что его видно изъ вагона; но есть тысячи подобныхъ разрушенныхъ заводовъ въ сѣверной полосѣ Россіи, ни откуда невидныхъ. Разрушеніе это подорвало все наше сѣверное земледѣліе: на пахотной землѣ не оказалось удобренія, а на столѣ крестьянской избы полезнаго питанія.

Выше этого мы указывали на процвѣтаніе сельскаго хозяйства въ Остейскихъ губерніяхъ, достигнутое устройствомъ мелкихъ винокурень. Намъ на это говорятъ: что же мѣшаетъ нашимъ сѣвернымъ губерніямъ заводить у себя мелкія винокурни? Вѣдь подрывъ со стороны черноземной полосы не вредитъ Остзейскимъ губерніямъ, куда вино каждый можетъ привозить; такъ почему же этотъ подрывъ такъ страшенъ въ сѣверныхъ губерніяхъ?

Вотъ отвѣтъ: Остзейскія губерніи начали устройство мелкихъ винокурень и картофельные посѣвы семьдесятъ лѣтъ назадъ. До 1863 года, пока существовала откупная система, ни капли вина не могло быть привозимо изъ Россіи въ Остзейскій край, и въ это-то время образовались сельскохозяйственныя винокурни и картофельные посѣвы въ полномъ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ объему мѣстнаго сельскаго хозяйства.

Нельзя не пожалѣть, что акцизная система, имѣющая очевидныя преимущества предъ стѣснительною системою откупа, система, развившая у насъ водочное и пивоваренное производства и доставившая лучшую очистку вина, не была согласована съ интересами земледѣлія. Откупъ былъ тягостенъ для народнаго кармана, акцизная си-

стема истощила и обезсилила почвенную силу сѣверныхъ губерній и вообще у всей Россіи отняла и истребила зерновыя сѣмена.

Извлеченіе изъ доклада 1 ноября 1883 года.

Прошло три года съ того времени, какъ я докладывалъ вопросъ о невозможности веденія правильнаго сельскаго хозяйства вообще въ Россіи и, въ особенности, въ сѣверныхъ губерніяхъ, безъ устройства мелкихъ сельско-хозяйственныхъ винокурень. Нынѣ вопросъ этотъ хотя и не вступилъ еще въ права гражданства, но можно выразиться такъ, что онъ приближается къ пути признанія въ немъ необходимой основы благоустройства сельскаго хозяйства. Въ этомъ заключеніи насъ убѣждаютъ отзывы сельско-хозяйственныхъ обществъ, взгляды той части Русской печати, которая серьезно относится къ потребностямъ Русской жизни, мнѣнія многихъ изъ гг. землевладѣльцевъ, внимательно ведущихъ сельское хозяйство, и, наконецъ, та сочувственность къ образованію мелкихъ винокурень, которая выразилась въ Министерствѣ Финансовъ желаніемъ ознакомиться съ подробностями этого вопроса, послѣдствіемъ чего образовалось и наше сегодняшнее засѣданіе. Мы вправѣ сказать, что зерно показало первоначальный ростокъ, и если при дальнѣйшемъ его ростѣ оно будетъ защищено отъ бурь и непогодъ, то мы, быть-можетъ, доживемъ до полныхъ всходовъ *).

Бури эти, безъ сомнѣнія, подуютъ изъ канцелярскихъ сферъ, порождаемыя страхомъ и опасеніемъ, что всякое коренное преобразованіе въ системѣ питейнаго сбора можетъ уменьшить питейный доходъ.

Придавая, съ нашей стороны, полнѣйшую важность не только сохраненію питейнаго дохода въ существующей цифрѣ, но и признавая необходимость сообщить ему способность къ дальнѣйшему росту, въ виду возрастающихъ потребностей государственнаго бюджета, мы полагаемъ, что сохранность получаемаго казною нынѣ питейнаго дохода основывается на томъ, что доходъ зависитъ не отъ системы сбора налога, а отъ потребленія вина и отъ добросовѣстности лицъ, наблюдающихъ за поступленіемъ питейнаго сбора.

---

*) Надежда эта оказалась напрасною. Никакихъ новыхъ ростковъ не вышло, система осталась таже съ накидкою на нее разныхъ заплатъ, а всѣ бывшія совѣщанія и разсужденія были затѣяны съ предрѣшеніемъ не дѣлать никакихъ коренныхъ измѣненій; слѣдовательно характеръ совѣщаній изобразился въ одномъ лишь безполезномъ многоглаголаніи; короче сказать, вышло водотолченіе и пустоцвѣтъ, такъ что послѣ 1883-го года прошло еще три года, а сельское хозяйство все еще находится безъ барды, а поля безъ удобренія. В. К.

Здѣсь совершенно кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ лицахъ, посредствомъ которыхъ собирается ежегодно болѣе 200 милліоновъ рублей акциза съ вина, т.-е. прямо говоря, объ управляющихъ акцизными сборами. Всѣ эти лица выражаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ полнѣйшую заботливость и честность. Самый переходъ отъ откупной системы къ акцизной совершенъ ими безъ всякихъ затрудненій и колебаній, доходы казны съ перваго же года стали увеличиваться и до сихъ поръ продолжаютъ постоянно возрастать. Затѣмъ, на всемъ пространствѣ Россіи нигдѣ не было никакихъ случаевъ хищенія, и всѣ мы, Русскіе люди, вправѣ гордиться такимъ надежнымъ составомъ главныхъ акцизныхъ дѣятелей, собраннымъ не по формулярнымъ спискамъ, а по предусмотрительному выбору, сдѣланному Гротомъ. Съ такимъ акцизнымъ персоналомъ можно идти смѣло на всякое преобразованіе въ сборѣ питейнаго дохода.

Послѣ сказанныхъ мною словъ я вправѣ ожидать замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго: почему же, при отличномъ составѣ акцизныхъ управляющихъ, помѣщичьи хозяйства, основанныя на винокуреніи, рушились, семейства многихъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, лишенныхъ крова и хлѣба, перешли въ станъ недовольныхъ, а въ деревняхъ и селеніяхъ появились массы пропившихся крестьянъ? На это отвѣтъ слѣдующій: бѣдствія произошли отъ свойства системы, которая, будучи растеніемъ чужеяднымъ, ни къ чему иному не могла привести, какъ къ экономической погибели; но это нисколько не уменьшаетъ значенія честнаго труда исполнителей, которые, не имѣя ни права, ни силы измѣнить основы системы, старались единственно о цѣлости казеннаго дохода.

Но чего же не доставало въ акцизной системѣ? Система эта пришла къ намъ изъ Европы, гдѣ она существуетъ не только не вредя сельскому хозяйству, но даже содѣйствуя его развитію; а у насъ вышло совершенно наоборотъ. Спрашивается: чего же у насъ недоставало? Вѣдь, Англія представляетъ собою высшее развитіе сельскаго хозяйства при акцизной системѣ, и Германія тоже самое; но у насъ вредоносность системы, очевидно, произошла отъ того, что чего-то недоставало.

Да, недоставало бездѣлицы—землевѣдѣнія и народознанія; недоставало знакомства съ народными нуждами и потребностями. Мы Россію принимали, подобно Англіи и Германіи, за государство, тогда какъ Россія *вовсе не государство, а вселенная.* Развѣ есть другое на земномъ шарѣ подобное Россіи пространство подъ однимъ скипетромъ, въ которомъ, въ одинъ день, какъ выше сказано, на одномъ концѣ можно замерзнуть, а на другомъ быть убитымъ грозой, въ которомъ на одномъ концѣ живутъ бѣлые медвѣди, а на другомъ расхаживаютъ

тигры, въ которомъ на одномъ концѣ никогда не оттаиваетъ земля, а на другомъ зрѣетъ виноградъ. И вотъ, когда эту *вселенную*, имѣющую между бѣлыми медвѣдями и тиграми различныя климатическія и почвенныя условія, нарядили въ кафтанъ однообразной акцизной системы, то очень понятно, что при первомъ вздохѣ *вселенной* чужой узкій кафтанъ по всѣмъ швамъ лопнулъ, и мы очутились въ разодранной одеждѣ. И такъ, въ основѣ акцизной системы оказался пробѣлъ, заключающійся въ томъ, что не было принято въ соображеніе значеніе Россіи, ея величина, разновидность климатическихъ и почвенныхъ условій, словомъ, всѣ особенности Россіи противъ другихъ государствъ.

Германія не Россія, у Германіи различіе въ климатѣ и почвѣ не такъ рѣзко, какъ у насъ; но и тамъ существуютъ три системы питейнаго сбора, соглашенныя съ интересами каждой мѣстности и ограждающія Восточную Пруссію, какъ болѣе бѣдную часть государства, отъ подрыва ея со стороны винокуренія въ Баваріи.

У насъ не было этой дальнозоркости, и мы отдали всѣ наши 15-ть сѣверныхъ холоднопочвенныхъ губерній въ подрывъ винокуренію, развившемуся съ 1863 года въ черноземной полосѣ. Мы отняли у сѣверной почвы удобреніе и возможность откармливать скотъ и перемѣстили скопленіе удобреній туда, гдѣ оно не нужно. Вотъ лохмотья, появившіяся на надѣтомъ на насъ чужомъ кафтанѣ, лохмотья, искалѣчившія жизнь многихъ тысячъ семействъ.

Неоспоримая польза мелкихъ винокурень для сельскаго хозяйства ясно доказана размноженіемъ ихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Постоянно слышится возраженіе: кто же мѣшаетъ въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ завести мелкія винокурни? Въ сотый разъ мнѣ приходится на это отвѣчать, что мѣшаетъ привозное изъ черноземныхъ губерній вино, съ которымъ не можетъ конкурировать сѣверное винокуреніе. Но возражатели простираютъ свои слова далѣе, говоря: почему же черноземное вино не подавляетъ своимъ привозомъ Эстляндію? Отвѣчаемъ: каждый торговецъ, кто бы рѣшился привезти вино—положимъ изъ Тамбова въ Дерптъ, не найдетъ тамъ никакого пункта для продажи его, такъ какъ ему не дадутъ права на открытіе мѣста продажи. Финляндія еще строже относится къ этому дѣлу: туда вовсе не дозволенъ ввозъ хлѣбнаго вина и спирта.

Одного сочувствія къ устройству мелкихъ винокурень недостаточно; ихъ и теперь никто не запрещаетъ строить; но онѣ не могутъ возникнуть по невыгодности винокуренія въ сѣверныхъ губерніяхъ. Надобно придать сельскохозяйственному винокуренію доходность, и тогда мелкія винокурни быстро образуются. Доходность эта можетъ быть усвоена или запретомъ привоза изъ черноземной полосы, или

различными акцизами. Я останавливался на такой мысли, чтобы при существованіи однообразнаго акциза выдавать, по окончаніи винокуреннаго года, часть этого акциза мелкимъ винокурнямъ обратно; но чтобы эта выдача не уменьшала нынѣ получаемый казною доходъ, то самый акцизъ возвысить на 1 к. съ градуса. Этого мѣрою можно бы было урегулировать интересы винокуренія; но впослѣдствіи явилась другая мысль, изложенная въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей», о заготовленіи всего потребнаго количества вина правительственнымъ распоряженіемъ, и я, стремясь къ согласованію винокуренія съ интересами земли и народа, безъ всякаго пристрастія къ собственнымъ взглядамъ, нахожу, что означенный способъ еще вѣрнѣе обезпечиваетъ возрожденіе мелкихъ винокурень и представляетъ безъ всякой пестроты въ акцизахъ полную возможность сдѣлать винокуреніе повсемѣстно прибыльнымъ, слѣдовательно и дающимъ возможность къ увеличенію скота и удобренію полей.

Говоря о вопросахъ экономическихъ, слѣдуетъ проникнуться сильнымъ сердечнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы горькое ощущеніе переживаемой нами постыдной приниженности, выражающейся въ постоянномъ подражаніи чужеземному строю экономической жизни, замѣнилось новымъ всенароднымъ чувствомъ, ободряющимъ и одушевляющимъ нашъ духъ, чувствомъ государственно-народной гордости, основанной на успѣхахъ самосознательныхъ мѣропріятій, и чтобы въ тоже время канцелярская самонадѣянность покаялась въ своихъ заблужденіяхъ и освѣжила свои мысли духомъ смиренномудрія, способнаго почерпать законодательныя вѣдѣнія не изъ архивной пыли, а изъ живаго источника жизненной струи, и тогда населяемая нами *вселенная* получитъ твердую способность встать на свои ноги и показать свой исполинскій ростъ во всей его величинѣ. Поспѣшимъ же эту способность засвидѣтельствовать въ глазахъ всѣхъ обновленіемъ и улучшеніемъ нашего сельскаго хозяйства, безъ котораго мы не войдемъ въ обѣтованную землю благоустройства. Но какъ только мы будемъ стоять на твердой почвѣ экономическаго развитія и будемъ руководиться во всѣхъ другихъ своихъ дѣйствіяхъ духомъ смиренномудрія, тогда нѣтъ силы, могущей сломить нашу силу. О, какое высокое положеніе, не проявляя никакой грубой силы, достигнуть всесвѣтнаго сознанія въ томъ, что нашей силѣ нѣтъ ни конца, ни предѣла! Многимъ покажется, что я свернулъ въ сторону съ своей дороги, заговоривъ о государственно-народной силѣ при вопросѣ о мелкихъ винокурняхъ. Нѣтъ, я на своей дорогѣ. Въ теченіи настоящаго столѣтія мы неоднократно видѣли, что сила крѣпостей и армій подвергалась пораженію, а на сторонѣ непобѣдимости были силы духа и

мускульной крѣпости, и онѣ-то стояли, какъ неприступная твердыня: но орудія этой твердыни невозможно укрѣпить безъ домашняго довольства (пирога и щей), недостижимаго при существующей нынѣ акцизной системѣ.

Во время крѣпостнаго права бывали рѣдкіе случаи отобранія у крестьянъ части удобренія на господскія поля и части скота на господскій дворъ, и отъ этого неизбѣжно страдали только отдѣльныя крестьянскія хозяйства; а со времени введенія акцизной системы вся Русская земля оказалась въ отношеніи сельскаго хозяйства въ крѣпостной акцизной зависимости, такъ какъ прекращеніе мелкаго винокуренія, послѣдовавшее отъ однообразія акциза, отняло у скота барду, у крестьянъ—скотъ, а у полей—удобреніе, и, въ добавокъ къ этому, раскинутая по всей Россіи сѣть безпредѣльнаго количества кабаковъ уловила въ нихъ послѣдніе гроши, извративъ, притомъ, развитіемъ пьянства, семейный бытъ и добрую нравственность. Эти взгляды и убѣжденія раздѣляются всѣми; ибо горькія послѣдствія пьянства, очевидно, выражаются на сельскомъ хозяйствѣ землевладѣльцевъ, на производствахъ фабричныхъ и заводскихъ работъ и на бытѣ крестьянъ. Послѣ этого возможно ли такую вредоносную систему штопать какими-то заплатами въ видѣ прибавленія къ ней новыхъ параграфовъ? Такое штопанье при общемъ сознаніи бѣдствій, наносимыхъ системою, выразило бы въ насъ, по меньшей мѣрѣ, безполезныхъ говоруновъ; скажу болѣе, выразило бы предательство, исполненное преступнаго безчувствія и возмутительнаго хладнокровія. Да не будетъ такъ! Да не падетъ на насъ этотъ позоръ! Тѣ стенанія, которыя слышатся изъ каждой деревни о пропойствѣ, и тѣ лишенія холоднопочвенныхъ губерній барды и удобренія, которыя отняли у взрослыхъ—питаніе, а у дѣтей молоко, должны насъ подвинуть къ рѣшительному слову, т.-е. къ тому, что *вся дѣйствующая акцизная система, съ безчисленными къ ея уставу циркулярными дополненіями*, не стоитъ никакой починки и должна быть сдана въ архивъ вѣчнаго забвенія; въ замѣнъ же ея должна явиться система, согласованная съ интересами земли и народа, и согласованіе это должно выразиться фактически въ согрѣваніи почвы сѣверныхъ полей удобреніемъ и въ появленіи въ крестьянской избѣ мяснаго приварка, доказывающаго увеличеніе домашняго скота.

Въ заключеніе всего сказаннаго, считаю необходимымъ очертить желаемую картину съ слѣдующими видами.

На первомъ планѣ распаханныя и удобренныя поля сѣверныхъ губерній и выгоны съ большимъ количествомъ скота, а на крестьянскомъ столѣ—пропеченный хлѣбъ, безъ примѣси мякины и мясное варево. То и другое можетъ быть выражено избыткомъ винокуренной

барды, правильно по всему государству распространенной, и прекращеніемъ повсюду распивочной продажи вина, могущимъ отрезвить голову крестьянина и направить его мысли къ семейному очагу, а руки къ земледѣльческому труду.

На второмъ планѣ—нѣсколько тысячъ сельско-хозяйственныхъ помѣщичьихъ усадебъ съ водворившимися въ нихъ семействами, наслаждающимися благами полнаго сельскаго довольства.

На третьемъ планѣ—погружаемый въ корабли хлѣбный спиртъ для отправки его за границу, выкуренный на промышленныхъ большихъ заводахъ и отправляемый въ увеличенномъ противу нынѣшняго количества размѣрѣ вслѣдствіе установленія облегченныхъ для вывоза спирта правилъ.

Далѣе видѣнъ довольный своимъ обезпеченнымъ положеніемъ заслуженный солдатъ, нашедшій себѣ хлѣбъ и пріютъ при продажѣ вина въ казенной винной лавкѣ.

Фонъ картины освѣщается значительнымъ улучшеніемъ биржеваго курса, происходящаго отъ правильной постановки питейнаго сбора, вывоза спирта за границу и отъ развитія общаго сельскаго благоустройства.

Затѣмъ въ этой картинѣ является только одно тѣневое мѣсто—это плачущій нынѣшній кабатчикъ.

*

Всѣ вышеизложенныя соображенія заключимъ знаменательными словами графа Канкрина, сказанными въ сороковыхъ годахъ. «Меня упрекаютъ», сказалъ графъ, «за то, что сѣвернымъ винокурамъ я прибавляю нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ противъ цѣнъ, назначаемыхъ заводчикамъ черноземной полосы. Это говоритъ незнаніе дѣла: вѣдь я дѣлаю прибавку не заводчикамъ, а землѣ, чтобы не оставить ея безъ удобренія, а иначе содержаніе массы нищихъ будетъ стоить гораздо дороже этой прибавки».

Нынѣ наступила пора, доказывающая государственную дальнозоркость графа Канкрина.

Еще одно слово. Заниматься, въ настоящеее время, разсужденіями о штопаньи разныхъ параграфовъ пагубной акцизной системы и придумывать къ ней различныя заплаты—значило бы не понимать важности переживаемаго нами экономическаго разстройства. Мы ни на минуту не должны отрѣшаться отъ мысли, что теченіе народной жизни не можетъ быть направлено на путь спокойствія и благоденствія *никакими иными мѣрами* кромѣ согласованія экономическихъ законоположеній съ нуждами и потребностями земли и народа.

Всякое собраніе, со всѣми его разсужденіями, минующее вышеизложенныя цѣли и обсуждающее какіе-то новые параграфы, изображаетъ изъ себя безполезное и утомительное водотолченіе. Будемъ откровенны и скажемъ прямо: водотолченіе это уже давно всѣхъ утомило и всѣмъ надоѣло, потому что многими опытами и десятками минувшихъ лѣтъ доказано, что оно не имѣетъ не только никакой жизненной силы, но, составляя напрасную трату времени, всегда порождаетъ законопроекты, угнетающіе народную жизнь.

Въ самомъ началѣ этихъ воспоминаній было сказано, что если бы не существовало у насъ пережитыхъ нами экономическихъ проваловъ, то Россія по своему внутреннему богатству стояла бы на первой степени Европейской финансовой силы. Теперь, сосредоточившись на девяти описанныхъ мною провалахъ, дозволяю себѣ сказать гораздо сильнѣе, именно: еслибы этихъ проваловъ не было, Россія владѣла бы, на правахъ полнаго хозяина, денежнымъ рынкомъ всей Европы, т.-е. была бы тѣмъ, чѣмъ подобаетъ ей быть по ея народонаселенію и объему Русской земли.

Представимъ себѣ, хотя мысленно, то великое значеніе, которое намъ было, такъ сказать, на роду написано и неоднократно указывается Русской народной мыслію, и котораго мы непремѣнно бы достигнули, если бы обновляли экономическую жизнь нововведеніями, заимствованными прямо отъ жизни, не сбиваясь съ дѣйствительнаго пути на какой-то извращенный путь, т.-е:

Если бы мы жили на мѣдную гривну, а не на серебрянный рубль развившій въ насъ вредную похоть къ расходамъ.

Еслибы мы избѣжали Крымской войны, предотвративъ ее сооруженіемъ въ 40—50 годахъ желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю.

Если бы мы не надѣвали насильно на крестьянское и рабочее населеніе линючей и непрочной ситцевой ткани и, вмѣсто платежа денегъ за хлопокъ, направили бы эти деньги не за границу, а въ избу земледѣльца за домашній ленъ.

Если бы мы не омертвили Сибирскій трактъ разрѣшеніемъ возить чай по западной границѣ и продолжали бы получать этотъ чай въ Кяхтѣ, посредствомъ размѣна его на произведенія нашихъ фабрикъ, не расходуя на покупку чая монеты.

Если бы мы, въ 1857 году, вмѣсто сооруженія Варшавской дороги, начали нашу желѣзнодорожную сѣть съ замосковныхъ дорогъ и сберегли тѣмъ сотни милліоновъ, потраченныхъ за границей по случаю обезцѣненія нашихъ бумагъ.

Если бы мы, не слушая внушеній пресловутыхъ *они*, не уничтожали бы опекунскихъ совѣтовъ и не раззоряли бы землевладѣльцевъ лишеніемъ кредита.

Если бы мы, прежде приступа къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ, образовали у себя рельсовые, локомотивные и другіе заводы, нужные для желѣзнодорожнаго дѣла, и не бѣгали бы за каждой гайкой за границу.

Если бы мы однообразіемъ акциза съ вина не убили бы сельскохозяйственнаго винокуренія и безграничнымъ открытіемъ кабаковъ не спаивали бы народа

Если бы мы не ослабили въ дворянскихъ имѣніяхъ сельско-хозяйственнаго винокуренія посредствомъ даннаго права всѣмъ сословіямъ устраивать спекулятивно-винокуренные заводы, и т. д. и т. д.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ *если*, интересно знать, на какой бы цифрѣ потерь можно было остановиться? Совершенно безошибочно будетъ сказать, что итогъ этотъ, когда бы можно было его выразить въ цифрахъ, оказался бы слишкомъ въ десятеро противъ той контрибуціи, которую взяла Германія съ побѣжденной ею Франціи въ 1870 году.

Вотъ куда ушло богатство Россіи, вотъ отчего образовалось наше оскудѣніе!

*

Такъ какъ изложенные въ настоящихъ очеркахъ девять проваловъ не исчерпываютъ еще всѣхъ нашихъ злоключеній, то поэтому, для полноты воспоминаній обо всемъ пережитомъ, требуется дальнѣйшее повѣствованіе, которое и будетъ продолжаться въ слѣдующихъ книжкахъ «Русскаго Архива».

Василій Кокоревъ.

АДМИРАЛЪ УНКОВСКОЙ.

Разсказы изъ его жизни *).

13-го Августа 1848 г., наконецъ, состоялась гонка. Мѣсто гонки было выбрано у мыса Стерсудена, въ девяти миляхъ отъ Кронштадта. Всѣмъ гоняющимся яхтамъ надо было обойти вокругъ ромба, обозначеннаго четырьмя судами, стоявшими на якоряхъ. Разстояніе одного судна отъ другаго равнялось восьми морскимъ милямъ; стало-быть всего слѣдовало пробѣжать тридцать двѣ мили или пятьдесятъ шесть верстъ по прямой линіи, не считая уклоновъ лавировки. Первымъ маячнымъ судномъ, отъ котораго начиналась гонка и на которомъ находились судьи, былъ фрегатъ *Паллада*. Позади *Паллады* на двухъ тяжелыхъ якоряхъ былъ положенъ толстый кабельтовъ, т.-е. канатъ, отъ котораго въ свою очередь положены были буйки, предназначенные для задержки гоняющихся яхтъ. Размѣщеніе яхтъ по буйкамъ должно было произойти по жеребью. На долю *Оріанды* выпалъ самый невыгодный №, т.-е. крайній лѣвый буекъ, тогда какъ гонка должна была начаться лавировкою на правый гальсъ.

Въ девять съ половиною часовъ, по первой пушкѣ съ фрегата *Паллады*, яхты заняли назначенныя имъ мѣста, а въ десять часовъ по второй пушкѣ вступили подъ паруса, и началась гонка.

Погода была тихая, вѣтеръ самый умѣренный. Уже въ самомъ началѣ гонки ясно обозначились преимущества многихъ Балтійскихъ яхтъ передъ *Оріандою*, которая и по устарѣлой конструкціи, и по не-

---

*) См. выше, стр. 129.

выгодности положенія вскорѣ оказалась позади всѣхъ. Впереди побѣдоносно шелъ *Варягъ*.

На *Оріандѣ* были приняты всѣ мѣры, чтобы воспользоваться каждой случайностью, все было разсчитано съ цѣлью облегченія успѣха: матросы лежали на палубѣ, чтобы меньше парусило, у рулеваго даже были подвязаны уши платкомъ, чтобы ничѣмъ не развлекаться. Штилѣло. Положеніе яхтъ не измѣнялось. Гонка за безвѣтріемъ шла довольно медленно, какъ вдругъ съ Юга стали надвигаться тучи и набѣжалъ шквалъ. На яхтахъ стали убирать паруса, но, не смотря на это, онѣ быстро неслись подъ напоромъ вѣтра. Только этой случайности и ожидалъ Унковской. Шквалъ для него былъ единственною, послѣднею надеждою. Вопреки всѣмъ правиламъ предосторожности, рискуя перевернуться съ яхтою, онъ не только не убралъ парусовъ, подъ которыми шелъ, но почти мгновенно, благодаря превосходной командѣ, прибавилъ столько парусовъ, сколько было возможно. *Оріанда* понеслась какъ птица. Яхта за яхтою оставались позади. *Оріанда* летѣла быстро, сближаясь со своимъ главнымъ соперникомъ. Наконецъ, у перваго маячнаго судна она съ навѣтру налетѣла и обогнала *Варяга*. Вѣтеръ свѣжѣлъ, и *Оріанда* все болѣе и болѣе прибавляла ходу; часа черезъ два было обогнуто второе маячное судно, и когда *Оріанда* подошла къ третьему, *Варягъ* только подходилъ ко второму. Ровно въ семь часовъ вечера *Оріанда* бросила якорь у фрегата *Паллада*, оставивъ далеко за собою всѣхъ состязавшихся. Съ фрегата прокричали троекратное «ура» и поздравили съ выигрышемъ приза. Иванъ Семеновичъ говорилъ всегда, что это была лучшая минута его жизни. До какой степени было сильно впечатлѣніе и предшествовавшее волненіе, можно заключить изъ того, что во время продолжительной, предсмертной болѣзни, въ минуты забытья, онъ начиналъ волноваться и говорить, «что боится опоздать на гонку»: это было ровно черезъ тридцать восемь лѣтъ послѣ успѣха *Оріанды!*

Владѣльцы и командиры яхтъ отнеслись къ Ивану Семеновичу самымъ любезнымъ образомъ. Не было и тѣни зависти; напротивъ, выражалось всеобщее сочувствіе къ лихому управленію *Оріандой* и смѣлому маневру, благодаря которому она осталась побѣдительницей. На другой день послѣ гонки шкунъ (въ которой *Оріанда* не принимала участія за совершенной невозможностью состязаться съ успѣхомъ), всѣ яхты перешли на Кронштадтскій восточный рейдъ, и на одной изъ нихъ, если не ошибаюсь, на яхтѣ князя Апраксина, былъ веселый, товарищескій ужинъ. Ужинъ этотъ былъ сплошнымъ чествованіемъ Ивана Семеновича.

Пятнадцатаго Августа *Оріанда*, по приказанію императора Николая, перешла на Петергофскій рейдъ, гдѣ простояла цѣлую недѣлю. Здѣсь она была также предметомъ общаго вниманія: ежедневно посѣщали Ивана Семеновича гости и разумѣется, чаще другихъ Путятинъ и Истоминъ. Порядокъ и чистота на яхтѣ были образцовые; въ особенности, чистота, составляющая предметъ постоянной заботливости моряковъ, у Черноморцевъ доводилась до крайнихъ предѣловъ. На *Оріандѣ* палуба мылась какимъ-то особеннымъ способомъ; къ сожалѣнію я забылъ, въ чемъ онъ заключался; помню только, что при мытьѣ употреблялся песокъ и сильно нагрѣтыя ядра и что, благодаря этому способу, бѣлизна палубы цвѣтомъ и глянцемъ напоминала слоновую кость.

Однажды Иванъ Семеновичъ былъ въ высшей степени изумленъ и огорченъ. Ему дали знать, что отъ Петергофской пристани отвалилъ катеръ эскадръ-маіора и идетъ къ *Оріандѣ*. Иванъ Семеновичъ вышелъ встрѣтить моего отца, но къ удивленію на этотъ разъ вмѣсто обычнаго привѣта, К. И. Истоминъ офиціальнымъ тономъ объявилъ ему высочайшій выговоръ за то, что утромъ этого дня онъ вышелъ изъ каюты на палубу *Оріанды* въ растегнутомъ сюртукѣ и безъ шпоръ *). Никакъ не могъ понять Иванъ Семеновичъ, какимъ путемъ это дошло до Государя; но дѣло объяснилось просто: Государь имѣлъ обыкновеніе смотрѣть изъ Монплезира въ большую трубу на море и окрестности и такимъ образомъ поймалъ Унковскаго въ нарушеніи формы. Это обстоятельство очень его опечалило, и отецъ мой старался его успокоить, говоря, что никакихъ послѣдствій это за собой не повлечетъ, такъ какъ Государь очень имъ доволенъ, что на дняхъ Государь посѣтитъ *Оріанду*, и тогда Иванъ Семеновичъ убѣдится въ справедливости его словъ.

Такъ оно и случилось. Вечеромъ 20-го Августа дано было знать, что на другой день Государь будетъ на *Оріандѣ*. Николай Павловичъ дѣйствительно прибылъ въ назначенное время съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ, въ сопровожденіи князя Меншикова, моего отца и другихъ лицъ свиты. Осмотрѣвъ въ подробности яхту, зайдя во всѣ каюты и выразивъ свое полное удовольствіе, Государь лично вручилъ Унковскому выигранный имъ Императорскій призъ, состоящій изъ серебрянаго, позолоченаго ковша, украшеннаго драгоцѣнными каменьями. На одной сторонѣ ковша вырѣзано. «Преуспѣвшему», а на другой «Въ морскихъ гонкахъ 14-го Августа 1848 года». Призъ этотъ Николай

---

*) Унковской носилъ шпоры по званію адъютанта Лазарева.

Павловичъ приказалъ передать М. П. Лазареву, по смерти котораго онъ оставался у вдовы адмирала, а по кончинѣ послѣдней по ея завѣщанію въ 1877 году перешелъ къ Ивану Семеновичу, и въ его семьѣ сохраняется. Осмотрѣвъ яхту, Государь приказалъ сниматься съ якоря и направляться въ Петербургъ. Неоднократно во время короткаго перехода Государь хвалилъ команду и вообще былъ необыкновенно милостивъ. Не доходя нѣсколько верстъ до Петербурга, Государь за мелководіемъ пересѣлъ на сопровождавшій пароходъ, причемъ, уѣзжая съ *Оріанды*, еще разъ благодарилъ всѣхъ, обнялъ Ивана Семеновича и поздравилъ его съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Стоявшій тутъ же князь Меншиковъ замѣтилъ Государю, что Унковской всего три года въ чинѣ лейтенанта, тогда какъ обыкновенно въ немъ остаются отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ и что не лучше ли было бы наградить его орденомъ Станислава на шею. Государь съ неудовольствіемъ обратился къ князю Меншикову и сказалъ, «что не отмѣняетъ своихъ рѣшеній». Изъ Петербурга Государь отправился въ Красное Село, а Унковской къ мѣсту стоянки на Петергофскій рейдъ.

Вечеромъ того же дня прибывшій изъ Краснаго Села фельдъегерь привезъ Ивану Семеновичу личный подарокъ Государя, серебряные штабъ-офицерскіе эполеты и, кромѣ того, приказъ: капитану, офицерамъ и командѣ выдать по годовому окладу жалованья.

Въ формулярномъ спискѣ Ивана Семеновича значится, что съ 23 Августа по 4 Сентября 1848 онъ простоялъ у Кронштадской гавани; но по словамъ покойнаго весь Августъ онъ пробылъ на Петергофскомъ рейдѣ. За это время онъ приглашался въ Знаменское на вечера императрицы Александры Θеодоровны и былъ постоянно ласкаемъ какъ Государемъ, такъ и Государыней. Все шло прекрасно, но одно обстоятельство смущало чрезвычайно молодаго счастливца. Объ обратномъ плаваніи *Оріанды* не было и рѣчи, напротивъ, до Ивана Семеновича доходили слухи, будто Государь выражался, что ни за что не отпуститъ Унковскаго на *скорлупѣ*, въ такое позднее время года, въ столь далекое, да къ тому же океанское, плаваніе. Мысль о зимовкѣ въ Кронштадтѣ, вдали отъ своихъ, вдали отъ адмирала, крайне огорчала Ивана Семеновича, и это свое горе онъ дѣлилъ постоянно съ моимъ отцемъ, который и обѣщалъ при первой возможности замолвить слово въ его пользу.

Императоръ Николай Павловичъ относился къ моему отцу не только милостиво, но и съ большимъ довѣріемъ, и вотъ случай представился совершенно неожиданно. Разъ вечеромъ мой отецъ и Унков-

ской были въ Знаменскомъ у Государыни: отецъ совѣтывалъ Ивану Семеновичу держаться около него. Вдругъ Государь, обходя присутствующихъ, прямо направился въ ихъ сторону и обратился къ Унковскому со слѣдующими словами *): «Едва ли въ такое позднее время года благоразумно будетъ отпускать тебя плыть въ Черное море, кругомъ всей Европы; я думаю тебѣ перезимовать въ Петербургѣ. Что скажетъ на это Михаилъ Петровичъ?» Унковской отвѣчалъ: «Михаилъ Петровичъ несомнѣнно ожидаетъ моего возвращенія съ нетерпѣніемъ». Тогда Государь обратился къ моему отцу съ вопросомъ, какъ онъ объ этомъ думаетъ? «Ваше Величество—отвѣчалъ отецъ—величина судна тутъ играетъ второстепенную роль; весьма важна бравость командира онаго, и можно напередъ ручаться, что яхта *Оріанда* зимою благополучно прибудетъ въ Севастополь».

Тогда Государь перекрестилъ Ивана Семеновича, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: «Отправляйся, когда хочешь; дай Богъ тебѣ благополучія и утѣшай Михаила Петровича».

Такое рѣшеніе было для Унковскаго истиннымъ праздникомъ. Онъ хотѣлъ было черезъ день отправляться уже въ путь, но получилъ приглашеніе на свадьбу Великаго Князя Константина Николаевича и, разумѣется, остался.

Весело проведя еще нѣсколько дней въ Петербургѣ, Унковской 3-го Сентября пріѣхалъ въ Кронштадтъ, куда къ тому времени перешла и *Оріанда*, и здѣсь къ великому прискорбію узналъ, что свирѣпствовавшая въ Кронштадтѣ холера посѣтила и его яхту. Сдавъ немедленно двухъ заболѣвшихъ матросовъ въ госпиталь и опасаясь оставаться въ зараженномъ мѣстѣ, Иванъ Семеновичъ на другой же день вступилъ подъ паруса и направился въ Копенгагенъ. Плаванію этому не суждено было совершиться счастливо. Погода была бурная, совершенно осенняя. Холера быстро развивалась. На другой же день пришлось выбросить за бортъ пять мертвыхъ тѣлъ, въ томъ числѣ и тѣло умершаго штурманскаго офицера. Заболѣванія происходили непрерывно. Черезъ нѣсколько дней пришлось выбросить еще два тѣла, а къ концу недѣльнаго плаванія оставались здоровыми только самъ Унковской, одинъ изъ двухъ офицеровъ (не помню который) и боцманъ; всѣ остальные лежали въ каютъ-компаніи или корчась въ судорогахъ, или страшно ослабѣвъ отъ послѣдствій болѣзни. На долю

*) Этотъ разговоръ записанъ Иваномъ Семеновичемъ.

трехъ здоровыхъ выпало управленіе судномъ и уходъ за больными. 11-го Сентября былъ брошенъ якорь на Копенгагенскомъ рейдѣ. Посланный на берегъ за водою и свѣжею провизіею офицеръ вернулся съ рѣшеніемъ коменданта яхтѣ *Оріандъ* немедленно оставить Копенгагенскій рейдъ и отправляться въ городокъ Канеё, назначенный для карантина. Положеніе было отчаянное! Какъ выпутался изъ него Иванъ Семеновичъ, пусть лучше всего разскажетъ онъ самъ, такъ какъ къ счастію сохранилось его подлинное письмо по этому поводу, писанное къ отцу его. Въ письмѣ этомъ онъ говоритъ между прочимъ: «....Когда Датчане узнали о появившейся у меня холерѣ, правительство взяло всѣ мѣры меня выгнать, даже безъ всякаго пособія и снабженія провизіей и медикаментами; но это не такъ легко было сдѣлать, какъ имъ хотѣлось. Посланникъ нашъ въ Даніи Нѣмецъ, и всѣ довѣренныя лица отъ нашего правительства къ несчастію тоже Нѣмцы; сословіе это мнѣ никогда не нравилось, а настоящее непріятное обстоятельство совершенно обнаружило всю ихъ холодность и безхарактерность...........» «Сегодня утромъ мнѣ прислали провизію, но не всю, и вмѣстѣ съ этимъ пріѣхалъ изъ крѣпости отъ правительства Датскій офицеръ, съ предложеніемъ немедленно отправиться изъ Копенгагена и оставить Датскія владѣнія; онъ передалъ мнѣ, что до тѣхъ поръ онъ не имѣетъ права отвалить отъ борта, пока я не снимусь съ якоря. Я положительно отвѣчалъ ему, что если не получу требуемыхъ много запасовъ и медикаментовъ хотя черезъ недѣлю, то недѣлю буду здѣсь стоять, и никакая сила безъ условій мною предложенныхъ не заставитъ оставить Копенгагенъ. На это онъ отвѣчалъ, что комендантъ крѣпости будетъ стрѣлять по насъ ядрами и что имѣетъ уже повелѣніе отъ правительства батареѣ быть готовой въ случаѣ нашего сопротивленія. Я со смѣхомъ не задумался со своей стороны и сказалъ слѣдующее: Неужели вы думаете, милостивый государь мой, что ядры ваши устрашатъ Русскій военный флагъ? Чтобы вамъ доказать ничтожество угрозъ вашихъ, я судно свое сейчасъ же поставлю подъ батарею (и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ травить канатъ), чтобы артиллерія ваша не дѣлала промаховъ и дамъ вамъ случай отличиться военнымъ дѣйствіемъ. Въ такомъ случаѣ заразительная холера не минуетъ націи вашей, потому что судно будетъ на днѣ рейда, а утопшіе трупы наши при морскомъ вѣтрѣ сообщатся съ берегомъ. Послѣ этого отвѣта офицеръ взбѣшенный отправился на батарею. Это происходило въ одиннадцать часовъ до полудня; до пяти часовъ меня не тревожили; въ пять пріѣхалъ докторъ Датчанинъ съ медикаментами и совѣтами. Онъ боялся приблизиться къ яхтѣ и просилъ

позволенія взглянуть на больныхъ людей; вслѣдъ за нимъ присталъ баркасъ съ требуемыми мною запасами».

Перейдя въ Канеё и выдержавъ тамъ карантинъ, *Оріанда* 19-го Сентября снялась съ якоря и направилась въ Плимутъ. Болѣе изъ команды никто не умеръ, но и безъ того команда значительно поубавилась. Не доставало штурманскаго офицера и восьми матросовъ изъ двадцати пяти. М. П. Лазаревъ писалъ Унковскому, чтобъ онъ нанялъ недостающее число команды въ Англіи; но Иванъ Семеновичъ отказался, разсчитывая благополучно дойти съ имѣющимися средствами. Послѣ пятидневной остановки въ Плимутѣ, *Оріанда* пошла въ Лиссабонъ; но, не доходя до мѣста, застигнута была страшнымъ штормомъ, при спускѣ вечеромъ въ устье Таго. Яхту жестоко било о волненіе, и она при этомъ потеряла бушприхтъ, то-есть выдающееся изъ носовой части вооруженіе. Въ Таго, безъ риска разбиться, проникнуть оказалось невозможнымъ; пришлось предпочесть остаться въ океанѣ и уже затѣмъ пріютиться въ Кадиксѣ. Здѣсь, произведя необходимыя починки, яхта простояла болѣе мѣсяца, то-есть до половины Ноября.

Не помню, при обратномъ ли плаваніи *Оріанды* или еще въ Іюлѣ, во время стоянки на Гибралтарскомъ рейдѣ, Иванъ Семеновичъ былъ очень радушно принятъ комендантомъ Англійской крѣпости. Въ особенности поразило его обращеніе со стороны Англичанина на прекрасномъ Русскомъ языкѣ. Оказалось, что комендантомъ Гибралтара былъ не кто иной, какъ генералъ Вильсонъ, извѣстный Англійскій военный агентъ при Русской дѣйствующей арміи въ 1812 году. Вильсонъ былъ не только любезенъ, но предупредителенъ въ мелочахъ. Постоянно выражая любовь къ Россіи и радость принимать Русскаго офицера въ своемъ домѣ, Вильсонъ звалъ Унковскаго и къ обѣду, и вечеромъ, словомъ вводилъ его въ кругъ семьи, состоявшей изъ нѣсколькихъ дочерей, изъ коихъ по виду самая младшая уже любовалась Божьимъ свѣтомъ во время нашествія Наполеона. Ласка старика росла изъ часу въ часъ и начинала казаться подозрительною. Во избѣжаніе мнимой или дѣйствительной опасности, Иванъ Семеновичъ предпочелъ благоразумно удалиться и однажды ночью покинулъ Гибралтарскій рейдъ безъ объясненій причинъ.

Дальнѣйшее плаваніе *Оріанды* совершилось безъ особыхъ приключеній, но съ задержками, и только 10-го Марта 1849 года она, наконецъ, бросила якорь на Севастопольскомъ рейдѣ. Иванъ Семеновичъ былъ твердо увѣренъ, что никакого карантина ему назначено не бу-

детъ, такъ какъ со времени послѣдняго холернаго случая прошло полгода, и *Оріанда* безпрепятственно заходила во многіе иностранные порты. Къ удивленію ему отказано было сообщеніе съ берегомъ, и по приказанію М. П. Лазарева объявленъ двадцативосьми-дневный карантинъ.

Вечеромъ, сойдя съ *Оріанды* и помѣстившись въ карантинномъ домѣ, Иванъ Семеновичъ впервыя послѣ десятимѣсячныхъ тревогъ и волненій почувствовалъ себя совершенно спокойно. Чувство это, какъ онъ самъ разсказывалъ, показалось ему до такой степени страннымъ и непривычнымъ, что онъ не могъ удержать въ себѣ нервнаго смѣха. Смѣхъ овладѣлъ имъ совершенно и разразился сильнѣйшимъ истерическимъ припадкомъ, потребовавшимъ медицинской помощи.

Оріанда была дома, но не совсѣмъ: настоящій ея домъ былъ въ Николаевѣ передъ окнами адмирала. Въ назначеніи карантина Иванъ Семеновичъ видѣлъ какъ бы неудовольствіе со стороны Лазарева и не ошибся. Хотя карантинъ и снятъ былъ раньше срока, то-есть черезъ двѣ недѣли, но по прибытіи въ Николаевъ Иванъ Семеновичъ былъ встрѣченъ крайне холодно. Лазаревъ упрекалъ его за то, что онъ не привезъ приза за гонку со шкунами и осуждалъ за потерю бушприхта, доказывая, что при хорошемъ управленіи судномъ этого случиться не должно. Такой пріемъ и огорчилъ, и удивилъ Ивана Семеновича. Только черезъ нѣсколько дней Михаилъ Петровичъ сталъ обращаться съ нимъ по старому, распрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ плаванія, благодарилъ и проч. Черезъ много лѣтъ Иванъ Семеновичъ узналъ отъ своего отца разгадку страннаго поведенія Лазарева въ этомъ случаѣ. Лазаревъ письмомъ объяснялъ Семену Яковлевичу причину холоднаго пріема, говоря, что послѣ такого исключительнаго плаванія, у всякаго, не только у молодаго командира, можетъ закружиться голова, что надо сразу образумить человѣка, иначе въ немъ разовьется пагубное самомнѣніе. А ранѣе того еще писалъ: «Поздравляю тебя, любезный другъ Семенъ Яковлевичъ, съ производствомъ Вани вашего въ капитанъ-лейтенанты. Оно такъ и слѣдовало: старшій братъ въ одной и той же службѣ долженъ быть старше въ чинѣ. Этого требуетъ порядокъ и въ самомъ семействѣ [1]. Я очень радъ, что его произвели, несмотря на то, что многіе вѣроятно и на

[1] Младшій братъ Ивана Семеновича, одного выпуска съ нимъ изъ Морскаго Корпуса, какъ лучшій по успѣхамъ, получилъ надъ нимъ старшинство при производствѣ въ офицеры.

него и на меня губы дуютъ; но въ этотъ разъ я нисколько не участвовалъ: онъ самъ схватилъ чинъ себѣ и скакнулъ черезъ четыреста слишкомъ человѣкъ, коль скоро увидѣли въ немъ такого командира тендера, какихъ въ Балтикѣ никогда не бывало, да и теперь нѣтъ».

Такъ закончилось, наконецъ, первое самостоятельное плаванiе Ивана Семеновича, прочно установивъ его морскую репутацiю.

Въ Iюлѣ того же 1849 года Унковской былъ назначенъ командиромъ брига *Эней* и еще осенью успѣлъ совершить на немъ плаванiе по Черному морю. Въ слѣдующемъ году на томъ же бригѣ онъ посланъ былъ въ Средиземное море; но покидать Николаевъ пришлось въ тяжеломъ настроенiи духа.

Болѣзнь М. П. Лазарева *) принимала угрожающiе размѣры; близкимъ лицамъ неизбѣжная развязка была очевидна. Грустно было уходить Ивану Семеновичу изъ Николаева на продолжительное время. Тѣмъ не менѣе Лазаревъ, не смотря на приступы болѣзни, продолжалъ обычныя занятiя и еще лѣтомъ 1850 производилъ ученiя Черноморскому флоту. Во время этихъ ученiй и именно въ началѣ Iюля мѣсяца *Эней* отправился въ заграничное плаванiе и по выходѣ изъ Севастополя раннимъ утромъ повстрѣчалъ флотъ. По обыкновенiю Иванъ Семеновичъ сталъ рѣзать корму *Двѣнадцати Апостоловъ* и здѣсь въ послѣднiй разъ на службѣ предсталъ на глаза своего учителя. Лазаревъ, по разсказамъ Унковскаго, стоялъ одѣваясь въ кормовой адмиральской каютѣ и, заинтересовавшись маневромъ *Энея*, прокричалъ послѣднее одобренiе его командиру. Они увидѣлись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже при совершенно другой обстановкѣ.

(Продолженiе будетъ).

---

*) См. мой „Очеркъ жизни адмирала Лазарева“ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 года, II, стр. 347—361.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
1887 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей: для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются тамъ же, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЕЛИНГЪ

УРОЖДЕННОЙ СТУРДЗЫ.

Съ неизданной Французской рукописи[1]).

Отъѣздъ нашъ изъ Петербурга[2]) послѣдовалъ 19-го Декабря 1813 года. Холодъ стоялъ страшный. Яркое солнце разливало потоки свѣта по ледяному небосклону. Я надрывалась отъ горести, разлучаясь съ моими родными, съ моею пріятельницею, со всѣмъ, чтò услаждало мнѣ существованіе. Меня также очень жалѣли, и я пошла въ покои Императрицы со слезами на глазахъ. Тамъ собрались многіе. Лицо ея подернуто было облакомъ печали. Позавтракавъ на скорую руку, мы сѣли въ экипажи. Дорога была ужасная; непріятность ѣзды усиливалась отъ 25-ти градуснаго мороза. Но, благодаря отличному здоровью и моей сообщительности, я скоро повеселѣла и сдѣлалась пріятною для лицъ, ѣхавшихъ со мною вмѣстѣ. Я пріобрѣла ихъ дружбу, которую они мнѣ выражали наперерывъ. Это очень утѣшало меня, и я старалась заслужить расположеніе моихъ спутниковъ неизмѣннымъ вниманіемъ и умѣньемъ быть скромною. Только дѣвица Валуева не могла мнѣ простить милостей, которыхъ меня удостоивали Государь и Государыня.

Не стану говорить о праздникахъ, которые даны были въ честь Государыни въ Ригѣ, ни о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня этою древнею Ливоніею, съ ея злополучнымъ рабствомъ, нынѣ отмѣненнымъ. Осуществить волю свою по этому предмету Государь поручилъ маркизу Паулуччи и, благодаря его твердому и благоразум-

---

[1]) См. выше, стр. 194.

[2]) Съ императрицей Елисаветой Алексѣевной, въ Германію. П. Б.

ному управленію, всѣ затрудненія были улажены, и свобода Ливонскихъ крестьянъ осталась памятникомъ, столь достойнымъ Александра.

Не смотря на время года, мы ѣхали поспѣшно и нерѣдко даже по ночамъ. Въ темнотѣ и при страшномъ вѣтрѣ перебрались мы черезъ границу Россіи. Дорога шла берегомъ моря, которое виднѣлось намъ, когда мѣсяцъ проглядывалъ сквозь разносимыя бурею тучи. Волны хлестали по колесамъ нашей кареты, а зажженный на берегу маякъ предостерегалъ пловцовъ объ опасности. Сидѣвшіе со мною крѣпко спали. Я была одна съ моими думами о томъ, что въ первый разъ покидаю Россію. Я прощалась съ нею, облетая мыслію все дорогое чтò я въ ней покидала, и откидывалась въ глубину кареты, чтобы снова погрузиться въ мои мечтанія. Въ этой холодной Россіи провела я 22 года жизни, испытавъ удовольствія и скорби. Первыя были коротки и рѣдки; отъ послѣднихъ остались въ душѣ моей неизгладимые слѣды. При этихъ воспоминаніяхъ я предоставляла свою будущность Богу и дала себѣ обѣтъ ни малѣйше не противиться потоку событій. Эта рѣшимость моя была искренняя и заслужила мнѣ благословеніе небесное: ибо путешествіе, начатое при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ, было для меня счастливо, вопреки кое-какимъ непріятностямъ, которыя я выучилась презирать.

Нами овладѣло ощущеніе славы и счастія, когда мы въѣхали въ Пруссію, гдѣ насъ встрѣчали народный восторгъ и благословенія. Все тамошнее населеніе относилось къ Россіи съ горячею признательностью. Позднѣе этотъ благородный порывъ былъ отравленъ опасеніемъ и завистью, но въ то время на всѣхъ лицахъ сіяло удовольствіе, и во всѣхъ устахъ было имя Александра, въ которомъ признавался залогъ спасенія. Мы наслаждались этимъ торжествомъ, забывая, что для Императрицы къ нему примѣшивалась значительная доля горечи. Въ самомъ дѣлѣ, она была супругою Александра, но супругою покинутою, бездѣтною и безнадежною. Ахъ, если бы она могла съ самоотреченіемъ беззавѣтно отдаться счастію любить и цѣнить того, съ кѣмъ была соединена самыми священными узами, то все пошло бы иначе, и они оба еще могли бы насладиться жизнію. Но, видно не суждено было произойти этому. Въ Кенигсбергѣ мы ее видѣли печальную, усталую и вовсе нелюбезную къ своимъ спутникамъ, которые въ свою очередь не таили своего недовольства. На глазахъ у меня происходило много характерныхъ сценъ. Справедливо замѣчаютъ, что надо путешествовать вмѣстѣ, чтобы хорошенько познакомиться. Иной разъ мнѣ было забавно наблюдать, какъ, собравшись къ Императрицѣ какъ будто по семейному, путешествен-

ники начинали ссориться. Она выражала неудовольствіе противъ нихъ, они противъ нея. Растворялись двери, передъ нами являлось многолюдное общество, и внезапно, какъ будто по удару волшебнаго жезла, Императрица принимала вновь кроткій и любезный видъ и очаровательно бесѣдовала съ приближенными. Мы также мѣняли наши лица и выслушивали похвалы иностранцевъ нашей ангельской Царицѣ, показывая видъ, что мы въ восторгѣ отъ ихъ общества, и комедія сходила превосходно. Только-что двери затворялись, Императрица кидалась въ кресло, усталая отъ скуки и довольная тѣмъ, что наконецъ избавилась отъ этихъ несносныхъ людей. Вслѣдъ за любезными словами и ласковыми улыбками, которыя расточались этимъ бѣднымъ людямъ, мы обязаны были смѣяться отъ радости, что больше ихъ не видимъ. Такова исторія всѣхъ дворовъ на свѣтѣ, и я не могу надивиться, какъ еще можно добиваться чести царедворства безъ надежды попасть въ близость. Нѣкогда государи, можетъ быть, находили нѣкоторое удовольствіе являться на показъ; но съ тѣхъ поръ какъ Французская революція низвела ихъ со скучнаго ихъ величія, эти оказательства сдѣлались для нихъ наказаніемъ, отъ котораго избавлять ихъ значитъ дѣлать имъ угодное.

Въ Кенигсбергѣ я провела очень пріятный день съ адмираломъ Грейгомъ и графомъ Гейденомъ, не подозрѣвая, что сей послѣдній такъ славно будетъ участвовать въ освобожденіи Греціи, которое въ то время представлялось мнѣ лишь мечтою.

Мы пріѣхали въ Берлинъ, изнеможенныя отъ усталости и холода. Вмѣсто отдыха намъ пришлось быть на большомъ обѣдѣ и на представленіи принцессамъ королевскаго дома. Король находился на войнѣ: великая борьба еще продолжалась. Дворъ, только что возвратившійся изъ своего изгнанія, вспоминалъ объ испытанныхъ бѣдствіяхъ. Память покойной королевы еще была свѣжа во всѣхъ сердцахъ. Дочери производили впечатлѣніе сиротства, отъ котораго терпѣло ихъ воспитаніе; но милая наружность и дѣтская доброта принцессы Шарлоты предвѣщали ей счастливую будущность. Своею простотою въ обращеніи она составляла рѣзкую противоположность съ вычурностью королевской невѣстки, супруги принца Вильгельма, которая принимала Императрицу въ Берлинѣ. Эта принцесса была хороша собою, но рядилась она очень вычурно и надоѣдала своимъ желаніемъ нравиться и изъявленіями чувствительности и поэтическаго патріотизма *). У нея

---

*) Въ этомъ она, вѣроятно, подражала покойной королевѣ. П. Б.

однако было много поклонниковъ, и при Берлинскомъ дворѣ она всѣхъ затмѣвала. Гораздо умнѣе и любезнѣе показалась мнѣ принцесса Радзивилъ, двоюродная сестра короля; но въ особенности меня плѣнила побочная сестра короля, графиня Бранденбургъ. Она была прекрасна, любезна, и къ тому же, повидимому, высокаго и прочнаго умственнаго закала.

Послѣ обѣда мы пошли въ театръ, гдѣ было нарочно для Императрицы устроено представленіе, съ эмблемами и намеками, которые, признаюсь, не понравились мнѣ; но я чрезвычайно изумилась, когда въ глубинѣ сцены показались два увѣнчанные лаврами бюста, нашего Государя и Прусскаго короля. На эти бюсты важно опирались актеръ и актриса, представлявшіе Фридриха II-го и Екатерину II-ю. Одежда и выраженіе, грязный и странный мундиръ Фридриха, фижмы и прическа Екатерины отличались поразительною вѣрностью; но все вмѣстѣ не производило пріятнаго впечатлѣнія. Представленіе это было мнѣ даже противно и казалось оскорбленіемъ обоихъ покойниковъ; но зрители, и въ числѣ ихъ любезная графиня Бранденбургъ, остались очень довольны. Между обоими вѣнценосцами внезапно появился геній, съ пальмовою вѣтвію, окруженный сіяніемъ. Многіе вокругъ меня восклицали, что это покойная королева; я не понимала что́ это значитъ, но нарочно молчала, боясь моими разспросами задѣть самолюбіе обитателей Берлина.—Тутъ же находились король Саксонскій и его семейство. Они считались плѣнниками и очень были счастливы вниманіемъ, которое имъ оказала Императрица. Государь написалъ ей, чтобъ она ихъ повидала и выразила участіе къ ихъ несчастію. Король и королева, которая особенно была недовольна Государемъ, такъ никогда и не узнали, что Императрица участливо отнеслась къ нимъ именно по его приказанію. Они, разумѣется, приписали это возвышенности ея чувствъ и не преминули толковать о несправедливостяхъ Государя къ столь достойной супругѣ. Намъ оскорбительно было слушать эти нескромные отзывы, и мы должны были притворяться не понимающими, дабы избавить себя отъ необходимости возраженій.

Посреди окружавшей меня суматохи исполняла я горькую и священную обязанность: уединенная могила брата моего въ землѣ чужой еще не была до сихъ поръ орошена слезами любви. Я отправлялась туда раннимъ утромъ съ моею служанкою. Эту могилу обыкновенно показываютъ путешественникамъ, пріѣзжающимъ на могилу графа Деламарка. Братнина могила находилась на церковномъ дворѣ, у самой стѣны, между двумя великолѣпными церквами. Чтобы добраться до

нея, я должна была идти по колѣно въ снѣгу. Я садилась на ступеньки гробницы и вдоволь плакала. Мнѣ казалось, что добрый мой Константинъ доволенъ тѣмъ, что я благословляла его память и призывала ему вѣчное милосердіе. Памятникъ, который батюшка поставилъ надъ нимъ, былъ мрачнаго вида и мрачнаго цвѣта, съ Латинскою надписью, гласившею, что онъ взятъ отъ насъ въ годину мрака и печали. Я подолгу оставалась въ этомъ печальномъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть тамъ крестъ, залогъ божественной любви. Я обратилась къ медику Императрицы, который выражалъ мнѣ дружбу, и онъ немедленно заказалъ отъ моего имени отличному ваятелю Шадову большое мраморное распятіе, которое впослѣдствіи было придѣлано къ памятнику съ присоединеніемъ стиховъ изъ Мессіады, въ которыхъ Господь говоритъ одному изъ падшихъ, но кающихся ангеловъ: «Пріиди къ Тому, Кто о тебѣ сожалѣетъ!»

14-го Января мы выѣхали изъ Берлина. Стало не такъ холодно, но еще не было ни по чему замѣтно, что мы приближаемся къ южнымъ странамъ. Въ Лейпцигѣ я почувствовала себя какъ-то особенно: батюшка тамъ учился и любилъ вспоминать про тогдашнее время своей жизни, которая потомъ ознаменовалась для него непрерывными тревогами. Цѣлыя стаи воронъ носились надъ Лейпцигомъ, означая намъ поле битвы, гдѣ погибло столько людей для освобожденія отъ Наполеонова ига. Вскорѣ развлекла насъ прекрасная долина Салы. Солнце свѣтило по весеннему, и все встрѣчное принимало болѣе веселый видъ, такъ что въ Веймаръ мы пріѣхали въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Нѣкогда въ Петербургѣ я знала великую княгиню Марію Павловну. Она выразила мнѣ удовольствіе, что опять меня видитъ.

Веймарскій замокъ очень красивъ, и все устроено въ немъ на широкую ногу. Дворъ многолюднѣе и богаче Берлинскаго. Принимала герцогиня, тетка Императрицы, поистинѣ съ величавымъ достоинствомъ, такъ что намъ казалось, что ей подобало быть не въ Веймарѣ, а развѣ на престолѣ Людовика XIV-го. Своими важными и въ тоже время изящными движеніями напоминала она времена протекшія, и Вальтеръ-Скотъ могъ бы помѣстить ее въ какой-нибудь изъ своихъ прелестныхъ историческихъ романовъ. Хотя Императрица торопилась на свиданіе со своими, но ее уговорили принять балъ и быть на представленіи Гётевой трагедіи. Я познакомилась съ этимъ славнымъ поэтомъ; но въ томъ, что́ онъ говорилъ напрасно искала я слѣдовъ пламеннаго воображенія, плодами котораго наслаждаются его современники. Передо

мною былъ холодный, разсчитанно-приличный царедворецъ, удовольствованный лентою и чиномъ. Его движенія какъ-то странно противорѣчили прекрасной и благородной его наружности, напоминающей изваянія Юпитера. Однако случалось, что взоръ его оживлялся, и какое-нибудь счастливое выраженіе обличало въ немъ поэта.

Въ Веймарѣ Императрица распорядилась своимъ путешествіемъ: принцесса Амалія со своей дамой и со мною осталась назади. Мы ночевали въ Эйзенахѣ, гдѣ я сидѣла за ужиномъ рядомъ съ человѣкомъ, которому суждено было потомъ дѣлить со мною счастіе и невзгоды жизни. Графъ Эделингъ показался мнѣ добрымъ и любезнымъ. Разговоръ шелъ на Итальянскомъ языкѣ, который былъ ему родной, но разставаясь мы оба никакъ не воображали, что будемъ жить неразлучно.

Между Веймаромъ и Франкфуртомъ видѣли мы старый за̀мокъ, гдѣ жила старуха, Ангальтская принцесса, тетка или двоюродная сестра Екатерины II-й. Ея старый гофмаршалъ, въ старой каретѣ, запряженной старыми клячами, явился привѣтствовать Императрицу старыми фразами отъ имени этой старой родственницы, которой наружность, кресла и обстановка вполнѣ соотвѣтствовали ея посланнику и принадлежали къ числу наиболѣе памятныхъ достопримѣчательностей нашего путешествія.

Долгое и мучительное странствованіе приближалось къ концу. Императрица съ сестрою своею отправилась впередъ, чтобы скорѣе увидиться съ маркграфинею, которая выѣхала къ нимъ на встрѣчу въ сопровожденіи всего остальнаго семейства. Въ тотъ же вечеръ мы всѣ собрались въ Бруксальскомъ за̀мкѣ, нѣкогда мѣстопребываніи Шпеерскихъ епископовъ, предоставленномъ маркграфинѣ ея супругомъ на случай ея вдовства. Въ этомъ старинномъ обиталищѣ должны мы были водвориться до исхода войны. Приняты были мѣры къ возможному удобству и пріятностямъ жизни. Туда съѣхались изъ разныхъ угловъ Германіи родственники Императрицы, чтобы съ нею повидаться и провести время. Между ними отличалась королева Шведская: рѣзко бросающаяся въ глаза красота ея и лукавая улыбка нисколько не свидѣтельствовали объ ея несчастіи. Насъ занималъ ея 14-лѣтній сынъ, скромный въ обращеніи, съ печальною будущностью. Принцесса Стефанія-Наполеонъ, невѣстка Императрицы, пріѣзжала въ Бруксаль изрѣдка, и ее принимали холодно. Мы же, напротивъ, восхищались ею, и она могла убѣдиться, что мы не раздѣляемъ чувствъ, которыя питала къ ней маркграфиня. Положеніе ея было весьма тяжелое: при-

нужденная скрывать горесть, причиняемую несчастіемъ ея семейства, она должна была бороться съ отвращеніемъ, которое къ ней питало семейство ея мужа. Выразительная наружность ея не могла скрыть ощущеній, которыя ее волновали. Успокоившись, она опять становилась весела и проявляла плѣнительныя качества ума, которыми Небо такъ щедро ее одарило.

Жизнь наша въ Бруксалѣ потекла заведеннымъ, однообразнымъ порядкомъ. Я отлично приноровилась къ нему, но другіе приходили отъ него въ отчаяніе. Обѣдъ всегда происходилъ торжественно. Каждый день одни и тѣже поклоны, одни и тѣже вопросы и отвѣты; ихъ величества и ихъ высочества титуловались между собою безпрерывно. Послѣ обѣда нѣсколько времени не расходились, но никто не садился, такъ что къ себѣ въ комнаты мы возвращались усталые. Большая часть общества, жившаго въ зáмкѣ, собиралась ко мнѣ. Въ кружкѣ нашемъ было очень пріятно; простою, живою веселостью, взаимною снисходительностью вознаграждали мы себя за принужденность и натянутость, которыя господствовали въ парадныхъ комнатахъ. Пить чай собирались къ 7 часамъ. Маркграфиня, Императрица, король и королева Баварскіе, королева Шведская и всѣ наличныя высочества усаживались въ большомъ кабинетѣ, открытыя двери котораго выходили въ гостинную, гдѣ собирались мы. Царствовавшая въ кабинетѣ скука выводила иной разъ изъ терпѣнія тѣхъ, кто по устарѣлому этикету обязанъ былъ тамъ оставаться. Мы же смѣялись и болтали безъ стѣсненія, не смотря на августѣйшее сосѣдство. Въ большомъ кабинетѣ завидовали нашей веселости, а иногда ею обижались.

Разумѣется, извѣстія изъ арміи очень насъ занимали. Со стороны Страсбурга, осожденнаго союзниками, намъ слышны были пушечные выстрѣлы. Курьеры, правильно отправляемые въ Петербургъ, привозили Императрицѣ письма; въ нихъ мало было подробностей. Государь не сообщалъ ничего положительнаго. Оттого вѣсть о взятіи Парижа и заключеніи мира въ Фонтенбло произвела въ насъ невыразимый восторгъ. Это было вечеромъ, когда мы находились въ сборѣ. Большой кабинетъ опустѣлъ; объ этикетѣ никто уже не думалъ: поздравляли другъ друга, обнимались, и никто не могъ удержаться отъ радостныхъ слезъ. Помню, какъ изумилъ меня трактатъ, подписанный въ Фонтенбло. Хотя вообще Наполеона въ это время ненавидѣли, однако людямъ мыслящимъ невозможно было не платить ему дани удивленія, которая воздается всегда великому человѣку и отъ приверженцевъ, и отъ враговъ его; но въ его отреченіи проявилась такая мелочность, такое

несоотвѣтствіе съ его славою: тутъ и пенсіонъ, и сохраненіе титуловъ, и тому подобныя пошлости. Я почти готова была повѣрить мелкимъ писакамъ, которые изображали его просто проходимцемъ. Впослѣдствіи Наполеонъ постигъ всю низость этого отреченія и взваливалъ вину его на тѣхъ, кто велъ переговоры.

Этимъ великимъ событіемъ возвѣщалось намъ скорое возвращеніе Государя и свиданіе съ нимъ, которое должно было имѣть для Императрицы рѣшающее значеніе. Мать ея и сестры были этимъ очень заняты, и мы съ горестью замѣтили, что внушенія ихъ, дѣланныя вѣроятно вкривь и вкось, возымѣли дѣйствіе, а между тѣмъ отъ счастія вѣнчанныхъ лицъ зависитъ иногда судьба цѣлаго поколѣнія. Въ проѣздъ свой чрезъ Карлсруэ Государь выражалъ самое нѣжное вниманіе своей тещѣ, такъ что маркграфиня стала надѣяться, что супруги сблизятся между собою; но дѣло въ томъ, что сама она вовсе не годилась для роли примирительницы. Всегда холодная, чѣмъ-то затрудненная и недовольная маркграфиня не имѣла понятія, что̀ такое языкъ сердца. Она состарилась въ сферѣ приличій и горделивыхъ предразсудковъ, отчего бывала часто несправедлива и всегда несчастна. Императрица любила и уважала мать свою, но жить въ Бруксалѣ и для нея было утомительно-скучно, и чтобы доставить ей нѣкоторое развлеченіе, насъ повезли въ Баденъ. Пріѣздъ Государя замедлился на нѣсколько недѣль его поѣздкою въ Англію.

Въ Баденѣ сблизилась я съ двумя лицами, горячо и добросовѣстно посвятившими себя созерцанію предметовъ божественныхъ. Баронесса Крюднеръ и Юнгъ-Штиллингъ оба полюбили меня, что̀ мнѣ было особенно дорого, такъ какъ я могла спасаться въ ихъ обществѣ отъ пошлости и скуки двора. Баронесса жила въ хижинѣ, куда къ ней приходили нищіе, огорченные, также дѣти и нѣкоторые свѣтскіе люди, подобно мнѣ желавшіе подышать болѣе чистымъ воздухомъ въ атмосферѣ любви и мира. Въ это время она искала Бога въ упражненіяхъ милосердія, произвольной бѣдности и религіозной восторженности, что̀ потомъ разстроило ей здоровье: все вокругъ получило для нея таинственное значеніе, природа физическая и нравственная населилась химерами, не дававшими ей покоя. Но и посреди своихъ заблужденій она всегда была добра, умилительно-участлива къ несчастію, сострадательна къ скорбямъ и недостаткамъ ближнихъ.

Юнгъ-Штиллингъ принадлежалъ къ числу горячихъ и чистыхъ душъ, которымъ не достаетъ лишь положительной религіи, дабы въ дѣлѣ вѣры слѣдовать по стопамъ Фенелона. Но онъ родился въ про-

тестантской церкви, и воображеніе его запуталось въ фантастическихъ теоріяхъ, не искажавшихъ впрочемъ простоты его сердца. Онъ жилъ по-христіански и съ любовью исполнялъ всѣ свои обязанности. Когда я навѣстила его въ скромномъ его жилищѣ, онъ разсказывалъ многочисленному своему семейству то чтò случалось съ нимъ въ жизни, и мнѣ казалось, что я вижу передъ собою одного изъ древнихъ патріарховъ, передающихъ потомству про чудеса Господни. Положеніе Юнга-Штиллинга было горестное и стѣсненное; но вѣра его не колебалась отъ того, и Провидѣніе всякій разъ выводило его неожиданнымъ образомъ изъ самыхъ тяжкихъ затрудненій. Такъ было и въ это время. Безъ его вѣдома я выпросила ему пенсію отъ Императрицы. Мнѣ было извѣстно, что у него долги, которые его мучили, такъ какъ онъ не имѣлъ надежды расплатиться. Опять безъ его вѣдома (мнѣ онъ никогда не говорилъ про свои дѣла) я обратилась къ князю Голицыну, о благотворительности котораго я знала; тотъ сказалъ Государю, и старику доставили отъ неизвѣстнаго лица тысячу червонцевъ, которыми онъ уплатилъ свои долги. Это обстоятельство дало Юнгу-Штиллингу возможность спокойно и благословляя Господа окончить долголѣтнее свое поприще. Я никогда не забуду проведенныхъ у него лѣтнихъ вечеровъ. Онъ садился за фортепьяно и сопровождалъ торжественными акордами какую-нибудь прекрасную духовную пѣснь, которую исполняли чистые и свѣжіе голоса его дѣтей. Сердце мое расширялось отъ этихъ звуковъ, полныхъ любви къ Богу и признательности.

Тогда же я вела правильную переписку съ моими родными, съ моею пріятельницей и съ графомъ Каподистріей. Новый его начальникъ генералъ Барклай-де-Толли не замедлилъ оцѣнить его достоинства; но мѣсто ему подобало вовсе не при войскахъ. Во Франкфуртѣ Государю понадобилось кончить какую-то важную работу, и онъ спросилъ у Барклая, кому бы поручить ее. Главнокомандующій назвалъ ему и прислалъ графа Каподистрію. Государю не могли не полюбиться его благородная, изящная наружность, черты лица, чрезвычайно правильныя и въ тоже время проникнутыя сердечнымъ оживленіемъ. Поговоривъ съ нимъ, Государь убѣдился, что нашелъ человѣка, какого давно искалъ, съ умомъ тонкимъ и возвышеннымъ, съ основательностью и съ искусствомъ распознавать людей. Предстояло уладить запутанныя и трудныя дѣла Швейцарскія. Надо было пріобрѣсти довѣріе жителей, прекратить ихъ ссоры и устроить ихъ будущность съ возможностью разсчитывать на ихъ преданность. Это сложное порученіе было возложено на Каподистрію, который и поѣхалъ въ Швейцарію вмѣстѣ съ Лебцельтерномъ, оба подъ вымышленными именами.

Успѣхъ превзошелъ ожиданія Государя. За тѣмъ Каподистрія опредѣленъ на гласную должность и получилъ возможность проявлять свои дарованія. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Бруксаль я получила отъ него письмо изъ Цюриха, съ воспоминаніями о прошедшемъ и съ надеждами на будущее. Я была тронута этимъ письмомъ, зная, что Каподистрія, отъ природы сосредоточенный, не любилъ расточаться въ сердечныхъ изъявленіяхъ *). Я отвѣчала ему, какъ другу нашего семейства, и такимъ образомъ завелась правильная переписка, про которую я и не думала таить, находя ее очень естественною. Но по поводу ея возникъ слухъ, будто мы располагаемъ соединиться бракомъ, который считали весьма приличнымъ. Счастливый своимъ положеніемъ, онъ желалъ оставаться на своей должности. Мы переписывались о тогдашнихъ событіяхъ, о нашемъ общемъ желаніи, чтобы воскресла Греція въ видѣ Іонической республики, о надеждахъ увидѣть другъ друга снова. Онъ писалъ, что нетерпѣливо желаетъ прочитать мнѣ свой дневникъ, чтобы доказать, что, не смотря на разлуку нашу, на разныя обстоятельства и невзгоды, причиненныя войною, воображеніе его постоянно занято было мною, что я была цѣлію его трудовъ и что, сообщивъ мнѣ о томъ въ присутствіи моей семьи, онъ попроситъ моей взаимности. Эти слова, въ устахъ человѣка столь разсудительнаго и дѣловаго, конечно должны были убѣдить меня, что я нужна для его благополучія. Но я тщательно старалась о томъ не думать: мнѣ все казалось, что иначе я разрушу покой моей жизни. Я откладывала рѣшеніе до того времени, какъ увижусь со своими, и продолжала писать къ графу Каподистріи съ дружескимъ чувствомъ сестры, предоставляя судьбу свою Провидѣнію.

Наконецъ пріѣздъ Государя былъ назначенъ. Мы тотчасъ покинули Баденъ и поѣхали принять его въ Бруксалѣ. Родные Императрицы много спорили съ ней о томъ, ѣхать-ли ей на встрѣчу, и рѣшено было, что она дождется его въ загородномъ домѣ, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Бруксаля. Императрицу должны были сопровождать туда ея сестра и кто-нибудь изъ насъ. Выборъ палъ на меня, въ виду предпочтенія, которое оказывалъ мнѣ Государь. Мы выѣхали рано. Императрица очень волновалась, и я видѣла, какъ страдала ея гордость отъ мысли, что не къ ней ѣдутъ на встрѣчу. Волненіе ея усилилось въ теченіи дня, потому что извѣстій о государевомъ приближеніи не приходило. Я всячески старалась развлечь и забавлять ее, чтò мнѣ удавалось до такой степени, что повидимому она была до-

*) Напомнимъ читателю, что это писано еще при жизни графа Каподистріи. П. Б.

вольна мною. Но приближалась ночь, а Государя все не было. Мы собирались ѣхать назадъ въ Бруксаль, когда пришли сказать, что показался экипажъ Его Величества. Императрица и сестра ея помѣстились у входной двери. Государь обнялъ ее съ плѣнительною простотою и нѣжностью и спросилъ, узнаётъ-ли она его постарѣвшее лицо. Онъ былъ растроганъ тѣмъ, что она поспѣшила его встрѣтить, обращался къ ней съ разными любезными вопросами, поцѣловалъ невѣстку свою и спросилъ, кто съ ними. Назвали меня, и онъ пошелъ отыскивать меня въ кабинетѣ, куда я удалилась. Я была слишкомъ взволнована, чтобы привѣтствовать его сколько-нибудь приготовленными выраженіями, молча пожала ему руку и заплакала отъ радости. Все идущее отъ сердца ему было пріятно. «Я уже знаю», сказалъ онъ, «что̀ вамъ хотѣлось бы мнѣ сказать», и мы пошли къ Императрицѣ. Уже было поздно, и надлежало подумать о возвращеніи въ Бруксаль. Государь захотѣлъ непремѣнно сѣсть четвертымъ въ нашу коляску; но принцесса Амалія настояла, чтобы онъ ѣхалъ въ своей вмѣстѣ съ Императрицею, а къ намъ посадилъ своего спутника графа Толстаго, который всю дорогу много смѣшилъ насъ разсказомъ о томъ, какъ они ѣздили въ Англію. Въ за̀мокъ мы пріѣхали ночью; все спало или казалось, что спитъ. Каждый изъ насъ наципочкахъ прослѣдовалъ къ себѣ въ комнату запастись отдыхомъ къ завтрашней суматохѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ ранняго утра за̀мокъ наполнился множествомъ лицъ, давно ожидавшихъ Государя: мундиры и ленты всѣхъ цвѣтовъ, бѣготня, тревожное любопытство и ко всему этому извѣстнаго рода подлость, которая по несчастію составляетъ атмосферу, окружающую царственныхъ лицъ, и за которую надо винить не ихъ, а человѣческую природу, осужденную либо ползать, либо грозить. Между царедворцами, дипломатами, князьями и любопытствующими лицами, тѣснившимися въ залахъ Бруксальскаго за̀мка, я замѣтила Лагарпа. Онъ наслаждался славою Александра, какъ плодомъ трудовъ своихъ. Мѣщанская простота въ обращеніи не соотвѣтствовала его Андреевской лентѣ. Чистотою своихъ побужденій онъ обезоруживалъ ненависть и зависть, и самыя сильныя противъ него предубѣжденія незамѣтно пропадали въ бесѣдѣ съ нимъ.

Тутъ же былъ доблестный баронъ Штейнъ, привлекая къ себѣ вниманіе Нѣмецкихъ князей, которые и ненавидѣли его, и льстили ему. Онъ неспособенъ ни на минуту скрыть свою мысль. Онъ принадлежитъ къ числу людей античнаго характера, никогда не вступающихъ въ сдѣлку съ совѣстью. Тиранство Наполеона, какъ и Нѣмецкихъ князей было ему одинако ненавистно и, подъ покровительствомъ

Александра, онъ одинъ боролся съ ихъ притязаніями, отстаивалъ дѣло населеній и, наконецъ, добился обезпеченія ихъ правъ. Юнгъ-Штиллингъ, въ то время еще неизвѣстный Государю, также находился въ этой разнообразной толпѣ, выносить которую облегчала ему моя внимательность.

Первый день прошелъ въ представленіяхъ и заявленіяхъ, одно другаго несноснѣе. Затѣмъ былъ нескончаемый обѣдъ. Я по обыкновенію старалась вознаградить скуку всего этого бесѣдою съ лицами, которыя меня занимали. Моя прирожденная и спокойная непринужденность вѣроятно выдѣлялась рѣзко посреди окружавшей меня натянутости, и оттого Государь былъ со мною отмѣнно любезенъ и внимателенъ. Царедворцы немедленно стали во мнѣ заискивать, и удовольствіе, доставленное мнѣ его милостью, было отравлено пошлою лестью и ротозѣйствомъ толпы. Къ вечеру въ гостиныхъ остались только лица, состоявшія при царственныхъ особахъ, а сіи послѣднія по этикету, о которомъ я говорила выше, находились въ особой комнатѣ съ растворенными дверями. Государь терпѣть не могъ этихъ обособленій; онъ вышелъ къ намъ въ гостиную и, увидавъ меня въ углубленіи окна, сталъ со мною разговаривать. Бывшія подлѣ меня лица отошли изъ почтенія, и бесѣда наша оживилась. Души, находящіяся между собою въ какомъ-либо сродствѣ, испытываютъ потребность узнавать ближе одна другую и взаимно высказаться. Поэтому въ разговорѣ нашемъ мы коснулись всего, что̀ насъ обоихъ занимало. Я высказывала мои мысли съ обычною непринужденностью. Государю было это въ диковинку, и онъ отвѣчалъ съ рѣдкою для него откровенностью. Помню, я ему говорила: «Такъ какъ Ваше Величество относитесь ко мнѣ съ отмѣнною добротою, то я обязана высказаться передъ вами вполнѣ. Образъ моихъ мыслей не соотвѣтствуетъ положенію, которое я занимаю. Въ глубинѣ души моей я республиканка; я терпѣть не могу придворной жизни и не придаю никакой цѣны чинамъ и преимуществамъ происхожденія: они мнѣ смертельно скучны. Но смотрите, не разглашайте о томъ въ здѣшней странѣ. Иначе я поплачусь дорого».—«Нѣтъ, нѣтъ», отвѣчалъ онъ мнѣ съ усмѣшкою, «будьте покойны! Откровенность за откровенность: я скажу вамъ, что люблю васъ за это еще больше, и что самъ я думаю совершенно также, какъ и вы. Однако согласитесь, что эти предразсудки въ Россіи гораздо слабѣе, нежели въ другихъ странахъ».—«Да, въ царствованіе Вашего Величества, и вотъ почему я страхъ какъ боюсь пережить Васъ».—«Вотъ хорошо! Но надо думать, что просвѣщеніе настолько распространится, что послѣ меня эти предраз-

судки утратятъ всякое значеніе. Я очень радуюсь, глядя на нашу молодежь. Она подаетъ большія надежды, и я утѣшаю себя мыслію, что со временемъ эти надежды оправдаются. Въ нынѣшнее время я особенно живо чувствую потребность въ истинныхъ достоинствахъ и вижу, какъ мы ими бѣдны».—«Я знаю, Государь, что вы отличили человѣка, который конечно имѣетъ много достоинствъ. Я въ немъ принимаю участіе какъ въ соотечественникѣ и въ давнишнемъ знакомцѣ».—«Это графъ Каподистрія? Вы его знаете?»—«Это другъ нашего семейства, и наша дружба началась еще въ то время, когда никто не въ состояніи былъ оцѣнить его. Ваше Величество сдѣлали въ немъ находку».—«И представьте себѣ, его прислали ко мнѣ просто по прихоти случая! Онъ тотчасъ же изумилъ меня своими способностями. Мнѣ надо было послать въ Швейцарію искуснаго, благонамѣреннаго и здравомыслящаго человѣка. Онъ превзошелъ мои ожиданія, и я разсчитываю воспользоваться имъ въ будущемъ».—«Онъ очень счастливъ милостями Вашего Величества и своимъ мѣстомъ въ Швейцаріи».—«Онъ тамъ не останется; у насъ будетъ много дѣла въ Вѣнѣ; у меня же нѣтъ человѣка довольно сильнаго для борьбы съ Метернихомъ. Я думаю приблизить къ себѣ графа Каподистрію».—Потомъ Государь распрашивалъ меня объ Юнгѣ-Штиллингѣ. Я отзывалась о немъ съ сердечнымъ участіемъ, что̀ подало намъ поводъ сообщить другъ другу наши понятія о религіи. Подобно многимъ современникамъ нашимъ, мы чувствовали потребность въ вѣрованіи положительномъ, но чуждомъ нетерпимости и отвѣчающемъ на всѣ положенія въ жизни. Тутъ была у меня съ Государемъ новая точка соприкосновенія, и я имѣла отраду убѣдиться, какое сокровище вѣры и любви таилось въ этомъ поистинѣ царственномъ сердцѣ.

Увлекаемые быстрымъ обмѣномъ мыслей и чувствъ, мы продолжали разговаривать, чему дивилось наблюдавшее насъ общество, въ средѣ котораго немногіе умѣли цѣнить чистое и живое наслажденіе пріятной бесѣды. Обиженная уходомъ Императора маркграфиня уже нѣсколько разъ подходила къ двери поглядѣть, что̀ тамъ происходитъ. Наконецъ, она не вытерпѣла, подошла къ намъ и прервала нашъ разговоръ, длившійся въ теченіи часа. Государь провелъ ее назадъ въ августѣйшій кабинетъ, а я присоединилась къ своимъ.

Тутъ находился молодой Ипсиланти, начавшій свое боевое поприще тѣмъ, что у него оторвало правую руку. Онъ долго страдалъ, но не переставалъ быть въ веселомъ расположеніи духа. Въ Бруксаль онъ пріѣхалъ повидаться со мною. Милостивый къ нему Государь огорчился, увидавъ его 22-хъ-лѣтнимъ инвалидомъ. Черты лица его болѣзненно искажались при воззрѣніи на какое-нибудь человѣческое бѣдствіе,

которому помочь онъ не былъ въ силахъ. Однажды позднимъ утромъ я собиралась принарядиться къ обѣду, какъ пришли сказать, что Императрица немедленно меня къ себѣ требуетъ; я поспѣшила сойти внизъ въ утреннемъ платьѣ, не причесавъ волосъ и накинувъ только шаль на плечи. Императрица сидѣла передъ зеркаломъ и убирала себѣ голову. Она сказала, что Государю угодно поговорить со мною объ Ипсиланти и чтобы я указала, что̀ можно для него сдѣлать. Въ ту минуту вошелъ Государь. Привѣтствуя меня съ тѣмъ почтительнымъ благоволеніемъ, которое только ему было свойственно, онъ повторилъ мнѣ сказанное Императрицею. Мнѣ легко было доставить Ипсилантію флигель-адъютантство; но по какому-то тайному вдохновенію я удержалась отъ того и довольствовалась, что поблагодарила Ихъ Величества за ихъ участіе къ нему, прибавивъ, что родственникъ мой счастливъ тѣмъ, что могъ пролить кровь свою за Россію, что единственное его желаніе продолжать службу и что онъ будетъ вполнѣ доволенъ, если обратятъ милостивое вниманіе на прошеніе его отца въ пользу лицъ, сопровождавшихъ его въ Россію. Государь попросилъ меня доставить ему до его отъѣзда краткую записку съ перечнемъ этихъ лицъ и означеніемъ, чего для нихъ желаетъ князь Ипсиланти. Тѣмъ временемъ Императрица кончила свою прическу, и какъ ей неловко было одѣваться въ нашемъ присутствіи, то Государь провелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ и продолжалъ разговаривать. «Я поздравляю себя, сказалъ онъ, съ тѣмъ, что узналъ васъ, и смѣю надѣяться, что заслужилъ ваше довѣріе. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы я могъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное. Не желаете-ли вы чего-нибудь?»— «Государь, не нахожу словъ выразить вамъ мою признательность; но я не очень дорожу внѣшними изъявленіями. Я довольна моимъ положеніемъ, и желать мнѣ нечего».—«Но неужели нѣтъ на свѣтѣ чего-нибудь такого, что̀ бъ я могъ вамъ доставить? Не принимаете-ли вы въ комъ-либо особаго участія?»—«Нѣтъ, Государь, мнѣ ничего не надобно. Я очень занята судьбою моего брата; но онъ молодъ, и я думаю, что онъ будетъ успѣвать, благодаря своимъ дарованіямъ. Ваше Величество со временемъ изволите оцѣнить ихъ, и объ этомъ я спокойна».—«Итакъ, мнѣ ничего нельзя для васъ сдѣлать?»—«Ничего, Государь, кромѣ продолженія вашей милости, которою я живо тронута».—«Вы не искренни или, по крайней мѣрѣ, не отвѣчаете участію, которое я принимаю въ васъ. Сегодня утромъ я видѣлъ Юнга-Штиллинга. Мы объяснялись съ нимъ какъ могли, по-нѣмецки и по-французски; однако я понялъ, что у васъ съ нимъ заключенъ неразрывный союзъ во имя любви и милосердія. Я просилъ его принять меня третьимъ, и мы ударили въ томъ по рукамъ».—«Но вѣдь этотъ союзъ

уже существовалъ, Государь! Не правда-ли?» При этомъ онъ съ нѣжностью взялъ меня за руку, и я почувствовала, что слезы полились у меня изъ глазъ. Прозвонилъ часъ обѣда. Я побѣжала къ себѣ въ комнату, и чрезъ нѣсколько минутъ явилась въ столовую маркграфини, гдѣ шумѣло много народу.

Эти случаи, наскоро записанные, дадутъ понятіе о благоволительности и сердечности Александра. Сладка для меня память о сношеніяхъ съ нимъ, потому что они были всегда благородны и чисты.

Въ виду отъѣзда Государя, Императрица пожелала слѣдовать за нимъ въ Россію. Жизнь въ Германіи вовсе не отвѣчала ея ожиданіямъ. Она безпрестанно говорила, что тутъ ей не мѣсто и что она будетъ спокойна только тогда, какъ возвратится въ страну, которую она считала настоящимъ своимъ отечествомъ. Но Государь возвращался въ Петербургъ лишь на нѣсколько недѣль, давъ обѣщаніе присутствовать на Вѣнскомъ конгрессѣ. Ему хотѣлось, чтобъ Императрица была съ нимъ тамъ. Послѣ долгихъ пререканій, она убѣдилась, что должна подчиниться волѣ супруга, и было рѣшено, чтобы мы ѣхали въ Вѣну. Я была рада, потому что наше семейство располагало зимовать въ Вѣнѣ. Графу Каподистріи не замедлила я сообщить то, что̀ про него услышала. Въ его отвѣтѣ замѣтно было, что ему вовсе не хочется лишиться своего мѣста въ Швейцаріи. Это меня удивило, и я стала доискиваться причины; но суматоха, въ которой я жила, не давала времени для размышленій.

Тотчасъ по отъѣздѣ Государя мы возвратились въ Баденъ. Множество иностранцевъ съѣхалось въ этомъ прелестномъ мѣстѣ. Тутъ была королева Гортензія и принцъ Евгеній съ женою, прибывшіе повидаться съ родственницею своею, принцессою Стефаніею. Королева Гортензія была ниже славы своей. Она вовсе не знала благоприличія и разсудительности, что̀ не вознаграждалось ея плѣнительною даровитостью. Доказательствомъ служитъ обращеніе ея съ родовитыми царственными особами, которыя принимали ее въ за̀мкѣ. Напримѣръ она спросила Императрицу, хорошо-ли у нея помѣщеніе въ Петербургѣ. Разсмѣявшись этому странному вопросу, Императрица обняла ее. Въ другой разъ королева Гортензія сказала Шведской королевѣ, что она любитъ ее въ особенности потому, что у нихъ обѣихъ одна и таже участь. Эти неловкости подымались на смѣхъ и причиняли досаду принцессѣ Стефаніи, которая ничего подобнаго не позволяла себѣ, будучи очень умна и много выше того, что̀ про нее говорили. Она чрезвычайно оскорбилась холоднымъ обращеніемъ Императора, который нѣкогда, въ Эрфуртѣ, оказывалъ ей много вниманія. Ей было неизвѣстно, что его раздражили противъ нея искусно пущенною въ

ходъ клеветою. Къ тому же маркграфиня и ея дочери ненавидѣли принцессу Стефанію, и выяснить дѣло значило для Государя ссориться съ ними. Въ это время вражда достигла крайнихъ предѣловъ. Князь Ипсиланти поѣхалъ за мною въ Баденъ. Благодаря своей красотѣ, молодости, почетному увѣчью и несчастіямъ семьи своей, онъ обращалъ на себя вниманіе и былъ желаннымъ гостемъ маркграфини; но по своей прямотѣ и шаловливости онъ не умѣлъ показывать вида, что ему весело у нея и по утрамъ просиживалъ у меня въ комнатѣ, куда ежедневно собирались мои друзья, а вечеромъ уходилъ ужинать къ принцессѣ Стефаніи, гдѣ ему было привольно. Этимъ воспользовались для самыхъ противныхъ заключеній. Вздумали даже передать ихъ мнѣ, но я настойчиво опровергла клевету и возбудила тѣмъ неудовольствіе, которое меня мало озаботило. Я уважала и полюбила принцессу Стефанію. Мы съ княземъ Ипсилантіемъ отзывались о ней въ почтительныхъ выраженіяхъ и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, мѣшали клеветѣ разноситься.

Красота и добродѣтели супруги принца Евгенія привлекали къ ней всеобщее расположеніе. Самъ онъ былъ отличенъ Государемъ въ Парижѣ и подъ его покровительствомъ надѣялся спасти свое семейство отъ погрома. Тутъ онъ обнаружилъ благоразуміе, составлявшее главную черту его характера. Чуждаясь сплетень дворскихъ, онъ не пропускалъ случая бывать въ замкѣ и держалъ себя свободно и безъ вычуръ. Я замѣтила, что ему было извѣстно про милостивое вниманіе, которое оказывалъ мнѣ Государь, и меня очень удивило, что онъ съ какою-то настойчивостью искалъ случая говорить со мною. Мнѣ было неловко: я не желала быть невѣжливой и въ тоже время опасалась прогнѣвить Императрицу, которая за одно съ своими родными не любила всѣхъ, кто близокъ къ принцессѣ Стефаніи. Впрочемъ бесѣда принца Евгенія не была лишена завлекательности: онъ столько видѣлъ, такъ хорошо зналъ исторію того времени и о событіяхъ ея говорилъ съ такою откровенностью, что бывало не наслушаешься. Безъ покровительства Александра, его положеніе было бы очень тяжкое. По возвращеніи Бурбоновъ возобладало начало возмездія и, не будь великодушнаго и сильнаго вмѣшательства Россіи, это возмездіе готово было не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ произвести свои опустошенія. Умѣренность Александра положила преграду этому бурному возвратному приливу человѣческихъ страстей. Подобно божеству, оградившему берега отъ напора морскихъ волнъ, онъ указалъ народамъ предѣлъ ихъ взаимной ненависти и мщенію. Еще долго онѣ бурлили и волновались; но предѣлъ былъ назначенъ, страсти разбивались объ него и должны были улечься.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО РОССІИ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Замѣтки современника.

Въ бытность въ городѣ Курскѣ, случайно пріобрѣли мы на рынкѣ часть библіотеки Дмитрія Андріановича Деменкова, вмѣстѣ съ его бумагами, «Памятными Записками» и нѣкоторыми письмами. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ путевыхъ замѣтокъ, которыя велъ Деменковъ, разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ Россіи. Замѣтки эти дѣлались первоначально на-черно, на скорую руку и потомъ очевидно переработывались дома, на досугѣ, и тщательно переписывались четкимъ, разборчивымъ почеркомъ въ особыя тетрадки. Описанія различныхъ мѣстностей Деменковъ нерѣдко снабжалъ подробными, хотя и миніатюрными планами и рисунками. Таковъ, напр., планъ города Тамбова съ его окрестностями, рисунокъ одной изъ церквей Троицко-Сергіевой Лавры, снимокъ съ памятника на Бородинскомъ полѣ и т. д. Въ общемъ его описанія путешествій (нельзя не сознаться въ этомъ) довольно скучноваты по своей растянутости и представляютъ мало общаго интереса; но посреди безчисленныхъ описаній природы и разныхъ мѣстностей попадаются весьма цѣнныя свѣдѣнія, относящіяся къ первой четверти настоящаго столѣтія. Таковы, напримѣръ, разсказы о путешествіяхъ императора Александра I-го. Разсказы эти весьма любопытны, и не вѣрить имъ нельзя, такъ какъ они дышатъ всей непосредственностью правды. Деменковъ описываетъ всѣ тѣ встрѣчи, какія дѣлались Императору, и приготовленія передъ его пріѣздомъ, или какъ очевидецъ, самъ видѣвшій и наблюдавшій ихъ, или же по свѣдѣніямъ отъ людей, принимавшихъ непосредственное

участіе въ той суматохѣ, какая поднималась въ глухихъ мѣстахъ по случаю царскаго проѣзда.

Первый по времени такой разсказъ относится къ посѣщенію Александромъ I-мъ города Архангельска въ 1819 году. Изъ всѣхъ разсказовъ Деменкова объ Александрѣ I-мъ этотъ разсказъ нужно признать наименѣе достовѣрнымъ, такъ какъ онъ былъ записанъ по слухамъ, и притомъ уже спустя много времени послѣ посѣщенія Государемъ города Архангельска. Государь путешествовалъ въ 1819 году, съ конца Іюля до Сентября, для обозрѣнія Олонецкой, Архангельской губерній и Финляндіи; въ Архангельскъ онъ пріѣхалъ 28-го Іюля, 20-го Августа былъ въ Торнео, а 3-го Сентября возвратился въ Петербургъ [1]). Между тѣмъ Деменковъ былъ въ Архангельскѣ (числясь на службѣ въ Бѣломорскомъ флотѣ) въ 1823 году, какъ это видно изъ его «*Замѣчаній о городѣ Архангельскѣ*»; стало быть, свѣдѣнія о пребываніи Государя въ этомъ городѣ были собраны позже.

Въ бытность свою въ Архангельскѣ Государь, какъ описываетъ Деменковъ, остановился въ домѣ извѣстнаго комерсанта, комерціи совѣтника Вильгельма Бранта [2]). Здѣсь онъ увидѣлъ между прочимъ главнаго прикащика Бранта, Клоссена, разговорился съ нимъ, и Клоссенъ такъ понравился Государю, что получилъ отъ него право безпошлинно рубить лѣсъ въ Архангельской губерніи въ теченіе двадцати лѣтъ. Клоссенъ воспользовался этимъ, отошелъ отъ своего хозяина Бранта, устроилъ лѣсопильный заводъ на Маймаксѣ и въ послѣдствіи такъ разбогатѣлъ, что сдѣлался однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ въ городѣ.

Въ Архангельскѣ Государь, между прочимъ, полюбопытствовалъ взглянуть на увеселенія мѣстныхъ жителей и передалъ объ этомъ генералъ-губернатору Клокачеву [3]). Тотъ, разумѣется, распорядился,

---

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ" 1877 года (III, 343) статью Гриппенберга: „Императоръ Александръ Павловичъ въ Финляндіи".

[2]) Вильгельмъ Брантъ умеръ въ 1832 году. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" того времени былъ напечатанъ его некрологъ, изъ котораго видно, что комерческіе обороты Бранта были дѣйствительно громадны. Его корабли посѣщали ежегодно Атлантическій океанъ, Сѣверное, Балтійское и даже Средиземное моря, останавливались во всѣхъ портахъ Европы, Бразиліи и Сѣверной Америки. Въ 1831 году изъ 445 кораблей и 45 судовъ, вышедшихъ изъ Архангельска, торговымъ домомъ Бранта и К° было отправлено 248 кораблей и одно судно (Моск. Вѣд. 1832 г., № 73).

[3]) Клокачевъ, вице-адмиралъ, былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній. Скончался въ Вологдѣ въ 1822 г. П. Д. — Этотъ Клокачевъ почему-то находился въ близкихъ сношеніяхъ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной. Когда онъ умеръ, изъ Петербурга пріѣзжалъ особый чиновникъ для забора его бумагъ. (Слышано отъ Вологжанина Ѳ. Н. Фортунатова). П. Б.

чтобы все было готово къ завтрашнему же дню. И вотъ на другой день на площади было организовано народное гулянье. Дѣвушки, разряженныя въ лучшія свои платья и штофные сарафаны, водили хороводы, пѣли пѣсни и бросали вѣнки къ ногамъ Государя. Игры и въ особенности наряды дѣвушекъ понравились Государю, и онъ, щедро одаривъ дѣвушекъ, выразилъ имъ свое желаніе, чтобы онѣ *никогда* не перемѣняли своего костюма. Любопытно бы было знать, насколько исполняется этотъ завѣтъ Государя Архангельскими красавицами и продолжаютъ-ли онѣ по прежнему носить свои штофные сарафаны, или же требованія новѣйшей моды заставили ихъ измѣнить свой первоначальный чисто-Русскій костюмъ и перейти къ платьямъ Французскаго покроя.

Нарядъ Архангельской дѣвушки, по описанію Деменкова, состоялъ въ слѣдующемъ: «поверхъ сарафана или «штофника», обшитаго у нѣкоторыхъ позументомъ, надѣваютъ на себя блестящіе парчевые или штофные съ разводами хорошенькіе шугаи, которые дѣлаются обыкновенно нѣсколько длиннѣе душегрѣйки; на головѣ дѣвушки носятъ повязки изъ широкихъ позументовъ, связываемыхъ назади лентами, опускающимися по широко-заплетенной косѣ, кончающейся бантомъ; кисейные рукава, дорогія жемчужныя серьги, называемыя рясками, и ожерелья. Вѣнчаются же онѣ въ высокихъ похожихъ на короны повязкахъ, украшенныхъ жемчугомъ».

Далѣе Деменковъ говоритъ, что жители Архангельска и его окрестностей весьма искусно приготовляютъ изъ моржовой кости и слоновой (собственно мамонтовой, которую въ изобиліи находятъ въ рѣкахъ и водомоинахъ) разныя рѣзныя вещи. Когда эти вещи были показаны Государю, то онъ приказалъ отобрать для себя наиболѣе изящныя и купилъ ихъ на 1.500 рублей.

Государь былъ также и на Кегъ-островѣ (что̀ противъ Архангельска, за Двиною), тамъ, гдѣ нѣкогда Петръ Великій, въ первое посѣщеніе Архангельска, въ 1692 году Іюля 8-го числа, слушалъ обѣдню въ церкви Св. Иліи и самъ читалъ Апостолъ, а 27-го Іюня 1694 года, въ той же самой церкви, пѣлъ басомъ на клиросѣ со своими пѣвчими. Потомокъ священника Ильинской церкви, колокольный мастеръ Никифоръ Христофоровъ, у котораго былъ свой литейный заводъ на Кегъ-островѣ, имѣлъ счастіе принимать императора Александра въ своемъ домѣ, показывалъ ему заводъ свой и потчивалъ пивомъ изъ кубка, подареннаго предку его Петромъ Великимъ.

Описывая каѳедральный соборъ города Архангельска, его достопримѣчательности и древности, Деменковъ, между прочимъ, останавливается на большомъ деревянномъ крестѣ, поставленномъ въ нижнемъ

этажѣ соборнаго храма, въ предѣлѣ Св. Троицы. Крестъ этотъ сдѣланъ собственноручно Петромъ Великимъ въ память избавленія его отъ опасности, когда онъ въ жестокую бурю на Бѣломъ морѣ вошелъ благополучно въ Унскую губу. Крестъ стоитъ у правой стѣны церкви за клиросомъ, подъ балдахиномъ, а самое происшествіе, въ память котораго онъ былъ сооруженъ, записано на двухъ большихъ щитахъ, которые держатъ рѣзные ангелы. На щитахъ сдѣлана такая надпись: «Петръ І-й Самодержецъ Всероссійскій, шествуя по Бѣлому морю въ 1694 году въ Соловецкій монастырь и воспящаемъ бывъ морскимъ треволненіемъ, но улучивъ благополучный входъ въ губу, Унскими Рогами имянуемую, сей Святый Крестъ при Петроминскомъ монастырѣ, гдѣ вышелъ на берегъ Іюня 2-го дня, вознесъ во храмъ въ благодарность Господу Богу Царю царей, помазанниковъ Своихъ спасающему. Своими соорудивъ руками и на монаршія возложивъ рамена, несъ оный прилично до того самаго мѣста, на который послѣ бури ступилъ на брегъ со своею знаменитою свитою, гдѣ и поставилъ оный во славу Христа Спасителя и въ память грядущимъ годамъ положилъ на подножію креста сію надпись, собственною рукою вырѣзанную».

Надпись же на крестѣ на Русскомъ и Голландскомъ языкѣ слѣдующая:

Dat Krovs Maken Kaptein Piter van A. CHR. 1694.	Сей крестъ постановилъ Капитанъ Петръ въ лѣто отъ Христа 1694.

Крестъ этотъ, по словамъ автора записокъ, такой величины, что его въ пору поднять только двумъ сильнымъ людямъ. На правой сторонѣ его на щитѣ значится такая надпись:

«Александръ І-й Самодержецъ Всероссійскій,
преемникъ дѣлъ Петра Великаго,
Сей крестъ,

«111 лѣтъ на брегѣ при Петроминскомъ монастырѣ стоявшій, взялъ *) и, снисходя прошенію Архангельскаго общества, благоволилъ повелѣть перенести въ городъ Архангельскъ, который съ священнымъ благоговѣніемъ съ мѣста своего поднятъ и провожаемый съ торжественною почестію съ Кегъ-острова, усрѣтенный въ семъ храмѣ Пресвятыя Троицы, поставленъ въ 1805 году Іюня 29-го числа въ украшеніе и славу города. Государь Императоръ Александръ І-й при высочайшемъ посѣщеніи города Архангельска и осматриваніи сего собора достодолжнымъ поклоненіемъ почтилъ 1819 года Іюля 30-го».

*) Сказано въ переносномъ смыслѣ, т.-е. приказалъ взять: Государь въ 1805 году въ тѣхъ мѣстахъ не былъ. П. Б.

Уѣзжая изъ города Архангельска, Государь, всюду являвшійся добрымъ геніемъ и щедрой рукой разсыпавшій благодѣянія населенію, повелѣлъ освободить въ 1820 году всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ города Архангельска отъ поставки рекрутъ натурою, со взносомъ за каждаго незначительной денежной суммы. Кромѣ того, жители получили облегченіе отъ воинскаго постоя, и высочайше повелѣно (30-го Генваря 1820 года) всѣ городскія казармы, полковые дворы, гауптвахты, караульни, ордонансъ-гаузъ, а также и Новодвинскую крѣпость, которые содержались до сихъ поръ на счетъ города, обратить на содержаніе отъ казны. Купечество же всѣхъ гильдій, указомъ отъ 10-го Марта 1820 года, освобождено на двадцать лѣтъ отъ платежа въ казну всѣхъ установленныхъ по гильдіямъ и мѣщанству сборовъ и податей.

*

Затѣмъ переходимъ къ разсказу о посѣщеніи Александромъ I-мъ города Тамбова. Разсказъ этотъ мы находимъ въ другой тетрадкѣ Деменкова, носящей названіе: «Путевыя замѣтки отъ села Кремяннаго до села Кривозерья въ 1824 году». Деменковъ ѣхалъ въ это время изъ своего Курскаго имѣнія села Кремяннаго, Льговскаго уѣзда, въ Пензенское имѣніе къ матери своей и на пути останавливался въ Тамбовѣ и Кирсановѣ для розысканія въ мѣстныхъ архивахъ какого-то раздѣльнаго акта на имѣніе своего отца.

....«Я въѣхалъ въ Тамбовъ, разсказываетъ онъ, въ то самое время, когда въ немъ съ часу на часъ ожидали поѣзда Государя Императора, и если не сегодня, такъ ужъ завтра непремѣнно. Все выкрасилось, выбѣлилось, гдѣ вохрою, гдѣ мѣломъ. Даже ветхія и другія уже почти повалившіяся избушки въ слободѣ, и тѣ принарядились для встрѣчи дорогаго гостя. Пожарные инструменты близъ полиціи стояли въ полной исправности на виду; по улицамъ вездѣ кучками лежалъ песокъ, и безпрестанно его возили еще; у губернаторскаго дома надъ самою р. Цною стояло много экипажей, и по дорогѣ, когда мы выѣхали на Разсказово, ѣздили чиновники и приказывали скорѣе сравнивать оную людямъ въ большомъ числѣ работающимъ; для Государя же и его свиты приготовлено уже было шестьдесятъ лошадей на почтѣ; словомъ, всюду суета, движеніе необыкновенное».

Необходимо замѣтить здѣсь, что Государь въ то время проѣзжалъ въ Пензенскую губернію осматривать пѣхотную дивизію, расположенную въ той мѣстности.

«Отъ Тамбова до самаго Разсказова дорога идетъ лѣсомъ и преглубокими песками, продолжаетъ далѣе Деменковъ. Несносный жаръ,

и мелкій песокъ еще болѣе увеличивали трудность этого 30-ти-верстнаго переѣзда. Всѣ мосты снова сдѣланы, только-что съ топора, и съ выкрашенными перилами. Въ селѣ *Разсказовѣ*, стоящемъ на рѣкѣ Тамбовѣ и одномъ изъ самыхъ большихъ селеній (ибо въ немъ около 3.500 душъ, прежде принадлежавшихъ Архарову, а нынѣ по его смерти дочери его, которая за Посниковымъ), также всѣ избы, церковь, даже мельница, выбѣлены, какъ и по всѣмъ другимъ селеніямъ и деревнямъ этого тракта. Лошадей, заготовленныхъ для Государя на станціяхъ, заблаговременно обучаютъ подъ надзоромъ засѣдателей, то запрягая въ коляску и проводя между двухъ кучекъ зажженной соломы, дабы не боялись, и такъ просто объѣзжая ихъ каждый день. Всѣ кучера и форейторы, какъ для Государя Императора (но у него свой кучеръ), такъ и свиты его, выбраны были отличные по опытной и ловкой ѣздѣ, а притомъ еще и красивые собою, молодцы *), и у всѣхъ этихъ ямщиковъ (какъ видѣлъ я въ Кирсановѣ) на шляпахъ надѣты были бумажные листы съ надписью именъ тѣхъ особъ, кого должны везти они. Съ Государемъ же ѣдутъ, какъ замѣтилъ я на станціи для заготовки лошадей: флигель-адъютантъ его императорскаго величества графъ Ожаровскій, начальникъ штаба баронъ Дибичъ, генералъ штабъ-докторъ Виліе и генералъ Соломка. По дорогѣ безпрестанно встрѣчались намъ разные экипажи съ проѣзжающими господами: старые и молодые всѣ спѣшили въ Тамбовъ, чтобъ насладиться лицезрѣніемъ своего возлюбленнаго Монарха. Какъ пріятно видѣть такую привязанность Русскихъ къ нашему доброму Государю! На всѣхъ лицахъ при имени его выражается уже удовольствіе отъ того, что онъ, какъ нѣжный отецъ, окружается всегда дѣтьми своими, которыя безъ боязни приближаются къ нему и единственно для того только, чтобъ видѣть милостивое лицо его, или объяснить ему нужды свои. Конечно съ присутствіемъ Государя соединены бываютъ многія общественныя удовольствія: балы, маскарады, зрѣлище множества разныхъ и новыхъ лицъ; но главная пружина, влекущая всѣхъ къ Государю, конечно, есть его милосердіе и ангельская кротость».

«Отъ Разсказова до Кирсанова песковъ уже нѣтъ нигдѣ, ни на дорогѣ, ни по сторонамъ. Я катился какъ по маслу, не колыхнетъ, и мчатъ во весь духъ; горы же хотя и есть кое-гдѣ, но онѣ отлоги, отъ чего безъ затрудненія постепенно спускаешься съ нихъ и подымаешься на высоту; грунтъ же земли превосходный. Дорогу все еще срав-

*) Вообще въ этомъ краѣ встрѣчается много хорошихъ, даже прекрасныхъ лицъ между мущинами и женщинами, и народъ все здоровый и болѣе рослый.

ниваютъ, укатываютъ, метутъ какъ горницу, тротуары для пѣшеходовъ усыпаютъ пескомъ, а молодыя недавно посаженныя и огороженныя плетенымъ заборцемъ ветёлки стоятъ точно какъ горшки съ деревьями выставленные изъ оранжерей. Однако многіе изъ числа работающихъ тутъ крестьянъ, принужденные оставить всѣ домашнія дѣла свои, высланы, говорятъ, для этой работы верстъ за сто отсюда: далеко! А всему причиною поспѣшность: заблаговременно подготовленное и содержимое всегда въ порядкѣ не потребовало бы столько рукъ для подновленія; вдругъ же приниматься за такое дѣло при малолюдствѣ не справишься; тутъ же, напротивъ, всюду, куда не повернись, люди».

Въ Кирсановъ Деменковъ пріѣхалъ 26-го Августа. ....«Я слышалъ, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ объ этомъ городѣ, какъ спѣвались въ ней (въ церкви Св. Николая Чудотворца) дьячки и нѣкоторые изъ гражданъ, для встрѣчи Государя стихомъ: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра» и проч., согласнымъ и пріятнымъ напѣвомъ (какъ обыкновенно во всякомъ городѣ встрѣчаетъ духовенство Царя, съ колокольнымъ звономъ, хоругвями, образами, въ полномъ облаченіи и съ пѣніемъ). Въ настоящее время городокъ Кирсановъ пришелъ весь въ движеніе: улицы его всюду выметены какъ полъ, дорожки для пѣшеходовъ усыпаны пескомъ, дома выкрашены, плошки приготовлены, гарнизонъ учится безпрестанно, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Государя, совершенно неожиданнаго гостя. Старушка, хозяйка моя, говоря со мною о томъ, какъ у нихъ всѣ ждутъ его, сказала, что «ѣдетъ Бѣлый Царь». «Земной Богъ», прибавилъ сынъ ея.—Да, если Господь прославилъ и вознесъ его выше всѣхъ на землѣ, такъ достойному достойное и отдавать должно; тѣмъ болѣе отъ насъ Русскихъ слѣдуетъ ему полная преданность и почетъ какъ нашему Царю.—«А вотъ, батюшка», отвѣчала мнѣ на это старуха, «у насъ были какіе-то Французы-ли, Нѣмцы-ли, не знаю доподлинно, только говорили они, что Государь ихъ больше нашего, отъ того-молъ, что нашъ къ нимъ ѣздитъ, а онъ не ѣздитъ къ нашему; а на землѣ-то, слышь, нѣтъ болѣе папы какого-то». Я по возможности объяснилъ ей, что̀ значитъ папа и что иностранные государи также бываютъ у нашего, а если нашъ иногда ѣздитъ къ нимъ, такъ для того, что тамъ удобнѣе устроивать ему ихъ же общее всѣхъ благо и спокойствіе.—Въ Кирсановѣ живетъ нашъ отставной контръ-адмиралъ Ив. Ив. Трескинъ и, говорятъ, скромно, уединенно, только съ четырьмя человѣками служителями, которые отправляютъ у него всѣ мужскія и женскія работы».

Изъ Кирсанова, черезъ день, Деменковъ долженъ былъ ѣхать за какими-то справками по дѣлу о раздѣльномъ актѣ къ своему дядѣ,

имѣніе котораго было недалеко. Тамъ онъ пробылъ три дня и, возвратившись назадъ 30-го Августа, услышалъ, что Императоръ былъ уже въ городѣ и уѣхалъ. Государь пріѣхалъ сюда 28-го числа и ночевалъ здѣсь на 29-е. По свѣжимъ слѣдамъ, Деменковъ записалъ о его пребываніи здѣсь все, что слышалъ. «Государь, по его словамъ, пріѣхалъ сюда довольно еще рано, часу въ шестомъ пополудни, не приказавъ напередъ встрѣчать себя ни чиновникамъ, ни гарнизону, а одному только городничему; но множество народа встрѣтило его передъ городомъ на горѣ, и оттуда съ крикомъ «ура!» двинулось за нимъ съ такимъ стремленіемъ, что все покрыло пылью. Государь подъѣхалъ прежде всего къ церкви, гдѣ стояли священники съ крестомъ, хоругвями, образами и святою водою, вышелъ изъ коляски, приложился къ кресту и поцѣловалъ руку у священника, который самъ было хотѣлъ цѣловать ее у Государя, но онъ отдернулъ свою. Потомъ, взглянувъ на толпу дамъ, сбившихся на паперти церкви, сказалъ: «нѣтъ, теперь поздно»; сѣлъ въ коляску и приказалъ ѣхать на квартиру. Тогда народъ бросился къ нему съ просьбами, и онъ не только что милостиво принималъ ихъ, но еще самъ подзывалъ къ себѣ, кого видѣлъ съ оными и громко приказывалъ: «кто имѣетъ просьбы, то подавали бы». Предъ крыльцомъ дома, назначеннаго для Государя, хозяинъ, купецъ Иванъ Ивановичъ Паницкой, вмѣстѣ съ женою своею встрѣтили Царя съ хлѣбомъ и солью. Государь, видя всю площадь покрытую народомъ, который особенно толпился передъ квартирою его, три раза подходилъ къ окну и кланялся всѣмъ, привѣтствуемый всегда громкими продолжительными «ура!». Люди были тутъ почти до полночи, и городъ былъ иллюминованъ. На другой день, по утру, по приказанію Государя, генералъ баронъ Дибичъ представлялъ ему контръ-адмирала Трескина, всѣхъ служащихъ здѣсь и бывшихъ въ то время въ городѣ на этотъ случай дворянъ *). Государь очень милостиво со всѣми обошелся и почти каждому сдѣлалъ по нѣскольку вопросовъ. Узнавъ здѣшняго городничаго г-на Рацевича, служившаго прежде при дворѣ

---

*) „Но служащіе по винной части, говорятъ, не удостоились представленія. Также и князь Ѳедоръ Сергѣев. Голицынъ привозилъ воспитанницъ своихъ для того, чтобъ представить ихъ Государю; но онъ, принявъ его, сказалъ, что видѣлъ ихъ уже сквозь занавѣсъ окна у князя Ѳедора Сергѣевича. На его счетъ воспитывается двѣнадцать мальчиковъ и двѣнадцать дѣвочекъ, и сверхъ этого поступаютъ еще въ пансіонъ, съ платою въ 600 рубл. въ годъ. Мальчики учатся Французскому и Нѣмецкому языкамъ, математикѣ, исторіи, географіи, на скрипкѣ, танцовать и фехтовать, а дѣвочки —музыкѣ, фортепьянамъ и рукодѣльямъ. Заведеніе это находится въ Зубриловкѣ Балашевскаго уѣзда“.

фельдъ-егеремъ, сказалъ: «ба! это старый знакомый», и приказалъ ему представить жену его, служившую нѣкогда фрейлиной при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, подарилъ ей 380 десятинъ земли за р. Вороною, 1.000 рублей деньгами и перстень въ 600 рубл.; также и мужу ея 1.000 рубл. Наконецъ, когда потребовалъ къ себѣ хозяина дома, сей, видя у себя гостемъ Монарха, въ избыткѣ чувствъ и восторга, упалъ въ ноги ему. Государь самъ поднялъ его и, съ навернувшимися на глазахъ слезами, указывая на образъ Спасителя, сказалъ: «Вотъ Кому молись, а я такой же какъ и ты, смертный и грѣшный». Купецъ зарыдалъ..... Государь распрашивалъ его о торговлѣ, промыслахъ, сдѣлалъ ему, женѣ его и дѣтямъ ихъ подарки и отправился въ сопровожденіи множества народа, слѣдовавшаго за нимъ толпами и подававшаго ему прямо въ руки просьбы. Государь до конца города ѣхалъ тихо, безъ шляпы, кланяясь на всѣ стороны и, наконецъ, поднявшись на гору, поскакалъ и вскорѣ скрылся изъ глазъ».

По отъѣздѣ его все въ городѣ скоро пришло въ обыкновенный порядокъ.

Изъ города Кирсанова Деменковъ отправился по той же дорогѣ, по какой слѣдовалъ Государь, т.-е. по направленію къ городу Пензѣ. Здѣсь, по пути, онъ постоянно наталкивался на слѣды, оставленные Государемъ и слышалъ много разсказовъ о его встрѣчахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ отмѣтилъ въ своихъ замѣткахъ. Такъ, напримѣръ, въ богатомъ и торговомъ селѣ Поимѣ, Чембарскаго уѣзда, ему разсказывали, что когда Государь проѣзжалъ здѣсь, то жители Поима «въ лучшихъ нарядахъ своихъ, отъ стараго до малаго, высыпали встрѣчать надежу-Государя и размѣстились по обѣимъ сторонамъ дороги шпалерами. Старики стояли особо, молодежъ отдѣльно, потомъ бабы, дѣвки, мальчишки. Государю, говорятъ, это очень понравилось».

О встрѣчѣ Императора въ Пензѣ Деменковъ разсказываетъ слѣдующее. «При въѣздѣ Императора въ Пензу, всѣ жители подгородней слободы встрѣтили его у домовъ своихъ, предъ которыми стояли столы, покрытые бѣлыми скатертями и на нихъ хлѣбъ-соль и бутылка съ виномъ, что́, говорятъ, ему очень понравилось, и онъ назвалъ Пензу «благословеннымъ городомъ». Когда на другой день Государь пришелъ въ церковь за литургію, то народъ весь устремился туда, и въ церкви сдѣлалось страшно тѣсно».

3-го Сентября были маневры и обѣдъ, данный Пензенскимъ дворянствомъ 2-му пѣхотному корпусу, приготовленный въ палаткѣ на горѣ, откуда видѣнъ весь городъ. Шампанское лилось, музыка гремѣла, хоръ пѣвчивъ возглашалъ «многая лѣта!» («Боже, царя храни!» тогда еще не было), сопровождаемое громкими криками «ура!» и гро-

момъ орудій. Тутъ же и народъ стоялъ и кричалъ «ура!». Государь осмотрѣлъ также и артилерію и, найдя все въ исправности, изъявилъ начальникамъ свою благодарность въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Балъ данъ былъ дворянствомъ въ нарочно устроенномъ для сего и великолѣпно освѣщенномъ залѣ, гдѣ было до 1.500 человѣкъ. Государь удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ и остался имъ очень доволенъ. Во все время пребыванія Государя здѣсь въ городѣ по вечерамъ горѣла иллюминація. Уѣзжая, Государь пожаловалъ городу нѣсколько тысячъ рублей на устройство водопровода на площади. 4-го Сентября Государь отправился изъ Пензы въ Симбирскъ.

Въ другой тетрадкѣ Деменкова, носящей названіе «*Замѣчанія на пути изъ Костромы черезъ Москву до Кремяннаго въ 1824 году*», мы находимъ также одинъ любопытный разсказъ о пребываніи Государя въ городѣ Ярославлѣ.

Городъ этотъ, говоритъ Деменковъ, послѣ того какъ я видѣлъ его въ 1816 году, сдѣлался еще лучше. Говорятъ, Государь Императоръ въ свою бытность здѣсь остался очень доволенъ порядкомъ и устройствомъ Ярославля. Народу же въ то время стеклось сюда чрезвычайно много, такъ что было тѣсно даже на улицахъ. Одна старуха бросилась къ Государю и, въ восторгѣ, что видитъ помазанника Божія, стала цѣловать полы мундира его. Ее хотѣли было отогнать; но Государь запретилъ, сказавъ ей: «цѣлуй, цѣлуй, старушка!». Въ одномъ мѣстѣ на улицѣ вкругъ его столпилось столько народа, что одинъ мѣстный лавочникъ, увлекаемый движеніемъ толпы, толкнулъ даже локтемъ въ бокъ Государя. Послѣдній не разсердился и сказалъ только: «посторонитесь, посторонитесь!».

Когда Деменковъ ѣхалъ изъ села Кривозерья въ обратный путь, то пробылъ нѣсколько времени въ Воронежѣ, гдѣ ему показывали каменный домъ, въ которомъ въ 1820 году останавливался Александръ Первый, проѣзжая изъ Москвы въ Полтаву. Останавливался онъ здѣсь только «для переодѣванія», причемъ хозяинъ дома, церковный староста (имя его Деменковымъ не сообщается) «получилъ царскую милость: былъ избавленъ отъ платежа подушнаго (?), а дочь его, подававшая Императору умываться, получила въ подарокъ 600 рублей».

Н. Добротворскій.

ЕЩЕ ПИСЬМА ДЕКАБРИСТА

С. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА [1]).

1. Къ отцу.

Милостивый государь батюшка.

Я былъ нѣсколько дней тому назадъ въ г. Франкфуртѣ, гдѣ пребываетъ главная квартира Государя Императора, и нашелъ у графа Ожаровскаго [2]) письмо ваше къ брату Матвѣю. Я осмѣлился его распечатать, потому что брата еще здѣсь нѣтъ, и спѣшу васъ на его счетъ совершенно успокоить; ибо я уже знаю, что онъ совсѣмъ здоровъ и выѣхалъ уже изъ Праги полкъ свой [3]) догонять. Я надѣюсь его здѣсь черезъ нѣсколько дней увидѣть и ужъ болѣе съ нимъ не разставаться, потому что нашъ баталіонъ теперь къ гвардіи прикомандированъ. Онъ получилъ въ награжденіе Анненскую шпагу; но, говорятъ, что перемѣнятъ ее и что дадутъ Владимирскій крестъ. Дай Богъ, чтобы это сбылось! Еслибъ то возможно было, я бы ему свой отдалъ: онъ его болѣе меня заслужилъ.

Чтд до насъ касается, милостивый государь батюшка, мы теперь спокойно стоимъ въ г. Ганау, въ окрестностяхъ Рейна, гдѣ мы очень хорошо приняты жителями, которые такъ рады, что избавились отъ Французскаго ига, что не знаютъ, какъ намъ свою благодарность изъявить. Мы теперь тамъ отдыхаемъ послѣ столь славной, но вмѣстѣ и тяжкой кампаніи. Говорятъ, однако, что мы скоро пойдемъ впередъ.

---

[1]) См. выше, стр. 52. Изъ бумагъ брата его Матвѣя Ивановича сообщены Августою Павловной Сазановичъ П. Б.

[2]) Женатаго на сестрѣ писавшаго, Еленѣ Ивановнѣ. Ихъ внукъ—генералъ-адъютантъ Черевинъ. П. Б.

[3]) Лейбъ-гвардіи Семеновскій. П. Б.

Нѣсколько дней тому была здѣсь Великая Княгиня Екатерина Павловна, шефъ нашего баталіона. Мы всѣ имѣли счастіе у нея обѣдать. Она со всѣми говорила и благодарила насъ за наше хорошее поведеніе во все время, и даже сказать изволила, что мы честь дѣлаемъ ея имени, и что Государь Императоръ въ награжденіе за наши труды приказать изволилъ, чтобы мы съ гвардіей вмѣстѣ остались. Вы можете себѣ вообразить, какъ это для насъ было лестно и пріятно.

Мы теперь людей нашихъ одѣваемъ, что̀ намъ немало хлопотъ стоитъ. Мы имѣли всѣ надежду, что по прибытіи нашемъ на Рейнъ будемъ скоро имѣть счастіе въ Россію возвратиться. Но Богъ намъ того счастія не посулилъ; но я покоряюсь Его святой волѣ, но вмѣстѣ и молю Его, чтобы скорѣе возвратилось то время, когда я буду имѣть счастіе васъ и всѣхъ нашихъ увидѣть. Цѣлую мысленно ваши руки и желаю вамъ добраго здоровія и всякаго благополучія.

Вашъ покорный сынъ С. Муравьевъ-Апостолъ.

Je vous prie, mon cher papa, de présenter mes respects à ma belle-mère et d'embrasser Catherine pour moi [1]).

Г. Ганау,
Ноября 18-го дня 1813 года.

2. Къ зятю Ларіону Михайловичу Бибикову.

Bobrouisk. Le 25 mai 1823.

La nouvelle de votre nomination, mon cher Bibicoff, a décidé Mathieu à quitter Хомутецъ pour venir à Pétersbourg. Il a songé que dorénavant vous seriez obligé de suivre l'Empereur dans ses courses et que Catherine resterait toute seule, et comme notre excellent Mathieu ne cherche dans tout ce qu'il fait que ce qui peut être utile ou agréable à ceux qu'il aime, le voilà qui court vous joindre chez vous, mes chers amis, tout enchanté de vous prouver par là son amitié et se décidant sur-le-champ à partir sur cette juste idée, tandis que le printemps tout entier il n'a pas pris de décision, car alors il ne s'agissait que de lui-même. Pour moi, mes chers amis, je suis enchanté de mon côté de ce voyage de Mathieu à Pétersbourg. Vous avez pu voir par mes lettres précédentes avec quelle ardeur je le désirais, et je vous avoue que je commençais à perdre l'espoir de le voir réali-

---

[1]) Прошу васъ, дорогой батюшка, передать мое почтеніе моей мачихѣ и поцѣловать за меня Екатерину (единоутробную сестру, впослѣдствіи Бибикову). П. Б.

ser. Vous trouverez Mathieu bien changé; les chagrins de toute espèce qui ont traversé son existence, son coeur, sa santé même en a souffert. Je me rappelle que Catherine, dans son voyage à Хомутецъ de l'année passée, s'était aperçue de cet état de Mathieu et m'en a parlé. La monotonie de la vie de Хомутецъ ne lui convient pas du tout: il a besoin des distractions d'une capitale, il a besoin surtout des soins que votre amitié saura lui prodiguer. Le caractère de Mathieu est si noble, si profond, qu'il cache son état sous des dehors tranquilles; il ne voudrait pas affliger ceux qui l'aiment, mais il est facile de le deviner, et son caractère même, tantôt d'une grande gaïté, et tantôt d'une grande tristesse, en est une preuve. Et où peut-il trouver un meilleur remède à son état qu'auprès de vous et de Catherine? Aussi je le confie à vos soins, mes chers amis, et je suis sûr que vous saurez trouver le moyen de l'egayer et le distraire. Vous savez qu'une fois déjà, au commencement du printemps, il s'était mis en route pour venir chez vous, mais le mauvais état des chemins et surtout le désir de rester auprès de papa, l'on fait revenir sur ses pas; mais cette fois-ci c'est papa luimême qui l'a engagé à partir, ainsi que maman, qui lui porte comme à nous tous un attachement bien vif et qui depuis longtemps s'est aperçue qu'une course à Pétersbourg auprès de vous lui serait bien utile. Il est donc venu en passant me surprendre dans notre camp de Bobrouisk, et comme il me quitte demain, je n'ai pas voulu le laisser partir sans vous faire part, mes chers amis, de toutes mes appréhenssions sur son état, tout en vous priant de ne lui en pas parler.

Je ne vous ai pas encore félicité, mon cher Bibicoff, sur votre nouvelle promotion; je le fais actuellement de tout mon coeur. Il y a une chose qui me fait surtout plaisir dans cela, c'est que vous allez accompagner l'Empereur partout où il ira, et que par conséquent j'aurai par là l'occasion de vous embrasser. On dit ici cependant que l'Empereur ne nous passera pas en revue cette année; je serai bien fâché que cela fût vrai; car je n'ai pas souvent de plaisir dans le genre de celui que m'a procuré la visite de Mathieu et que me procurerait la vôtre.

Le genre de vie que je mène ici est bien peu intéressant; passé le service, et nous en avons beaucoup, il n'y a rien du tout; je dois mes seuls instants agréables à Bestoujeff, dont je vous ai dejà entretenu dans mes lettres. Vous ne sauriez croire, mon cher Bibicoff, comme je suis heureux de son amitié, et comme je désirerais que vous fissiez sa connaissance; il est impossible d'avoir un coeur mieux placé avec de l'esprit sans aucune vanité et presqu'en ignorant tout son mérite. Ce qui m'attache à lui surtout, c'est de grands traits de ressemblance avec

mon excellent Mathieu, qui lui-même ignore tout ce qu'il vaut. Comme nous parlons souvent de vous, mes chers amis, il vous connaît sans vous avoir vu, et je suis sûr que la première fois qu'il nous sera permis de nous rencontrer tous ensemble, et que je vous ferai faire sa connaissance, il sera déjà pour vous un ancien ami. Nous possédons le Grand-Duc Nicolas dans nos murs; il est venu visiter les travaux de la forteresse, et s'en va dans deux jours. Du reste, nous n'avons de nouveautés que celui à la source desquelles vous êtes: ce sont vos changements qui n'en finissent pas; il y a des circuits qui courent chez nous que tout cela n'est encore que le prélude. Est-ce-vrai?

Votre frère et ami Serge Mouravieff-Apostol.

Comme il serait temps de penser au service d'Hippolyte, Mathieu vous dira, mon cher Bibicoff, combien une lettre de vous à papa lui sera utile sous ce rapport. Donnez-moi aussi des nouvelles d'Annette Ojarowsky.

Переводъ. Бобруйскъ, 25 Мая 1823 года. Извѣстіе о вашемъ назначеніи, мой любезный Бибиковъ, побудило Матвѣя оставить Хомутецъ и ѣхать въ Петербургъ, въ томъ соображеніи, что теперь вамъ придется сопровождать Государя въ его переѣздахъ, и Катя будетъ одна. Чудесный нашъ Матвѣй во всѣхъ поступкахъ своихъ имѣетъ въ виду пользу или удовольствіе любимыхъ имъ людей, и поэтому онъ спѣшитъ къ вамъ, мои любезные друзья, въ восторгѣ, что можетъ доказать вамъ этимъ свою дружбу. Возымѣвъ эту вѣрную мысль, онъ тотчасъ рѣшился ѣхать. Всю весну, пока дѣло шло только о немъ самомъ, онъ только собирался. Чтò до меня, любезные друзья мои, я тоже въ восхищеніи отъ этой поѣздки Матвѣя въ Петербургъ. Изъ моихъ прежнихъ писемъ вы могли видѣть, какъ горячо я желалъ этого, и признаюсь переставалъ уже надѣяться, что это сбудется. Вы найдете въ Матвѣѣ большую перемѣну; его постигли всякаго рода горести, отъ которыхъ досталось его сердцу и самому здоровью. Помню, что Катя прошлаго года, когда была въ Хомутцѣ, замѣтила это и говорила мнѣ объ этомъ. Матвѣй не можетъ никакъ освоиться съ однообразіемъ жизни въ Хомутцѣ; ему нужны столичныя развлеченія, въ особенности нужны дружескія заботы, которыми вы съумѣете его окружить. Характеръ у Матвѣя такой благородный, такой глубокій, что онъ ничѣмъ не обнаружитъ чтò у него на душѣ, не желая огорчать любящихъ его; но догадаться о томъ немудрено: его выдастъ самый его характеръ, то очень веселый, то очень горестный. И гдѣ лучше найдетъ онъ себѣ отраду, какъ не съ вами и Катею? Поэтому поручаю его вашимъ попеченіямъ, мои любезные друзья; я увѣренъ, что вы съумѣете найти средства, чтобы развеселить и развлечь его. Вы знаете, что въ началѣ весны онъ уже выѣхалъ къ вамъ; но изъ-за дурной дороги и въ особенности изъ желанія побыть еще съ батюшкой, онъ возвратился. На этотъ разъ самъ батюшка посо-

вѣтовалъ ему ѣхать, равно и матушка, которая его, какъ и всѣхъ насъ, очень любитъ. Она давно убѣдилась, что поѣздка въ Петербургъ къ вамъ будетъ ему весьма полезна. На пути своемъ онъ внезапно пріѣхалъ ко мнѣ въ нашъ лагерь подъ Бобруйскомъ. Завтра онъ уѣзжаетъ, и я не захотѣлъ отпустить его, не передавъ вамъ, мои любезные друзья, опасеній моихъ на его счетъ, о чемъ прошу васъ не говорить ему. Я еще не поздравлялъ васъ, мой любезный Бибиковъ, съ новымъ вашимъ производствомъ. Примите теперь мои поздравленія. Мнѣ въ особенности пріятно, что вы будете сопровождать Государя, куда бы онъ ни поѣхалъ, и слѣдов. будетъ мнѣ возможность обнять васъ. Говорятъ однако, что Государь въ нынѣшнемъ году не будетъ смотрѣть насъ; если это правда, то я останусь въ накладѣ, потому что удовольствіе увидѣть васъ, какъ теперь Матвѣя, мнѣ въ рѣдкость. Здѣшняя моя жизнь вовсе не занимательна. Служба и служба, и больше ничего. Единственными пріятными минутами я обязанъ Бестужеву, о которомъ вы уже знаете по моихъ письмамъ. Не можете себѣ представить, мой любезный Бибиковъ, какъ я счастливъ его дружбою и какъ мнѣ хочется, чтобы вы его узнали: нельзя имѣть лучшаго сердца и ума при полномъ отсутствіи суетности и почти безъ сознанія своихъ достоинствъ. Въ особенности я привязанъ къ нему изъ-за того, что онъ очень похожъ на моего чудеснаго Матвѣя, который тоже не знаетъ, какъ въ немъ много хорошаго. Мы съ нимъ часто говоримъ про васъ, любезные друзья, и онъ васъ знаетъ заочно; я увѣренъ, что въ первый же разъ, какъ мы будемъ вмѣстѣ, и я васъ познакомлю, онъ вамъ представится старымъ другомъ. Въ стѣнахъ нашихъ теперь великій князь Николай, пріѣхавшій осматривать крѣпостныя работы; черезъ два дня онъ уѣзжаетъ. Впрочемъ вы у источника нашихъ новостей, т. е. нескончаемыхъ перемѣнъ по службѣ. Ходитъ у насъ слухъ, что все это лишь только начало. Правда-ли?—Вашъ братъ и другъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.—Время подумать о службѣ Ипполита *), и Матвѣй скажетъ вамъ, мой любезный Бибиковъ, какъ полезно ему будетъ, еслибы вы написали о томъ къ батюшкѣ. Извѣстите меня также объ Анетѣ Ожаровской.

3. Къ отцу изъ крѣпости.

La réception de votre lettre de 3 février, mon cher et bon papa, a été comme une lueur de bonheur pour moi; il m'a procuré une bien douce jouissance. Je pense souvent à notre mère, mon cher papa, et je suis convaincu, comme vous le dites, que la mort ne rompt pas tous liens, qui nous unissaient avec ceux, que nous avons chéris ici-bas. Je n'ai jamais manqué de réligion; j'ai toujours pensé que quiconque a réfléchi sérieusement à la vie ne saurait la manquer; à présent mes pensées l'y portent plus que jamais. J'espère beaucoup à la bonté de Dieu, Qui lit dans les coeurs, Qui ne saurait être mécontent des sentiments

*) Третій младшій братъ въ этой роковой семьѣ, окончившій жизнь самоубійствомъ во время бунта Черниговскаго полка въ 1826 году. П. Б.

qu'Il trouve dans le mien, à Qui je prie tous les jours de ne pas m'abandonner jusqu'à la fin. Je Le prie aussi tous les jours et avec fervence pour vous, mon cher papa, pour ma chère maman et pour tous les nôtres. Puisse-t-Il vous accorder bien du bonheur, en compensation du chagrin que vous donne, votre fils soumis Serge Mouravieff-Apostol.

Ma santé est fort bonne, mon cher papa, et vous auriez tort de concevoir quelque inquiétude sur elle. Je vous baise respectueusement les mains.

Le 6 février 1826.

Переводъ. Полученіе письма вашего, мой дорогой батюшка, было для меня лучемъ счастія и доставило мнѣ сладостное удовольствіе. Я часто думаю о нашей матери, мой дорогой батюшка, и я увѣренъ, что смерть, какъ вы говорите, не уничтожаетъ всѣхъ связей, соединяющихъ насъ съ тѣми, кого мы здѣсь любили. Вѣра никогда не была чужда мнѣ, и я всегда думалъ, что ея не можетъ не имѣть всякій, строго относящійся къ жизни; а теперь мои мысли заняты этимъ больше, чѣмъ когда-либо. Я много надѣюсь на милость Господа, Который читаетъ въ сердцахъ и не можетъ осудить меня за чувства моего сердца. Я молю Его ежедневно не оставить меня до конца. Я молюсь Ему также ежедневно и съ горячностью за васъ, мой дорогой батюшка, за дорогую матушку и за всѣхъ нашихъ. Да подастъ Онъ вамъ свою милость въ возмѣщеніе горя, которое доставляетъ вамъ покорный вашъ сынъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Здоровье мое очень хорошо, мой дорогой батюшка, и вы напрасно будете обо мнѣ безпокоиться въ этомъ отношеніи. Почтительно цѣлую ваши руки. 6 Февраля 1826.

*

Читатели помнятъ другое письмо, въ которомъ несчастный декабристъ просилъ отца своего прислать ему книгу Евангелія и на ней написать отцовское прощеніе. Этого прощенія дать письменно не рѣшился Иванъ Матвѣевичъ, страха ради политическаго. Судьба наказала его: онъ не былъ счастливъ и съ прижитымъ отъ втораго брака сыномъ своимъ Василіемъ.

П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ МОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

III *).

Проживаніе мое у Посудевскаго.—Семейство Живописцевыхъ.—Посѣщеніе Троице-Сергіевской Лавры.—Квартированіе у Кёнига.—Знакомство съ Мочаловымъ.—Первая выставка въ Москвѣ.—Настасія Филиповна.

Товарищи мои по квартирѣ, Тимковскій и Ивановскій уѣхали на каникулы домой, а я остался въ Москвѣ. По какой причинѣ? Теперь рѣшительно не могу припомнить. Въ Москвѣ жилъ дальній мой родственникъ, Яковъ Ивановичъ Посудевскій, помѣщикъ пятисотъ душъ Черниговскаго уѣзда, человѣкъ лѣтъ сорока, холостой, который, предоставя управленіе своего имѣнія прикащику и получая хотя и небольшой доходъ, жилъ праздно въ Москвѣ. Онъ былъ человѣкъ, по тогдашнему времени, очень образованный, хотя и неучившійся въ университетѣ, самоучкой выучился по-французски и былъ когда-то Черниговскимъ генеральнымъ судьей, что̀ нынѣ предсѣдатель Гражданской Палаты. Въ Москвѣ онъ жилъ скромно и уединенно, почти не имѣлъ знакомыхъ, читалъ постоянно газеты и журналы и всегда имѣлъ у себя хорошенькую сожительницу, къ которой былъ очень ревнивъ и которая всегда его надувала и обирала. Я часто посѣщалъ его, особенно по праздникамъ, потому что у меня въ то время не было никакого другаго знакомства и, будучи молодъ и недуренъ собою, всегда былъ преслѣдуемъ ласками его миленькихъ сожительницъ, такъ что мнѣ стоило большой борьбы, чтобы не употребить во зло довѣрія и расположенія ко мнѣ добраго и благороднаго человѣка.... Во время моихъ каникулъ онъ, разсорившись съ своею сожительницею

---

*) См. выше, стр. 99 и 229.

Настасьей Филиповной, которая жила у него болѣе года и которая порядочно его обобрала, прогналъ ее, и нѣкоторое время, не найдя еще другой, пригласилъ меня прожить съ нимъ каникулярное время, на что̀ я съ удовольствіемъ согласился. Онъ квартировалъ на Арбатѣ, въ домѣ Человѣколюбиваго Общества, занимая три или четыре небольшія комнаты.

Въ этомъ же домѣ много квартировало и другихъ жильцовъ, небогатыхъ чиновниковъ, съ которыми я и познакомился. Въ особенности я сошелся съ семействомъ Живописцовыхъ. Вдова какого-то мелкаго чиновника, по смерти мужа оставшись безъ всякаго состоянія, съ двумя дочерьми и сыномъ, она занялась златошвейнымъ мастерствомъ и, принимая нѣсколько учеництъ, имѣла лучшее въ то время въ Москвѣ златошвейное заведеніе и тѣмъ содержала себя и семейство, хотя и не роскошно, но достаточно. Мнѣ очень нравилось это семейство. Мать, уже пожилая женщина, была самая кроткая и добрѣйшая женщина. Дочери ея, старшая уже не молода, были скромныя и благонравныя дѣвушки: онѣ никуда не выходили съ квартиры кромѣ какъ въ церковь, и до того жили уединенно, что почти не знали Москвы, даже на Тверской или на Кузнецкомъ мосту никогда не бывали. Но сынъ старушки, молодой человѣкъ, служившій гдѣ-то канцелярскимъ, велъ самую разгульную и распутную жизнь, что̀ очень огорчало все это доброе семейство.

Однажды Живописцовы, собравшись на богомолье въ Троице-Сергіевскую Лавру пригласили и меня съ собой, на что̀ я согласился съ удовольствіемъ. Мы отправились пѣшкомъ, хотя съ нами и была повозка, и это было мое первое пѣшеходное путешествіе, отъ котораго я сильно уставалъ, между тѣмъ какъ дѣвушки переносили его терпѣливо и смѣялись надъ моею усталостію. Это никакъ не предвѣщало во мнѣ хорошаго пѣшехода, а между тѣмъ, въ послѣдствіи, судьба обрекла меня на досятилѣтнюю пѣшеходную службу на Кавказѣ, гдѣ мнѣ часто приходилось дѣлать переходы верстъ по шестьдесятъ въ сутки, да еще съ тяжелымъ ружьемъ, сумой и сумкой за плечами, въ страшный жаръ, по гористой и каменистой мѣстности, или по равнинѣ безъ слѣда и дороги!... Въ Лаврѣ я осматривалъ всѣ древности, посѣтилъ могилу Годунова, зашелъ въ Духовную Академію, гдѣ, подъ вліяніемъ еще свѣжихъ лекцій Погодина, завелъ съ академистами споръ о невиновности Годунова въ убіеніи царевича Димитрія, видѣлъ богатѣйшую лаврскую ризницу, гдѣ въ особенности меня поразилъ вдѣланный въ панагію большой, какъ мѣдный пятакъ, плоскій и прозрачный камень-агатъ, въ серединѣ котораго, внутри его, видно было, какъ бы тушью нарисованное, очень искусно, природное

изображеніе Распятія, и предъ нимъ, на колѣнахъ склонившаяся, молящаяся фигура человѣка въ мантіи. Я не довѣрялъ такому искусству природы, но показывавшій ризницу монахъ старался всячески увѣрить меня, что это дѣло рукъ природы, а не человѣка, говоря, что уже одинъ разъ, для какихъ-то тоже невѣрящихъ Англичанъ, вынимали камень изъ оправы, и они, внимательно его осмотрѣвши, убѣдились будтобы въ такомъ чудѣ природы, свидѣтельствующемъ о торжествѣ Христіанской вѣры. Блаженъ кто вѣруетъ!!...

На обратномъ пути въ Москву, мы ѣхали уже въ повозкѣ. Въ с. Мытищахъ мы долго отдыхали, и этимъ временемъ я осматривалъ знаменитый водопроводъ, снабжающій всю Москву превосходною водою. На обширномъ лугу находится сорокъ или болѣе ключей, изъ которыхъ вода, собираясь въ одно мѣсто, течетъ сначала по каменному жолобу, между аллеей растущими большими уже березами, а потомъ въ трубахъ доходитъ до Москвы.

Въ Мытищахъ же я видѣлъ бывшую кормилицу нынѣшняго Государя Александра Николаевича. Это была женщина лѣтъ сорока и необыкновенно полная: груди огромныя и шея до того толстая, что вмѣстѣ съ лицомъ, тоже полнымъ и румянымъ, составляла какъ бы одну часть тѣла. Она сидѣла на скамейкѣ у воротъ своего дома, богато одѣтая, со множествомъ дорогаго ожерелья на шеѣ. Проходившія по улицѣ бабы и мужики подходили къ ней, низко кланялись и цѣловали ея жирную руку, которую она едва могла держать на своемъ брюхѣ... О Русь!!...

По возвращеніи Тимковскаго изъ дому послѣ каникулъ, такъ какъ Ивановскій перешелъ на медицинскій факультетъ въ казеннокоштные студенты, поселились мы съ Тимковскимъ вдвоемъ, на углу Тверской улицы и Газетнаго переулка, въ домѣ бывшемъ Демидова, что̀ нынѣ Голяшкина, у золотыхъ дѣлъ мастера Кёнига. Это былъ одинъ изъ самыхъ добрѣйшихъ и честнѣйшихъ Нѣмцевъ, и знакомство съ нимъ принесло мнѣ много пользы и навсегда осталось въ моемъ воспоминаніи. Но объ этомъ будетъ разсказано послѣ. Мы съ Тимковскимъ занимали одну, довольно большую, комнату. Квартира Кёнига была въ длинномъ флигелѣ, выходящемъ окнами въ Газетный переулокъ, а на дворъ тянулась, во всю длину флигеля, крытая галлерея, изъ которой и были ходы въ разныя квартиры.

Рядомъ съ квартирой Кёнига была квартира управляющаго домомъ Демидова, прежде бывшаго его крестьянина, а потомъ вольноотпущеннаго, Мочалова, роднаго дяди извѣстнаго трагика Мочалова. Управляющій этотъ былъ человѣкъ уже пожилой, вдовецъ, имѣвшій только одного малолѣтняго сына Васю, въ послѣдствіи тоже хорошаго

актера. Старикъ довольно порядочно игралъ на скрипкѣ, и это меня сблизило съ нимъ, а потомъ мы и очень подружились. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, пріятный собесѣдникъ, жилъ скромно, занимая всего двѣ комнаты и имѣя служанку-старушку. Но великимъ его несчастіемъ было то, что онъ пилъ запоемъ, и на немъ-то я видѣлъ еще въ первый разъ эту странную болѣзнь. Подружась со мною, онъ жаловался мнѣ на свой порокъ и упрашивалъ меня, когда случится съ нимъ этотъ припадокъ, чтобы я ничего не давалъ ему пить, какъ бы онъ о томъ ни просилъ меня, думая, что этимъ онъ сдѣлаетъ переломъ въ своей болѣзни. Вотъ однажды прибѣгаетъ ко мнѣ его служанка и говоритъ мнѣ, что съ бариномъ ея начинается болѣзнь, и онъ посылаетъ ее за виномъ. Я пошелъ къ нему и началъ его уговаривать успокоиться и превозмочь себя. Онъ уже былъ выпивши. Но тутъ начались его самыя слезныя просьбы послать за виномъ. Я не сдавался, сначала все просилъ его, а потомъ началъ и грозить, и когда онъ сказалъ, что если мы не пошлемъ за виномъ, то онъ самъ пойдетъ въ погребокъ, я заперъ его въ комнатѣ на ключъ. Вдругъ онъ началъ биться въ дверь, и какъ она была крѣпка, то онъ бросился къ окну, выбилъ раму, началъ выбрасывать за окно стулья.... и я, боясь, чтобы онъ и самъ не выскочилъ въ окно, отворилъ дверь и успокоилъ его тѣмъ, что велѣлъ служанкѣ сходить въ погребокъ и купить ему вина. Такое состояніе запоя продолжалось у него недѣли двѣ. Сначала онъ пилъ разное виноградное вино, по прейскуранту, потомъ пиво, потомъ квасъ и окончилъ водой, которой ведро стояло возлѣ его кровати, и онъ поминутно пилъ ее.

Знакомство съ нимъ было для меня еще тѣмъ интересно, что я встрѣчался у него, а потомъ и познакомился, съ роднымъ его племянникомъ Павломъ Степановичемъ Мочаловымъ, знаменитымъ Московскимъ актеромъ-трагикомъ. Иногда онъ, гостя у дяди, по просьбѣ моей декламировалъ намъ какіе-нибудь стихи, слушалъ и поправлялъ мою декламацію, и это сильно развивало во мнѣ охоту къ театру, которую мнѣ удалось удовлетворить нескоро, уже въ послѣдствіи, на Кавказѣ, въ крѣпости Грозной, гдѣ я устроилъ театръ, на которомъ года два играли мы, въ свободное отъ экспедиціи время, комедіи: Ревизора, Горе отъ Ума, водевили Казака-Стихотворца и даже драму Желѣзную Маску, гдѣ я игралъ главную роль.

Два года жилъ я съ Тимковскимъ на одной квартирѣ, какъ говорится, душа въ душу. По окончаніи курса, Тимковскій уѣхалъ домой, я опять остался на каникулы въ Москвѣ, на квартирѣ тоже у Кёнига, и вотъ я долженъ былъ, уже безъ моего благодѣтельнаго товарища, жить и дѣйствовать одиноко!

Въ 1829 году была въ Москвѣ первая мануфактурная выставка, въ домѣ, кажется, Дворянскаго Собранія. Нѣсколько разъ я бывалъ на ней и съ любопытствомъ осматривалъ произведенія нашихъ фабрикъ и мануфактуръ, но теперь все это изчезло изъ памяти. Помню, былъ выставленъ какой-то ткацкій станокъ для тканія Персидскихъ шалей. Возлѣ станка, для показанія его дѣйствія, находился молодой человѣкъ въ длиннополомъ синемъ сюртукѣ, съ волосами въ скобку, мѣщанинъ или крестьянинъ, и очень развязно объяснялъ любопытнымъ таинства станка. Я тоже съ любопытствомъ его разсматривалъ и, обращаясь къ экспоненту, спросилъ: чѣмъ же особенно замѣчателенъ этотъ станокъ? *Эта машина*, отвѣчалъ онъ мнѣ, *очень чувствительна*! Смѣшно показалось мнѣ такое выраженіе, но экспонентъ началъ показывать мнѣ на дѣлѣ *чувствительность машины*, которая состояла въ томъ, что едва тронешь пальцемъ челнокъ съ утокомъ, и онъ съ необыкновенной быстротой пробѣгалъ по очень широкой основѣ.

Еще привлекали всеобщее вниманіе разныя вещи, выточенныя изъ слоновой кости какимъ-то знатнымъ бариномъ Поливановымъ. Въ особенности былъ замѣчателенъ, какъ чудо искусства, выточенный имъ Греческій храмъ, вершковъ шесть высотою. Нѣсколько колонокъ, стоящихъ на превосходно отдѣланномъ пьедесталѣ, поддерживали куполъ. Все это было самой тонкой прорѣзной работы. На куполѣ находился снимающійся шаръ въ родѣ биліарднаго; въ этомъ шарѣ было еще два шара, а въ серединѣ корзиночка съ цвѣтами, и все это сдѣлано изъ одного куска слоновой кости—работа дѣйствительно изумительная, даже непостижимая! На этой выставкѣ Посудевскій купилъ и подарилъ мнѣ небольшой чеканъ изъ гебеноваго дерева, стоившій 25 рублей асс., на которомъ я потомъ выучился играть и который и до сего времени у меня сохранился.

У насъ былъ студентъ Вронченко, сынъ богатаго помѣщика Екатеринославской губерніи. Онъ былъ уже не молодъ, рябъ лицемъ до отвращенія, но хорошій и добрый малый, и я съ нимъ былъ друженъ. Вдругъ Вронченко изчезъ изъ университета и не появлялся на лекціи уже нѣсколько мѣсяцевъ. Пронеслись слухи, будто бы онъ женился. Въ то время женатый студентъ былъ рѣдкостью, не такъ какъ теперь, и ихъ за это исключали изъ университета; и поэтому мнѣ жаль было добраго Вронченку. Однажды, совершенно неожиданно, встрѣтился я съ нимъ на улицѣ, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, я его спросилъ: «Правда ли, Вронченко, что ты женился?»—«Да, правда, отвѣчалъ онъ, и на очень миленькой и прекрасной дѣвушкѣ! Если хочешь, я тебя познакомлю съ моей женой; моя квартира отсюда недалеко, пойдемъ со мной». Я согласился. Онъ ввелъ меня въ очень порядоч-

ную квартиру, и послѣ нѣкотораго промежутка времени проситъ меня въ гостинную и представляетъ своей женѣ, пышно одѣтой и сидѣвшей на диванѣ. Но когда я взглянулъ на нее.... я остолбенѣлъ!... Я увидѣлъ передъ собою хорошо знакомую мнѣ Настасью Филиповну — эту скверную и почти публичную женщину! Она тоже сильно сконфузилась, узнавъ меня.... Но, къ счастію Вронченки, смущеніе мое было мгновенное, которое можно было приписать свойственной молодежи застѣнчивости съ женщинами; я скоро оправился, и какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ ней и отрекомендовалъ ей себя, не подавъ ни малѣйшаго вида о нашемъ знакомствѣ. Горько сожалѣя о заблужденіи своего товарища, я счелъ за лучшее скрыть отъ него все что̀ мнѣ было извѣстно о его женѣ. Въ послѣдствіи я узналъ, что такую низкую продѣлку съ Вронченкой устроилъ гнусный Полоникъ, нашъ общій товарищъ, о которомъ много еще будетъ сказано впереди, въ сообщничествѣ съ своею подлою хозяйкою. У нихъ на квартирѣ жила Настасья Филиповна. Вронченко ходилъ къ нимъ и любезничалъ съ нею, какъ обыкновенно каждый молодой человѣкъ. Но эти гнусныя твари, замѣтивъ слабость Вронченки, напоили его и пьянаго обвѣнчали! Больше я не видѣлся съ Вронченкой и что̀ съ нимъ случилось окончательно не знаю. Ходили слухи, что отецъ Вронченки отказался отъ него и пересталъ присылать ему содержаніе. Сначала онъ жилъ на деньги своей жены, которая потянула отъ Посудевскаго тысячи двѣ; но когда эти деньги истощились, а другихъ не имѣлось въ виду, то жена его бросила и обратилась къ прежнему своему ремеслу, а онъ бѣдный шлялся по трактирамъ и кабакамъ, и неизвѣстно какъ кончилась его участь.

IV.

Изученіе Нѣмецкаго языка.—Кондиціи.—Холера въ Москвѣ.—Первая ея жертва.—Холерная коммисія.—Сенаторъ Башиловъ.—Студентъ Антоновичъ.—Студенты-Нѣмцы.

Живя въ семействѣ Кёнига, я всегда старался говорить съ нимъ по-нѣмецки; самъ Кёнигъ, человѣкъ какъ мастеровой хотя и мало образованный, но всегда съ особеннымъ усердіемъ старался научить меня разговорному Нѣмецкому языку. Но кромѣ этихъ практическихъ занятій, нужно было заняться и граматическимъ изученіемъ языка, и вотъ я взялся за Нѣмецкую граматику и переводы, и Нѣмецкій языкъ до того показался мнѣ легокъ, что чрезъ шесть мѣсяцевъ я уже могъ читать Нѣмецкія книги почти безъ лексикона. Тогда-то открылся передо мною новый, дотолѣ невѣдомый мнѣ міръ поэзіи, исторіи и философіи! Въ особенности я восхищался Шилле-

ромъ. Когда я въ первый разъ прочелъ его безсмертныя творенія, то я часто самъ себѣ говорилъ: Боже, какъ бы я былъ несчастливъ, еслибы я не зналъ по-нѣмецки и не читалъ Шиллера! Въ послѣдствіи, я знакомился со студентами-Нѣмцами, занимался съ ними переводами съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ, и такимъ образомъ, я почти въ совершенствѣ изучилъ этотъ языкъ, который, къ сожалѣнію, потомъ на Кавказѣ, за неимѣніемъ ни книгъ, ни практики, забылъ въ значительной степени.

На свое содержаніе получалъ я изъ дому не болѣе пятисотъ рублей ассигнаціями въ годъ, которыхъ мнѣ едва ставало на квартиру и одѣяніе. Но кромѣ этихъ необходимыхъ потребностей, были и другія надобности, которыхъ удовлетворить было нечѣмъ, почему я и старался пріискивать для себя такъ называемыя кондиціи. Въ этомъ мнѣ содѣйствовали профессоры Мерзляковъ и Кубаревъ (профессоръ словеснаго факультета, Латинской литературы, полюбившій меня за отличное знаніе мною Латинскаго языка), такъ что я разомъ имѣлъ по нѣскольку кондицій и, получая за урокъ пять рублей ассигнаціями (менѣе чего я и не соглашался), я имѣлъ достаточно денегъ и для книгъ, и для театра, и для другихъ развлеченій. Между этими кондиціями была замѣчательна одна, въ домѣ Полторацкихъ. Это были очень богатые люди, имѣвшіе свой огромный домъ у Калужскихъ воротъ. Главное лицо въ семействѣ была старушка *), у которой было нѣсколько замужнихъ дочерей съ своими дѣтьми, и у одной изъ нихъ, генеральши Гурко, я давалъ уроки Русскаго языка двумъ дѣвочкамъ, которыя, родясь и живя до тѣхъ поръ въ Парижѣ, разумѣется, хорошо говорили по-французски и почти ничего не знали по-русски. Это были очень миленькія дѣвочки лѣтъ десяти, девяти, и старшая изъ нихъ имѣла замѣчательныя способности. Я ходилъ или ѣздилъ къ нимъ на уроки два раза въ недѣлю, занимался съ ними не болѣе часу, иногда и полчаса; мать всегда просила, чтобы я не утомлялъ ихъ. У нихъ была еще старшая сестра, прелестнѣйшая дѣвушка лѣтъ семнадцати, которая иногда приходила въ нашу классную комнату, и я при ней всегда сильно смущался и конфузился. Познакомясь со мною болѣе, Полторацкіе приглашали иногда меня обѣдать или пить чай, и эти приглашенія были для меня очень лестны, потому что я болѣе и болѣе знакомился съ порядочнымъ домомъ, какого знакомства я почти ни съ кѣмъ еще не имѣлъ въ Москвѣ. Но моя робость и застѣнчивость всег-

*) Анна Петровна, дочь Коломенскаго торговца Хлѣбникова и мать извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго. П. Б.

да мѣшали мнѣ близко сойтись съ порядочнымъ обществомъ, гдѣ требовались развязность, ловкость и изящныя манеры. Быть можетъ, со временемъ я бы и гораздо ближе познакомился съ этимъ прекраснымъ семействомъ; но тутъ случилась въ Москвѣ холера, отъ которой бѣжалъ тогда изъ Москвы всякій, кому было куда уйти. Полторацкіе уѣхали въ свою деревню, болѣе въ Москву не возвращались, и я съ ними уже никогда болѣе не видѣлся.

Первый разъ въ Россіи холера появилась въ 1830 году. Она свирѣпствовала сначала на нашемъ Юго-Востокѣ, въ Астрахани, въ Саратовѣ. Въ Москвѣ ходили уже объ ней самыя тревожныя вѣсти, и Москва съ ужасомъ ждала къ себѣ эту страшную гостью. Посъѣзжались въ университетъ студенты послѣ каникулъ, съѣхались мои товарищи, начались лекціи, и мы о холерѣ и не думали. У меня былъ товарищъ еще по гимназіи, Курилковъ, изъ мѣщанъ мѣстечка Понурницъ. Вотъ этотъ-то Курилковъ, однажды сидя со мною рядомъ на лекціи, часовъ въ двѣнадцать, обращается ко мнѣ и говоритъ: Я, братъ, уйду на квартиру, мнѣ что-то нездоровится. Прощай. И по обыкновенію, пожавъ мнѣ руку, ушелъ. Онъ жилъ недалеко отъ университета, вмѣстѣ съ двумя братьями Корольковыми, студентами юридическаго же факультета, пріѣхавшими изъ Саратова, гдѣ въ то время была холера. Часа черезъ два, когда еще мы сидѣли на лекціи, вбѣгаетъ въ переднюю аудиторію какая-то кухарка, спрашиваетъ въ попыхахъ Корольковыхъ и говоритъ имъ и всѣмъ, что Курилковъ прибѣжалъ домой, заболѣлъ холерой и умеръ, и что полиція уже на квартирѣ. Извѣстіе это встревожило всѣхъ насъ очень сильно. Мы разошлись по домамъ. Съ этого же дня былъ закрытъ университетъ, и въ Москвѣ появилась уже открыто холера.

Страшное было это время! Всѣ заперлись въ домахъ и никуда не выходили. Я тоже недѣли двѣ сидѣлъ на квартирѣ, не выходя даже и на улицу. Толки ходили, что по улицамъ разъѣзжаютъ огромныя фуры, которыя увозятъ изъ города мертвыхъ, куда попадаются иногда и живые, если они не откупятся отъ служителей холеры, и поэтому каждый боялся попасть навстрѣчу этимъ страшнымъ людямъ. Я много обязанъ за это время семейству моего хозяина. У него было три дочери и всѣ замужемъ, тоже за Нѣмцами: одна за токаремъ, другая за рѣщикомъ, а третья за портнымъ. Несмотря на страхъ, онѣ почти ежедневно приходили къ своимъ родителямъ, и эти молоденькія и миленькія Нѣмочки заставляли меня забывать тягость моего затворничества. Мнѣ очень нравилась тогдашняя жизнь мастеровыхъ Нѣмцевъ, съ которыми я почти со всѣми въ Москвѣ былъ знакомъ. Цѣлую недѣлю они работаютъ, а въ Субботу вечеромъ уже непремѣнно

собираются къ кому-либо на чай и вечеръ. Мущины играютъ въ карты и пьютъ пиво, а дамы и дѣвицы выдумываютъ разныя игры, шутки, или поютъ и играютъ. Въ Воскресенье, если это лѣтомъ, непремѣнно ѣдутъ цѣлою компаніей гулять за городъ, а зимою собираются на вечеринки. У хозяина моего каждую Субботу вечеромъ собирались гости, а дочери ежедневно приходили къ нему то одна, то другая. Всѣ онѣ очень меня любили, шутили, шалили, играли со мной, и мнѣ такъ было весело и пріятно, какъ никогда ни въ какомъ другомъ обществѣ.

Соскучась долгимъ уединеніемъ на квартирѣ, рѣшился я наконецъ проводить одного моего добраго и самаго лучшаго товарища, Алексѣя Никаноровича Топорнина, съ которымъ мы жили, какъ говорится, душа въ душу. Онъ былъ сынъ богатаго Тамбовскаго помѣщика и квартировалъ у Погодина, въ собственномъ его домѣ на Мясницкой. Проходя по улицамъ, я удивился совершенной ихъ пустотѣ: нигдѣ не видно было ни души, и я со страхомъ и трепетомъ подходилъ къ дому Погодина, въ которомъ ворота были заперты. Едва я докликался дворника, разспросилъ его, живы ли здоровы всѣ въ домѣ и, получивъ отрадный отвѣтъ, просилъ его вызвать ко мнѣ Топорнина. Дворникъ вызвалъ его, а мы чрезъ рѣшетку воротъ, не подавая руки другъ другу, поговорили съ нимъ съ четверть часа и разстались со слезами. Я благополучно возвратился домой.

Скоро, однакожъ, Москвичи, такъ же какъ и я, соскучились, попривыкли къ холерѣ и мало-по-малу начали убѣждаться, что она не заразительна, что отъ нея еще скорѣе можно умереть сидя въ комнатѣ и безпрестанно объ ней думая, нежели выходя и развлекаясь, и Москва опять высыпала на улицы и зашумѣла. Всѣмъ памятно, какое сильное участіе приняли тогда наша администрація и все богатое населеніе столицы, руководимое незабвеннымъ своимъ главнокомандующимъ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ Голицынымъ, въ этомъ страшномъ народномъ бѣдствіи. Кромѣ устройства множества больницъ, наблюденіе за которыми ввѣрено было высшимъ сановникамъ-сенаторамъ, учреждена была особая коммисія при генералъ-губернаторѣ для собиранія свѣдѣній о числѣ заболѣвающихъ холерою, умирающихъ и выздоравливающихъ, для составленія и представленія объ этомъ ежедневнаго рапорта Государю. Коммисія эта, подъ предсѣдательствомъ сенатора Башилова, состояла изъ пяти членовъ и пяти ихъ помощниковъ и помѣщалась въ домѣ князя Павла Павловича Гагарина, возлѣ Кузнецкаго моста. Въ числѣ членовъ былъ профессоръ Погодинъ и, по его рекомендаціи, помощниками были избраны студенты, въ числѣ которыхъ и я, съ жалованьемъ, кажется, по 15 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Дѣла намъ было очень много, а особливо

дѣла спѣшнаго, потому что ежедневно къ 12 часамъ долженъ былъ быть готовъ краткій рапортъ за вчерашній день о состояніи столицы, который тотчасъ же и посылался въ Петербургъ къ Государю. Мы работали день и ночь, тамъ же обѣдали и ночевали и рѣдко навѣщали свои квартиры. Обѣдъ и ужинъ доставляли намъ члены на свой счетъ, прислуга была отъ предсѣдателя, на счетъ котораго даже покупался для насъ табакъ, и мы, трудясь и работая, забывали горе. Но молодость брала свое: безъ шутокъ, безъ шалостей нельзя было обойтись, и мы, несмотря на многочисленныя занятія, всегда находили время для проказъ и шутокъ, предметомъ которыхъ былъ всегда нашъ любезнѣйшій предсѣдатель Башиловъ, человѣкъ уже пожилой и очень добрый, но большой чудакъ и оригиналъ; да еще секретарь его, который казался намъ совершеннымъ подобіемъ Молчалина. Старику Башилову, вѣроятно, было скучно, и онъ не зналъ, гдѣ и какъ убить время. Еще днемъ онъ безпрестанно бѣгалъ, то въ нашу коммисію, то къ генералъ-губернатору, а вечеромъ, гдѣ дѣваться? Клубы и собранія были закрыты. И вотъ онъ и притащится вечеромъ въ коммисію и начнетъ морить насъ своими разсказами. Сначала мы слушали его съ нѣкоторымъ любопытствомъ; но потомъ, повторяя одно и тоже, онъ до того надоѣдалъ намъ, что мы, бывало, примемся за свои занятія, а ему прямо скажемъ: не мѣшайте намъ! и онъ иногда обращался къ несчастному своему секретарю, который терпѣливо и подобострастно выслушивалъ всякій его вздоръ и безпрестанно съ умиленіемъ восклицалъ: точно такъ, ваше превосходительство!

Любимымъ разсказомъ Башилова было про благосклонность къ нему великаго князя Михаила Павловича, у котораго онъ, говорили, былъ просто шутомъ, и бывало читаетъ намъ даже письма къ нему Великаго Князя, благоговѣйно ихъ развертывая и свертывая и цѣлуя его высочайшую подпись, что̀, разумѣется, намъ казалось раболѣпствомъ и холопствомъ. Разсказы эти и письма ясно обнаруживали намъ, что Великій Князь надъ нимъ потѣшался, и хотя Башиловъ, быть-можетъ, и самъ понималъ это, но считалъ такое надъ собою глумленіе царской особы особенною для себя царскою милостію. Тутъ мы, бывало, и пристанемъ къ нему съ нашими шутками. Сначала представимся, что мы всему этому вѣримъ, что мы считаемъ его царскимъ другомъ, и просимъ, когда окончимъ университетъ, покровительства его на службѣ, что̀ онъ съ радостію и самодовольствіемъ намъ и обѣщалъ; и, возвеличивъ его такимъ образомъ, вдругъ, начинаемъ смѣяться надъ нимъ, говорить ему, что все это не правда, что Великій Князь и на порогъ его не пускаетъ и т. п., и разсердимъ его до того, что онъ уѣдетъ отъ насъ.

Иногда ему хотѣлось и поутру побалагурить съ нами; но тутъ уже къ намъ ни приступу! Мы показывали, что такъ заняты, что не только разговаривать, даже некогда самимъ и трубки покурить, и для этого заставляли Башилова приказывать человѣку накладывать трубки и подносить намъ, такъ что мы курили ихъ, не касаясь чубуковъ руками, которыя будто бы были такъ заняты, что и на минуту нельзя освободить ихъ!

За сочиненіе бумагъ онъ тоже не ладилъ съ нами. Ему все хотѣлось, чтобы мы писали формальнымъ приказнымъ слогомъ, надъ которымъ мы всегда смѣялись и писали посвоему. «Охъ, господа! говорилъ онъ, вы все философствуете, все пишете по ученому, по книжному, а вотъ послушайте-ка, какъ хорошо пишетъ мой секретарь». И начнетъ читать намъ какой-либо написанный секретаремъ рапортъ, гдѣ слова: *оный, вышереченный, поелику* и проч. красовались на каждой строчкѣ. Иногда, бывало, и самъ начертитъ какую-нибудь маленькую бумажку и дастъ намъ переписать; но какъ въ ней часто не было ни смысла, ни связи, то ее и передѣлаешь. За эти передѣлки онъ часто съ нами спорилъ и, наконецъ, разсердясь, запретилъ, чтобы мы вовсе не смѣли передѣлывать его бумагъ. Вотъ однажды, даетъ онъ мнѣ переписать начерненный имъ коротенькій рапортъ генералъ-губернатору. Я прочиталъ его, разсмѣялся, переписалъ слово въ слово; онъ быстро подписалъ его, и отправили. Чрезъ нѣсколько часовъ прислали за Башиловымъ изъ генералъ-губернаторской канцеляріи; онъ полетѣлъ туда, и тамъ ему прочитали, какой онъ представилъ рапортъ! Въ этомъ рапортѣ было написано: «*Въ полученномъ отъ частнаго пристава N рапортѣ присланы два мертвыя тѣла: одно фельдмаршала графа Сакена, а другое графа Дибича Забалканскаго. О чемъ вашему сіятельству честь имѣю донести. Сенаторъ Башиловъ*». Можно себѣ представить, сколько было хохоту въ генералъ-губернаторской канцеляріи надъ этимъ рапортомъ! Но вотъ Башиловъ влетаетъ въ коммисію съ этимъ рапортомъ и напускается на меня, какъ я смѣлъ написать подобный рапортъ. Я прехладнокровно говорю ему, что я переписалъ рапортъ съ его собственноручнаго черноваго, который при этомъ для сличенія и показываю. «Да, помилуйте, кричитъ онъ, развѣ у васъ недостало толку, чтобы прибавить: фельдмаршала графа Сакена *полка*, а не просто фельдмаршала графа Сакена, да еще и графа Дибича тѣло... Вѣдь за такую бумагу меня отдали бы подъ судъ, еслибъ я не выпросилъ ея обратно».—«Да вѣдь, вы же сами строго приказали мнѣ ничего не перемѣнять и не прибавлять въ вашихъ черновыхъ бумагахъ, возражалъ я, ну я такъ и сдѣлалъ». И

подобныхъ продѣлокъ съ этимъ Николаевскимъ сенаторомъ и другомъ Михаила Павловича было у насъ нѣсколько.

Но въ особенности Башиловъ былъ недоволенъ на насъ за слѣдующее къ нему неуваженіе. Онъ, какъ и всѣ бюрократы тогдашняго времени, необыкновенно любилъ какъ можно болѣе торжественные пріемы при появленіи его въ коммисію; но къ несчастію не было изъ кого составить ему парадной встрѣчи. Въ передней, разумѣется, со всѣмъ высокопочитаніемъ встрѣчалъ его сторожъ, инвалидъ, снималъ съ него торжественно шубу и, вытянувшись, кричалъ ему: здравія желаемъ, ваше превосходительство! Тутъ же встрѣчалъ его изгибаясь и секретарь. Но далѣе, при входѣ въ канцелярію, уже не было никакой торжественности: мы всѣ сидѣли молча за бумагами, даже и не подымались со стульевъ, и на его громогласное: здравствуйте господа! отвѣчали поодиночкѣ: добраго здоровья!... И каково же было ему, сенатору, предсѣдателю коммисіи, принявшему на себя эту должность единственно только для того, чтобы поважничать и порисоваться предъ подчиненными, вдругъ встрѣтить такое равнодушіе къ своему величію!... Мы занимались въ этой коммисіи, и занимались дѣятельно и неусыпно уже около мѣсяца; но при одномъ изъ такихъ торжественныхъ входовъ нашего великолѣпнаго предсѣдателя, ему что-то ужъ слишкомъ не понравилась наша непривѣтливость; онъ сталъ придираться къ намъ за разныя мелочи, накричалъ на насъ, назвалъ насъ мальчишками и уѣхалъ. Это насъ сильно оскорбило, и мы рѣшились оставить службу, о чемъ и объявили его секретарю. На другой день мы поскладывали всѣ свои бумаги и не приступаемъ къ занятіямъ. Пріѣзжаютъ члены. Погодинъ начинаетъ уговаривать насъ оставить наше неудовольствіе и продолжать занятія; но мы отвѣчали, что пока Башиловъ не извинится передъ нами, мы заниматься не будемъ. Пріѣзжаетъ Башиловъ, не идетъ уже къ намъ въ канцелярію, а въ другую комнату; члены начали говорить ему о нашей рѣшимости и о томъ, что онъ несправедливо огорчилъ насъ. Тогда онъ является къ намъ, извиняется передъ нами, и мы опять принялись за работу. Но вскорѣ уже послѣ этого, утомившись нашими тяжелыми и однообразными занятіями (да и личность Башилова намъ сдѣлалась уже противною), мы оставили службу всѣ разомъ въ этой коммисіи и были замѣнены какими-то канцелярскими, съ которыми Башилову, вѣроятно, не представлялось уже подобныхъ происшествій, и встрѣчи его при входѣ въ коммисію, вѣроятно, сдѣлались вполнѣ торжественны....

Въ концѣ Декабря мѣсяца холера, унеся болѣе пяти тысячъ жертвъ, совершенно прекратилась въ Москвѣ, и послѣ Рождествен-

скихъ праздниковъ, послѣ двухмѣсячнаго закрытія, открытъ университетъ, и студенты стали ходить на лекціи.

Спустя нѣсколько времени по открытіи университета, пріѣхалъ въ Москву товарищъ мой по гимназіи, Платонъ Александровичъ Антоновичъ. Онъ уроженецъ гор. Кролевца, Черниговской губерніи, славнаго своею Воздвиженскою ярмаркой, гдѣ мать его (отецъ его давно умеръ), имѣя усадьбу и около города небольшое имѣньице, при большомъ семействѣ, жила очень бѣдно и почти не имѣла средствъ воспитывать двухъ сыновей своихъ; но какъ умная и энергическая женщина, вполнѣ преданная своимъ дѣтямъ, она терпѣла сама всевозможныя лишенія, а сыновей содержала въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ. Антоновичъ, будучи отличнымъ ученикомъ Новгородсѣверской гимназіи, любимцемъ директора ея Тимковскаго, оставался въ послѣднемъ классѣ гимназіи, подобно мнѣ, на другой годъ, и по выпускѣ изъ гимназіи первымъ ученикомъ, поступилъ сначала въ Харьковскій университетъ, гдѣ и пробылъ одинъ годъ. Тамъ онъ познакомился со студентомъ княземъ Андреемъ Оболенскимъ, отецъ котораго былъ въ то время Калужскимъ губернаторомъ. Князь этотъ захотѣлъ перейти въ Московскій университетъ, и вотъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Москву и Антоновичъ. Въ Калугѣ остановила ихъ бывшая въ Москвѣ холера, гдѣ Антоновичъ и прогостилъ все это время въ семействѣ Оболенскаго, которое оказало ему самое искреннее гостепріимство. По минованіи холеры, Антоновичъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Оболенскимъ, пріѣхалъ въ Москву и поступилъ въ университетъ по словесному факультету. Это былъ отличный юноша: высокаго роста, брюнетъ, съ большими карими глазами, черными бровями и всегда веселою, оживленною физіономіей. Способности имѣлъ превосходныя и занимался всегда прилежно. Еще въ гимназіи онъ былъ моимъ соперникомъ въ ученіи, и только мое двухлѣтнее пребываніе въ послѣднемъ четвертомъ классѣ было причиной, что я былъ въ немъ первымъ ученикомъ, а онъ вторымъ. Въ университетѣ онъ тоже занимался отлично. Характера онъ былъ самаго привлекательнаго: всегда веселый, всегда шутливый, готовый подѣлиться съ товарищами послѣднею копѣйкой, готовый пожертвовать за товарищей хотя бы жизнію, за что онъ и былъ всегда горячо любимъ товарищами. Но въ особенности обожали его женщины. При своей красивой наружности, не будучи застѣнчивъ, а всегда смѣлъ и ловокъ, хорошо танцуя и говоря по-французски, онъ имѣлъ доступъ въ хорошее общество, и эти его качества дѣлали его любимцемъ женскаго пола, къ которому и онъ, по своей пылкой натурѣ, не былъ равнодушенъ и, не предаваясь съ нимъ романической мечтательности и сентиментальности, онъ, не

смотря ни на какія препятствія и опасности, стремился прямо къ цѣли — и всегда успѣвалъ въ своихъ предпріятіяхъ... Я очень обрадовался его пріѣзду въ Москву, и мы зажили съ нимъ по-дружески.

Въ этотъ же третій курсъ моего университетскаго ученія, по случаю какихъ-то строгостей въ Дерптскомъ университетѣ, перешли изъ этого университета въ Московскій человѣкъ до двадцати студентовъ юридическаго факультета. Они, соединясь съ Московскими студентами Нѣмцами, образовали свое Landsmanchafft, нанимали особенную большую комнату, куда они почти ежедневно собирались и гдѣ они учились драться на рапирахъ и эспадронахъ и совершали свои вечернія Kneipens или попойки. Изъ Русскихъ студентовъ они сошлись только съ двумя, со мною и съ Антоновичемъ, и приняли насъ въ свое ландманшафство. Мнѣ очень понравилась организація такого общества, и какъ я уже довольно хорошо говорилъ по-нѣмецки, да и Нѣмцы эти старались говорить болѣе по-русски, то и началъ я посѣщать ихъ вечернія собранія. На этихъ собраніяхъ, обыкновенно, варили глинтвейнъ, который потомъ пили, пѣли разныя Нѣмецкія пѣсни и знаменитое Gaudeamus. Всѣ товарищи говорили другъ другу *ты*, вели ученыя пренія, вели дружескіе разговоры, и я, никогда ничего подобнаго не видавшій, былъ въ восторгѣ отъ такихъ товарищескихъ сходокъ. Иногда на этихъ сходкахъ, днемъ, происходили и дуэли на эспадронахъ за какія-нибудь непріятности между товарищами, которыя, къ счастью, оканчивались только незначительными царапинами. Изъ числа этихъ студентовъ остались въ моей памяти имена Московскихъ Нѣмцевъ: Кольрейфа, Кноблоха, Тессина, а изъ Остзейскихъ: Ренгарта, Кошкуля, Мирбаха, барона Вольфа и барона Кампенгаузена.

Эти общественныя собранія имѣли большое вліяніе на мое умственное настроеніе. У меня всегда было сильно чувство товарищества; но то была привязанность къ одному какому лицу, а здѣсь пробудились во мнѣ мысли и желанія быть товарищемъ уже цѣлаго общества, связаннаго между собою неразрывною дружбой и дѣйствующаго съ какою-нибудь опредѣленной цѣлью. Каждый молодой человѣкъ съ пылкими чувствами невольно ищетъ для себя какой-либо дѣятельности, и дѣятельности благородной; юный умъ, просвѣщенный науками, особливо политическими, невольно стремится къ осуществленію новыхъ, запавшихъ въ голову идей, къ повѣркѣ ихъ мнѣніями другихъ.... и вотъ рождается невольное желаніе соединиться въ дружеское, товарищеское общество, въ которомъ можно было бы свободно обсуждать всѣ новыя философскія или политическія идеи, гдѣ можно было бы имѣть пренія, читать свои сочиненія и проч. Мнѣ кажется, это есть самое естественное слѣдствіе развитія ума и жажды дѣятельности, и строгое

запрещеніе всякихъ студенческихъ собраній есть дѣйствіе противуестественное.

Въ настоящее время требуютъ отъ студентовъ, чтобы они только учились, но не смѣли бы собираться въ общества, не смѣли бы имѣть никакого предмета общественной дѣятельности, и чтобы каждый жилъ и дѣйствовалъ особо, самъ собою. Не говоря уже, что это неестественно, что это значитъ уничтожать въ самомъ зародышѣ то, для чего собственно и учатся люди, мнѣ кажется, такое стѣсненіе въ высшей степени вредно и для ученія, и вообще для развитія молодаго человѣка. Конечно, ежели имѣть въ виду образовать изъ молодыхъ людей только чиновниковъ, какъ это и было до сихъ поръ, то такая система одиночнаго образованія совершенно сообразна съ цѣлію. Юноша, проведшій четыре самыхъ лучшихъ года своей жизни только на лекціяхъ и одиноко въ своей квартирѣ надъ книгами, безъ всякаго сообщенія съ своими товарищами, безъ всякой дружбы съ ними, безъ всякой живой, моральной общественной дѣятельности, разумѣется, будетъ хорошимъ чиновникомъ, въ смыслѣ принятомъ въ настоящее время: онъ будетъ тихъ, скроменъ, усидчиво писать бумаги, благоговѣть передъ начальствомъ и, сдѣлавшись самъ начальникомъ, спрячется отъ людей, запрется въ своемъ кабинетѣ, будетъ дѣятеленъ въ очисткѣ бумагъ, важничать передъ подчиненными и недоступенъ просителямъ... Но развѣ изъ такой его дѣятельности будетъ какая-либо дѣйствительная польза для общества, развѣ такая личность способна чувствовать и понимать насущныя потребности людей?... И если университетъ, какъ и слѣдуетъ, долженъ образовать изъ юноши не просто чиновника, а человѣка и гражданина, который, выйдя изъ этого высшаго заведенія, вступилъ бы въ общество не неопытнымъ птенцомъ, подобно институткѣ, а человѣкомъ образованнымъ, практическимъ, благороднымъ и энергическимъ: то для этого, въ университетскомъ образованіи, кромѣ лекцій и книгъ, непремѣнно должны быть допущены и товарищескія общества, цѣлію которыхъ были бы, какъ научный обмѣнъ мыслей и развитіе собственныхъ идей, такъ и благотвореніе бѣднымъ товарищамъ, обсужденіе дѣйствій и познаній своихъ профессоровъ и даже всѣхъ современныхъ литературныхъ и соціальныхъ вопросовъ, для чего, прежде всего, нужно имѣть студенческую кассу и библіотеку. Въ такомъ обществѣ, при безпрестанной повѣркѣ своихъ идей сужденіями другихъ, самыя эти идеи будутъ правильнѣе, пріобрѣтется навыкъ устнаго ихъ изложенія, такъ теперь необходимый, пріобрѣтутся понятія о всѣхъ житейскихъ нуждахъ и потребностяхъ, о всѣхъ общественныхъ язвахъ, порокахъ, заблужденіяхъ, и поселится въ душѣ юноши твердое и практическое стремле-

ніе къ уничтоженію ихъ въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлается уже общественнымъ дѣятелемъ, и тихій юноша, по выходѣ изъ университета, вступитъ въ жизнь уже съ твердыми и вѣрными убѣжденіями, съ твердымъ, благороднымъ и энергическимъ характеромъ и не безъ достаточной практической опытности. Да, одно только плотное товарищество, благотворно образуетъ и умъ и характеръ молодаго человѣка и, ослабляя въ немъ врожденный человѣку эгоизмъ, дѣлаетъ его способнымъ на самопожертвованіе! Безъ сомнѣнія, мнѣ возразятъ, что..... но довольно! Вѣдь я пишу не разсужденіе объ университетскомъ уставѣ, а воспоминанія о моемъ университетскомъ времени.

V.

Маловская исторія.—Сходки у Почеки.—Инспекторъ Чумаковъ.—Письма студентовъ къ попечителю университета.—Жертвы за Маловскую исторію.—Послѣдняя битва классицизма съ романтизмомъ.—Посѣщеніе университета Гумбольдомъ.—Попечитель Писаревъ.—Кондиціи у Рахманова.

Теперь я приступлю къ описанію одного, очень замѣчательнаго университетскаго происшествія, которое надѣлало тогда много шуму, не только въ университетѣ, но даже въ обществѣ, стало въ послѣдствіи извѣстно подъ названіемъ *Маловской исторіи*, происшествіе, которое въ настоящее время назвали бы *демонстраціей*, но тогда терминъ этотъ еще не былъ извѣстенъ. Это само по себѣ, впрочемъ, ничтожное происшествіе обнаруживало, однакожъ, уже зарождавшійся корпоративный духъ студентовъ и общій протестъ ихъ противъ бездарности и невѣжества нѣкоторыхъ профессоровъ.

Профессоръ Маловъ, какъ я уже писалъ выше, былъ олицетворенная глупость и ничтожество; но какъ онъ былъ всегда деликатенъ съ нами даже до униженія, то мы терпѣливо переносили его глупость. Въ это время онъ, изъ экстраординарныхъ профессоровъ, былъ сдѣланъ ординарнымъ, и какъ у глупыхъ людей honores mutant mores, то и Маловъ возгордился новымъ своимъ званіемъ, и изъ кроткаго и деликатнаго вдругъ сдѣлался строгимъ и грубымъ. Въ случаѣ шума на его лекціяхъ, онъ не только уже не просилъ насъ униженно, какъ прежде, перестать шумѣть, но сталъ грозить намъ и требовать повелительно отъ насъ тишины. Сначала, это насъ сильно озадачило: мы не могли понять причины такой перемѣны, но не обращали на его важничанье никакого вниманія и нисколько не боялись его угрозъ. Но однажды, когда мы, по обыкновенію, начали шумѣть на его лекціи и не унимались отъ его строгихъ требованій тишины, онъ вышелъ изъ терпѣнія и забылся до того, что обругалъ насъ мальчишками и ушелъ

съ лекціи. Негодованіе студентовъ за такое оскорбленіе было страшное. Такая брань отъ кого бы то ни было показалась бы намъ очень обидною, тѣмъ болѣе отъ такого осла, котораго мы только и терпѣли за его снисходительность. Всѣ студенты ходили взволнованные по аудиторія, кричали, какъ смѣлъ такой дуракъ, какъ Маловъ, такъ оскорблять студентовъ, и ругали его всячески. Но весь этотъ шумъ и гамъ, вѣроятно, кончился бы ничѣмъ, еслибы не нашелся коноводъ, который далъ бы желанное направленіе этому движенію, и этимъ коноводомъ явился я.

По моимъ неоднократнымъ противудѣйствіямъ дурнымъ профессорамъ, студенты смотрѣли на меня какъ на человѣка, который не сноситъ оскорбленій, и поэтому всѣ обиженные дерзостію Малова начали сходиться ко мнѣ и жаловаться мнѣ на оскорбленіе, какъ бы ожидая отъ меня отмщенія, и отъ этого я, какъ бы невольно, долженъ былъ принять на себя предлагаемую мнѣ роль. Я ее принялъ и вотъ какъ устроилъ эту демонстрацію. Подходитъ, напримѣръ, ко мнѣ Топорнинъ и съ сильнымъ гнѣвомъ высказываетъ свое огорченіе.—Ну, чтожъ, говорю я ему, я также этимъ сильно оскорбленъ! Давай на слѣдующую лекцію прогонимъ Малова.—Да чтожъ мы можемъ сдѣлать только вдвоемъ?—Да ты только скажи, согласенъ-ли ты на это?—Согласенъ.—Ну, и хорошо!

Тоже самое я говорилъ Каменскому, и когда онъ согласился, тогда я, подозвавъ Топорнина, сказалъ имъ обоимъ: Ну, вотъ уже насъ трое согласныхъ прогнать съ лекціи Малова. Теперь разойдемся по аудиторіи, и каждый изъ насъ долженъ секретно пригласить по десяти человѣкъ также согласныхъ на это, и тогда поговоримъ, что̀ дальше дѣлать. Мы разошлись. Профессора, которому въ это время слѣдовало читать лекцію, не было; чрезъ полчаса мы опять сошлись, и каждый изъ насъ имѣлъ уже десять товарищей, готовыхъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Въ нашей аудиторіи, какъ я уже описывалъ, было три отдѣленія впереди закрытыхъ досками скамеекъ, и мы согласились, чтобы, въ слѣдующую Маловскую лекцію, каждый изъ насъ со своими товарищами занялъ одно отдѣленіе: Топорнинъ—лѣвый флангъ, Каменскій—центръ, а я—правый флангъ, первое отъ входа въ аудиторію отдѣленіе, гдѣ и разсѣлись бы по разнымъ скамейкамъ и мѣстамъ. Потомъ, когда явится Маловъ и начнетъ читать лекцію, то сидѣть сначала смирно; а за пять минутъ до исхода часа лекціи начинать шаркать по полу ногами и не переставать уже, что̀ бы онъ ни говорилъ намъ.

Вотъ въ чемъ и должна была состоять вся наша грозная демонстрація. Болѣе рѣшительно ничего не предпринималось, и ежели случи-

лось нѣсколько иначе, то это уже была не наша вина.... И какъ сравнимъ ее съ теперешними студенческими демонстраціями, то она является самою невинною дѣтскою шалостію, надъ которою благоразумный профессоръ только бы посмѣялся и насъ же еще сконфузилъ бы. Но какъ Маловъ былъ рѣшительно глупъ, то изъ этой ничтожной шалости вышла, наконецъ, довольно важная и занимательная исторія. Удивляюсь, какъ наши *Лазари*, которые безъ сомнѣнія знали о нашемъ замыслѣ, не донесли объ немъ Малову; а знай онъ объ этомъ, и не прійди на слѣдующую лекцію, предпринятіе наше на этотъ разъ само собой рушилось бы, а потомъ мы охладѣли бы и раздумали. Но Лазари или въ самомъ дѣлѣ не донесли Малову, или же онъ, хотя и зналъ объ этомъ, но, по своему высокомѣрію, пренебрегъ этой опасностію. Между тѣмъ слухъ о нашемъ намѣреніи сдѣлать скандалъ Малову распространился и между студентами другихъ факультетовъ, особливо въ словесномъ факультетѣ, гдѣ у насъ было много хорошихъ товарищей, которые намъ очень сочувствовали и обѣщали свою помощь; и ненависть къ Малову вообще всѣхъ студентовъ, а въ особенности необыкновенность такого единодушнаго дѣйствія студентовъ политическаго факультета, никогда до сихъ поръ не бывалаго между ними, возбудили всеобщій интересъ и любопытство.

Насталъ желанный день. Мы всѣ, сговорившіеся, какъ условились, такъ и разсѣлись по отдѣленіямъ скамеекъ. Является Маловъ; всѣ встали, но никто изъ Лазарей не выскочилъ съ мѣста для поклоненія ему. Онъ важно сѣлъ на каѳедру, то-есть на небольшое возвышеніе со столомъ и кресломъ и началъ читать лекцію. Тишина царствовала глубокая, какъ на морѣ передъ бурей; только входная въ аудиторію дверь часто отворялась, и въ нее безпрестанно потихоньку входили студенты другихъ отдѣленій, которые и садились на скамейкахъ моего фланга, какъ ближайшихъ къ двери. Изъ словеснаго факультета пришли, сколько помню, Антоновичъ, Почека, Оболенскій, князь Оболенскій, князь Гагаринъ, Закревскій, Огаревъ; изъ математическаго Герценъ, Діомидъ Пассекъ, Носковъ и проч. Не помню теперь, о чемъ была лекція, но я слушалъ ее внимательно. Чрезъ полчаса или болѣе по содержанію лекціи мнѣ казалось, что вотъ, вотъ Маловъ скоро ее кончитъ, между тѣмъ какъ до часу много еще оставалось времени, и мнѣ вдругъ пришло на мысль: ну что ежели Маловъ кончитъ лекцію раньше, нежели за пять минутъ до своего часа, когда мы условились начинать шумъ, и уйдетъ изъ аудиторіи?... вѣдь наше предпріятіе тогда не удастся. Будучи пораженъ этою мыслію, я тотчасъ же посылаю адъютанта своего Михаила Розенгейма къ начальникамъ боевой арміи Топорнину и Каменскому съ предложеніемъ, что хотя еще

далеко до условленныхъ пяти минутъ, но надобно непремѣнно начинать уже. Розенгеймъ, пробираясь сзади скамеекъ, возвратился ко мнѣ и передалъ, что Топорнинъ ни за что̀ не соглашается и что нужно такъ дѣлать, какъ условились. Боясь, чтобы Маловъ не ушелъ съ лекціи прежде нашей демонстраціи и увидѣвши, что отъ подошедшихъ словесниковъ армія моя значительно увеличилась, я рѣшился дѣйствовать самъ со своими собственными силами, хотя бы другіе отряды меня и не поддерживали....

Я сидѣлъ на передней скамейкѣ. Сначала, желая только сдѣлать какъ бы пробу, я потихоньку шаркнулъ ногой по полу; но едва я это сдѣлалъ, какъ сзади у меня за скамейками поднялось такое шарканье ногами, какого я уже и не ожидалъ. Маловъ изумился. Онъ пересталъ читать лекцію и прислушивался къ шарканью; но какъ оно не ослабѣвало и продолжалось сильнѣе, то онъ обратился къ нашему отдѣленію и началъ намъ что-то говорить. Мы тотчасъ перестали, но за этимъ послѣдовало шарканье на лѣвомъ флангѣ, гдѣ вѣроятно добрые товарищи не выдержали и не послушались Топорнина. Маловъ обращается направо къ студентамъ и начинаетъ имъ говорить; но тамъ мгновенно все умолкаетъ, и начинается шумъ въ центрѣ. Маловъ обращается къ центру; тамъ перестаютъ шаркать, и начинаетъ опять шумѣть правый флангъ. Все это дѣлалось какъ по командѣ. Маловъ видимо струсилъ. Сначала онъ грозилъ намъ, а то вдругъ смирился и началъ пѣть передъ нами Лазаря: «*Ну что̀ я вамъ, милостивые государи, сдѣлалъ?* говорилъ онъ. *За что̀ вы на меня сердитесь? Помилуйте меня! Извините меня, если я васъ чѣмъ оскорбилъ.... оставьте все это!*» Что мы не имѣли никакого другаго намѣренія какъ только пошумѣть и этимъ заставить Малова предъ нами смириться и извиниться, это доказывается тѣмъ, что мягкія его слова и извиняющаяся и униженная его физіономія сильно на насъ подѣйствовали, и мы мгновенно перестали шумѣть.

Еслибы Маловъ послѣ этого ушелъ съ лекціи, то безъ сомнѣнія и конецъ былъ бы нашей демонстраціи. Но его, какъ говорится, лукавый попуталъ. Видя нашу покорность, онъ возгордился своею надъ нами побѣдой и вдругъ, какъ бы какой чортъ подучилъ его, онъ, обращаясь къ намъ съ насмѣшкою, сказалъ: *Ну чтожъ вы, милостивые государи, перестали? Что же вы не продолжаете? Продолжайте!*.... Эти слова его были искрой въ порохъ. Едва онъ выговорилъ ихъ, какъ всѣ студенты вскочили съ мѣстъ своихъ, начали ногами уже не шаркать, а колотить о переднія доски скамеекъ, закричали на него: вонъ, вонъ!... и пустили уже въ него кто шапкой, а кто книжкой. Онъ стремглавъ бросился изъ аудиторіи, едва успѣлъ схватить свою шубу

и шапку и побѣжалъ черезъ дворъ на улицу. Тутъ вслѣдъ ему студенты кричали, атукали какъ на зайца, ругали его, и когда онъ выбѣжалъ на улицу, то полетѣли въ него и камешки, и толпа далеко по Тверской улицѣ провожала его съ гиканьемъ, бранью и атуканьемъ какъ дикаго звѣря.

Послѣ такого серіознаго уже скандала, нѣсколько насъ, человѣкъ десять изъ болѣе ретивыхъ и пылкихъ участниковъ, вечеромъ, собрались въ квартиру къ студенту Почекѣ, и начали обсуждать, что̀ намъ теперь дѣлать? Происшествіе это уже до того озлобило насъ противъ Малова, что мы рѣшились заставить его совершенно оставить университетъ и, предполагая, что онъ на слѣдующую лекцію опять явится въ аудиторію, мы составили бумагу, въ которой прописали всѣ его нравственные и умственные недостатки и нанесенныя имъ студентамъ обиды, за что̀ требовали, чтобы онъ совершенно оставилъ университетъ и не являлся бы болѣе на лекціи, въ противномъ случаѣ грозили поступить съ нимъ очень дурно, и кажется, угрожали даже его высѣчь! Послѣ этого, въ часъ его лекціи, эту бумагу положили въ настольную книгу, въ которой профѐссоры, обыкновенно предъ началомъ чтенія лекціи, записывали ея содержаніе, какая книга всегда лежала на профессорскомъ столѣ и которую Маловъ развернувъ, тотчасъ бы увидѣлъ бумагу и, безъ сомнѣнія, прочелъ бы ее. Чтобы этой бумаги не прочелъ кто-либо изъ студентовъ, не участвовавшихъ въ нашемъ заговорѣ, и не утащилъ бы ея или не уничтожилъ, мы всѣ поочередно окружали столъ и не допускали къ нему никого изъ постороннихъ. Такое наше смѣлое поведеніе сильно озадачивало и пугало всѣхъ прочихъ студентовъ, которые, ничего не зная объ нашемъ замыслѣ, а между тѣмъ видя наши безпрестанныя таинственныя совѣщанія, грозныя лица и тѣлодвиженія.... даже боялись насъ, и этотъ наведенный нами страхъ былъ причиною, что даже самые приверженные къ Малову Лазари не осмѣливались ничего передавать ему объ насъ. Такъ грозно ждали мы Малова цѣлый часъ... и, припоминая тогдашнюю нашу раздраженность и рѣшителельность, я думаю, что было бы ему очень дурно, еслибы онъ явился на лекцію. Но онъ не явился.

По случаю этого событія мы стали почти ежедневно собираться къ Почекѣ для нашихъ толковъ и разсужденій о дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствіяхъ.... Давно уже это было, лѣтъ сорокъ тому назадъ, и поэтому не могу припомнить всѣхъ посѣтителей этихъ собраній. Кромѣ меня и Почеки были: Топорнинъ, Каменскій, Антоновичъ, Оболенскій, Розенгеймъ, Ренегартъ, Кольрейфъ, Огаревъ, и кажется, Герценъ и проч., и что̀ всего страннѣе, что на этихъ собраніяхъ было больше студентовъ

словеснаго факультета, нежели политическаго, до котораго Маловское дѣло больше касалось. На этихъ собраніяхъ, кромѣ толковъ объ Маловскомъ дѣлѣ, мы разсуждали и о своемъ студенческомъ положеніи, о недостаточности собственнаго нашего образованія и о невѣжествѣ нашихъ профессоровъ, и у насъ родилось было намѣреніе, по примѣру Нѣмцевъ, составить свои студенческія постоянныя собранія, или, какъ теперь говорятъ, сходки, на которыхъ бы студенты, вопервыхъ, обмѣнивались свѣдѣніями и идеями по разнымъ научнымъ предметамъ, читали бы ученыя сочиненія, писали бы и читали свои сочиненія, а вовторыхъ, имѣли бы наблюденіе и за поведеніемъ, какъ собственно своимъ, такъ и всѣхъ вообще студентовъ: стараться, чтобы всѣ студенты вели себя какъ можно благороднѣе, и въ сношеніяхъ между собою, и въ сношеніяхъ съ обществомъ, чтобы имя студента означало образованнаго, честнаго и благороднаго человѣка; въ случаѣ же какого-либо предосудительнаго поступка студента, дѣлать ему товарищескія убѣжденія и предостереженія. И при этомъ раждалось намѣреніе и о пособіи бѣднымъ студентамъ.

Здѣсь скажу, кстати, что въ тогдашнее время не было у насъ ни складчинъ, ни подписокъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ; но былъ такой обычай, что кто только имѣлъ возможность, тотъ содержалъ другихъ бѣднѣйшихъ. Были такіе богатые студенты, которые содержали по нѣскольку человѣкъ бѣдныхъ, давая инымъ квартиру у себя, а другимъ нанимали. Нѣкоторые принимали къ себѣ на квартиру по одному товарищу (на цѣлый годъ, иные только на мѣсяцъ), который, на другой мѣсяцъ, переходилъ къ другому товарищу; иные давали у себя только столъ. Но надобно сказать, что тогда бѣдные студенты даже и не очень нуждались въ пособіи товарищей, развѣ только въ первый годъ поступленія въ университетъ, а потомъ они находили себѣ кондиціи или за деньги, или за квартиру, и такимъ образомъ содержали сами себя. Проектируемыя нами сходки, однакожъ, не состоялись вслѣдствіе увлеченія главныхъ дѣятелей другими стремленіями, о которыхъ будетъ разсказано ниже.

Въ то время рѣшительно не было никакого надзора за студентами внѣ университета. Каждый нанималъ себѣ квартиру гдѣ хотѣлъ, никто изъ начальства не зналъ ея и никогда въ нее не заглядывалъ, да и начальства-то не было никакого. Былъ всего одинъ инспекторъ своекоштныхъ студентовъ, знаменитый Ѳедоръ Ивановичъ Чумаковъ, профессоръ механики въ математическомъ факультетѣ, вся дѣятельность котораго заключалась только въ томъ, что онъ изрѣдка, во время лекціи, войдетъ въ аудиторію, и тамъ, если увидитъ какого студента въ цивильномъ платьѣ, а не въ форменномъ сюртукѣ или

мундирѣ, какъ требовалось, то, обыкновенно, подойдетъ къ нему и скажетъ: «А, батинька, такъ вы-то въ цивильномъ платьѣ! Пожалуйте-ка въ карцеръ, въ карцеръ!» Но чтобы отъ него отдѣлаться, стоило только ему сказать: Помилуйте, г. профессоръ, я не студентъ!—«А, вы не студентъ! Ну, извините меня, извините!» —Тогда имѣли право посѣщать лекціи всѣ посторонніе лица, которыя, хотя и рѣдко, но все же появлялись на студенческихъ скамьяхъ, на лекціяхъ хорошихъ профессоровъ. Өедоръ Ивановичъ былъ близорукъ и подслѣповатъ; онъ даже всегда носилъ надъ глазами зеленый, большой зонтикъ. Однажды онъ входитъ въ математическую аудиторію во время лекціи Павлова, осматриваетъ студентовъ и замѣчаетъ одного въ цивильномъ платьѣ. «А, батинька, пожалуйте-ка въ карцеръ, въ карцеръ!» говоритъ Чумаковъ, подходитъ къ этому лицу, беретъ его за лацканъ фрака—и каково же было его изумленіе, когда онъ ощутилъ въ рукѣ своей Владимирскій крестъ! Это былъ какой-то чиновникъ.—«Ахъ, милостивый государь, заболталъ сконфузясь Чумаковъ, извините меня, извините! Я-то дуракъ, я-то дуракъ!»—Послѣ этого случая, онъ уже страшно боялся опять наткнуться на постороннее лицо, и студенты, хотя и часто ходили на лекціи въ цивильномъ платьѣ, но никогда ни одинъ за это, да и вообще за чтобы то ни было, не сидѣлъ въ карцерѣ, котораго даже для своекоштныхъ студентовъ и не существовало. Вообще, ни инспекторъ, ни ректоръ, тоже знаменитый Двигубскій *), не знали въ лицо студентовъ, и всегда легко было отдѣлаться отъ ихъ притязаній.

При нашей аудиторіи политическаго факультета была просторная передняя, гдѣ обыкновенно висѣли студенческіе форменные сюртуки, которые, студенты, прійдя въ университетъ въ цивильномъ платьѣ, потомъ надѣвали и въ нихъ входили въ аудиторію. Внѣ университета студенты никогда не носили форменнаго платья, не желая компрометировать иногда своего мундира, который казеннокоштные студенты, какъ люди бѣдные и не имѣвшіе цивильнаго платья, иногда слишкомъ марали въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ. Да и правду сказать, тогда не было и надобности въ какомъ-либо надзорѣ за своекоштными студентами. Вообще они вели жизнь уединенную, скромную и приличную, и никогда не было никакихъ скандаловъ внѣ университета. Тогда мы не знали ни картъ, ни вина, рѣдко посѣщали трактиры, и не было никакихъ, какъ теперь, ни пикниковъ, ни parties du plaisir и проч. Москва имѣетъ то преимущество предъ другими университетскими городами, что студенты, будучи разсѣяны по квартирамъ на огромномъ пространствѣ, рѣдко сходятся между собою боль-

*) Иванъ Алексѣевичъ, котораго авторъ назвалъ выше (стр. 238) по ошибкѣ Алексѣемъ Өедоровичемъ.

шими группами внѣ университета, и въ мое время, студенты такъ были разъединены между собою, что внѣ университета они никогда не составляли никакой корпораціи, даже и мало были знакомы между собою, кромѣ, разумѣется, земляковъ или товарищей по гимназіи. Но возвращусь къ Маловской исторіи.

Покамѣстъ не было для насъ еще никакой опасности, никого изъ насъ не допрашивали, и не было никакого явнаго разслѣдованія. Но мы знали, что такое происшествіе не можетъ не имѣть послѣдствій, что Маловъ уже жаловался на студентовъ и что объ нашемъ скандалѣ производятся разспросы. Предполагая, что такаго рода секретныя свѣдѣнія будутъ, безъ сомнѣнія, невѣрны и для насъ неблагопріятны, мы, на одномъ изъ Почекинскихъ собраній, согласились написать письмо къ попечителю университета, которымъ былъ тогда князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, извѣстный вельможа и любимецъ покойнаго государя Николая Павловича, въ которомъ письмѣ рѣшились изложить всѣ причины нашего неудовольствія къ Малову и всѣ наши противъ него дѣйствія, какое письмо и было поручено написать Антоновичу (о, странная игра судьбы, нынѣшнему попечителю Кіевскаго университета!) Когда Антоновичъ написалъ письмо и прочиталъ, мы всѣ были довольны, переписали его, но не подписывали, вложили въ конвертъ, запечатали грошемъ, и потомъ задали себѣ вопросъ, какъ же его отправить. Тогда въ Москвѣ еще не было городской почты, и Антоновичъ вызвался самъ отнести его. И вотъ на другой день рано утромъ, закутавшись въ шинель, онъ принесъ это письмо въ домъ князя Голицына и тамъ отдалъ его какому-то, едва проснувшемуся лакею.

Письмо это было получено попечителемъ, и оно не только не оправдало бы насъ въ глазахъ начальства, но могло бы повредить намъ еще болѣе самой Маловской демонстраціи, какъ обнаружившее уже дѣйствіе скопомъ, еслибы Маловъ, къ счастію нашему, самъ не повредилъ своему дѣлу. Послѣ сдѣланнаго ему скандала, вмѣсто того чтобы донести о такомъ поступкѣ студентовъ своему, университетскому начальству, онъ сдѣлалъ доносъ шефу жандармовъ, въ которомъ написалъ, что когда онъ началъ читать лекцію о монархической власти, какъ о самомъ лучшемъ образѣ правленія, то студенты, будучи недовольны такою его лекціей, сдѣлали то-то и то-то. Государь, узнавши объ этомъ, потребовалъ отъ Голицына свѣдѣнія о такомъ происшествіи и наказанія виновныхъ. Попечитель и все университетское начальство, будучи очень недовольны такимъ глупымъ и подлымъ поступкомъ Малова и удостовѣрясь изъ журнала, что въ тотъ день читана была лекція Маловымъ вовсе не о монархической власти, а кажется о брачномъ союзѣ, и тутъ-то, принявъ во вниманіе и наше

письмо къ попечителю, въ которомъ такъ ясно были выставлены всѣ дурныя качества Малова, донесли Государю, что дѣйствительно студенты произвели шумъ на лекціи Малова, но что это вовсе не было какой-либо политической манифестаціей, а только выраженіемъ недовольства студентовъ къ недостойному профессору за такіе-то и такіе его качества и поступки. Слѣдствіемъ этого было то, что Малова удалили изъ университета, съ чѣмъ вмѣстѣ онъ лишился преподаванія уроковъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, за что̀ онъ получалъ, какъ говорили, до двадцати тысячъ ежегоднаго жалованья, а виновниковъ безпорядка велѣно открыть и наказать.

Университетское начальство, разумѣется, прежде всего обратилось къ самому Малову, чтобы онъ назвалъ виновниковъ сдѣланной ему обиды, и тутъ-то этотъ глупецъ еще разъ проявилъ свою мудрость. Не замѣтивши лично никого изъ шумѣвшихъ студентовъ, онъ въ своей глупой башкѣ сдѣлалъ такой выводъ: весь этотъ безпорядокъ сдѣлали лѣнивцы, а такими онъ считалъ тѣхъ, которые рѣдко ходили на его лекціи и, сдѣлавши такое здравое умозаключеніе, онъ и назвалъ такихъ студентовъ; но когда ихъ потомъ допрашивали, то они доказали, что они въ то время даже и не были на лекціи. Между прочимъ нѣкоторые Лазари доносили ему на меня, какъ на главнаго виновника. «Нѣтъ, это быть не можетъ, отвѣчалъ Маловъ, это прекрасный студентъ», и меня не поставилъ въ своемъ обвиненіи, за что̀ мнѣ, впослѣдствіи, было очень противъ него совѣстно... Такое розысканіе виновныхъ производилось нѣсколько дней. Ежедневно призывали въ правленіе для допроса по нѣскольку студентовъ и совершенно невинныхъ; тѣ, разумѣется, оправдывали только себя, но никого другаго не обвиняли, и начальство наше было въ большомъ затрудненіи, не находя виновниковъ безпорядка. Между тѣмъ, мы все же собирались у Почеки. и тутъ-то, видя ясно, что начальство наше въ этомъ дѣлѣ совершенно приняло нашу сторону, но что оно поставлено въ необходимость найти хотя кого-нибудь виновнымъ, мы рѣшились сами помочь ему въ этомъ. Прежде всего, настоящіе виновники безпорядка, я и другіе, заявили, что мы пойдемъ въ правленіе и объявимъ объ нашей виновности; но друзья наши насъ отъ этого удержали, представляя намъ, что если мы это сдѣлаемъ, то съ нами, какъ съ людьми не имѣющими ни связей, ни родства, могутъ поступить очень строго, и мы сильно пострадаемъ (имѣлось въ виду, что насъ могутъ отдать въ солдаты), и какъ мы ни противились такому совѣту, насъ однако не допустили до самообвиненія; а для этого вызвались четыре студента, люди богатые, съ знатною родней и связями, которые поэтому были твердо увѣрены, что съ ними ничего особеннаго не сдѣлаютъ и много,

много, если ихъ посадятъ въ карцеръ. И на этомъ мы порѣшили. Къ сожалѣнію моему, за давностію времени, ни я, ни Антоновичъ, съ которымъ мы часто говоримъ объ этомъ времени, не можемъ вспомнить теперь всѣхъ доблестныхъ юношей, съ такимъ благороднымъ самоотверженіемъ взявшихъ на себя чужую вину! Помню только Михаила Розенгейма, студента юридическаго факультета и моего хорошаго пріятеля. Не знаю, по родству ли, или по какимъ другимъ обстоятельствамъ, онъ былъ очень близокъ къ тогдашнему Московскому главнокомандующему князю Голицыну. Другой студентъ былъ князь Андрей Оболенскій, сынъ тогдашняго Калужскаго губернатора. Третьимъ былъ Герценъ, какъ видно изъ воспоминаній г-жи Пассекъ. Не помню уже, какимъ образомъ они объявили о себѣ начальству; но кончилось все это тѣмъ, что этихъ четырехъ студентовъ велѣно было посадить на три или на четыре дня въ карцеръ.

Я уже говорилъ, что какъ своекоштные студенты никогда не попадались ни въ какихъ проступкахъ, то для нихъ не существовало и карцера; а поэтому для нашихъ четырехъ виновныхъ очистили одинъ номеръ въ нижнемъ этажѣ университета, гдѣ ихъ помѣстили и поставили у дверей солдата. Можно вообразить, съ какимъ сочувствіемъ и энтузіазмомъ отнеслись къ этимъ четыремъ добровольнымъ жертвамъ всѣ прочіе студенты! Во все время ихъ заключенія—это былъ постоянный пиръ въ ихъ карцерѣ и праздникъ въ университетѣ. Какъ ни строгъ былъ нашъ экзекуторъ, который поролъ солдатъ за то, что они допускали къ заключеннымъ студентовъ, но, студенты не щадили денегъ для ихъ подкупа, и рѣшительно день и ночь у заключенныхъ всегда было по нѣскольку товарищей; кушанья, вина, лакомствъ было въ волю, и имъ не только не было скучно, но напротивъ, очень весело. Будучи не въ состояніи противиться, наконецъ, и экзекуторъ и прочее начальство снисходительно смотрѣли на допущеніе къ заключеннымъ ихъ товарищей. По окончаніи времени ареста, когда эти герои явились въ университетъ, студенты приняли ихъ восторженно, посадили на профессорскія кресла, въ которыхъ торжественно, при крикахъ *ура*, понесли ихъ сначала въ словесное отдѣленіе, оттуда по корридорамъ въ юридическое и потомъ въ математическое. Профессора въ это время не видно было ни одного во всемъ университетѣ.

Такъ кончилась эта знаменитая Маловская исторія! Малова удалили изъ университета, а студентамъ почти-что ничего не сдѣлали. Я думаю, что, случись это въ настоящее, считаемое либеральнымъ время, Малову дали бы орденъ, выбрали бы кандидатомъ въ ректоры, а бѣдныхъ студентовъ повыгнали бы изъ университета, какъ это и было не-

давно въ Москвѣ съ профессоромъ П., котораго не то что студенты прогнали съ лекціи, а только не захотѣли идти къ нему на лекцію.

Изъ этого періода времени припомнилось мнѣ еще одно событіе. Магистръ Надеждинъ защищалъ свою диссертацію на степень доктора словесности: *о Классицизмѣ и Романтизмѣ.* Въ университетѣ, обыкновенно, часто происходили защиты диссертацій, особенно на степень докторовъ медицины, но они не возбуждали никакого интереса между студентами не медицинскаго факультета; но диссертація Надеждина, извѣстнаго уже студентамъ по своимъ полемическимъ статьямъ, помѣщаемымъ въ Вѣстникѣ Европѣ, издаваемомъ Каченовскимъ, заранѣе возбуждала сильное движеніе между студентами, и еще заранѣе были у насъ горячіе споры о классицизмѣ и романтизмѣ, въ которыхъ почти всѣ студенты были на сторонѣ романтизма. Поэтому на диспутъ Надеждина собралось много какъ профессоровъ, такъ и студентовъ и даже постороннихъ посѣтителей. Оппонентовъ было много. Возражали Погодинъ, профессоръ Медико-Хирургической Академіи Дядьковскій, но въ особенности сильно и энергически защищалъ классицизмъ добрый и почтенный профессоръ Русской словесности Мерзляковъ. Надеждинъ очень умно и краснорѣчиво опровергалъ возраженія этого достойнаго оппонента. Студенты, разумѣется, были на сторонѣ Надеждина: но съ тѣмъ вмѣстѣ намъ жалко было и добраго Мерзлякова, почти до истощенія силъ защищавшаго любимый свой классицизмъ. Это, можно сказать, была у насъ послѣдняя битва романтизма съ отжившимъ уже свой вѣкъ классицизмомъ, на которой классицизмъ окончательно потерпѣлъ пораженіе, и въ которой, сражаясь храбро, палъ со славою самый доблестный его защитникъ. Вскорѣ послѣ этого диспута Мерзляковъ умеръ, оплакиваемый студентами.

Знаменитый Германскій путешественникъ и ученый, Александръ Гумбольдтъ, который по приглашенію нашего покойнаго Государя, ѣздилъ осматривать и изслѣдовать нашъ Уральскій край, кажется, на обратномъ оттуда пути, посѣтилъ Московскій университетъ. Онъ уже былъ не молодъ, сѣдой, средняго роста, съ согбеннымъ нѣсколько станомъ и съ самой добродушнѣйшею и ласковою Нѣмецкою наружностію и улыбкой. Хотя онъ былъ извѣстный лингвистъ, но, разумѣется, не зналъ порусски, и профессоры наши, не знавшіе ни одного иностраннаго языка, очутились предъ нимъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Одинъ только профессоръ, старикъ Фишеръ, какъ природный Нѣмецъ, разговаривалъ съ нимъ, водилъ его по кабинетамъ и показывалъ достопримѣчательности университета. Воображаю, какое понятіе составилъ Гумбольдтъ о профессорахъ нашего универ ситета!...

Профессоръ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ читалъ Естественную Исторію въ математическомъ факультетѣ. Этотъ старичокъ, очень ученый человѣкъ и всегда веселый и забавный, былъ любимъ студентами. Однажды пошелъ я къ нему на лекцію, которую онъ читалъ, ходя съ студентами по естественному кабинету и показывая имъ разныя достопримѣчательности природы. Такъ какъ я былъ случайно у него передъ глазами, то онъ, показывая мнѣ челюсть акулы, спросилъ: кому принадлежатъ эти зубы?—Я не зналъ, чьи это зубы, и потому шутя, отвѣчалъ: не намъ! Фишеръ, засмѣявшись, сказалъ скороговоркой, съ Нѣмецкимъ акцентомъ: *не намъ, не намъ, а имени твоему.*

Надобно сказать что въ то время математическій и медицинскій факультеты имѣли превосходныхъ профессоровъ, и медицинскій факультетъ былъ славенъ даже въ Европѣ. Кромѣ Европейскихъ знаменитостей, Нѣмцевъ Лодера и Гильдебранта, были отличные профессоръ: Мудровъ, Мухинъ, Альфонскій и другіе. Студенты медицинскаго факультета составляли тогда большую половину числа всѣхъ студентовъ, восходившаго до тысячи и болѣе человѣкъ, и медики выходили изъ университета съ отличными познаніями и практикой. Изъ любознательности, я цѣлый годъ слушалъ анатомію у профессора Лодера, маленькаго и бодраго старичка со звѣздой, читавшаго лекціи по-латыни и всегда надъ остовами или трупами.

Для лучшей обрисовки тогдашняго состоянія Московскаго университета, считаю необходимымъ сказать нѣчто и о бывшемъ, въ первые годы моего тамъ нахожденія, попечителемъ его, генералъ-маіорѣ Александрѣ Александровичѣ Писаревѣ. Это былъ фрунтовой генералъ тогдашняго времени, и чуть ли не на его счетъ сказаны Грибоѣдовымъ извѣстные стихи:

Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ.

Писаревъ посѣщалъ университетъ всегда въ полномъ мундирѣ со звѣздой и лентой, держалъ себя воинственно, говорилъ всегда строго, отрывочно и громко. Имѣлъ ли онъ какое-либо понятіе объ наукахъ? Этого, безъ сомнѣнія не было; да этого отъ него и не требовалось. Нужно было только, чтобы онъ держалъ студентовъ въ субординаціи, а профессорамъ не позволялъ либеральничать, какъ говорилось тогда, вольнодумничать, и въ этомъ отношеніи онъ исполнялъ свою обязанность какъ нельзя лучше. Когда онъ пріѣдетъ, бывало, въ университетъ и, войдя въ аудиторію громко скажетъ: здраствуйте! то ему хотѣлось, чтобы студенты всѣ разомъ закричали: здравія желаемъ, ваше превосходительство! Но этого онъ никакъ не могъ отъ насъ добиться. Мы, при его появленіи, обыкновенно, вставали, но на его

привѣтствія или молчали, или кто-нибудь одинъ скажетъ ему: добраго здоровья! что ему очень не нравилось. Однажды входитъ онъ въ нашу аудиторію. Мы всѣ встали; только былъ у насъ студентъ Кояндеръ, съ малолѣтства не владѣвшій обѣими ногами и ходившій всегда на костыляхъ, который по этому и не могъ встать. Писаревъ, замѣтивъ такую дерзость студента, подбѣгаетъ къ Кояндеру, и кричитъ: ты, отчего не встаешь!—У меня нѣтъ ногъ, отвѣчаетъ ему Кояндеръ.—Тогда Писаревъ произнесъ фразу, обезсмертившую его навсегда въ памяти студентовъ: *ну хоть безъ ногъ, да стой!* которая была покрыта громкимъ нашимъ смѣхомъ.

Писаревъ только и обращалъ вниманіе, что на стрижку волосъ у студентовъ, да на форму мундира. Случалось, что какой-нибудь студентъ, сильно провинившійся въ чемъ-нибудь, явится къ нему просить прощенія или защиты. Писаревъ быстрымъ взглядомъ окинетъ его съ ногъ до головы, скомандуетъ налѣво кругомъ, осмотритъ сзади, и ежели найдетъ все какъ слѣдуетъ въ порядкѣ, чистотѣ и исправности, и студентъ стоитъ передъ нимъ вытянувшись и руки по швамъ, то какъ бы ни былъ виноватъ студентъ, или о чемъ бы онъ ни просилъ, все простится ему, все будетъ уважено—чѣмъ, разумѣется, студенты очень часто и пользовались. Почему этотъ доблестный попечитель не остался вѣчно на службѣ и увольнился—не понимаю! Вѣроятно онъ вышелъ въ отставку, не въ состояніи будучи обратить студентовъ въ солдатъ. Послѣ него былъ назначенъ попечителемъ князь Голицынъ, о существованіи котораго студенты знали только по слуху.

Товарищъ мой Топорнинъ имѣлъ въ Москвѣ родственника Владимира Дмитрича Рахманова, у котораго, кромѣ своего семейства, были еще подъ опекой дѣти умершаго роднаго его брата, два мальчика и дѣвочка, и для обученія этихъ-то мальчиковъ Топорнинъ рекомендовалъ меня. Рахмановъ былъ богатый помѣщикъ, имѣлъ тысячу душъ въ Тамбовской губерніи, подмосковную деревню въ Дмитровскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ предводителемъ дворянства, и большой каменный домъ въ Москвѣ—однимъ словомъ, всѣ земныя блага. Онъ имѣлъ жену и только одну дочь, дѣвушку очень недурную собой, лѣтъ двадцати двухъ, жилъ очень роскошно, полонъ дворъ дворни, а въ подмосковной стаю борзыхъ и десятка два егерей. Покойный братъ его еще при жизни своей распродалъ всѣ свои имѣнія, оставивъ дѣтямъ капиталъ, и сдѣлалъ очень благоразумно, потому что опекунъ его дѣтей, вѣроятно, прожилъ бы также и сиротское состояніе, какъ прожилъ свое. По смерти этого Рахманова все состояніе его пошло на уплату долговъ; дочь его, еще при жизни его, умерла дѣвицей, а женѣ его, которую я въ послѣдствіи видѣлъ въ Москвѣ, осталось ка-

питала всего двадцать тысячъ ассигнаціями. Во время моего съ нимъ знакомства, ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ, и ума и образованія былъ онъ очень недальняго. Когда я въ первый разъ явился къ нему въ домъ, онъ мнѣ представилъ двухъ своихъ племянниковъ, будущихъ моихъ учениковъ, Николая и Александра Рахмановыхъ—мальчиковъ лѣтъ двѣнадцати и одиннадцати, очень миленькихъ, и какъ въ послѣдствіи оказалось, и очень умненькихъ дѣтей, которыхъ я долженъ былъ учить математикѣ, исторіи, географіи и проч.

Чтобы знать степень ихъ свѣдѣній въ этихъ наукахъ, я началъ поверхностно экзаменовать ихъ и, между прочимъ, спрашивалъ изъ ариѳметики: знаете ли вы четыре дѣйствія?—Знаемъ, отвѣчаютъ они. Знаете ли именованныя числа?—Знаемъ!—Дроби?—Знаемъ!—Тройное правило?—Нѣтъ, не знаемъ!—Какъ же это, вмѣшался ихъ дядя, вы говорите, что знаете *четыре* правила ариѳметики, а не знаете *тройнаго*? Когда я уже въ послѣдствіи сталъ заниматься съ дѣтьми, то Рахмановъ, всегда, бывало, приходитъ къ намъ въ классъ, и всегда старался показать, какъ свою внимательность къ нашимъ занятіямъ, такъ и свои знанія. Однажды я занимался съ старшимъ его племянникомъ Николаемъ алгеброй, дѣлая задачи на шиферной доскѣ. Въ классной комнатѣ стояла также и большая деревянная черная доска. Входитъ дядя.—Что же это вы все занимаетесь ариѳметикой, да ариѳметикой! говоритъ онъ мнѣ какъ бы съ упрекомъ.—Нѣтъ, мы занимаемся алгеброй.—На маленькой доскѣ!!—Онъ такъ понималъ математику: ариѳметика—это наука на маленькой доскѣ, а алгебра—на большой. И такого знанія объ этихъ наукахъ очень достаточно было для тогдашняго богатаго помѣщика.

Согласившись въ цѣнѣ, кажется по тридцати рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, по два урока въ недѣлю, началъ я заниматься съ дѣтьми, которыя оказались очень добрыми и способными мальчиками, особливо старшій. Все это семейство Рахмановыхъ было очень доброе и не гордое; меня всѣ полюбили, всегда приглашали на обѣдъ или чай, и въ послѣдствіи, я такъ освоился съ ними, что былъ у нихъ какъ свой человѣкъ. Дочь ихъ, Елена Владимировна, очень была со мной ласкова и привѣтлива, и часто выручала меня изъ неловкаго положенія, въ которое иногда ставила меня моя застѣнчивость, особенно въ кругу дамъ или дѣвицъ. У нихъ часто бывали гости, молодыя дѣвицы и дамы; между нами составлялись разныя игры, забавы.... и это было первое дамское общество, въ которомъ я началъ свыкаться со свѣтомъ, съ его условіями, манерами, и пріучаться держать себя прилично, хотя и скромно, но не робко и не незамѣтно.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮДИ И ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ [1].

XII. Князь Николай Борисовичъ Голицынъ.

По возвращеніи своемъ изъ Крымской войны, бывшій начальникъ Ново-Оскольской № 49-й дружины [2]), князь Николай Борисовичъ Голицынъ проживалъ въ имѣніи сестры своей Татьяны Борисовны Потемкиной, въ селѣ Богородскомъ, Ново-Оскольскаго уѣзда, въ близкомъ разстояніи отъ моего имѣнія. Мы, какъ сосѣди, часто видались. Князь Николай Борисовичъ былъ человѣкъ очень образованный, на своемъ вѣку много видѣвшій, и бесѣдовать съ нимъ было чрезвычайно пріятно, въ особенности, когда онъ вспоминалъ о войнѣ 1812-го года, въ которой и самъ участвовалъ, бывши адъютантомъ у генерала Эмануеля. Къ тому же онъ хорошо игралъ на віолончели; замѣчательно было то, что онъ началъ учиться на этомъ инструментѣ, когда ему было за сорокъ лѣтъ отъ роду.

Какъ-то при свиданіи князь Николай Борисовичъ сообщилъ мнѣ, что онъ написалъ сочиненіе о возможномъ соединеніи католическаго вѣроисповѣданія съ нашимъ православнымъ, указывая, какія между ними сходства и различія; между прочимъ онъ находилъ, что мы, православные, молимся о соединеніи всѣхъ церквей, о чемъ превозглашается на эктеніяхъ при богослуженіи, почему онъ считаетъ нравственною своею обязанностью выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, могущее разъяснить это обстоятельство.

Вскорѣ послѣ этого разговора князь Николай Борисовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, побывалъ за границей и мѣсяца черезъ два-три воз-

---

[1]) См. „Р. Архивъ“ 1886, III, 497.

[2]) Въ этой же дружинѣ въ то время находились: въ числѣ офицеровъ—сынъ князя Николая Борисовича, Тамбовскій губернскій предводитель камергеръ Юрій Николаевичъ, а въ числѣ ратниковъ—несовершеннолѣтній сынъ послѣдняго, такъ что дѣдъ, отецъ и внукъ явились вмѣстѣ на защиту отечества.

вратился въ деревню къ своему семейству. По возвращеніи его я съ нимъ видѣлся, но онъ ничего болѣе не говорилъ о своемъ сочиненіи. Черезъ нѣкоторое время неожиданно получается распоряженіе шефа жандармовъ. что, по Высочайшему повелѣнію, проживающему въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ коллежскому совѣтнику, князю Николаю Борисовичу Голицыну запрещается выѣзжать куда бы то ни было изъ села Богородскаго, гдѣ онъ живетъ, а объ исполненіи сего поручается наблюдать земской полиціи; Курскому же архіерею предписывается отъ Святѣйшаго Синода, чтобы онъ распорядился, въ силу того же Высочайшаго повелѣнія, назначить къ князю Николаю Борисовичу Голицыну приходскаго священника для поученія его истинамъ вѣры православной, о чемъ и было объявлено князю съ отобраніемъ отъ него надлежащихъ подписокъ.

Узнавъ о постигшемъ князя злополучіи, я поѣхалъ навѣстить сосѣда и нашелъ его огорченнымъ, какъ казалось, болѣе тѣмъ, что его отдали подъ *начало* приходскаго священника, въ которомъ онъ не признавалъ ни умѣнья, ни знанія поучать себя. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ князь Голицынъ признался, что ничего этого съ нимъ не могло бы случиться, еслибы не выдала его, какъ онъ выразился, Петербургская салопница—Андрей Муравьевъ. Мнѣ показалось страннымъ, почему онъ такъ обзываетъ извѣстнаго писателя и путешественника, что̀ я ему и замѣтилъ. На мое замѣчаніе онъ отвѣчалъ, что въ Петербургѣ многіе такъ зовутъ Муравьева и по его мнѣнію не безъ основанія; потому что Муравьевъ, пользуясь способностью выставлять свое религіозное настроеніе, съумѣлъ поддѣлаться къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, большею частью духовнымъ, живетъ въ Петербургѣ на чужой счетъ, занимаетъ большую квартиру у Аничкова моста на Троицкомъ подворьѣ, отданную ему Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ да̀ромъ, кромѣ того получаетъ цѣнные подарки, преимущественно отъ дамъ: онѣ шьютъ ему разныя одежды и другіе предметы, посылаютъ ему любимыя кушанья, и все это Муравьевъ принимаетъ, нисколько не стѣсняясь. По словамъ того же князя Николая Борисовича Голицына, послѣ всенощной въ митрополичьей крестовой, у Андрея Николаевича Муравьева собирались многія лица, составлявшія особое общество религіознаго направленія, гдѣ часто бывала и сестра князя Николая Борисовича, славная Татьяна Борисовна Потемкина, и по ея-то наставленію князь прочиталъ Муравьеву, какъ ревнителю православія, свое сочиненіе «О возсоединеніи православной церкви съ католической». На одномъ изъ вечеровъ Андрей Николаевичъ прослушалъ сочиненіе князя Голицына и, разбирая его, нашелъ многія неправильности во взглядахъ, клонившіяся скорѣе къ

прославленію католицизма, чѣмъ православія, вообще не одобрилъ сочиненія, впрочемъ и не придалъ ему особаго значенія.

Князь Голицынъ уѣхалъ за границу, напечаталъ тамъ свою брошюру, но безъ обозначенія своего авторскаго имени, дозволилъ книгопродавцамъ продавать ее, нѣсколько же экземпляровъ привезъ съ собой въ Россію и роздалъ ихъ въ Петербургѣ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ; одинъ изъ нихъ дошелъ до Святѣйшаго Синода, который нашелъ это сочиненіе антирелигіознымъ и могущимъ имѣть вредное вліяніе на православныхъ. Тогда Андрей Николаевичъ Муравьевъ явился обличителемъ и заявилъ, что ему извѣстенъ сочинитель, читавшій ему брошюру еще въ рукописи и указалъ на князя Николая Борисовича Голицына. Святѣйшій Синодъ нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія шефа жандармовъ имя автора, послѣ чего и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, какъ сказано выше.

Неизвѣстно, поучалъ ли сельскій священникъ князя Голицына правиламъ вѣры православной, но что князь ходилъ по праздникамъ въ свою приходскую церковь, это видѣли всѣ. Гораздо труднѣе было ему, привыкшему къ обществу, не выѣзжать изъ деревни, что̀, впрочемъ, имъ не строго выполнялось, и онъ позволялъ себѣ иногда ѣздить къ сосѣдямъ, для которыхъ всегда бывалъ пріятнымъ гостемъ. Тѣмъ не менѣе ему было въ высшей степени прискорбно оставаться подъ надзоромъ становаго пристава и сельскаго священника.

Въ 1860 году прибылъ въ Курскъ для смотра войскъ императоръ Александръ Николаевичъ. Сопровождавшій его шефъ жандармовъ князь Долгорукій призвалъ меня къ себѣ, какъ мѣстнаго предводителя того уѣзда, гдѣ проживалъ князь Голицынъ. Князь Василій Андреевичъ Долгорукій очаровалъ меня своею любезностью и вниманіемъ; между прочимъ онъ много и подробно распрашивалъ о князѣ Н. Б. Голицынѣ, а также о напечатанной имъ брошюрѣ, освѣдомляясь, не распространялъ ли онъ ее между знакомыми. По этому обстоятельству я могъ дать вполнѣ успокоительный отрицательный отвѣтъ. Я самъ интересовался прочесть эту брошюру, что̀ и сказалъ князю Долгорукому, и просилъ ея у князя Николая Борисовича; но онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ оставшіеся у него экземпляры онъ сжегъ, не оставивъ себѣ ни одного *). Съ этимъ вмѣстѣ я счелъ нужнымъ напомнить князю Долгорукому о недавней службѣ князя Голицына въ ополченіи начальникомъ дружины; касательно же брошюры выразилъ ему свое мнѣніе,

*) Она имѣлась въ Чертковской библіотекѣ. — Наклоность къ католичеству подозрѣвали въ князѣ Голицынѣ, можетъ быть, и потому, что другая сестра его, княгиня Елисавета Борисовна Куракина, была олатынена Іезуитами (см. Переписку Кристина въ „Р. Архивѣ“ 1882 года). П. Б.

что князь сознаётъ, что это была съ его стороны ошибка, о чемъ я неоднократно слышалъ отъ него.

«Въ такомъ случаѣ я прошу васъ передать отъ моего имени князю Николаю Борисовичу Голицыну», сказалъ шефъ жандармовъ, «что, вслѣдствіе просьбы его сестры Татьяны Борисовны Потемкиной Его Величеству и личныхъ моихъ переговоровъ съ вами, какъ съ предводителемъ дворянства, онъ можетъ надѣяться на освобожденіе отъ учрежденнаго надъ нимъ надзора».

Освобожденіе это, дѣйствительно, въ скоромъ времени послѣдовало.

XIII. Полковой командиръ Преторіусъ.

Послѣ Польской войны въ 30-хъ годахъ въ Русской арміи конно-егерскіе полки были переформированы въ драгунскіе. Императоръ Николай Павловичъ обращалъ на драгунъ особенное вниманіе, какъ на свое созданіе и какъ на войско, могущее по своему оружію и приспособленіямъ исполнять двойную службу, кавалерійскую и пѣхотную, вслѣдствіе чего дѣлалъ драгунскому корпусу частые смотры. Въ командиры драгунскихъ полковъ назначались большею частью служившіе въ гвардіи, лично извѣстные Государю, въ томъ числѣ и флигель-адъютанты, напр. въ Казанскомъ драгунскомъ полковникъ Крутовъ, въ Финляндскомъ Бревернъ, въ Кинбургскомъ—графъ Канкринъ и другіе. Послѣ Бородинскаго смотра въ 1839 году на открывшуюся вакансію въ Рижскій драгунскій полкъ, гдѣ въ то время служилъ и я, сверхъ ожиданія командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ П. А. Преторіусъ, начавшій свою службу въ Тверскомъ драгунскомъ полку вольно-опредѣляющимся на 12-лѣтнихъ правахъ до производства въ офицерскій чинъ и дослужившійся до полковника. Онъ былъ мало образованъ, плохо зналъ Русскую грамоту; говорили, что онъ родомъ былъ Латышъ или Чухонецъ, самъ же онъ о своей національности умалчивалъ и притворялся Русскимъ. Въ своемъ полку онъ пользовался репутаціей хорошаго верховаго ѣздока и только; никто не думалъ, что ему дадутъ въ командованіе драгунскій полкъ, не исключая и его самаго.

Кромѣ служебной карьеры, съ командованіемъ кавалерійскихъ полковъ, въ особенности драгунскихъ, при 10-эскадронномъ ихъ составѣ, былъ соединенъ значительный доходъ; разсчетливые командиры полковъ въ то время имѣли отъ 30 до 40 тысячъ въ годъ, получаемыхъ ими отъ остатковъ фуражныхъ денегъ. Впрочемъ эти остатки у командировъ считались въ извѣстныхъ предѣлахъ необходимыми,

такъ какъ хозяйственная часть была въ ихъ распоряженіи, и у нихъ были обязательные расходы: не получая отъ казны достаточной суммы на полковые лазареты, они обязаны были содержать ихъ на свой счетъ, покупать инструменты для хора трубачей, нанимать капельмейстера и покрывать на свой счетъ другія издержки, не положенныя отъ казны; даже отъ нихъ требовалась приплата къ покупкѣ ремонтныхъ лошадей. Разумѣется, всѣ эти затраты могли съ избыткомъ покрываться вслѣдствіе предъявленія цѣнъ на фуражъ выше, чѣмъ онѣ существовавали на самомъ дѣлѣ; фуражъ назначался на 6 мѣсяцевъ впередъ по соображенію и опредѣленію мѣстныхъ чиновниковъ, съ которыми полковые командиры старались быть въ хорошихъ отношеніяхъ и въ этихъ случаяхъ заискивали въ нихъ. Однажды командиръ Кинбургскаго драгунскаго полка, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Канкринъ (сынъ министра финансовъ) вывелъ на царскій смотръ свой полкъ въ старыхъ мундирахъ, обновивъ ихъ только перемѣной воротниковъ и обшлаговъ новымъ сукномъ оранжеваго цвѣта по формѣ полка. Это замѣтилъ Государь Николай Павловичъ и выразилъ свое неудовольствіе графу Канкрину, сказавши, что для его смотра онъ могъ бы построить и всѣ новые мундиры, не прибѣгая къ такимъ фокусамъ и что ему осталось бы еще довольно отъ фуражныхъ денегъ.

Многіе добивались быть командирами полковъ; но полковникъ Преторіусъ получилъ назначеніе безъ всякихъ протекцій, а совершенно случайно, благодаря тому только, что имѣлъ странную привычку разсуждать самъ съ собою. Когда онъ былъ посланъ въ образцовый кавалерійскій полкъ, то однажды великій князь Михаилъ Павловичъ, также считавшійся хорошимъ верховымъ ѣздокомъ, во время манежной ѣзды никакъ не могъ справиться со своею лошадью, заупрямившейся перепрыгнуть черезъ барьеръ. Преторіусъ, присутствовавшій при этомъ, по своему обыкновенію разсуждалъ вслухъ и дѣлалъ свои замѣчанія относительно неправильнаго управленія лошадью: «Вотъ не такъ!... Затянулъ.... далъ шпоры....» и т. п. Михаилъ Павловичъ, услыхавъ такія сужденія, спросилъ, кто говоритъ объ его ѣздѣ? Ему отвѣчали: полковникъ Преторіусъ. Тогда Михаилъ Павловичъ слѣзъ съ лошади и приказалъ Преторіусу сѣсть на нее и скакать черезъ барьеръ. Тотъ, успокоивши лошадь, нѣсколько разъ перепрыгнулъ по всѣмъ правиламъ искусства. Съ тѣхъ поръ Великій Князь обратилъ свое вниманіе на хорошаго ѣздока Преторіуса, и на первую открывшуюся вакансію полковаго командира ему дали драгунскій полкъ.

Полковой командиръ Преторіусъ оказался простымъ и добрымъ человѣкомъ; нѣсколько оригинальный, крикунъ во фронтѣ, но дома ра-

душный хозяинъ, онъ былъ старый холостякъ, любившій говорить сальности, поэтому въ дамскомъ обществѣ былъ не совсѣмъ удобенъ; при разговорѣ съ дамами онъ, хотя и старался быть съ ними любезнымъ, но никакъ не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ усвоенныхъ имъ выраженій; онѣ называли его Бурбономъ. Къ своимъ офицерамъ полковникъ былъ снисходителенъ, къ тому же не отказывалъ въ займѣ денегъ. Когда полковой квартирмейстеръ приносилъ ему остатки фуражныхъ денегъ, Преторіусъ только спроситъ: сколько? и, не считая, клалъ въ свою шкатулку, притомъ всякій разъ давалъ ему въ видѣ награды отъ 100 до 300 рублей. Не смотря на его крикливость и разныя странности, въ полку его полюбили.

Преторіусъ никогда не оставлялъ привычки выражать вслухъ свои мысли, хотя бы при этомъ никого и не было, любилъ слушать мѣстныя сплетни, но ни газетъ, ни книгъ никогда не читалъ. «Въ молодости отъ нечего дѣлать я пробовалъ читать, говорилъ полковникъ, но во всю свою жизнь не могъ одолѣть ни одной цѣлой книги. Всѣ эти сочинители врутъ и только смущаютъ, а вотъ театры люблю, въ особенности балеты, когда эти шельмы скачутъ». Какъ-то онъ ѣздилъ за границу лѣчиться водами и попалъ въ Дрезденъ, который ему понравился, какъ онъ говорилъ, только потому, что всѣ памятники стоятъ верхомъ въ полной парадной формѣ. Преторіусъ оставался полковымъ командиромъ лѣтъ пять и только съ производствомъ въ генералы въ 1844 году вышелъ въ отставку съ полнымъ содержаніемъ и съ достаточнымъ капиталомъ, оставшимся у него отъ командованія полкомъ.

Н. Рѣшетовъ.

Н. Х. КЕТЧЕРЪ.

Воспоминанія А. В. Станкевича.

Николай Христофоровичъ Кетчеръ скончался 12 Октября минувшаго года въ позднемъ возрастѣ. Онъ родился, жилъ почти постоянно и умеръ въ Москвѣ. Здѣсь сосредоточивались интересы и обязанности всей его жизни, его труды, всѣ отношенія его къ обществу и къ людямъ, тѣснѣйшія изъ его дружескихъ связей; здѣсь онъ переживалъ друзей своей молодости и зрѣлаго возраста, здѣсь сближался съ друзьями и людьми новыхъ поколѣній. Москвѣ принадлежали его воспоминанія еще съ 1812 г. Старожилъ Москвы, Кетчеръ былъ во многомъ по своимъ привычкамъ, вкусамъ и отчасти по своему нраву истый Москвичъ.

Со словъ Кетчера знаемъ, что отецъ его былъ Шведъ, основавшій въ Москвѣ первый заводъ, приготовлявшій хирургическіе инструменты, и состоялъ на службѣ по Московскому врачебному управленію. Матъ Кетчера была Русская. Н. Х. Кетчеръ былъ старшимъ изъ дѣтей многочисленной семьи. Годъ своего рожденія Кетчеръ самъ не зналъ съ точностью, но по своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ о Москвѣ 1812 г. онъ предполагалъ, что въ то время ему могло быть отъ 6 до 8 лѣтъ. Онъ помнилъ появленіе Французскихъ солдатъ въ Москвѣ, пожаръ въ ней, и какъ съ родителями выѣхалъ изъ нея на нагруженныхъ подводахъ по Владимирской дорогѣ. По возвращеніи въ Москву, родители помѣстили его въ какую-то небольшую школу, содержимую иностранцемъ, и этой школѣ, по словамъ Кетчера, онъ былъ обязанъ первымъ своимъ успѣхомъ въ Англійскомъ языкѣ. Позднѣе онъ учился еще въ какомъ-то изъ Московскихъ пансіоновъ, откуда поступилъ въ Московское отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1828 г. Медики-преподаватели этого заведенія были тогда

почти исключительно изъ Нѣмцевъ: Фишеръ-фонъ-Валдгеймъ, Гильдебрандтъ, Лодеръ, другъ Гете и учитель Гумбольдта, ученый, глубоко вѣровавшій въ назначеніе науки самостоятельной и свободной отъ постороннихъ ей вліяній. О Лодерѣ Кетчеръ всегда вспоминалъ съ уваженіемъ. Изъ Русскихъ преподавателей Академіи онъ вспоминалъ о Дядьковскомъ, лекціи котораго привлекали сильное вниманіе слушателей. Положеніе Кетчера и его семьи не позволяло ему медлить пріисканіемъ средствъ къ жизни, и уже съ 1830 года онъ состоялъ на службѣ Московскимъ уѣзднымъ лѣкаремъ. Затѣмъ онъ постоянно занималъ разныя должности по медицинскому вѣдомству, былъ членомъ, штадтъ-физикомъ и инспекторомъ Медицинской Конторы въ Москвѣ, а съ 1877 г. начальникомъ Московскаго Врачебнаго Управленія. Кетчеръ вышелъ въ отставку въ 1884 г., прослуживъ болѣе пятидесяти лѣтъ.

Медикъ Кетчеръ не отличался довѣрчивостью къ практической медицинѣ, всегда избѣгалъ лечить кого бы то ни было, и его интересъ, какъ медика, привлекала только судебная медицина. Практическіе вопросы послѣдней постоянно занимали его. Онъ слѣдилъ за отчетами въ печати о замѣчательныхъ судебныхъ процессахъ Европейскихъ и Русскихъ, если встрѣчались въ нихъ медицинскіе вопросы, изслѣдованія и показанія экспертовъ. Изъ его разборовъ, сужденій и замѣчаній, высказываемыхъ по поводу такого чтенія, видно было, что оно привлекало глубокое вниманіе Кетчера. Часто онъ замѣчалъ и указывалъ злоупотребленія, натяжки и путаницу психіатрическихъ объясненій преступленій. Сильно негодовалъ онъ въ такихъ случаяхъ на психопатію, истолковываемую экспертами и адвокатами, замѣчая, что любопытно было бы изслѣдовать нормальность умственнаго состоянія самихъ этихъ толкователей. По своимъ служебнымъ обязанностямъ Кетчеръ самъ долженъ былъ знать и видѣть многихъ преступниковъ. По отношенію къ нимъ онъ былъ вѣренъ своей гуманной и сострадательной природѣ, но искаженіе правды и дѣйствительности было противно его здравому смыслу и неподатливому на кривые толки нравственному чувству.

Молодость Кетчера совпала съ преобладаніемъ литературныхъ интересовъ въ Русскомъ обществѣ. То было время поэзіи Пушкина, появленія произведеній современныхъ ему поэтовъ и писателей; но вмѣстѣ съ литературными интересами въ образованныхъ кругахъ людей еще оставались слѣды общественныхъ стремленій и интересовъ времени Александра I-го. Если въ то царствованіе были государственные люди, мечтавшіе о конституціонныхъ учрежденіяхъ при существованіи крѣпостнаго права, то это было признакомъ либерализма верхнихъ слоевъ общества, не во всемъ опиравшагося на историческія

условія и современную дѣйствительность. На лицѣ молодаго Кетчера отразилось вліяніе времени, отъ котораго началась его юность, вліяніе отвлеченнаго либерализма. Въ 1828 г., только что оставивъ аудиторію Медицинской академіи, онъ издаетъ свой переводъ «Разбойниковъ», а въ 1830 г. «Заговора Фіеско», этихъ произведеній разгоряченной и раздраженной Музы молодаго Шиллера, вышедшаго изъ подъ суровой дисциплины медицинской школы и тѣсныхъ, гнетущихъ условій своей родины. Штабъ-лѣкарь Кетчеръ, острилъ тогда Н. А. Полевой, переводитъ штабъ-лѣкаря Шиллера. Съ тридцатыхъ годовъ Кетчеръ принялся за чтеніе по исторіи Франціи конца XVIII вѣка. Кетчеръ не принадлежалъ къ числу людей, воспитывающихся теоретическимъ путемъ и критической мыслію. Живыя впечатлѣнія, выносимыя имъ тогда изъ чтенія, онъ не подвергалъ ни анализу, ни сомнѣнію, и подъ вліяніемъ ихъ, его либерализмъ въ теоріи доходилъ до самыхъ крайнихъ и одностороннихъ мнѣній и сужденій. Люди, подобные Кетчеру, воспитываются не книгою, а самой дѣйствительностью, ея живыми отношеніями, ея видимыми и ощущаемыми вліяніями; а современная жизнь, ея оскорбительныя и отталкивающія явленія не могли смягчать теоретическое настроеніе Кетчера. На практической почвѣ здоровое пониманіе и правдивое чувство никогда не измѣняли Кетчеру. Общественныя преобразованія минувшаго царствованія отрезвили и умиротворили Кетчера. Онъ радостно встрѣчалъ его законодательныя мѣры, преобразованія и общественныя учрежденія. Требованія и надежды Кетчера относились теперь къ самому обществу. Общественныхъ успѣховъ ожидалъ онъ отъ участія самого общества въ учрежденіяхъ, призывавшихъ его къ дѣятельности, отъ его собственныхъ способностей къ ней, отъ дѣятельнаго и трезваго отношенія къ представлявшимся ему задачамъ. Онъ принималъ самъ личное участіе въ новыхъ учрежденіяхъ, на сколько это зависило отъ него... Вѣсть о трагической кончинѣ Царя-Освободителя Кетчеръ встрѣтилъ съ ужасомъ и глубокимъ уныніемъ. Дикія явленія насилія и произвола возмущали его душу, какими бы именами и предлогами они ни прикрывались.

Н. Х. Кетчеръ никогда не жилъ праздно; дни его были днями труженника, а труды его не ограничивались обязанностями по службѣ. Не уклоняясь отъ черновой работы, онъ былъ постояннымъ корректоромъ и издателемъ многихъ томовъ книгъ разнообразнаго содержанія. Многіе авторы и переводчики поручали ему трудъ исправленія ихъ рукописей, издатели—завѣдываніе ихъ предпріятіями и всѣ заботы, сопряженныя съ ихъ исполненіемъ. Выступивъ на литературное поприще съ переводами драмъ Шиллера, Кетчеръ какъ переводчикъ былъ сотрудникомъ въ Московскихъ журналахъ тридцатыхъ годовъ. Въ

сороковомъ году появился въ печати его переводъ «Катеръ Мурра» и разсказовъ для дѣтей Гофмана. Юморъ и порывы этого автора изъ пошлой, прозаической дѣйствительности въ міръ фантазіи и художественнаго творчества пользовались тогда большимъ сочувствіемъ многихъ Русскихъ читателей и самого Кетчера. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ переводилъ еще, по просьбѣ Бѣлинскаго, нѣкоторыя изъ повѣстей Гофмана для Отечественныхъ Записокъ, гдѣ появлялись также въ переводѣ Кетчера романы Купера. Тогда же трудился онъ надъ переводами книгъ медицинскаго содержанія, по порученію Медицинскаго Управленія въ Петербургѣ, куда Кетчеръ ненадолго переселился изъ Москвы осенью 1843 г. Возвратясь въ Москву, Кетчеръ продолжалъ здѣсь свой переводъ драмъ Шекспира, начатый имъ въ 1840 г. и доведенный до конца въ 1879 году, а также редактировалъ переводы и изданія разныхъ лицъ. Многія изъ извѣстныхъ изданій К. Т. Солдатенкова редактированы Кетчеромъ. Безкорыстное содѣйствіе этого издателя литературнымъ предпріятіямъ часто руководилось совѣтами и участіемъ Кетчера, и къ самому издателю послѣдній питалъ дружеское довѣріе и уваженіе. Дѣлами лицъ, обращавшихся къ Кетчеру, онъ занимался какъ своими собственными. Онъ жертвовалъ имъ своимъ трудомъ и временемъ будто по обязанности, будто дѣлалъ что-то такое, чего не дѣлать не могъ. По кончинѣ Н. Г. Фролова, издателя «Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій», Кетчеръ редактировалъ послѣдніе три тома этого изданія, въ которомъ появились и собственные труды Кетчера: переводъ «Воззрѣнія на природу» А. Гумбольдта, статья «Дѣйствія экспедиціи для открытія Франклина» и другіе. Затѣмъ Кетчеръ много трудился надъ редакціей и изданіемъ двѣнадцати томовъ сочиненій Бѣлинскаго. Если современнымъ читателямъ легко доступна и извѣстна литературная дѣятельность послѣдняго, то этимъ они обязаны труду Кетчера. Послѣдній не хотѣлъ и слышать о какомъ бы то ни было вознагражденіи за свою немалую работу, и изданіемъ сочиненій Бѣлинскаго обезпечилъ матеріальное положеніе семьи покойнаго автора и бывшаго друга своего, что̀ составляло его молчаливую радость.

«Мужайся и трудись», писалъ ему Бѣлинскій изъ Петербурга (въ письмѣ 1841 г.): «твои скромные и благородные труды не пропадутъ и дадутъ свой плодъ». Многолѣтняя трудовая жизнь Кетчера была отвѣтомъ на призывъ друга.

Но воспоминаніе о Кетчерѣ не можетъ остановиться только на трудѣ его и слѣдахъ имъ оставленныхъ. Его личность привлекала къ нему сочувствіе и довѣріе весьма разнообразныхъ людей и объясняетъ тѣсныя, дружескія связи съ нимъ многихъ извѣстныхъ лицъ изъ его со-

временниковъ. Вотъ почему мы рѣшаемся упомянуть о нѣкоторыхъ подробностяхъ и чертахъ, характеризующихъ оригинальное лицо Кетчера.

Это былъ нравствено крупный, сильный и своеобразный человѣкъ. Его молодость и большая часть жизни миновали среди бѣдности и труда, которымъ онъ поддерживалъ существованіе нѣсколькихъ членовъ семьи своей. Окладъ его на службѣ десятки лѣтъ состоялъ изъ пяти сотъ рублей. Только въ послѣдніе годы службы Кетчера, при увеличеніи штатныхъ окладовъ чинамъ медицинскаго управленія, содержаніе, назначенное начальнику Московскаго Врачебнаго Управленія, вполнѣ удовлетворяло скромнымъ нуждамъ Кетчера, дожившаго тогда уже восьмой десятокъ своихъ лѣтъ. Пробавляясь большую часть своей жизни скуднымъ содержаніемъ отъ службы и платою за свои переводы, онъ нерѣдко терпѣлъ нужду и бывалъ въ затруднительномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно хранилъ бодрость духа, неизмѣнное веселіе чистаго сердца, всегда открытое сочувствіе радостямъ и печалямъ людей, способность радостно встрѣчать всѣ успѣхи общественной жизни, всѣ явленія таланта и живой мысли въ обществѣ, въ литературѣ, на сценѣ театра, на каѳедрѣ университета. Этою способностью объясняется его близость со многими людьми таланта и мысли, его дружескія съ ними связи, оцѣнка, любовь и уваженіе по отношенію къ Кетчеру съ ихъ стороны. Кетчеръ былъ человѣкъ значительнаго ума, болѣе сильнаго и яснаго, чѣмъ гибкаго и тонкаго. Его мнѣнія и сужденія были большею частью похожи на краткіе, категорическіе приговоры, въ оправданіе и объясненіе которыхъ онъ не любилъ и не умѣлъ пускаться даже и тогда, когда они имѣли вполнѣ правдивое основаніе. Въ его природѣ крылась та способность отгадки и оцѣнки значенія и достоинства явленій, какая отличаетъ высоконравственныхъ и отзывчивыхъ на живыя впечатлѣнія женщинъ, способность непосредственная, не всегда отчетливая и сознательная, но за то не спутывающаяся дилеммами и противорѣчіями отвлеченной мысли. Свое признаніе, свое согласіе и сочувствіе высказывалъ Кетчеръ немногими словами, громкимъ одобреніемъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки того, съ кѣмъ соглашался, иногда только радостно озарившимся лицомъ и улыбкой. Несогласіе и неодобреніе высказывались имъ также прямо, въ немногихъ словахъ рѣзкаго возраженія, порой сопровождавшихся почти бранью. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ онъ отворачивался отъ собесѣдника, замолкалъ, насупя брови, и смотрѣлъ въ сторону. Кетчеръ и тѣмъ походилъ на женщину, что не хотѣлъ и не умѣлъ сдерживать выраженія своихъ живыхъ впечатлѣній, высказывалъ ихъ прямо и громко, иногда съ

изумительнымъ для свидѣтеля жаромъ и полнымъ отсутствіемъ обычныхъ, условныхъ между людьми формъ. «Ты, любезнѣйшій, врешь», было еще мягкимъ и снисходительнымъ выраженіемъ Кетчера тому, кто задѣвалъ его крѣпкое убѣжденіе или господствовавшее въ немъ чувство. Неразборчивость выраженій въ рѣчахъ Кетчера, впрочемъ, всегда была признакомъ его расположенія и хоть нѣкотораго уваженія къ собесѣднику. Нерѣдко при первомъ знакомствѣ съ лицомъ, внушавшимъ Кетчеру сочувствіе или довѣріе, онъ обращался къ нему съ своимъ «ты». Съ «вы» Кетчеръ обращался только къ людямъ, когда былъ вполнѣ равнодушенъ къ нимъ или не долюбливалъ ихъ. Если Кетчеръ являлся вполнѣ вѣжливымъ и съ выдержанною ровностью относительно какого нибудь лица, то это было уже вѣрнымъ признакомъ его холодности и нерасположенія къ нему. Воплощеніе простоты, прямоты, простодушія и искренности въ личности Кетчера имѣло привлекательную силу. У него можно было встрѣтить людей весьма различныхъ по своему образованію, по своему общественному положенію и по своимъ занятіямъ, но у всѣхъ у нихъ общимъ было уваженіе къ Кетчеру, признаніе его личности. Предъ этимъ лицомъ они всѣ испытывали то удовлетвореніе, какими проникается душа предъ лицомъ природы, еще сохранившей свою первобытность, свою силу и выразительность.

Какова бы ни была форма выраженій, споровъ и мнѣній Кетчера, люди близко его знавшіе имѣли однакоже полное основаніе не относиться безъ вниманія къ противорѣчію человѣка рѣдкой нравственной чистоты и здороваго, яснаго смысла даже и тогда, когда не раздѣляли его мнѣній. Нѣкогда выходки Кетчера среди дружескихъ споровъ и бесѣдъ сильно раздражали впечатлительнаго Бѣлинскаго, прозвавшаго своего друга Нелѣпымъ. Въ то время нѣкоторыя изъ статей Бѣлинскаго писались подъ вліяніемъ толковъ его пріятеля и диллетанта философіи Б—а о разумности дѣйствительности. По поводу этихъ статей Кетчеръ негодовалъ и бранился съ Бѣлинскимъ до того, что послѣдній сталъ избѣгать встрѣчи съ нимъ, а позднѣе (въ 1841 г.) вотъ что писалъ онъ Кетчеру изъ Петербурга: «Нелѣпый, обнимаю тебя— мнѣ весело сказать тебѣ это. Я снова вышелъ на большую дорогу . . . . . Теперь я понялъ тебя. Мнѣ смѣшно вспомнить о той королевственности, съ какою я нѣкогда смотрѣлъ, съ высоты своего шутовскаго величія, на твои самыя человѣческія убѣжденія. Ну, да къ черту это! Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ. Одно еще я долженъ сказать: ты побѣдилъ меня! Довольно этого—остальное ты самъ поймешь, и мнѣ не нужно увѣрять тебя въ своей любви, дружбѣ и уваженіи». Названіемъ «Нелѣпый» даннымъ Кетчеру, его другъ обо-

значалъ странное сочетаніе въ немъ строгой наружности, суровой фигуры, грубоватыхъ и шероховатыхъ формъ съ нѣжностью, мягкостью и глубокой деликатностью внутренняго существа Кетчера, а также настойчивость и упорство его мнѣній и приговоровъ, казавшихся какими-то яркими отрывками изъ рѣчи, общая связь которой не достигаетъ до уха слушателя, и сопровождавшихся часто такими живыми движеніями рукъ и ногъ Кетчера, при которыхъ окружавшіе его предметы или мебель не могли устоять на своемъ мѣстѣ.

Образъ жизни Кетчера, его обстановка и вкусы были такъ же своеобразны, какъ и его личность. Долго жилъ онъ одинокій и бездомный по неудобнымъ Московскимъ квартирамъ, какъ живутъ старые бурши. Никакихъ привычекъ и потребностей удобствъ для него не существовало. Въ строгомъ порядкѣ содержались въ его жилищѣ только рабочій столъ и чернильница. Ѣлъ онъ то и тогда, чѣмъ и когда вздумалось кухаркѣ накормить его. Давно сказалъ объ немъ К. С. Аксаковъ: «Кетчеръ тѣмъ отличается отъ людей, что они обѣдаютъ, а онъ ѣстъ». Ни за работой, ни за ѣдой не выпускалъ онъ изо рта трубки или плохой дешевой сигары, въ дыму которыхъ еще фантастичнѣе представлялась его фигура, насупленныя брови, толстыя губы и цѣлая шапка касматыхъ, густыхъ и всклокоченныхъ волосъ. Домашній костюмъ его составляло нѣчто среднее между сюртукомъ и халатомъ, оставлявшее открытою его сильную грудь. Горло не стѣснялось галстукомъ. Въ такомъ видѣ принималъ Кетчеръ посѣтителей, не исключая и дамъ, при появленіи которыхъ въ его поползновеніяхъ оправить свою одежду оказывалось болѣе вѣжливаго намѣренія, чѣмъ успѣха. Друзья Кетчера, видѣвшіе кочевую и неприютную жизнь его, стали хлопотать о его осѣдлости. Въ соображеніяхъ о послѣдней главная забота друзей, знавшихъ вкусы Кетчера, должна была останавливаться не на домѣ, а на садѣ. Наконецъ въ одномъ изъ угловъ Москвы нашелся старый садъ и при немъ скромный домъ. Кетчеръ (помнится, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ) былъ водворенъ друзьями на 3-ей Мѣщанской улицѣ. Здѣсь Кетчеръ прожилъ болѣе тридцати послѣднихъ лѣтъ своей жизни, въ собственномъ саду, въ собственномъ домѣ и среди собственной особенной обстановки. Во вкусахъ Кетчера было много идиллическаго. Онъ былъ способенъ прбродить цѣлый день въ лѣсахъ Московской окрестности, собирая грибы. У себя онъ жилъ, окруженный животными; собаки и кошки дѣлались притѣснительными хозяевами его жилища. Они гуляли во всѣхъ комнатахъ, размѣщались по всей мебели, забирались на его постель, терлись около Кетчера и толкали его подъ руку, когда онъ работалъ надъ корректурой или переводами; кошки садились на столъ, когда онъ ѣлъ и

раздѣляли его пищу. Много лѣтъ жила у него старая, слѣпая и облѣзшая собака съ вѣчной перхотой и вѣчной чесоткой. Она составляла неудобство для посѣтителей Кетчера, старавшихся избѣгать ея сосѣдства, а онъ только улыбнется, да скажетъ: «бѣдная старуха». Наконецъ сосѣди Кетчера по дому, узнавъ его животнолюбіе, начали подкидывать въ его садъ и дворъ негодныхъ собакъ, лишнихъ щенковъ и котятъ; а Кетчеръ, жалуясь на такую недобросовѣстность, все же однако водворялъ у себя безпріютныхъ подкидышей. Подарилъ ему кто-то куръ, и они такъ расплодились у него, что покрывали его дворъ огромною стаей, и кормъ ихъ составлялъ чувствительный расходъ въ скромномъ бюджетѣ Кетчера; но ни одна курица и ни одинъ цыпленокъ не должны были являться снѣдью Кетчера. Онъ очень тужилъ, когда внезапно напавшій на куръ моръ истребилъ всю ихъ стаю, хоть и замѣчалъ, что онѣ впрочемъ портили его цвѣтники. По его саду и двору долго бродила старая лошадь, уже негодная въ упряжь, до конца своихъ дней. Покровительство и соболѣзнованіе Кетчера простирались на все живое, на всякое дыханіе въ природѣ. Онъ никогда не поднималъ руки своей противъ комара и пауковъ, которымъ была предоставлена полная свобода покрывать своею тканью стѣны Кетчера. Если ночная бабочка влетала къ нему и тушила его свѣчи, онъ бережно возился около нея, пока не спасетъ ея отъ огня и не выпуститъ изъ дома. Оставаясь большую часть дня въ уединеніи и надъ работою, Кетчеръ любилъ кончать его въ театрѣ или среди друзей и бесѣдъ ихъ. Онъ любилъ также многочисленныя и шумныя общества какъ отдыхъ, необходимый его живой и общительной природѣ. Многимъ Москвичамъ памятенъ его громкій голосъ и неумолкаемый смѣхъ, покрывавшій говоръ и шумъ многолюдныхъ собраній и пировъ. На пиру и въ бесѣдѣ ему случалось провести цѣлую ночь за бокаломъ Шампанскаго. По странному противорѣчію своимъ скромнымъ вкусамъ Кетчеръ во всю свою жизнь пилъ только исключительно это вино и любилъ внушать собесѣдникамъ, что оно не только безвредно, но и полезно для всякаго человѣка и во всякомъ случаѣ. Возвращаясь домой послѣ безсонной ночи, Кетчеръ прямо садился за свою работу, какъ будто и не прерывалъ ея. «Выспаться можно и послѣ», говорилъ онъ тому кто удивлялся такой способности. Вообще опредѣленныхъ часовъ для своего сна Кетчеръ не зналъ, какъ не зналъ ихъ для своего обѣда. Но какъ ни были необходимы для Кетчера бесѣды и общеніе съ людьми, съ наступленіемъ весны, онъ, безъ крайней необходимости, уже не покидалъ своего жилья. Въ эту пору посѣтитель заставалъ его въ саду, болѣе раздѣтымъ, чѣмъ одѣтымъ, съ открытой головой, какъ бы ни грѣло солнце, съ руками и лицомъ, замазанными

землею, копающимся въ грядахъ, надъ горшками съ растеніями и около деревьевъ. Между послѣдними любимцемъ Кетчера былъ дубъ. Пристрастіе его къ этому дереву было такъ велико, что неодобрительнымъ замѣчаніемъ о дубѣ можно было мгновенно вызвать Кетчера на громкій споръ и провозглашеніе красоты и достоинствъ дуба. Въ послѣднемъ письмѣ уже больнаго Кетчера къ одному изъ друзей, встрѣчаемъ картинку его домашней обстоновки: «Сижу это я, пишетъ онъ (20 Іюня 1886 г.), вчера за скромной трапезой моей съ кошкой на столѣ и съ Бутузкой и Желтымъ (собаки) у ногъ, постоянными моими собесѣдниками, и вотъ подають мнѣ письмо отъ тебя... Что̀ сказать о себѣ? Удушье не оставляетъ, но я все таки копаюсь по немногу въ саду. Онъ единственное мое утѣшеніе; обижаютъ только, хоть и любимыя, кошки, сбѣгающіяся въ его приволье отъ всѣхъ сосѣдей и преслѣдующія птицъ, распѣвающихъ въ немъ съ утра до вечера». Но и въ своей любви къ природѣ, въ наслажденіи ею Кетчеръ оставался Москвичемъ. Прекраснѣйшая природа была для него вокругъ Москвы. Прекраснѣе ея, особенно какою она была въ пору молодости Кетчера, когда не вырублены были лѣса и рощи, не засорены и не испорчены фабриками рѣки Московской окрестности, по мнѣнію Кетчера, врядъ ли могла быть гдѣ-нибудь природа Россіи. И между городами всѣхъ прекраснѣе была въ глазахъ его Москва, особенно Москва минувшихъ лѣтъ и его далекихъ воспоминаній, съ дворами-дачами, съ просторомъ, садами, широкими прудами. Съ исчезновеніемъ и уничтоженіемъ многихъ Московскихъ прудовъ онъ никогда не могъ помириться.

Петербурга Кетчеръ рѣшительно не долюбливалъ. Послѣ своей короткой попытки поселиться тамъ, онъ посѣтилъ его только однажды на нѣсколько дней, да и то по вызову своего начальства. «И вызываютъ-то такъ, ни зачѣмъ» говорилъ онъ тогда. Въ Москвѣ все было для него лучше: и люди, и нравы, улицы и мостовыя, даже товары и магазины, въ которые впрочемъ онъ никогда не заносилъ ноги за исключеніемъ табачныхъ и винныхъ. Оффиціальность, бюрократическая хлопотливость и суетливость Петербурга были не по душѣ Москвичу. Онъ говорилъ, что многое кажущееся Петербуржцамъ важнымъ или необходимымъ оказывается неважнымъ и ненужнымъ, когда выѣдешь изъ Петербурга. Если являлся къ Кетчеру пріятель, собиравшійся въ Петербургъ, то непремѣнно видѣлъ, какъ насупливались его брови и слышалъ вопросъ: «это зачѣмъ?» «Нешто нужно?» Пріятельскія отношенія сохранялъ Кетчеръ только къ немногимъ изъ литераторовъ Петербурга, между прочими къ И. С. Тургеневу, который поручалъ ему изданіе своихъ сочиненій, и къ П. В. Анненкову.

Въ Москвѣ Кетчеръ еще съ ранней молодости сближался съ разными литературными кружками и смѣнявшимися поколѣніями литераторовъ, ученыхъ и профессоровъ. Онъ былъ близко знакомъ еще съ издателями «Телескопа» и «Московскаго Телеграфа» Надеждинымъ и Полевымъ. Съ Чаадаевымъ онъ часто видался въ домѣ Левашевой, умной и образованной пріятельницы Чаадаева. Извѣстное письмо послѣдняго, появившееся въ «Телескопѣ» и послужившее поводомъ къ прекращенію этого журнала, было напечатано въ переводѣ Кетчера. Самыми близкими друзьями молодости Кетчера съ начала 1830-хъ годовъ были въ Москвѣ Вадимъ Пассекъ, Герценъ и Огаревъ. Грановскій, прибывшій въ Москву въ 1839 г., сблизился съ Кетчеромъ и его друзьями въ 1841 году.

Въ личной жизни Кетчера друзья занимали главное мѣсто, они замѣняли ему семью. Дружбой питались всѣ требованія его горячаго сердца, а оно было сердцемъ страстной женщины, съ безграничной преданностью любимымъ лицамъ, полное заботъ о нихъ и участія къ нимъ до мелочей и до самопожертвованія. Друзья дѣлались его собственностью, которую онъ сберегалъ и охранялъ, за которой онъ надзиралъ настойчиво и даже ревниво. Среди невзгодъ и нуждъ, постигавшихъ друзей молодости Кетчера, они испытали и оцѣнили помощь и самоотверженную преданность своего друга. Ихъ связь съ нимъ казалась ненарушимою, когда въ началѣ сороковыхъ годовъ Кетчеръ сблизился съ молодой дѣвушкой, очень не равной съ нимъ по своему развитію и образованію. Кетчеръ не устоялъ противъ сильной привязанности круглой сироты, взросшей въ очень темной, суровой средѣ, среди черной работы, горя и нужды. Онъ не покинулъ преданнаго ему существа, и случайная встрѣча закрѣпилась постояннымъ союзомъ. Кетчеръ не былъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ не задумываясь надъ тѣмъ, что̀ имъ случилось растоптать на пути своемъ. Встрѣченная дѣвушка умерла въ 1869 году его женой. Союзъ съ лицомъ, далеко неравнымъ Кетчеру умственно и нравственно, въ сущности мало измѣнилъ одиночество его и подалъ поводъ къ первымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между имъ и молодыми его друзьями. Съ годами, среди различныхъ вліяній и обстоятельствъ, слагались въ друзьяхъ различныя несогласныя черты ихъ характеровъ, ихъ личныя особенности, а послѣднія вмѣстѣ съ различіемъ въ личномъ положеніи людей нерѣдко разъединяютъ ихъ и оказываются сильнѣе, чѣмъ соединяющія ихъ понятія и общіе нравственные и умственные интересы. Къ концу сороковыхъ годовъ Кетчеръ съ печалью чувствовалъ, что дорогая его сердцу связь сильно ослабѣла. Въ тѣ годы Кетчеръ раздѣлялъ съ друзьями молодости многія воззрѣнія и

понятія, подававшія поводъ къ спорамъ и несогласіямъ между ними и Грановскимъ; тѣмъ не менѣе онъ разошелся со своими друзьями, а терпимость и деликатность Грановскаго въ личныхъ отношеніяхъ сохранили за нимъ навсегда дружбу и преданность Кетчера. Грановскій высоко цѣнилъ своего друга. Когда въ Октябрѣ 1843 года, Кетчеръ переселился въ Петербургъ, Грановскій сильно чувствовалъ его отсутствіе. «Скучно безъ тебя, братъ Кетчеръ», пишетъ онъ ему вскорѣ послѣ разлуки. «Дай Богъ, чтобы тебѣ было хорошо въ Петербургѣ; но еще было бы лучше, еслибы ты возвратился въ Бѣлокаменную».— «Зачѣмъ тебя нѣтъ здѣсь», повторяетъ онъ въ письмахъ, которыми сообщаетъ другу извѣстіе о своихъ публичныхъ лекціяхъ того года, о толкахъ, возбуждаемыхъ ими, о всѣхъ своихъ встрѣчахъ, знакомствахъ и отношеніяхъ. Онъ привыкъ раздѣлять съ Кетчеромъ всѣ свои впечатлѣнія и писалъ, что пріѣдетъ въ Петербургъ единственно для свиданія съ нимъ; но Кетчеръ самъ не могъ долго ужиться въ Петербургѣ, возвратился въ Москву для свиданія съ друзьями, а въ 1845 году снова поселился навсегда въ необходимой ему Москвѣ. Вмѣстѣ съ Грановскимъ, близкими друзьями Кетчера въ сороковыхъ годахъ были: В. П. Боткинъ, Е. Ѳ. Коршъ, К. Д. Кавелинъ, Н. Г. Фроловъ и И. Е. Забѣлинъ. Со многими изъ бывшихъ профессоровъ Московскаго университета, съ П. Н. Кудрявцевымъ, С. М. Соловьевымъ, а съ пятидесятыхъ годовъ съ Б. Н. Чичеринымъ, Ѳ. М. Дмитріевымъ и нѣкоторыми другими, онъ сохранялъ постоянныя дружескія отношенія. Поколѣнія и люди смѣнялись вокругъ Кетчера, но за нимъ оставались признаніе, уваженіе и любовь старыхъ и новыхъ друзей.

Въ числѣ такихъ друзей были многіе артисты Московскаго театра. Среди литературныхъ и эстетическихъ интересовъ Кетчера главное мѣсто принадлежало драматическому и сценическому искусству. Театръ привлекалъ его постоянное вниманіе и участіе еще съ ранней молодости. Кетчеръ несомнѣнно былъ одаренъ глубокимъ эстетическимъ чувствомъ; но и этому чувству, какъ и его уму, было по преимуществу понятно все крупное, сильное, цѣльное и рельефное въ поэзіи и искусствѣ. Относительныя и частныя достоинства литературныхъ или эстетическихъ явленій не всегда замѣчались имъ и не всегда встрѣчали оцѣнку съ его стороны. Вотъ почему въ поэзіи его преимущественно привлекало къ себѣ высочайшее, полнѣйшее, самое живое и яркое ея явленіе,—драма, а въ драмѣ понятнѣе и ближе всего душѣ его былъ Шекспиръ. Онъ трудился надъ переводомъ созданій послѣдняго около 40 лѣтъ и, кончивъ свой трудъ, чувствовалъ, что лучшая, любимѣйшая задача его дѣятельности миновала для него. «Кончилъ я переводъ Шекспира», говорилъ онъ, «и стало мнѣ скучно безъ этой работы». Подъ впечатлѣніемъ живыхъ, яркихъ, полныхъ

образовъ, созданныхъ Шекспиромъ, развивались вкусъ и требованія Кетчера по отношенію къ драматической поэзіи. Не воплотившіяся намѣренія, размышленія и тенденціи авторовъ, являющіяся на сценѣ вмѣсто живыхъ лицъ, ихъ отношеній и дѣйствій, наводили скуку на Кетчера. Онъ охотнѣе готовъ былъ видѣть на сценѣ рѣзкій, грубоватый или наивный фарсъ, чѣмъ тонкіе очерки и этюды душевныхъ движеній и настроеній, не обнаруживающихся предъ зрителемъ въ ясномъ образѣ сценическихъ явленій. Онъ высказывалъ, что не любитъ въ театрѣ такъ называемыхъ proverbes даже даровитыхъ авторовъ. Съ другой стороны, поддѣлка жизненныхъ явленій на сценѣ, ея только внѣшняя вѣрность дѣйствительности не могла обманывать вѣрное эстетическое и нравственное чувство Кетчера. Знаніе сценическихъ условій, умѣнье пользоваться ими, механическое сцѣпленіе сценическихъ картинъ и явленій безъ внутренней связи, обезпечивающія болѣе или менѣе прочный успѣхъ драматическимъ авторамъ среди зрителей театра, не подкупали и не обманывали его въ оцѣнкѣ ихъ значенія. Онъ любилъ комедіи Гоголя и не признавалъ высокаго достоинства за произведеніями Островскаго. Страстный театралъ, Кетчеръ былъ признаннымъ цѣнителемъ и совѣтникомъ лучшихъ талантовъ Московской сцены. Съ именами Мочалова и Щепкина соединялись его лучшія воспоминанія о минувшей эпохѣ Московскаго театра. М. С. Щепкинъ былъ его другомъ и всегда обращался къ нему за приговорами исполненію ролей своихъ. Взыскательному къ самому себѣ артисту нужно было знать впечатлѣніе Кетчера. Скажи послѣдній,—доволенъ или недоволенъ исполненіемъ роли Щепкинымъ, и для артиста это уже было подтвержденіемъ или поправленіемъ собственнаго мнѣнія объ игрѣ своей. Артисты и артистки разныхъ поколѣній на Московской сценѣ, Степановъ, Никифоровъ, Ленскій, Шумскій, Самаринъ, Рыкалова, Медвѣдева, Шубертъ, Ѳедотова и другіе искали довѣрчиво совѣтовъ Кетчера и относились съ полнымъ признаніемъ и глубокимъ уваженіемъ къ его мнѣніямъ. Многія изъ названныхъ лицъ сохранили съ нимъ прочныя дружескія отношенія. Въ послѣдніе годы своей жизни Кетчеръ съ глубокой скорбью замѣчалъ, что плохой репертуаръ, недостатокъ понимающаго задачи искусства руководства и хорошей подготовительной школы сценическаго искусства роняютъ любимый имъ Московскій театръ.

Но не одинъ театръ въ эти годы пробуждалъ сожалѣнія и грустныя думы Кетчера. Въ современной нашей литературѣ, по преимуществу журнальной, газетной и безслѣдной, онъ не находилъ ни зрѣлой мысли, ни новыхъ талантовъ. Онъ думалъ, что такая литература вноситъ въ умы болѣе недоумѣній, чѣмъ свѣта. «Люди мельча-

ютъ, головы путаются», замѣчалъ онъ. Свое сужденіе о такой литературѣ высказывалъ онъ съ обычной ему краткостью: «Тутъ бездаланность и невѣжество; а гдѣ есть умъ и талантъ, тамъ нѣтъ честности и искренности». Бесѣдуя не задолго до своей кончины о литературной и нелитературной современности, восьмидесятилѣтній Кетчеръ опускалъ сѣдую голову и говорилъ: «Въ болѣе глупое время не жилъ».

Въ минувшее лѣто болѣзненные припадки удушья, по временамъ испытываемые Кетчеромъ въ послѣдніе годы жизни, усилились. 4-го минувшаго Октября, въ годовщину кончины Грановскаго, Кетчеръ жаловался, что не можетъ отнести свои цвѣты на могилу друга, какъ это дѣлалъ со времени его кончины въ теченіе тридцати лѣтъ; но въ этотъ день, за недѣлю до собственной кончины, онъ еще появился въ тѣсномъ дружескомъ кругу и неизмѣнившимъ ему громкимъ голосомъ провозгласилъ тостъ въ память друга. Кетчеръ опорожнилъ тогда свой послѣдній бокалъ. Съ этого дня онъ уже не оставлялъ своего дома, принималъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ друзьями и старался успокоить ихъ насчетъ своего состоянія, хотя видимо потухалъ. Не задолго до кончины онъ говорилъ одному изъ друзей: «Намъ жаловаться нельзя, мы видѣли лучшихъ людей, лучшее время, много хорошаго». Всѣ дни своего послѣдняго недуга Кетчеръ проводилъ въ креслѣ, вставалъ и ходилъ по комнатѣ и слегъ только за нѣсколько часовъ до своей тихой кончины.

Счастливы люди, отходящіе изъ этого міра съ свѣтлыми воспоминаніями и свѣтлыми впечатлѣніями своего послѣдняго времени. Кетчеру это счастіе было суждено только наполовину; но онъ до конца сохранилъ всѣ дары духа, всѣ свои способности и стремленія, неизмѣнно доброе и горячее сердце, неослабныя нравственныя требованія отъ себя и отъ людей. Обманы, соблазны и невзгоды долгой жизни Кетчера не могли пошатнуть и надломить его нравственную природу. Вѣрный себѣ онъ устоялъ крѣпокъ и неизмѣненъ, какъ дубъ, мощное и любимое дерево Кетчера, невредимъ и крѣпокъ послѣ длиннаго ряда минувшихъ годовъ. Опуская въ могилу восьмидесятилѣтняго Кетчера, чтившіе его люди скорбѣли не о дряхломъ, изжившемъ старцѣ, а о человѣкѣ, который вчера еще, какъ и во всѣ дни, отзывался на всѣ призывы жизни, на радостные и печальные голоса ея, на труды и заботы живыхъ людей. Такимъ и останется Кетчеръ въ воспоминаніяхъ о немъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

по воспоминаніямъ съ 1837 года *).

Провалъ десятый.

Описываемый провалъ, получивъ свое начало съ 1856 года, продолжаетъ и донынѣ угнетать нашу жизнь самыми разрушительными послѣдствіями. Онъ состоитъ въ томъ, что знаменитые *они* какъ будто сговорились съ нашими западными завистниками и стали соединенными силами, въ рѣчахъ, въ печати и, наконецъ, въ государственныхъ воззрѣніяхъ, проводить идею, придавая ей значеніе какого-то догмата, о невозможности верховной власти разрѣшать—безъ потрясенія финансовъ—печатаніе безпроцентныхъ денежныхъ бумажныхъ знаковъ на какія бы то ни было производительныя и общеполезныя государственныя потребности. Извѣстно, что въ основаніи этой проповѣди лежало въ Европѣ желаніе ограничить силу власти и поставить ей въ денежномъ вопросѣ извѣстную преграду для предотвращенія войны, чего на дѣлѣ достигнуто не было: потому что во время военныхъ дѣйствій всякія ограниченія исчезали, и выпускъ бумажныхъ денегъ появлялся въ томъ количествѣ, какое необходимо было для покрытія военныхъ издержекъ. Мы видѣли, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у насъ появленіе бумажныхъ знаковъ ни въ Крымскую, ни въ Восточную войны; но потомъ, по водвореніи мира и спокойствія, безусловное соблюденіе этого правила ложилось на народную жизнь самымъ угнетающимъ образомъ.

Для выясненія всѣхъ гибельныхъ послѣдствій этого провала, необходимо войдти въ многостороннее обсужденіе всѣхъ причинъ и об-

---

*) См. выше, стр. 245.

стоятельствъ, которыя низвергнули насъ въ глубокую пропасть безвыходныхъ затрудненій.

Послѣ Крымской войны, мы никакъ не рѣшались строить желѣзныя дороги на безпроцентныя бумажныя деньги, несмотря на то, что народная жизнь принимала ихъ въ полномъ рублѣ и съ полнымъ довѣріемъ, и мы бы могли платить этими деньгами за всѣ земляныя, каменныя, плотничныя и т. п. работы. Мы бы могли на эти деньги построить дòма, у себя, всѣ нужные для желѣзнодорожнаго дѣла заводы; но мы, неизвѣстно зачѣмъ и почему, не рѣшались отступить отъ исполненія чужеземнаго догмата, вовсе не подходящаго къ образу Всероссійскаго правленія, и всецѣло подчинились указаніямъ заграничныхъ экономическихъ сочиненій. Мы имѣли ложную боязнь, что при значительномъ выпускѣ бумажекъ нашъ рубль сильно упадетъ, и потому пустили въ ходъ на иностранныя биржи наши векселя съ 5% интересовъ, т.-е. облигаціи желѣзныхъ дорогъ и другихъ займовъ, и отдавали ихъ съ уступкою болѣе 30%. Чтò же вышло? Нашъ рубль все-таки упалъ на 40%. Еслибы это паденіе случилось (при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти, безъ займовъ, посредствомъ безпроцентныхъ бумагъ) даже болѣе чѣмъ на 40%, то наше положеніе было бы въ тысячу разъ лучше теперешняго, потому что мы не были бы должны и не были бы обязаны платить ежегодно 260 милліоновъ процентовъ за сдѣланные займы. Теперь, не достигнувъ поддержки цѣнности рубля, мы взвалили на народную спину такой долгъ по платежу процентовъ, который поглощаетъ цѣлую треть изъ общаго итога государственныхъ приходовъ, упадая ежегодно въ размѣрѣ около 8 рублей на каждое взрослое мужское лицо. Вотъ вамъ и теорія, вотъ вамъ и плоды какихъ-то иностранныхъ ученій и книжекъ! Такое великое умопомраченіе только и можно объяснить тѣмъ, что если Богъ захочетъ наказать, то отниметъ у людей умъ. Самый простой поселянинъ понимаетъ, что безпроцентный долгъ легче, чѣмъ требующій уплаты процентовъ, и притомъ еще долгъ заграничный съ такими тяжелыми условіями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселямъ (облигаціи), проданнымъ со скидкою 20 или 30% и съ отвѣтственностію за курсъ не при займѣ существовавшій, а за курсъ того дня, въ который будетъ произведенъ платежъ. И такъ, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, въ которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теоріей на цѣлые полвѣка, безъ всякаго съ ея стороны вѣдома. Займы такого губительнаго свойства можно сравнить только съ займами прапорщика прежняго времени, который проматывалъ состояніе своего отца; но прапорщикъ казнилъ самъ себя, а наши заграничные займы казнятъ всѣхъ насъ, съ мала до велика.

Нѣтъ, нельзя допустить такой мысли, чтобы дѣятели, создавшіе означенную кабалу уже до такой степени были непрозорливы, что не сознавали вредныхъ и совершенно очевидныхъ послѣдствій своихъ дѣйствій. Тутъ лежало другое руководящее воззрѣніе, и мы попробуемъ подойти къ раскрытію его.

Все то, что̀ было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европѣ, потому что всякое наше оскудѣніе усиливало Европейское вліяніе на Россію. Европа постигала, что вѣрноподданная Россія, преданная въ глубинѣ души безусловному исполненію царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому съ высоты престола мановенію; а дабы положить этой силѣ преграды и затрудненія, надобно было сверхъ другихъ экономическихъ козней связать намъ руки, т.-е. подчинить правилу, что, вмѣсто простыхъ денежныхъ знаковъ, можно выпускать только процентныя бумаги съ продажей ихъ на Европейскихъ биржахъ, дабы этимъ способомъ постепенно вовлекать насъ въ неоплатные долги, а Верховной Русской власти противопоставить власть Ротшильдовъ и т. п. заправителей биржеваго курса, и *сдѣлать изъ этого курса политическій и финансовый барометръ для опредѣленія Русской силы; показанія же барометра заимствовать изъ бюллетеней иностранныхъ биржъ, находящихся въ распоряженіи противниковъ нашего преуспѣянія.* Въ этой интригѣ *они* явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всѣхъ ея стремленіяхъ къ созиданію Русскаго благоустройства на свои домашнія средства; словомъ, *они* возродили власть принциповъ и подчинили имъ боготворимую Русскимъ народомъ его исконную святыню.

Свершилось! Мы раззорились, обѣднѣли и погрязли въ неоплатныхъ долгахъ, а вліяніе Европы стало насъ придавлять самою ужасною тяжестію—тяжестію благоволенія. И пошла Русская жизнь, коекакъ путаясь съ ноги на ногу, съ поддержкою ея милостивыми благодѣяніями Европейскихъ банкировъ, которые до того вошли во вкусъ порабощенія насъ своей денежной силѣ, *отъ насъ же ими заимствованной, во все время всѣхъ предъидущихъ проваловъ съ 1837 года,* что при послѣднихъ займахъ, какъ было это слышно, требовали уже обязательствъ отъ Русскаго правительства о невыпускѣ денежныхъ безпроцентныхъ бумагъ. Какъ ни тяжело наше настоящее положеніе, но еслибы мы могли, наконецъ, сказать сами себѣ, что обѣднѣніе наше раскрыло намъ глаза и дало истинное понятіе о всѣхъ нашихъ провалахъ и, *главное, о причинахъ ихъ породившихъ:* тогда бы Русская земля нашла въ себѣ средства къ выходу изъ всѣхъ окружающихъ ее затрудненій. «Спасеніе наше дома, въ своей землѣ» (слова М. П. Погодина). И кто вѣдаетъ непостижимыя судьбы Всевышняго? Кто знаетъ, что

переживаемое нами угнетеніе не есть-ли путь къ нашему вразумленію и возрожденію, путь къ переходу въ ту свѣтлую область соединенія мудрой царской воли съ народнымъ смысломъ, гдѣ уже никакіе *они* не будутъ въ силахъ вносить въ народную жизнь ядовитыхъ измышленій?

Слѣдовало бы, прежде чѣмъ придти къ мысли о невозможности печатать безпроцентныя бумажныя деньги, опредѣлить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денегъ, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за трудъ рабочихъ по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д.; потому что, при неимѣніи монеты, исчезнувшей по случаю преждеизложенныхъ проваловъ и предательскихъ тарифовъ, надобно, чтобы были, по крайней мѣрѣ, въ потребномъ количествѣ бумажные знаки цѣнности. Затѣмъ слѣдовало бы принять въ соображеніе наши разстоянія напримѣръ: Кавказъ—Архангельскъ, Иркутскъ—С.-Петербургъ, Москву—Ташкентъ, Варшаву—Амуръ и т. д. У насъ никакого исчисленія по этому основному вопросу еще никѣмъ не сдѣлано, и мы сами не знаемъ, много или мало у насъ денежныхъ знаковъ, и скорѣе надобно думать, что ихъ мало по тѣмъ затрудненіямъ, какія повсюду встрѣчаются въ денежныхъ разсчетахъ. Безусловные поклонники чужеземныхъ правилъ, не входя ни въ какія подробности и не исчисливъ размѣра нужнаго для крайнихъ надобностей количества денегъ, громогласно вопіютъ на всякіе лады о невозможности выпуска бумажныхъ знаковъ, для какого бы общеполезнаго и выгоднаго государственнаго дѣла они ни понадобились. Голоса эти слышатся съ 1856-го года, послѣ котораго къ Россіи присоединились умиротворенный Кавказъ и затѣмъ Амуръ, Ташкентъ, Карсъ и Батумъ, породившіе новую потребность въ оборотныхъ денежныхъ средствахъ. Но финансисты ничему этому не внемлютъ, ничего знать не хотятъ и продолжаютъ пѣть свою пѣсню и единично, и хоромъ, въ домахъ, въ комитетахъ и на распутіяхъ. Въ періодъ времени отъ 1860 до 1875 года, всѣ стояли за невозможность выпуска, и даже самые патріотическіе люди, Ѳ. В. Чижовъ и И. К. Бабстъ принадлежали къ этому же воззрѣнію, и только три голоса въ цѣлой Россіи раздавались въ обществѣ и печати, желавшіе для постройки желѣзныхъ дорогъ появленія безпроцентныхъ желѣзнодорожныхъ бумагъ, вмѣсто раззорительныхъ процентныхъ займовъ за границею. Это были М. П. Погодинъ, А. П. Шиповъ и А. А. Пороховщиковъ; но ихъ за этотъ взглядъ называли не только отсталыми, но и юродивыми.

Здѣсь кстати будетъ разсказать слѣдующее событіе. Чижовъ и Бабстъ начали издавать въ 60-хъ годахъ «Вѣстникъ Промышленности»; имена ихъ были настолько звучны, что редакція журнала «Эко-

номистъ», издающагося въ Брюсселѣ, обратилась къ нимъ съ просьбою о присылкѣ въ Брюссель молодаго человѣка, знающаго Русскій и Французскій языки, для перевода статей изъ «Вѣстника Промышленности» въ Бельгійскій экономическій журналъ, каковая просьба и была удовлетворена. Черезъ годъ послѣ этого, Чижову пришлось быть въ Брюсселѣ и посѣтить редакцію «Экономиста», гдѣ обратились къ нему, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, съ просьбою взять отъ нихъ обратно Русскаго юношу. На вопросъ Чижова почему этотъ юноша имъ не нравится, отвѣчали, что юноша очень хорошъ, но что экономическія статьи «Вѣстника Промышленности» не заслуживаютъ перевода на Французскій языкъ; потому что въ нихъ нѣтъ ничего своего, доказывающаго силу Русскаго самовозрожденія, и все вертится около давноизвѣстныхъ Европейскихъ взглядовъ, во многомъ уже отжившихъ свой вѣкъ. Вотъ какой взглядъ выразила западно-экономическая литература на тѣ иностранныя воззрѣнія, предъ которыми мы раболѣпно преклонялись.

Еслибы мы построили желѣзныя дороги на свои бумажныя деньги и не состояли въ обязанности никому платить процентовъ, то развѣ бы не могли ежегодно обращать чистый доходъ отъ дорогъ на погашеніе выпущенныхъ бумагъ, и тѣмъ самымъ производить изъятіе ихъ изъ обращенія? Изъятіе это совершилось бы гораздо скорѣе, чѣмъ теперешнія погашенія заграничныхъ займовъ; потому что не было бы надобности оплачивать потери реализаціи и биржеваго курса, равно и процентовъ по займамъ. Да, мы могли бы спасти себя отъ задолженности; но мы хотѣли въ глазахъ Европы быть ея покорными учениками, мы считали это за особую честь и не смѣли заикнуться о выходѣ на свой собственный путь, предпочитая лучше увязнуть по самое горло въ долгахъ и завязить въ эти долги нѣсколько будущихъ поколѣній, лишь бы только Европа признавала насъ достойными своей пріязни. Съигравъ, такимъ образомъ, что̀ называется, въ дурачки, мы не пріобрѣли ни малѣйшей привязанности къ себѣ со стороны Европы, какъ это показали послѣдствія. Скажемъ нѣсколько словъ въ родѣ азбучныхъ прописей: привязанность составляетъ плодъ уваженія, а уваженіе принадлежитъ только тому, въ комъ видятъ самостоятельность мысли и дѣйствія.

Мнимая необходимость дѣлать заграничные займы объяснялась, между прочимъ, мнимымъ человѣколюбіемъ, дабы народъ, при выпускѣ домашнихъ бумагъ, не имѣлъ убытка отъ паденія цѣны Русскаго рубля, до чего впрочемъ народу нѣтъ никакого дѣла, потому что онъ за границу не ѣздитъ и съ курсомъ никакой связи не имѣетъ, а между тѣмъ теперь вся тягость по уплатѣ внѣшнихъ займовъ упала на на-

родную жизнь въ видѣ многоразличныхъ новыхъ налоговъ, возникшихъ въ послѣднее время. Кромѣ вышесказанныхъ причинъ дѣйствіями нашихъ финансистовъ руководило желаніе изобразить изъ себя единственныхъ и необходимыхъ людей, знающихъ какую-то финансовую науку, которой якобы никто кромѣ ихъ не знаетъ. Напущенный на насъ туманъ подъ вымысломъ науки со всею его запутанностью заставляетъ многихъ предполагать, что финансисты уподобляются алхимикамъ, знающимъ секретъ философскаго камня, и что поэтому надобно во всемъ подчиниться ихъ воззрѣніямъ. А камень этотъ, въ то время, пока мы еще не погрязли въ заграничныхъ долгахъ, былъ самый простой: *приходъ, расходъ, съ устраненіемъ всего излишняго и ненужнаго, а затѣмъ остатокъ или недостатокъ, съ покрытіемъ послѣдняго пропорціональною на всѣхъ раскладкою, сообразно средствамъ каждаго.* Хотя эта раскладка далеко не составила бы и половины той суммы, которую теперь надобно платить народонаселенію по заграничнымъ займамъ, но развѣ можно было такую простую мысль вдолбить въ головы финансистовъ, зараженныхъ какимъ-то высшимъ Европейскимъ прогрессомъ!

Между этимъ простымъ, такъ сказать, мужицкимъ взглядомъ и якобы научнымъ воззрѣніемъ финансистовъ существуетъ непроходимая пропасть, такая бездна, что съ одного берега на другой никогда нельзя докричаться. Сколько разъ случалось, что на одномъ берегу ревутъ отъ пропойства по причинѣ безграничнаго открытія кабаковъ, а на другомъ радуются возвышенію дохода отъ питейнаго сбора; на одномъ берегу пустѣютъ тысячи помѣщичьихъ усадебъ отъ закрытія мелкихъ винокуренныхъ заводовъ, гибнетъ скотоводство, производя разрушеніе сельскихъ хозяйствъ отъ недостатка удобренія, вслѣдствіе чего семейства помѣщиковъ лишаются крова и средствъ къ жизни, а на другомъ берегу, для снисканія благоволенія Европы, Перрейры и Уайненсы получаютъ милліоны отъ Русской благодѣтельной для нихъ казны и т. д. *).

Но, обращаясь опять къ тому же непремѣнному желанію финансистовъ прибѣгать къ заграничнымъ займамъ, нельзя умолчать, что правило не допускающее выпуска бумажныхъ денегъ образовало, наконецъ, цѣлую секту своихъ послѣдователей: къ нему пристали всѣ биржевики, усматривая въ операціяхъ по займамъ наживу, и всѣ желавшіе заявить себя Европейцами.

---

*) Подробности о Перрейрахъ, Уайненсахъ и еще о многомъ и многомъ пережитомъ съ 1837-го года, быть можетъ, явится возможность сообщить читателямъ „Русскаго Архива“ въ видѣ дополненій къ „Экономическимъ Проваламъ“. В. К.

Въ виду весьма вѣроятнаго возраженія со стороны секты, въ родѣ того, что печатаніе денежныхъ знаковъ, если разъ оно допущено, не будетъ имѣть предѣла, на которомъ бы могло остановиться, и что тогда всѣ денежные обороты могутъ подвергаться сильному колебанію, допустимъ, что это замѣчаніе полновѣсно; но справедливость его не представляется безусловною, потому что потребные для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и вообще для образованія производительныхъ предпріятій знаки цѣнности могли бы быть выпущены не какъ деньги, а какъ бумаги отъ Государственнаго Банка на извѣстный срокъ, съ опредѣленнымъ погашеніемъ ихъ. Никто не станетъ утверждать, что возможно печатать столько денежныхъ знаковъ, сколько бы ни вздумалось (мы этого и не говоримъ), но тѣмъ болѣе нельзя занимать на счетъ народа за границей, когда самъ народъ съ полнымъ довѣріемъ и желаніемъ готовъ за свои домашніе безпроцентные денежные знаки цѣнности кредитовать правительство своимъ трудомъ во всѣхъ видахъ этого труда. Перейдемъ къ примѣру. Еслибы мы, при началѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, выстроили на свои средства, положимъ, 500 верстъ и выпустили бы на этотъ предметъ, примѣрно, на 40 милліоновъ рублей денежныхъ знаковъ, то неужели бы отъ этого нашъ рубль за границей упалъ на 45%, какъ это случилось теперь? Будемъ разъяснять далѣе. Употребивъ 40 милліоновъ на означенные 500 верстъ и доказавъ посредствомъ гласныхъ отчетовъ, что эта сумма приноситъ доходъ, мы бы могли такое предпріятіе, созданное довѣріемъ народа къ правительству, выразить въ облигаціяхъ, съ обращеніемъ ихъ въ продажу за границей безъ всякой уступки изъ нарицательной цѣны облигацій. Такимъ образомъ, довѣріе народа къ царскимъ денежнымъ знакамъ исполнило бы свою полезную финансовую службу для блага отечества гораздо выгоднѣе жадныхъ къ наживѣ иностранныхъ капиталистовъ. При этомъ самая продажа бумагъ, представляющихъ собою уже не проектъ сооруженія какой-либо желѣзнодорожной линіи, а дѣйствительно существующее доходное имущество, была бы совершаема безъ того униженія, которое переживала Россія, дѣлая скидку 30% съ рубля при продажѣ облигацій еще только предположенныхъ къ устройству дорогъ. Само собою разумѣется, что продажа за границей желѣзнодорожныхъ бумагъ, выражающихъ уже устроенное предпріятіе, доставила бы намъ наличныя деньги, которыя образовали бы вѣрное и скорое средство къ изъятію изъ обращенія выпущенныхъ нами бумажныхъ знаковъ. Послѣ такой первой операціи мы бы приступили къ сооруженію вторыхъ 500 или даже 1,000 верстъ на томъ же основаніи, и точно также, изобразивъ эти вторыя дороги въ новыхъ бумагахъ, продали бы ихъ за границей безъ всякаго труда; потому

что тамъ существуетъ, по случаю избытка капиталовъ, постоянное стремленіе къ пріобрѣтенію вѣрныхъ 5% бумагъ по цѣнѣ гораздо высшей ихъ нарицательной стоимости. При такой системѣ дѣйствій, не мы бы обивали пороги у банкировъ, а они бы стучались въ наши двери; они бы искали возможности пріобрѣсть нашъ интересный товаръ, слѣдовательно наше финансовое и политическое значеніе не носило бы на себѣ характера убожества и бѣдности. Идя такимъ разумнымъ путемъ согласованія государственныхъ потребностей съ довѣріемъ народа, государство росло бы силою взаимнаго дѣйствія вмѣстѣ съ народомъ, и мы получили бы за всѣ наши желѣзныя дороги наличныя деньги, притокъ которыхъ поддержалъ бы нашъ курсъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ злополучный размѣнъ золота, въ количествѣ ста милліоновъ, бывшій, кажется, въ 1863 году, на наши кредитные билеты. Все это золото ушло за границу, а на Русской жизни образовалась одна лишь насильственно наложенная на нее тягость по уплатѣ сдѣланнаго для этой операціи займа.

Означенный размѣнъ существовалъ болѣе шести мѣсяцевъ, и никто изъ Русскихъ капиталистовъ не заявилъ желанія воспользоваться промѣномъ кредитныхъ билетовъ на золото, которое пріобрѣталось одними лишь биржевиками и опять уходило за границу. Странно то, что этотъ очевидный примѣръ не убѣдилъ нашихъ финансистовъ въ полномъ довѣріи Русскаго народа къ денежнымъ знакамъ правительства, и они попрежнему упорно стояли на своей мысли о невозможности выпуска безпроцентныхъ бумагъ. Во время этого размѣна, финансисты проповѣдывали намъ какое-то экономическое зловѣріе въ такомъ родѣ, что золото подобно водѣ распредѣляется между всѣми государствами, такъ сказать, ватерпасно, и если сегодня отъ насъ оно сдѣлало отливъ, то оттуда, гдѣ въ немъ почувствуется избытокъ, оно обратно потечетъ къ прежнему исходному пункту. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то; мы болѣе четверти вѣка напрасно ждали обратнаго прилива и убѣдились въ томъ, что событія оправдали вполнѣ Русскую пословицу: что̀ съ возу упало, то пропало.

Возвращаясь къ тому, что дороги, выстроенныя на свои денежные знаки, стоили бы гораздо дешевле, потому что на цѣнность ихъ не упали бы уступка 30% съ рубля при реализаціи и проценты платимые со дня выпуска облигацій, нельзя не вспомнить того что, простой механизмъ сооруженія дорогъ на свои средства былъ отброшенъ и осмѣянъ финансистами потому только, что въ ихъ головы внѣдрилось непреклонное упрямство не допускать дѣйствій, основанныхъ на простой силѣ самовозрожденія, и въ силу этого разрушительнаго мнѣнія дѣло было до того осложнено чужеземными теоріями, что передъ

глазами властныхъ лицъ стоялъ какой-то идолъ Европейскаго кознодѣйствія, которому съ раболѣпнымъ униженіемъ приносилась въ жертву всякая полезная Русская мысль, со всѣми ея указаніями и сердобольными помышленіями.

Неужели можно подумать, что Русскій человѣкъ не настолько смышленъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ для предпріятій, не могущихъ давать дохода, не призналъ бы самъ своимъ умомъ дѣйствіемъ раззорительнымъ для отечества? Какое заблужденіе думать, что Русское народное довѣріе къ бумажнымъ знакамъ, предназначеннымъ единственно для полезнаго и производительнаго употребленія, выражаетъ въ себѣ недостатокъ финансовыхъ взглядовъ! Нѣтъ, тутъ вышло бы на дѣлѣ совсѣмъ другое: сооружая дороги на свои средства, мы не настроили бы такихъ линій, которыя обречены теперь на вѣчный убытокъ; мы не сдѣлали бы этого потому, что были бы обязаны всякую затрату на желѣзныя дороги оправдать предъ Россіею доходностью дорогъ, не смотря на наше безцеремонное и даже дерзостное обращеніе съ Русскимъ народнымъ мнѣніемъ. Теперь наши желѣзныя дороги можно раздѣлить на четыре разряда: 1) *коммерческія*, 2) *стратегическія*, 3) *личныя* и 4) *лишнія*. Состоя въ обязанности выразить по каждой дорогѣ ея доходность, мы вмѣсто осьми линій, построенныхъ къ Волгѣ, ограничились бы пятью линіями и давно проложили бы дорогу въ Сибирь, связавъ Волгу съ Сибирскими рѣками и сообщивъ чрезъ эту связь наибольшую доходность всѣмъ дорогамъ отъ развитія торговаго движенія; теперь же мы не имѣемъ ни одной линіи за Волгу, кромѣ Оренбургской, которая, упираясь въ Башкирскую песчаную степь, открыта только въ 1878 году. Такимъ образомъ, не имѣя убыточныхъ линій, мы бы не навязали государственной росписи тягостнаго расхода по оплатѣ этихъ убытковъ, всецѣло упадающихъ на народныя сбереженія.

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ отнимаетъ у мѣстныхъ жителей всѣ заработки по провозу грузовъ, возмѣщая, конечно, эти потери общимъ развитіемъ промышленности; но когда строятся дороги убыточныя, тогда народъ страдаетъ уже вдвойнѣ, какъ отъ потери своихъ заработковъ, отнятыхъ желѣзною дорогою, такъ и отъ тягостной необходимости погашать государственные долги, порожденные займами на устройство дорогъ двухъ послѣднихъ категорій, т.-е. *личныхъ и лишнихъ*.

Давно подмѣчено лучшими мыслителями, что Русская жизнь имѣетъ два теченія: одно правительственное, а другое народное. Въ доказательство этого приведемъ удивительный примѣръ. Въ 1839 году введена серебряная единица; но народная жизнь десятки лѣтъ продол-

жала идти во многихъ мѣстахъ по старому счету, т. е. на ассигнаціонный рубль. Черезъ 30 лѣтъ послѣ введенія крупной единицы во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы начали строить желѣзныя дороги, при появленіи желѣзнодорожныхъ инженеровъ и агентовъ по отчужденію земель, оказалось, что народъ живетъ еще на прежній дешевый рубль, не усвоивъ себѣ переложенія на серебро. Это обнаружилось при толкованіяхъ владѣльцевъ земель съ агентами въ опредѣленіи цѣнъ за отчуждаемыя земли. Въ Урюпинской станицѣ Войска Донскаго требовали съ желѣзнодорожниковъ по рублю за курицу, и когда отдавали казакамъ рубль серебра, то они давали сдачи 70 копѣекъ. Даже и теперь есть мѣстности, гдѣ еще не привился къ народной жизни замудрованный счетъ на какое-то серебро.

Заключимъ, въ концѣ концовъ, всѣ наши разсужденія о настоящемъ провалѣ тѣмъ, что нельзя не усмотрѣть въ дѣйствіяхъ нашихъ финансистовъ умышленнаго намѣренія затормазить саморазвитіе Русской жизни угнетеніемъ ея заграничными займами, образовавшимися отъ недозволенія имѣть свои денежные знаки, существованіе которыхъ допущено въ конституціонныхъ государствахъ Европы. Вотъ доказательство этому. Законодательство Англіи дозволяетъ Англійскому Банку, въ случаѣ надобности, выпускать на 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ банковыхъ билетовъ (т.-е. 150 милліоновъ на наши деньги по существующему курсу) съ присвоеніемъ имъ платежной способности. Послѣ Крымской войны у насъ была крайняя надобность въ деньгахъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, и мы вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру Англіи и выдти изъ затрудненія посредствомъ выпуска своихъ денежныхъ знаковъ, отправились за границу въ качествѣ просителей искать спасенія въ займахъ и тѣмъ самымъ заявили себя, въ глазахъ всей Европы, какъ бы лишенными всякой кредитоспособности дома, внутри своего отечества. Какая постыдная клевета на Русскій народъ! Гдѣ же, когда и кѣмъ было заявлено народное недовѣріе къ своимъ платежнымъ знакамъ? Кто же подмѣтилъ или слышалъ какое-либо слово о недовѣріи? Намъ проповѣдывалось это мнимое недовѣріе изъ Петербургскихъ канцелярскихъ сферъ, принявшихъ на себя самовольное право говорить отъ лица народа. Если обратимся къ исторіи сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ, то увидимъ, что тамъ большинство дорогъ построено на бумаги, выпускавшіяся для этой цѣли разными мѣстными банками, не подвергая народную жизнь тяжкому и убыточному угнетенію по уплатѣ внѣшнихъ займовъ. И такимъ образомъ ясно доказывается, что страны находящіяся подъ дѣйствіемъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ правленія не убоя-

лись почерпать средства къ своему возрожденію изъ своей внутренней жизни, а наши финансисты предпочли служеніе своей теоріи живымъ потребностямъ Русской жизни.

Провалъ одиннадцатый.

«Сибирь, по свидѣтельству всѣхъ ученыхъ и неученыхъ, составляетъ золотое дно» (слова М. П. Погодина). Добывая въ Сибири золото въ теченіи семидесяти лѣтъ, мы извлекли его болѣе чѣмъ на два милліарда; но пришли «татіе и разбойницы», и все это богатство мало-по-малу похитили. Напрасно семьдесятъ лѣтъ, въ пустыняхъ и снѣговыхъ сугробахъ Сибири, работали Русскіе люди, добывая золото; напрасно они зябли, мучились и умирали въ тундрахъ Сибирскихъ: трудъ ихъ пропалъ безслѣдно, потому что все добытое ими золото перешло за границу. Причина тому заключается въ нашихъ тарифныхъ пошлинахъ, которыя Русскій торговый балансъ приводили ежегодно къ минусу въ десятки милліоновъ рублей, и на покрытіе этихъ минусовъ исчезало наше Сибирское золото *).

Вступать въ подробный обзоръ невыгодныхъ сторонъ тарифа невозможно безъ особыхъ матеріаловъ и продолжительныхъ приготовленій по этому вопросу, и потому мы ограничимся указаніемъ только нѣкоторыхъ бросающихся въ глаза статей.

1. Зачѣмъ мы допускаемъ къ привозу иностранную соль, когда имѣемъ своей соли на десятки тысячъ лѣтъ?

2. Зачѣмъ допускаемъ къ привозу каменный уголь, имѣя массу своего собственнаго угля?

3. Зачѣмъ мы позволяемъ ввозить къ намъ чугунъ и желѣзо и издѣлія изъ оныхъ?

4. Зачѣмъ разрѣшено привозить къ намъ полотняныя, шерстяныя и шелковыя ткани въ разныхъ видахъ, зеркальныя стекла и множество разнаго ненужнаго хлама, безъ котораго можно жить гораздо проще и пріятнѣе т. д. и т. д.?

Конечно, эти предметы не заключаютъ въ себѣ полнаго исчисленія всего того, что̀ не должно быть допускаемо къ привозу въ Россію; а потому приходится ограничиться общимъ выраженіемъ о недопущеніи къ привозу всего того, что̀ можно имѣть дѐма, хотя бы и съ приплатою въ цѣнѣ. Затѣмъ кромѣ предметовъ, подлежащихъ совершенному запрещенію, найдутся сотни такихъ, на которые тарифъ долженъ быть значительно возвышенъ, дабы дать ходъ своимъ произведеніямъ; но пока въ рѣшеніи этого вопроса будутъ участвовать *они*, успѣхъ невозможенъ, потому что въ нихъ нѣтъ Русской жилки. У меня въ памяти

*) См. статью того же автора „Добыча золота въ Россіи“ въ Р. Архивѣ 1882, I, 333

пересмотръ тарифа въ 1868 году, со всѣми бывшими при этомъ пересмотрѣ отрицаніями Русскихъ интересовъ и стремленіями (на основаніи Европейскихъ теорій) къ интересамъ общечеловѣческимъ, изъ уваженія къ которымъ намъ предлагалось обречь себя на раззореніе и сдѣлаться данниками Европы. Бывши тогда въ тарифной коммиссіи два-три раза, въ качествѣ эксперта, я помню, какъ послѣ рѣшенія уменьшить пошлину съ кофе, Англійскаго пива и разныхъ колоніальныхъ предметовъ, купцу Е..., извѣстному по выпискѣ изъ-за границы товаровъ и находившемуся въ засѣданіи, былъ предложенъ вопросъ: одобряетъ ли онъ пониженіе пошлинъ? Купецъ отвѣчалъ: «благодарю за попеченіе, которое, какъ я уже смекнулъ, составитъ по моей торговлѣ 80 тысячъ рублей въ годъ награжденія; а продавать я буду все по той же, нынѣшней цѣнѣ». Не знаю, поняла ли коммисія эту насмѣшку, но знаю то, что этотъ ѣдкій отвѣтъ не подѣйствовалъ, и пошлины были сбавлены.

Въ 70 годахъ былъ назначенъ директоромъ таможеннаго департамента Н. А. Качаловъ, при которомъ таможенный доходъ (составлявшій 20 м. р.) достигъ 60 м. въ годъ, вслѣдствіе неутомимыхъ и добросовѣстныхъ дѣйствій. Разсматривая это возвышеніе какъ результатъ дѣйствій Таможеннаго Департамента, нельзя не признать его блистательнымъ, по состоянію общегосударственнаго воззрѣнія; но это огромный убытокъ, потому что всякая гривна возростанія таможеннаго дохода увлекаетъ изъ Россіи рубли, при уплатѣ денегъ по курсу за ввезенный къ намъ товаръ. Въ этотъ провалъ въ теченіи 25 лѣтъ безвозвратно ухнуло все наше Сибирское золото.

Въ 1871 году была въ Петербургѣ, въ Соляномъ городкѣ, выставка предметовъ Русской промышленности. Въ горномъ отдѣлѣ этой выставки были помѣщены мною нефть и керосинъ изъ Баку, и рядомъ съ нимъ стояла отъ Горнаго Департамента сдѣланная изъ тесу и оклеенная золотистой бумагой пирамида, показывавшая объемъ всего добытаго въ Сибири золота, если бы его можно было обратить въ одну сплошную массу. Когда покойный Государь подошелъ къ этой пирамидѣ, то, посмотрѣвъ на нее съ минуту времени и покачавъ головою, изволилъ сказать (это я слышалъ собственными ушами): «А еслибы рядомъ поставить другую пирамиду вывезеннаго изъ Россіи золота, она бы была болѣе этой». *Коротко и ясно. Вразумительно и поучительно.*

Выше сказано, что Сибирь золотое дно. Мы, конечно, не разработали $^1/_{10}$ этото дна; но пока тарифъ имѣетъ способность высасывать наше золото за границу, было бы преступленіемъ говорить о

мѣрахъ къ увеличенію золотодобыванія: пусть золото лежитъ въ землѣ до наступленія того времени, въ которое внѣшняя торговля не будетъ въ силахъ похищать наше золото за границу.

Провалъ двѣнадцатый.

Никакой вопросъ, въ періодъ преобразованій, начавшихся съ 60 годовъ, не былъ рѣшенъ у насъ такъ искренно, какъ вопросъ о поѣздкахъ за границу. Сразу были отворены ворота для всѣхъ, съ правомъ ѣхать куда угодно. Теперь подсчитаемъ примѣрно, во что обошлось Россіи это щедрое разрѣшеніе. Положимъ, что за границей проживаетъ Русскихъ людей, въ теченіи 30 лѣтъ, только пять тысячъ человѣкъ, не считая больныхъ и учащихся спеціальнымъ предметамъ. Если положить расходовъ въ день на квартиру, переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ, содержаніе, экипажъ, удовольствія и покупки только по 40 франковъ на каждаго (не говоря о фонъ-Дервизѣ, расходующемъ, вѣроятно, съ содержаніемъ своихъ дворцовъ болѣе 1000 франковъ въ день и другихъ имѣющихъ средства для значительныхъ издержекъ): то пять тысячъ лицъ, въ 30 лѣтъ, израсходовали болѣе двухъ милліардовъ франковъ, которые понадобилось оплачивать, за истощеніемъ уже Сибирскаго золота на тарифный провалъ, новыми заграничными займами, входящими въ государственную роспись, слѣдовательно и упадающими къ платежу на весь Русскій народъ. Въ правѣ ли общественная совѣсть одобрять эту роскошь расходованія денегъ за границей въ ущербъ народныхъ средствъ? Что же по этому вопросу финансовая наука молчитъ, не указывая никакихъ правилъ, охраняющихъ народный карманъ? Если существуетъ эта наука, то она должна обнимать всѣ случаи жизненныхъ проявленій. Гораздо правдивѣе и добросовѣстнѣе будетъ прямо сказать, что никакой науки нѣтъ, а есть просто финансовое искусство, различно примѣняемое въ каждомъ государствѣ, по соображенію съ мѣстными условіями и народнымъ воззрѣніемъ.

Когда, во время Восточной войны, всѣ Петербургскіе банки пожертвовали на раненыхъ воиновъ 400 т., тогда, во время совѣщанія объ употребленіи этихъ суммъ на заготовленіе разныхъ вещей для больныхъ и раненыхъ, было особое засѣданіе у Е. И. Ламанскаго, состоявшее изъ банковскихъ представителей. Въ засѣданіи этомъ былъ покойный графъ Г. А. Строгановъ. Разговоръ склонился къ тому, что военныя издержки произведутъ неисправимое финансовое разстройство. На это графъ сказалъ: «Все кажущееся неисправимымъ у другихъ легко исправимо у насъ однимъ почеркомъ пера; стоитъ лишь издать указъ: *сидѣть всѣмъ дома пять лѣтъ и ѣсть щи съ кашей, запивая квасомъ,* и тогда финансы правительства и наши придутъ въ цвѣтущее состояніе».

Нисколько не будетъ удивительнымъ, если, при обсужденіи способовъ къ улучшенію финансовъ, шуточно выраженная графомъ Строгановымъ мысль окажется въ числѣ основаній нашего будущаго благоустройства. Никакой новой бѣды отъ этого не будетъ, если для пополненія того, что̀ промотали, придется пожить, какъ говорится, на пищѣ святаго Антонія. Наградою за это воздержаніе будутъ трезвость взглядовъ и чистота мыслей.

Нѣтъ сомнѣнія, что затронутый вопросъ о неприличіи для Русскихъ людей жить за границей во время упадка цѣнности нашего рубля болѣе 40% возбудитъ сильное возраженіе, такъ что многіе въ этомъ усмотрятъ не только неудобство, но даже и деспотизмъ. Но развѣ это не деспотизмъ, когда одна двухсотъ-тысячная часть изъ общаго населенія Россіи производитъ своею жизнію за границей вредное для всѣхъ Русскихъ людей вліяніе въ смѣслѣ экономическомъ? Всѣмъ намъ давно извѣстно, что заграничные расходы, усугубляя финансовыя затрудненія, вовлекаютъ въ новые займы, а уплата по займамъ ложится на народную жизнь въ видѣ возрастающихъ налоговъ. Не тотъ деспотизмъ опасенъ и разрушителенъ, который, открыто воздерживая нѣсколько единицъ отъ ненужныхъ затратъ, приноситъ общую пользу, а тотъ, который уподобляется *ножу помазанному медомъ*, въ родѣ, напримѣръ, безчисленнаго увеличенія кабаковъ, подъ либеральною маскою попеченія объ общемъ благѣ, но съ затаенною цѣлью спаивать народъ для возвышенія акцизнаго питейнаго дохода, чтобы этимъ возвышеніемъ оправдать введеніе акцизной системы. Подобныхъ деспотизмовъ у насъ многое множество, и всѣ они прикрыты или стремленіемъ къ равноправности, или другимъ призракомъ мнимаго народолюбія. Развѣ такое дѣйствіе какъ уничтоженіе въ шестидесятыхъ годахъ землевладѣльческаго кредита и лишеніе земли удобренія, по случаю разрушенія сельскохозяйственныхъ винокуренъ, не представляетъ собою самый лютый деспотизмъ? Много бы можно было привести подобныхъ доказательствъ; но читатель, безъ сомнѣнія, самъ собою придетъ какъ къ выясненію вредныхъ вліяній либеральнаго деспотизма, выразившихъ самыя горькія послѣдствія по каждому изъ вышеизложенныхъ проваловъ, такъ и къ заключенію, что изъ всѣхъ преобразованій было только одно вполнѣ искреннее, безъ заднихъ мыслей, безъ поворота назадъ,—это право мотать Русскія деньги за границей. И мотовство это установилось такъ крѣпко, что и доселѣ существуетъ во всей своей широтѣ; а Русская жизнь, угнетенная пережитыми ею провалами, переноситъ безропотно свое горькое обнищаніе, твердо вѣруя въ то, что «*сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*».

В Кокоревъ.

ОТПОВѢДЬ Г. КОСТЕНЕЦКОМУ.

„Будь бѣла, какъ снѣгъ; будь чиста, какъ ледъ—людская клевета очернитъ тебя“.

Гамлетъ.

Въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Архива“ напечатано продолженіе воспоминаній г. Костенецкаго „изъ студенческой жизни“.

Случайно заглянувъ въ эти „воспоминанія“, я натолкнулся въ нихъ на такое несправедливое и оскорбительное отношеніе къ памяти покойнаго Николая Алексѣевича Полеваго, что, при всей моей нелюбви къ какой бы то ни было полемикѣ, не вижу возможности пройти молчаніемъ дерзкія посягательства г. Костенецкаго на честь человѣка давно умершаго и, слѣдовательно, лишеннаго всякой возможности защитить себя. Считаю долгомъ принять эту защиту на себя, не только какъ сынъ Н. А. Полеваго, благоговѣющій передъ памятью отца, но и какъ человѣкъ, глубоко-преклоняющійся передъ честною и полезною дѣятельностью этого замѣчательнаго Русскаго писателя и публициста. Перехожу къ фактамъ.

Г. Костенецкій, выхваляя въ своихъ „воспоминаніяхъ“ г-на Погодина и разсказывая о первыхъ годахъ его профессорства, сообщаетъ, между прочимъ, что около того же времени отецъ мой издалъ въ свѣтъ первый томъ своей *Исторіи Русскаго Народа.* И въ этомъ-то мѣстѣ своего разсказа мемуаристъ вплетаетъ слѣдующій баснословный эпизодъ.

„Каково же было наше изумленіе, пишетъ г. Костенецкій, когда, прочитавши этотъ *первый и единственный томъ его исторіи* [1]), въ которой онъ, какъ бы подобно Нибуру, разрушалъ старыя Карамзинскія идеи о событіяхъ и изложилъ свои собственныя, мы вдругъ узнали въ этой книгѣ *всѣ лекціи Погодина о первомъ періодѣ нашей исторіи*!... Не могу выразить тогдашняго нашего всеобщаго негодованія противъ такого *литературнаго*

---

[1]) Г. Костенецкій не знаетъ даже того, что *Ист. Русск. Народа* вышло *шесть* томовъ, *а не одинъ*. Первый былъ изданъ въ 1829, шестой въ 1833 г. П. П.—Очевидно, Я. И. Костенецкій хотѣлъ выразить, что онъ прочиталъ только одинъ томъ „Исторіи Русскаго Народа“. П. Б.

воровства афериста Полеваго и такой гнусной спекуляціи на карманы подписчиковъ этого *торгаша-журналиста.* Мы всѣ обратились къ Погодину съ изъявленіемъ нашего негодованія на Полевого. Погодинъ написалъ критическій разборъ на его сочиненіе, да и всѣ тогдашніе журналы отозвались объ ней (?) очень неблагосклонно".

Остановимся покамѣстъ на этомъ и докажемъ г. Костенецкому, что во всемъ вышеприведенномъ отрывкѣ его *воспоминаній нѣтъ ни единаго слова правды.* Постараемся убѣдить его въ томъ, что онъ говорилъ о вещахъ, совершенно ему неизвѣстныхъ, такъ какъ онъ не видалъ въ глаза ни перваго тома „Ист. Р. Народа", ни критической статьи, написанной Погодинымъ по поводу этого тома.

Прежде всего посмотримъ, въ какой степени Н. А. Полевой имѣлъ возможность *воспользоваться идеями* г. Погодина. По счастью, самъ г. Погодинъ сообщаетъ намъ о началѣ своей профессорской дѣятельности любопытные факты, которыми мы можемъ воспользоваться въ данномъ случаѣ.

М. П. Погодинъ былъ произведенъ въ адъюнкты въ Мартѣ 1828 года, а лекціи началъ читать 21-го Сентября 1828 года [2]). Молодому адъюнкту, назначено было читать Исторію (всеобщую) трехъ послѣднихъ столѣтій и „Русскую—по три раза въ недѣлю". Судя по тому, что̀ самъ г. Погодинъ сообщаетъ объ этомъ первомъ годѣ своего профессорства, ни о какихъ „новыхъ идеяхъ" въ его курсѣ не было и помину. Всеобщую Исторію онъ преподавалъ по Герену, дополняя Робертсономъ, Шиллеромъ и Вольтеромъ, а Русскую Исторію *читалъ по собственнымъ изслѣдованіямъ*, держась Несторовой лѣтописи. Главнымъ предметомъ послѣдняго курса было *происхожденіе Руси*, которымъ Погодинъ занимался преимущественно, *руководясь изслѣдованіями Эверса и Неймана*" [3]).

Но на какихъ же *собственныхъ изслѣдованіяхъ* могъ основывать Погодинъ, въ ту раннюю пору своей ученой дѣятельности, свой курсъ Русской Исторіи? Подъ „собственными изслѣдованіями" здѣсь можно разумѣть только его магистерскую диссертацію „*О происхожденіи Руси*" (1823), въ которой Погодинъ, „для порѣшенія спора о Варягахъ собралъ всѣ мѣста о нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ и на этомъ основаніи опредѣлилъ ихъ Норманское происхожденіе" [4]).

И такъ въ то время, когда мой отецъ уже приступалъ къ печатанію своего перваго тома „Исторіи", г. Погодинъ приступалъ къ чтенію курса „О происхожденіи Варяговъ Руси", который, по собственному сознанію г. Погодина, былъ основанъ на его же магистерской диссертаціи и на переведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ Эверса и Неймана. Еслибы мы даже пред-

---

[2]) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго Университета, ч. II, стр. 243.

[3]) Біограф. Словарь профессоровъ, ч. II, ibid. ниже.

[4]) Ibid. стр. 239—40.

положили, что этотъ курсъ былъ въ ту пору записанъ самымъ добросовѣстнымъ и самымъ умѣлымъ стенографомъ и доставленъ автору „Исторіи Русскаго Народа“; если мы даже допустимъ, что онъ успѣлъ бы этимъ драгоцѣннымъ курсомъ воспользоваться до напечатанія своихъ первыхъ листовъ: то спрашивается, что̀ могъ Н. А. Полевой извлечь изъ этого курса, когда онъ и безъ того уже былъ знако̀мъ и съ диссертаціей г. Погодина и, еще ранѣе, съ изслѣдованіями Эверса и Неймана?

Но допустимъ даже невозможное; предположимъ, что „аферистъ Полевой воспользовался всѣми лекціями Погодина и совмѣстилъ ихъ на 20—25 страничкахъ, которыя, въ первой главѣ I-го т. его „Исторіи“ посвящены вопросу о происхожденіи Руси,—Варягамъ, Норманамъ и Руссамъ. Въ такомъ случаѣ, ужъ конечно, Погодинъ, въ своей критикѣ на *Ист. Русск. Народа* долженъ былъ бы не противорѣчить Полевому въ его взглядахъ на этотъ вопросъ, но за то—уличить его въ безсовѣстномъ плагіатѣ... Ничуть не бывало! Въ обширной критической статьѣ Погодина противъ I-го т. Ист. Русск. Народа, переполненной ругательствами и укорами разнаго рода и мелочными придирками къ предисловію и посвященію, проникнутой напыщеннымъ пафосомъ человѣка, негодующаго на появленіе „такого чудовища, какъ Ист. Р. Народа“,—не находимъ ни одного слова о какихъ бы то ни было заимствованіяхъ *изъ лекцій* (!!) Погодина. Мало того: въ мнѣніи о Скандинавахъ и о территоріи Скандинавіи, какъ и въ вопросѣ о происхожденіи Руси (т.-е. именно въ томъ что̀, по мнѣнію г. Костенецкаго, было выкрадено „аферистомъ“ Полевымъ изъ лекцій Погодина) Погодинъ не сходится съ Полевымъ и въ укоръ ему ставитъ то, что онъ напр. *не воспользовался* ссылками на Ліутпранда, „которыя у насъ повторялись разъ сто во всѣхъ изслѣдованіяхъ“, въ томъ числѣ и въ книгѣ Погодина „о происхожденіи Руси“ [5]).

Не мѣшаетъ добавить къ этому, что въ 1830 г., къ которому относится критика Погодина, его отношенія къ Н. А. Полевому, непріязненныя уже въ 1825—26 гг., успѣли до такой степени обостриться, что еслибы Погодинъ увидѣлъ *хоть тѣнь заимствованія изъ своихъ лекцій* (а печатныхъ изслѣдованій по Русской Исторіи, кромѣ вышепомянутой книжки, тогда у него еще не было [6]), то онъ бы со свѣту сжилъ своего противника. Между тѣмъ, не переставая враждовать съ Полевымъ до конца жизни его, Погодинъ нигдѣ, ни единымъ словомъ не упомянулъ о какихъ бы то ни было заимствованіяхъ Полеваго у него, Погодина.

---

[5]) „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. П. Погодина“ первые три тома, въ которыхъ онъ подробно развиваетъ свои взгляды на Норманскій вопросъ и происхожденіе Руси вышли въ свѣтъ въ 1846 году, въ годъ смерти моего отца.

[6]) См. „Московскій Вѣстникъ“, 1830 г. ст. Погодина (въ отд. Критики) на стр. 165—190.

Незнаніе вышеприведенныхъ хронологическихъ и критическихъ данныхъ не мѣшаетъ г. Костенецкому, въ дальнѣйшемъ разсказѣ, развить и дополнить новыми подробностями тѣ измышленія своей фантазіи, которыя мы привели и разобрали выше. Онъ продолжаетъ такъ:

„Ненависть наша къ Полевому доходила до того, что мы готовились поколотить его... и счастье его, да и наше, что онъ не попался намъ тогда въ руки! Онъ зналъ такіе замыслы противъ него студентовъ и *долго скрывался отъ насъ всячески* (sic). Не знаю, извѣстенъ ли этотъ фактъ въ нашей литературѣ; до сихъ поръ я еще нигдѣ ничего не читалъ объ этомъ *гнусномъ литературномъ скандалѣ* [7]), объ этомъ безчестномъ *воровствѣ ученой славы* [8]) у трудолюбиваго профессора, чтобы потомъ дорого продать ее и набить себѣ карманы. Но *фактъ этотъ вѣренъ*: всѣ, какія только есть, въ первомъ томѣ „Исторіи Русскаго Народа“, *новыя историческія изслѣдованія и новые взгляды* на событія перваго періода нашей исторіи *принадлежатъ не Полевому, а Погодину*, который еще за годъ до появленія этого сочиненія излагалъ ихъ намъ въ своихъ лекціяхъ, а Полевой только низко и своекорыстно ими воспользовался почти буквально“.

Бѣдный М. П. Погодинъ! Вѣроятно прахъ его содрагается въ могилѣ отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, которыя по неразумному усердію взводитъ на него г. Костенецкій. Что̀ бы сказалъ Погодинъ, еслибы при жизни его одинъ изъ его учениковъ рѣшился утверждать, будто „всѣ тѣ новыя изслѣдованія и новые взгляды, которые выражены Полевымъ въ І-мъ т. Ист. Русск. Народа, принадлежали не Полевому, а ему, Погодину, „трудолюбивому и славному профессору“? Не сдобровать бы такому ученому!

Вернемся къ критикѣ Погодина для того, чтобы легче доказать всю наивность (чтобы не сказать больше) обвиненій, взводимыхъ г. Костенецкимъ на моего отца.

Еслибы дѣйствительно „всѣ новыя изслѣдованія и новые взгляды на событія перваго періода нашей исторіи“, явившіяся въ І-мъ т. Ист. Русск. Народа принадлежали не Полевому, а Погодину, то послѣдній, въ своей критикѣ, долженъ былъ бы только ограничиться обвиненіемъ Полеваго въ плагіатѣ и вопить о томъ, что Полевой его ограбилъ. Но уже онъ, конечно, не рѣшился бы ни слова сказать „о новыхъ изслѣдованіяхъ и новыхъ взглядахъ“ Полеваго, потому что вѣдь эти взгляды заимствованы у него, Погодина... Кажется, ясно?

Что же мы видимъ? Погодинъ, съ яростію набрасываясь на трудъ Полеваго, съ первыхъ же строкъ укоряетъ его ни болѣе, ни менѣе какъ *въ самохвальствѣ, дерзости, невѣжествѣ, недоразумѣніяхъ, яркихъ нелѣпостяхъ*, и въ томъ, что въ его книгѣ *нѣтъ ни одной мысли новой, ни истинной*,

---

[7]) Мудрено было прочесть гдѣ-нибудь такую смѣшную выдумку, которая не приходила въ голову даже злѣйшимъ литературнымъ врагамъ Полеваго.

[8]) Ученой славы у г. Погодина въ 1829 г., какъ у начинающаго молодаго профессора, еще не было. Онъ былъ тогда болѣе извѣстенъ, какъ журналистъ и критикъ.

ни ложной, ни одного объясненія историческаго, ни одного предположенія, ни вѣроятнаго, ни сомнительнаго. Далѣе, нѣсколько противорѣча этому вступленію, г. Погодинъ, оправдывая свою брань, восклицаетъ: „Какъ можно говорить иначе съ журналистомъ, который въ чаду своихъ страстей забылся до того, что ругается надъ священными трудами всѣхъ нашихъ писателей... и звонитъ о *новыхъ своихъ мысляхъ*"? И затѣмъ уже всю остальную статью посвящаетъ защитѣ *священныхъ трудовъ писателей* и безпощадному избіенію и осмѣянію *новыхъ мыслей* Полеваго. Спрашивается: еслибы *эти мысли принадлежали г. Погодину*, неужели же онъ поставилъ бы себя въ смѣшное положеніе Гоголевской унтеръ-офицерши, которая „сама себя высѣкла"?

Послѣ всего вышеизложеннаго, едва ли кто-нибудь удостоитъ довѣрія пресловутыя „воспоминанія" г. Костенецкаго, который рѣшается свои клеветы выдавать за правду. Но если эти клеветы, какъ мы имѣли возможность доказать, оказываются ни на чемъ не основанными, то рождается вопросъ: за что же г. Костенецкій въ юности такъ негодовалъ на афериста Полеваго, который, вѣроятно, даже не подозрѣвалъ о существованіи г. Костенецкаго?

На этотъ вопросъ отвѣтить не трудно; а такъ какъ память, очевидно, измѣняетъ г. Костенецкому, то мы беремся ему напомнить о дѣйствительныхъ поводахъ къ негодованію, обуявшихъ небольшой кружокъ слушателей и поклонниковъ Погодина. Негодованіе и ненависть этого небольшаго кружка были ему внушены тѣмъ же Погодинымъ, который со многими изъ своихъ современниковъ не могъ простить Полевому его отношенія къ „священному труду Карамзина". Въ то время, когда большинство высшаго Русскаго общества преклонялось безусловно передъ „Исторіей Государства Россійскаго", выискался какой-то журналистъ, человѣкъ безъ роду и племени, не прославленный литераторъ, не патентованный ученый—*homo novus*, въ полномъ смыслѣ слова, который рѣшился, осмѣлился, дерзнулъ не только критиковать Карамзина, но даже проводить какія-то новыя идеи въ области Русской исторіи!.. Какъ же иначе, какъ съ негодованіемъ и ненавистью можно было отнестись къ такому *аферисту*, въ особенности когда его не одобрялъ *самъ профессоръ Погодинъ*!

Да, горька, тяжка была участь этого смѣлаго передоваго Русскаго человѣка, который рѣшался честно и прямо высказывать свои мысли обо всемъ, не опираясь ни на какіе авторитеты. Его жизнь была нескончаемымъ рядомъ страданій, и какъ много страдать пришлось его имени послѣ смерти! Сорокъ лѣтъ сряду его распинала и распинаетъ до сихъ поръ досужая Русская критика, не знающая своего прошлаго; а судя по „воспоминаніямъ" г. Костенецкаго, до сихъ поръ еще существуютъ люди, которые, сами стоя на краю могилы, находятъ удовольствіе въ томъ, что еще могутъ бросить комомъ грязи въ память погибшаго высоко-талантливаго труженика. Видно, что онъ глубоко всколыхнулъ своими могучими плечами всю плесень и муть Русской общественной и литературной жизни 20-хъ

годовъ, если и до сихъ поръ его могила не избавлена отъ ударовъ ослинаго копыта.

Въ заключеніе нашей статьи и въ назиданіе „многимъ“ приведемъ здѣсь отзывъ Бестужева-Рюмина, одного изъ наиболѣе безпристрастныхъ и наиболѣе талантливыхъ критиковъ „Исторіи Русскаго Народа“.

Посвятивъ разбору этой книги обширную статью, почтенный ученый заканчиваетъ ее слѣдующими многозначительными и дорогими моему сердцу словами: „Книга Полеваго во многихъ отношеніяхъ составляетъ *важный шагъ послѣ Исторіи Карамзина* и представляетъ *замѣчательную попытку приложить къ Русской Исторіи выводы Европейской науки*. Онъ могъ ошибаться, но *самыя ошибки его поучительны*. Мало того, есть такіе факты, на которые онъ посмотрѣлъ *такъ вѣрно, какъ не смотрѣлъ никто ни до него, ни послѣ него*“ *).

П. Полевой.

*

Цѣня по достоинству заслуги Н. А. Полеваго и не будучи въ правѣ отказать сыну его въ помѣщеніи этой „Отповѣди“, предоставляемъ читателю судить, на сколько она убѣдительна. Вопросъ долженъ рѣшиться не печатными сочиненіями М. П. Погодина, а тогдашними его лекціями, которыя были записываемы его слушателями и на которыя онъ въ статьяхъ своихъ не могъ самъ ссылаться какъ на произведенія устныя, не оглашенныя печатью, состоявшею въ то время подъ самою строгою цензурою. П. Б.

---

*) См. статью К. Н. Бестужева-Рюмина: „Современное состояніе Русской исторической науки“ въ *Московскомъ Обозрѣніи*, кн. I-я 1859, стр. 53.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ исторіи нашихъ литературныхъ сужденій по вопросу о смыслѣ и значеніи преобразовательной дѣятельности Петра Великаго мы до сихъ поръ нерѣдко встрѣчаемся съ двумя давно установившимися и прямо противоположными взглядами. Съ одной стороны, мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ нашихъ стародавнихъ представленій и нерѣдко отмѣчаемъ первую четверть прошлаго вѣка, какъ эпоху настоящаго рожденія Русской жизни, наглядно представляя себѣ это рожденіе, если уже не въ образѣ миѳической чудесности какъ рожденіе античной богини изъ морской пѣны, то во всякомъ случаѣ, въ чудодѣйственномъ образѣ Евангельскаго разслабленнаго, получившаго крѣпость тѣлесныхъ силъ въ возмущенныхъ водахъ Іерусалимской Виѳезды. Съ другой стороны, въ исторической литературѣ еще нерѣдко повторяется и иной ходячій приговоръ о времени преобразовательной эпохи, общій смыслъ котораго тотъ, что, отказавшись будто бы за это время отъ прошлаго въ нашей жизни, мы потеряли добродѣтели нашихъ предковъ и промѣняли старое родное добро на новые чужіе пороки.

Примѣчательно, что оба эти взгляда въ литературѣ имѣютъ свою исторію, начало которой въ обоихъ случаяхъ одинаково прямо возводится къ самому времени преобразованій. Для насъ понятны и поклоненіе Петру, созданное въ исторіи его современниками и ихъ ближайшими потомками, и неприличныя выходки тѣхъ и другихъ противъ Петра. Увлеченные крутымъ вихремъ небывалыхъ преобразованій, современники Петра, какъ очевидцы реформы, такъ равно и жившіе вскорѣ послѣ нея, не могли давать себѣ безпристрастнаго отчета въ ея оцѣнкѣ и относились къ дѣятельности Петра равно неисторически,

какъ въ благоговѣніи, такъ и въ порицаніи, хотя, быть можетъ, и находили такія или иныя основанія какъ для того, такъ и для другаго.

Менѣе понятны для насъ діаметрально противоположныя сужденія о дѣятельности Петра, высказываемыя въ наши дни, когда, повидимому, должно было бы кончиться время безусловныхъ панегириковъ, нѣмаго благоговѣнія, обязательнаго предъ всякимъ классическимъ авторитетомъ, а съ другой стороны, должна была бы отхлынуть и неизбѣжная встрѣчная волна, снесшая добрую часть этихъ диѳирамбовъ.

Тѣмъ не менѣе такое противорѣчивое отношеніе къ дѣятельности Петра слишкомъ явно для всякаго, интересующагося исторической современной литературой, касающейся этой дѣятельности, и историкъ, не совсѣмъ склонный къ правдивому установленію событій и выясненію подлинныхъ поводовъ ихъ и причинъ, не ошибся бы, заключивъ, что надъ вопросомъ объ исторической оцѣнкѣ дѣятельности Великаго Преобразователя тяготѣетъ печать какого-то злополучнаго рока. Но отрѣшившись въ объясненіи историческихъ событій отъ личныхъ воззрѣній, историкъ скорѣе призналъ бы въ разсматриваемомъ явленіи незрѣлость нашей исторической науки, еще не твердо установившейся въ основныхъ началахъ при изученіи жизни народа; онъ согласился бы, что причины неустойчивыхъ доселѣ воззрѣній на дѣло Петра лежатъ въ громадности этого дѣла, въ продолжительности его вліянія и не въ литературной только, но и въ дѣйствительной исторической живучести дѣлъ Петра. Да и здѣсь онъ сказалъ бы не все, еслибы упустилъ изъ виду совсѣмъ или не выставилъ на первый планъ мысли о должномъ пониманіи самого лица Преобразователя, психологическаго облика Петра. Зная подробно, почти по днямъ, исторію внѣшней жизни Петра Великаго, начиная отъ его рожденія и до могилы, мы слишкомъ мало до настоящаго времени знакомы съ событіями внутренней душевной жизни Преобразователя и еще меньше умѣемъ объяснить себѣ даже то, что̀ намъ извѣстно въ этой области, и это одна изъ причинъ трудности и разнорѣчій въ пониманіи смысла его дѣятельности: потому что, сколь ни широка и всеобъемлюща была сія послѣдняя, она все же являлась плодомъ внутреннихъ душевныхъ силъ великаго человѣка, а не была какимъ-либо извнѣ пришедшимъ въ него сверхъестественнымъ явленіемъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, изученію дѣятельности Преобразователя необходимо должно предшествовать ясное представленіе о внутреннихъ душевныхъ его свойствахъ, о характерѣ и обо всемъ вообще душевномъ складѣ его. Мы никогда не должны забывать, что геніальный въ своихъ дѣяніяхъ Преобразователь является предъ нами величественнымъ не менѣе, если не болѣе, со стороны его внутренней

жизни, что это есть психологическій феноменъ, представляющій собою для историка-психолога и наблюдателя сильныхъ, феноменальныхъ характеровъ въ жизни народовъ предметъ богатый, еще болѣе обширный и полный живаго интереса, чѣмъ самая захватывающая духъ сфера его дѣятельности. И сохраняя должное благоговѣніе къ дѣлу Преобразователя, мы отнюдь не должны смущаться представленіемъ о томъ, что величіе этого дѣла возрастетъ или умалится отъ того, если мы будемъ ближе и всестороннѣе понимать Петра во всей глубинѣ и широтѣ его геніальной натуры, распознавать его душу со всѣми волновавшими ее добродѣтелями и классическими, античными страстями. Поучительный образецъ для насъ въ данномъ случаѣ могутъ представлять древніе Еллины, не перестававшіе благоговѣйно чтить своихъ боговъ даже и послѣ того, какъ обнаруживали за ними чисто-животные инстинкты и страсти.

Если тонкая и въ тоже время обширная наблюдательность, память, воля крѣпко закаленная и постоянно дѣятельная, и качества, которыя предполагаетъ такая воля: смѣлость, мужество, самоувѣренность, вліяніе на робкихъ и нерѣшительныхъ, присутствіе духа, ненарушимое никакими неожиданными обстоятельствами и, какъ основа всего, физическая сила и извѣстныя тѣлесныя качества суть способности, которыя присущи всякому практическому дѣятелю, возвышающемуся надъ уровнемъ среды и должны дѣйствовать одновременно съ быстротою и вѣрностію инстинкта: то въ Петрѣ Великомъ можно наблюдать разительный примѣръ соединенія таковыхъ способностей. Эти богатыя свойства его внутренняго образа очень живо и ярко выступаютъ въ каждомъ актѣ его широкой и разнообразной дѣятельности, такъ что принявшему на себя задачу очертить этотъ образъ съ его внутренней стороны, какъ повидимому ни трудна эта задача, нѣтъ особенной нужды въ глубокомъ и всестороннемъ изученіи этой дѣятельности. Величественно-колоссальный образъ Преобразователя постигается во всемъ, на какую бы сферу дѣятельности ни было обращено вниманіе изслѣдователя. Очертанія и краски этого образа чувствуются легко, и легко опредѣляется, что̀ такое Преобразователь Россіи, какова его природа. Живая картина Петра повсюду такъ и стоитъ предъ вашими глазами. Чуткому психологу и художнику остается только мѣтко набросать ее. Но живая художественная характеристика дается не всякому; для нея нужно много особенныхъ условій и дарованій. Намъ даже думается, что какъ хорошее произведеніе живописи, живое воплощеніе идеи и типа въ поэзіи, такъ и характеристика есть дѣло художественнаго творчества: это въ сущности таже картина (но не портретъ), тотъ же вдохновенный типъ по-

этическаго произведенія. Не присвоивая себѣ фантазіи художника, не обладая глубиною и силою его ясновидящаго взгляда, мы и не рѣшаемся на такую характеристику, какъ требующую особыхъ силъ. Постараемся только, на сколько возможно, войти въ глубь этого колоссальнаго образа и освѣтить его себѣ лишь съ нѣкоторыхъ, доступныхъ нашему пониманію сторонъ, и при томъ въ самыхъ главныхъ случаяхъ его проявленія.

Законы развитія человѣка таковы, что оно опредѣляется и сопровождается такою массою условій и вліяній и самое дѣйствіе послѣднихъ бываетъ при этомъ такъ сложно и перепутано, что найтись здѣсь и схватить всю сѣть этихъ вліяній нѣтъ никакой возможности. Одно только кажется несомнѣннымъ, что духъ времени, внутреннее состояніе окружающей общественной среды суть несомнѣнно важныя условія въ развитіи духовныхъ силъ человѣка, и притомъ они могутъ оказывать свое вліяніе на духовный ростъ его во всѣ періоды его жизни. По мнѣнію Локка, «изъ ста человѣкъ девяносто оказываются хорошими или дурными, вредными или полезными обществу, только благодаря той средѣ, въ которой они живутъ, и большая разница, замѣчаемая между ними, зависитъ единственно отъ вліянія сей послѣдней» [1]). Миновавъ всѣмъ и каждому извѣстныя обстоятельства дѣтскихъ и юношескихъ годовъ Петра, прямо перейдемъ къ порѣ его полной духовной зрѣлости и прослѣдимъ отношенія и вліянія, которыя имѣла на него тогдашняя жизнь, какъ почувствовалъ онъ себя при встрѣчѣ съ этою жизнію, въ какое отношеніе къ ней сталъ и какіе слѣды вліянія ея отразились на его духовномъ складѣ.

Послѣднюю четверть XVII-го столѣтія и все за тѣмъ время царствованія Преобразователя по справедливости можно причислить къ переходнымъ эпохамъ, которыя бываютъ особенно тяжелы и смутны въ исторіи. Уже въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе начавшагося еще тогда усиленнаго знакомства съ Европейскимъ Западомъ, замѣтно чувствовалось, что старый бытъ, обусловленный самымъ характеромъ народа, терялъ свой смыслъ, обвѣтшалъ и настойчиво требовалъ измѣненія, хотя все еще крѣпился и держался ради внѣшняго порядка и привычки. Уже въ тогдашнее время передовые Русскіе люди подвергали строй современной имъ общественной жизни безпощадной критикѣ, и Европейскій Западъ считали панацеею противъ домашнихъ недуговъ. Знаменитый дѣятель временъ царя Алексѣя, государственный канцлеръ тогдашняго времени, говоря современнымъ административнымъ язы-

---

[1]) De l'esprit, 3-e discours.

комъ, и канцлеръ благочестивый, кончившій жизнь инокомъ, А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, неоднократно, прямо и рѣшительно, говорилъ, что для блага государства необходимо надобно во всемъ поступать съ примѣра другихъ старшихъ западныхъ людей. Представитель церкви и духовенства, патріархъ Никонъ, глубоко былъ недоволенъ современнымъ ему строемъ общественной жизни, что̀ такъ рѣшительно заявлялъ царю въ періодъ своей размолвки съ нимъ. Стоя на высотѣ своей власти, онъ безбоязненно выступилъ въ качествѣ реформатора-преобразователя въ той области жизни, которая всегда и вездѣ являлась наиболѣе ревнивою и чувствительною къ сохраненію въ неприкосновенности своего положенія. Никонъ выступилъ церковнымъ преобразователемъ и палъ жертвою своихъ обновительныхъ вчинаній. Насколько желаніе всесторонняго обновленія было присуще общественному сознанію въ послѣднюю половину XVII-го вѣка, объ этомъ, кажется, краснорѣчивѣе многихъ примѣровъ отдѣльныхъ личностей тогдашняго времени свидѣтельствуетъ крупное религіозно-общественное явленіе, родившееся въ то время и съ тѣхъ поръ ставшее печальнымъ достояніемъ нашей жизни на всѣ послѣдующіе вѣка. Мы разумѣемъ явленіе раскола, при объясненіи котораго, что̀ бы ни говорили изслѣдователи, всегда остается во всей силѣ мысль о томъ, что открыто обнаружившійся только лишь во второй половинѣ XVII-го вѣка (хотя и раньше того имѣвшій глубокіе корни), расколъ явился въ это время слѣдствіемъ попытки отстоять древне-Русское благочестіе отъ усиленнаго вліянія западныхъ новшествъ, упорно вторгавшихся въ тогдашнюю жизнь и «испрокаживавшихъ», по мѣткому выраженію первыхъ расколоучителей, это благочестіе. Расколъ потому-то именно и является предъ нами въ такомъ археологическомъ видѣ, такимъ музеемъ древне-Русскаго благочестія. Въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го вѣковъ, Русская жизнь несомнѣнно приняла характеръ необыкновенно-острый и страстный. Несмотря на кажущуюся внутреннюю неподвижность, она полна была возбужденія. Все на̀чало приходить въ броженіе; отовсюду шли запросы и недоумѣнія; ко всему присматривались, за всѣмъ усиленно слѣдили, каждой мелочи готовы были давать громкое значеніе. Казалось, приближалась уже могучая волна, готовая разомъ уничтожить препятствія, коими задерживалась струя теченія жизни... Къ новому стремились; но оно не имѣло еще настолько силы, чтобы оформить себя и стать руководителемъ жизни. Сія послѣдняя, какъ въ этотъ первоначальный періодъ стремленій къ новизнѣ, такъ и долго послѣ, стояла пока на старыхъ устояхъ и, повидимому, шла своимъ порядкомъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ еще книги, которая представила бы точное, достаточно-подробное описа-

ніе нашего быта въ переходную эпоху конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтій. Подобное изложеніе нашей бытовой исторіи этого времени разъяснило бы очень много въ томъ спорномъ вопросѣ о старой и новой Россіи, который до сихъ поръ рѣшается безъ дальнѣйшей заботы о всесторонней оцѣнкѣ, на основаніи или однѣхъ теорій, или отрывочныхъ случаевъ, подгоняемыхъ подъ готовую заранѣе точку зрѣнія. Такого рода трудъ, изображающій обычное теченіе жизни, господствующія формы общественныхъ и семейныхъ отношеній, нравы и обычаи, могъ бы достаточно указать, что старый бытъ XVII-го столѣтія въ громадномъ большинствѣ держался очень крѣпко въ теченіе не только Петровскаго времени, но и долго послѣ.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ столкновенія двухъ, ярко обозначившихся въ концѣ XVII-го в. противоположныхъ теченій бытоваго порядка являлось полное отсутствіе внутренней правды и свѣжести, болѣзненно чувствовавшееся во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества и поражавшее собою сторонняго наблюдателя, хотя бы даже и мимоходомъ бросившаго свой взглядъ на обычное теченіе жизни. Современникъ самой лучшей поры царствованія Петра Великаго, той поры, когда реформы успѣли уже довольно сильно потрясти старинныя вѣковѣчныя основы жизни, тогдашній Французскій полномочный министръ при Русскомъ дворѣ Французъ Кампредонъ, характеризуя тогдашнюю общественную жизнь Русскихъ, пишетъ: «Наклонность Россіянъ къ обману родится вмѣстѣ съ ними и развивается въ нихъ воспитаніемъ и примѣромъ ихъ родителей. Ихъ плодовитость въ изобрѣтеніи средствъ обманывать безконечна; не успѣютъ открыть одного, какъ тотчасъ выдумываютъ десять другихъ. Это главный рычагъ ихъ дѣйствій. Можно сказать, что они любятъ обманъ больше жизни; ибо каждый день можно видѣть, что пытка претерпѣваемая одними и конфискація воровствомъ нажитаго ботатства другихъ не въ состояніи никого удержать отъ искушенія воспользоваться самой ничтожной выгодой, которую имъ предлагаютъ въ ущербъ чести и выгодамъ ихъ Монарха» [1]).

Таково было состояніе общества со стороны его внутреннихъ стремленій въ переходную эпоху конца XVII и первой четверти прошлаго вѣка. Вспомнимъ описаніе тогдашнихъ нравовъ Посошковымъ, проповѣди Стефана Яворскаго, творенія Ѳеофана Прокоповича, даже его уставъ или Регламентъ духовной коллегіи (этотъ повидимому сухой, канцелярскій памятникъ) или труды Димитрія Ростовскаго. Они даютъ намъ яркую картину глубокаго разложенія тогдашнихъ общественныхъ нравовъ...

---

[1]) Сбор. Импер. Р. Истор. Общ. томъ 40-й № 113 стр. 428.

Въ такіе вѣка рѣзкихъ внутреннихъ противорѣчій тяжело дышется человѣку съ прямымъ и твердымъ взглядомъ, и конечно чувство полнѣйшей внутренней дисгармоніи съ окружающею дѣйствительностію мучительно отзывалось въ глубинѣ сознанія многихъ лицъ тогдашняго времени. Можно было бы указать на множество примѣровъ изъ числа тогдашнихъ жертвъ и надломленныхъ натуръ. Именно въ самый пламенный и рѣзкій разгаръ внутреннихъ противорѣчій въ общественной жизни и пришлось выступить великому Преобразователю Россіи въ порѣ его духовной зрѣлости. Природа щедро надѣлила его жизненною силою, сообщила ему задатки всѣхъ тѣхъ могучихъ внутреннихъ свойствъ, которыя въ теченіе вѣковъ выработались и слагались въ типическія черты Русскаго характера. Это было воплощеніе энергіи, огня и подвижности. Войди, втянись она въ обыкновенную колею тогдашней жизни,—эти могучія силы навѣрное разбросались бы и растерялись бы безплодно. Это была бы можетъ быть одна изъ тѣхъ недюжинныхъ натуръ, которыя среди неопредѣленности и неизвѣстности окружающей жизни принуждены бываютъ заявлять о себѣ только въ дикихъ и тяжелыхъ дѣйствіяхъ. Это было бы тѣмъ естественнѣе, что Петръ вышелъ въ возрастъ возмужалости отравленнымъ семейною борьбою, съ особенною чувствительностію обонянія къ запаху человѣческой крови, которою стрѣльцы такъ усердно поливали на его глазахъ Кремлевскую почву... Но въ Петрѣ жилъ могучій духъ, и уже съ самаго начала, съ лѣтъ ранняго дѣтства, онъ носилъ въ себѣ богатые задатки положительнаго содержанія. Со всѣмъ пыломъ и огнемъ своей демонической природы бросался онъ въ жизнь искать въ ней приложенія своимъ необычайнымъ дарованіямъ. Полно внутренняго огня и волненій, безъ сомнѣнія, было это знакомство богатоодаренной натуры съ тогдашнею, преисполненною надеждъ и ожиданій, жизнію. И вотъ въ душѣ Петра воспитывается, крѣпнетъ и развивается высокая цѣль жизни, вполнѣ достойная его великой природы. Кто онъ? Какъ онъ самъ себя опредѣляетъ и въ чемъ усматриваетъ цѣль своей жизни? Онъ самъ неоднократно свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ царь «въ работѣ пребывающій», что «по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣстъ хлѣбъ свой». И онъ работаетъ, работаетъ безъ конца всюду и надо всѣмъ, работаетъ и дни, и ночи, и праздники, и будни, работаетъ и сидя, и ходя, и въ дорогѣ; работаетъ и въ хорошемъ расположеніи духа, и въ дурномъ, работаетъ здоровый и больной; кажется, мысль о работѣ не покидаетъ его и во снѣ. Работа—стихія Преобразователя, которая поглотила собою весь его внутренній міръ. Это какой-то сказочный богатырь-работникъ, для котораго нѣтъ дѣла не по силамъ, не по плечу. Онъ изумляетъ современниковъ своею

кипучею дѣятельностію. Они говорятъ про него, что «прилежаніе и трудолюбіе его, можно сказать, превосходятъ обычный уровень человѣческихъ силъ, что въ дѣлѣ просвѣщенія своихъ народовъ онъ творитъ чудеса, что онъ порѣшилъ въ умѣ изъ конца въ конецъ измѣнить духъ, нравы и обычаи своей націи, что дѣлами онъ занимается съ неутомимымъ рвеніемъ и знаетъ и понимаетъ ихъ лучше всѣхъ своихъ министровъ» [2]). Преобразователь работаетъ съ неподдающимся изображенію рвеніемъ самъ и умѣло окружаетъ себя сотрудниками въ работѣ, которыхъ беретъ, не стѣсняясь ничѣмъ, одинаково сверху и снизу, постоянно заботясь лишь объ одномъ, чтобы они были стольже неутомимы въ работѣ, какъ и онъ самъ, и всегда напоминая имъ, чтобы «они не охладѣвали въ работѣ, потому что пропущеніе времени, бездѣятельность, смерти невозвратной подобно». Болѣе уясняется колоссальная личность Петра въ пору его духовной зрѣлости, все живѣе и живѣе выступаетъ она. Чувствуется могучая, вырабатывающаяся практическая сила.

Но при изображеніи внутренняго характера лица, при описаніи его духовнаго образа недостаточно знать внѣшнія черты его дѣятельности, хотя бы эта дѣятельность и поглощала собою все внутреннее существо личности и превышала обычный уровень человѣческаго представленія. Для изображенія полноты образа историкъ необходимо долженъ сдѣлаться психологомъ и, если только онъ желаетъ, чтобы историческая личность выдвинулась предъ его взоромъ живой и полной движенія. Характерное и повсюду замѣтное свойство Петра состоитъ въ томъ, что по свойству своего нетерпѣливаго характера, пылкой натуры, не умѣвшей ходить, а только бѣгать, онъ никогда не предается всецѣло предпринятому дѣлу, не доводитъ его до конца, не разработываетъ въ подробностяхъ. Предоставляя времени и другимъ лицамъ разработку того или другаго начатаго дѣла, онъ быстро переходитъ отъ одной сферы дѣятельности къ другой. Почти всѣ распоряженія великаго Преобразователя относительно внутренняго переустройства страны носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. Реформы вызывались въ головѣ Преобразователя минутою, предпринимались безъ всякаго раньше обдуманнаго, разработаннаго плана. Естественно, что при такомъ порядкѣ происхожденія реформъ въ той или другой сферѣ, каждая отдѣльная мѣра отнюдь не могла быть соображена и соотнесена съ цѣлымъ. Отъ того-то эти реформы и носятъ на себѣ такой грандіозный

---

[2]) Сбор. Импер. Р. Истор. Об. Письмо Лави къ Дюбуа т. 40-й, стр. 79-я, отъ 15-го Генв. 1720 г.

характеръ хаоса, разбирая который изслѣдователь чувствуетъ себя въ положеніи археолога, приступившаго къ изученію безпорядочно наваленной груды громадныхъ камней циклопическихъ древне-греческихъ построекъ или пирамидъ древняго Египта. Отъ того-то реформы эти и отличаются такою неполнотою и неясностію, отъ того-то онѣ и требовали для себя почти въ самое время своего появленія постоянныхъ поправокъ, измѣненій и пополненій. Такъ Петръ, благодаря чисто внѣшней случайности—своей отлучкѣ изъ столицы въ Прутскій походъ—учредилъ высшее правительствующее мѣсто для управленія страною и не снабдивъ сенаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не умѣли даже грамотѣ и не могли подписать подъ бумагою своей фамиліи, никакими инструкціями, съ неумолимою строгостію и безпощадностію хочетъ, чтобы Сенатъ вдругъ явился правильно устроеннымъ учрежденіемъ, и требуетъ отъ Сената всевозможнаго, начиная съ закупки нужныхъ для войны лошадей и розыска уклоняющихся отъ военной службы дворянъ и дворянскихъ дѣтей и кончая судомъ надъ церковными еретиками и назначеніемъ архіереевъ по епархіямъ [1]), твердя сенаторамъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что «имъ все теперь въ руки отдано», что они «вмѣсто Его Императорскаго Величества персоны», «что за всякую неумѣлость и неудачу» первѣе на нихъ взыщется. Нѣмецкій философъ Лейбницъ, для математическаго ума котораго дикая Россія естественно являлась въ качествѣ *tabula rasa* и представляла собою поприще для всевозможныхъ опытовъ, внушилъ Петру мысль, что коллегіальный административный строй есть наилучшій, потому что коллегія—часовой механизмъ, въ которомъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности, то стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія. И вотъ на мѣстѣ старыхъ Московскихъ приказовъ явились коллегіальныя учрежденія, устроенныя однообразно по проекту Лейбница. Явись на мѣсто Лейбница другой человѣкъ, подскажи Петру, что и въ механизмѣ колеса дѣйствуютъ не всегда правильно съ математическимъ вѣрнымъ разсчетомъ, и укажи въ замѣнъ коллегій что нибудь другое,—можетъ быть, коллегіальное устройство, вызванное чистою случайностію въ умѣ Петра, не было бы никогда осуществлено. Подъ вліяніемъ такой же чисто-внѣшней случайности (жалобнаго письма митрополита и мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, написаннаго по случаю царскаго приказа перенести ризиденцію мѣстоблюстителя изъ Москвы въ новоустроенную столицу Петербургъ),

---

[1]) См. книгу г-на Петровскаго о Сенатѣ при Петрѣ.

Петръ въ первый разъ высказалъ мысль объ учрежденіи Синода или коллегіи духовной и немедленно поручилъ дѣло этого учрежденія Псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу, знаменитому своему сподвижнику и наперснику. [1]) Мы отмѣчаемъ здѣсь лишь самыя крупныя и выдающіяся черты внутренней дѣятельности великаго Преобразователя. Въ добавленіе къ отмѣченнымъ чертамъ можно было бы присоединить еще то, что всѣ эти учрежденія, случайно явившись на свѣтъ, многократно подвергались видоизмѣненіямъ во все продолженіе царствованія ихъ творца, благодаря такимъ же случайнымъ причинамъ, благодаря тому, что, увлеченный кипучею преобразовательною дѣятельностію, пылкій и энергическій Преобразователь допускалъ промахи и несообразности въ своихъ распоряженіяхъ и многое, по его же собственнымъ неоднократно повторяемымъ словамъ, «не смотря дѣлалъ».

Если мы присмотримся къ болѣе мелкимъ реформамъ Петра и законодательнымъ его распоряженіямъ, то увидимъ, что всѣ они отличаются тѣми же свойствами, тѣмъ же характеромъ. Двадцать пять лѣтъ царствованія проходятъ въ непрерывномъ, почти ежедневномъ изданіи законовъ, составившихъ изъ себя многотомную библіотеку въ наслѣдіе потомкамъ. Нужно имѣть баснословную память Митридата или Сенеки, чтобы изучить ихъ. Но современный юристъ, перечитавши многотомные фоліанты Петровскихъ законодательныхъ распоряженій, много-много если три или пять изъ нихъ отнесъ бы къ разряду законовъ въ собственномъ смыслѣ. Они всѣ скорѣе похожи на обычныя правительственныя распоряженія по текущимъ дѣламъ, чѣмъ на обязательные для вѣрноподданныхъ царя законы. Современники Преобразователя лучше насъ понимали ихъ въ этомъ смыслѣ, сколько можно судить по своеобразному отношенію ихъ къ этимъ распоряженіямъ. При всемъ обиліи указовъ Петровскаго времени и разнообразіи ихъ, насъ въ настоящее время поражаетъ одно въ нихъ явленіе— частое повтореніе однихъ и тѣхъ же. Мы поймемъ это на первый взглядъ непонятное и даже,—при извѣстномъ знаніи натуры Преобразователя, —прямо странное явленіе, если узнаемъ, какъ относились къ законодательнымъ распоряженіямъ Петра. Въ это время никто и никогда обыкновенно не слушался первыхъ указовъ. Сенаторы, люди стоявшіе, такъ сказать, у кормила правленія, и тѣ никогда не брались за дѣло по полученіи перваго указа отъ царя, а ждали всегда втораго и третьяго. Епархіальнымъ архіереямъ по поводу одного и того

---

[1]) Смотри объ этомъ наше изслѣдованіе Духов. Регламентъ въ связи съ преобразов. дѣят. Петра Великаго. Москва 1886 г.

же дѣла нужно было напоминать по нѣскольку разъ и писать распоряженія «съ великимъ прикрѣпленіемъ»—угрозою. При обиліи указовъ, къ нимъ, естественно, привыкали относиться хладнокровно: забывали ихъ и тѣ кто писалъ ихъ, и къ кому они писались, а чаще всего—прямо пропускали мимо ушей. Отсюда и чисто-драконовская строгость весьма многихъ Петровскихъ указовъ, поражающая собою гуманный взглядъ современныхъ законодателей. При взглядѣ на нихъ невольно удивляешься, какъ Монархъ, вообще столь заботливый о благѣ своихъ подданныхъ, пренебрежительно относится къ жизни послѣднихъ. За все, за каждый, повидимому, самый незначительный проступокъ—побои, плѣть, Сибирь, ссылка въ рудники на галеры и каторгу, по предварительномъ правежѣ, поднятіе на дыбу, вырѣзываніе ноздрей, ушей и языка. За порубку корабельнаго дерева въ самой лѣсистой въ тогдашнее время мѣстности Воронежской или Архангельской губерніи, въ извѣстномъ разстояніи отъ сплавной рѣки—смертная казнь, какъ (хотя бы даже и за справедливое неповиновеніе Сенату) за убійство, разбой, казнокрадство и т. п. Говорятъ, что Петръ сказалъ однажды генералъ-прокурору Сената Ягужинскому *): «напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ немедленно повѣшенъ». Читая въ настоящее время эти строгіе указы Петра, рѣшительно недоумѣваешь, чтò въ глазахъ Преобразователя было цѣннѣе, высокая ли стройная ель или жизнь гражданина его государства. Кровавыя времена Русской Правды по крайней мѣрѣ знали денежный тарифъ преступленіямъ. Намъ думается, что еслибы грозный царь Иванъ Васильевичъ всталъ изъ гроба и сталъ въ разрядъ современниковъ Петра, хоть бы даже и въ періодъ послѣдняго десятилѣтія его царствованія, онъ навѣрное бы, опершись на свой остроконечный посохъ и выглядывая изъ подлобья, произнесъ своимъ суровопронзительнымъ голосомъ: «не осуждай злыхъ, да не осудятъ тя»...

Но да не подумаетъ читатель, что, характеризуя этими чертами дѣятельность Преобразователя, мы имѣемъ намѣреніе умалить ея значеніе или очертить высокую личность Петра Великаго оскорбительными для ея величія штрихами и красками. Отнюдь нѣтъ! Величественно-грандіозный образъ Преобразователя Россіи слишкомъ высокъ и недосягаемъ для того, чтобы наше слабое перо въ состояніи было что нибудь отнять отъ него или прибавить къ нему. Наша цѣль—возможно ближе уяснить себѣ внутренній душевный строй Преобразователя, и только для достиженія ея мы позволили себѣ коснуться анализа

*) Соловьевъ, Публ. Чт. о П. Вел., стр. 106.

свойствъ его дѣятельности. А этотъ анализъ ясно показываетъ, что Петръ Великій, мощный представитель своего народа въ самую тяжелую, какъ мы знаемъ, эпоху его духовнаго роста, уже и здѣсь, въ самыхъ свойствахъ и пріемахъ своей дѣятельности, есть полный выразитель и носитель современныхъ ему свойствъ духа народнаго. Не забудемъ, что время Петра, какъ всякая переходная эпоха, было временемъ особеннаго, чрезвычайнаго напряженія и поднятія силъ народнаго духа, которое подготовлено было гораздо раньше Петра. Вѣдь преобразованія, какъ показываетъ болѣе глубокое изученіе Петровскихъ реформъ, начались во многихъ сферахъ и областяхъ жизни задолго еще до него; а тамъ, гдѣ этого не было, необходимость ихъ внушительно подсказывалась Петру прошлою исторіею страны и предшествовавшею правительственною дѣятельностію. Общественное настроеніе въ такія эпохи всегда характеризуется особенною лихорадочностью и нервозностью. Въ подобныя времена очень не рѣдко, какъ показываетъ исторія, вырабатывается своеобразный типъ людей живыхъ, проворныхъ, расторопныхъ, смѣтливыхъ и сообразительныхъ, которые на глазъ сторонняго наблюдателя не живутъ, а горятъ душевною жизнію. Духъ времени, общее теченіе тогдашней жизни безъ сомнѣнія выдвигало изъ среды Петровскаго общества немало людей полныхъ энергіи и ревности, готовыхъ послужить на общественную пользу. Мы часто въ настоящее время дивимся пресловутому умѣнью великаго Преобразователя окружать себя людьми подходящими для его цѣлей, умѣло выбирать ихъ. Но при этомъ мы всегда забываемъ, что какимъ бы даромъ духовной проницательности ни обладалъ Преобразователь, одной ея безъ сомнѣнія чрезвычайно мало для этой цѣли. Умѣлыхъ сотрудниковъ, сторонниковъ и защитниковъ реформы, конечно, не съумѣла-бы отыскать и на самомъ дѣлѣ широкая проницательность Петра, еслибы ими не была обильна тогдашняя среда. Носители идей ветхозавѣтной теократіи, Іудейскіе пророки, облечены были божественными, сверхъестественными силами духа и, не смотря на это, въ эпохи крайняго развращенія народа, должны были съ болѣзненною горечью въ сердцѣ сознаваться, что на землѣ «оскудѣлъ преподобный», котораго они повсюду тщательно искали.

Такъ, великій реформаторъ Русскаго народа, явившись его вождемъ въ крайнюю эпоху напряженія его духовныхъ силъ, воплотилъ и воспринялъ всѣ тѣ инстинкты и стремленія, которые существовали въ тогдашней лучшей части этого народа и заставляли биться пульсъ народной жизни. Онъ понялъ это духовное стремленіе общества своего времени, это неопредѣленное броженіе и противорѣчивый внутренній разладъ тогдашней жизни. Онъ тѣсно сплотился съ лучшими силами (хоть

и единичными) тогдашняго общества и энергично повёлъ народъ къ той цѣли, которая смутно чувствовалась въ его еще неясныхъ стремленіяхъ. Онъ самъ становится въ ряды своихъ подданныхъ, замѣшивается въ толпу ихъ, какъ простой работникъ, подавая имъ во всёмъ примѣръ, уча ихъ неустанной работѣ. При тогдашнемъ внутреннемъ нестроеніи, разрозненности государственной жизни, требовавшей для себя всесторонняго обновленія, ему, естественно, не было возможности всецѣло отдаться какому нибудь одному, излюбленному дѣлу. Дѣла было такъ много, что не успѣешь на спѣхъ распорядиться объ одномъ, предстоитъ тысяча другихъ «зѣло нужныхъ» дѣлъ, и нужно спѣшить ихъ передѣлать; а сотрудники вмѣсто того, чтобы помогать и облегчать труды правителя, «во всёмъ зѣло раку подобятся». Всюду обманъ, хитрость, воровство, непробудная лѣнь и безпечность. Какъ здѣсь, при такомъ положеніи дѣлъ, не быть строгимъ и раздражительнымъ?.. Вѣдь строгій и всевластный Петръ вообще всегда уважалъ нравственное величіе въ другихъ и умѣлъ сдерживаться имъ; какъ бы онъ ни былъ раздраженъ, онъ умѣлъ всегда преклониться предъ подвигомъ гражданскаго мужества, предъ рѣзкимъ, но правдивымъ словомъ подданнаго, которое противорѣчило его собственному взгляду. Но тамъ, гдѣ онъ видѣлъ явную ошибку, злонамѣренность, преступленіе, тамъ онъ уже не сдерживался, выходилъ изъ себя, становился свирѣпъ, употреблялъ матеріальныя средства для прекращенія зла и вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность; тамъ онъ схватывался съ человѣкомъ, какъ съ личнымъ врагомъ своимъ, и позволялъ себѣ терзать его...

Если въ свойствахъ своей дѣятельности великій Преобразователь Россіи выступаетъ предъ нами съ отличительными особенностями свойствъ народнаго духа, то еще болѣе является онъ такимъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, поскольку можно отмѣчать ихъ помимо проявленія ихъ въ дѣятельности. Если въ наши дни не рѣдко встрѣчаются въ высокопоставленныхъ, даже титулованныхъ, семействахъ, лица, которыхъ такъ называемая цивилизація только прикрываетъ, не проникая глубоко въ ихъ природу, у которыхъ она служитъ только лоскомъ, который сходитъ при первомъ нравственномъ потрясеніи и тогда обнаруживаетъ истинную, т.-е. животную, натуру съ ея дикими инстинктами и разнузданными страстями, возвращающуюся къ варварству какъ къ чему-то для нея родному: то, что̀ сказать о Петрѣ Великомъ, какъ представителѣ народа въ то грубое и дикое время?.. Карлейль гдѣ-то замѣтилъ, что «цивилизація есть только оболочка, подъ которою дикая натура человѣка можетъ горѣть вѣчнымъ адскимъ огнемъ». Должная почтительность къ высокой личности Преобразователя не позволяетъ намъ останавливаться на изображеніи внутрен-

наго существа его натуры съ ея страстями и инстинктами, какъ на предметѣ наименѣе способномъ усилить блескъ всѣхъ украшающихъ его особу великихъ качествъ; но мы не можемъ не привести здѣсь дословно живаго изображенія послѣднихъ минутъ жизни Петра Великаго, изложеннаго Кампредономъ въ письмѣ къ графу Морвито. Доселѣ наши историки избѣгали говорить объ этомъ предметѣ, могущемъ коечто прибавить къ историческому объясненію личности Преобразователя. Письмо это помѣчено 10-го Февраля н. ст. 1725 года. Вотъ оно:

«Ваше сіятельство. Изъ прежнихъ писемъ моихъ вамъ извѣстенъ весь измѣнчивый ходъ болѣзни Царя. Въ письмѣ отъ 3-го числа я имѣлъ честь сообщить в. с., что есть нѣкоторая надежда (т. е. на выздоровленіе Петра). 6-го я доносилъ о постигшемъ Монарха повторительномъ припадкѣ и объ опасности, коей подвергается его жизнь. 8-го послалъ дубликатъ этого донесенія, вмѣстѣ съ донесеніемъ о послѣдовавшей въ 5 ч. утра того дня кончинѣ Царя. Это письмо послано мною чрезъ Стокгольмъ, такъ какъ Шведскій посланникъ увѣрилъ меня, что имѣетъ вѣрный случай отправить курьера черезъ Финляндію, несмотря на бдительный надзоръ за всѣми заставами и на временную пріостановку почтоваго движенія. Такимъ образомъ мною сдѣлано все возможное для скорѣйшаго сообщенія в. с. этого печальнаго извѣстія. Но, не будучи увѣренъ, что мои усилія въ этомъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ, беру смѣлость еще разъ доложить въ точности обо всѣхъ наиболѣе интересныхъ событіяхъ, происшедшихъ здѣсь съ той минуты, какъ болѣзнь Царя признана была опасной до сегодня.

Источникомъ болѣзни послужилъ, какъ я уже и сообщалъ в. с., застарѣлый и плохо вылѣченный сифилисъ. (Elle provenait, ainsi que j'ai eu l'honneur, monseigneur, de vous marquer, d'un reste de vieux mal vénérien mal guéri).

Такъ какъ Монархъ былъ столь же нетерпѣливъ, сколько и дѣятеленъ, то врачи его, господа Блументросты (messieurs Bloumentrost), при первыхъ припадкахъ, прописывали ему лишь слабыя, временно облегчающія средства. Очень возможно, что невѣжество, въ которомъ нельзя не заподозрить этихъ врачей, было главной причиной той легкости, съ какой Царь самъ относился къ своей болѣзни, воображая, будто всегда нѣсколько облегчавшія его минеральныя воды могутъ вполнѣ уничтожить внутренній ядъ. Между тѣмъ, опытъ доказалъ, что онѣ, напротивъ, приносили вредъ, особенно потому, что Царь послѣдовательно принималъ Олонецкія и Пирмонтскія воды зимою, въ самые сильные морозы. Вслѣдствіе всего этого Монархъ все похварывалъ съ самаго возвращенія своего изъ Ладоги; дѣлами онъ занимался мало, хотя и выхо-

дилъ и выѣзжалъ по обыкновенію. Въ ночь съ 20-го на 21-е Генваря съ нимъ сдѣлался жестокій припадокъ задержанія мочи (il fut attaqué d'une rétention d'urine très-violente). Ему дали обычныя употребляемыя въ такихъ случаяхъ лѣкарства и черезъ нѣсколько дней объявили, что всякая опасность прошла. Однакожъ призвали на совѣтъ нѣсколькихъ врачей и между прочимъ нѣкоего весьма свѣдущаго Итальянца, по имени Азарити (nommé Azzariti). Когда ему объяснили причину болѣзни Царя, онъ призналъ ее излѣчимой, если послѣдуютъ предлагаемому имъ способу лѣченія. А именно: извлекутъ изъ мочеваго пузыря застоявшуюся и гніющую въ немъ урину (de dégager la vessie de l'urine), чѣмъ предупредится воспаленіе, а за тѣмъ, посредствомъ лѣкарства, пользу котораго врачъ этотъ многократно извѣдалъ на опытѣ, примутся за излѣченіе язвочекъ, покрывающихъ, по общему мнѣнію врачей, шейку мочеваго пузыря. Блументросты отвергли сначала совѣтъ, поданный не ими, и продолжали свое пальятивное лѣченіе, такъ что до утра Субботы, 3-го числа того мѣсяца, положеніе Царя нисколько не улучшилось. Къ вечеру этого дня ему стало хуже, а ночью съ нимъ сдѣлались такія судороги, что всѣ думали, онъ не перенесетъ ихъ. За судорогами послѣдовалъ сильный поносъ, а въ Воскресенье утромъ замѣтили, что урина издаетъ сильный гнилостный запахъ.

Итальянскій врачъ обратилъ на это вниманіе прочихъ врачей и снова сталъ настаивать на необходимости извлечь урину изъ мочеваго пузыря. Тѣмъ не менѣе это отложили до слѣдующаго дня, и только въ десять часовъ утра хирургъ Англичанинъ, по имени Горнъ (Horn), удачно сдѣлалъ эту операцію. Извлечено было до четырехъ фунтовъ урины (de quatre livres), но уже страшно вонючей и съ примѣсью частицъ сгнившаго мяса и оболочки пузыря. Однако Царь все же почувствовалъ облегченіе. Онъ проспалъ нѣсколько часовъ, и по городу разнесся слухъ, что всякая опасность миновала. Ночь съ Понедѣльника на Вторникъ прошла довольно спокойно, но часовъ въ десять утра, когда Царь попросилъ поѣсть и проглотилъ нѣсколько ложечекъ поданной ему овсянки, съ нимъ тутъ же сдѣлался сильный пароксизмъ лихорадки. Тогда-то всѣ поняли, что у него начался Антоновъ огонь и что, слѣдовательно, нѣтъ болѣе никакой надежды. Ни одинъ изъ врачей не осмѣливался сообщить это извѣстіе Царицѣ. Но когда Толстой спросилъ Азарити, тотъ сказалъ ему, что если для блага государства нужно принять какія нибудь мѣры, то пора приступить къ нимъ, ибо Царю недолго уже остается жить. Дѣйствительно, въ ночь со Вторника на Среду съ нимъ опять сдѣлались судороги, послѣ чего наступилъ бредъ, во время котораго онъ все го-

ворилъ, что принесъ свою кровь въ жертву. Въ бреду онъ, несмотря на усилія окружавшихъ его, вскочилъ съ постели и приказывалъ отворить окно, чтобъ впустить свѣжаго воздуха, но тотъ часъ же упалъ въ обморокъ, и его снова уложили въ постель. Съ этой минуты и до самой кончины своей онъ, можно сказать, не выходилъ болѣе изъ состоянія агоніи. Говорить онъ почти не могъ, не могъ сдѣлать и никакихъ распоряженій. О завѣщаніи ему и не напоминали, отчасти, можетъ быть, изъ боязни обезкуражить его этимъ, какъ предвѣщаніемъ близкой кончины, а можетъ быть и потому, что Царица и ея друзья, зная и безъ того желанія умирающаго Монарха, опасались, какъ бы слабость духа, подавленнаго бременемъ страшныхъ страданій, не побудила его измѣнить какъ нибудь свои прежнія намѣренія...

.... Въ теченіи болѣзни онъ сильно упалъ духомъ и выказалъ даже мелочную боязнь смерти, но въ тоже время и искреннее раскаяніе. По его нарочитому повелѣнію освободили всѣхъ заключенныхъ за долги, бо̀льшую часть коихъ онъ приказалъ выплатить изъ лично ему принадлежащихъ суммъ. Прочихъ заключенныхъ и всѣхъ каторжниковъ, кромѣ убійцъ и государственныхъ преступниковъ, онъ также приказалъ освободить; повелѣлъ молиться о немъ во всѣхъ церквахъ, не исключая и иновѣрныхъ, и причащался три раза въ теченіе одной недѣли. Царица все это время почти не отходила отъ него и сама закрыла ему ротъ и глаза третьяго дня, 8-го числа сего мѣсяца, въ 5 часовъ утра. Со вчерашняго дня тѣло Монарха выставлено на парадномъ катафалкѣ, во дворцѣ, куда всѣмъ дозволяется входить и цѣловать руку покойника. Горе по случаю смерти Царя всеобщее, и можно по всей справедливости сказать, что его такъ же глубоко оплакиваютъ въ гробу, какъ уважали и боялись на престолѣ. И дѣйствительно, только его мудрому правленію и его непрестаннымъ заботамъ о распространеніи гражданственности въ средѣ своего народа обязаны мы той безопастностью, которой пользуемся теперь здѣсь. До сихъ поръ ни войска, ни простой народъ не проявили ни малѣйшаго признака какого либо движенія, кромѣ порывовъ общей горести. Еще неизвѣстно, когда будутъ совершены похороны, и дворъ не извѣщалъ еще иностранныхъ министровъ о наложеніи траура» [1])...

Николай Кедровъ.

1887 г. Февраля 20-го.

---

[1]) Сбор. Имп. Р. Истор. Общ. Т. 52-й. 1886 г. стр. 433—437.

ПОДПИСКА
НА

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей: для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются тамъ же, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1887

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФИНИ ЭДЕЛИНГЪ

УРОЖДЕННОЙ СТУРДЗЫ.

Съ неизданной Французской рукописи *).

Наконецъ мы оставили Баденскую землю, съ мыслію не возвращаться въ нее болѣе. Что̀ до меня лично, то я покидала въ ней друзей, которые сдѣлались мнѣ до̀роги и съ которыми я завела постоянную переписку для взаимнаго утѣшенія въ разлукѣ. До прибытія Государя въ Вѣну мы должны были провести нѣсколько недѣль въ Мюнхенѣ. Этотъ дворъ я уже знала; онъ не представлялъ ничего привлекательнаго [1]. Жить въ Мюнхенѣ непріятно. Природа довольно печальная, общества въ то время не было никакого. Король, нѣкогда принцъ Максъ, своею особою и направленіемъ ума своего могъ служить образцикомъ стараго развратника XVIII вѣка. Королева жила сплетнями, и дворъ ихъ, за немногими исключеніями, состоялъ изъ перестарковъ, утратившихъ и внутреннее достоинство, и внѣшнюю привлекательность. Мы снова встрѣтились съ принцемъ Евгеніемъ. Ненавидимый

*) См. выше, стр. 194 и 289.

[1]) Напомнимъ читателю, что бывшій герцогъ Цвейбрюкенскій Максъ († 13 Окт. 1825), милостью Наполеона сдѣлавшійся въ 1805 году первымъ королемъ Баварскимъ, женатъ былъ два раза и отъ перваго брака съ принцессою Дармштатской († въ Мартѣ 1796) имѣлъ двухъ дочерей: 1) младшую Шарлотту, которая въ 1808 году вышла за тогдашняго наслѣднаго принца Виртембергскаго (будущаго супруга Екатерины Павловны), но немедленно съ нимъ разъѣхалась и уже въ 1816 году сдѣлалась императрицею Австрійскою (четвертою женою императора Франца), и 2) старшую Августу съ 1806 года супругу принца Евгенія Богарне, мать нашего герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго. Въ 1797 году Максъ женился вторично на принцессѣ Баденской Каролинѣ, родной сестрѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

королевою, онъ спасался отъ ея недоброжелательста въ Русскомъ обществѣ, въ которомъ я пользовалась общимъ довѣріемъ. Черезъ это удалось ему избѣжать нѣкоторыхъ непріятностей; мнѣ же приходилось имѣть изъ за него многія. Черезъ нѣсколько недѣль по прибытіи нашемъ въ Мюнхенъ, потянулся въ Вѣну долгій поѣздъ королей, принцевъ, министровъ и депутатовъ всякаго разбора. Все это ѣхало туда съ надеждами и опасеніями, часто вполнѣ противорѣчивыми. Польщенные допущеніемъ къ непосредственному участію въ только-что окончившихся военныхъ дѣйствіяхъ, народы ожидали чрезвычайныхъ перемѣнъ и небывалаго до сихъ поръ благополучія; мелкіе владѣтели помышляли исключительно о сохраненіи своихъ правъ и расширеніи владѣній, между тѣмъ какъ первенствующія лица союза готовились насладиться торжествомъ своимъ въ этомъ царственномъ сборищѣ и обольщались увѣренностью, что ихъ подданные раздѣлятъ съ ними это чувство самодовольства.

Мы покинули Мюнхенъ, чтобы присутствовать на этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ. Переходъ былъ очень пріятенъ; погода стояла еще прекрасная; мы ѣхали не торопясь, по самымъ живописнымъ мѣстамъ, останавливаясь ночевать въ монастыряхъ, этихъ памятникахъ великолѣпія прежнихъ временъ. Мѣстоположеніе одного аббатства поразило насъ: высокая гора, въ причудливыхъ очертаніяхъ своихъ, изображала человѣческое лицо, напоминавшее злополучнаго Людовика XVI-го. Сходство было до того сильно, что мы думали видѣть передъ собою исполинскій слѣпокъ съ медали этого государя. Монахи разсказывали намъ, что Марія-Антуанета, ѣдучи во Францію для бракосочетанія съ дофиномъ, также провела ночь у нихъ въ аббатствѣ, и ей указывали на эту необыкновенную игру природы. Сердце у меня сжалось; я какъ будто услышала привѣтъ трапистовъ.

Наконецъ, Вѣна показалась нашему любопытству. Императрица ѣхала позади насъ, и мы были очень довольны, что спаслись отъ церемоніальностей. Дворецъ поразилъ меня впечатлѣніемъ какого-то величія, хотя въ немъ не было роскоши и показнáго убранства. Насъ помѣстили очень плохо; но при Вѣнскомъ дворѣ вообще не заведено никакихъ притязаній, и мы помирились съ небогатою обстановкою, тѣмъ болѣе что въ остальныхъ подробностяхъ матеріальнаго быта у насъ было всего вдоволь. Пришлось начинать тамошнюю жизнь рядомъ представленій и посѣщеній. Эту скуку облегчили намъ пестрота лицъ и въ особенности умъ и любезность Австрійской императрицы [*]).

[*]) Это была третья жена Австрійскаго императора, Марія Людовика Есте, женитьбою на которой въ 1808 году онъ разстроилъ планы нашей императрицы Маріи Өеодоровны, настоятельно желавшей выдать за него прекрасную дочь свою Екатерину Павловну (см. письма о томъ князя А. Б. Куракина, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869, стр. 385). П. Б.

Она родилась въ Италіи, которая одарила ее живостью и утонченностью. Казалось, что въ ней сильною и возвышенною душею подавлено крошечное и до чрезвычайности слабое тѣло; но эта душа со всею своею силою сказывалась въ ея прекрасныхъ черныхъ глазахъ и очаровательной улыбкѣ, озарявшей словно молніей поблекшія отъ страданія черты лица ея. Она хозяйничала въ Вѣнѣ со свойственной лишь ей одной вѣжливостью и любезностью; супругъ ея оставался совершенно чуждъ происходившему вокругъ него и посреди всяческаго волненія и шума сохранялъ то добродушное спокойствіе, которымъ такъ долго не могли нахвалиться его народы. Тогда еще не прошла пора обольщеній, и признаюсь, я не могла удержаться отъ смѣха, когда мнѣ доводилось быть свидѣтельницею восторговъ Вѣнскаго населенія во время публичной церемоніи при появленіи этой печальной фигуры. Надо сказать, что какъ ни странна была наружность императора Франца, но что-то обличало въ немъ внука Маріи-Терезіи. Естественность при такомъ положеніи всегда свидѣтельствуетъ о высокомъ происхожденіи, тогда какъ театральность, суетливость, либо рѣзкость изобличаютъ выскочку.

Прусскій король, котораго я прежде видѣла въ Петербургѣ смиреннымъ и подавленнымъ, съ буклями и съ Прусскою косою, теперь ходилъ поднявъ голову, причесанную à la Titus и въ красивомъ гусарскомъ мундирѣ. Король Виртембергскій [3]) всѣхъ удивлялъ чудовищною дородностью: животъ у него какъ будто складками спускался къ колѣнамъ. Датскій король напоминалъ собою альбиноса. Не зная обычаевъ и пріемовъ большаго Европейскаго общества, онъ былъ всегда неловокъ и иной разъ просто невозможенъ въ этихъ блистательныхъ собраніяхъ. Гессенскій курфирстъ, про котораго ходили страшные разсказы и на лицѣ у котораго было что-то въ родѣ рака, возбуждалъ общее отвращеніе. Не стану говорить о толпѣ другихъ государей, игравшихъ печальную, приниженную роль и позабывшихъ, что имъ слѣдовало остаться дóма: немного нужно было размышленія, чтобы понять, какъ много потеряютъ они во мнѣніи своихъ подданныхъ, становясь въ разрядъ царедворцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, они казались таковыми, особенно въ присутствіи Русскаго императора, который, никогда не придавая важности этикету, гораздо больше оказывалъ вниманія какому нибудь Швейцарскому гражданину или хорошенькой

---

[3]) Первый, милостью Наполеона, король Виртембергскій, старшій братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и свекоръ Екатерины Павловны, выгнанный Екатериною Великою изъ Русской службы за злоупотребленія. П. Б.

Вѣнской женщинѣ или принцу Евгенію, нежели всѣмъ этимъ Германскимъ владѣтелямъ. Я не оправдываю Императора: ему конечно слѣдовало поступать иначе, потому что народы имѣютъ право требовать уваженія къ тѣмъ, кто ими управляетъ, и этимъ неблагоразуміемъ онъ нажилъ себѣ недоброжелателей. Изъ гордости они не заявляли про настоящую причину своей вражды и твердили только о страхѣ, внушаемомъ силою и честолюбіемъ Россіи.

Императоръ Александръ, столь важный и недоступный въ обращеніи съ царственными лицами, расточался въ вѣжливости передъ женщинами и въ дружественномъ вниманіи къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ удостоивалъ своей благосклонности. На другой день по пріѣздѣ нашемъ я его видѣла у Императрицы, когда она одѣвалась, и нашла, что онъ по прежнему ко мнѣ милостивъ. Но мнѣ непріятно было слышать, какъ онъ шутилъ надъ мнимыми успѣхами Ипсилантія у принцесы Стефаніи (Императрица поторопилась передать ему эту сплетню). Я отвѣчала съ горячностью и достоинствомъ, довольно сухо отнесшись къ его шуткамъ и распространилась въ похвалахъ принцессѣ, которыхъ по моему мнѣнію она заслуживала. Государь спохватился и почувствовалъ, что ошибается; уваженіе, удовлетвореніе и кротость разлились по благородному лицу его. Я высказала правду не обинуясь и свободно, потому что никогда не чувствовала стѣсненія въ разговорѣ съ нимъ: довѣріе, которое онъ мнѣ внушалъ, всегда вызывало меня на полную откровенность.

Въ Вѣнѣ, къ великому моему счастію, я снова увидѣлась со своими. Батюшка, все еще очень слабый, показался мнѣ менѣе прежняго удрученъ болѣзнью. При сестрѣ находилась подруга ея дѣтства, ввѣренная попечительству моей матери, любезная молодая особа, очаровательная въ непорочной веселости своей. Причисленный къ Вѣнскому посольству братъ мой былъ доволенъ своимъ положеніемъ и ждалъ случая, чтобы начальство оцѣнило его. Къ намъ пріѣхалъ Ипсиланти. У насъ собирались многіе Греки, замѣчательные своимъ патріотизмомъ и дарованіями. Мнѣ было весело очутиться вновь посреди соотечественниковъ, которые въ свою очередь радовались моему положенію въ свѣтѣ.

Незначительный случай подалъ имъ поводъ возымѣть высокое понятіе о милости ко мнѣ Государя. Греки, подданные Турціи, имѣютъ въ Вѣнѣ прекрасную церковь, основанную однимъ изъ моихъ предковъ. Она содержалась на средства общины, для которой, по восточному обычаю, служила мѣстомъ совѣщаній по дѣламъ управленія. Меня просили, чтобы я пригласила туда Государя въ Воскресенье къ обѣднѣ. Я сказалъ ему о томъ, и онъ тотчасъ съ отмѣнною добротою

согласился. Обыкновенно Государь и Государыня ѣздили въ церковь вмѣстѣ, сопровождаемые своими придворными и тѣми лицами, которыя назначены были отъ Австрійскаго императора къ ихъ услугамъ. Общественное изъявленіе участія и вниманія къ единовѣрцамъ могло польстить ихъ надеждамъ и оживить ихъ привязанность къ Россіи, и потому графу Траутмансдорфу, оберъ-гофмейстеру Вѣнскаго двора, поручено было постараться, чтобы это посѣщеніе Греческой церкви не состоялось. Онъ обѣщалъ Грекамъ, подданнымъ Австрійскимъ, что императоръ Александръ будетъ къ нимъ въ церковь; но это не было въ нашемъ разсчотѣ: намъ хотѣлось, чтобы Русскій Государь помолился вмѣстѣ съ несчастными Греками, находившимися подъ Оттоманскимъ игомъ. Я обратилась къ князю Клари, который былъ мнѣ вполнѣ преданъ, и увѣрила его, что мнѣ въ особенности дорога̀ наша церковь, такъ какъ ее основалъ одинъ изъ моихъ предковъ. Сочтя мои настоянія простою причудою и не давая цѣны внушеніямъ князя Траутмансдорфа, князь Клари велѣлъ придворнымъ каретамъ слѣдовать по указанному мною направленію, и даже самъ поѣхалъ впередъ, чтобы вѣрнѣе исполнить мою просьбу. Всѣ Греки тотчасъ собрались въ нашу церковь. Александръ прибылъ туда съ супругою и со всѣмъ дворомъ. Это была минута счастія для злополучныхъ Грековъ, и воображенію ихъ представлялся августѣйшій ихъ покровитель уже въ храмѣ Святой Софіи. По странному случаю, именно въ этотъ день пріѣхалъ изъ Швецаріи Каподистрія; онъ также былъ въ церкви съ княземъ Ипсиланти. Я какъ теперь гляжу на это необыкновенное собраніе. Направо стоялъ Государь со своими придворными, Русскими и иностранцами; налѣво Греческая община, и во главѣ ея невзначай прибывшіе Каподистрія и Ипсиланти. Лица ихъ, въ равной степени прекрасныя и романическія, съ необыкновенно правильными очертаніями и съ выраженіемъ грусти (почти всегдашней спутницы этой правильности), казалось, возвѣщали собою и бѣдствія, и будущія судьбы Греціи. По окончаніи богослуженія, при выходѣ изъ церкви, Государь былъ привѣтствуемъ единодушными пожеланіями здравія и неумолкаемыми кликами, раздававшимися по всей улицѣ. Это его тронуло. Онъ безъ сомнѣнія думалъ и объ Австрійской зависти, и о тѣхъ надеждахъ, которыя притомъ питались. Онъ громко выразился, что побранитъ меня и что я виновница всего этого шума. Между тѣмъ онъ не сказалъ мнѣ ни слова, изъ чего я заключила, что онъ дѣйствительно былъ недоволенъ.

Съ тѣхъ поръ все имѣвшее отношеніе къ великому дѣлу Греческаго освобожденія причиняло ему непріятную тревогу, словно предчувствовалъ онъ, что этимъ дѣломъ будетъ отравленъ конецъ его жизни. Что̀ до меня, то я была счастлива тѣмъ, что въ первый разъ услышала радост-

ныя восклицанія моихъ соотечественниковъ: я также предчувствовала будущее, но предчувствовала съ восторгомъ. Россія въ то время торжествовала и была покрыта славою; судьбы ея не внушали никакого опасенія, и потому мои сердечныя заботы перенеслись на угнетенную, изнемогавшую Грецію. Я старалась узнать, какъ думаетъ о томъ Государь и, пользуясь его милостью, однажды попросила его прочитать внимательно записку, которая была мнѣ ввѣрена и въ которой говорилось о Греческой свободѣ. Ее написалъ мой братъ, но я не сочла удобнымъ назвать его. Когда Государь отдавалъ мнѣ ее назадъ, я замѣтила, что онъ былъ въ очень печальномъ настроеніи. «Кому бы не хотѣлось ускорить это освобожденіе?» сказалъ онъ мнѣ; «но время къ тому не пришло еще». Я не настаивала, также полагая, что еще далека роковая минута.

Графъ Каподистрія не раздѣлялъ радости моей, Ипсилантія и другихъ друзей моихъ по поводу праздника въ нашей церкви. Онъ даже выразилъ мнѣ свое неудовольствіе. Ежедневно видаясь со мною у моей матери, онъ не только не показывалъ мнѣ участія, котораго я была въ правѣ ожидать, судя по его письмамъ, но если и говорилъ со мною, то всякій разъ съ непонятною рѣзкостью. Я отвѣчала ему кротко, либо отдѣлывалась молчаніемъ. Но въ одинъ день онъ подалъ мнѣ перстень, на которомъ вырѣзана бабочка (символъ души), сгарающая на свѣчкѣ. Я приняла подарокъ, но объясненія не просила. Сердце мое было оскорблено, и я смутно постигала происходившее въ этой гордой и недовѣрчивой душѣ. Мое уваженіе къ нему отъ того усилилось; но я сама была слишкомъ горда, чтобы стараться разубѣдить его.

Между тѣмъ Государь былъ отмѣнно радъ пріѣзду графа Каподистріи и поручилъ ему руководить совѣтами или, вѣрнѣе, опекать графа Разумовскаго, который назначенъ былъ засѣдать на конгрессѣ. Графъ Каподистрія, зная дарованія моего брата и нуждаясь въ помощникѣ для обработки бумагъ, пригласилъ его къ себѣ въ секретари, и такимъ образомъ образовалась счастливая для обоихъ связь, длившаяся многіе годы. Геній Каподистріи и могущество Россіи обрѣли себѣ новое орудіе въ блистательномъ перѣ моего брата. Государь былъ въ восторгѣ: ему никогда не могла наскучить дипломатическая работа, поведенная совершенно на иной ладъ. Противники почувствовали по самому ходу переговоровъ, что имѣютъ дѣло съ людьми сильными и удвоили свою бдительность и ревнованіе. По свойственной Рускимъ людямъ воспріимчивости графъ Разумовскій отлично усвоилъ и выдержалъ предписанную ему роль на совѣщаніяхъ, куда онъ являлся всякій разъ вмѣстѣ съ Каподистріей, который безъ труда и скоро снис-

калъ его расположеніе, потакая его самолюбію и оказывая ему мелочные знаки уваженія, такъ что между ними водворилось полное согласіе, столь необходимое для успѣха порученныхъ имъ переговоровъ. Графъ Нессельроде и графъ Стакельбергъ тоже были тутъ, но только для виду. Я же была такъ довольна, что Государю хорошо служатъ и что оцѣнены достоинства моего брата, что забывала о всемъ прочемъ, предоставляя времени выяснить, насколько мои собственныя достоинства должны быть уважены. Однако, разговаривая съ Каподистріей, я ему сказала однажды, что не желаю никакихъ объясненій по поводу его писемъ, желанія моей семьи и друзей и толковъ въ обществѣ относительно нашего брака, а предлагаю ему дружбу мою, какъ сестра, а отъ него прошу братскаго чувства, завѣривъ при томъ, что будущность моя вовсе меня не заботитъ, и что во всякомъ случаѣ я не выйду за мужъ въ Россіи. Не знаю, понялъ ли графъ Каподистрія мою мысль; но повидимому слова мои его тронули, и мы разошлись съ изъявленіями взаимнаго довѣрія и дружбы. Мнѣ только этого и было нужно, и я умоляла лицъ принимавшихъ во мнѣ участіе не мѣшаться болѣе въ наши отношенія, которыхъ они не могли оцѣнить.

Вмѣшательство Государя было для меня неожиданностью. Однажды онъ выразилъ мнѣ увѣренность, что я въ концѣ концовъ выйду за мужъ не въ Россіи. «Это мнѣ горько», прибавилъ онъ: «мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы устроились вблизи насъ, и съ этою цѣлью я подыскивалъ человѣка, способнаго составить вамъ счастіе. Изъ близкихъ ко мнѣ одинъ Каподистрія былъ бы васъ достоинъ». Меня удивило это странное заявленіе, и я старалась узнать, не сдѣлано ли оно по внушенію Императрицы, которая знала про мою переписку съ Каподистріей. Государь увѣрилъ меня, что нѣтъ. Тогда я попросила его вовсе не заботиться о моей судьбѣ, такъ какъ, по моему убѣжденію, женщина, если хочетъ быть счастлива, не должна допускать третье лицо между собою и своимъ избранникомъ, хотя бы этимъ третьимъ лицомъ былъ самъ Государь. Такой отвѣтъ оскорбилъ бы всякаго другаго, но Александру можно было безбоязнененно заявлять самую рѣзкую независимость характера.

Общественныя празднества развлекали лицъ занятыхъ дипломатическими преніями. Въ Вѣнѣ очень много красивыхъ женщинъ, которыя въ особенности плѣняютъ непринужденностью, иной разъ своеобразною. Страстныя охотницы до увеселеній, и потому вѣчно юныя, онѣ блистаютъ въ большихъ собраніяхъ своими нарядами, танцами и веселонравіемъ. Балъ—ихъ стихія. Танцамъ не было конца; всѣ болѣе или менѣе увлекались ими и забывали цѣль, ради которой съѣхались и изъ-за которой столько потратились. Мнѣ еще памятно

всеобщее веселье по поводу того, что первый министръ Великобританіи пустился вальсировать. Лордъ Кастлерей (позднѣе маркизъ Лондондери) рѣдко говорилъ, еще рѣже смѣялся, и природная его важность вполнѣ отвѣчала его положенію. И вдругъ этотъ лордъ пустился вальсировать! Супруга его также возбуждала много шутливыхъ толковъ колоссальною своею фигурою, которая выступала еще рѣзче отъ ея нарядовъ: она убиралась перьями всѣхъ цвѣтовъ радуги. Однажды вздумала она украситься орденомъ Подвязки, котораго мужъ ея былъ кавалеромъ, въ томъ разсчетѣ, что этотъ нарядъ обошелся ей дешевле алмазовъ блиставшихъ на Вѣнскихъ барыняхъ. Прусскій король ухаживалъ за прекрасною Юліею Зичи и, забывая про свою наружность, возрастъ и положеніе, до того сентиментальничалъ, что было невозможно глядѣть на него безъ смѣху. Императоръ Александръ тоже былъ очень занятъ этою Юліею; но, не желая перечить союзнику и подобно ему подвергаться насмѣшкамъ, онъ одинаково любезничалъ со всѣми женщинами и если отдавалъ преимущество, то развѣ молодой вдовѣ, принцессѣ Ауерспергъ, которая славилась и уважалась за свои добродѣтели, чистую жизнь и прелести. Всѣ знали про склонность Государя къ женщинамъ, и Меттернихъ, по своей нравственной испорченности, очень разсчитывалъ на женское содѣйствіе его политическимъ видамъ. Онъ весьма былъ изумленъ, убѣдившись, что самыя искусныя его пособницы не удостоивались даже и вниманія отъ Государя. Незамѣтнымъ образомъ сталъ онъ сближаться съ тѣми домами, куда ѣздилъ Государь, но существеннаго вліянія все-таки не добился. Тогда онъ началъ стараться о томъ, чтобы уронить Александра въ общественномъ мнѣніи. И дѣйствительно мелкія сплетни, раздуваемыя въ пересказахъ, повредили его славѣ. То было время болѣе прежняго вдумчивое, предъявлявшее и къ монархамъ болѣе строгія требованія.

Между тѣмъ празднества слѣдовали за празднествами почти безъ перерыва. Первое было народное и устроилось на Пратерѣ въ память годовщины Лейпцигской битвы. Въ началѣ его произошла довольно странная сцена. Богослуженіе совершалось подъ открытымъ небомъ; запѣли «Тебе Бога хвалимъ», какъ вдругъ появился князь Шварценбергъ съ скромнымъ видомъ якобы героя праздника. Государи привѣтствовали его, и выходило такъ, будто они сами признаютъ его виновникомъ побѣды. Примѣру Государей слѣдуютъ остальные, и князь Шварценбергъ не знаетъ куда дѣваться отъ расточаемыхъ ему со всѣхъ сторонъ поздравленій и привѣтствій, которыя всѣ одинаково фальшивы. Произошла полная мистификація. Люди благоразумные находили ее совершенно неумѣстною въ такомъ торжественномъ случаѣ,

но только пожимали плечами. Отъ павильона, назначеннаго для государей, какъ отъ центра, протянуты были столы къ окружности для гостей. Войска угощались въ перемежку съ городскими жителями и иностранцами, наполнявшими собою Пратеровскую рощу. Всѣмъ было вольно и радостно, и зрѣлище этихъ длинныхъ столовъ, за которыми сидѣли пирующіе со свѣтлыми и веселыми лицами, было восхитительное. Подъ конецъ пира Государи показались на галлереѣ, окружавшей павильонъ. Русскій императоръ, сіяя удовольствіемъ и благостью, взялъ бокалъ, подошелъ ближе къ рѣшеткѣ и выпилъ за здоровье народа и собранныхъ войскъ. Этотъ внезапный порывъ любящаго сердца въ человѣкѣ восхитительной наружности, съ полнотою изящества въ каждомъ своемъ движеніи, встрѣченъ былъ общимъ восторгомъ. Толпа огласила воздухъ кликами любви и счастія, а Русскіе плакали отъ горделивой радости.

За народнымъ праздникомъ послѣдовали многіе другіе. Упомяну лишь о нѣкоторыхъ. Прежде всего предъявлено было намъ на маскарадѣ наслѣдственное великолѣпіе Австрійской аристократіи. Вѣнскія дамы появились въ видѣ четырехъ силъ природы. Саламандры и Сильфиды, олицетворявшія собою огонь и воздухъ, выбраны были изъ менѣе богатыхъ домовъ; нимфы земли и воздуха убрались всѣми алмазами монархіи, розданными только въ пользованіе представительницамъ старшихъ вѣтвей. Онѣ должны были представлять землю и воду со всѣми сокровищами ихъ. Драгоцѣнные камни эти довольно плохо оправлены. Передъ обиліемъ ихъ помрачались Саламандры и Сильфиды; за то сіи послѣднія брали верхъ красотою и свѣжестью лицъ. Праздникъ не удался, но много доставилъ удовольствія турниръ, на которомъ женская красота и наряды заставляли забывать про неуклюжество кавалеровъ, выводившихъ изъ терпѣнія императора Франца, который захотѣлъ присутствовать на репетиціяхъ турнира. Онъ такъ журилъ ихъ, что они наконецъ довольно сносно держали себя на ристалищѣ и лошадей своихъ пріучили выдѣлывать нужныя движенія. Императрица Австрійская придумала развлекать высокихъ гостей своихъ съ меньшими издержками: она устроила театръ для живыхъ картинъ и шарадъ. Представленія эти отлично достигали своей цѣли. Я была на нихъ всегда съ удовольствіемъ, но баловъ по возможности избѣгала. Ихъ было множество, и для того кто не имѣлъ особенной нужды бывать на нихъ, они были утомительны своимъ однообразіемъ. Императрица всегда посѣщала ихъ вмѣстѣ съ Императоромъ и въ сопровожденіи одной изъ своихъ дамъ. Такъ какъ наша старая оберъ-гофмейстерина никогда не отказывалась отъ исполненія своихъ придворныхъ обязанностей, то вечера эти я проводила обыкновенно у моей ма-

тушки, гдѣ можно было узнавать что именно происходило важнаго на конгрессѣ: ибо графъ Каподистрія съ краснорѣчіемъ и ясностью обсуждалъ на этихъ вечерахъ всѣ политическіе вопросы. Иногда также я собирала у себя друзей моихъ и въ занимательной бесѣдѣ съ ними отдыхала отъ вынужденно-разсѣянной жизни, которую приходилось мнѣ вести.

Къ великому изумленію моему Императрица вовсе не тяготилась такою жизнію. Благородное и трогательное впечатлѣніе, производимое ея наружностью, а также чрезвычайная простота въ нарядѣ (въ чемъ выражался изящный вкусъ какъ ея, такъ и Государя), плѣняли иностранцевъ и удивляли Вѣнскихъ жителей, которымъ хотѣлось выставлять ее жертвою; но какъ мы Русскіе не допускали о томъ ни малѣйшихъ намековъ, то эти сплетни больше не доходили до насъ. Намъ было жаль, что наша Государыня уклонялась отъ общества императрицы Австрійской и Русскихъ великихъ княгинь, между тѣмъ какъ безпрестанно видѣлась съ королемъ и королевою Баварскими; но до нашего мнѣнія ей больше не было дѣла. Мы почти никогда не видали ея за просто и, такъ какъ въ насъ не было надобности, то у каждой изъ насъ образовался вскорѣ свой собственный кружокъ знакомства. Но когда Государыня отправлялась куда-нибудь съ парaднымъ посѣщеніемъ, мы обязаны были сопровождать ее вмѣстѣ съ Вѣнскими дамами, назначенными состоять при ней. Съ удовольствіемъ вспоминаю про одинъ случай, показавшій намъ во всей силѣ Австрійскую тупую спѣсь. Императрица сѣла въ карету съ двумя оберъ-гофмейстеринами. Валуева и я должны были слѣдовать за нею во второй каретѣ, которая, какъ и первая, принадлежала Австрійскому императору. Съ нами вмѣстѣ назначено было ѣхать двумъ очереднымъ придворнымъ дамамъ, принцессѣ Кауницъ и принцессѣ Паaръ. Не успѣли лакеи опустить подножку кареты, какъ въ нее запыхавшись кинулись обѣ принцессы. Мы объяснили себѣ эту поспѣшность тѣмъ, что онѣ изъ вѣжливости хотѣли сѣсть ранѣе, чтобы уступить намъ почетныя мѣста и при томъ избѣжать обычныхъ церемоній, и едва не прыснули отъ смѣха, когда увидали, какъ торопливо усаживались онѣ въ глубину кареты. Принцессы замѣтили по нашей веселости, что мы смѣемся надъ ними, и это ихъ смутило.

Мы поѣхали безъ этихъ дамъ, въ загородный дворецъ Шенбруннъ, гдѣ жила съ сыномъ своимъ императрица Марія-Луиза. Эта поѣздка очень меня занимала, и мнѣ очень хотѣлось повидать вблизи столько падшаго величія. Марія-Луиза, не будучи красива, произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Она была статна, одѣвалась со вкусомъ; робость и горе, выражавшіяся въ ея лицѣ, были привлекательны. Насъ

представили ей. Голосъ у нея мягкій и трогательный. Опекуномъ приставили къ ней г-на Нейперга, которому, повидимому, все подчинялось у нея во дворцѣ. Я никогда не встрѣчала человѣка съ болѣе странною наружностью: волосы льнянаго цвѣта, краснокожій, съ черною повязкою на глазу, и при всемъ этомъ своеобразная привлекательность, благодаря которой онъ славился своими успѣхами между женщинами. Я сгарала нетерпѣніемъ увидать малютку короля Римскаго. Нейпергъ повелъ меня къ нему въ комнаты. При немъ еще находилась г-жа Монтескію; она приняла насъ просто и съ достоинствомъ. Невозможно было не чувствовать уваженія къ этой женщинѣ, которая взяла на свое попеченіе ребенка во дни его благополучія и величія, и, казалось, удвоила свои заботы о немъ въ годину его паденія. Маленькій Наполеонъ, некрасивый собою, показался мнѣ очень милъ. Только живостью глазъ напоминалъ онъ своего отца, во всемъ остальномъ выражалось Австрійское происхожденіе. Онъ игралъ деревянною лошадью. Я позволила себѣ сказать, что желательно посмотрѣть, какъ онъ умѣетъ на ней ѣздить. Госпожѣ Монтескію хотѣлось, чтобъ мы полюбовались имъ, и она уговаривала его показать намъ свою ловкость. Онъ отказывался. Строгій взглядъ и настойчивое приказаніе заставили его послушаться; но мальчикъ, качаясь на буцефалѣ своемъ, плакалъ отъ гнѣва. Я была въ отчаяніи, причинивъ ему эту досаду, и мнѣ хотѣлось приласкать его; но Императрица позвала насъ назадъ, и эта минутная сцена, подобно многимъ другимъ, миновала. Я передала про нее принцу Евгенію, который ежедневно по утрамъ удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ. Отъ него я слышала про сѣтованія Маріи-Луизы по поводу того, что ей не дозволили ѣхать къ ея супругу. Императоръ Александръ сильно противился такому запрету, и конечно Марія-Луиза могла бы добиться позволенія, еслибы обнаружила больше твердости и настойчивости. Но ее уговорили пить воды для возстановленія здоровья и приставили къ ней г-на Нейперга, которому удалось въ эту недолгую поѣздку успокоить ее и склонить къ добровольной покорности желанію ея родителя. Императоръ Александръ не хотѣлъ вѣрить этому; но хитрое дѣло уже выходило наружу, и мы узнали про него во всѣхъ подробностяхъ отъ принца Евгенія, которому сообщила ихъ г-жа Монтескію.

Этотъ принцъ пріѣхалъ на конгрессъ съ цѣлью получить въ видѣ возмѣщенія какой-нибудь титулъ и владѣніе для своего семейства. На него смотрѣли косо, и единственною обороною противъ общей ненависти, которую къ нему питали изъ за его близости къ Наполеону, служила ему милость императора Александра. Разумѣется, онъ всячески старался обезпечить себѣ столь цѣнную милость и, зная про

привязанность графа Каподистріи къ нашему семейству и про довѣріе къ нему Государя, расточалъ мнѣ знаки своего вниманія. Но скоро онъ убѣдился, что суетность и желаніе нравиться не въ моемъ нравѣ и что меня скорѣе можно привлечь къ себѣ занимательною бесѣдою и откровенностью. Онъ посвятилъ меня во всѣ тайны Наполеонова двора. Разсказы принца Евгенія были поистинѣ занимательны, и неистощимымъ предметомъ ихъ были разводъ Наполеона, происки его родныхъ, каверзы Германскихъ дворовъ и тогдашняя политика. Позднѣе эти подробности сдѣлались извѣстны по запискамъ современниковъ; но въ то время для меня многое было ново и завлекательно. По словамъ принца Евгенія, Наполеонъ усыновилъ его въ первое время своего императорства съ намѣреніемъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, и въ Тюльери его иначе не величали какъ императорскимъ принцемъ (prince impérial). Но родственники Наполеона не замедлили отклонить его отъ этого намѣренія. «Къ тому же, говорилъ принцъ Евгеній, императоръ не встрѣчалъ во мнѣ особаго къ себѣ сочувствія. Матушка моя [4]), будучи ангеломъ кротости и доброты, противополагала неблагопріятнымъ для меня внушеніямъ лишь горячую любовь свою къ моему вотчиму, которую она сохраняла до конца дней своихъ, не смотря на то, что любовь эта была такъ жестока отвергнута. По своей суетности, Наполеонъ захотѣлъ породниться съ которымъ-нибудь изъ царственныхъ Европейскихъ домовъ, и мнѣ поручено было просить для него у князя Шварценберга [5]) руку Маріи-Луизы. Дѣло о бракѣ обсуждалось въ совѣтѣ. Я подалъ голосъ за Австрію, Мюратъ за Россію. Услышавъ отъ меня о предложеніи, князь Шварценбергъ чрезвычайно смутился и попросилъ позволенія послать курьера въ Вѣну; но Наполеонъ приказалъ мнѣ объявить ему, что ему надобенъ отвѣтъ рѣшительный, что въ Вѣнѣ уже знаютъ про его намѣреніе, что если онъ не страшится отвѣтственности, то пусть скажетъ прямо да или нѣтъ, а посылка курьера принята будетъ за отказъ [6]). Ни одинъ посолъ не

---

[4]) Императрица Жозефина, мать принца Евгенія. П. Б.

[5]) Австрійскаго посла въ Парижѣ. П. Б.

[6]) См. чрезвычайно любопытныя подробности о настойчивомъ желаніи Наполеона породниться съ нашимъ дворомъ въ Русскомъ Архивѣ 1877 года (III, 229), а также у Тьера въ Исторіи Консульства и Имперіи. Александръ цѣлыхъ два мѣсяца водилъ Наполеона и заставилъ его подписать чрезвычайно выгодный для Россіи договоръ, обязавшись совсѣмъ отказаться отъ своихъ происковъ въ бывшей Польшѣ и даже никогда не упоминать въ актахъ Французской имперіи имени Польши. Дальнѣйшая проволочка со стороны Александра (подчинявшагося иногда вліянію своей матери) раздражила Наполеона: онъ не ратификовалъ подписаннаго договора и въ нѣсколько дней женился на

находился въ болѣе затруднительномъ положеніи: онъ расточался въ безполезныхъ возраженіяхъ, суетился, и потъ выступалъ по его лицу крупными каплями. Мнѣ было велѣно ничего больше не говорить ему, какъ только то, что императоръ рѣшился на немедленный разрывъ съ Австріей, коль скоро посолъ станетъ прибѣгать къ проволочкѣ времени. Доведенный до отчаянія, несчастный князь Шварценбергъ согласился наконецъ на все. Я поѣхалъ доложить о томъ императору; но сердце у меня надрывалось, и я былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы на лицѣ моемъ не выражалось ни радости, ни печали. Только что я показался у него въ кабинетѣ, какъ онъ порывисто кинулся ко мнѣ на встрѣчу. Признаюсь, я не безъ нѣкотораго удовольствія говорилъ медленно, чтобы продлить мучившую его неизвѣстность. Наконецъ, когда изъ устъ моихъ вылетѣлъ отвѣтъ утвердительный, великій человѣкъ предался такой необузданной и нелѣпой радости, что я не зналъ куда дѣваться отъ изумленія. Съ этихъ поръ я увидѣлъ, что умъ его сталъ помрачаться мелкими страстями, и я недоумѣвалъ относительно его будущности. Наполеонъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не догадаться, что̀ у меня на умѣ и, несмотря на доказательства моей постоянной вѣрности, сдѣлался до того подозрителенъ въ отношеніи ко мнѣ, что, по возвращеніи изъ Россіи, когда я былъ занятъ обороною Ломбардіи противъ Австрійцевъ, онъ потребовалъ отъ меня въ заложники моего сына [7]). Я оскорбился и не послушался, продолжая сохранять къ нему вѣрность, но опасался, чтобы въ отсутствіе мое онъ не отнялъ моего сына у его матери и потому долженъ былъ держать его при себѣ въ лагерѣ, не смотря на нѣжный его возрастъ и опасности, которымъ онъ могъ подвергнуться. Наполеонъ обнаруживалъ такую же нечувствительность и въ своихъ сношеніяхъ съ женщинами. Онъ любилъ нѣсколько разъ, но всегда насильственно и никогда заботливо. Вы, можетъ быть, знаете, что мать моя во дни террора была осуждена на смерть и спасена г-жою Талліонъ, на которую подѣйствовали жалобы мои и моей сестры. На свѣтѣ не бывало женщины болѣе привлекательной; ея сердечныя качества заставляли позабывать нѣкоторыя уклоненія въ образѣ жизни, которыя, въ добавокъ, оправдывались нравами того времени. Сдѣлавшись первымъ консуломъ, Наполеонъ запретилъ матушкѣ видаться со своею избавительницей. Я бывалъ ежедневно у г-жи Талліонъ, которая внушила мнѣ живѣйшую къ себѣ привязан-

---

Маріи-Луизѣ, пославъ въ Вѣну Камбасереса для заключенія заочнаго брака, какъ дѣлается у католиковъ. Принцъ Евгеній не зналъ про переговоры съ Россіею, раздразнившіе его вотчима. П. Б.

[7]) Впослѣдствіи супруга нашей великой княгини Маріи Николаевны. П. Б.

ность. Узнавъ о томъ, Наполеонъ позвалъ меня и сказалъ: Я знаю, что вы влюблены въ эту женщину. Ну, что, удается ли вамъ? Даю вамъ недѣлю сроку для довершенія побѣды; за тѣмъ извольте ее кинуть.—Я лучше совсѣмъ откажусь отъ нея.—Какъ угодно! Я дѣйствительно разошелся съ г-жею Талліонъ, чтобы не сдѣлать ея жертвою вѣроломства, къ которому я не чувствовалъ себя способнымъ.»

Таковы были повѣствованія принца Евгенія. Отъ него же я узнала, что, въ случаѣ покоренія Россіи, Наполеонъ располагалъ немедленно обратить свои силы противъ Турокъ. Его приближеннымъ было извѣстно, что имѣлось въ виду не болѣе, ни менѣе какъ взятіе Константинополя. Затрудненія перейти Балканы устранялись геніемъ Наполеона. Россія должна была дать ему вспомогательное войско, корабли и снабженія припасами. Прицѣпленная къ колесницѣ побѣдителя, она бы содѣйствовала его тріумфу.

Понятно, что я не знала скуки, проводя дообѣденные часы въ подобныхъ бесѣдахъ. Кромѣ принца Евгенія меня посѣщали и другія любопытныя лица. Государь по прежнему оставался неизмѣненъ въ милостивомъ ко мнѣ расположеніи; суета празднествъ и множество занятій на него не дѣйствовали. Я умилялась душою, когда бывало на блистательномъ балѣ подойдетъ онъ ко мнѣ и станетъ говорить про то, какъ схожи у меня съ нимъ понятія и вкусы. Иногда онъ посвящалъ мнѣ по нѣскольку вечернихъ часовъ, и мы бесѣдовали съ нимъ въ моей небольшой комнатѣ точно также, какъ прежде въ Бруксалѣ. Забывая о своемъ величіи, изливалъ онъ передо мною свою душу, жаждавшую довѣрія и свободы. Однажды я воспользовалась этимъ настроеніемъ и завела рѣчь про Императрицу и про то, что̀ ихъ обоихъ ожидаетъ въ будущемъ. Я давно искала благопріятной минуты, чтобы коснуться этого предмета, будучи увѣрена, что отъ сближенія съ супругою во многомъ зависятъ слава и благополучіе Государя. Онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее. «Я виноватъ, но не до такой степени, какъ можно думать. Когда домашнее мое благополучіе помутилось отъ несчастныхъ обстоятельствъ, я привязался къ другой женщинѣ, вообразивъ себѣ (разумѣется ошибочно, что́ теперь сознаю ясно), что такъ какъ союзъ нашъ заключенъ въ силу внѣшнихъ соображеній, безъ нашего взаимнаго участія, то мы соединены лишь въ глазахъ людей, а передъ Богомъ оба свободны. Санъ мой заставлялъ меня уважать эти внѣшнія условія, но я считалъ себя въ правѣ располагать своимъ сердцемъ, которое и было въ теченіе пятнадцати лѣтъ отдано Нарышкиной. Упрека въ томъ, что я кого-нибудь соблазнилъ, я не могу себѣ сдѣлать. Мнѣ поистинѣ всегда казалось ужаснымъ склонять коголибо къ поступку, несогласному съ его совѣстью. Она находилась въ

такомъ же какъ я положеніи и подобно мнѣ заблуждалась. Мы оба вполнѣ искренно думали, что намъ не въ чемъ упрекать себя. Позднѣе новымъ свѣтомъ озарились для меня мои обязанности; но у меня не достало бы духу порвать столь дорогую связь, еслибы сама она не просила меня о томъ въ послѣднюю мою поѣздку въ Петербургъ [8]). Я страдалъ невыразимо; но ея доводы были такъ благородны, такъ возвышали ее въ глазахъ свѣта и въ моихъ собственныхъ, что съ моей стороны возражать было невозможно. Кромѣ того, какъ я уже сказалъ вамъ, я никогда не насиловалъ чужой совѣсти. Такимъ образомъ я покорился судьбѣ своей, и съ тѣхъ поръ разбитое сердце мое продолжаетъ обливаться кровью, и настоящею отрадою служитъ мнѣ встрѣча съ лицемъ, которое меня понимаетъ и жалѣетъ».

Въ самомъ дѣлѣ, когда я слушала его, у меня навертывались слезы; мнѣ было жаль его при мысли, что такое обольщеніе не можетъ продлиться и что рано или поздно онъ узнаетъ настоящую причину, по которой Нарышкина его покинула. Разумѣется, не мнѣ было открывать ему истину. Достаточно было того, что явилась возможность сближенія съ Императрицей. И потому, давъ ему время нѣсколько успокоиться послѣ передачи сердечныхъ воспоминаній, я навела его мысли на будущее и стала говорить, что ему слѣдуетъ искать утѣшенія личныхъ скорбей своихъ въ занятіяхъ благомъ его народовъ. «Да, я люблю моихъ подданныхъ, хотя до сихъ поръ мало еще сдѣлалъ для нихъ. Въ особенности люблю я добрый простой народъ, не обнаруживая предпочтенія, которое къ нему имѣю. Любовь угадывается, и я убѣжденъ, что они разсчитываютъ на мою любовь къ нимъ. Мнѣ предстоитъ рѣшить великую задачу, т.-е. даровать свободу населенію, которое столько заслуживаетъ ея. Знаю, съ какими затрудненіями связано это великое дѣло; но повѣрьте, что буду умирать въ тревогѣ, если мнѣ не удастся совершить его». Я сказала ему, какъ рада я слышать, что такая великая и благотворная мысль занимаетъ его. «Но, Государь, прибавила я довольно рѣзко, кому поручите вы послѣ себя исполненіе столь высокихъ намѣреній?» —«Я понимаю васъ, отвѣчалъ онъ, и слышу въ словахъ вашихъ тотъ же упрекъ, который мнѣ столько разъ негласно дѣлался и на который я никогда не возражалъ. Съ вами я не стану скрытничать. Будемъ говорить прямо. Вы хотите сказать, что я долженъ позаботиться о наслѣдникѣ престола; но вѣдь этотъ наслѣдникъ имѣется».—«Это такъ, Государь; но подданные Ваши желали бы, чтобы царствованіе Ваше

---

[8]) Т. е. въ Іюлѣ 1814 года.

было продолжаемо Вашимъ сыномъ, который бы походилъ на Васъ. Я не скрою отъ Васъ, что великій князь Константинъ внушаетъ опасенія, и что я лично не могу не раздѣлять этого чувства, питаемаго народною толпою». Императоръ, казалось, огорчился, но тотчасъ же принялъ прежній кроткій видъ и сказалъ: «Можетъ быть, къ нему неправы; страсти утихаютъ съ годами; онъ уже во многомъ измѣнился». Я замолчала, покачала головою и потупила глаза. «Впрочемъ, продолжалъ Государь, онъ почти однихъ лѣтъ со мною, и дѣло не въ немъ; ибо, по закону природы, между нашими кончинами не можетъ пройти много времени. Но у меня есть братъ Николай. Что̀ вы о немъ скажете?»—«Великій князь Николай подаетъ большія надежды; но онъ не вашъ сынъ».—«Вотъ еще! Кто вамъ сказалъ, что будь у меня сынъ онъ былъ бы лучше брата Николая? Онъ уже воспитанъ, мы его знаемъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы остался послѣ меня ребенокъ, малолѣтство его было бы очень опасно для государства. Нѣтъ, нѣтъ, вѣрьте мнѣ: въ этомъ отношеніи я не обольщаюсь, и все къ лучшему. Что̀ касается до нашихъ лѣтъ, то дружбы и довѣрія достаточно для счастія жизни. Намъ слѣдуетъ позабыть о прошломъ, и увѣряю васъ, мнѣ будетъ отрадно, если послѣдніе дни мои потекутъ въ сладкую вѣчность въ тишинѣ и безъ страстей» (je suis très porté à couler mes derniers jours en repos, sans passions, dans une douce éternité).

Этотъ разговоръ успокоилъ меня относительно будущаго. Мнѣ было невыразимо отрадно думать, что Императрицу ждутъ еще свѣтлые дни, и мнѣ казалось, что душа ея, открывшись для всякаго рода сердечныхъ ощущеній, оцѣнитъ и мою преданность, которую я не переставала питать къ ней. Исполненная этой надежды, я нетерпѣливо дожидалась времени, когда освободимся мы отъ вліянія Баварской королевы. Казалось я какимъ-то чутьемъ догадывалась объ участіи короля Баварскаго въ тайныхъ проискахъ, которыхъ предметомъ была Россія [8]). Въ это время испорченность и каверзы Меттерниха до того огадили Государю, что онъ не въ силахъ былъ даже соблюдать привычную ему вѣжливость и, присутствуя на всѣхъ празднествахъ, не ѣздилъ только на балы, которые давалъ первый Австрійскій министръ. Это глубоко оскорбляло Меттерниха и преданную ему Вѣнскую знать.

Перчатка была брошена. Меттернихъ поднялъ ее и, выбирая себѣ единомышленника и сообщника для борьбы столь неравной, естественно остановился на Талейранѣ, который тоже былъ раздраженъ противъ

---

[8]) Баронъ Штейнъ положительно обвинялъ Баварскаго короля въ сплетняхъ, производившихъ охлажденіе между Александромъ и Елисаветою. П. Б.

Александра, потому что не успѣлъ ничего добиться отъ него въ свою пользу. Его дипломатическія каверзы уже выводили Государя изъ терпѣнія. Принцъ Евгеній, отлично знавшій, что̀ такое Талейранъ, вызывался купить его бездѣйствіе деньгами; но Государь съ негодованіемъ отвергъ эту мысль, и Талейранъ, привыкшій къ барышамъ во времена Наполеона и увидавшій, что тутъ поживиться нечѣмъ, не замедлилъ войти въ соглашеніе съ Меттернихомъ. Они придумали образовать новую коалицію, чтобы ослабить могущество Россіи. Замыселъ едва не обнаружился, когда Пруссія, которую пытались соблазнить, не захотѣла быть вѣроломною. Такимъ образомъ пришлось продолжать переговоры еще съ бо̀льшею таинственностью, и напослѣдокъ состоялся негласный союзъ между Франціей, Великобританіей, Баваріей и Австріей.

Въ то время какъ Государь добросовѣстно велъ переговоры съ лукавыми союзниками, возстановленные имъ Бурбоны дѣйствовали противъ него за одно съ тѣми державами, которыя передъ тѣмъ желали раздробить Францію. Мнѣ горько вспоминать про эту позорную страницу въ исторіи нашего времени; но всѣ современники знаютъ, какъ Александръ стоялъ одинъ за Францію противъ пылавшей мщеніемъ Европы. Министръ Людовика XVIII-го не могъ даже оправдываться государственными соображеніями; потому что для Франціи было выгодно, какъ доказали послѣдствія, оставаться вѣрною Россіи, своей единственной и настоящей союзницѣ. Обнадеженныя потаенно образовавшимся союзомъ, державы начали отвергать предложенія Россіи.

Дѣло шло о Польшѣ и о Саксоніи. Государь почиталъ долгомъ совѣсти загладить великое политическое преступленіе, совершенное съ Польшею. Онъ хотѣлъ образовать изъ нея особое государство съ учрежденіями свободными, управляемое собственными гражданами, подъ охраною Россіи. Нѣкоторое время онъ думалъ даже возвратить этому государству области, отторгнутыя отъ него до окончательнаго его паденія; но вся Россія по праву возмутилась бы отъ такого непрактическаго возвращенія, такъ какъ эти области нѣкогда, въ дни бѣдствій и междоусобныхъ браней, были отняты у Россіи же Поляками. Поэтому Государь отказался отъ этой великодушной мечты, образовавшейся у него въ пору ранней молодости. И такъ онъ ограничился желаніемъ устроить для Поляковъ новое отечество въ предѣлахъ болѣе тѣсныхъ, но съ лучшими законами. Австрія испугалась такой новизны и всѣми силами противилась ея исполненію. Она хлопотала за короля Саксонскаго, еще такъ недавно причинявшаго союзникамъ столько бѣдъ

своими двусмысленными дѣйствіями. Пруссія соглашалась уступить свои Польскія земли не иначе какъ за вознагражденіе въ Германіи, а король Саксонскій отказывался перемѣститься на Рейнъ. Разсчитывали, что, въ виду этихъ затрудненій, Государь покинетъ свою мысль о Польшѣ; но, какъ я упомянула, онъ считалъ себя въ долгу у Поляковъ и не хотѣлъ обмануть ихъ надеждъ. Князь Чарторыжскій находился тоже въ Вѣнѣ и дѣйствовалъ въ пользу своей родины всѣми средствами, какими располагалъ. Подружившись съ Государемъ во время его молодости и, можетъ быть, взявши съ него обѣщанія, онъ теперь вѣроятно напоминалъ объ исполненіи ихъ и, хотя дружба ихъ, возникшая единственно изъ одинаковости вкусовъ и питавшаяся молодыми мечтаніями, въ это время совсѣмъ почти остыла, но одного присутствія князя Чарторыжскаго было довольно, чтобы напоминать о несчастіяхъ и надеждахъ Поляковъ. При немъ были дѣятельные и ревностные люди, не пренебрегавшіе никакимъ средствомъ для достиженія цѣли. Они старались склонить на свою сторону графа Каподистрію, который по своей правдивости и безпристрастію, сообразуясь съ волею Государя, въ тоже время выражалъ ему прямо свое мнѣніе. Онъ считалъ Польскій народъ неспособнымъ къ свободѣ. Сколько разъ въ бесѣдахъ и горячихъ спорахъ о томъ онъ доказывалъ Государю, что въ этомъ вопросѣ все дѣло сводится къ развращенной и развращающей знати, которой чужды основныя понятія справедливости и человѣколюбія, которая шумитъ о независимости, а между тѣмъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти держитъ подъ страшнымъ гнетомъ рабства наибольшую часть населенія. Эта знать—говорилъ Каподистрія—по своему своекорыстію, буйству и вѣковой враждѣ къ Россіи, никогда не оцѣнитъ вашихъ пожертвованій. Но разубѣдить Государя было невозможно: коль скоро какое-нибудь мнѣніе засѣло у него въ головѣ, онъ держался его съ неодолимымъ упрямствомъ. Такимъ образомъ мы продолжали ратовать за Польшу.

Не менѣе оживленны были пренія изъ-за Саксоніи. Россія утверждала, что король Саксонскій долженъ потерпѣть за свое вѣроломство; что несправедливо было бы раздроблять Саксонію, удовольствовавъ короля частицею его владѣній; что лучше перемѣстить его на Рейнъ, а Саксонію всю безъ раздѣла предоставить Пруссіи. Этого желали многіе въ самой Саксоніи, но въ тоже время пробудилась старая приверженность къ королевской особѣ. Пренія съ каждымъ днемъ становились рѣзче. Государь начиналъ терять терпѣніе и однажды, будучи въ дурномъ расположеніи духа, сказалъ графу Каподистріи: Коль ско-

ро хотятъ войны, война будетъ. Каподистрія не только не вторилъ такому настроенію, но энергически представлялъ Государю, какія произойдутъ отъ того бѣдствія и какимъ позоромъ покроется коалиція, ополчившаяся съ цѣлью даровать міру спокойствіе. Такимъ образомъ переговоры не прерывались. Съ грѣхомъ пополамъ вознаградили мелкихъ владѣльцевъ и устроили судьбу Нидерландовъ и Швейцаріи. Благодаря трудамъ Каподистріи, Государю удалось обезпечить благополучіе этой привлекательной страны, и, можетъ-быть, это единственное вполнѣ хорошее дѣло, устроенное на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Оттоманскую Порту также приглашали на конгрессъ, но въ дикомъ невѣжествѣ своемъ она сочла нужнымъ отказаться. Это новое проявленіе ея варварства немало способствовало къ оживленію въ Греческихъ сердцахъ надежды освободиться. Не смѣя выразить явно своихъ желаній, Греки сочли возможнымъ обратиться къ просвѣщенному чувству собравшихся въ Вѣнѣ Европейскихъ государей и просить ихъ покровительства возрожденію наукъ въ той странѣ, которая нѣкогда была колыбелью знанія. Въ Аѳинахъ и на горѣ Олимпѣ устроилось общество для процвѣтанія Греческихъ школъ. Желавшіе поступить въ члены этого учрежденія, назвавшагося «Друзьями Музъ» (Philomuses), обязывались ежегоднымъ взносомъ и получали золотой перстень съ изображеніемъ Минервиной совы и Центавра. Въ послѣдствіи это общество подверглось самымъ нелѣпымъ клеветамъ. Конечно, народъ просвѣщенный не можетъ оставаться подъ жестокимъ игомъ иноземныхъ варваровъ, и чтобы придти къ такому заключенію, не нужно ни таинственности, ни распорядительнаго комитета. Возрожденіе наукъ въ Греціи естественно связывалось съ ея освобожденіемъ; но никто въ то время не осмѣливался утверждать, что Греки должны оставаться въ такомъ же невѣжествѣ и варварствѣ какъ ихъ угнетатели. По моему предложенію записались «Друзьями Музъ» Императрица, великія княгини и многія лица всякаго положенія. Каподистрія и братъ мой хлопотали въ свою очередь, и намъ пріятно было видѣть, какъ самыя холодныя сердца разогрѣвались и трогались при имени угнетенной и несчастной Греціи. Князья и министры, имѣвшіе дѣла до Каподистріи, изъ желанія угодить ему, записывались въ списокъ общества. Щедротѣ Государя приходилось полагать предѣлъ. Принцъ Евгеній предложилъ мнѣ по двѣсти червонцевъ ежегоднаго взноса. Я просила его, чтобъ онъ подписался только на двадцать пять, что̀ онъ поспѣшилъ исполнить, и не снималъ съ руки золотаго перстня. Но черезъ нѣсколько времени взносы его прекратились: дѣлъ у него больше

не было, а я покинула дворъ. Довольно зная людей, мы и не разсчитывали на постоянство этого рода помощи; но главная наша цѣль была достигнута: намъ удалось, не раздражая дипломатіи, напомнить собравшейся Европѣ про несчастный народъ, благородное имя котораго сохранилось въ вѣкахъ и который старался занять снова подобающее ему мѣсто среди Европейской гражданственности. Я полагаю, что одинъ только князь Меттернихъ догадывался о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ столь общаго и столь явнаго соучастія; но противодѣйствовать оному значило прослыть варваромъ. Къ тому же, событія и дѣла перекрещивались между собою съ такою быстротою, что не представлялось возможности заняться съ послѣдовательнымъ вниманіемъ явленіями второстепенными.

Принцъ Евгеній съ удвоеннымъ рвеніемъ старался обезпечить судьбу своего семейства. Мнѣ случалось иногда предупреждать его о томъ, что̀ его занимало, и онъ выражалъ мнѣ свою признательность полнѣйшимъ довѣріемъ. Такъ я узнала, что князь Меттернихъ былъ противъ него и что онъ склонялъ его на свою сторону деньгами. Дѣло шло о двухъ стахъ тысячахъ флориновъ; но принцъ Евгеній хотѣлъ, чтобъ ему повѣрили на слово и позволили уплатить деньги лишь по окончаніи дѣла. Повѣренный князя требовалъ уплаты чистоганомъ и обѣщалъ за то полнѣйшій успѣхъ; но обѣ стороны не питали взаимнаго довѣрія, а въ подобныхъ дѣлахъ нечѣмъ себя обезпечить на случай неудачи. Эти подробности напоминаютъ мнѣ Жильблаза. Сколько могу припомнить, въ Генварѣ мѣсяцѣ противники Бурбоновъ надежнымъ путемъ извѣстили принца Евгенія о готовившемся во Франціи переворотѣ. Переворотъ, по ихъ словамъ, былъ неминуемъ; не опредѣлялось только направленіе, которое онъ долженъ былъ принять. Друзья свободы страшились Наполеона и думали, какъ бы обойтись безъ него. Они давали знать принцу Евгенію, что они не прочь поставить его во главѣ управленія, лишь бы уговориться напередъ. Но принцъ Евгеній не поддался, а воспользовался этими предложеніями, чтобы предъявить ихъ императору Александру и тѣмъ доказать свою благонадежность. Государь отнесся къ этому дѣлу до того равнодушно, видя въ немъ пустую сплетню, что принцъ Евгеній почувствовалъ себя униженнымъ и прекратилъ сношенія со своими Французскими сторонниками.

Противодѣйствіе императору Александру отражалось и на принцѣ Евгеніи, котораго онъ удостоивалъ своимъ покровительствомъ. Однажды, видя его въ отчаяніи отъ неуспѣха, я сообщила ему мысль,

пришедшую мнѣ въ голову. Іоническіе острова еще не были уступлены Англіи. Я знала, какъ хотѣлось графу Каподистріи упрочить ихъ независимость; знала также, что голоса Меттерниха и Талейрана покупаются за деньги и предложила ему просить этого княжества, въ чемъ, какъ я была увѣрена, онъ встрѣтилъ бы сильную поддержку со стороны Россіи. Но онъ тотчасъ же высчиталъ, во что обойдется ему содержаніе крѣпости въ Корфу и отвѣчалъ, что не сведетъ концовъ съ концами. Напрасно представляла я ему, какъ выгодно будетъ его положеніе въ случаѣ освобожденія Греціи; онъ отвѣчалъ, что не созданъ для предпріятій рискованныхъ, что для этого надо быть искателемъ приключеній въ родѣ Мюрата, а онъ къ тому не способенъ. Я не возражала; но мнѣ было удивительно, какимъ образомъ человѣкъ, усыновленный Наполеономъ и привыкшій къ большимъ дѣламъ, можетъ предпочитать пошлую жизнь при Мюнхенскомъ дворѣ возможности возстановить Грецію. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ затрудненій, ему дали княжество Эйхштатское съ именемъ Лейхтенбергскаго, которое, не знаю почему, показалось ему лучше имени Богарне. Онъ вздумалъ по этому случаю подарить графу Каподистріи богатую табакерку со своимъ портретомъ и совѣтовался о томъ со мною; но я сказала, чтобы онъ лучше этого не дѣлалъ: Каподистрія не любитъ бриліантовъ, прибавила я, и не довольно васъ знаетъ, чтобы желать вашего портрета. Изъ словъ моихъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что не всѣ такъ разсчетливы, какъ онъ.

Между тѣмъ изъ Франціи продолжали приходить извѣстія, предвѣщавшія скорое паденіе Бурбоновъ. Крюднеръ писала мнѣ въ своемъ пророческомъ настроеніи: «Гроза приближается. Эти лиліи, сбереженныя Предвѣчнымъ, цвѣтокъ чистый и нѣжный, помятый по волѣ Всемогущаго желѣзнымъ скипетромъ и долженствующій призывать людей къ Богу и покаянію, возродились для того, чтобы исчезнуть. Урокъ данъ; но люди, ожесточившіеся болѣе чѣмъ когда либо, помышляютъ только о возмущеніи». Меня поразили эти таинственныя выраженія, и я сказала про нихъ Государю, который въ то время еще не зналъ этой необыкновенной женщины. Онъ поручилъ мнѣ написать ей, что почтетъ для себя счастіемъ встрѣчу съ нею, и мы увидимъ, какъ впослѣдствіи, въ Виртембергской землѣ, произошло между ними сближеніе, возбудившее столько толковъ.

Между тѣмъ совѣщанія конгресса не только не приходили къ концу, но съ каждымъ днемъ становились затруднительнѣе. Державы,

вступившія въ тайный союзъ противъ Россіи, достаточно настроивъ общественное мнѣніе, готовились по всему вѣроятію скинуть личину, какъ вдругъ, словно ударъ грома, разразилось надъ сонмомъ августѣйшихъ лицъ извѣстіе о бѣгствѣ съ острова Эльбы. Императору Александру, по его положенію, конечно нечего было тревожиться; но мнимые союзники его перепугались. Тотчасъ же заговорили они другимъ языкомъ и усиленно взывали къ его помощи. Царство Польское признано, дѣла Саксонскія улажены. По прежнему спокойный и великодушный Александръ не захотѣлъ воспользоваться общимъ переполохомъ и не потребовалъ себѣ новыхъ уступокъ; но онъ не могъ воздержаться отъ усмѣшки, когда ему сказали, что съ Баварскимъ королемъ сдѣлалась колика. «Да, да, повторялъ король Максъ; вамъ хорошо, вамъ никогда не приходилось нищенствовать подобно мнѣ, а я знаю, чтò значитъ искать себѣ счастія въ чужихъ людяхъ, и какова можетъ быть моя участь, коль скоро этотъ дьяволъ снова возобладаетъ». Напрасно представляли ему, что всѣ вѣроятности противъ Наполеона; онъ продолжалъ тревожиться, и не безъ основанія, потому что боялся одинаково и Наполеона, и Александра, въ случаѣ если обнаружится тайное соглашеніе. Кавалеръ при дворѣ Людовика XV-го конечно не былъ способенъ постичь душевной высоты обоихъ государей, изъ которыхъ одинъ могъ служить образцомъ античнаго величія, а другой христіанскихъ доблестей. Принцъ Евгеній тоже попалъ въ просакъ, благодаря вѣтрености сестры своей, которая неосторожно написала ему, чтобы онъ похлопоталъ у Александра въ пользу Наполеона. Но онъ навыкъ дѣйствовать осмотрительно и успѣлъ предотвратить насильственныя мѣры, замышляемыя противъ него Австріей, предложивъ государямъ, для большей надежности, принять его своимъ плѣнникомъ и помѣстить въ какой-нибудь крѣпости. Русскій императоръ прежде другихъ потребовалъ, чтобы его оставили въ покоѣ въ Мюнхенѣ, подъ охраною его тестя [10]).

Въ свою очередь Талейранъ былъ встревоженъ возвращеніемъ бывшаго своего повелителя и поспѣшилъ устроить торжественное заявленіе, устранявшее всякую возможность переговоровъ съ Наполео-

---

[10]) Ходилъ слухъ, будто, изъ внезапно начавшагося угодничества императору Александру, государи хотѣли предать заточенію и короля Баварскаго. Когда супруга его заговорила о томъ, Александръ Скарлатовичъ Стурдза, братъ графини Эделингъ, сказалъ ей: „Государь могъ взять на себя роль освободителя, но ему не пристало быть тюремщикомъ". (Фейзе, Исторія Нѣмецкихъ дворовъ, XXV, 313). П. Б.

номъ. Эта рѣзкая мѣра оправдывалась тѣмъ, что Наполеонъ нарушилъ условія, подписанныя имъ въ Фонтенбло и служившія обезпеченіемъ его царскому сану и личной свободѣ. Самъ поставивъ себя внѣ законовъ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ борьбы и потерпѣлъ отъ ея исхода. Однако я имѣю основаніе думать, что еслибы эта мѣра предложена была нѣсколько недѣль позже, то императоръ Александръ не допустилъ бы ея. Съ необычайною быстротою, однимъ появленіемъ своимъ, Наполеонъ уничтожилъ владычество Бурбоновъ, и въ этомъ слишкомъ явно выразилось настроеніе Франціи. До сихъ поръ Государь сомнѣвался въ такомъ оборотѣ народнаго Французскаго мнѣнія; теперь оно обнаружилось непререкаемо. Государь тщательно и ото всѣхъ скрывалъ жестокую внутреннюю борьбу, въ немъ происходившую. По внушенію либераловъ Лагарпъ поспѣшилъ воспользоваться вліяніемъ, которое онъ всегда имѣлъ надъ совѣстью своего воспитанника. Онъ ему представилъ, что онъ не въ правѣ насиловать народъ, заставляя его отказаться отъ государя, который ему по душѣ и подчиняться такому, который сдѣлался ему чуждъ или даже ненавистенъ, и что такое неправое дѣло не будетъ имѣть успѣха. Александръ поколебался, но не убѣдился. Ища прежде всего исполненія воли Божіей, онъ не могъ допустить, чтобы Провидѣніе избрало Наполеона Своимъ орудіемъ для блага Франціи: слишкомъ пролито изъ за него крови и слезъ. Но такимъ размышленіемъ не успокоивалась нравственная тревога, поднявшаяся въ душѣ Государя. Онъ умѣлъ владѣть собою и никому не выдавалъ своихъ ощущеній; но я не могла не догадываться о томъ по сердечному участію, съ которымъ наблюдала за нимъ. Источникъ этой горести былъ такъ чистъ и благороденъ, что я со спокойнымъ и почтительнымъ умиленіемъ относилась къ его сдержанности.

Пребываніе Государя въ Германіи продлилось. Рѣшено было, что Императрица поѣдетъ назадъ въ Карлсруэ черезъ Мюнхенъ и тамъ подождетъ исхода событій [11]). Мы скоро собрались въ путь, чтобы удалиться со страннаго позорища, на которомъ въ теченіе осьми мѣсяцевъ предъявлялись въ самыхъ разнообразныхъ видахъ страсти, удовольствія и блага нынѣшняго вѣка. Обиліе впечатлѣній утомило меня, и я была рада отдохнуть гдѣ бы то ни было, только не въ Мюнхенѣ

---

[11]) Выѣздъ императрицы Елисаветы Алексѣевны изъ Вѣны послѣдовалъ 9 Марта 1815 г. новаго стиля. П. Б.

Кромѣ того я разставалась съ нашею семьею, со многими старыми и новыми друзьями, общество которыхъ было мнѣ отрадно. Вѣна мнѣ памятна въ разныхъ отношеніяхъ. Въ ней пріобрѣла я много новыхъ опытовъ; въ ней привлекали мое вниманіе нѣкоторыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя мнѣ, явленія. Пріятель мой Штофрегенъ, врачъ Императрицы, сообщилъ мнѣ о чудесахъ магнетизма. Благодаря ему, я имѣла возможность наблюдать одну занимательную ясновидящую. Я говорила объ ней съ барономъ Штейномъ, который попросилъ меня свозить его къ ней вмѣстѣ съ княземъ Чарторыжскимъ. Ясновидящая меня любила и приходила въ себя, когда я бывала съ нею. Мы вздумали испытать, можетъ ли мысль сообщаться безъ помощи чувствъ въ состояніи магнетическомъ. Я мысленно обратилась къ моей молодой ясновидящей во время сна ея съ сообщеніемъ о томъ, что мы покидаемъ Вѣну, о чемъ сказала мнѣ въ это утро Императрица и что было еще для всѣхъ тайною. Мгновенно на лицѣ ясновидящей выразилось страданіе, и нѣжными движеніями стала она показывать, что ей жаль меня. Я продолжала этотъ умственный разговоръ и старалась ее утѣшить мыслію о томъ, что въ Богѣ мы останемся неразлучны. Она отвѣчала мнѣ поднятіемъ рукъ къ небу и горячимъ молитвеннымъ видомъ. На это я пообѣщалась ей (тоже безъ словъ), что я не забуду ея и, если обстоятельства позволятъ, постараюсь съ нею опять увидаться. По лицу ея самымъ трогательнымъ образомъ разлилась радостная признательность. Баронъ Штейнъ заплакалъ отъ умиленія; а князь Чарторыжскій, будучи какъ я думаю, человѣкомъ не совсѣмъ вѣрующимъ, призадумался и казался озабоченнымъ. Удивительно, что, не смотря на очень привлекательную наружность князя Чарторыжскаго, ясновидящая выражала къ нему отвращеніе, тогда какъ очень сочувственно относилась къ барону Штейну, котораго тоже не знала и который своими лѣтами, внѣшностью и рѣзкимъ обращеніемъ скорѣе могъ напугать ее. Столь занимательные опыты побудили меня продолжать ихъ, и въ послѣдствіи я пришла къ убѣжденію, что, магнетизмъ, если онъ есть дѣйствительная сила, въ тоже время опасенъ для людей легкомысленныхъ и слабой нравственности. Отсюда я заключила, что правительства хорошо сдѣлаютъ, если будутъ на сторожѣ относительно этихъ явленій, такъ какъ только людямъ непреложной святости дозволительно испытывать страшныя тайны внутренняго нашего бытія.

Въ Мюнхенѣ мы повели однообразную жизнь, какая ведется при мелкихъ Нѣмецкихъ дворахъ. Я привезла супругѣ принца Евгенія извѣстія о ея мужѣ и письма отъ него, которыя такимъ образомъ миновали

соглядатайства Австрійской почты. Она успокоилась на его счетъ. Мнѣ хотѣлось почаще бывать у этой превосходной женщины, которая оказывала мнѣ большое расположеніе; но мы не были властны въ нашемъ времени, и къ тому же насъ стѣсняла Баварская королева, умѣвшая такъ устроить, что Императрица стала питать нерасположеніе ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя самой ей были противны. Доходило, напримѣръ, до того, что за столомъ я не должна была садиться рядомъ съ г-мъ Монжела, хотя ему повидимому хотѣлось вести со мною бесѣду [12]). Эти мелочи выводили насъ изъ терпѣнія. Въ утѣшеніе себѣ, мы устроили поѣздку въ Зальцбургъ, славный красотою сельскихъ видовъ. Фрейлина принцессы Амаліи, дѣвица Боде, князь Голицынъ, докторъ Штофрегенъ, сестра моя и ея подруга, пріѣхавшія изъ Вѣны навѣстить меня, участвовали со мною въ этой пріятной прогулкѣ, продолжавшейся цѣлую недѣлю. Въ одномъ мѣстѣ, умиленныя красотою Божьяго творенья, мы хоромъ пропѣли псаломъ на Славянскомъ языкѣ, который, я думаю, въ первый разъ раздался въ такой дали отъ Россіи. По возвращеніи въ Мюнхенъ насъ осыпали разспросами и сплетнями, которыя уже меньше прежняго надоѣдали намъ, такъ какъ воображеніе наше переполнено было впечатлѣніями скалъ, водопадовъ и ледниковъ.

Тѣмъ временемъ, не смотря на все стараніе Наполеона сохранить миръ, шли приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Остававшемуся въ Парижѣ Русскому чиновнику [13]) поручено было передать императору Александру упомянутый мною тайный договоръ противъ Россіи. Наполеонъ нашелъ его въ Тюльерійскомъ дворцѣ, гдѣ его забыли съ другими важными бумагами. Этотъ чиновникъ останавливался въ Мюнхенѣ, чтобы повидаться съ нами. Онъ не таилъ странной бумаги, которую везъ, и мы во всѣхъ подробностяхъ узнали ея содержаніе; но я ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, какъ поступитъ Государь. Моя увѣренность была вскорѣ оправдана его пріѣздомъ въ Мюнхенъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхали императоръ и императрица Австрійскіе, такъ что мы еще нѣсколько дней провели въ представленіяхъ и взаимныхъ оказательствахъ. Позволю себѣ вспомнить здѣсь про одну черту, которая сама по себѣ ничтожна, но даетъ понятіе о добротѣ Александра. Принцесса Амалія [14]), будучи сорока лѣтъ отъ роду, не разставалась еще съ

[12]) Баронъ Монжела (Mongelas), Баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

[13]) Это былъ Бутягинъ. П. Б.

[14]) Долго жившая въ Россіи сестра императрицы Елисаветы Алексѣевны. Она, кажется, такъ и умерла дѣвицею. П. Б.

мыслію выдти за мужъ. Она надѣялась, что на ней женится эрцгерцогъ Карлъ, и Австрійская императрица хлопотала о томъ; но легкомысленный эрцгерцогъ повернулъ оглобли назадъ. Принцесса еще не видалась съ Австрійскою императрицей послѣ этой неудачи, глубоко ее огорчившей. Неожиданный пріѣздъ этой бывшей пріятельницы очень взволновалъ принцессу. Горе свое она приписывала ея невѣрности и, не умѣя владѣть собою, проливала слезы на виду собравшихся царственныхъ особъ. Ея положеніе было дѣйствительно тяжкое, и мнѣ было ея жаль. Сестры не могли придумать, какъ бы успокоить ее. Замѣтивъ это, Государь подошелъ къ ней и, по поводу того, что у нея развязалась лента въ нарядѣ, сказалъ императрицѣ Елисаветѣ, чтобы она проводила ее въ уборную къ королевѣ. Такимъ образомъ, онъ помогъ ей скрыться отъ общаго вниманія, и эта тонкая заботливость была всѣми замѣчена. Самые легкомысленные зрители были ею тронуты. Надо при томъ замѣтить, что Государь былъ тогда чрезвычайно озабоченъ дѣлами и едва могъ скрывать происходившее у него на душѣ, вслѣдствіе чего и поспѣшилъ уѣхать, чтобы избавиться отъ любопытства и поклоненій Баварскаго двора.

Но на границѣ Виртемберга ждали его новыя торжественныя изъявленія. Ему пришлось пожертвовать цѣлымъ днемъ королю Виртембергскому, и онъ ждалъ не дождался ночи, чтобы уединиться и успокоиться. Онъ былъ удрученъ скукою, усталостью и печалью. Душа его предалась самоуглубленію. «Наконецъ, я вздохнулъ свободнѣе, разсказывалъ онъ мнѣ, и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая всегда со мною; но затуманенное вниманіе мое не проникало въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ было бы для меня въ подобную минуту побесѣдовать съ существомъ сочувственнымъ. Я вспомнилъ про васъ, про то, что̀ вы мнѣ говорили о г-жѣ Крюднеръ и про желаніе, которое я вамъ выразилъ познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь можетъ быть, спросилъ я себя, и гдѣ мнѣ ее встрѣтить? Только что я подумалъ про это, слышу, стучатся ко мнѣ въ дверь. То былъ князь Волконскій. На лицѣ его выражалось нетерпѣніе. Онъ сказалъ мнѣ, что никакъ не хотѣлъ меня безпокоить въ такой часъ, но не можетъ никакъ отдѣлаться отъ женщины, непремѣнно желающей меня видѣть. Тутъ онъ назвалъ г-жу Крюднеръ. Можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ подумалось, не въ бреду ли я. Такой внезапный отвѣтъ на мое помышленіе не могъ же быть случайностью. Я увидалъ ее, и она, словно читая въ душѣ моей, обратилась ко мнѣ съ сильными и

утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми такъ давно я мучился. Ея появленіе было мнѣ благодѣтельно, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство». Свиданія участились, и Государь былъ ими доволенъ. Въ этой необыкновенной женщинѣ соединены прелесть и умъ свѣтскаго общества съ горячею и искреннею вѣрою [15]). Происходя изъ знатной Лифляндской семьи, въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ преданной Русскому императорскому дому, баронесса Крюднеръ влеклась къ Александру преданіями своей молодости, привязанностями всей своей жизни и, если говорить всю правду, по тайному внушенію нѣкоторыхъ темныхъ лицемѣровъ, которые подъ личиною набожности овладѣли ея довѣріемъ. Ея возрастъ, состояніе и составленное имя устраняли возможность всякаго подозрѣнія. Александръ находилъ истинную отраду въ ея бесѣдахъ и съ нею повидимому забывалъ про санъ свой. Главная квартира нѣкоторое время находилась въ Гейдельбергѣ. Баронесса Крюднеръ пріѣхала туда и, ради спокойствія, поселилась за городомъ, въ крестьянской избѣ, на прекрасномъ берегу Неккара. Тамъ проводилъ у нея Государь большую часть вечерняго времени. Онъ слушалъ, какъ она говорила о Богѣ, любить Котораго научилась душа его, и довѣрчиво передавалъ ей повѣсть скорбей и страстей, которыми омрачилась нѣкогда прекрасная жизнь его. Баронесса вовсе не льстила ему; она умѣла говорить правду, не оскорбляя. Она могла бы сдѣлаться благодѣтельнымъ для Россіи геніемъ, еслибы не поддалась нечистому вліянію лицемѣрія. Образъ ея жизни уже возбуждалъ любопытство и удивленіе. Вскорѣ окружила ее толпа людей, до того времени и не помышлявшихъ объ ея существованіи [16]). Начались догадки. Одни принимали ее за тайное орудіе Россіи въ ея намѣреніяхъ относительно Германіи; въ глазахъ другихъ сближеніе съ Александромъ было только новымъ доказательствомъ власти, которую имѣли надъ нимъ женщины; но всѣмъ хотѣлось воспользоваться этимъ новымъ средствомъ вліянія.

Между тѣмъ мы переѣхали изъ Мюнхена къ маркграфинѣ въ Бруксаль [17]). Тамъ я нашла прежнихъ лицъ, но уже не въ прежнемъ настроеніи. Несбывшіяся надежды, оцарапанныя самолюбія, раздраженіе, вызываемое продолжительнымъ и безплоднымъ выжиданіемъ, распростра-

[15]) Писано, когда баронесса Кридперъ еще была жива. См. сводъ извѣстій о ней въ превосходной статьѣ В. Н. Невѣдомскаго въ Русскомъ Архивѣ 1885 (I, 305) П. Б.

[16]) Въ числѣ ихъ находился будущій дипломатъ Бруновъ. П. Б.

[17]) Т. е. къ матери императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

нили въ обществѣ недовольство и рѣзкость, для меня вдвойнѣ непріятныя, потому что они относились къ Александру, характеръ котораго безпрестанно осуждался. Его побѣды, его умѣренность, его благодѣянія, все было позабыто; говорили только о томъ, во что обошлась Вѣнская жизнь, о бѣгствѣ Наполеона, о неладахъ между союзниками, объ отчаянномъ положеніи народонаселенія, и все это ставилось въ вину Русскому императору, и говорили не только несправедливо, но, смѣю сказать, нахально. Александръ понудилъ государей дать свободныя учежденія ихъ подданнымъ, и государи мстили ему за то клеветою. Александръ въ тоже время своимъ могуществомъ клалъ преграду революціонному напору, и революціонеры всѣхъ странъ смертельно возненавидѣли его. Такимъ образомъ между двумя враждебными одна другой сторонами незамѣтно образовалось неразумное соглашеніе, сдѣлавшееся для Государя неисчерпаемымъ источникомъ затрудненій и горестей; объ этомъ рѣчь впереди.

Наполеонъ приближался, и союзники готовились выступить изъ Гейдельберга. Для избѣжанія Брюксельскихъ торжествъ, Государь предложилъ супругѣ своей пріѣхать проститься съ нимъ въ Рорбахѣ. Назначенъ былъ день, и я, въ свою очередь, воспользовалась возможностью повидаться съ братомъ, который съ графомъ Каподистріей долженъ былъ слѣдовать за Государемъ во Францію. Въ этотъ самый день пришло извѣстіе о Ватерлоскомъ сраженіи, выиграномъ наканунѣ. Я отправилась къ баронессѣ Крюднеръ, куда на свиданіе со мною пріѣхали графъ Каподистрія и баронъ Штейнъ. Мы долго бесѣдовали о совершившемся событіи, но еще не смѣли надѣяться на окончаніе войны. Извѣстія о Наполеонѣ изъ Парижа ожидались нетерпѣливо. Оставшись одна со мною, баронесса сообщила мнѣ о томъ, что она рѣшилась ѣхать за Государемъ во Францію. Она полагала, что ей назначено Провидѣніемъ доставлять утѣшенія вѣры и дружбы главѣ союза. Тутъ я замѣтила, что она находится подъ вліяніемъ нѣкоего Фонтена, протестантскаго пастора, человѣка безъ дарованій и достоинствъ, но по глупому самолюбію мечтавшаго, что онъ достигнетъ всего чего захочетъ, если добьется возможности подѣйствовать на Государя нѣкоторыми мистическими изрѣченіями. Я возымѣла къ этому Фонтеню непреодолимое отвращеніе и сочла своимъ долгомъ предостеречь баронессу Крюднеръ; но та, хотя и не прогнѣвалась на мою откровенность, осталась при своемъ мнѣніи. Братъ мой чувствовалъ себя нездоровымъ; добрая баронесса обѣщалась мнѣ заботиться о немъ, какъ о родномъ. Мы простились со слезами, уговорив-

шись вести правильную переписку. Когда я возвратилась въ Бруксаль, весь за́мокъ хныкалъ по случаю кончины герцога Брауншвейгскаго, зятя маркграфини, убитаго при Ватерлоо. Лишь за нѣсколько дней онъ отъ насъ уѣхалъ.

Моя поѣздка въ Гейдельбергъ возбудила любопытство нашего общества, хотя, будучи тамъ, я нарочно избѣгала встрѣчи съ Государемъ. Независимые характеры обыкновенно подвергаются превратнымъ толкамъ свѣта. Мнѣ дѣлали честь, признавая, что я одарена тѣмъ, что̀ считаютъ умомъ; но при дворѣ умъ отождествляется съ честолюбивыми происками. По врожденной беззаботности я не обращала вниманія на эти сплетни, и все, кромѣ нихъ, занимало меня: мечты моего воображенія, природа, искусство, словесность. Никогда я не дала себѣ труда опровергать предубѣжденія, которыя составились на мой счетъ и которыя напослѣдокъ подѣйствовали на судьбу мою. Я была убѣждена, что Императрица знаетъ меня отлично, гордилась привязанностью моихъ друзей, не придавала значенія зложелательству родныхъ Императрицы, неспособныхъ по тупости своей постигать что-либо благородное и возвышенное.

Мы переѣхали въ Баденъ, гдѣ собралось многочисленное общество. При дворѣ маркграфини царствовала скука, такъ что иностранцы обѣгали его. Чтобы какъ-нибудь развлечься, мы вздумали отпраздновать день имянинъ Ея Величества и ея матушки представленіемъ на домашнемъ театрѣ. Въ дѣтствѣ моемъ я много игрывала комедій, и теперь первую роль поручили мнѣ. Я сыграла какъ нельзя лучше; но вмѣсто благодарности за мои труды и за доставленное мною удовольствіе, стали говорить, что я тѣшу свое самолюбіе, вызывая громкія рукоплесканія. Раздосадованная такимъ зложелательствомъ, я въ отместку перестала играть; и представленія, доставлявшія много удовольствія ихъ величествамъ и высочествамъ, кончились. Для меня же вовсе не было трудно найдти развлеченія, болѣе соотвѣтствующія моему вкусу, въ восхитительныхъ прогулкахъ съ друзьями по Баденскимъ окрестностямъ.

Отъ б. Крюднеръ получала я изъ Парижа нескончаемыя и прекрасныя письма. Она передавала мнѣ про волненіе, которое тамъ господствовало, про сплетни гостиныхъ и происки дипломатовъ. Этимъ путемъ узнала я, что князь Меттернихъ вызвалъ въ Парижъ двухъ самыхъ умныхъ Вѣнскихъ дамъ, съ цѣлью привлечь въ ихъ гостиныя императора Александра; но Государь начиналъ скучать свѣтскимъ

обществомъ и предпочиталъ проводить вечера спокойно въ тихой бесѣдѣ съ баронессою. Она сообщила мнѣ и первую мысль о знаменитомъ Священномъ Союзѣ, который Прадтомъ забавно прозванъ апокалипсисомъ дипломатіи и который былъ однако (въ обстановкѣ болѣе благочестивой, слѣдовательно менѣе положительной) осуществленіемъ величавой мечты Генриха IV-го и аббата Сенъ-Піера. Братъ мой, по приказанію Государя и по наброску собственной руки его, составлялъ этотъ славный актъ, который подписали почти всѣ государи, не понимая его и не давая себѣ труда освѣдомиться о его значеніи. Еслибы дѣло шло о присоединеніи или объ уступкѣ какой-нибудь деревушки, то начались бы безконечные переговоры; а тутъ провозглашалась лишь идея, и никто о ней не заботился, какъ будто міръ потрясается чѣмъ-нибудь инымъ, а не идеями. Что̀ до меня лично, то я не видѣла въ этомъ актѣ, подобно баронессѣ Крюднеръ, залога спокойствія и счастія для христіанской Европы; потому что живитъ и счастливитъ духъ, а не буква. Государь слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы обольщаться въ этомъ отношеніи; но онъ думалъ, что Европѣ устами государей своихъ слѣдуетъ во всеуслышаніе заявить, что она отрекается отъ нечестія, которымъ ознаменовалось недавно-прошедшее время, и гласно исповѣдать свою вѣру во Христа. Глубоко сознавая милость Божію, явленную надъ Россіею, Александръ актомъ Священнаго Союза провозглашалъ, въ какомъ духѣ христіанскіе государи должны управлять христіанскими народами. Для многихъ изъ владѣтелей высота этой мысли была недоступна. Ее толковали вкривь и вкось, и Александръ былъ ославленъ то слабодушнымъ фанатикомъ, то ловкимъ и глубокимъ макіавелистомъ. Я знала Нѣмецкихъ государей, вполнѣ пропитанныхъ ученіями XVIII вѣка; они подписывали этотъ христіанскій актъ съ ожесточеннымъ негодованіемъ, котораго, по слабости своей, не осмѣливались выказывать въ присутствіи Государя.

Александръ былъ по истинѣ выше вѣка своего. Онъ предалъ забвенію неблагодарность Бурбоновъ, принявшихъ участіе въ тайномъ противъ него трактатѣ. Онъ старался спасти Францію и ея короля отъ жадности этихъ союзниковъ, которымъ Людовикъ XVIII такъ легкомысленно пожертвовалъ и своею признательностью, и выгодами страны своей. Австрія, Англія и Пруссія громко требовали, чтобы Франція была наказана за эту новую войну раздробленіемъ ея владѣній. Великодушный Александръ тщетно пытался воспрепятствовать такому злоупотребленію побѣдившей силы. Его войска не участвовали въ Ватерлооскомъ сраженіи, что̀ и было ему поставлено на видъ. Людо-

викъ XVIII отдался судьбѣ своей, возложивъ всю надежду на герцога Ришилье, тогдашняго своего министра, который безплодно хлопоталъ о томъ, чтобы смягчить союзниковъ. Они настойчиво требовали раздробленія. Съ отчаяніемъ пріѣзжалъ герцогъ изливать свою скорбь въ Елисейскій дворецъ, гдѣ жилъ Государь и состоявшія при немъ лица. Каподистрія спокойно выслушалъ его и сказалъ ему: Я знаю еще одно средство и думаю, что оно неминуемо приведетъ къ цѣли. Желаете ли предложить королю, чтобы онъ его испробовалъ?—Боже мой, говорите скорѣе! Намъ дòроги мгновенья: завтра будетъ оглашено бѣдствіе Франціи.—Благоволите немного подождать: черезъ какихъ-нибудь полчаса узнàете. За тѣмъ графъ Каподистрія пошелъ въ комнату, гдѣ работалъ мой братъ и сообщилъ ему свою мысль. Она состояла въ томъ, чтобы предъявлено было отъ Людовика XVIII къ Русскому императору открытое письмо, въ которомъ бы старый король, соблюдая свое достоинство, въ сильныхъ выраженіяхъ объявилъ, что онъ слагаетъ свою корону на руки союзниковъ, предпочитая лучше лишиться престола, нежели властвовать надъ Франціею, униженною и ограбленною державами, находящимися съ нимъ въ союзѣ. Мой братъ тутъ же написалъ это письмо, краткое и точное. Оно сочинено было съ такимъ высокимъ искусствомъ, что всѣ кабинеты считали его подлиннымъ. Восхищенный герцогъ Ришилье немедленно отвезъ его къ Людовику XVIII, которой списалъ его собственноручно и безъ всякаго измѣненія. Для подачи его Александру выбрали время, когда онъ находился на совѣщаніи съ союзниками. Предувѣдомленный графомъ Каподистріей, Александръ показалъ видъ, будто его удивило неожиданное сообщеніе Французскаго короля. Онъ распечаталъ письмо и, прочитавъ его, предъявилъ союзникамъ. «Я это предвидѣлъ, сказалъ онъ: теперь мы затруднены больше прежняго. Людовикъ XVIII отказывается отъ престола и поступаетъ хорошо. Франція безъ короля. Найдите ей другаго, если можете. Я же не стану мѣшаться въ дѣло, которое можно было устранить. Да мнѣ и пора дòмой. Нужно скорѣе кончать». Король Прусскій и императоръ Австрійскій, испуганные новыми предстоявшими затрудненіями и неудовольствіемъ Государя, который предоставлялъ ихъ суду потомства и ненависти Французовъ, отказались отъ своихъ требованій. Англія должна была послѣдовать ихъ примѣру, и Франція была спасена. Этотъ случай, столько же достовѣрный, какъ и мало кому извѣстный, заслуживаетъ быть записанъ. Людовикъ XVIII наговорилъ графу Каподистріи самыхъ лестныхъ фразъ. Лица, посвященныя въ тайну, не могли надивиться его мудрости и дарованію, а также и досужеству его секретаря. Александръ молча-

ливо радовался торжеству своей политики, которая была въ тоже время политикою высокихъ и великодушныхъ идей.

Довѣріемъ Его Величества призванный къ управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Каподистрія прежде всего держался союза съ Франціей, считая его полезнымъ для противодѣйствія Англійскому могуществу и Австрійскимъ проискамъ. Объ этой пользѣ довольно трудно было втолковать Пруссіи, которая доказала намъ несомнѣнно свою вѣрность и съ которою мы еще тѣснѣе сблизились вслѣдствіе брака великаго князя Николая. Раздраженіе Прусаковъ ставило въ неловкое положеніе ихъ короля, который не раздѣлялъ слѣпыхъ страстей толпы, но долженъ былъ относиться къ нимъ снисходительно. Этой политикѣ, придуманной графомъ Каподистріей и одобренной императоромъ Александромъ, обязаны Бурбоны цѣлостью Франціи, а позднѣе, на Ахенскомъ съѣздѣ, очищеніемъ ея отъ иноземныхъ войскъ. Съ помощью даровитаго генерала Поццо-ди-Борго, графъ Каподистрія успѣлъ упрочить миръ и направлять Европейскія дѣла безъ униженія самолюбія соперничествующихъ кабинетовъ. Но тайный инстинктъ обыкновенно бываетъ достояніемъ слабости. Чувствовалось преобладаніе Россіи, хотя она не подавала никакого повода жаловаться. Образовались недовѣріе и глухая непріязнь, принесшія впослѣдствіи плоды свои. Каподистрія не одобрялъ нескончаемыхъ заботъ Государя о согласованіи выгодъ и укрощеніи взаимной зависти иностранныхъ державъ; онъ думалъ, что образъ дѣйствій, сильный и въ тоже время справедливый, поставилъ бы Россію, соотвѣтственно ея могуществу, въ болѣе выгодное положеніе, такъ какъ она могла бы доказать на дѣлѣ свою умѣренность и тѣмъ обезоружить враговъ своихъ и пріобрѣсти любовь народовъ. Но убѣдить Государя было не легко, вслѣдствіе чего наступила политика колебаній и противорѣчій, только усилившая затруднительность положенія.

Я подошла къ тягостной эпохѣ. Но прежде чѣмъ начертать послѣднія страницы исторіи моего времени, да будетъ мнѣ позволено бросить послѣдній взглядъ на прошедшее. Казалось, что Европѣ надлежало начать новую эру бытія своего. Міру преподанъ былъ великій урокъ. По волѣ Всемогущаго, все, что человѣческій родъ имѣлъ въ себѣ наиболѣе великаго и геніальнаго, разрушилось какъ скудельный сосудъ. По той же волѣ образовался характеръ, небывалый въ лѣтописяхъ исторіи и предназначенный возвратить міру спокойствіе, точно также какъ Наполеонъ имѣлъ назначеніемъ своимъ войну и опусто-

шеніе. Сущность Александрова характера состояла въ томъ, чтобы *не казаться, а быть*. Добрый по природѣ, примирительный по правиламъ и по склонности, неохотникъ до почестей, ненавистникъ лести, непоколебимой твердости относительно того, что́ становилось его убѣжденіемъ, но трудно убѣждаемый, онъ, казалось, созданъ былъ для той тяжкой эпохи, когда въ достиженіи одной цѣли скрещивались самыя противоположныя нача́ла. Онъ не обольстился тремя годами успѣховъ и славы. Напротивъ, разочаровавшись въ людяхъ и судьбахъ людскихъ, онъ началъ испытывать то непроизвольное ослабленіе, которое обыкновенно постигаетъ души чистыя передъ концомъ ихъ поприща. Въ сердечномъ одиночествѣ, которое бываетъ мучительнымъ удѣломъ жизни на престолѣ, Александръ сдѣлался недовѣрчивъ, не измѣняясь въ прирожденной добротѣ своей. Печальными облаками заволоклись послѣдніе его годы, и только смерть могла ихъ разсѣять. Союзники вторично удалились изъ Парижа; Франція занята иноземнымъ войскомъ для поддержанія колеблющагося престола Бурбоновъ, паденіе котораго казалось вдвойнѣ страшнымъ, пока оставался въ живыхъ Наполеонъ. Каждый готовился къ возврату домой съ плодами стольких тревогъ и опытности. Императоръ Александръ глубоко сознавалъ, что ему предстоятъ новыя испытанія и исполненіе новыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на него и собственною совѣстью, и надеждами цѣлаго поколѣнія, имѣвшаго право на вознагражденіе за столько принесенныхъ жертвъ и оказанной вѣрности. Русскій народъ, по врожденному благородству своему, не злоупотребилъ ни войною, ни мирнымъ временемъ. Онъ терпѣливо ждалъ новой эры, и слава, которою онъ покрылъ себя, служила ему лучшимъ ручательствомъ въ исполненіи его надеждъ. Провидѣніе осыпало его своими благами, и изъ нихъ самымъ дорогимъ почиталъ онъ имѣть государемъ человѣка, достойнаго любви его [18]). Но Государь этотъ, столь твердый въ несчастіи и столь великодушный послѣ побѣды, ужасался великой политической задачи, объемъ и значеніе которой были ясны для его проницательности. Приблизить къ престолу народонаселеніе, угнетенное самими законами, ввести дво-

---

[18]) Вспомнимъ четверостишіе князя П. А. Вяземскаго, написанное къ изображенію Александра Павловича на Московскомъ праздникѣ 1814 года по случаю взятія Парижа. Графиня Эдлингъ словно повторяетъ эту характеристику:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель,
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь?
Вселенная, пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

рянство, по природѣ своей доброе, но избалованное произвольною властью, въ границы справедливости и человѣколюбія, затѣмъ опредѣлить предѣлы для собственной власти — такова предлежала задача. Александръ былъ проникнутъ этою великою задачею и старался развязать этотъ Гордіевъ узелъ; но его ужасала мысль объ опасностяхъ и смутахъ, которыя могли постигнуть его родину отъ преобразованія столь необходимаго. Онъ держалъ въ рукахъ своихъ роковой ящикъ Пандоры и старался забыть о томъ, что ему придется открыть его. Иногда одной минуты замедленія бываетъ довольно, чтобы перепортить надолго будущее. Александръ останавливался передъ затрудненіями, которыя ему представлялись, и эти затрудненія лишь усиливались подобно тѣмъ фантастическимъ тѣнямъ, которыя внезапно появляются вдали на самомъ ясномъ небосклонѣ. Благородныя и патріотическія чувства, одушевлявшія народъ послѣ столь славной борьбы, еще не угасли; но раны, причиненныя непріятельскимъ вторженіемъ, начинали сочиться, задержанная боль возобновилась, а правительство опасалось чрезвычайными мѣрами усилить общее недовольство. Въ добавокъ, Европа не успокоилась, и Государь полагалъ, что обстоятельства неблагопріятны для коренныхъ преобразованій. Этими доводами обращались въ ничто всѣ его предначертанія; а между тѣмъ совѣсть оставалась неудовлетворенною, и время не ослабляло, а только усиливало трудности дѣла. Утомленный и несчастный Государь находилъ себѣ отраду лишь въ уединеніи, которое сближало его съ міромъ высшимъ и чуждымъ всѣхъ земныхъ недочетовъ и бѣдствій.

*

Этимъ оканчиваются удивительныя Записки графини Эдлингъ, набросанныя ею про себя, черезъ четыре года по кончинѣ императора Александра Павловича. Самобытность характера, въ соединеніи съ силою и непорочностью понятій, какая-то, можно сказать, изящная прозрачность убѣжденій, равно какъ и множество новыхъ показаній, освѣщающихъ лица и событія съ неизвѣстной доселѣ стороны, придаютъ этимъ Запискамъ важное, не для насъ только, историческое значеніе, такъ что нельзя не пожалѣть, что скудныя средства «Русскаго Архива» не дозволили намъ обнародовать ихъ и въ самомъ подлинникѣ. Переводъ нашъ конечно не передаетъ всей привлекательности прекраснаго слога графини Эдлингъ, сжатаго и въ тоже время точнаго и яснаго. Нисколько не теряя своей женственности, графиня Эдлингъ отличается полною самостоятельностью трезвой мысли, и отъ

ея разсказа вѣетъ какою-то свѣжестью. У нея нѣтъ повтореній и сужденій избитыхъ. Чувствуется лицо, воспитавшееся въ понятіяхъ особенныхъ, мало знакомыхъ представителямъ умственнаго движенія католической и протестантской Европы. Въ этомъ отношеніи Записки графини Эдлингъ напоминаютъ собою автобіографію ея друга, графа Каподистріи, этого Аристида-христіанина, какъ называлъ его Жуковскій [1]).

Читателю хочется узнать ближе, кто именно была эта необыкновенная наблюдательница и столь мѣткая оцѣнщица великихъ событій, ознаменовавшихъ собою первую четверть нынѣшняго вѣка. Въ дополненіе къ ея разсказу извлекаемъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній изъ книги ея брата, извѣстнаго писателя Александра Скарлатовича Стурдзы: «Oeuvres posthumes. Souvenirs et portraits. Paris 1859», стр. 42 и слѣд.

Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ [2]) родилась въ Константинополѣ 12 Октября 1786 года. Наставникомъ ея, а равно ея двухъ братьевъ и сестры Елены (первой супруги Д. П. Северина) былъ нѣкто Допань (Jean-Joseph Dopagne). Въ тиши Бѣлорусскаго помѣстья своихъ родителей (въ 30-ти верстахъ отъ Могилева на Днѣпрѣ) она получила разностороннее образованіе. Вигель въ Запискахъ своихъ говоритъ, что семья эта представляла собою цѣлую академію. Супругъ графини Эдлингъ, за котораго она вышла около 1818 года, служилъ нѣкоторое время при Веймарскомъ дворѣ. Весною 1819 года она путешествовала съ нимъ изъ Дрездена во Флоренцію. Съ 1824 года графиня Эдлингъ поселилась въ Одессѣ и въ Бессарабскомъ имѣніи своемъ Манзырѣ (ей лично пожаловано было 10 т. десятинъ земли), гдѣ посвящала себя уходу за престарѣлою матерью, разумному хозяйству и подвигамъ живой благотворительности. Ея имя

---

[1]) Автобіографія графа Каподистріи напечатана въ III-мъ томѣ Сборника Имп. Русскаго Историческаго Общества.

[2]) Мы сдѣлали ошибку въ имени: не Эделингъ, а Эдлингъ. Древній родъ графовъ Эдлингъ, извѣстный еще съ Крестовыхъ походовъ, пресѣкся недавно въ лицѣ единственнаго племянника того графа, который былъ супругомъ графини Роксандры Скарлатовны. Въ городкѣ Горицѣ, въ соборѣ, находятся гробницы графовъ Эдлингъ, и одинъ переулокъ доселѣ носитъ ихъ имя. Родовой замокъ ихъ—въ горахъ близъ Тріеста, съ огромной башней, которую по мѣстному преданію выстроилъ Аттила. Нѣмцы зовутъ его Heidenschaft, а Славяне болѣе сладкозвучнымъ именемъ Айдушина. (Свѣдѣнія отъ княгини М. А. Гагариной). П. Б.

должно произноситься съ благодарностью въ Греціи: своимъ энергическимъ словомъ она подѣйствовала на об.-прокурора князя А. Н. Голицына, который устроилъ сборы по всей Россіи въ пользу жертвъ Греческаго возстанія; оказана была помощь 8 тысячамъ Греческихъ выходцевъ и выкуплено множество плѣнныхъ жителей острововъ Хіоса и Крита. Когда заболѣлъ Александръ Павловичъ, графиня Эдлингъ, будучи сама больна, немедленно поспѣшила въ Таганрогъ, но не застала его въ живыхъ и молилась надъ его останками вмѣстѣ съ императрицею Елисаветою Алексѣевной. Въ Манзырѣ построила она церковь, училище и больницу. Во времена чумы и холеры проявлялось ея чрезвычайное присутствіе духа, и она бывала ангеломъ-хранителемъ мѣстнаго населенія.

Болѣзненное состояніе заставило ее прожить цѣлую зиму въ Парижѣ, а потомъ она ѣздила въ Константинополь. Дѣтей она не имѣла и родственную любовь свою сосредоточивала на своемъ братѣ, на его единственной дочери и на ея дѣтяхъ. Графиня Эдлингъ скончалась въ Одессѣ 16 Января 1844 года. Племянницѣ ея, княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Гагариной читатели «Русскаго Архива» обязаны благодарностью за вышепомѣщенныя Записки.

Остающіяся въ живыхъ современники графини Эдлингъ, съ которыми случалось намъ бесѣдовать о ней, единогласно свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ ея умѣ и о высокомъ благородствѣ ея дѣятельнаго сердца. Намъ сдается, что внутреннимъ складомъ своимъ она походила на Екатерину Ѳедоровну Тютчеву [3]), которая читала Записки графини Эдлингъ въ рукописи и первая указала намъ на ихъ необыкновенное достоинство. П. Б.

---

[3]) См. некрологъ ея въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 г. I, 560.

ДОРОЖНЫЯ ПИСЬМА С. А. ЮРЬЕВИЧА

во время путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году.

Генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ, изъ древнихъ православныхъ дворянъ (нѣкогда княжескаго рода) Могилевской губерніи, родившійся 10 Мая 1798 г., воспитанникъ и потомъ одинъ изъ преподавателей военныхъ наукъ 1-го Кадетскаго корпуса, съ 18 Февраля 1826 года состоялъ при покойномъ Государѣ Александрѣ Николаевичѣ. Въ 1837 году онъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю съ оставленіемъ при особѣ Наслѣдника-Цесаревича и до 1850 года, пока совершенно разстроилось его здоровье, завѣдывалъ всею его перепискою. Это былъ человѣкъ беззавѣтной преданности своимъ обязанностямъ и неутомимаго трудолюбія. На службѣ своей онъ лишился зрѣнія. Съ Апрѣля 1836 года С. А. Юрьевичъ былъ женатъ на Елисаветѣ Андреевнѣ Нирот-морцевой, которой и писаны нижеслѣдующія письма, любезно сообщенныя въ „Русскій Архивъ“ сыномъ ихъ Александромъ Семеновичемъ Юрьевичемъ. П. Б.

1.

3-го Мая 1837 г.

Мы благополучно сегодня въ пять часовъ утра прибыли на ночлегъ въ Новгородъ. Великій Князь получасомъ пріѣхалъ раньше насъ, и я засталъ его уже спящимъ. Много жителей и должностные чины всю ночь ожидали пріѣзда Его Высочества. Великій Князь всталъ въ девятомъ часу, и въ половинѣ 10-го начались представленія начальствующихъ въ городѣ, потомъ разводъ, потомъ снова представленія дворянства, духовенства, купечества. За симъ, послѣ проворнаго завтрака, мы отправились осматривать примѣчательности города, святыя мѣста, издревле уважаемыя народомъ, монастыри, церкви, училищныя заведенія, наконецъ госпитали, казармы, острогъ и проч. и только въ два часа ровно возвратились къ себѣ. Въ 3 часа мы обѣдаемъ за большимъ столомъ; говорю за большимъ, ибо обѣдаемъ съ гостями, т.-е. съ первоклассными начальниками военнаго, гражданскаго, духовнаго и купеческаго сословій. Ихъ всего приглашено только однакожъ десять человѣкъ; да больше и помѣстить негдѣ въ такъ-называемомъ Аракчеевскомъ дворцѣ, гдѣ мы остановились, т.-е. Великій Князь, Алек-

сандръ Александровичъ Кавелинъ и я (прочая компанія наша, да и мой сотрудникъ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, въ другихъ домахъ). Я препорядочно однакожъ усталъ сегодня и однакожъ лучше предпочелъ написать тебѣ нѣсколько строчекъ, нежели по примѣру моихъ товарищей лечь отдыхать въ промежуткахъ времени, хотя и мнѣ нуженъ отдыхъ, ибо я вовсе не спалъ на нашемъ ночлегѣ: мнѣ нужно было изготовить нѣсколько бумагъ, а потомъ вопросы отъ разныхъ лицъ о томъ-о семъ взяли все время отъ 5 до 8 часовъ утра. Боюсь за хлопотами пропустить фельдъегеря особенно съ первымъ письмомъ. Мнѣ не даютъ все-таки покоя; не знаю, успѣю-ли разсказать тебѣ хотя вкратцѣ о видѣнномъ нами. Вотъ 3 часа; приближается часъ обѣда—пора идти.

2.

Станція Зайцево, 4-го Мая.

Я не успѣлъ вчерашняго числа ничего больше тебѣ сказать изъ Новгорода. Отобѣдавъ, мы на пароходѣ по Волхову отправились въ Юрьевъ монастырь (управляемый Фотіемъ), облитый золотомъ набожною графинею Анною Алексѣевной. Видѣнное нами богатство, великолѣпіе, благочиніе, удивительный *военный порядокъ* и въ монашествующихъ, и во всемъ, поразили насъ *). Самъ Фотій также особенно привлекателенъ. Но объ этомъ послѣ; теперь спѣшу заключить съ тобою первую бесѣду мою: фельдъ-егерь тотчасъ отправляется въ Петербургъ, а мы въ Вышній-Волочекъ, гдѣ ночуемъ сегодня.

Мы, возвратясь отъ Фотія на пароходѣ же въ Новгородъ, тотчасъ пустились въ дорогу (въ половинѣ седьмаго) и въ 10-ть прибыли въ Зайцево, гдѣ, выпивъ по чашкѣ чаю всѣ вмѣстѣ у Великаго Князя за общимъ столомъ (я въ родѣ хозяйки разливаю чай), разошлись по разнымъ угламъ, и всѣ бросились на постель отъ усталости.

5-е Мая. Продолженіе.

Я полагалъ, что успѣю больше написать къ тебѣ сегодня, но извини: Великій Князь уже встаетъ (бьетъ 6 часовъ), а въ половинѣ седьмаго мы будемъ уже на пути. На меня не гнѣвайся, если другой разъ мало напишу: я долженъ писать журналъ, который до сихъ поръ за хлопотами еще не начиналъ.

Изъ Твери будетъ первый печатный бюллетень нашъ.

---

*) Эту самую черту сходства между монашескимъ и полковымъ бытомъ подмѣтилъ графъ Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“, при описаніи военной жизни Николая Ростова. П. Б.

3.

Тверь 6-го Мая, полночь.

Сейчасъ мы съ бала. Усердные Тверцы приняли насъ съ восторгомъ: и простой народъ, бѣгавшій повсюду многочисленными толпами за Великимъ Княземъ, съ безпрерывнымъ «ура», и дворянство баломъ, наскоро устроеннымъ, но съ возможнымъ великолѣпіемъ, и тѣ и другіе иллюминаціею своихъ домовъ въ обѣ ночи нашего въ Твери пребыванія. Вчера мы прибыли въ Тверь вечеромъ въ седьмомъ часу, а завтра отправляемся ровно въ 6-ть въ дальнѣйшій путь. Наше путешествіе, благодаря Бога, идетъ благополучно. Не описываю подробностей, ибо печатные перечни описанія всего обозрѣваемаго и посѣщаемаго нами довольно аккуратно изложены. Сегодня посылаемъ первый рапортъ нашъ къ Государю съ приложеніемъ для напечатанія перечня. Прекрасное сердце нашего безцѣннаго Путешественника, такъ сказать, пьетъ полную чашу удовольствія, видя, какъ Русскій народъ съ неподдѣльнымъ, истиннымъ восторгомъ вездѣ принимаетъ его. Въ Вышнемъ-Волочкѣ, въ Торжкѣ и Твери нельзя было никому изъ свиты слѣдовать за Великимъ Княземъ: народъ цѣлою массою льнетъ къ нему, гласно любуется имъ и, въ удовольствіи своемъ, гласно благодаритъ Батюшку-Царя, что далъ полюбоваться на своего Наслѣдника ненагляднаго.

Сегодня въ Твери, мы обозрѣвали выставку мѣстныхъ произведеній Твери и окрестностей, что̀ могли собрать на показъ Великому Князю въ короткое время. Здѣшняго издѣлія, фабриканта Ауербаха, фаянсъ обратилъ на себя общее наше вниманіе. Другаго ничего примѣчательнаго кромѣ коврижекъ Тверскихъ не было на выставкѣ.

4.

Ярославль, 10-го Мая, 11 часовъ вечера.

Насилу покончилъ мои Ярославскія казенныя дѣла, насилу дорвался до свободной минутки, уложилъ Великаго Князя спать или отдыхать послѣ цѣлаго дня тревогъ, чтобы наконецъ побесѣдовать съ тобою. Сегодня съ 8-мь часовъ утра до 4-хъ пополудни, т.-е. до самаго обѣда нашего, я не имѣлъ времени въ полномъ смыслѣ слова, чтобы вспомнить о сегодняшнемъ памятномъ для меня днѣ *). Поздрав-

*) День рожденія и имянинъ С. А. Юрьевича.

ленія милаго нашего Великаго Князя и нашего общества, сопутниковъ въ путешествіи его, съ бокалами Шампанскаго за столомъ, напомнили мнѣ сегодняшній день. Милый мой Великій Князь поутру, вспомнивъ также 10-е Мая, сказалъ, что тебѣ, другъ мой, должно быть очень грустно провести этотъ день въ разлукѣ со мною; его прекрасное, доброе сердце понимаетъ и мое, и твое положеніе; онъ видѣлъ грусть мою и не говорилъ о моей грусти. Онъ сдѣлалъ мнѣ сегодня драгоцѣнный подарокъ: образъ Св. Александра Невскаго, полученный имъ въ даръ вчера въ обители при посѣщеніи женскаго монастыря въ Ярославлѣ (Спасскій монастырь). Этотъ образъ отправляется въ Петербургъ съ прочими вещами Великаго Князя изъ Ярославля; по возвращеніи моемъ я вручу его тебѣ; онъ нарисованъ на эмали.

Городъ Ярославль праздновалъ сегодня 10-го Мая (день моего рожденія) самымъ торжественнымъ образомъ. Для Великаго Князя было устроено послѣ обѣда катанье по Волгѣ. За катеромъ его слѣдовали катера съ музыкантами и Русскими коренными пѣсенниками; сотни маленькихъ лодокъ, наполненныхъ мужчинами и женщинами, шныряли вокругъ катера Великаго Князя, покрывая Волгу на большое пространство. Десятки тысячъ народа покрывали высокій берегъ Волги, со стороны города; Русское ура! не переставало и на водѣ, и на берегу во все время нашего плаванія вдоль по берегу на разстояніи двухъ или трехъ верстъ взадъ и впередъ. Эти десятки тысячъ народа бѣжали за экипажемъ Великаго Князя и по выходѣ его изъ катера, не переставая провожать до самаго дворца съ тѣмъ же ура! Народъ толпился до поздняго вечера передъ дворцомъ, ожидая появленія Великаго Князя на балконѣ.

Въ 9-ть часовъ, прелестная иллюминація изъ разноцвѣтныхъ огней, на судахъ по Волгѣ и на берегу городскомъ, мгновенно перемѣнила картину; а на другомъ берегу тысячи смоляныхъ костровъ, отражавшихся безчисленными огненными струями величественной рѣки, довершали очарованіе. Великій Князь вышелъ на балконъ, и безконечное ура! надолго заглушило хоръ музыки, игравшей національный гимнъ. Великій Князь не могъ не быть восхищенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ въ Русскомъ народѣ: и въ Ярославлѣ, какъ и въ Твери, и въ Угличѣ, и въ Рыбинскѣ, и во всякой деревушкѣ его съ восторгомъ радости встрѣчаетъ Русскій народъ. Вездѣ онъ видитъ неподдѣльное чувство необыкновеннаго восторга народа. Часто онъ подвергается неизбѣжнымъ задержкамъ (народъ останавливаетъ проѣздъ экипажа), часто съ трудомъ можетъ продраться сквозь толпу жаждущихъ

насладиться его взоромъ. Повсюду безпрерывное ура! Оне въ ушахъ нашихъ такъ вкоренилось, что и въ тишинѣ оно не оставляетъ насъ.

Изъ Ярославля мы послали второй бюллетень нашего путешествія. Изъ него можно видѣть, какіе предметы занимаютъ насъ, потому я тебѣ не описываю того, гдѣ бываемъ и что̀ видимъ. Вчера мы были на балѣ въ Ярославлѣ; великолѣпіе и прекрасное общество дворянства Ярославскаго на долго будутъ памятны намъ путешественникамъ.

Военный губернаторъ Ярославля Полторацкій можетъ устроить все прекрасно. Ты можешь сказать это его сестрѣ Агаѳоклеѣ Марковнѣ. Ярославль во всемъ далеко перещеголялъ Тверь; я не говорю о самомъ городѣ, но о пріемѣ, сдѣланномъ намъ. Впрочемъ Тверь не имѣла времени приготовиться. На вчерашнемъ балѣ одна изъ твоихъ пріятельницъ, отличавшаяся въ числѣ прочихъ дамъ, спрашивала меня о тебѣ и просила тебѣ напомнить о ней: это полковница Гулевичъ (рожденная Молчанова); тутъ была и сестра ея *). Но я съ ней не имѣлъ времени познакомиться, хотя также слышалъ, что и она желала очень распросить о тебѣ. Великій Князь со старушками танцовалъ много, наконецъ и съ молодыми три контрданса, въ числѣ коихъ и съ m-me Гулевичъ.

Я не замѣтилъ времени, писавъ къ тебѣ, милая моя Лиза; посмотрѣлъ на часы и удивился, что уже почти второй часъ ночи, а завтра въ 6-ть мы отправляемся въ Ростовъ, а тамъ далѣе. Прекрасная погода оставила насъ, испортила намъ дорогу, такъ что экипажи наши начали уже трещать одинъ за другимъ. Въ Ярославлѣ была опять изрядная погода; но теперь, слышу, опять идетъ досадный дождь. Я, благодаря Бога, здоровъ и все наше общество. Великій Князь и веселъ, и здоровъ, какъ мы того желаемъ.

Ты уже въ Царскомъ, если исполнила свое намѣреніе; поклонись отъ меня всему нашему доброму семейству; Сары Николаевны **) не забудь. Разцѣлуй ручки моихъ безцѣнныхъ учениковъ Великихъ Князей.

5.

Кострома, 14 Мая 1837 года, 7 часовъ утра.

Вчера пріѣхали мы сюда въ 8-мъ часу, и прямо въ Успенскій соборъ. Тысячи народа на городскомъ берегу съ жадностью ожидали

---

*) Должно быть Вадковская.

**) Мердеръ.

своего гостя, чтобы встрѣтить его по-русски въ колыбели возрожденія Русскаго царства; на берегу не было мѣста, тысячи стояли по поясъ въ водѣ въ Волгѣ, чтобы скорѣе насладиться лицезрѣніемъ его, чтобы ближе быть къ лодкѣ, на которой переѣзжали мы. Великій Князь нашъ насилу могъ добраться до экипажа, насилу экипажъ его могъ проѣхать чрезъ непроходимую толпу до собора и изъ собора въ домъ Борщова, на Сусанину площадь. Нельзя описать того, можно сказать, ужаса, съ которымъ народъ и здѣсь какъ и вездѣ на пути нашемъ толпится къ Великому Князю. Бѣда отдѣлиться на полшага отъ него: уже болѣе нельзя достигнуть до него; и бѣдные бока наши и ноги будутъ долго помнить Русскую любовь, Русскую привязанность къ Царскому Наслѣднику. Никакая полиція, ни чувство святости къ духовенству, встрѣчающему у храмовъ и провожающему Великаго Князя, ничто не останавливаетъ силы народной толпы. Вчера, при выходѣ изъ собора, толпа унесла, такъ сказать, далеко отъ дверей собора архіерея (отъ дверей церкви); онъ долго не могъ попасть назадъ въ церковь. Бѣдныя женщины дорого платятъ за свое желаніе полюбоваться прелестнымъ Наслѣдникомъ (какъ вездѣ называютъ его умильныя губки красавицъ и не-красавицъ). Часто жалкій женскій крикъ стона сливается съ непрерывнымъ ура! при входѣ и выходѣ изъ церквей, изъ домовъ, изъ экипажа Великимъ Княземъ. Здѣсь какъ-то особенно, кажется даже болѣе нежели гдѣ либо, народъ неугомоненъ: большая прекрасная площадь Сусанина, до поздней ночи усыпанная народомъ, не переставала гудѣть непрерывнымъ ура! даже и тогда, когда Великій Князь былъ уже въ постели. Сегодня я всталъ въ 7-мъ часу и передъ окнами таже толпа; кажется, какъ будто народъ не сходилъ съ площади. Вчера вечеромъ передъ окнами дома нашего горѣла отличная иллюминація; весь городъ былъ освѣщенъ; сегодня мы ѣдемъ въ Ипатіевскій соборъ, мѣсто достопамятное для Русскаго и еще болѣе для потомка Михаила Романова; будемъ осматривать и другія примѣчательности древней Костромы, впрочемъ и нынѣ весьма красиво отстроеннаго города, на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, на самомъ берегу, здѣсь уже широкой (болѣе нежели Нева передъ дворцомъ и крѣпостью) Волги. Погода намъ благопріятствуетъ со времени выѣзда нашего изъ Ярославля. Что за богатый и многолюдный край объѣхали мы въ эти три дня! Ярославская и Владимирская губерніи— богатство Россіи: на каждомъ шагу большія селенія съ огромными каменными церквами; ѣдешь, и кажется, что на Святой Недѣлѣ въ въ Петербургѣ: колокольный звонъ не перестаетъ гудѣть въ ушахъ. Вчера мы оставили городъ Шую, въ полномъ смыслѣ слова Русскій Манчестеръ, и богатое село Ивановское, тотъ же Манчестеръ. Ростовъ.

Переяславль-Залѣскій, Юрьевъ-Польской и Суздаль, города примѣчательные богатствомъ купечества, промышленностью, древностью и св. мощами въ нихъ хранящимися. Жаль только, очень жаль, что мы скоро, слишкомъ скоро ѣдемъ, чтобы съ желаемою пользою и удовольствіемъ все видѣть. Посылаю тебѣ образъ Святителя Димитрія Ростовскаго, которымъ благословилъ меня архимандритъ монастыря въ Ростовѣ, гдѣ хранятся нетлѣнныя мощи святителя. Сохрани сей образъ на память моего пребыванія въ Ростовѣ. Тутъ архіепископъ Августинъ, 90-лѣтній старецъ, давно уже на покоѣ проживающій въ Ростовѣ, произнесъ Великому Князю краткую, но примѣчательную по содержанію и выраженіямъ рѣчь. Онъ обѣщалъ мнѣ прислать ее, а я къ тебѣ ее доставлю.

6 часовъ вечера.

Мы поутру были въ Ипатіевскомъ монастырѣ, видѣли святыню Русскую: жилище Михаила Ѳеодоровича Романова.

Великій Князь былъ встрѣченъ рѣчью архіерея Владимира краткой, но умилившей, сочетаніемъ напоминовеній историческихъ событій съ настоящимъ, до слезъ всѣхъ слышавшихъ рѣчь сію. Я познакомился съ преосвященнымъ и пришлю тебѣ рѣчь сію, какъ только онъ исполнитъ обѣщаніе свое доставить мнѣ ее. Великій Князь нашъ восхищаетъ насъ собою: онъ удивительно какъ умѣетъ вездѣ очаровать своимъ обращеніемъ, своею непринужденною любезностью, своимъ достоинствомъ. Въ церквахъ онъ молится и дѣлаетъ земные поклоны, восхищающіе народъ Русскій; въ бесѣдахъ, ловкимъ обращеніемъ съ лицами по ихъ образованію и состоянію; при представленіяхъ—своимъ ласковымъ пріемомъ каждаго; при обозрѣніи выставокъ мѣстной промышленности и фабрикъ и заводовъ, своимъ вниманіемъ на предметы, заслуживающіе того. Наконецъ, сегодня въ Ипатіевскомъ монастырѣ онъ показалъ, сколь уважаетъ мѣсто и важность его въ исторіи его дома. Ни одинъ камушекъ уцѣлѣвшій не былъ имъ пройденъ безъ вниманія *).

---

*) Много лѣтъ спустя, уже Государемъ и послѣ раскрѣпощенія крестьянъ, Александръ Николаевичъ посѣтилъ и село Домнино, родину Сусанина. Съ супругою и дочерью онъ ѣздилъ туда и заходилъ не только въ тамошнюю церковь, но и въ крестьянскія избы. Поѣздка эта не была оглашена; мы знаемъ о ней отъ Н. М. Мясоѣдова, который служилъ тогда въ вѣдомствѣ Путей Сообщенія и принималъ участіе въ поправкѣ тамошнихъ плохихъ дорогъ. П. Б.

12 часовъ ночи, на 15-е число.

Ухъ! слава Богу, день кончился, и пребываніе наше въ Костромѣ почти также. Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, какъ говоритъ пословица; такъ и съ нами. Думалъ, что авось дальше уѣдемъ, меньше будетъ хлопотъ; совсѣмъ не такъ. Обозрѣнія, прогулки, балы, представленія, пріемы одолѣли совсѣмъ насъ. Мы всѣ въ городахъ подъ вечеръ безъ ногъ и безъ памяти. Такъ много предметовъ, такъ много лицъ новыхъ, что въ умѣ нельзя уладить всего, нельзя привести въ порядокъ идей. Меня еще къ тому одолѣваетъ, на прибавку, переписка со всѣми лицами отъ имени Великаго Князя, и прошенія, подаваемыя вездѣ, повсюду, особенно же въ Костромской губерніи (въ одинъ день болѣе ста): ихъ надо перечесть, разсортировать по содержанію, передать при бумагѣ по назначенію. Я объ этомъ и говорить не могу хладнокровно... Но все это надо дѣлать подъ криками неумолкаемаго ура!, при звукѣ двухъ хоровъ музыки, передъ носомъ стоящихъ, при любезности съ людьми, безпрестанно являющимися, то за тѣмъ, то за другимъ: одинъ съ поклономъ, другой съ вопросомъ по дѣлу и безъ дѣла. Ухъ! усталъ даже говорить объ этомъ. Радуюсь, однакожъ, что все, наконецъ, угомонилось. Великій Князь мой легъ спать сію минуту; иллюминація передъ окнами потухаетъ, народъ расходится по домамъ; только люди наши укладываются, чтобы завтра рано пуститься въ путь: мы выѣзжаемъ обыкновенно въ 7-мъ часу. Мы всѣ не знаемъ, что̀ съ нами будетъ дальше, если такъ продолжится. Мы всѣ радуемся, что завтра въѣзжаемъ въ лѣса, гдѣ людей меньше. Вотъ положеніе наше. Я ужъ не говорю объ А. А. Кавелинѣ, который усталъ больше всѣхъ,—и такъ усталъ, что часто себя не помнитъ. Ты можешь себѣ представить его въ этомъ положеніи, а онъ у насъ первый старшина. Жуковскій собраться не можетъ съ духомъ, Арсеньевъ съ мыслями, молодежь наша съ дѣломъ. Одинъ Великій Князь неутомимъ и всѣхъ насъ ободряетъ.

Сегодня Великій Князь подарилъ мнѣ эмалевый маленькій образъ Симеона Богопріимца (Срѣтеніе Господне); посылаю его къ тебѣ вмѣстѣ съ образомъ Дмитрія Чудотворца. Сохрани мнѣ ихъ. Первый получилъ Великій Князь въ Ипатіевскомъ монастырѣ, изъ рукъ неизвѣстнаго человѣка. Этотъ образокъ для меня особенно дорогъ по двумъ причинамъ.

15-е Мая, за полночь.

Сегодня, между прочимъ, мы посѣтили выставку Костромской промышленности: много, очень много хорошаго. Для любопытства посы-

лаю тебѣ описаніе Тверской и Ярославской выставокъ; жаль, что мы не имѣемъ времени даже обозрѣть, не только покупать; времени такъ мало: одинъ нашъ Великій Князь только имѣетъ пользу отъ сихъ выставокъ (и слава Богу!): онъ изучаетъ Русь въ ея твореніяхъ. Толпа людей мѣшаетъ намъ слѣдовать за нимъ и съ нимъ вмѣстѣ изучать выставленное. При свиданіи съ Юліей Ѳедоровной Барановой, засвидѣтельствуй ей мое усердное почтеніе; скажи, что племянникъ ея *) здоровъ, дежуритъ и занимается также составленіемъ журнала путешествія вмѣстѣ съ прочими нашими спутниками съ большимъ усердіемъ. Описаніе нашего путешествія ты можешь читать въ «Сѣверной Пчелѣ» или «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», которыя можешь получать вездѣ. Въ Царскомъ попроси г. Пріорова, чтобы доставлялъ тебѣ сіи послѣднія для прочтенія. Это наша общая работа, мы всѣ записываемъ видѣнное и потомъ составляемъ перечень, для отправленія къ Государю Императору.

Великій Князь пишетъ прилежно самъ свой журналъ, несмотря на усталость дневную, всегда по вечерамъ; онъ, сверхъ того, пишетъ часто письма и къ сестрицамъ своимъ. У насъ во всякомъ губернскомъ городѣ есть фельдъегерь, который забираетъ наши письма. Поклонись отъ меня Марьѣ Васильевнѣ и скажи ей, что я передалъ Великому Князю ея нѣжное къ нему чувство, весьма понятное: она его нянчила и берегла до 7-ми лѣтъ.—Не хочется оставлять пустую бумагу, а уже почти два часа. Окончу окончаніемъ нашего пребыванія въ Костромѣ. Здѣсь бала не было и по недостатку локаля, и по недостатку, кажется, достаточнаго для того знатнѣйшаго круга дворянства. Вмѣсто бала, однакожъ, было гулянье въ саду для лучшаго общества, которое, однакоже, при всемъ стараніи отдѣлаться отъ черни, было заглушено ею въ саду. Народъ: мужчины и женщины, старикъ и малый, черезъ заборъ перелѣзли въ садъ и наводнили его. Однакоже, въ бесѣдкѣ были представлены Великому Князю здѣшнія первыя дамы: губернаторша Приклонская (умная и пріятной наружности женщина), семья предводителя дворянства Купреянова, жена и двѣ дочери, воспитанницы Екатерининскихъ институтовъ (недурны собой), да и Зворыкины хорошенькія дѣвицы, воспитанницы также института. Изъ саду Великій Князь съ своею свитой катался по Волгѣ въ лодкѣ; мы любовались видомъ каравановъ, тянущихся вверхъ по Волгѣ къ Рыбинску. Это увеселеніе замѣнило балъ. Остальное время мы провели дома за чаемъ.

---

*) Графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ. П. Б.

14-е на 15-е Мая, 2 часа ночи.

Забылъ было исполнить желаніе твое, чтобы написать съ кѣмъ Великій Князь танцовалъ въ Ярославлѣ (про Тверь ничего не могу сказать: Ярославль и Кострома выгнали уже ее изъ памяти; такъ будетъ и съ Костромой). Онъ танцовалъ контръ-дансы съ женою полк. Гулевича, съ женою камеръ-юнкера Пономарева, съ женою г. Новицкаго, урожденной княжной Урусовой, что живетъ въ Ярославлѣ; о четвертой не могу вспомнить. Полонезъ съ тещей Полторацкаго, кн. Голицыной, съ Глѣбовой, женой предводителя дворянства, съ женою генерала ком. внутренней стражи и прочими пожилыми дамами. Видишь ты, какъ я исполняю твои желанія; даже скажу, что и я танцовалъ съ этими дамами.

Сегодня былъ званый обѣдъ у Великаго Князя; въ числѣ гостей былъ старикъ 90-лѣтній ген. Борщовъ, хозяинъ дома, богатый очень человѣкъ (отецъ камергера Борщова). Онъ былъ въ общемъ генеральскомъ мундирѣ, а нѣкогда носилъ Измайловскій мундиръ, ибо былъ нѣкогда командиромъ полка. На вопросъ Великаго Князя, почему онъ не носитъ Измайловскаго мундира? отвѣчалъ «моль съѣла». Вотъ тебѣ анекдотъ Костромской.—Еще о Великомъ Князѣ, о коемъ не могу не говорить: при переѣздѣ нашемъ черезъ Волгу, въѣзжая въ городъ, дворяне Костромскіе сѣли было на катеръ вмѣсто гребцовъ, чтобы имѣть честь перевезти своего гостя. Великій Князь спросилъ: «а Государь какъ переѣзжалъ черезъ Волгу?» Ему отвѣчали: съ обыкновенными гребцами.—Онъ вошелъ въ другую лодку, гдѣ были простые Волжскіе Костромскіе гребцы-крестьяне, поблагодаривъ усердныхъ дворянъ. Прощай, другъ мой, до Вятки.....

6.

Вятка, 19-е Мая 1837 года, полночь.

Черезъ нѣсколько часовъ мы оставляемъ Вятку—скучную, унылую, безъ дворянства, но наполненную ссыльными политическими преступниками и ябедниками. Мы оставляемъ Вятку безъ сожалѣнія, безъ воспоминанія; мы не имѣли въ ней даже той радости, которой непремѣнно ожидали: это вѣстей отъ близкихъ, дорогихъ сердцу. Чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ больше жажды отрадной вѣсточки.

Скорѣе бы пролетѣлъ предстоящій намъ грустный мѣсяцъ, скорѣе бы промчаться черезъ пустыни и пустыри, которые уже начались въ безпрерывной панорамѣ, съ тѣхъ поръ, можно сказать, какъ мы оставили Кострому, по крайней мѣрѣ богатую историческими воспоминаніями.

Вотъ тебѣ, другъ мой, короткое описаніе, но подробное, нашего переѣзда изъ Костромы до Вятки. Лѣсъ, болота, лѣсъ и все-таки по обѣ стороны дороги безконечный лѣсъ, на неизмѣримое пространство. Русскія лица, Русская физіономія исчезаютъ при переѣздѣ черезъ границу Костромской губерніи: начинается смѣсь Финскаго поколѣнія съ Славянскимъ. Одежда крестьянъ уже почти не Русская, избы ихъ строятся не порусски, а Богъ знаетъ покаковски; народъ бѣденъ, жалокъ, въ нищетѣ, особенно въ проѣздъ нашъ чрезъ часть Вологодской губерніи. Мѣстоположеніе и жители отвѣчаютъ одно другому, одинаково унылы. Одни берега Унжи гористые, хотя красивые, несносны были намъ также по трудности переѣзда. Вчера пріѣхали мы въ пять часовъ въ Вятку и по обыкновенію прямо въ соборъ. Этотъ соборъ одна примѣчательность города и одно воспоминаніе о немъ: архитектура и богатство внутреннее достойны лучшаго города.—Въ восемь часовъ были на выставкѣ здѣшнихъ издѣлій, богатыхъ только желѣзнымъ производствомъ Ижевскаго и Воткинскаго казенныхъ заводовъ, да Татарскимъ тканьемъ китайки. Кто бы повѣрилъ, да мы и сами не вѣрили, когда сказали намъ, что для пріѣзда Великаго Князя приготовленъ балъ въ Вяткѣ. Шутя слушали мы губернатора, говорящаго о балѣ: какъ, балъ въ Вяткѣ, гдѣ нѣтъ вовсе дворянъ въ губерніи? Это балъ отъ купечества (прилагаю пригласительный билетъ). Въ 10-мъ часу Великій Князь со свитой своей является по приглашенію. Нѣсколько разодѣтыхъ купчихъ (впрочемъ половина изъ нихъ по модѣ); да двѣ-три чиновницы, жены служащихъ въ Вяткѣ (почтмейстерша, полицеймейстерша и супруга командира гарнизоннаго баталіона, всѣ на перечетъ) стояли полукругомъ въ довольно порядочно освѣщенной, но не высокой залѣ, въ домѣ здѣшняго купца; мужья ихъ, купцы и чиновники, въ противуположной сторонѣ. Заиграла музыка, выписанная нарочно изъ желѣзныхъ заводовъ обанкрутившагося купца Яковлева (музыканты, аматёры большіе до хмѣльнаго, были подъ карауломъ на хорахъ, чтобъ не разбѣжались по кабакамъ), заиграли старинный польской, не упомню какихъ временъ, и Великій Князь открылъ сей знаменитый балъ съ богатой купчихой Машатской (патронессою бала), перебралъ по очереди всѣ знаменитости Вятковскія, и по обыкновенію былъ весьма любезенъ со всѣми. Его Высочество танцовалъ также и два кадриля: одинъ съ дочерью весьма недурной той же Машатской и съ полицеймейстершей (давнишнею воспитанницей Смольнаго монастыря, по счастію), которая однакоже, съ дворянскою претензіею, была забавна не менѣе многихъ купчихъ распестренныхъ выписными цвѣтами и блондами. Но довольно о балѣ семъ знаменитомъ, на которомъ не было болѣе ничего примѣчательнаго. Се-

годня мы провели день и въ скучной Вяткѣ не менѣе суетливо: въ пріемѣ представлявшихся чиновниковъ, купечества, духовенства, въ обзорѣ богоугодныхъ заведеній и прочее по предписанію. Послѣ обѣда ѣздили по рѣкѣ Вяткѣ. Видъ на городъ съ противуположнаго берега весьма красивъ, берегъ утесистъ и болѣе 20-ти сажень надъ водою почти перпендикуляренъ. Пьяные музыканты играли намъ въ предшествовавшей лодкѣ Русскія пѣсни; до нихъ еще не дошла музыка Русскаго гимна «Боже Царя храни»; они и не слыхали еще о сей музыкѣ Львова. Весь вечеръ Великій Князь писалъ журналъ свой и письма, а мы принялись за работу; я за мою обыкновенную въ губернскихъ городахъ: разбирать прошенія, коими насъ здѣсь заваливаютъ. Цѣлыя сотни лежатъ въ моей комнатѣ, я до полуночи едва могъ только разсортировать по содержанію. Вятка отличается и перещеголяла въ семъ отношеніи Кострому—ябедничествомъ.

Насъ преслѣдуютъ съ приглашеніями на балы; вездѣ мы находимъ депутатовъ дворянства изъ разныхъ губерній съ приглашеніями. Въ Вяткѣ мы нашли Симбирскаго депутата: это Карповъ, братъ адъютанта графа Эссена. Я по крайней мѣрѣ имѣю удовольствіе слышать отъ него о почтеннѣйшей нашей Елисаветѣ Петровнѣ, тетинькѣ, въ домѣ которой имѣетъ быть предполагаемый балъ. Карповъ умный и пріятный молодой человѣкъ.

Съ этимъ Карповымъ, какъ съ благонадежнымъ человѣкомъ, отправили мы въ Казань одного нашего товарища путешествія, Віельгорскаго, чтобы тотъ на мѣстѣ, въ ожиданіи нашего туда прибытія, полечился отъ своего недуга, отъ коего во время пути онъ не получилъ облегченія. Если увидишься съ графиней, матерью Віельгорскаго, то скажи ей, что эта мѣра не отъ крайности, но изъ предосторожности: докторъ нашъ Енохинъ полагаетъ, что больному нашему пребываніе въ Казани (почти мѣсяцъ пока мы туда прибудемъ) будетъ гораздо полезнѣе путешествія по степямъ и пустынямъ, куда мы теперь направляемъ путь свой, и что тогда онъ снова можетъ присоединиться къ нашему каравану, и вѣроятно съ бо́льшими силами. Туда мы ждемъ также пріѣзда и князя Ливена. Путешествіе наше, благодаря Бога, идетъ благополучно; начиная съ Великаго Князя нашего до послѣдняго изъ свиты, мы всѣ здоровы (Віельгорскій въ дорогѣ не поправился, но и не сдѣлался хуже), и экипажи наши, послѣ первыхъ поправокъ, также выдерживаютъ хорошо.

Въ глуши лѣсовъ мы отдохнули отъ шума народнаго и привыкаемъ или, лучше сказать, втягиваемся въ свое ремесло: ѣздить и глазѣть. Привыкаемъ, можетъ быть, и извлекать пользу. Пишу и до-

садую, что нѣтъ, какъ нѣтъ курьера. Пора мнѣ отдохнуть хоть съ часокъ передъ отъѣздомъ; мы рано должны отправить экипажи, по причинѣ большой переправы на паромѣ по разливу на 4-хъ верстахъ рѣки Вятки.

7.

22-е Мая 1837 г. Котело-воткинскій якорный казенный заводъ, Вятской губерніи.

Вчера на самомъ высокомъ пунктѣ Вятскихъ горъ, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Ижевскаго оружейнаго завода, догналъ насъ фельдъегерь съ письмами изъ столицы отъ 14-го Мая. Онъ примирилъ меня съ окружающими меня дикими красотами здѣшней природы, разнообразной до чрезвычайности. (Вся Вятская губернія несравненно живописнѣе всѣхъ доселѣ нами видѣнныхъ, но мертва, уныла по малости и бѣдности народонаселенія. Отрасли Уральскихъ горъ уже явно образуются здѣсь и покрыты лѣсомъ). Онъ примирилъ меня съ нѣмыми Вотяками и Черемисами, съ безобразными Вотячками.

Ты пишешь о твоей счастливой встрѣчѣ съ Императрицей; она такъ была милостива, что сама писала о томъ къ Великому Князю и приказала мнѣ сказать, что ты здорова. Благодари ее очень, очень за ея доброе вниманіе. Разцѣлуй ручки миленькихъ моихъ учениковъ *) ангельчиковъ великихъ князей, за ихъ дорогую любезность съ тобою, за угощеніе тебя чаемъ.

Завтра переѣзжаемъ мы въ древнюю Біармію; авось Пермяки не лучше ли покажутся намъ Вятскихъ Вотяковъ и Черемисъ. Ужъ какъ намъ надоѣли эти глупыя дикія существа! Кажется, мы заѣхали къ дикимъ Американцамъ: ни Русскаго языка, ни Русскаго лица. Безобразныя Вотячки и Черемисянки только отличаются своими лбами, унизанными старыми гривенниками и восьмигривенниками и которыя побогаче своими высокими уродливыми шишаками въ родѣ Павловскихъ шапокъ, осыпанными также серебряною монетою, съ лошадиными хвостами. По фигурѣ это настоящія Чухонки; а Черемиски отличаются еще широкими харями. Это прекрасный здѣшній полъ. Мужчины жалки. Простясь съ Костромскими красавицами въ Русскихъ коренныхъ кокошникахъ, съ Русскими тамошними мужичками,

---

*) Съ 1832 г. С. А. Юрьевичъ преподавалъ начала морской науки Великому Князю Константину Николаевичу, а съ 1836 г. училъ читать и считать Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. Съ 11-го Ноября 1826 по 1830 годъ онъ же училъ Наслѣдника Польскому языку. П. Б.

мы разстались съ Русскимъ «ура»! Только на Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ мы нѣсколько припомнили, что мы въ Россіи.

8.

23 Мая 1837 г. Котел.-Вотк. заводъ.

Еслибы можно было писать въ дорогѣ, сидя въ коляскѣ, я бы много писалъ къ тебѣ, но на ночлегахъ некогда, право некогда. Здѣшній народъ полудикій ужасно заваливаетъ насъ своими безтолковыми прошеніями; пріѣхавъ на ночлегъ, что̀ обыкновенно бываетъ поздно, должно разобрать эти глупыя просьбы, иначе не сладишь съ ними [1]). Здѣшнія Вотячки, несмотря на свою уродливость, ужасъ какъ развратны, особенно солдатки: всѣ просятъ возвратить имъ ихъ сыновей незаконныхъ, записанныхъ въ кантонисты, и въ своихъ курьезныхъ просьбахъ явно и чистосердечно разсказываютъ про свою слабость, умора какимъ языкомъ. Горе, а читать надобно!

Сегодня однакоже у насъ переѣздъ былъ невеликъ, всего 70 верстъ, и мы рано кончили обзоръ огромныхъ двухъ казенныхъ заводовъ: оружейнаго, гдѣ болѣе двухъ тысячъ изъ 15-ти тысячъ народонаселенія безпрестанно куютъ желѣзо и острятъ его противу враговъ царства Русскаго, гдѣ почти столько же, вѣчно въ огнѣ какъ Циклопы, выковываютъ сталь и желѣзо на потребу артилеріи и флота. Сегодня при насъ выковали якорь болѣе 300 пудовъ вѣсомъ, который и мы также съ Великимъ Княземъ колотили молотками. Эти Циклопы сдѣлали сюрпризъ Великому Князю: прекрасно иллюминовали свои домики плошками и яликъ на озерѣ разноцвѣтными фонарями à la Kia-King, что̀ сдѣлало прекрасный эффектъ по скату горъ, на которыхъ расположены жилища Воткинскихъ фабрикантовъ. На Ижевскомъ заводѣ вчера нашли мы также иллюминацію, но она уже догорала: мы пріѣхали за полночь на ночлегъ.

До сихъ поръ мнѣ не удается акуратно писать журналъ свой, за недосугомъ; и такъ, другъ мой, впредь хоть въ письмахъ на лету буду дѣлать мои летучія замѣчанія, которыя когда-нибудь прочту, если ты сохранишь письма мои.

---

[1]) Во время этого объѣзда 30-ти губерній было подано на имя Наслѣдника до 16 тысячъ прошеній, большею частію о пособіи. Каждое прошеніе было отсылаемо къ начальникамъ губерній, получившимъ по 5,000 р. въ раздачу наиболѣе нуждавшимся. Болѣе важныя прошенія отсылались къ министрамъ и въ Коммиссію Прошеній, и наконецъ самыя важныя Наслѣдникъ прямо отъ себя посылалъ Государю, по приказанію котораго всѣ вѣдомства во время этого путешествія должны были преимущественно заниматься прошеніями, поданными на имя Его Высочества (изъ послужнаго списка С. А. Юрьевича). П. Б.

Въ полученной нами «Сѣв. Пчелѣ», кажется въ 104 № (12-го Мая), прочли мы описаніе пребыванія Великаго Князя въ Новѣгородѣ, очень вѣрное; полагаю, что изъ другихъ городовъ будутъ писать также. Насъ удивляетъ, что наши бюлетени еще не напечатаны доселѣ, а мы изъ каждаго города губерискаго ихъ посылаемъ къ Государю. Чтобы знать на какіе предметы обращается больше вниманіе наше, читай оставленную мною тебѣ книжку: Указатель путешествія Великаго Князя [2]), а въ маршрутѣ смотри числа; до сихъ поръ мы еще нимало не отступили отъ предположеннаго. Случайности буду сообщать тебѣ: это дополнитъ картину нашего быта. Прощай! Завтра рано ѣдемъ къ обѣднѣ и пускаемся въ путь.

9.

24-е Мая (11½ ночи). Пермь.

Вчера въ одиннадцатомъ часу мы прибыли благополучно въ Пермь, иллюминованную плошками; а сегодня увидѣли, что это бѣдный городъ — хуже всѣхъ видѣнныхъ нами губернскихъ городовъ и хуже очень многихъ Великороссійскихъ уѣздныхъ: нѣсколько каменныхъ домовъ на высокомъ лѣвомъ берегу широкой Камы, да и тѣ оставлены почти въ развалинахъ; эти дома дѣлаютъ, однакожъ, нѣкоторый эффектъ, смотря на городъ съ середины рѣки, по которой мы катались въ лодкѣ. Это единственное увеселеніе, доставленное намъ въ Перми. Но за то погода, послѣ холодныхъ трехъ дней, вчера и сегодня препріятная, теплая, такая, что Пермяки не запомнятъ такихъ дней въ ихъ Маѣ мѣсяцѣ; говорятъ, что это для Великаго Князя.

Мы опереживаемъ въ нашемъ пути природу и здѣсь находимъ весну почти въ томъ видѣ, какъ оставили ее въ Петербургѣ: деревья только-что распускаются, и во вчерашній переѣздъ по горамъ видѣли въ ущельяхъ еще много снѣга. Вчерашній переѣздъ былъ намъ очень пріятенъ: переступивъ границы Вятской губерніи, мы снова вездѣ видимъ Русскія избы, Русскія лица, Русскіе наряды, почти такіе (и то, и другое, и третье), какъ въ Пулковѣ и Кузьминѣ. На Сибирскомъ трактѣ, на который мы выѣхали вчера, народы опять встрѣчаютъ насъ по-русски: это коренной Русскій народъ. Пермяки, говорятъ, живутъ

---

[2]) Рѣдкая нынѣ книжка эта называется: „Маршрутъ для Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича: С.П.Б. въ военной типографіи 1837.“ Мал. 8—ка, 29 стр. Начинается Петербургомъ (2 Мая) и продолжается на 11,749 съ полов. верстъ до Елисаветграда, гдѣ Наслѣдникъ 22-го Августа съѣхался съ Государемъ, выѣхавшимъ 1-го Августа изъ Царскаго Села. Въ Вознесенскѣ былъ тогда большой смотръ войскамъ. П. Б.

далеко на Сѣверѣ отъ большой дороги,—мы ихъ не увидимъ. Въ Перми, какъ и въ Вяткѣ, нѣтъ дворянства, да и знатнаго капитальнаго купечества очень мало. Въ губерніи хотя находится до 250 т. душъ помѣщичьихъ (раздѣленныхъ между 16-ю владѣльцами), но эти баричи живутъ или за-границею, или въ столицахъ. Строгоновы, Голицыны, Бутѣра, суть главнѣйшіе помѣщики-заводчики. Сегодня мы провели день, какъ обыкновенно, до обѣда въ осмотрѣ богоугодныхъ и училищныхъ заведеній; первыя здѣсь отличны, а вторыя жалки, кромѣ школы для дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ. Были на выставкѣ, богатой одними только натуральными произведеніями минераловъ и вообще издѣлій металическихъ; можно пройти цѣлый курсъ минералогіи, но купить было нечего, даже на память пребыванія въ Перми. Говорятъ, что въ Екатеринбургѣ мы найдемъ для сего богатое собраніе издѣлій здѣшнихъ заводовъ, единственныхъ въ Россіи. Въ Перми, какъ и въ Вяткѣ, насъ завалили прошеніями: здѣсь также многіе живутъ поневолѣ; въ особенности послѣ Польскаго мятежа сюда прислали много негодяевъ Поляковъ, которые всѣ просятъ Великаго Князя о возвращеніи на родину. Здѣсь, сверхъ того, царство раскольниковъ, коихъ нынѣ стараются обращать въ единовѣріе, но, кажется, съ сомнительнымъ пока успѣхомъ; ибо много просьбъ отъ раскольниковъ, чтобы избавили ихъ отъ миссіонеровъ православныхъ. О здѣшнемъ обществѣ говорить нечего: тутъ живутъ одни чиновники, которыхъ мы видѣли только при представленіи, а ихъ женъ и дочекъ, въ шляпкахъ и чепцахъ, мелькомъ, при выходахъ и при выѣздахъ; мало миловидныхъ лицъ: двѣ-три фигурки на весь городъ. Здѣшнія купчихи носятъ на головахъ разноцвѣтные платки съ бантиками, въ видѣ рожковъ. Вотъ отличіе Пермскихъ жителей. Довольно о Перми; больше и говорить о ней нечего.

Великій Князь мой прочелъ мнѣ сегодня то мѣсто письма Императрицы, гдѣ она говоритъ о тебѣ. Я разсказалъ ему порученіе твое поцѣловать его во снѣ. Онъ отвѣчалъ: не во снѣ, а на яву вы можете выполнить порученіе, поцѣловалъ меня и велѣлъ мнѣ поцѣловать тебя отъ него.

10.

Екатеринбургъ, 26-е Мая 1837 г. (½ 12-го ночи).

Сегодня въ 4 часа пополудни, взобравшись на самый высокій пунктъ Уральскаго хребта (близъ станціи Рѣшеты, въ 30-ти верстахъ отъ Екатеринбурга), на рубежѣ Европы и Азіи, я, съ спутникомъ моимъ К. И. Арсеньевымъ, приказалъ подать себѣ по рюмкѣ вина и

выпили его за здоровье, каждый, своего семейства, каждый за все свое, что оставили драгоцѣннѣйшаго въ Европѣ. Мы взглянули еще разъ на Европу, вздохнули каждый про себя, и черезъ минуту она была уже за горами. Мы по сильной наклонности начали спускаться на другую сторону, на Азіятскую сторону Уральскаго хребта, въ Екатеринбургъ, куда прибыли около 6 часовъ вечера и прямо отправились, не теряя времени, на старый монетный дворъ (гдѣ чеканится одна мѣдная монета, я взялъ копѣйку на память), оттуда на казенный золотопромывательный заводъ, оттуда въ лабораторію, гдѣ золото очищаютъ и перетапливаютъ въ слитки, оттуда на гранильную фабрику, гдѣ Сибирскій мраморъ, яшма, малахитъ и другіе минералы получаютъ прелестныя формы, украшающія царскія палаты и особенно Эрмитажъ нашей сѣверной Пальмиры. Здѣсь поднесены Великому Князю отлично выработанные и весьма похожіе портреты, изъ камня, Государя и Императрицы, чернильница изъ lapis-lazuri и огромная печать изъ горнаго хрусталя. Здѣсь показывали намъ самородные изумруды, такіе большіе, какихъ еще не было доселѣ доставляемо въ столицу: словомъ, въ блюдо величиною, съ кристалами изумруда почти въ четверть. Это новое богатство здѣшнихъ рудниковъ. Этимъ окончили мы сегодняшній день. Мы возвратились къ себѣ, т. е. въ отведенный намъ домъ главнаго начальника горныхъ заводовъ, лежащій надъ широкимъ разлитіемъ рѣки, которой воды и очищаютъ золото-гранитъ, и довольствуютъ до 10 т. народонаселенія Екатеринбурга. Въ 9 часовъ мы отобѣдали. Видъ города съ горъ прелестный, да онъ и внутри очень богатъ: около 120 каменныхъ домовъ украшаютъ его; въ особенности же домъ на высотѣ, противу занимаемаго нами (Харитонова—богатаго купца-заводчика-старообрядца, теперь сосланнаго въ Кексгольмъ на жительство); теперь домъ этотъ и весь городъ горятъ въ огнѣ иллюминаціи—прелесть! Пока довольно объ Екатеринбургѣ. Мы ѣхали все по Уральскимъ горамъ, на которыя начали взбираться, можно сказать, отъ самой Перми; вотъ почему говорятъ, что не замѣчаешь Уральскаго хребта, пока не начинаешь съ него спускаться на Азіятскую сторону. Погода намъ весьма благопріятствуетъ, спасибо ей: вчера при выѣздѣ изъ Перми пошелъ сильный дождь, но не продолжительный; онъ доставилъ намъ удовольствіе проѣхать въ эти два дня безъ пыли. Вообще, мы очень счастливы на погоду: только всего отъ Твери до Ярославля три дня дождь безпокоилъ насъ, а прочее все время мы имѣли прекрасную для путешествія погоду.

Еще разъ цѣлую тебя, моя милая Лиза; иду спать. Ложе мое возлѣ постели Великаго Князя, по обыкновенію. По обыкновенію, онъ близко; но ты теперь далеко отъ меня.

11.

28-е Мая 1837 года. Нижне-Тагильскій заводъ гг. Демидовыхъ, Екатеринбургскаго округа.

Я хочу описать тебѣ сегодняшній день, 28-е Мая, день странствованія нашего у подножія Уральскихъ горъ, нашу excursion изъ Екатеринбурга для обзора примѣчательныхъ частныхъ и казенныхъ заводовъ (не всѣхъ, ихъ здѣсь счету нѣтъ), но только нѣкоторыхъ.

Вчера, часу во второмъ, послѣ завтрака или ранняго обѣда, отправились мы изъ Екатеринбурга, налегкѣ, въ здѣшнихъ долгушахъ (родъ тарантасовъ), въ сопровожденіи главнаго инспектора горныхъ заводовъ полк. Менщенина; пили чай въ 7-мъ часу въ старинномъ домѣ наслѣдниковъ Яковлева, на Старо-Невьянскомъ желѣзномъ заводѣ (это первый заводъ въ семъ родѣ въ этихъ мѣстахъ,—тутъ передъ церковью монументъ первому владѣльцу: мѣдный бюстъ на чугунной колоннѣ) и въ 11-ть прибыли въ Нижне-Тагильскъ, на ночлегъ. Длинныя широкія улицы, много огромныхъ каменныхъ зданій и высокая гора съ обсерваторіею, все въ яркомъ огнѣ безчисленнаго множества плошекъ, поразили глаза наши, уже привыкшіе къ блеску сего рода; все это отражалось въ водахъ большаго резервуара горныхъ водъ, и иллюминованный ботикъ, посреди этихъ водъ, съ хоромъ музыкантовъ и пѣвчихъ, игравшихъ уже давно не доходившій до слуха нашего Русскій гимнъ Львова, довершалъ очарованіе наше.

Великій Князь съ истиннымъ удовольствіемъ любовался однимъ и слушалъ другое. Ему усладительна была музыка сія, послѣ оглушительнаго рева ура! болѣе 15-ти тысячъ заводскихъ крестьянъ Нижне-Тагильска. Въ первомъ часу ночи мы легли спать, и все утихло. Усталые, мы скоро заснули, послѣ легкаго ужина. Домъ, занимаемый нами, на берегу озера, домъ господскій, въ коемъ нынѣшніе господа отъ роду не бывали. Бьетъ часъ пополуночи; завтра встаемъ въ 5-ть; и такъ сегодняшній обѣщанный день до завтра. Я ужасъ какъ усталъ отъ сегодняшняго нисхожденія въ преисподнюю земли и отъ восхожденія на высокую гору, о чемъ хотѣлъ говорить сейчасъ, и заговорился о вчерашнемъ днѣ.

12.

29-е Мая, Екатеринбургъ, 2 часа ночи.

Мой Великій Князь не спитъ еще: пишетъ къ Государю. Я только что успѣлъ приготовить къ отправленію несносныя прошенія здѣшнихъ упрямыхъ старообрядцевъ. Бѣда да и только съ этими прошеніями: изъ коляски за работу и работу самую скучную—разбирать и

сортировать эти просьбы. Мы сегодня выѣхали въ 6-ть часовъ утра изъ Тагильскихъ заводовъ; въ 6-ть часовъ пополудни прибыли въ Екатеринбургъ и отобѣдавъ отправились къ 8-му часу на Берцовскіе казенные золотоносные пріиски, въ 12-ти верстахъ отъ города, гдѣ спускались въ подземныя на 8 саженей глубиной минныя золотыхъ рудъ галереи, и въ 10-ть возвратились обратно въ городъ. Завтра, или лучше сказать сегодня, мы послѣ ранней обѣдни оставляемъ Екатеринбургъ, отправивъ вмѣстѣ съ тѣмъ фельдъегеря съ письмами въ столицу. Хочу успокоить тебя, другъ мой, на счетъ полученія писемъ моихъ: фельдъегеря во всякомъ случаѣ будутъ проѣзжать черезъ Царское Село и лично доставятъ письма мои; они также будутъ заѣзжать и за твоими письмами: на это они имѣютъ личное повелѣніе добраго, внимательнаго къ положенію нашему Государя. Его Величество приказалъ забирать всякій разъ твои письма ко мнѣ, и у послѣдняго фельдъегеря изволилъ спрашивать лично, былъ ли онъ у тебя? Это царское вниманіе я считаю нѣкоторою отрадою въ разлукѣ, милостью, которою сердце мое глубоко проникнуто.

13.

29-е Мая, 3-й часъ ночи.

Пока Великій Князь мой еще продолжаетъ отчетъ свой Государю о пребываніи своемъ въ Екатеринбургѣ и окрестностяхъ, я постараюсь хотя въ кратцѣ разсказать тебѣ о пребываніи нашемъ въ этихъ истинно примѣчательныхъ мѣстахъ, въ этомъ поистинѣ золотомъ краю Россіи. Вчера, на разстояніи 200 верстъ, мы, такъ сказать, все ѣхали по золотымъ розсыпямъ; по обѣ стороны дороги безпрерывно видимъ золотоносные пески, самая дорога—золото.

Народонаселеніе здѣсь удивительно многочисленно; на каждомъ шагу деревни, а заводы—это города значительнѣе многихъ губернскихъ городовъ, въ особенности же Старо-Невьянскій, Нижне-Тагильскій, Кушвинскій, Туринскій и пр. (послѣдніе два казенные, на коихъ отливаютъ изъ чугуна артилерійскіе снаряды и орудія для крѣпостей).

Заводъ Нижне-Тагильскій Демидовыхъ -- это цѣлый міръ. Тутъ все есть, что̀ въ наилучше-устроенныхъ большихъ городахъ: школа на 100 учениковъ, отличная больница на 120 больныхъ, аптека, какихъ мало. Въ Тагилѣ мы обозрѣвали цѣлую огромную гору желѣзной руды, богатые мѣдные рудники; тутъ есть образчикъ желѣзной дороги на разстояніи 300 саженъ и паровозъ (устроенія крестьянина Черпанова); большая паровая машина, монументъ дѣду нынѣшнихъ владѣльцовъ (Демидову) изъ мѣди (отлитый въ Парижѣ); наконецъ, въ Тагилѣ мы

спускались въ шахту на сорокъ саженъ перпендикулярной глубины, чтобы видѣть чудо въ своемъ родѣ. Это чудо есть, такъ сказать, скала въ нѣдрахъ земли изъ малахита; труденъ былъ спускъ нашъ въ эту преисподнюю, по крутой, почти отвѣсной лѣстницѣ, устроенной только для привычныхъ къ тому людей; но мы были вознаграждены за этотъ великій подвигъ нашъ (Великій Князь и вся свита его спускались въ шахту), мы видѣли истинное чудо: малахитъ-монолитъ болѣе двухъ съ половиною саженъ длиною и около сажени высотою, который, полагаютъ, содержитъ вѣсу болѣе трехъ тысячъ пудъ. Его доселѣ оцѣнить нельзя. Великій Князь на память отбилъ для себя собственноручно порядочный кусокъ отъ этой скалы, что̀ и мы также сдѣлали, взявъ себѣ по значительному кусочку, собственноручно добытому. Я имѣю два куска, одинъ изъ нихъ отломанъ отъ куска Великаго Князя, и оба сохраню на память. Въ Тагилѣ есть еще другаго рода примѣчательность: гробъ бывшаго старообрядчика, монаха Іова, умершаго въ 1740-мъ году, къ коему приходятъ на поклоненіе всѣ здѣшніе раскольники и землю съ его могилы считаютъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, равно и воду протекающаго по близости гнилаго ручья (Рудянки). Берега этой Рудянки содержатъ и золотой песокъ, и платину: я получилъ кусокъ найденной здѣсь платины.

Для насъ казалось недостаточно было въ этотъ день быть такъ глубоко въ подземельи: надобно было испытать другаго рода трудность и усталость: это взобраться на высоту 1200 футъ (170 саженъ), на гору Благодать, всю состоящую изъ желѣзной руды. И здѣсь мы были награждены за трудъ свой. Величественная живописная панорама открылась глазамъ нашимъ: съ одной стороны безконечная цѣпь Уральскихъ горъ (гора Благодать стоитъ отдѣльно), а съ другой—необозримая низменность восточной Азіи; внизу озера, лѣсъ, множество воды. У подножія сей горы лежитъ Кушва, большое село съ чугуннымъ заводомъ. На горѣ поставленъ въ 1828-мъ году памятникъ изъ мрамора на чугунномъ подножіи одному изъ прежнихъ обитателей сей страны Вогулу, указавшему богатство горы сей Русскимъ въ 1730 году, за что̀ соотечественники его принесли его въ жертву своимъ идоламъ: сожгли его на горѣ, съ которой Русскіе выгнали и Вогуличей, и ихъ идоловъ.

Уже четвертый часъ. Великій Князь мой только что окончилъ свою работу; онъ ложится спать, да и я чувствую, что и мнѣ очень пора.

14.

Тобольскъ, 3 Іюня 1837 г., 11 часовъ вечера.

„Какое зрѣлище предъ очи,
Представила ты древность мнѣ?
Подъ ризою угрюмой ночи,
При блѣдной въ облакѣ лунѣ...
Я зрю Иртышъ... крутитъ, сверкаетъ,
Шумитъ и пѣной подмываетъ
Высокой берегъ и крутой“.
Поэма „Ермакъ“ Дмитріева.

Ровно въ 12 часовъ ночи, съ 1-го на 2-е Іюня, переправлялись мы чрезъ Иртышъ, въ полутора верстѣ отъ Тобольска. Передъ нами 30-ти-саженной крутизны отвѣсной берегъ Иртыша, при томномъ сіяніи проявлявшейся по временамъ изъ-за облаковъ луны, заставилъ меня вспомнить и громко произнесть прекрасные стихи Дмитріева изъ «Ермака», на самомъ мѣстѣ необыкновенныхъ подвиговъ сего знаменитаго казака-удальца, героя, наконецъ, въ нашей исторіи XVI столѣтія. Тобольскъ, при сліяніи Тобола съ Иртышемъ, самъ по себѣ незавидный городъ, хотя имѣетъ 15-ть каменныхъ церквей, лежитъ частію на горѣ, т.-е. на крутомъ берегу и частію (большею) на низменномъ мѣстѣ у самой рѣки, которое прежде было русломъ ея. Видъ на гору, съ низу величественный, а съ горы на городъ, съ безконечною далью—панорамическій. Иллюминованный домъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, на горѣ, представлялъ волшебный за̀мокъ на воздухѣ, во время нашего въѣзда. Мы остановились въ домѣ генералъ-губернатора Западной Сибири князя Горчакова. На другой день, т.-е. 2-го Іюня, мы сначала были въ соборѣ, потомъ на ученьи здѣшняго Сибирскаго линейнаго баталіона, потомъ Великій Князь принималъ представленія по обыкновенію и посѣщалъ выставку здѣшнихъ издѣлій Сибири; вечеромъ былъ балъ. Сегодня опять утро было посвящено осмотру учебныхъ и богоугодныхъ заведеній, а послѣобѣденное время на записываніе Великимъ Княземъ всего видѣннаго, а нами—каждый по своему дѣлу. Вотъ общій очеркъ нашего времени въ Тобольскѣ вообще. По желанію твоему имѣть рапорты о нашихъ балахъ, скажу, что балъ въ Тобольскѣ былъ хоть куда, не уступаетъ даже Ярославскому: общество дамъ здѣсь небольшое, но прекрасное (здѣсь много живетъ военныхъ) и локаль весьма порядочный для бала. Генералъ-губернаторша, княгиня Горчакова, милая дама, была хозяйкой бала. Великій Князь танцовалъ съ ней, кромѣ полонеза, кадриль и еще съ двумя полковницами, Скарлятовой и Черкасовой и капитаншей Линдфорсъ, дочерью здѣшняго коменданта, генерала Жерве, моего стараго

знакомца. Тутъ еще есть двѣ генеральши, Голофѣева и Потемкина, которыя особенно были замѣчены на балѣ. О Тобольскѣ довольно. Скажу, однакожъ, въ отвѣтъ на стихъ Дмитріева въ поэмѣ «Ермакъ»: «Гдѣ обелискъ твой, мы не знаемъ; гдѣ даже прахъ твой былъ зарытъ?» что здѣсь указываютъ мѣсто, гдѣ погибъ Ермакъ, и что ему воздвигается уже монументъ на высокомъ берегу Иртыша, близъ собора. Я посѣтилъ сегодня и то, и другое мѣсто съ В. А. Жуковскимъ и К. И. Арсеньевымъ. Жуковскій снялъ видъ перваго; я пришлю тебѣ копію съ его рисунка; на немъ я съ Арсеньевымъ представляемъ двѣ фигуры—вмѣсто двухъ, Дмитріева.

Тобольскъ, 4-е Іюня. ½ 1-го утра.

Говоря о Тобольскѣ, я забылъ тебѣ сказать, что здѣшняя губернаторша Повало-Швейковская, въ минуту пріѣзда нашего въ Тобольскъ, привѣтствовала Великаго Князя рожденіемъ сына. Великій Князь нашъ, всегда любезный, узнавъ объ этомъ, самъ вызвался быть воспріемникомъ новорожденнаго и подарилъ мать богатымъ фермуаромъ. Отецъ и мать новорожденнаго въ восторгѣ отъ такой счастливой случайности. Я хорошо познакомился съ Повало-Швейковскимъ и шлю тебѣ отъ него подарокъ: жестяной ящичекъ Сибирскаго издѣлія (не уступающій Европейскимъ, по рисовкѣ на немъ находящейся), палантинъ изъ шеекъ птицъ гагары и семь шкурокъ лебяжьяго мѣха. Славны бубны за горами! Ни здѣсь, ни въ Екатеринбургѣ я ничего не могъ достать порядочнаго купить: въ Тобольскѣ нѣтъ мѣховъ порядочныхъ (они бываютъ только переѣздомъ изъ Ирбитской ярмарки на Невскій проспектъ, въ магазинъ къ Чаплину), ниже хорошихъ каменьевъ въ Екатеринбургѣ, которые всѣ отправляются также на Невскій проспектъ къ Римехеру, Камереру и другимъ. И такъ, на Невскомъ проспектѣ скорѣе и вѣрнѣе найдешь то, что хорошее только случайно бываетъ здѣсь. Нѣсколько словъ о видѣнной нами части Сибири Западной. Мы проѣхали лучшія губерніи центральной Россіи и не видѣли ни такого бодраго, богатаго, виднаго, настоящаго Русскаго народа, какъ по нашему тракту отъ Екатеринбурга до Тобольска: женщины рѣшительно красивѣе и здоровѣе Ярославскихъ и Костромскихъ, даже одѣты ближе къ настоящему, національному костюму. Земля, т.-е. грунтъ, самый благодатный, вообще, черноземъ, и воздѣлана отлично. Наше воображеніе о Сибири совершенно было ложное: мы не видѣли, можно сказать, на пути болотъ, не только тѣхъ тундръ, кои воображеніе наше рисуетъ намъ, когда говоримъ о Сибири; вездѣ, на всемъ пути, веселые виды полей, луговъ, рощицъ красивыхъ. Только передъ То-

больскомъ, въ переѣздъ отъ Тюмени (богатаго города), надоѣли намъ безпрестанныя переправы чрезъ заливы безбрежнаго Тобола, на разстояніи 100 верстъ, въ томъ числѣ чрезъ Туру (7 верстъ), чрезъ Тоболъ (5 верстъ) и черезъ Иртышъ съ версту. Объ этомъ довольно.

И такъ мы совершили благополучно уже треть, при благословеніи Божіемъ, предназначеннаго намъ пути. Сердцу какъ-то легче дѣлается, какъ вспомнишь, что завтра мы отправляемся въ возвратный путь, хотя увы! отъ этого возврата еще далеко, очень далеко до возвращенія. Намъ, впрочемъ, некогда грустить. Съ товарищемъ моимъ, К. И. Арсеньевымъ, мы часто вспоминаемъ о своихъ и вмѣстѣ иногда погорюемъ; а иногда другъ друга развлекаемъ, то бесѣдою о своихъ, то мурлыканьемъ затверженныхъ въ дѣтствѣ національныхъ напѣвовъ, которыми онъ особенно богатъ; я вторю ему иногда. Посылаю тебѣ изъ Тобольска стебелекъ гвоздики и резеды, чтобы похвастать здѣшними цвѣтами предъ Царскосельской Флорой.

15.

9-е Іюня 1837 года, 2 часа пополуночи. Златоустовскій оружейный заводъ, въ Уральскомъ хребтѣ, въ 107 верстахъ отъ границы Европы и Азіи.

Мнѣ всегда приходится въ глубокую ночь писать къ тебѣ, другъ мой; но мое правило: прежде всего служба, а потомъ любовь и дружба. Не сердись за это: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ мы останавливаемся, столько накапливается работы, столько прошеній, что недостаетъ времени привести все въ порядокъ, все покончить раньше полуночи; сегодня работалъ до часу. Мой Великій Князь также не спитъ еще: онъ пишетъ къ Государю. Къ сегодняшнему письму его я прибавилъ ему нѣсколько строчекъ побольше письма: я просилъ его испросить у Государя, письменно, милостиваго благоволенія (не лично, ибо, за отсутствіемъ Его Величества изъ Царскаго, это невозможно) воспріять отъ купели будущаго нашего младенца. Я полагаю, что онъ благовременно сообщитъ тебѣ отвѣтъ Его Величества. Я просилъ также Великаго Князя повергнуть къ стопамъ Ея Величества Государыни Императрицы мою душевную чувствительнѣйшую благодарность за милостивое ея вниманіе къ тебѣ (о коемъ ты пишешь ко мнѣ отъ 30-го Мая), просилъ также разцѣловать ручки ангельчиковъ маленькихъ братцевъ его, за ихъ постоянную любовь къ тебѣ и память обо мнѣ. Жаль, что они уже не въ Царскомъ; я бы написалъ къ Марьѣ Васильевнѣ много благодарности за нихъ.

Изъ Тобольска я послалъ тебѣ (между прочимъ) два стебелька: гвоздичку и резеду (тамъ полевыхъ еще не имѣлось): теперь же посылаю три сорванныхъ на самой вершинѣ одной изъ самыхъ высокихъ горъ Уральскаго хребта, съ такъ-называемой горы Урала, вчера вечеромъ при спускѣ съ сей горы въ долину Златоустовскую, душистый héliotrope, колокольчикъ и горный нарцизъ. Что за прелесть въ сихъ мѣстахъ Уральскія горы: это Тироль, по словамъ покойнаго императора Александра, бывшаго здѣсь въ 1824 году. Нѣтъ никакого сравненія съ Екатеринбургскимъ проѣздомъ: тамъ одни только кедры и лиственницы, какъ нѣчто необыкновенное, поражали вниманіе наше, среди дикой, унылой природы; а здѣсь горы усѣяны благовонными цвѣтами. Одинъ Паганой («поднора луны», на Башкирскомъ нарѣчіи, самый высокій пунктъ Уральскаго хребта, до трехъ тыс. съ пол. футовъ вышины) только дикъ. Мы на него всходили сегодня, т.-е. Великій Князь, я, Паткуль и Адлербергъ: прочіе дошли только до половины горы и остановились.

Кстати объ нашей дорожной компаніи. Мы составляемъ двѣ главныхъ секты: чаистовъ и простоквашистовъ; это двѣ главныя партіи; есть еще партія пирожкистовъ, но она не сильна и впадаетъ или въ ту или другую секту. Во главѣ первой стоитъ А. А. Кавелинъ, его сильно держится Назимовъ: они пьютъ чай при всякомъ случаѣ, даже по пяти разъ на день. Во главѣ второй: я, потомъ нашъ Ескулапъ Енохинъ и Адлербергъ. В. А. Жуковскій хотѣлъ было составить особую секту: любителей пирожковъ, но, не имѣя успѣха, пристаетъ къ намъ, любителямъ простокваши. Думаю, что наступающіе жары еще болѣе увеличатъ мою секту. Великій Князь и Паткуль доселѣ составляютъ рѣшительный нейтралитетъ, т.-е. и пьютъ чай, и не отказываются отъ простокваши. К. И. Арсеньевъ не держится сильно ни одной, но болѣе склоненъ къ простоквашистамъ, хотя сначала поддерживалъ пирожкиста. Въ Казани общество наше увеличится, и мы увидимъ чья возметъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ пріѣзда князя Ливена; онъ намъ очень нуженъ (для лучшаго эффекта), и жаль, очень жаль, что онъ не могъ съ самаго начала быть съ нами: мы бы авось всѣ остались съ головами, или по крайней мѣрѣ не теряли ея, тамъ гдѣ нужно, гдѣ необходимо представлять и важность сана довѣреннаго лица, и хладнокровіе въ распоряженіяхъ, и всего важнѣе привѣтливость..... Во всякомъ дѣлѣ нужна опытность: князь Ливенъ, надѣюсь, болѣе всѣхъ насъ имѣетъ означенныя качества. Несмотря на все сіе,

Великій Князь нашъ держитъ себя прекрасно. Мы всѣ имъ не нахвалимся, не нарадуемся. Онъ при всемъ этомъ всегда и вездѣ чаруетъ всѣхъ своею привѣтливостью, своимъ милымъ, обворожительнымъ обращеніемъ.

Я заговорился о нашемъ обществѣ; впрочемъ, доселѣ я о немъ почти не упоминалъ и болѣе говорилъ въ статистическомъ отношеніи, касательно нашего путешествія. Сегодня за то ни слова не сказалъ о видѣнномъ нами на пути отъ Тобольска до Золотоуста. Не могу однакожъ не сказать, что Сибирь или часть ея, видѣнная нами, есть лучшій край и богатѣйшій изъ всего того, что̀ мы видѣли на пути нашемъ: природа, земля, жители все мы нашли въ превратномъ противу обыкновеннаго мнѣнія о Сибири; а это, какъ говорятъ, самая бѣдная часть Сибири. Отъ Екатеринбурга до Тобольска это прекрасная хлѣбородная равнина, могущая прокормить во сто разъ болѣе жителей, нежели сколько ихъ есть на мѣстѣ; безпрерывно рѣчки и большія рѣки прорѣзываютъ сію равнину; жаль только, что онѣ текутъ на Сѣверъ.

Отъ Тюмени, богатаго города, мы подавались все на Югъ, и болѣе и болѣе восхищались мѣстами прекрасной разнообразной природы. Мы въѣхали въ прекрасный Англійскій паркъ, въ Курганской уѣздъ. Тутъ милионы людей могли бы быть сыты: такъ много земли совершенно нетронутой рукою человѣка, и такъ земля хороша и обильна лѣсомъ и водами. И это мѣсто для преступниковъ, для ссыльныхъ! Въ Ялуторовскѣ и Курганѣ только видишь однихъ ссыльныхъ; въ первомъ поселено между прочимъ шесть человѣкъ, сосланныхъ за 14-е Декабря, и въ Курганѣ столько же, которые живутъ всѣ своими домами и промышляютъ кто чѣмъ хочетъ или можетъ. Нельзя довольно удивляться великой благости Государя, когда подумаешь о великомъ преступленіи безумцевъ, пользующихся всѣми благами міра сего, кромѣ возможности возвратиться на родину. Такъ я слышалъ отъ нихъ самихъ; это слова жены Нарышкина (урожденной графини Коновницыной). «Намъ только недостаетъ одного: видѣться съ родными своими». Я зналъ Нарышкину еще дѣвицей-графиней; я подошелъ къ ней, выходя изъ церкви; она узнала меня, спрашивала о братьяхъ (она однакожъ очень устарѣла; кажется, уважаемая всѣми женщина). Мужъ ея подошелъ также ко мнѣ; на немъ я не замѣтилъ слѣдовъ горя, впрочемъ онъ его никогда и не чувствовалъ. Примѣрная женщина, жена его, кажется, и за него, и за себя чувствуетъ. Они указали мнѣ домъ свой: это прелестная дача, съ прекраснымъ садомъ на берегу Тобола, и у берега красивая бесѣдка. Это лучшій домъ во всемъ городѣ

Курганѣ. Тутъ также видѣлъ я Розена, котораго зналъ прежде; онъ также здѣсь съ женою своею и дѣтьми; но этотъ носитъ печаль на лицѣ: у него дѣти, и о нихъ онъ много думаетъ. Они—крестьяне.

16.

Оренбургъ, 14-е Іюня 1837 года.

Третьяго дня (днемъ раньше предполагаемаго по маршруту) прибыли мы благополучно въ 5 часовъ пополудни въ Оренбургъ, проѣхавъ Уральскими горами изъ Златоуста до Верхне-Уральска 170 верстъ и отъ Верхне-Уральска 570 верстъ по линіи, вдоль по рѣкѣ Уралу, голыми, необозримыми, безплодными степями, въ виду кочевья Киргизовъ (прежде страшныхъ, а нынѣ почти безопасныхъ дикихъ сосѣдей нашихъ; Перовскій въ послѣднее время усмирилъ ихъ). О переѣздѣ этомъ, какъ о всякомъ трудномъ дѣлѣ, уже оконченномъ, пріятно будетъ вспомнить намъ нѣкогда. Вообрази себѣ голую равнину, необозримую степь, безъ жизни, безъ людей, безъ куста зеленаго; на всемъ этомъ протяженіи мы почти не теряли изъ вида Урала, тутъ жалкаго безбрежнаго ручья, отдѣлявшаго насъ отъ Киргизовъ и ихъ владѣній. Вотъ что́ имѣли мы для глазъ въ продолженіи трехъ дней; а для ночлега бѣдныя лачужки, въ такъ называемыхъ крѣпостяхъ, безъ укрѣпленій, или, лучше, въ казачьихъ притонахъ, расположенныхъ по всей Оренбургской линіи, для наблюденія за Киргизами, на разстояніи 30-ти верстъ или около, въ коихъ жители однѣ только казачьи жены, да отставные казаки-старики; молодые же, состоящіе на службѣ, составляютъ кордонъ по этому пространству и вѣчно на часахъ, на вышкахъ (родъ телеграфовъ) своихъ, глядя въ степь, за Уралъ, сторожа Киргизовъ. Два ночлега на семъ пути будутъ для Великаго Князя и для меня особенно памятны: въ душныхъ комнаткахъ, набитыхъ мухами и другими подобными насѣкомыми, мы провели вмѣстѣ двѣ ночи самыхъ несносныхъ; а это еще были домы тамошнихъ комендантовъ! Великій Князь говоритъ, что въ его горѣ было только одно утѣшеніе: что онъ не одинъ охалъ, то-есть, что я ему акомпанировалъ, ворочась также, какъ и онъ, съ боку на бокъ. На всемъ пути семъ только одно примѣчательное мѣсто: это Губерлинская станція, въ Губерлинскихъ горахъ (отрасль Уральскихъ горъ); тутъ въ ущельи образовывается ручеекъ Губерлъ, на берегу коего нѣсколько кудрявыхъ ивъ зеленью своею радуютъ взоръ странника, самыя же горы поражаютъ своею дикостью; это окаменѣлыя морскія волны. На одной изъ высотъ мы

остановились, чтобы наглядѣться на это каменное море. Жуковскій говоритъ, что это въ маломъ видѣ Швейцарія, но только голая. Оренбургъ—это оазисъ въ Киргизской степи, но только не природный, а человѣческое созданіе. Въ Оренбургѣ и Уралъ дѣлается уже рѣкою, проглотивъ нѣсколько ручьевъ, вытекающихъ изъ Губерлинскихъ горъ; Уральскія не даютъ ему достаточной пищи. Въ Оренбургѣ есть прекрасная ивовая роща, а на берегу Урала есть, хотя небольшой, но миленькій садикъ при загородномъ домѣ военнаго губернатора, разведенный еще графомъ Эссеномъ; есть много деревьевъ по улицамъ въ городѣ у строеній, что́ много оживляетъ городъ, лежащій среди песчаной степи, покрытой тощею травою. Городъ Оренбургъ чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ богатъ каменными зданіями; ихъ много и казенныхъ, и частныхъ строится; впрочемъ и теперь уже много каменныхъ домовъ и нѣсколько церквей, также каменныхъ. Пребываніе наше въ Оренбургѣ также будетъ намъ очень памятно: здѣсь мы на краю Европы и Азіи и больше въ Азіи, нежели въ Европѣ, по народонаселенію, по костюмамъ жителей. Тутъ на каждомъ шагу видишь или Башкирца, въ его остроконечномъ высокомъ колпакѣ, или Киргиза, въ его остроконечной невысокой шапкѣ; перваго въ синемъ чекменѣ, а послѣдняго въ пестромъ или пунсовомъ халатѣ.

15-е Іюня, 2 часа ночи.

Я не буду тебѣ описывать, другъ мой, всего того, чѣмъ угощалъ Перовскій своего гостя; для подробнаго описанія всего видѣннаго нами надобно много времени, а уже поздно; скажу только, что онъ мастерски успѣлъ соединить Европейскія удовольствія съ Азіятскими потѣхами. Вчера и сегодня мы все время провели, такъ сказать, у Киргизовъ въ степи. Поутру вчера, Европейскія войска, или лучше сказать, Азіятцы, образованные на Европейскій манеръ, новосформированные полки Башкирцевъ, смѣшанные съ Уральскими казачьими полками, стройными маневрами занимали Великаго Князя; а вечеромъ Киргизская орда, прикочевавшая нарочно для пріѣзда Великаго Князя къ Оренбургу, забавляла его всѣмъ, чѣмъ только могла: тутъ была скачка на Киргизскихъ лошадяхъ (на разстояніи 20-ти верстъ) маленькихъ полунагихъ Киргизятъ, мальчишекъ 7-ми и 10-тилѣтнихъ, которые, чтобы получить призъ (верблюда, лошадь, кафтанъ красный, платокъ и пр.) пролетали означенное пространство въ 29-ть минутъ; тутъ была также интересная скачка тѣхъ же мальчишекъ на верблюдахъ; тутъ была борьба дюжихъ, полудикихъ Киргизовъ, по ихъ манеру; тутъ были показаны образцы заклинанья змѣй, хожденія

босыми ногами по голымъ острымъ саблямъ, дикая пляска удалыхъ Киргизовъ, ихъ музыка на дудкахъ и гортанная. Среди кочевья Киргизовъ, прекрасная огромная галерея, нарочно выстроенная, послѣ всего нами видѣннаго, была назначена для отдохновенія вечеромъ; она вдругъ освѣтилась шкаликами, и откуда ни возьмись миленькія Европейскія личики въ бѣленькихъ платьицахъ, розовыхъ шляпкахъ (послѣ уродливыхъ Киргизскихъ бабъ, которыхъ мы видѣли въ юртахъ Киргизовъ) и Европейская бальная музыка, послѣ мяуканья Киргизскихъ дудокъ. Ничего не доставало для бала: кавалеровъ въ мундирахъ было достаточно, и начались контрдансы. Великій Князь мой до перваго часа танцовалъ съ представляемыми ему Оренбургскими красавицами, которыхъ здѣсь къ удивленію нашему, по справедливости (по крайней мѣрѣ онѣ такъ казались намъ) очень много. Я назову тѣхъ, съ которыми танцовалъ Великій Князь. Это все дочки здѣшнихъ генераловъ, всѣ отъ 16-ти до 20-тилѣтняго возраста, большая часть воспитанныя дома, но по манерамъ своимъ какъ бы сейчасъ изъ Петербургскихъ пансіоновъ: Стелличъ, Шуцкая, Ціолковская и Черторыжская. Кромѣ сихъ дѣвицъ Великій Князь танцовалъ еще съ дамами: Павловой, жена здѣшняго полковника; Даль, жена извѣстнаго сочинителя Русскихъ сказокъ (Казака Луганскаго), и Середа, жена полковника. Эта m-me Середа (по моему совсѣмъ непостная) весьма милая дама и вмѣстѣ съ Черторыжскою лучшіе цвѣтки здѣшняго цвѣтника. Черторыжская особенно хороша и еще очень молоденькая дѣвочка, ей только 16-й годъ. Вечеръ кончился фейерверкомъ (эти подробности пишу по твоему требованію).—Сегодня мы ѣздили посмотрѣть на чудо здѣшней природы, въ другомъ родѣ, на Илецкую соленую ломку. Дѣйствительно чудо! Соленая гора, которую колятъ на куски, какъ гранитъ; соли выкалываютъ каждый годъ на $1\frac{1}{2}$ милліона, и ея достанетъ по стольку на тысячу лѣтъ и болѣе. Въ бюллетенѣ изъ Златоуста ты прочтешь, что Великій Князь всходилъ на гору Уралъ. Это восхожденіе истинно было примѣчательно: гора около ста саженъ изъ всей высоты своей представляетъ голую скалу, составленную почти изъ такихъ штуфовъ, какъ гранитъ. Не всѣ могли за нимъ слѣдовать. Я нѣсколькими саженями не дошелъ до вершины, и только трое изъ свиты слѣдовали за нимъ, прочіе остались у подошвы, не имѣя духу и силы. Покойный императоръ Александръ также взлѣзалъ на эту гору, но до вершины не могъ. Великій Князь хотѣлъ дойти до нельзя—и дошелъ. О Златоустѣ я долженъ еще много говорить тебѣ, это примѣчательное мѣсто; но уже четвертый часъ, пора одѣваться.

(Продолженіе будетъ).

СПРЕНГТПОРТЕНЪ, ГЕРОЙ ФИНЛЯНДІИ

Глава изъ приготовляемаго къ печати историческаго изслѣдованія о присоединеніи Финляндіи къ Россіи (по Русскимъ документамъ).

Едва-ли найдется хотя одинъ истинно-Русскій человѣкъ, который по совѣсти могъ бы признать отношенія, существующія между Россіей и Финляндіей, правильными и для первой полезными. Въ тридцати верстахъ отъ столицы Имперіи прекращается оффиціальное значеніе Русскаго языка и вовсе не существуетъ силы Русскаго закона, Русской полноправности. Чужой таможенный чиновникъ зорко слѣдитъ, чтобы голова Русскаго сахара не попала на 31-ю версту отъ Русской столицы безъ уплаты запретительной пошлины въ три съ полтиной съ пуда, а бутылка сорококопѣечнаго Крымскаго или Кавказскаго вина не избѣгла равноцѣннаго ей платежа въ пользу Финской казны. Съ 31-й версты, откуда вы легко видите Петербугскіе купола и даже зданія, вексельный курсъ на этотъ самый Петербургъ *всегда*, обязательно, ниже чѣмъ на Парижъ, и въ вашемъ бумажникѣ съ Русскими кредитными рублями оказывается денегъ сразу на половину меньше, чѣмъ сколько ихъ было при выѣздѣ изъ Петербурга часъ назадъ; у встрѣчнаго же Финляндца, съ Финскими марками въ кошелькѣ, денегъ, напротивъ, стало вдвое больше. Этотъ Финляндецъ, кто бы онъ ни былъ, баронъ или мужикъ все равно, вздумалъ купить себѣ милліонный домъ на набережной рядомъ съ дворцами, согласился съ продавцомъ, уплатилъ деньги, и дѣло сдѣлано: никакого разрѣшенія ни у какого Русскаго начальства ему просить не придется. Но захотѣли вы, Русскій человѣкъ, купить гдѣ-нибудь въ Финляндскомъ захолустьи хотя бы клочокъ болота или десятину песчанаго пустыря, вы должны прежде испросить на то позволеніе Финскихъ властей, и дѣло пойдетъ длинной дорогою до самого генералъ-губернатора и даже въ Финляндскій сенатъ. Съ 31-й версты все тяготѣетъ уже не къ Петербургу, а къ Гельсингфорсу за 400 верстъ. Тамошній купецъ, также какъ всякій Выборгскій или Куопіоскій, можетъ торговать вездѣ въ Россіи наравнѣ съ Русскими купцами, ничѣмъ не поступаясь, ни въ чемъ своего обществен-

наго положенія не измѣняя; но Русскому купцу для торговли въ Финляндіи должно сдѣлаться сперва тамошнимъ гражданиномъ, для чего нуженъ продолжительный искусъ, если не послѣдуетъ особаго разрѣшенія губернатора. Финляндскій дворянинъ или баронъ будетъ дворяниномъ или барономъ не только въ Финляндіи, но и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и по всему лицу Россіи, въ деревнѣ и въ городѣ. Но вы, не Финляндскій, а Русскій, хотя бы самый именитый дворянинъ, Ярославичъ или Рюриковичъ, графъ или свѣтлѣйшій князь, если вы кромѣ того и докторъ философіи и даже президентъ академіи, въ Финляндіи вы—ничто, и ваши права считаются наравнѣ съ мужицкими, не болѣе. Это вовсе не значитъ, что тамъ царство демократіи, совсѣмъ напротивъ: въ Финляндіи насчитываютъ до 237 дворянскихъ фамилій, и каждая изъ нихъ имѣетъ своего представителя, свой полный голосъ въ законодательствѣ, на сеймѣ. Крестьянъ до 1.700.000; отъ нихъ 60 представителей, т.-е. каждый крестьянинъ имѣетъ нѣчто въ родѣ одной тридцатитысячной части голоса. Русскій обыватель въ Финляндіи, Рюриковичъ и Ярославичъ, если имѣетъ, то именно эту тридцатитысячную часть голоса *). Параллель можно было бы продолжать далеко. Сказать коротко: въ Россіи Финляндецъ—полноправный Русскій; въ Финляндіи Русскій—не болѣе какъ иностранецъ, такой же какъ Нѣмецъ или Англичанинъ.

Но Финляндія составляетъ часть Россійской Имперіи; на картѣ она обведена вмѣстѣ съ прочими частями Россіи общей зеленой полосой; откуда же эти поразительныя несообразности?! Вѣдь Финляндія трижды покорена Россіей: при Петрѣ Великомъ, при Елизаветѣ, при Александрѣ I-мъ; покорена окончательно, покорена силою оружія, жертвою сотенъ тысячъ Русскихъ жизней, сотнями милліоновъ рублей. Александръ назвалъ ее на весь міръ, и не одинъ разъ, Русской „провинціей". Такъ называли ее тогда и сами Финляндцы, и не было ни малѣйшаго протеста: это фактъ. „Финляндія необходима Россіи, говорилъ Наполеону I-му посолъ Александра, графъ Шуваловъ: царь Петръ не построилъ бы иначе своей столицы тамъ, гдѣ она теперь". „Постановленіемъ Имперіи нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, вѣщалъ императоръ Александръ (въ манифестѣ по случаю окончанія въ 1809 году Шведской войны, предоставившей Россіи Финляндію), измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира.... Торговля наша восприиметъ новое расширеніе" и т. д. Но вотъ прошло 60—70 лѣтъ, и граница Россіи, безъ понесенныхъ ею пораженій, даже вовсе безъ войны, чуть-ли не всѣми считается законно отодвинутою назадъ много дальше черты, оставленной своимъ потомкамъ великимъ Петромъ. Даже то, что̀ было исконнымъ достояніемъ еще царей Московскихъ, стало чуждымъ для Русскаго человѣка. Торговля „воспріяла такое расширеніе", что для нея на одинъ солдатскій переходъ отъ главнаго города Имперіи встала непроходимая стѣна.

---

*) Кромѣ указанныхъ представителей отъ крестьянства и дворянства, въ сеймѣ отъ 32 до 36 депутатовъ отъ духовенства и ученаго сословія и до 54 лицъ отъ городскаго сословія (Méchelin, Précis du droit publique de Finlande).

Какъ могла произойти такая непостижимая метаморфоза? Ослѣпилъ ли какой злой геній могучую Россію въ эти три четверти вѣка? Или какая Далила обрѣзала волосы этому Самсону?—„Не злой геній, и не Далила отодвинули границу и поставили монолитную стѣну, а Боргоскій сеймъ, который въ 1809 году договорился съ императоромъ Александромъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи“, воскликнетъ немалое число Русскихъ космополитовъ, повторяя то, что семьдесятъ пять лѣтъ сперва робко шептали, а потомъ громко говорили и, наконецъ, во весь голосъ кричали Шведо-финскіе сепаратисты. Таковы были-де условія присоединенія, и съ ними ничего не подѣлать.

Не вѣрьте, читатель! Боргоскій сеймъ тутъ ни причемъ, и всѣ ссылки на него не правда. Боргоскому сейму, какъ *совѣщательному* собранію, когда война еще не была окончена, поставлены были четыре частные вопроса, на которые даны были отвѣты, не имѣвшіе и тѣни (какъ и весь вообще сеймъ) обязательности для Александра или Россіи. Потомъ сеймъ не собирался цѣлыя 55 лѣтъ; но именно въ эти-то годы и состоялись и передвиженіе назадъ границы, и всѣ почти другія злоключенія. Насъ ослѣпило, насъ обезсилило передъ Финляндіей наше незнаніе нашей хотя бы новѣйшей исторіи, нашихъ собственныхъ правъ, наше отступничество отъ охраны даже тѣхъ, что намъ извѣстны. Воспользоваться этою нашею слабостью явились ловкіе, „захватцовые“, какъ говорили въ прошломъ столѣтіи, люди, которые самоувѣренную требовательность свою, ни на чемъ не основанную, довели до дерзости, и мы передъ ней малодушно отступили, не умѣя или не смѣя противостоять, и оказались связанными по рукамъ и по ногамъ. Изъ торжествующаго побѣдителя мы обратились въ приниженнаго. Это впрочемъ не ново въ нашей исторической жизни. Но если многое потеряно вслѣдствіе нашей слабохарактерности, то нѣчто все-таки остается еще поправимымъ. Нужно разогнать темноту, освѣтивъ присоединеніе Финляндіи къ Россіи, или точнѣе ея покореніе, историческимъ изслѣдованіемъ не по Шведско-финскимъ только источникамъ, но и по Русскимъ документамъ, что до сихъ поръ вовсе не дѣлалось.

Какъ бы въ видѣ вступленія въ такое изслѣдованіе представляется ниже краткій очеркъ жизни и дѣятельности Георга Магнуса Спренгтпортена, игравшаго въ Финляндскихъ дѣлахъ, какъ при Екатеринѣ, такъ и въ особенности при Александрѣ I-мъ, видную, хотя и мимолетную роль. Онъ былъ проводникъ идеи Боргоскаго сейма и его устроитель; его настойчивостью побѣждены колебанія Александра, бывшаго одно время противъ этой идеи. Онъ былъ первымъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ въ теченіи впрочемъ не болѣе 4—5 мѣсяцевъ. На Русской службѣ этотъ Шведскій выходецъ, приговоренный на родинѣ къ висѣлицѣ, достигъ въ Россіи высшаго военнаго чина генерала-отъ-инфантеріи и графскаго достоинства: заслуженно или нѣтъ, это покажетъ дальнѣйшее изложеніе. Спренгтпортенъ пользовался извѣстнымъ почетомъ и значительными окладами, игралъ роль между Русскими сановниками. Не подлежитъ сомнѣнію,

что онъ заслуживаетъ извѣстнаго мѣста въ исторіи нашихъ отношеній къ Швеціи и Финляндіи, и непонятно, почему энциклопедическія изданія о немъ умалчивали. Это несомнѣнно герой своего рода, хотя герой печальной памяти.

Нѣкоторые Шведскіе и Финскіе писатели относятся къ нему съ полнымъ уваженіемъ и его возвеличиваютъ. Въ „Военныхъ Коллекціяхъ", изданныхъ въ Стокгольмѣ еще въ 1798 году, напечатана статья о дѣятельности Спренгтпортена (переводъ ея находится въ Мемуарахъ его, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ). Въ предисловіи къ читателю нѣкій Sam. Möller, полковникъ и кавалеръ Шведскаго ордена Меча, указывая на эту статью уже въ 20-хъ годахъ этого столѣтія, говоритъ: „изъ нея видно, что уваженіе къ заслугамъ графа Спренгтпортена никогда не умретъ въ его отечествѣ". Еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи глава нынѣшней Финноманской партіи въ Финляндіи, извѣстный тамъ историкъ Коскиненъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета, нынѣ сенаторъ мѣстнаго Сената съ именемъ Форсмана. Онъ явился не только краснорѣчивымъ апологетомъ Спренгтпортена, но распространителемъ восторженнаго взгляда на него въ средѣ Финскаго народа помощію своего учебника исторіи для народныхъ школъ. „Но величайшаго торжества удостоилась память Спренгтпортена, говоритъ другой Финскій писатель Тигерстедтъ [1]), когда на Финляндскомъ сеймѣ сословіе Финскихъ крестьянъ чрезъ своихъ выборныхъ пріобрѣло въ вѣчную потомственную собственность означенный учебникъ; ибо понятно, что такимъ путемъ благоговѣніе и любовь къ Спренгтпортену будутъ все болѣе и болѣе укрѣпляться, и наконецъ вся нація (?!) станетъ смотрѣть на него какъ на своего истиннаго героя". *Ред.*

*

Георгъ Магнусъ родился 16-го Августа 1741 года [2]) въ Финляндіи. Отецъ его, Магнусъ Спренгтпортенъ, маіоръ Нюландскихъ драгунъ, слѣдуя подъ знаменами Карла XII-го, пріобрѣлъ, по словамъ нашего героя, болѣе славы нежели состоянія. Онъ разчитывалъ увеличить его, женившись вторымъ бракомъ на баронессѣ Элизѣ Эльфспарре (матери Георга), но и тутъ ошибся въ расчетѣ, получивъ въ приданое лишь знаменитое имя, украшенное двѣнадцативѣковою древностью и добродѣтелями. Впрочемъ, при другомъ случаѣ, именно въ мемуарѣ, представленномъ императору Павлу въ 1798 году, Спренгтпортенъ говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ совсѣмъ

---

[1]) „Спренгтпортенъ". Статья Я. К. Грота, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.", Январь 1885 г. Изъ нея беремъ эту выдержку.

[2]) Въ упомянутой статьѣ Мöллера, также какъ и у Я. К. Грота, рожденіе Спренгтпортена отнесено къ 1740 году. Приведенная цифра взята изъ собственноручныхъ Мемуаровъ его, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ. На нихъ основана и ближайшая часть разсказа.

иначе: „Мой отецъ со второй женитьбой нашелъ средства поправить свое состояніе, съ которымъ и уѣхалъ водвориться въ Финляндіи“. По словамъ автобіографіи, денежныя дѣла отца были тѣмъ въ большемъ безпорядкѣ, что, взятый въ великую Сѣверную войну въ плѣнъ, онъ провелъ четырнадцать лѣтъ въ Тобольскѣ, забытый и покинутый. По возвращеніи изъ плѣна и по совершеніи брака, едва успѣлъ онъ начать немного приводить въ порядокъ свои дѣла, какъ вновь загорѣлась война съ Россіей (1741—1743 гг.), въ продолженіи которой войска послѣдней заняли большую часть Финляндіи до самой Вазы. Многія семейства, боясь Русскаго владычества, бѣжали въ Швецію; въ числѣ ихъ была и мать Георга. Однако Швеція оказалась не на столько гостепріимной, какъ бѣглецы того ожидали; имъ пришлось возвратиться на родину, испытавъ немало лишеній. Спустя около пяти лѣтъ по окончаніи войны, умеръ отецъ Спренгтпортена, оставивъ вдову и четырехъ сыновей; старшіе трое, отъ перваго брака, были уже взрослые (trois grands gaillards); двое имѣли капитанскіе патенты, третій служилъ въ гвардіи въ Стокгольмѣ.

Нашъ Георгъ былъ помѣщенъ въ частный пансіонъ, но тамъ оставался недолго и отданъ къ учителю, который тоже не могъ съ нимъ сладить. Тогда его отправили къ богатому дядѣ въ Швецію. Это была вторая его туда поѣздка ребенкомъ; первую онъ совершилъ еще на груди матери, съ молокомъ которой, по его словамъ, онъ сосалъ ненависть къ... Швеціи. Почему къ Швеціи, а не къ Россіи, отъ владычества которой бѣжали Финскія семейства, и въ ихъ числѣ мать его? Автобіографъ нашъ мотивируетъ эту ненависть такими словами: Швеція n'a jamais su dorer la pillule aux fréquentes usurpations qu'elle a exercées contre nous *).

Дядя (добрый, но слабый генералъ) былъ снисходителенъ къ племяннику; но тетка, видѣвшая вѣроятно ближе наклонности мальчика, который самъ признается, что былъ шалунъ („mauvaise tête“) и кромѣ того развитъ и очень силенъ не по лѣтамъ, не могла выдержать его присутствія въ своемъ домѣ болѣе двухъ лѣтъ. Мать принуждена была пріѣхать за нимъ и увезти обратно въ Финляндію. Георгъ числился уже капраломъ въ кавалерійскомъ полку. На родинѣ воспитаніе его пошло еще хуже; средства матери были скудны; средства Финляндіи по части педагогической были также невелики. Около этого времени король Адольфъ-Фридрихъ посѣтилъ Финляндію. Мать Георга нашла случай представить его королю, результатомъ чего было помѣщеніе молодаго Спренгтпортена въ учрежденную тогда въ Стокгольмѣ на собственныя королевскія средства военную школу. Училище это было поставлено въ отношенія довольно близкія ко двору: кадеты дежурили при особахъ королевской фамиліи и несли обязан-

*) Швеція никогда не умѣла позолотить пилюлю при частыхъ захватахъ, практиковавшихся ею противъ насъ.

ности, сходныя съ обязанностями нашихъ пажей. Но близость къ дамамъ высшаго придворнаго общества была не пó-сердцу корпусной молодежи, а въ томъ числѣ и Спренгтпортену, который по собственному его признанію былъ темперамента необузданнаго (tempérament fougueux). Для этихъ подростковъ были безъ сравненія пріятнѣе „les guinguettes de la ville, où les jolies grisettes fesaient plus de cas de mes petites manières qu'une vielle dame de la cour" *). Съ такими вкусами, понятно, кадеты не любили пребыванія при дворѣ, и при невоспитанности вели себя тамъ очень дурно.

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ происходили кровавыя событія. Сеймъ 1755 года принялъ такія предложенія, которыя низводили значеніе короля до послѣдней степени ничтожества, перенося всю власть на народныхъ представителей, или вѣрнѣе на дворянство. Слабодушный Адольфъ-Фридрихъ примирялся повидимому съ такимъ своимъ положеніемъ; но энергическая и властолюбивая супруга его, Луиза Ульрика, не осталась спокойною. Задумавъ произвести переворотъ, и для полученія денегъ заложивъ данные ей на государственный счетъ брилліанты, она стала во главѣ заговорщиковъ. Въ ихъ числѣ были графы Браге, Горнъ и другіе; къ заговору примкнулъ и учитель военнаго корпуса капитанъ Стальсвердъ. Но умыселъ открылся, и 8 человѣкъ поплатились головами; среди нихъ былъ и учитель Спренгтпортена. Были указанія на то, что военный корпусъ долженъ былъ участвовать въ переворотѣ. Поэтому кадетамъ велѣно присутствовать при казни. Выведенные на площадь, они, въ томъ числѣ и Спренгтпортенъ, поставлены были въ строю такъ близко къ эшафоту, что когда палачъ отрубилъ Стальсверду голову, то кровь не только брызнула нашему юношѣ на платье, но даже попала ему на лицо. Фактъ этотъ (дѣйствительный или вымышленный — судить трудно; указаніе на него есть только въ автобіографіи) Спренгтпортенъ ставитъ въ связь съ послѣдующими своими враждебными отношеніями къ королю и къ Швеціи.

Все это случилось въ 1756 году. Корпусъ былъ закрытъ, и 16-тилѣтній Спренгтпортенъ остался одинъ, на свободѣ, никѣмъ не стѣсняемый. Здѣсь сказался его темпераментъ и тотъ недостатокъ нравственнаго воспитанія, которымъ отмѣчено его дѣтство.

„Игра и женщины занимали меня поочередно (пишетъ объ этой эпохѣ самъ герой). И какія женщины?! Не добродѣтели приноситъ молодость первыя свои поклоненія. Нигдѣ распущенность не собираетъ лучшую жатву прекрасныхъ сиренъ, какъ въ Стокгольмѣ, гдѣ этотъ полъ вообще имѣетъ много представительницъ очень милыхъ, но и очень легкихъ и доступныхъ. Къ счастію, я много выигрывалъ, играя удачно".

---

*) Для этихъ подростковъ были безъ сравненія пріятнѣе городскіе кабачки, гдѣ хорошенькой гризеткѣ больше нравились мои плохенькія манеры, чѣмъ какой-нибудь старой дамѣ при дворѣ.

Подвиги сына не могли не дойти, наконецъ, до матери и заставили ее съ сокрушеннымъ сердцемъ переѣхать для ближайшаго за нимъ наблюденія опять въ Стокгольмъ. Здѣсь она наняла, въ 6-ти верстахъ отъ города, небольшую мызу у одной родственницы и водворила съ собой сына. Однако и этотъ образъ жизни продолжался недолго: родственницѣ было нестерпимо присутствіе распущеннаго юноши, и они разстались. Георга помѣстили къ пастору, подъ его надзоръ и ученье. То былъ добрый человѣкъ, но строгій педагогъ. Свое пребываніе у него Спренгтпортенъ сравнивалъ съ тюремнымъ заключеніемъ и не находилъ между ними много разницы. За каждымъ шагомъ юноши слѣдили неустанно. Но это продолжалось недолго. Георгъ вкрался въ довѣріе своего ментора, и прежнія похожденія возобновились. Дочь сосѣдняго садовника приглянулась ему, и мѣсто науки заняли работы въ саду вмѣстѣ съ Элизой; за трудъ платилось поцѣлуями. „Милая Элиза, я еще вижу тебя предъ собой!“ восклицалъ Спренгтпортенъ въ своихъ Мемуарахъ, бывъ уже 56-ти лѣтнимъ человѣкомъ, почти старикомъ.

Этимъ кончилось воспитаніе и образованіе Георга, и вскорѣ началась его дѣйствительная служба. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ перебывалъ въ разныхъ отрядахъ, пробылъ годъ въ плѣну, послужилъ и въ Прусской арміи. Онъ особенно отличался въ такъ называемой малой войнѣ, гдѣ дѣйствуютъ небольшими массами войскъ, не въ правильныхъ сраженіяхъ, а засадами, хитростями, нечаянными нападеніями. Въ одномъ дѣлѣ, напримѣръ, онъ замаскировалъ своихъ людей, надѣвъ на нихъ непріятельскія шапки.

Въ 1771 году вступилъ на престолъ Густавъ III. Властолюбіе молодаго короля не могло помириться съ тѣмъ уничиженіемъ, въ которомъ онъ находился, и въ слѣдующемъ же году произошелъ государственный переворотъ, который вернулъ ему большую часть отнятыхъ прежними сеймами правъ. Главнымъ помощникомъ Густава былъ старшій братъ Георга, Яковъ Спренгтпортенъ; но и Георгъ, уже въ чинѣ маіора, энергически ему содѣйствовалъ. Въ награду онъ съ своими драгунами переведенъ въ столицу и назначенъ начальникомъ королевской гвардіи. Казалось, все улыбалось ему: милости Густава сыпались не только въ видѣ отличій, но и золотымъ дождемъ. Однако неспокойный характеръ и ненасытная требовательность побудили желать удаленія нашего Спренгтпортена изъ Стокгольма, и онъ, съ большимъ впрочемъ повышеніемъ, отправленъ въ Финляндію въ качествѣ начальника Саволакской бригады. Здѣсь честолюбіе его нашло себѣ на время пищу, и онъ употребилъ его съ пользою. Дѣйствія его по командованію бригадою были настолько громки, что молва о нихъ перелетала черезъ сопредѣльную съ Саволаксомъ Русскую границу и доносилась даже до Петербурга, вѣроятно въ увеличенномъ и украшенномъ видѣ.

Но люди ко всему привыкаютъ; привыкъ и Спренгтпортенъ къ своему видному положенію, и честолюбіе вновь стало грызть его. Служба при Густавѣ, въ Стокгольмѣ, сдѣлалась его ближайшею цѣлью, однако не да-

валась ему въ руки. Густаву онъ былъ рѣшительно не симпатиченъ: да и вообще Спренгтпортенамъ не придавали большой цѣны при Шведскомъ дворѣ, признавая въ нихъ слабыя головы. Баронскій титулъ, тѣмъ не менѣе, онъ успѣлъ себѣ выхлопотать. Но затѣмъ, когда въ 1778 г. Георгъ готовился отправиться на созванный въ томъ году сеймъ, отъ короля совершенно неожиданно были доставлены 1000 спеціесъ-талеровъ съ порученіемъ Спренгтпортену вмѣсто сейма ѣхать за границу подъ предлогомъ знакомства съ состояніемъ иностранныхъ армій. Понятно, что порученіе это принято было имъ не съ особенною радостію. Тѣмъ не менѣе въ началѣ слѣдующаго года онъ пустился въ путь чрезъ Петербургъ, гдѣ по слухамъ о его дѣятельности въ Саволаксѣ принятъ былъ какъ своего рода знаменитость.

По Европѣ Спренгтпортенъ проѣхалъ довольно быстро, но въ Парижѣ, можно сказать, пустилъ корни, и оставался тамъ въ теченіе всего 1780 года. Безграничное веселье и разгулъ закружили нашего героя, знатока по этой части съ молодыхъ ногтей. Друзья изъ Стокгольма старались образумить его и превести въ рамки безумное его мотовство, но тщетно: онъ затянулся въ долги, изъ которыхъ король недостаточно, по мнѣнію Спренгтпортена, выводилъ его. Только въ Августѣ 1781 г. уѣхалъ онъ обратно въ Финляндію, получивъ въ ссуду для разсчета съ кредиторами значительную сумму отъ Шведскаго посланника въ Парижѣ, графа Крейца. Но до отъѣзда его графъ Крейцъ хлопоталъ, очевидно не безъ воли своего короля, объ опредѣленіи Спренгтпортена во Французскую армію, дѣйствовавшую въ Америкѣ. Требовали назначенія ему 12 тыс. ливр. жалованья и единовременной выдачи на путевые расходы. Дѣло кончилось однако ничѣмъ. Съ твердостью, достойною подражанія, военный министръ Сегюръ сказалъ нашему искателю приключеній: „Я увѣренъ, что вы можете быть употреблены въ дѣло; но мы также имѣемъ добрыхъ слугъ, и я не буду рекомендовать иностранца преимущественно предъ пятью стами соотечественниками, коимъ я вынужденъ былъ отказать въ этой милости“ [1]). Тѣмъ не менѣе графъ Крейцу удалось выхлопотать для своего расточительнаго земляка пособіе въ 11,000 франковъ [2]). Это была капля въ морѣ.

Недовольный своимъ положеніемъ, Спренгтпортенъ думалъ произвести давленіе на короля и сталъ проситься въ отставку, однако сильно ошибся въ разсчетѣ. Просьба его была удовлетворена скорѣе, нежели онъ могъ ожидать. Впрочемъ при увольненіи Густавъ оказалъ ему новую милость: въ вознагражденіе за оставляемую должность (прежде онѣ законно продавались въ Швеціи) Спренгтпортенъ получилъ 36 тыс. франковъ, къ которымъ прибавлено потомъ еще 24 тыс. за счетъ его жены.

Озлобленный и безъ дѣла, Спренгтпортенъ поселился въ Финляндіи, на мызѣ, доставшейся ему по завѣщанію тетки, и началъ сперва глухую, а

[1]) Письмо Спренгтпортена отъ 8-го Апрѣля 1781 г. И. П. Б. Mémoires.

[2]) Письмо графа Крейца отъ 4-го Апрѣля 1781.

потомъ довольно открытую работу по отторженію Финляндіи отъ Швеціи. На сеймѣ, само собою разумѣется, онъ былъ вмѣстѣ съ крайней лѣвой. Идея отдѣленія Финляндіи не была новостью, хотя число ея сторонниковъ всегда было очень ограничено. Уже въ манифестѣ императрицы Елисаветы Петровны, въ войну 1741—43 гг., упоминалось о такомъ отдѣленіи. Вскорѣ послѣ Абоскаго мира составился даже заговоръ съ цѣлію избрать въ Финляндскіе короли великаго князя Петра Ѳедоровича, съ тѣмъ чтобы новое королевство состояло подъ покровительствомъ Россіи. Одинъ изъ составителей проекта Викманъ былъ схваченъ и казненъ. Дѣло тѣмъ и кончилось. Спренгтпортенъ, бывая въ Стокгольмѣ, также находился въ сношеніяхъ съ Русскими посланниками, но давалъ своимъ проектамъ другое направленіе. Сперва онъ предлагалъ корону Финляндіи младшему брату короля, Фридриху, любимцу матери-королевы Луизы-Ульрики. Это однако не устроилось. Потомъ замышляли великое герцогство Финляндское предоставить другому брату короля, Карлу герцогу Зюдерманландскому (впослѣдствіи королю Карлу XIII). И здѣсь было не больше успѣха. При достаточномъ запасѣ революціонныхъ идей, вывезенныхъ изъ Франціи, гдѣ онѣ были въ ту пору уже въ полномъ разцвѣтѣ, Спренгтпортенъ сочинилъ новый проектъ Финляндской республики и передавалъ его нашему посланнику въ Гагѣ, Колычеву *). Но и эти хлопоты остались безъ успѣха.

Тѣмъ временемъ нужда, вмѣстѣ съ расточительностью, заставили Спренгтпортена вновь искать иностранной службы. Политическіе проекты, питая злобу къ Густаву, не могли наполнить золотомъ его кармана, этой своего рода бочки Данаидъ. Онъ дѣйствительно пристроился къ Голандскому корпусу волонтеровъ, готовившемуся противъ Австріи. Предпріятіе это не состоялось; тѣмъ не менѣе за нѣсколько мѣсяцевъ службы нашему счастливцу была назначена отъ Голандскаго правительства пенсія въ 5,000 флориновъ. Очевидно, рука Густава помогала здѣсь и, такъ или иначе, старалась умиротворить безпокойнаго подданнаго, революціонные проекты котораго были небезъизвѣстны.

Такимъ образомъ, Спренгтпортенъ оказывался въ безбѣдномъ положеніи. Упомянутая выше мыза, полученная отъ тетки, половина большаго имѣнія брата его, Якова, поступившая по смерти послѣдняго также въ его владѣніе, 2 тыс. рейхсталеровъ пенсіи отъ Густава и 5 тыс. флориновъ отъ Голандцевъ, это были средства болѣе чѣмъ достаточныя, но при условіи благоразумной и правильной жизни. Для Спренгтпортена же, среди игры, женщинъ и безпутнаго мотовства, его средства были нѣчто нищенское, и онъ утопалъ въ долгахъ. Онъ попросилъ было у Густава увеличенія пенсіи, но получилъ отказъ; сталъ домогаться опредѣленія вновь на службу и удостоился отъ его королевскаго величества совѣта оставить революціонные свои замыслы. При такихъ условіяхъ нашъ герой рѣшился

*) Колычевъ переслалъ его Русскому посланнику въ Стокгольмѣ, Маркову.

искать фортуны, славы и денегъ у Сѣверной Царицы, молва о богатствѣ и щедрости которой облетѣла уже давно всю Европу. Едва-ли было для него что либо дорогаго въ Швеціи. Финляндію, родину, хотя иногда и называлъ онъ своимъ божествомъ [1]), въ другихъ случаясь не обинуясь именовалъ однако варварской страной (un province barbare [2]). Къ королю онъ питалъ нескрываемое недоброжелательство, хотя, выманивая деньги, и увѣрялъ въ глубокихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Семейныя узы, еслибы даже имѣли для него значеніе (чего нигдѣ и ни въ чемъ не видно), теперь уже совсѣмъ почти распались. Мать умерла четыре года назадъ; оставшійся въ живыхъ братъ былъ преданъ Густаву, и потому съ Георгомъ у него не могло быть близости; жена, послѣ несчастнаго 20тилѣтняго супружества, умерла незадолго передъ тѣмъ, въ 1785 году. Изъ двухъ законныхъ сыновей, одинъ умеръ малолѣтнимъ; другаго, Магнуса-Вильгельма, мальчика 14-ти лѣтъ, собираясь теперь переселиться въ Россію, онъ бралъ съ собой. Густавъ, дававшій свое разрѣшеніе на выѣздъ отцу, не желалъ отпускать сына, который также глядѣлъ на выселеніе въ ненавистную Россію съ непріязнію. Но ни королевская воля, ни сопротивленіе Вильгельма не имѣли успѣха. При отъѣздѣ Спренгтпортена, Густавъ оказалъ ему новую милость. Экспатріація, по Шведскимъ законамъ, была сопряжена съ отчисленіемъ въ пользу государства десяти процентовъ со стоимости имущества; король освободилъ Спренгтпортена отъ этого платежа.

Не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, самъ ли Спренгтпортенъ предложилъ Россіи свои услуги, или его туда пригласили. Положительныхъ данныхъ для отвѣта мы не имѣемъ, но есть основанія склониться болѣе на сторону перваго предположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, Екатерина не прочь была имѣть его на своей службѣ. Онъ уже давно извѣстенъ былъ по сношеніямъ съ Русскими министрами въ Стокгольмѣ, какъ членъ крайней оппозиціи, и хотя въ этомъ качествѣ полезенъ былъ бы на Шведской почвѣ, однако, заявивъ себя энергическими дѣйствіями въ Саволаксѣ, могъ быть небезполезенъ и въ Россіи. У него былъ уже, какъ сказано, готовый проектъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, и даже нѣсколько проектовъ. Это имѣло на случай надобности свою цѣну. Для Екатерины, которая, помимо политическихъ соображеній, питала и личную непріязнь къ Густаву, имѣть подъ рукой такого человѣка было недурно.

Спренгтпортенъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ Сентябрѣ 1786 года [3]). Несмотря на неособенно блестящее денежное положеніе (по нѣкоторымъ

---

[1]) Эпиграфъ къ Мемуарамъ Спренгтпортена: L'amour fut mon passe-temps, mon métier fut la guerre, la patrie mon idôle et la gloire ma chimère.

[2]) Письмо къ Ульриху Шефферу, 1778 г.

[3]) Въ превосходномъ изданіи Н. П. Барсукова „Дневникъ А. В. Храповицкаго", переселеніе это не точно отнесено ко времени Шведской войны, къ 1788 году.

свѣдѣніямъ, у него всего было 1,000 риксталеровъ въ карманѣ), онъ прибылъ изъ Швеціи въ Россію на собственной яхтѣ. Въ Петербургѣ „Егоръ Максимовичъ" нанялъ большой домъ, имѣлъ для прислуги двухъ Французовъ камердинеровъ, выѣзднаго лакея, повара. При немъ, для бо̀льшаго достоинства, состоялъ вывезенный имъ изъ Швеціи поручикъ Эренстрёмъ, въ качествѣ какъ бы адъютанта [1]).

Въ Русской столицѣ нашъ Шведскій выходецъ былъ принятъ на первыхъ порахъ хорошо. Онъ имѣлъ тѣ внѣшнія данныя, которыя при поверхностномъ знакомствѣ производятъ благопріятное впечатлѣніе. Представительной наружности, прошедшій огонь и воду и видавшій на своемъ вѣку виды, неглупый и не безъ остроумія, бойко болтавшій пофранцузски, хотя и безграмотно писавшій, предшествуемый къ тому же славою энергическаго дѣятеля,—Спренгтпортенъ являлся въ Петербургѣ интересной новинкой. Баронскій титулъ и grand train, который онъ сразу повелъ, были необходимымъ дополненіемъ для того, чтобы высшее общество радушно открыло ему свои двери. Императрица дала ему чинъ полковника, но тотчасъ же вѣроятно освѣдомившись, что въ Шведской службѣ онъ командовалъ бригадою, произвела въ генералъ-маіоры. Почти одновременно ему пожалованъ и камергерскій ключъ [2]). О содержаніи, которымъ также не замедлили, свѣдѣнія расходятся. По словамъ Саксонскаго дипломата Гельбига, Спренгтпортенъ получилъ для перваго обзаведенія 600 душъ крестьянъ, 3000 р. жалованья и 2000 р. въ ежегодную пенсію сверхъ жалованья [3]). Самъ же Спренгтпортенъ въ своей выше указанной запискѣ императору Павлу [4]) говоритъ, что получилъ на путевыя издержки 8000 р., столько же на экипировку, и 500 душъ съ обѣщаніемъ кромѣ того вознаградить за Финляндскія его имѣнія. Относительно этихъ послѣднихъ тоже есть крупное разнорѣчіе въ словахъ самого Спренгтпортена. На запискѣ Павлу Петровичу сдѣлана имъ собственноручная выноска: „негодяй, которому я довѣрилъ эти земли, продалъ ихъ въ мое отсутствіе за 30,000 р., а мнѣ отдалъ всего 7000; имя его никогда не сдѣлается извѣстнымъ (un frippon, à qui j'ai confié ces terres dans mon absence, l'a (les a) vendu pour 30,000 r. et ne

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что этотъ, вывезенный самимъ Спренгтпортеномъ, приспѣшникъ, былъ не иное что, какъ агентъ, преданный Густаву и приставленный для выслѣживанія дѣйствій своего шефа. Послѣдній разгадалъ эту роль не ранѣе какъ черезъ годъ.

[2]) Въ упомянутомъ мемуарѣ, представленномъ императору Павлу, Спренгтпортенъ объяснялъ, что, вступя въ Русскую службу, онъ имѣлъ уже чинъ Шведскаго генералъ-лейтенанта. Это ни съ чѣмъ не сообразно и принадлежитъ къ образцамъ того легкаго отношенія къ истинѣ, которымъ онъ въ словахъ и писаніяхъ своихъ нисколько не стѣснялся. Въ настоящемъ случаѣ ему надо было выпросить у Павла I-го возможно бо̀льшія денежныя преимущества, и онъ не стѣснился преувеличить свое прежнее значеніе.

[3]) А. Г. Брикнеръ: „Конфедерація въ Аньялѣ". Ж. М. Н. Просв. 1868 г. Мартъ.

[4]) Précis des services de m-r de Sprengtporten. Имп. П. Библ., часть 3-я.

m'a rendu que 7000: son nom ne sera jamais connu)". А въ другомъ мѣстѣ [1]) онъ пишетъ, что Финляндскія имѣнія его были конфискованы, и что императрица Екатерина въ возмѣщеніе ихъ обѣщала дать крестьянъ въ Польшѣ, но обѣщанія не исполнила. Такимъ образомъ тѣже имѣнія его въ Финляндіи и конфискованы, и проданы мошенникомъ-управляющимъ. Что касается до Русскихъ крестьянъ, въ числѣ ли 500 или 600,—они несомнѣнно были даны Спренгтпортену, но потомъ проданы за долги. О жалованьи и пенсіи при вступленіи въ Русскую службу онъ ничего не говоритъ въ своихъ мемуарахъ; но изъ упомянутаго письма къ Безбородкѣ видно, что онъ и жалованье свое считалъ пенсіей, ибо оно было-де обезпечено ему во всякомъ случаѣ, будетъ онъ, или не будетъ служить; это были, будто бы, собственныя слова Императрицы, переданныя ему генераломъ Турчаниновымъ [2]). Позднѣе, по указу 1-го Марта 1795 г., Спренгтпортену была назначена прибавка къ пенсіи въ 1800 р. „безъ вліянія курса", т.-е. золотомъ, такъ что онъ получалъ такимъ образомъ до 10 тысячъ рублей въ годъ.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе Спренгтпортена командиромъ двухъ стоявшихъ въ Кременчугѣ эскадроновъ, составъ которыхъ имѣлось въ виду увеличить. Но самъ онъ продолжалъ оставаться въ Петербургѣ. Здѣсь онъ не замедлилъ сойти съ перваго плана и не избѣгъ насмѣшекъ, на которыя свѣтское общество такъ падко. А Спренгтпортенъ давалъ для нихъ довольно поводовъ, какъ хвастливостью и своеобразными манерами, такъ и претензіями и мотовствомъ при тощемъ карманѣ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже занималъ у разныхъ лицъ мелкія суммы, по нѣскольку десятковъ рублей, которые къ тому же неаккуратно выплачивалъ. Былъ и такой случай, что, проигравшись до копѣйки, герой нашъ цѣлую недѣлю жилъ на счетъ своего камердинера Француза, заложившаго для того собственное свое платье [3]).

Вскорѣ, именно въ началѣ 1787 г., состоялось извѣстное путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ, на свиданіе съ императоромъ Австрійскимъ Іосифомъ II. Спренгтпортенъ, эскадроны котораго находились на пути проѣзда Государыни, также отправился въ путешествіе; онъ былъ не въ свитѣ Императрицы, а получилъ приказаніе ѣхать отдѣльно, прямо на Кіевъ. Это не могло конечно нѣсколько не охладить дѣйствительнаго камергера. Въ Кіевѣ, проигравшись, онъ особенно бѣдствовалъ отъ безденежья, тѣмъ болѣе что и въ дорогѣ жилъ на широкую ногу, возилъ свою

---

[1]) Въ письмѣ къ графу Безбородкѣ 25 Ноября 1797 года.

[2]) Турчаниновъ, какъ видно изъ писемъ императрицы Екатерины, былъ дѣйствительно докладчикомъ по дѣламъ о содержаніи Спренгтпортену. См. Сборн. Имп. Ист. Общ. V т. бумагъ императрицы Екатерины II-й стр. 192.

[3]) Я. К. Гротъ. „Спренгтпортенъ".—Массонъ.

кухню и пр. Въ Херсонѣ его путешествіе кончилось, и онъ долженъ былъ возвратиться прямо въ Петербургъ.

Конецъ 1787 года можно считать начальнымъ пунктомъ вредной дѣятельности Спренгтпортена для Россіи, хотя и у нея на службѣ. Открылась война съ Турціей. Требовалось напряженіе силъ въ этомъ направленіи. Между тѣмъ Спренгтпортенъ одновременно сталъ побуждать Екатерину къ недоброжелательнымъ дѣйствіямъ противъ Густава. По осени того же 1787 года онъ представилъ ей мемуаръ о положеніи Шведской Финляндіи и предлагалъ проектъ предоставленія ей независимости, созванія тамъ сейма и пр. Не видно, какой былъ данъ ходъ этимъ измышленіямъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что при непріязни Екатерины къ Густаву они подливали масла въ огонь. Слѣдующей весною, когда отношенія Швеціи къ Россіи сдѣлались крайне натянуты, и Густавъ, поощряемый отчасти субсидіями изъ Константинополя, главнымъ же образомъ необходимостью выйдти изъ затрудненій въ самой Швеціи, искалъ предлога къ ссорѣ съ Россіей, Спренгтпортенъ вновь засыпалъ Екатерину своими соображеніями о дѣйствіяхъ въ Финляндіи во вредъ Густаву. Всѣ они имѣли двѣ отличительныя черты: возбужденіе къ бунту и подкупъ. Спренгтпортенъ находилъ весеннее время, начало Іюня по новому стилю, самымъ удобнымъ для осуществленія его проектовъ. Нужно было воспользоваться моментомъ, когда Саволакская бригада, какъ извѣстно имъ сформированная и воспитанная, будетъ въ сборѣ, для того чтобы поддержать предполагаемый Финляндскій сеймъ въ его тоже предполагаемыхъ рѣшеніяхъ къ отторженію Финляндіи отъ Швеціи [1]). Теперь какъ разъ бригада была до 24-го Іюня подъ ружьемъ. Возникалъ одинъ вопросъ: войны еще нѣтъ; какъ быть, если ея и до 24-го числа не будетъ? Спренгтпортенъ, для котораго въ его цѣляхъ все должно служить покорнымъ орудіемъ, не стѣснялся поднять въ такомъ случаѣ Россію противъ Швеціи. До того, что Россія уже воевала съ Турціей, ему не было никакого дѣла. „Если Швеція будетъ продолжать свои вооруженія— внушалъ онъ Императрицѣ—и если до того срока (24-го Іюня) она не дастъ удовлетворительныхъ объясненій, то не слѣдуетъ ли считать это время удобнымъ для взрыва? И отвѣчая утвердительно, Спренгтпортенъ заявлялъ категорически, что будетъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ [2]). Для него, въ его честолюбивомъ увлеченіи, все исчезало изъ соображенія: и то,

---

[1]) Моск. Главн. Арх. М. И. Д. Suède. Camp. 1788. X. связка 1-я Supplément au mémoire du 19 passé. Здѣсь, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, Спренгтпортенъ путаетъ числа. Мемуаръ, на который онъ ссылается, былъ поданъ не 19-е, а 20-е Мая, и этимъ числомъ имъ самимъ помѣченъ.

[2]) Si la Suède continue ses armements, si avant ce terme elle ne donne aucune explication satisfaisante pour nous rassurer sur ses desseins, ne doit-on pas regarder ce moment comme l'époque d'un éclat? Je pense qu'oui.—Et partant de ce principe, je travaillerai à disposer les choses de manière que tout soit prêt à suivre cette route.

что Екатерина рѣшительно не желала вызывать столкновенія съ Швеціей. и то, что Россія вовсе не была готова къ этой новой войнѣ, и то наконецъ очень крупное обстоятельство, что, начавъ войну, Россія играла въ руку Густаву, который именно того только и ждалъ, чтобы столкновеніе было возбуждено не съ его стороны: ведя войну оборонительную, онъ имѣлъ полное право требовать отъ государственныхъ чиновъ всѣхъ средствъ для защиты страны; для наступательной войны, напротивъ, нужно было предварительное разрѣшеніе сейма, котораго могло и не послѣдовать. Ничего этого Спренгтпортенъ не видѣлъ изъ-за Финляндскаго сейма, на которомъ онъ несомнѣнно будетъ орудовать и главенствовать, и изъ-за Финляндской республики съ нимъ, Спренгтпортеномъ, въ качествѣ протектора или президента. Россія должна была приготовить и хлѣбные магазины, какъ для Финскаго войска, такъ и для населенія, и склады оружія. Но собственно-Русскія войска не должны были показываться раньше времени, т.-е. раньше того, когда воображаемый Финляндскій сеймъ ихъ потребуетъ. Всѣ стратегическія соображенія Русскихъ военачальниковъ должны были отступить на задній планъ: всѣ лавры Спренгтпортенъ предоставлялъ себѣ, притомъ на счетъ Русской казны. Онъ былъ убѣжденъ въ своей силѣ и вліяніи на Финляндцевъ и увѣренъ въ побѣдѣ. Проѣхавъ, какъ бы въ готовности исполнять свой планъ, нѣсколько верстъ вдоль по границѣ около Фридрихсгама, онъ послалъ Императрицѣ новый мемуаръ, очень впрочемъ краткій и безсодержательный [1]. Въ немъ между прочимъ писалъ онъ: „Непріятель возметъ Нейшлотъ: но это очень важный пунктъ, я отберу его обратно.... Умы Финляндцевъ взволнованы всѣмъ, что̀ происходитъ близъ ихъ очага; но я думаю, что я ихъ успокоилъ"...—Это въ теченіи проѣзда, длившагося всего нѣсколько часовъ!

Но помимо этихъ гасконадъ Спренгтпортенъ поднималъ уголъ завѣсы, дававшій видѣть одну изъ основъ его будущаго вліянія,—и не къ чести Финляндскихъ его соотечественниковъ. „Нужно (приписывалъ онъ въ своемъ Supplément) имѣть резервный фондъ, для раздачи при разныхъ случаяхъ. Можетъ быть, именно потому, что опоздали сдѣлать это во-время, придется устранять теперь нѣкоторую холодность у людей предубѣжденныхъ и угнетенныхъ нуждою. Теперь довольно пока имѣть въ готовности, въ моемъ распоряженіи, небольшую сумму въ нѣсколько тысячъ Голландскихъ червонцевъ" [2]). Вскорѣ онъ повторялъ тѣже вразумленія. „Осо-

---

[1]) Rélation de mon voyage, 14 juin 1788. Моск. Гл. Архивъ.

[2]) Il est encore nécessaire d'ajouter qu'il faut un (e) caisse en réserve pour distribuer selon le besoin de ces différents objets. C'est pour avoir manqué de le faire à tems qu'il y a peut-être à présent quelque froideur à détruire dans les esprits prévenus et abbattus par leurs besoins. Pour le moment il suffit d'une somme modique (de quelques milliers de ducats) qu'on tiendra prête à ma disposition en ducats de Hollande. Mais en cas d'une rupture prochaine il faut nécessairement pourvoir à la solde des troupes de la République, au moins jusqu'à ce qu'elle sera maître des revenus du pays.

бенно необходимо здѣсь имѣть хорошихъ шпіоновъ и быть въ близкихъ сношеніяхъ съ мѣстными жителями. Нужно сыпать деньгами, чтобы плѣнить ихъ“ [1]). Еще нѣсколько позже, въ Августѣ, онъ писалъ: „Кошелекъ мой пустъ; но я думаю теперь именно время, чтобы открыть его и разлить въ Финляндіи нѣкоторое утѣшеніе“ [2]). Тогда мы были уже въ войнѣ со Шведами. Еще нѣсколько дней позже Спренгтпортенъ писалъ уже самой Императрицѣ: „Я полагаю, что теперь именно время посовѣтовать В. И. В—ву открыть кошелекъ, чтобы привлечь Финскую націю на нашу сторону. Я знаю двоихъ-троихъ добрыхъ партизановъ, которые готовы заняться подобной операціей, и думаю даже, что самъ г. Гастѳеръ будетъ въ этихъ обстоятельствахъ очень способенъ оказать намъ услугу“ [3]). Гастѳеръ былъ ни болѣе ни менѣе, какъ начальникъ Шведскаго отряда, осаждавшаго Нейшлотъ и отъ него отступившаго!...

Между тѣмъ Густавъ явился на Русской границѣ, и война началась. То было въ концѣ Іюня. Спренгтпортенъ служилъ Русской императрицѣ около полутора года, но оставался Шведскимъ подданнымъ. Положеніе его было, очевидно, очень щекотливо. Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, по спеціальному порученію Густава, совѣтовалъ Спренгтпортену просить о перемѣщеніи къ той части Русской арміи, которая дѣйствовала на Югѣ, противъ Турокъ. Король предупреждалъ, что будетъ въ пребываніи его въ Петербургѣ видѣть нарушеніе вѣрности, въ которой тотъ ему клялся, и напоминалъ законы установляющіе мѣру взысканія за поднятое противъ отечества оружіе. Нолькенъ продолжалъ:

„Если въ этомъ отзывѣ короля есть, какъ будто, намекъ на внушенныя его величеству невѣрныя и оскорбительныя подозрѣнія, то съ другой стороны мнѣ кажется, что участіе принимаемое королемъ въ вашей славѣ очевидно доказываетъ его благосклонныя къ вамъ чувства; иначе онъ прошелъ бы это обстоятельство молчаніемъ. Если вы желаете, мой дорогой другъ, поручить мнѣ вашъ отвѣтъ, который я передамъ королю съ буквальною точностью, то я къ вашимъ услугамъ; въ восторгѣ—если онъ будетъ согласоваться съ моими всегдашними увѣреніями въ вашихъ чувствахъ благороднаго человѣка, человѣка чести, которыми мы обязаны своему оте-

---

[1]) Il est surtout nécessaire ici d'être bien servi en espions et d'avoir une intelligence sûre avec les habitans du pays. On répandra l'argent qu'il faut pour les captiver. Промеморія Спренгтпортена отъ 3-го Іюля 1788. Моск. Гл. Арх.

[2]) .... Ma bourse m'est vide; je crois que ce sera présentement le moment de l'ouvrir pour répandre quelque consolation dans la Finlande. Письмо Спренгтпортена къ генералу Михельсону 18-го Августа. (Листъ 106).

[3]) Je crois présentement le moment de conseiller à V. M-té d'ouvrir la bourse pour ranger la nation finnoise de notre côté. Je connais deux ou trois bons partisans pour le maniement d'une pareille opération, et je crois m. de Hastfer lui-même en cette occasion très capable de nous rendre service. Рапортъ Императрицѣ отъ 25-го Августа. (Листъ 120).

честву; я всегда былъ далекъ отъ того, чтобы посмѣть усомниться въ нихъ хоть на одно мгновеніе. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ мое „прости“. Оно идетъ изъ сердца полнаго дружбы и не перестающаго желать вамъ счастія. Жена моя шлетъ тысячу дружескихъ привѣтствій, а я обнимаю васъ съ самою искреннею нѣжностью, увѣренный, что, предлагая ее на всю жизнь, даю ее истинному Шведу. Будьте счастливы, мой другъ, на войнѣ какъ и въ любви, и пусть увижу васъ покрытаго лаврами, которые вы пожнете въ бояхъ противъ невѣрныхъ, и ласками вашей прекрасной умницы Голандки. Еще разъ прощай, мой старинный другъ. Небо да руководитъ и да благословитъ тебя“ *).

Обязанности Спренгтпортена точно и доброжелательно опредѣлялись этимъ письмомъ. Люди называвшіе его своимъ другомъ не подозрѣвали въ немъ отсутствія „истиннаго Шведа“, какимъ его воображалъ себѣ Нолькенъ, что̀ въ свою очередь подтверждаетъ хитрость нашего героя и умѣнье хорошо носить разъ надѣтую маску. Спренгтпортенъ отвѣчалъ Нолькену 30-го Іюня. Документъ этотъ прекрасно рисуетъ его нравственный обликъ, поэтому приведемъ его вполнѣ. „Долженъ признаться, что не ожидалъ этого новаго знака доброты, свойственной его величеству. Давно уже привыкнувъ къ полному съ его стороны забвенію, я не считалъ себя болѣе способнымъ вызывать его милостивыя воспоминанія. Тѣмъ сильнѣе тронутъ я этимъ знакомъ его благосклонности и прошу васъ воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы повергнуть къ его стопамъ признательность и покорность, съ которыми принятъ мною этотъ полный доброты отзывъ его“.

„Дорогой другъ! Было время, когда я считалъ бы себя счастливымъ руководиться въ моихъ дѣйствіяхъ совѣтами государя, владѣвшаго всею моею привязанностію. Это время прошло. Его величеству угодно было объявить, что пріятнѣе ему было бы меня видѣть въ Россіи нежели въ Финляндіи; то былъ первый поводъ, который направилъ шаги мои въ сторону этой державы. Обстоятельства столько же были тогда удовлетворительны, сколько согласовались и съ моими проектами. Я никогда не думалъ, что онѣ могутъ измѣниться. Я никогда не воображалъ, что Швеція можетъ не признать своихъ истинныхъ интересовъ; однимъ словомъ, я никогда не подозрѣвалъ, что, ища пріюта у Государыни дружественной и столь много связанной съ страной, которую я вынужденъ былъ покинуть, окажусь въ одинъ прекрасный день въ противорѣчіи съ моими чувствами. Это была вторая причина, въ особенности побудившая меня принять покровительство предоставленное мнѣ этой великодушной Государыней: отнынѣ единственно ея приказанія будутъ направлять мой образъ дѣйствій“.

„Взглянувъ такимъ образомъ на прошедшее, нельзя ли найти въ немъ ясныхъ указаній на счетъ моихъ намѣреній въ будущемъ? Можете ли вы

---

*) Моск. Арх. М. И. Д. Camp. Suédoise, 1788, переписка Безбородки, св. 1-я.

хотя на мгновеніе думать, что я колеблюсь въ исполненіи долга, налагаемаго на меня честью и благодарностью? Нѣтъ, мой другъ, каковы бы ни были послѣдствія событія еще окутаннаго мракомъ, я навсегда былъ бы самымъ подлымъ изъ людей, если бы по низкому малодушію предпочелъ двусмысленное и колеблющееся поведеніе тѣмъ чувствамъ, коихъ гостепріимство имѣетъ право отъ меня требовать, и дурно понятую честь—той чести истинной и мужественной, которая зависитъ не отъ преходящихъ мнѣній, а отъ выдержаннаго характера. Я говорю другу, и сердце мое раскрыто. Мнѣ ненавистна маскировка, душа моя никогда не допускала мелкихъ презрѣнныхъ увертокъ, за которыя прячутся заурядные умы. Я люблю изображать собою то, что̀ я есмь; одинаково далекій и отъ предательства, и отъ неблагодарности, я не боюсь открыть мою душу, убѣжденный, что нѣкогда оправдаюсь предъ всей вселенной въ моихъ поступкахъ и намѣреніяхъ. Не время говорить объ этомъ подробнѣе. Достаточно будетъ васъ увѣрить, что далекій отъ того чтобы измѣнить интересамъ Швеціи, я, какъ можетъ быть никто другой, работалъ надъ обезпеченіемъ ея счастія и спокойствія. Впрочемъ вы знаете, что, имѣя честь быть дѣйствительнымъ камергеромъ Ея Импер. Величества и причисленнымъ къ экспедиціи Средиземнаго моря, я не могу дать самъ себѣ другое назначеніе?"

„Послѣ этихъ объясненій, мой дорогой другъ, вы поймете сами, что, каковъ бы ни былъ исходъ катастрофы, угрожающей моей репутаціи, отнынѣ я буду почерпать совѣты лишь въ моихъ обязанностяхъ и въ волѣ Государыни, отъ которой зависятъ эти обязанности. Король властенъ глядѣть на мое пребываніе здѣсь какъ ему угодно. Онъ можетъ къ угрозамъ присоединить и дѣйствія: все извинительно раздраженному владыкѣ. Но было бы недостойно меня сойти съ пути намѣченнаго Небомъ; я долженъ слѣдовать имъ съ рѣшимостію. Только такимъ образомъ можно мнѣ быть достойну сохранить уваженіе великодушнаго государя, который въ глубинѣ души не можетъ меня не оправдывать".

„Мнѣ остается, дорогой мой братъ, засвидѣтельствовать вамъ, сколько лично я огорченъ событіями, угрожающими намъ, кажется, долгой разлукою. Здѣсь на глаза мои навертываются слезы, и сердце умиляется; природа беретъ свои лучшія права на лонѣ дружбы.... Спренгтпортенъ. 30 Іюня. Милліонная" *).

И вотъ, написавъ эти интимныя строки другу, предъ которымъ „раскрываетъ душу" Спренгтпортенъ спѣшитъ тотчасъ же какъ ихъ, такъ и „навернувшіяся на лонѣ дружбы слезы".... отправить въ копіи къ графу Безбородкѣ. „Я не колебался ни минуты, писалъ онъ, открыть мои чувства. Ваше сіятельство увидите въ этомъ знакѣ моей привязанности досто-

---

*) Отвѣтъ Спренгтпортена на Французскомъ языкѣ изложенъ въ собственноручной его копіи, имѣющейся въ Моск. Главн. Архивѣ; съ нея сдѣланъ выше приведенный переводъ, въ которомъ опущено лишь начало.

вѣрное и недвусмысленное свидѣтельство одушевляющаго меня усердія къ службѣ моей августѣйшей Государыни".

Что въ письмѣ къ Нолькену или въ передачѣ копіи съ него Безбородкѣ было „достовѣрное свидѣтельство усердія", можно еще допустить. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Спренгтпортену уже была пожалована отъ Императрицы за это усердіе тысяча червонцевъ *). Но „недвусмысленность" признаній на лонѣ дружбѣ подлежитъ большому сомнѣнію. Двуличіе этихъ признаній, напротивъ, бросается въ глаза. Онъ говоритъ о чести, о долгѣ, объ откровенности и прямотѣ своихъ дѣйствій, онъ ненавидитъ увертки, будетъ служить Русской императрицѣ и не возвратится къ королю Густаву: это какъ будто прямой вызовъ, и Спренгтпортенъ-врагъ Швеціи и ея государя. Но тутъ же онъ увѣренъ, что весь свѣтъ признаетъ его правоту, и самъ Густавъ въ глубинѣ души заплатитъ ему дань уваженія; онъ не можетъ отказаться отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него чувствомъ благодарности за предоставленный пріютъ, но онъ въ родѣ Божьяго посланника идетъ по пути, указанному Небомъ. Вскользь онъ упоминаетъ и о своемъ положеніи члена экспедиціи Средиземнаго моря, какъ бы давая понять, что тамъ будетъ и его служба. Онъ, наконецъ, не только не измѣнялъ интересамъ Швеціи, но больше чѣмъ кто-нибудь работалъ для ея счастія и спокойствія. Здѣсь, напротивъ, можно даже подумать: не готовитъ-ли онъ подъ рукой и подъ видомъ признательности Россіи такого сюрприза, который удивитъ всѣхъ и осчастливитъ Швецію? Не сочинялъ-ли этотъ хитроумный Улиссъ свое письмо именно въ расчетѣ на его двусмысліе? Императрицѣ Екатеринѣ онъ давалъ буквальное значеніе своихъ фразъ; королю Густаву предоставлялъ читать между строкъ.

Какъ бы то ни было, „далекій отъ того, чтобы измѣнить интересамъ Швеціи и работавшій какъ можетъ быть никто для ея счастія" нашъ краснорѣчивый герой, еще за нѣсколько дней до приведеннаго письма, и не по приказанію Императрицы, а по собственному „усердію", развивалъ ей новую мысль. Онъ предлагалъ ей произвести поискъ съ флотомъ и десантомъ къ берегамъ Швеціи и даже къ самому Стокгольму. Съ этою цѣлью онъ просилъ дать ему отрядъ въ $2^1/_2$ тысячи человѣкъ. Мысль настолько понравилась, что Спренгтпортенъ былъ посланъ 22-го Іюня къ адмиралу Грейгу для подробнаго объясненія ему своего плана (Письмо Нолькену писано 30-го Іюня). Графъ Безбородко усердно рекомендовалъ автора проекта; но умный адмиралъ понялъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и оно кончилось ничѣмъ.

Однако Спренгтпортенъ не уставалъ въ доказательствахъ своего усердія къ Екатеринѣ. Два дня послѣ письма къ Нолькену, именно 3-го Іюля, онъ поспѣшилъ представить Императрицѣ другую промеморію. Здѣсь предлагалъ онъ планъ военнаго предпріятія противъ Шведовъ со стороны Кареліи,

*) Указъ графу Мусину-Пушкину 23-го Августа. Моск. Арх. М. И. Д.

т.-е. отъ Ладожскаго озера, въ видѣ диверсіи. Настаивая на возможно-скорѣйшихъ дѣйствіяхъ, Спренгтпортенъ надѣялся вытѣснить Шведовъ этимъ путемъ не только изъ Саволакса, но и изъ Остроботніи [1]). Этотъ проектъ былъ удачнѣе. Екатерина съ удовольствіемъ писала о немъ Потемкину, ожидая серьозныхъ результатовъ. Къ формированію отряда приступлено немедленно на мѣстѣ въ Петрозаводскѣ. Командованіе поручено Спренгтпортену, „съ придачею ему надежнаго штабъ-офицера" [2]). Намѣстникъ Олонецкій и Архангельскій, генералъ-поручикъ Тутолминъ, выказывалъ особеннную поспѣшность, очевидно побаиваясь Шведскаго выходца, являвшагося ему по письмамъ въ ореолѣ восходящаго Петербургскаго свѣтила. Въ теченіи мѣсяца всѣ готовились къ исполненію блестящей идеи; Спренгтпортенъ выступилъ уже въ Олонецъ, идя къ Сердоболю, какъ неожиданно вызванъ былъ въ Петербургъ. Этимъ и кончился проектъ диверсіи. Судьба какъ будто берегла этого честолюбца отъ послѣдней степени измѣны, отъ пролитія крови своихъ соотчичей. Впрочемъ, она оберегла его только на одинъ годъ: въ слѣдующую кампанію Спренгтпортенъ Русскими штыками кололъ уже нѣкогда боготворившихъ его Саволакскихъ егерей....

Въ Петербургѣ его ожидала другая дѣятельность, хотя на томъ же поприщѣ. Шведско-Финскіе офицеры, въ лагерѣ подъ Фридрихсгамомъ, отказали въ повиновеніи Густаву, требуя прекращенія незаконно по ихъ мнѣнію начатой войны. Восьмеро изъ нихъ не ограничились этимъ, а составили „ноту" къ Екатеринѣ, съ которою и отправили въ Петербургъ племянника Спренгтпортена, маіора Егергорна. Словесно онъ имѣлъ передать и условія, на которыхъ заговорщики готовы были отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и отдать подъ покровительство Россіи. Присутствіе Спренгтпортена было необходимо: онъ считался знатокомъ дѣла и „горячей головой" [3]). Между Екатериной и имъ было въ это время единство взглядовъ; однако къ чести Императрицы слѣдуетъ прибавить, что она допускала соглашенія съ Егергорномъ и К° при существенномъ условіи, чтобы все было „согласно съ пользою нашей имперіи".

Дядя и племянникъ могли недолго совѣщаться въ Петербургѣ. Первый замедлилъ пріѣздомъ, и все дѣло было въ основныхъ частяхъ обсужено безъ него. 8-го Августа Спренгтпортенъ явился въ столицу, а 9-го Егергорнъ уѣхалъ уже обратно съ уклончивымъ, никѣмъ неподписаннымъ отвѣтомъ, и подаркомъ перстня и 500 червонныхъ [4]). Вслѣдъ за нимъ двинулся въ главную квартиру Русской арміи и Спренгтпортенъ, для ближайшаго сношенія съ Финскими начальниками по указанному заговорщиками пути. Здѣсь онъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ интригъ и подпольныхъ дѣйствій. Онъ

---

[1]) М. Гл. Арх. Camp. Suédoise, 1788. X, св. 1. C-te Besborodko.

[2]) „Дневникъ Храповицкаго" 6-го Іюля 1788, стр. 103.

[3]) Тамъ же 8 Авг., стр. 126.

[4]) Тамъ же, 10 Авг., стр. 127.

переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, впрочемъ у самой границы, не углубляясь въ непріятельскую страну, переписывался и видѣлся съ конфедератами, писалъ Императрицѣ рапорты, удостовѣрявшіе, что все идетъ прекрасно и въ тоже время пробалтывансь о фактахъ, говорившихъ, что далеко не все прекрасно, сбивалъ людей подкупомъ и т. п. Но и вся эта возня, вмѣстѣ съ потраченными деньгами, не привела ни къ чему. Конфедераты подъ страхомъ строгой дисциплины, введенной принцемъ Карломъ и подъ давленіемъ явнаго нерасположенія къ ихъ затѣямъ со стороны населенія, возвратились на путь долга; главнѣйшіе коноводы были арестованы и отправлены въ Швецію. Спренгтпортенъ пытался было увѣрять Императрицу, что еще не все потеряно; но къ концу года она не хотѣла болѣе слышать объ интригахъ между Финляндцами, не желая обманывать ни себя, ни ихъ.

Кампанія слѣдующаго 1789 года была рѣшительною для Спренгтпортена. Въ теченіи ея совершилась та „катастрофа", о которой онъ писалъ Нолькену. Усердіе его въ дѣлѣ интриги оказалось безплоднымъ, и съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на него возложены обязанности второстепеннаго отряднаго генерала. Предстояло встрѣтиться съ отечествомъ лицомъ къ лицу. Послѣ похожденій прошедшаго года Спренгтпортену нечего было ждать отъ Швеціи: его голова была оцѣнена въ 3.000 рихсдалеровъ [1]). Сначала Русскіе отряды, перешедшіе теперь въ наступленіе, подвигались довольно успѣшно въ Шведскую Финляндію отъ Нейшлота къ Сѣверу. Но на переправѣ у Паросальми отрядъ генерала Михельсона, благодаря неосмотрительности, потерпѣлъ крупную неудачу, послѣдствіемъ которой было сперва отступленіе, а потомъ и возвращеніе въ свои границы. Въ этомъ дѣлѣ Спренгтпортенъ ударилъ съ своимъ отрядомъ на авангардъ Финновъ, но послѣ кровопролитной схватки не только былъ отбитъ, но и раненъ и едва спасся отъ плѣна. Окончательное паденіе его совершилось. Пролитая кровь, такъ часто искупающая многія прегрѣшенія, въ настоящемъ случаѣ наложила несмываемую печать отверженія и проклятія. Никакіе софизмы, которыми этотъ бездушный эгоистъ старался потомъ облегчить бремя легшаго на него позора, не уменьшатъ мѣры вины его. Абоскій гофгерихтъ, судъ той самой Финляндіи, которую Спренгтпортенъ желалъ будто бы освободить отъ Шведскаго ига, избивая Финляндцевъ Русскими пулями и штыками, этотъ судъ приговорилъ его заочно къ смертной казни. Густавъ утвердилъ приговоръ, и ненавистное тогда большинству Шведскаго, также какъ и Финскаго народа, имя пригвождено было къ висѣлицѣ. Въ слѣдующемъ году, когда пошли переговоры о мирѣ, король настаивалъ на выдачѣ Шведскихъ бѣглецовъ, въ томъ числѣ и нашего героя, и только энергическія возраженія Екатерины спасли измѣнниковъ отъ заслуженнаго

---

[1]) Впрочемъ гр. Безбородко полагалъ, что Спренгтпортенъ самъ о себѣ разгласилъ, будто онъ оцѣненъ въ 3.000 т. См. Дневникъ Храповицкаго 22-го Ноября 1788, стр. 201.

возмездія [1]). Въ продолженіи остальныхъ кампаній 1789 и 1790 годовъ Спренгтпортенъ не принималъ уже никакого активнаго участія; хотя единомышленники его и пытались выдвинуть его впередъ въ качествѣ начальника отряда Шведскихъ волонтеровъ при Русской арміи подъ названіемъ корпуса свободы, но эта попытка не имѣла успѣха.

Любопытно взглянуть, какъ объяснялъ свое поведеніе самъ Спренгтпортенъ? Для большей ясности слѣдуетъ припомнить, что война 1788 года начата была Густавомъ безъ согласія сейма, и хотя онъ принималъ разныя, доходившія даже до смѣшнаго, мѣры къ тому чтобы заставить думать, что онъ оставался въ положеніи только обороны, но это ему не удалось [2]). Въ началѣ войны Данія взяла было сторону Россіи, и отряды ея осадили Готенбургъ. Густавъ покинулъ тогда Финляндію, поспѣшилъ въ Швецію, призвалъ преданныхъ ему Далекарлійскихъ горцевъ, заставилъ Датчанъ снять осаду, оттѣснилъ ихъ и торжествующій возвратился въ Стокгольмъ, сопровождаемый Далекарлійцами. Населеніе приняло его съ восторгомъ. Затѣмъ, между кампаніями 1788 и 1789 годовъ, онъ созвалъ сеймъ, на которомъ преданныя ему три низшія сословія (т.-е. всѣ кромѣ дворянства) приняли всѣ сдѣланныя имъ предложенія, въ томъ числѣ и о предоставленіи королю права объявлять войну. По конституціи, для полной законности рѣшеній сейма достаточно было согласіе трехъ сословій. Но Густавъ требовалъ и отъ дворянъ, чтобы они присоединились къ прочимъ сословіямъ, чего въ концѣ концовъ и достигъ. Скажемъ также, что помянутая конфедерація офицеровъ, отказавшая королю въ повиновеніи и извѣстная подъ именемъ Аньяльской (по мѣсту ея собраній въ Аньяла), разрѣшилась смертною казнію одного только, самаго дерзкаго изъ коноводовъ, полковника Хестеско. Такой исходъ военнаго бунта, притомъ въ виду непріятеля, слѣдуетъ считать даже и въ наше, болѣе мягкое нежели сто лѣтъ назадъ время, крайне умѣреннымъ и гуманнымъ.

Аньяльскую конфедерацію Спренгтпортенъ оправдывалъ въ такихъ выраженіяхъ [3]).

„Такъ какъ король, нашъ государь, отнялъ наши права, расторгъ узы его съ нами связывавшія, игралъ своими клятвами истины: то и намъ также вполнѣ дозволено нарушить связи, насъ съ нимъ соединяющія и, въ качествѣ законныхъ защитниковъ правъ угнетеннаго гражданина, обратить его къ справедливости. Если это разсужденіе несогласно съ логикой Прус-

---

[1]) Какъ только мирные переговоры начали принимать рѣшительную форму, Спренгтпортенъ отправленъ за границу, для леченія отъ ранъ. Дневн. Храпов. 29-го Іюля 1790 года, стр. 342.

[2]) По волѣ Густава, напримѣръ, отрядъ Финновъ былъ одѣтъ въ Русскіе мундиры и въ такомъ видѣ ворвался, будто бы, въ предѣлы Шведской Финляндіи, гдѣ и сжегъ одну или двѣ избы.

[3]) См. его мемуары въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

скаго солдата, то оно въ понятіяхъ Саймскаго крестьянина. Свободный человѣкъ увидитъ въ этой катастрофѣ лишь силу законовъ, государственный человѣкъ признаетъ въ ней бунтъ, а спокойный философъ почтитъ въ молчаніи велѣнія Промысла, которому угодно иногда приводить въ замѣшательство дѣла несправедливыя и вѣроломныя“ [1]).

Свое личное участіе въ первой кампаніи Спренгтпортенъ такъ объяснялъ въ запискѣ, поданной императору Павлу:

„Здѣсь шла рѣчь не о томъ, чтобы поднять оружіе противъ Швеціи, а чтобы побороть самоуправство государя, который, объявляя войну Россіи, тѣмъ самымъ объявлялъ ее отечественной конституціи. Онъ топталъ ее ногами, опрокинувъ зданіе, въ храмѣ коего онъ клялся. Честь, любовь, благо согражданъ, все запрещало г. Спренгтпортену оставаться нейтральнымъ въ спорѣ, касавшемся свободы родины и правъ, къ поддержкѣ коихъ обязывало его рожденіе“.

Участіе во второй кампаніи, участіе кровавое, онъ мотивировалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вторая кампанія требовала другихъ средствъ. Изнасилованный угрозами разъяренной черни сеймъ опрокинулъ конституцію, распростеръ королевскую власть превыше законовъ, заковалъ Швецію въ цѣпи, возвелъ Финляндію на эшафотъ, уничтожилъ и разсѣялъ Аньяльскую конфедерацію, столь гордую вначалѣ и столь податливую въ концѣ, несчастіе которой заключалось въ слишкомъ большомъ довѣріи къ справедливости ея дѣла. Нужно было, поэтому, взять шпагою обратно, что было потеряно перомъ, и вотъ, въ силу этой рѣшительной необходимости, на Паросальмскомъ мосту пролилась кровь г. Спренгтпортена“.

Во всѣхъ этихъ тирадахъ много краснорѣчія, но очень мало истины. Начать съ первой кампаніи. Дѣло шло не о томъ, чтобы поднять оружіе противъ Швеціи, писалъ Спренгтпортенъ. Что же однако, какъ не вооруженное нападеніе предлагалъ онъ Екатеринѣ, прося дать ему двѣ съ половиной тысячи солдатъ и нѣсколько судовъ изъ эскадры Грейга для нападенія на Стокгольмъ, или же ведя свой отрядъ изъ Петрозаводска для диверсіи въ Кареліи и Саволаксѣ? Если дѣло не дошло, въ этихъ случаяхъ,

---

[1]) Puisque le roy notre maitre a usurpé nos droits, a rompu les liens qui attachent à nous, qu'il se joue de ses serments et de la vérité, il nous est bien permis aussi à nous de nous détacher des liens qui nous lient à lui, et comme défenseurs légitimes des droits du citoyen opprimé, de le ramener à la justice et à l'équité. Si ce raisonnement n'est pas dans la logique d'un soldat prussien, il l'est dans celle d'un paysan du lac de Saimen. L'homme libre ne verra dans cette catastrophe que la force des loix, l'homme d'état qu'une révolte, et le philosophe tranquille respectera en silence les décrets d'une Providence qui se plait quelquefois à confondre les causes injustes et perfides.—Mémoires sur les derniers troubles de la Finlande depuis le commencement de la guerre 1788. Sprengtporten.

до крови, то по причинамъ совершенно отъ Спренгтпортена независѣвшимъ: одинъ разъ проектъ его не былъ принятъ, другой—не успѣлъ осуществиться. Въ трескучихъ фразахъ о сеймѣ 1789 г. и о мертворожденной Аньяльской конференціи онъ не менѣе искажаетъ истину, впадаетъ въ гиперболу и себѣ противорѣчитъ. „Швеція въ оковахъ! Финляндія на эшафотѣ!“ Нѣчто ужасное, но на дѣлѣ—риторическія красоты не болѣе. Если имя Спренгтпортена, за неимѣніемъ его самого въ наличности, было пригвождено къ висѣлицѣ, или голова Хестеско—впрочемъ единственная—упала подъ топоромъ палача, то это далеко еще не вся Финляндія. Да и гдѣ, спрашивается, и когда, не казнятъ смертью измѣнника, проливающаго кровь своихъ соотечественниковъ, какъ Спренгтпортенъ, или дерзкаго бунтовщика, ни предъ чѣмъ не останавливающагося, какъ Хестеско? Онъ, Спренгтпортенъ и К°, явились защитниками попранныхъ правъ ихъ Шведскихъ согражданъ, которыхъ Густавъ заковалъ въ цѣпи! Ложь явная. Правда, этотъ король съ нескрываемымъ презрѣніемъ относился къ олигархической дворянской оппозиціи *); но прочее населеніе было ему предано и охотно предоставило ему расширенныя права. Этими правами не наложены на Швецію, а сняты съ нея тяжелыя оковы. Съ 1721 года, съ Ништадтскаго мира, она носила ихъ и ослабѣвала подъ ними все болѣе и болѣе. Государственный строй, узаконенный при заключеніи этого мира, давалъ широкія права подкупному сейму къ ущербу дѣйствительной и мощной власти короля; онъ приводилъ Швецію все болѣе и болѣе въ упадокъ. Геній Петра I-го видѣлъ всю важность для Россіи отъ сохраненія этого разлагающаго порядка, и онъ поставилъ его въ условія мира, закончившаго великую Сѣверную войну. Елисавета, заключая Абоскій миръ, подтвердила Ништадтскій трактатъ, и такимъ образомъ Швеція цѣлыя 70 лѣтъ была подъ давленіемъ Россіи. Посланники Русскіе вмѣшивались во внутреннія дѣла Стокгольмскаго правительства подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія существующей конституціи. Золото довершало разложеніе. Екатерина II-я также старалась поддерживать это положеніе вещей, полезное для Россіи; до интересовъ Швеціи ей, какъ и ея предшественникамъ, не было дѣла. И вотъ Густавъ начинаетъ войну съ цѣлію не только сбросить это бремя, но и возвратить область прежде утраченную. Другая сторона, Россія, естественно принимаетъ всѣ мѣры борьбы противъ этихъ реставраторскихъ стремленій, что̀ совершенно въ порядкѣ вещей. И что же? Спренгтпортенъ присоединяется къ этой самой Россіи, желающей держать Швецію въ прежнихъ „узахъ“, агитируетъ между заговорщиками противъ короля-реставратора, склоняетъ къ измѣнѣ ему подкупомъ, дѣйствуетъ, наконецъ, противъ него и родины съ оружіемъ въ рукахъ. И чѣмъ оправдывается? Тѣмъ, что онъ хотѣлъ привести короля на путь долга, т. е. къ сохраненію прежней

---

*) На этомъ самомъ сеймѣ 1789 г., когда оппозиціонные дворяне не желали отправиться для обсужденія королевскихъ предложеній, Густавъ повелительно закричалъ на нихъ, какъ на лакеевъ: „пошли“, и они дѣйствительно пошли и приняли предложенія.

конституціи, а съ нею и ярма Россіи. Не болѣе правды и въ тирадѣ Спренгтпортена со ссылкою на мужика съ Саймскаго озера, какъ на поборника революціи противъ короля. Она опровергается всею исторіей Швеціи. Сама Аньяльская конфедерація именно показала, что Финскій солдатъ, т. е. тотъ же мужикъ, знать не хотѣлъ про неповиновеніе королю, и когда герои, въ видѣ Хестеско, взвели эту напраслину, то Саймскіе мужики, какъ одинъ человѣкъ, отвергли ее и поклялись королю въ вѣрности и послушаніи. На томъ самомъ сеймѣ 1789 г., который Спренгтпортенъ такъ оплакиваетъ, именно Финское крестьянство обратилось къ королю съ особымъ адресомъ, въ которомъ категорически удостовѣряло, что „во всей Финляндіи не найдется ни одного крестьянина, который неправомыслилъ бы противъ своего короля и отечества: помоги намъ противъ нашихъ тайныхъ и явныхъ враговъ, и мы до конца будемъ защищать ваше величество и государство“ [1]). Спренгтпортенъ привелъ примѣръ Саймскаго мужика вѣроятно для антитезы съ Прусскимъ солдатомъ. Но сравненіе вышло совсѣмъ неудачно. Логика, т. е. дисциплина Пруссака, создала монархію Фридриха Великаго; а взваленное на плечи Финскаго мужика свободомысліе довело Швецію до позорнѣйшаго упадка и продажности, коихъ Спренгтпортенъ едва ли не былъ однимъ изъ лучшихъ образчиковъ.

Послѣ боя при Паросальми раненый Спренгтпортенъ остался не у дѣлъ. Хотя рана не была изъ опасныхъ, однако онъ проболѣлъ довольно долго и уже не принималъ болѣе участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для политической интриги, для „вліянія на умы“ помощію золота, также не было мѣста: съ наступленіемъ третьей кампаніи 1790 года, Екатерина рѣшительно извѣрилась въ возможность достигнуть этимъ путемъ какихъ-нибудь результатовъ, потраченныя деньги считала потерянными и возлагала надежду только на силу оружія [2]). Спренгтпортенъ не несъ активной службы и когда пошли въ 1790 году окончательные переговоры о мирѣ, былъ увезенъ для лѣченія къ Барежскимъ водамъ! [3]). Въ 1791 году онъ просилъ объ увольненіи отъ службы съ награжденіемъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Уволенъ онъ не былъ, но и награжденъ чиномъ не былъ. При этомъ Императрица не выказала, повидимому, особаго ему вниманія [4]). Затѣмъ онъ проживалъ

---

[1]) Koskinen, Finnische Geschichte, 507.

[2]) „Что касается до денежныхъ по сей части издержекъ, писала Императрица въ рескриптѣ главнокомандующему гр. Салтыкову 5-го Апрѣля 1790 г., то вы оныя самымъ бережливымъ образомъ и по крайней только необходимости распоряжать станете, тѣмъ болѣе, что Шведы въ надеждѣ достать денегъ многое обѣщаютъ, но еще всѣ на нихъ издержки никакой существенной не принесли пользы, и во всякомъ важномъ случаѣ не инако какъ силою или страхомъ оружія дѣло окончено было.“ Моск. Глав. Арх. М. И. Д. Шведск. камп. 1790. Связк. 10, лист. 86 и послѣд.

[3]) Дневн. Храповицкаго. 29 Іюля 1790.

[4]) Сборн. Имп. Истор. Общ. т. 42, стр. 192. Письмо Екатерины II-й къ Турчанинову: „Петръ Ивановичъ. Вторичное письмо Спренгтпортена о увольненіи его прилагаю.

постоянно за границей. Карлсбадъ, Теплицъ, Э-ла-Шапель, Пирмонтъ, вотъ мѣста, которыми помѣчались его письма. Здѣсь жизнь его текла въ свое удовольствіе. Онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, тратилъ деньги, дѣлалъ долги, писалъ плохіе Французскіе стихи [1]), переписывался съ Казановою и друзьями. Петербургскихъ своихъ доброжелателей онъ также не забывалъ, графу Безбородкѣ писалъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, не менѣе почтительно напоминалъ о себѣ и графу Зубову, ожидая отъ него „приказанія". Изъ отвѣтныхъ писемъ нѣкоторыхъ лицъ, какъ Зубова, князя Куракина, Разумовскаго, видны вѣжливыя, но совершенно холодныя къ нему отношенія. Въ 1792 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ. Желая представиться Императрицѣ, онъ предварительно зондировалъ графа Зубова. Тотъ отвѣчалъ, что она будетъ очень рада его видѣть, и что разъ онъ имѣлъ доступъ къ Ея Величеству, онъ сохраняетъ его навсегда [2]).

Быть можетъ, къ этому времени относится своеобразная просьба Спренгтпортена на имя Императрицы, къ сожалѣнію не помѣченная ни годомъ, ни мѣсяцемъ, въ которой онъ просилъ о выдачѣ ему содержанія впередъ... за четыре года. (Или она писана въ началѣ его карьеры въ 1787—8 годахъ?) Неизвѣстно, какая резолюція послѣдовала по этому совершенно особенному домогательству; но оно даетъ понятіе о разстройствѣ денежныхъ дѣлъ Спренгтпортена [3]). 1-го Марта 1795 года произвели его въ генералъ-поручики и прибавили 1.800 рубл. въ годъ содержанія, такъ что онъ получалъ, какъ выше сказано, до 10.000 рублей. Это не улучшало однако его положенія, и финансы нашего барона были очень плохи: пожалованныхъ при вступленіи на службу крестьянъ уже не было; на новое пожалованіе помѣстій правительство было неподатливо, хотя онъ и мотивиро-

---

Вопервыхъ, генералъ-поручичьяго чина я не даю при отставкѣ никому. Второе, выправься о нынѣшнемъ его содержаніи. Третье, что онъ отъ меня получилъ? И потомъ доложи мнѣ скорѣе, т.-е. завтра или въ Субботу".

[1]) Вотъ образчикъ, съ соблюденіемъ ореографіи:

Ces gens la aisement se pique,
Et l'on en rie.
Il n'y a helas! du bonheur en cette vie
Que le tems ne tue, ou que l'envie
N'empoisonne de sa langue impie.

[2]) Собственноручная записка гр. Платона Зубова, безъ даты: Le comte Zouboff, en témoignant ses respects à m. le général de Sprengtporten, a l'honneur de l'informer qu'il croit lui avoir dit, que Sa M. Impé-le serait fort contente de le voir, et qu'ayant une fois les entrées, il les conserve pour toujours. Veuillez agréer la considération distinguée avec la quelle j'ai l'honneur... Comte Platon Zouboff. Мемуары Спренгтпортена.

[3]) Прошеніе это, безъ даты и резолюціи, хранится въ Моск. Арх. М. И. Д. въ числѣ документовъ Шведск. камп. 1788 г. св. 1. X. Réception.

валъ свои просьбы всякими доводами, въ томъ числѣ и необходимостью устроить положеніе вывезеннаго изъ Швеціи сына, уже майора Русской службы и Георгіевскаго кавалера [1]). Содержаніе шло на покрытіе однихъ долговъ, а другіе являлись въ большей еще цифрѣ. Какъ у всѣхъ знатныхъ особъ были свои банкиры, такъ и у Спренгтпортена въ этой роли состоялъ придворный банкиръ баронъ Сутерландъ. Однако этому финансовому тузу скоро надоѣло возиться съ вычетами изъ жалованья почтеннаго генерала, и онъ, высылая ему въ 1791 году 6.061 р., далъ понять, что дѣлишки его, Спренгтпортена, причиняютъ ему „du chagrin". Послѣдній поспѣшилъ поставить банкира на свое мѣсто. „Я не люблю браниться издалека: иначе я сказалъ бы вамъ, господинъ баронъ Сутерландъ, что такимъ тономъ не пишутъ лицамъ, которыя имѣютъ право на нѣкоторое вниманіе. Впрочемъ я не понимаю, что̀ вы называете огорченіемъ, которое причиняютъ вамъ мои маленькія дѣла" [2]). За Сутерландомъ слѣдовали другія лица, съ которыми также выходили недоразумѣнія, отчасти по неудовольствію на протесты векселей, отчасти по случаю задержки содержанія.

Но годы шли, не стало Екатерины, пошли перемѣны, и для нашего героя наступили совсѣмъ черные дни. Затрудненія въ выдачѣ содержанія достигли послѣдней степени. Изъ кабинета отпускъ его переданъ въ коммисаріатъ, и Спренгтпортенъ тщетно настаивалъ у своего банкира, теперь уже Mans et fils, на присылкѣ денегъ. Тотъ упорно молчалъ. Еще съ Іюля 1796 года полученія вовсе прекратились. Спренгтпортенъ сидя, въ Теплицѣ, бѣдствовалъ, переписывался съ Казановою и сочинялъ стихи, а кредиторы въ Петербургѣ грозили даже конкурсомъ. Въ Декабрѣ онъ писалъ императору Павлу; въ Февралѣ 1797 года, писалъ вторично, объясняя, что надѣялся ѣхать въ Петербургъ, „чтобы быть полезнымъ на службѣ обожаемаго Государя", но такъ какъ горячія ванны разстроили его нервы, то ему надо сперва ѣхать въ Пирмонтъ. Поэтому онъ просилъ разрѣшить ему пребываніе за границей до конца года, сохранивъ содержаніе. Не получивъ отвѣта, Спренгтпортенъ въ Іюлѣ написалъ Павлу Петровичу третье письмо, въ которомъ ссылался на прежде обѣщанную имъ благосклонность. Дѣло наконецъ разъяснилось: содержаніе оказалось ассигнованнымъ до конца года, но, увы! лишь въ размѣрѣ жалованья по чину; столовыя же деньги и разница на курсѣ вовсе прекращены.... Спренгтпортенъ лишился, по его вычисленію, около

---

[1]) Въ кампанію 1789 г. молодой Спренгтпортенъ также принималъ участіе противъ Шведовъ и былъ при Сантъ-Михелѣ раненъ. Въ 1790 г. Императрица просила Потемкина оказать ему покровительство въ его арміи. Рескриптъ 8-го Апрѣля 1790. Сборн. Ист. Общ., т. 42, стр. 74.

[2]) Письмо 5-го Іюля 1791 года. На Сутерланда Спренгтпортенъ жаловался и Императрицѣ, или по крайней мѣрѣ секретарю ея Храповицкому. Онъ жаловался и на гр. Безбородко, и на гр. Остермана, за то, что они не отвѣчаютъ на его письма. Сутерланду сдѣланъ выговоръ. Дневн. Храповицкаго. 23 Мая 1791 года.

трехъ четвертей его средствъ. Отъ 30-го Января 1798 года, все изъ Теплица, онъ писалъ нѣкоей mademoiselle M. (вѣроятно баронессѣ Местмахеръ): „Знайте же, что на берегахъ Невы у меня отняли пожизненную ренту, пожалованную мнѣ благодѣтельной женщиной; нашли, что вмѣсто 10.000 я могу довольствоваться и 2.700 рублями.... Послѣ этого не правъ ли я, любя женщинъ, дорожа ихъ властью и ненавидя мущинъ, когда лучшій изъ всѣхъ, самый великодушный и наиболѣе любимый, могъ такъ жестоко разрушить зданіе счастія, воздвигнутаго для меня великодушіемъ наивысшаго существа вашего пола? Если когда-нибудь могу оправиться отъ этого непредвидѣннаго удара, я пойду броситься къ ногамъ владыки моей участи; можетъ быть, лично достигну я нѣкоторой перемѣны. Это единственная, остающаяся мнѣ надежда". Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ той же m-lle M., жалуясь на жизнь и на то, что онъ сталъ нулемъ (nullité): „Еслибы Павелъ, справедливый и мною любимый, удостоилъ только предоставить мнѣ небольшую хижину, чтобы прожить тамъ покойно остатокъ дней моихъ, я горячо принялъ бы это уединеніе, еслибы даже оно было гдѣ-нибудь среди маленькаго виноградника на берегахъ Эльбы". Около того же времени Спренгтпортенъ убѣждалъ графа Безбородку, что еслибы ему предоставлено было жить въ Финляндіи или гдѣ-нибудь въ Россіи, то онъ могъ бы ограничить свои расходы и дожить кое-какъ остальные дни. Онъ признавалъ при этомъ, что окладъ ему прежде производившійся дѣйствительно могъ казаться великимъ, но просилъ принять во вниманіе раны, полученныя имъ на службѣ покойной Императрицѣ (?!).

Пока Спренгтпортенъ писалъ всѣ эти письма, въ Петербургѣ буквально поняли, очевидно его доброжелатели, прошлогоднюю просьбу его позволить остаться за границей и сохранить содержаніе „до конца года". Съ 1-го Января 1798 года ему вовсе прекратили всякую выдачу. Къ повторенным просьбамъ Безбородкѣ войти въ его положеніе, сдѣлавшееся дѣйствительно крайнимъ, онъ не стѣснился этотъ разъ *) присоединить очень прозрачные намеки на то, что ему остается одно: покончить съ собой...

Не смотря на такія стѣсненныя свои обстоятельства, Спренгтпортенъ продолжалъ вести безпорядочную жизнь. Человѣкъ увлеченій, онъ разумѣется не могъ не увлекаться женщинами. Это въ конецъ разстроивало его средства. Правильной семейной жизни онъ не зналъ. Первая жена, умершая еще до переѣзда въ Россію, была несчастна. Въ 1788 году, передъ началомъ войны, баронъ Полькенъ желалъ ему, какъ выше сказано, успѣха столько же на войнѣ, сколько и въ любви, и упоминалъ о прекрасной Голандкѣ. Нужно полагать, что это было продолженіе романа, начатаго еще въ Гагѣ, Мастрихтѣ или т. под., когда въ 1785 году Спренгтпортенъ устраивалъ тамъ корпусъ волонтеровъ. Но затѣмъ онъ женатъ уже вто-

---

*) Письмо 23-го Февраля 1798 года.

рой разъ [1]) и, вѣроятно, на той самой Голандкѣ. Однако отношенія его съ женою, Annette, оказываются далеко не изъ удовлетворительныхъ: они легко ссорятся и трудно мирятся. „Ты все-таки еще не та женщина, которой я желаю“, писалъ онъ ей съ довольно странною откровенностью. „Ты меня ненавидѣла, ты пренебрегла мною; это было вполнѣ очевидно“ [2]). Затѣмъ „сердечное ты“ замѣнилось уже холоднымъ „вы“, и Спренгтпортенъ, жившій почти постоянно въ Теплицѣ, повелъ энергическую переписку съ женою, находившейся въ Гановерѣ, требуя точнаго опредѣленія условій развода. Это было въ 1796—97 гг., т.-е. послѣ восьми лѣтъ супружества. Хотя, по его словамъ, жена его ненавидѣла, но настойчивость во взаимномъ предоставленіи полной свободы была на его сторонѣ; въ отвѣтахъ жены, напротивъ, была большая медленность. Завязался, несомнѣнно, новый романъ, который и побуждалъ нашего героя, несмотря на то, что ему было уже 56-ть лѣтъ, къ этому рѣшительному шагу. Въ самый разгаръ переписки съ женой и, добавимъ, безденежья, Спренгтпортенъ хотѣлъ переѣхать изъ Теплица въ Дрезденъ. Однако этотъ переѣздъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ друзьяхъ его: оказывается, что съ нимъ переселилась бы непремѣнно и нѣкая м-ме де С. При отношеніяхъ между Спренгтпортеномъ и его женой, не составлявшихъ ни для кого тайны, нужно было считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и избѣгать встрѣчъ съ соотечественниками г-жи Спренгтпортенъ, проживавшими въ Дрезденѣ. Одинъ изъ друзей женскаго пола, подписывавшійся именемъ Элизы, находя m-me С. прекрасной, интересной и любезной особой, порекомендовалъ ея обожателю наслаждаться ея обществомъ въ тиши Богемской долины и не попадаться на глаза Голандцамъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, м-ме де С. имѣла на душѣ своей одинъ грѣшокъ. Любовь, которую она зажгла въ князѣ Эстергази, обошлась ему въ милліонъ флориновъ. Когда же затѣмъ этотъ бѣдный князь оказался не въ состояніи продолжать также великодушно расплачиваться за счастіе ея любви, то м-ме де С. его преспокойно бросила [3]). При такихъ условіяхъ положеніе нашего героя было дѣйствительно затруднительно: нужно замѣстить разорившагося милліонера князя Эстергази, а тутъ Русское правительство вздумало урѣзать жалованье, а потомъ и вовсе прекратить его. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ готовъ былъ стрѣляться, тѣмъ болѣе, что то было время Вертера и Шарлоты.

Бѣдствія Спренгтпортена, однако, если не прекратились вовсе, то значительно уменьшились, притомъ довольно скоро. Можетъ быть, перспектива

---

[1]) Въ Декабрѣ 1788 г. На свадьбу дано 2.000 р. Дневн. Храповицкаго подъ 2 Декабря 1788, стр. 206.

[2]) Tu n'est pas encore la femme que je désire... Enfin tu m'a détesté, rebuté, cela n'a été que trop visible. Письмо безъ даты. Имп. Публ. Б. Мемуары Спренгтпортена.

[3]) Письмо изъ Дрездена, отъ 29-го Ноября 1796 г.; подписано: „Elise“.

пули въ лобъ, показанная графу Безбородкѣ, произвела свой эффектъ. О ней было написано 23-го Февраля, а не съ большимъ черезъ мѣсяцъ, 31-го Марта, Спренгтпортенъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, послѣ трехлѣтняго исканія приключеній за границей въ генералъ-поручичьемъ чинѣ, которымъ онъ былъ награжденъ 1-го Марта 1795 года. Съ повышеннымъ рангомъ дано, конечно, и увеличенное жалованье.

Счастіе рѣшительно начало опять улыбаться Спренгтпортену. Быть можетъ, не безъ вліянія вице-канцлера Колычева, который зналъ его еще въ Гаагѣ, новый генералъ отъ инфантеріи получилъ въ 1800 году если и не особенно серьезное, то во всякомъ случаѣ видное порученіе въ Парижъ. Императоръ Павелъ возложилъ на него переговоры съ первымъ консуломъ Французской республики о возвратѣ Русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Италіи, на Корфу и пр. Собственно для дипломатическихъ дѣлъ ѣхалъ Колычевъ. Но тщеславію Спренгтпортена льстила роль Русскаго генерала, присланнаго императоромъ Павломъ, личность котораго возбуждала тогда въ Европѣ особый интересъ. Сначала поведеніе нашего военнаго уполномоченнаго было правильно, и Павелъ Петровичъ двумя рескриптами, 2-го и 13-го Января 1801 года, выражалъ ему свое удовольствіе. Но увлекающійся и малодушный, не смотря на свои лѣта, Спренгтпортенъ скоро сталъ выбиваться изъ тѣсныхъ рамокъ ему назначенныхъ и началъ воображать себя представителемъ Россіи (Колычовъ въ Парижъ еще не доѣхалъ [1]). Парижская жизнь со всѣми своими соблазнами еще болѣе кружила голову. Уже отъ 7-го Января свое донесеніе Государю онъ кончалъ заявленіемъ о „petite galanterie“, которую два дня назадъ онъ нашелъ нужнымъ оказать Парижскому обществу. Въ поясненіе приложена вырѣзка изъ газеты, гдѣ разсказывалось о великолѣпномъ балѣ, данномъ Русскимъ генераломъ въ его помѣщеніи. Едва ли—писалъ легкій на фразу хроникёръ—собиралось когда-нибудь общество болѣе блестящее. Сотни прелестнѣйшихъ женщинъ Парижа, блескъ ихъ нарядовъ, прекрасная иллюминація, самый роскошный ужинъ,—все давало этому балу значеніе настоящаго праздника [2]).

На такіе отчеты императоръ Павелъ едва ли всегда смотрѣлъ особенно благосклонно. Кромѣ того Спренгтпортенъ сталъ усердно мѣшаться въ политику, не смотря на свое мимолетное значеніе. Онъ довольно часто посылалъ шифрованныя депеши о разныхъ предметахъ всеевропейскаго характера, пересыпая мелочами льстиво-игриваго свойства. Въ такомъ родѣ былъ шифрованный рапортъ его отъ 24-го Января съ извѣщеніемъ, что миръ съ Австріей еще не заключенъ и что всѣ съ безпокойствомъ ждутъ ультиматума императора Павла на ноту Талейрана. Въ концѣ этой де-

---

[1]) Иные прямо называли его „ambassadeur de Russie“. См. письмо Charles de Latour 1-го Янв. 1801 г. Mémoires.

[2]) Арх. М. И. Д. Paris, св. № 1, 5, 11, 33.

неши, касавшейся предметовъ первостепенной важности, Спренгтпортенъ съ обычною ему развязностью разсказывалъ, что въ то время какъ Англичане, avec leur impudence ordinaire, nous disent des sottises, Sire, à vous même, comme à vos fidèles serviteurs [1]), въ это время Французы превозносятъ насъ похвалами. Въ доказательство приложены были куплеты, пѣтые наканунѣ при всеобщихъ рукоплесканіяхъ на представленіи пьесы „Петръ Первый".

Но безтактный генералъ не замѣчалъ, что онъ переполнилъ уже мѣру терпѣнія Павла; тотъ далъ понять это вовсе не двусмысленно. Отвѣтъ на послѣднюю депешу, вопервыхъ, былъ уже не отъ самого Императора, какъ прежде, а отъ канцлера; вовторыхъ отличался крайнимъ лаконизмомъ. Его Императорское Величество, писалъ тотъ, по прочтеніи письма вашего высокопревосходительства отъ 24-го Января, повелѣлъ отвѣчать вамъ, что высочайшая его воля состоитъ въ томъ, чтобы вы ничѣмъ другимъ кромѣ выдачи плѣнныхъ не занимались, и затѣмъ немедленно возвратились, какъ только порученіе это будетъ исполнено" [2]). Повелѣніе это не допускало сомнѣній въ томъ впечатлѣніи, которое произвели на императора Павла доклады о Французскихъ куплетахъ и Англійскихъ глупостяхъ ему, Императору, говоримыхъ. Пришлось ускорять своимъ дѣломъ. 30-го Вентоза (9-го Марта) заключена между Спренгтпортеномъ и дивизіоннымъ генераломъ Клеркомъ конвенція; Русскіе плѣнные должны были выступать въ опредѣленной послѣдовательности на Кельнъ. Плѣнные отпускались безъ вымѣна: то былъ знакъ уваженія консула Бонапарта къ Русскому императору. Возвращено 6,732 ч., въ томъ числѣ 154 офицера, не считая больныхъ. Расходъ на передвиженіе этой партіи составилъ до 200,000 рубл. Въ донесеніи объ исполненіи порученія, представленномъ уже императору Александру, Спренгтпортенъ излагалъ вкратцѣ весь ходъ своихъ дѣйствій, денежный же отчетъ просилъ дозволенія представить лично Государю [3]). Насколько Александръ Павловичъ былъ доволенъ донесеніемъ, неизвѣстно: но во всякомъ случаѣ Спренгтпортенъ поступилъ ловко, отправивъ его съ княземъ Долгоруковымъ, однимъ изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ. Два брата, молодые, изящные, образованные князья Долгоруковы, вскорѣ генералъ-адъютанты, не смотря на свои молодые годы, были пріятные Алек-

---

[1]) Съ ихъ обычнымъ безстыдствомъ говорятъ намъ глупости, какъ вамъ самому, Государь, такъ и вашимъ вѣрнымъ слугамъ.

[2]) Par ordre de l'Empereur. Mon général. Sa M. I. l'Empereur après la lecture de la lettre de v. exc. du 24 Janvier m'a ordonné de vous y répondre, que sa volonté suprême était que vous deviez ne vous occuper que de l'extradition des prisonniers russes, et retourner aussitôt que cette commission serait remplie.—Lu à S. M. I-le le 18 Février au château Michel. (Арх. М. И. Д., тамъ же № 4—41).

[3]) Среди другихъ архивныхъ бумагъ, относящихся къ этому дѣлу, мы не нашли денежнаго отчета.

сандру люди. Весьма вѣроятно поэтому, что впечатлѣніе отъ миссіи Спренгтпортена было благопріятно для него, тѣмъ болѣе, что лаконическія повелѣнія Павла I-го и поводы къ нимъ не могли сдѣлаться извѣстными новому Государю; задача же сама по себѣ не была ни сложна, ни затруднительна.

Безъ сомнѣнія теперь Спренгтпортенъ не затруднялся, какъ было при императрицѣ Екатеринѣ и въ началѣ царствованія Павла. Потому ли что въ немъ былъ признанъ административный талантъ, или находили неудобнымъ пребываніе его въ Петербургѣ, при натянутости личныхъ отношеній императора Александра и короля Густава Адольфа IV, но въ слѣдующемъ же 1802 году Спренгтпортенъ уже совершаетъ на казенный счетъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ, продолжительное путешествіе по Европейской Россіи, Сибири, Кавказу, а потомъ и за границей. Поѣздка имѣла весьма легкій, описательный характеръ. Бенкендорфъ [1]) и Ставицкій, состоявшіе при шефѣ экспедиціи, разъѣзжали въ стороны и сообщали ему коротенькіе отчеты, или вѣрнѣе наброски; состоявшій по художественной части Карповъ дѣлалъ кое-какіе рисунки. Спренгтпортенъ также былъ отчасти художникъ и, отдавая постоянные досуги свои поэзіи и литературѣ, занимался и рисованіемъ. Кромѣ названныхъ лицъ въ путешествующемъ обществѣ были: жена Егора Максимовича (третія), малолѣтній сынъ Карлъ Егоровичъ, гувернеръ Французъ Робертъ и Итальянецъ Пасквини. Позднѣе присоединился еще сынъ бывшаго потомъ министра финансовъ, молодой Гурьевъ, ѣздившій впрочемъ на собственный счетъ.

Въ Октябрѣ Спренгтпортенъ былъ уже на Байкалѣ [2]). Впрочемъ переписка его даетъ очень смутное понятіе о поѣздкѣ по Сибири, и даже вовсе нельзя, руководясь ею, представить себѣ его маршрутъ. Напримѣръ, въ Октябрѣ онъ писалъ съ Байкала; а 13-го Ноября, т.-е. мѣсяцемъ позже, Ставицкій, изъ крѣпости Ачинской (на нѣсколько сотъ верстъ западнѣе Байкала) извѣщалъ, что расчитывалъ найти его въ Тобольскѣ, лежащемъ въ свою очередь еще много западнѣе, т.-е. ближе къ Европейской Россіи. Ставицкій выражалъ сожалѣніе, что здоровье Спренгтпортена не позволяетъ ему проѣхать по этой мѣстности, гдѣ онъ увидѣлъ бы всѣ бѣдственныя послѣдствія голода: пудъ муки продавался по 3 и по 3½ рубля. Если Ставицкій ѣхалъ позже Спренгтпортена, т.-е. прибылъ въ Тобольскъ, когда послѣдній уѣхалъ уже далѣе къ Байкалу, то какъ же могъ онъ миновать эту мѣстность, особенно во время народнаго бѣдствія, которое его, высокопоставленнаго описателя, должно было особенно интересовать и даже озаботить? Очевидно, онъ не доѣхалъ еще и до Тобольска; но тогда какъ же могъ онъ писать еще раньше съ далекаго Байкала? Темна вода.... Не былъ ли тутъ lapsus calami...? Такъ или иначе, но и въ Сибирской глуши нашъ баронъ не забывалъ быть любезнымъ: оттуда, съ свойственной ему кур-

---

[1]) Надо думать, что это славный впослѣдствіи графъ Александръ Христофоровичъ. П. Б.

[2]) Письмо къ Ливену, Октябрь 1802 г. Mémoires.

туазностью, онъ адресовалъ ящикъ чая для m-me Bonaparte. Французскій посланникъ въ Петербургѣ, Гедувилль съ неменьшею любезностью отвѣчалъ, что этотъ знакъ памяти не могъ увеличить выгоднаго впечатлѣнія, оставленнаго уже генераломъ въ Тюльери [1]).

1803 годъ Спренгтпортенъ употребилъ на проѣздъ по Казанской, Саратовской и Симбирской губерніямъ: лѣтомъ сдѣлалъ прогулку по Волгѣ; былъ потомъ на Кавказѣ, гдѣ лѣчился мѣстными водами, наблюдалъ Черкесовъ и Калмыковъ. На обратномъ пути онъ посѣтилъ Эльтонское озеро, Камышинъ, Донъ, Воронежъ, Харьковъ, Полтаву и пріѣхалъ на отдыхъ въ Херсонъ, гдѣ встрѣтилъ новый 1804 годъ. Наканунѣ его наступленія, 31 Декабря, Спренгтпортенъ послалъ Государю рапортъ за 8 мѣсяцевъ этого втораго уже года своего путешествія. Собственно рапортомъ, особенно всеподданнѣйшимъ, эту бумагу, какъ и другія подобныя имъ прежде писанныя, никакъ назвать нельзя. Ни тѣни серьезныхъ, обдуманныхъ соображеній, тѣмъ менѣе выводовъ и заключеній, даже какой-нибудь системы. Эти такъ называемые рапорты были тѣже небрежно изложенныя письма, какими онъ засыпалъ и другихъ лицъ, съ тою лишь разницей, что въ заголовкѣ стояло слово Sire. Даже въ почеркѣ была таже небрежность, которою не безъ остроумія укорялъ пріятель его Казанова [2]). Императрица Екатерина прямо отказывалась читать его автографы [3]). Въ „рапортѣ" своемъ, на шести страничкахъ, Спренгтпортенъ разсказывалъ, что администрація посѣщенныхъ мѣстъ дѣлаетъ свое дѣло, а онъ занимается болѣе художественною частью (partie pittoresque), въ подтвержденіе чего и представилъ въ нѣсколькихъ эскизахъ костюмы инородцевъ, приложилъ и двѣ карты Кавказскихъ кислыхъ и горячихъ источниковъ, оговариваясь, что онѣ собственно для Кочубея, назначеннаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. На Кавказѣ, по объясненію Спренгтпортена, онъ задался задачей изучить линію защиты этого края, но отлагалъ говорить объ этомъ до собранія всѣхъ свѣдѣній и предпочиталъ представить объ этомъ докладъ на словахъ по возвращеніи. Такой пріемъ былъ вообще свойственъ нашему генералу. Scripta manent, verba volant. Къ тому же письменное изложеніе требовало труда, системы, дѣйствительнаго изученія, и притомъ подвергало автора возможности серьезной критики. На словахъ другое дѣло: неточность, даже положительная невѣрность—все улетитъ; недостатокъ же матеріала можно не безъ пользы замѣнить краснорѣчіемъ, на которое Спренгтпортенъ былъ мастеръ. Въ настоящемъ случаѣ онъ не стѣсняясь заявлялъ

[1]) Письмо Hédouville'а изъ Петербурга отъ 1-го Іюля. Mémoires.

[2]) Онъ писалъ Спренгтпортену 18 Августа 1795 г.: Si Dieu vous a donné la faculté de parler si bien, pourquoi ne lui donnez-vous pas une marque de votre réconnaissance en écrivant aussi intélligiblement? Je suis tenté de vous croire un peu cruel. Mémoires.

[3]) „Какъ Шпренгтпортена рука прочесть не могу, то прикажите списать для меня рукою, чтобъ прочесть можно было". Собственноручная записка, Моск. Главн. Арх. Camp. Suéd. X, 1, Sprengtporten, Réception.

Государю, что желаетъ дѣйствовать на него помимо постороннихъ сужденій, потому что легко можетъ случиться, что „я не буду на этотъ счетъ общаго со всѣми мнѣнія; въ такомъ случаѣ я предпочитаю, Государь, сохранить до возвращенія моего счастіе говорить съ вами объ этомъ съ тою откровенностью, которою вдохновляетъ меня преданность вашимъ интересамъ и славѣ вашей имперіи *).

Что̀ говорилъ Спренгтпортенъ императору Александру по возвращеніи въ Петербургъ, и даже говорилъ ли что̀—такъ какъ возвратился лишь чрезъ два года—неизвѣстно. Но о томъ, что̀ онъ вѣроятно говорилъ бы, можно заключить по письму, одновременно посланному къ гр. Кочубею. Ссылаясь на свой всеподданнѣйшій рапортъ, онъ развивалъ значеніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ и описывалъ дурное ихъ устройство, сильно порицалъ постройку на Кавказѣ крѣпостей, когда довольно было бы, по его отзыву, десятка пушекъ для того, чтобы держать все въ порядкѣ, говорилъ объ Астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ и осуждалъ ихъ монополію. Вообще всего понемножку. Въ Грузіи не былъ, поясняя, что его и не очень хотѣли тамъ видѣть. Графу Ливену онъ писалъ о своихъ дальнѣйшихъ экскурсіяхъ, имѣвшихъ вообще характеръ пріятной прогулки, въ кругу семьи, со всѣмъ комфортомъ и на казенный счетъ. Время съ Февраля по Апрѣль онъ отдалъ поѣздкѣ по Крыму, куда въ путешествіе Екатерины въ 1787 году онъ, какъ извѣстно, приглашенъ не былъ. Затѣмъ въ Константинополь и Корфу. На проѣздъ изъ Севастополя маркизъ Траверсе обѣщалъ ему военное судно. Ливена онъ просилъ о содѣйствіи къ испрошенію на то соизволенія Государя; притомъ дѣло не ограничивалось переѣздомъ до Оттоманской столицы: онъ выражалъ желаніе и въ Архипелагъ проѣхать подъ прикрытіемъ военнаго флага, другими словами также на военномъ кораблѣ. Просилъ о кредитивѣ на Константинополь годоваго оклада его пенсіи, и даже о передачѣ банкиру всего жалованья за годъ впередъ, чтобы имѣть—откровенно объяснялъ онъ—выгоду на курсѣ, который можетъ упасть. Всѣ желанія этого въ своемъ родѣ счастливаго человѣка были исполнены, и въ теченіе 1804 года мы видимъ его путешествующимъ по Востоку. Слѣдующую зиму онъ провелъ въ Корфу, а лѣто 1805 года на водахъ въ Баденѣ. Отсюда онъ собирался было уѣхать въ ожиданіи пріѣзда Александра Павловича и невозможности, по болѣзненному состоянію, соблюдать установленный этикетъ; но графъ Разумовскій изъ Вѣны успокоилъ его заботы и волненія. Затѣмъ Спренгтпортенъ провелъ нѣсколько времени въ Венгріи и былъ, кажется, свидѣтелемъ Аустерлицкаго боя.

Прослѣдивъ цѣлыя 20 лѣтъ пребыванія нашего героя въ Русскихъ чинахъ и на Русскомъ содержаніи, мы подошли къ эпохѣ покоренія Финляндіи, гдѣ вновь, хотя опять не надолго, проявилась суетливая, энергическая пожалуй, но своекорыстная дѣятельность этого человѣка. На склонѣ дней онъ оказался вновь предъ той же задачею, которая поднимала въ головѣ его въ болѣе молодые годы цѣлые вихри честолюбивыхъ мечтаній.

*) Mémoires.

Но само это событіе, также какъ и служба Спренгтпортена, тѣсно переплелись между собою во множествѣ подробностей, которыя требуютъ обстоятельнаго описанія. Въ покореніи Финляндіи онъ игралъ, правда, тоже роль мухи около дорожныхъ; но эта муха жужжала, залѣзала въ уши, слѣпила глаза, кусала, и въ концѣ концовъ своротила коней съ прямой дороги. Бѣглый разсказъ не имѣлъ бы значенія, и мы ограничимся пока выше изложеннымъ.

Заслужитъ ли краткій очеркъ этотъ упрека въ томъ, что не представляетъ личности симпатичной, благороднаго характера, возвышеннаго образа мыслей, глубокаго ума, или хотя бы просто честнаго человѣка? Панегиристы находятъ, разумѣется, что онъ жертвовалъ всѣмъ для блага своей Финляндіи; но факты доказываютъ, что это благо было только на языкѣ; на дѣлѣ же—ubi bene, ibi patria, т.-е. гдѣ хорошо, гдѣ деньги даютъ, тамъ и отечество. И это не фигурально только: у Спренгтпортена было свое отечество—Швеція; потомъ онъ называлъ вторымъ отечествомъ Голандію; Россія явилась уже третьимъ, и безспорно самымъ щедрымъ отечествомъ. Но очень сомнительными услугами отплатилъ онъ этому своему отечеству. Онъ, правда, любилъ указывать на пролитую при Паросальми кровь; но эта кровь была пролита совершенно безполезно и не имѣла болѣе значенія, чѣмъ кровь всякаго другаго зауряднаго офицера, съ тою разницей, что на сторонѣ послѣдняго остается заслуга исполненнаго долга, чего никто, разумѣется, не скажетъ про Спренгтпортена. Затѣмъ—десятки лѣтъ онъ привольно жилъ, комфортабельно путешествовалъ, разыгрывалъ роль важнаго сановника безъ малѣйшей обязанности и отвѣтственности, игралъ, тратился на женщинъ, и все на счетъ Русской казны. За все это (не касаясь еще его дѣйствій при окончательномъ завоеваніи Финляндіи) Спренгтпортенъ оказалъ Россіи не услугу, а существенный вредъ. Не поддерживай онъ въ 1788 году въ Русскомъ правительствѣ и въ Екатеринѣ довѣрія къ легкомысленной Аньяльской затѣѣ (а ему вѣрили, какъ знатоку), дѣла пошли бы иначе: Русское войско не выжидало бы безплодно результатовъ преступной конфедераціи и исполнило бы разумныя требованія дѣйствительныхъ государственныхъ людей и полководцевъ, какъ адмиралъ Грейгъ, настаивавшихъ на движеніи впередъ. Тогда, безъ сомнѣнія, результатъ войны былъ бы иной. Финляндія, какъ при Петрѣ, Елисаветѣ и, наконецъ, при Александрѣ, была бы завоевана, и условія мира были бы продиктованы согласно съ дѣйствительными пользами Россіи, о которыхъ Екатерина никогда не забывала. Но заключенный въ Вёреле миръ принесъ если не прямой матеріальный, то политическій ущербъ Россіи, и содѣйствовавшій тому Спренгтпортенъ былъ для нея въ этомъ случаѣ тѣмъ же патріотомъ, какимъ онъ былъ для Швеціи, сочиняя диверсію противъ нея со стороны Олонецкой губерніи, и для Финляндіи, наводя Русскія ружья на своихъ земляковъ и учениковъ боготворившей его когда-то Саволакской бригады.

К. Ф. Ординъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ

по воспоминаніямъ съ 1837 года *).

Тринадцатый провалъ.

Послѣ открытія желѣзныхъ дорóгъ, соединившихъ хлѣбородную площадь Россіи съ морями Балтійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ, а Москву съ Кавказомъ, Одессой, Кіевомъ, Харьковомъ и Волгой и т. д., не смотря на то, что дороги стоили слишкомъ дорого и, втянувъ насъ въ злополучные заграничные займы, наложили на Россію страшную тяжесть погашенія этихъ займовъ,—государственная роспись, трудами и заботливостію М. Х. Рейтерна и съ помощью развитія промышленности отъ устройства дорóгъ, стала приходить въ равновѣсіе, такъ что выходъ изъ угнетеннаго состоянія, въ которомъ находились наши финансы, потрясенные Крымской войною, представлялся возможнымъ. Въ такомъ положеніи прошло три или четыре года (съ 1874 по 1877 г.), такъ что мы могли черезъ 20 лѣтъ послѣ войны сводить концы съ концами и, погашая сдѣланные займы, могли, наконецъ, жить, не дѣлая новаго накопленія долговъ. Вдругъ это благопріятное положеніе рухнулось. Наступившая въ 1877 году Восточная война потребовала чрезвычайныхъ расходовъ, породивъ неизбѣжную необходимость въ новыхъ займахъ, уничтожившихъ на долго равновѣсіе государственной росписи, достигнутое 16-ти лѣтними усиліями М. Х. Рейтерна, который, видя зданіе свое, какъ онъ самъ выражался, разрушеннымъ силою внезапныхъ военныхъ бурь, оставилъ Министерство Финансовъ.

Такимъ образомъ, на другой же день послѣ заключенія Берлинскаго трактата, окончилось дѣятельное министерство Рейтерна, оста-

---

*) См. выше, стр. 245 и 369.

вивъ отраднымъ по себѣ воспоминаніемъ: сѣть желѣзныхъ дорогъ, распространенный кредитъ посредствомъ образованія комерческихъ банковъ, учрежденіе многихъ промышленныхъ обществъ, установленіе золотой пошлины съ привозныхъ товаровъ и многіе примѣры заботливости объ охранѣ полезныхъ предпріятій отъ разстройства. Горькое воспоминаніе выразилось въ накопленіи внѣшнихъ долговъ, къ чему привела свирѣпствовавшая тогда во всей своей лютости ересь воспрещенія кредитоваться у народа посредствомъ уплаты за его трудъ безпроцентными государственными бумагами. Но чтобы при этой ереси выйдти изъ затрудненія и создать желѣзныя дороги, надобно было министру финансовъ быть не просто приходорасходчикомъ, а финансовымъ техникомъ (это нами отмѣчено въ 7-мъ провалѣ); а иначе могло случиться то, что сдѣланные займы израсходовались бы на другія надобности, и тогда мы бы оказались и въ долгахъ, и безъ дорогъ. Хотя во время этого министерства акцизная система съ вина спаивала Русскій народъ и уничтоженіе опекунскихъ совѣтовъ приводило къ обнищанію большинство помѣщиковъ; но оба эти бича вышли изъ-подъ пера фирмы *«они»* до начала министерства Рейтерна, а послѣдній бичъ началъ свое дѣйствіе еще во время министерства А. М. Княжевича. Министерство это, какъ переходное отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, отличалось своею неустойчивостію; но вполнѣ непонятнымъ остается то, какимъ образомъ во время заботливаго и твердаго министерства М. Х. Рейтерна могли, въ замѣнъ опекунскихъ совѣтовъ, образоваться для помѣщиковъ *мышеловки* въ видѣ земельныхъ банковъ.

Затѣмъ мы не будемъ касаться хода дѣлъ послѣ Восточной войны, во время трехъ министерствъ (С. А. Грейга, А. А. Абазы и Н. Х. Бунге), потому что нанесенный войною разгромъ Русскихъ финансовъ отнималъ всякую возможность къ устойчивымъ и созидательнымъ дѣйствіямъ, сопряженнымъ съ денежными затратами, и всѣ финансовыя мѣропріятія поневолѣ относились къ одной только заботѣ какъ бы тянуть теченіе финансовой жизни изо дня въ день, спасаясь въ денежныхъ затрудненіяхъ то мелкими экономіями, то разными налогами, то предоставленіемъ иногда хода дѣлъ просто на волю судьбы, продолжая притомъ на несмѣтную гору прежде сдѣланныхъ займовъ громоздить еще новые бугры долговъ, въ видѣ золотыхъ и желѣзнодорожныхъ рентъ.

Сохраняя въ «Экономическихъ Провалахъ» народные и общественные отзывы о современномъ теченіи экономической жизни, нельзя не отмѣтить, что назначеніе А. А. Абазы было привѣтствовано во всѣхъ слояхъ общества выраженіемъ полной увѣренности въ поправленіи Русскихъ финансовъ.

Нѣтъ надобности говорить подробно о мелкихъ финансовыхъ ошибкахъ послѣ Восточной войны, не имѣвшихъ разрушительнаго вліянія на многіе годы и возможныхъ къ исправленію во всякое время. Такія ошибки не то, что внѣшніе займы, поражающіе силу народной жизни почти на цѣлое столѣтіе. Эти легко исправимыя ошибки заключались въ налогахъ: на страхованіе, на полученіе наслѣдства, на доходы отъ купоновъ процентныхъ бумагъ и на употребленіе дрожжей при печеніи хлѣба. Сочиненіе такихъ крохоборныхъ налоговъ ясно опредѣляло крайнюю нужду; но въ тоже время было странное противорѣчіе этой нуждѣ, выразившееся въ отмѣнѣ акциза съ соли, отчего правительство потеряло слишкомъ 10 милліоновъ въ годъ чистаго дохода, а народъ получилъ облегченія на каждое лицо по расходованію денегъ на соль съ небольшимъ по 1 коп. въ мѣсяцъ *). Затѣмъ сожженіе безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ, производимое на дворѣ Государственнаго Банка, одновременно съ объявленіями того же банка о подпискѣ на новыя процентные займы, ясно доказывало, что мы еще не освободились отъ идолопоклонства Ваалу, т.-е. западнымъ финансовымъ теоріямъ, и что отъ язвы этой насъ не могли исцѣлить ни бѣдствія войны, ни очевидная и осязательная трудность жить съ массою сдѣланныхъ нами займовъ.

Въ концѣ концовъ, все свелось къ тому, что Восточная война, удесятеривъ наше финансовое разстройство, оказалась гораздо труднѣе, слѣдовательно и дороже въ смыслѣ денежныхъ затратъ, чѣмъ предполагали; послѣдствія же войны не только ни въ чемъ не проявили добра и пользы ни намъ, ни тѣмъ, за кого мы воевали, но даже завершились самымъ оскорбительнымъ для Россіи проявленіемъ неблагодарности и предательства со стороны тѣхъ, за кого проливалась драгоцѣнная Русская кровь. Будь все это (хотя даже на $^1/_{10}$ долю противъ совершившагося) вѣдомо впередъ, то, конечно, не явилось бы желаніе начинать войну, терять сотни тысячъ доблестныхъ воиновъ и входить въ колоссальные долги для того, чтобы придти къ обѣднѣнію и политическому уничиженію.

Но настоящій описываемый провалъ имѣетъ цѣлію доказать, что всѣ неудачи были предсказаны заранѣе, за 10 лѣтъ до Восточ-

---

*) Для каждаго человѣка нужно въ годъ соли полпуда. Акцизъ съ соли былъ 30 коп. съ пуда, слѣдовательно каждый при сложеніи акциза сталъ менѣе расходовать при покупкѣ соли на 15 коп. въ годъ; распредѣляя же эту экономію, сообразно потребленію соли на весь годъ, получается въ мѣсяцъ уменьшеніе расхода на $1^1/_4$ копѣйки. В. К.

ной войны точно также ясно, какъ за 12 лѣтъ до Крымской войны было предсказано, что война подъ Севастополемъ будетъ неизбѣжна, если мы не соорудимъ желѣзной дороги изъ Москвы къ Черному морю, прежде устройства ея между столицами.

Да, горестныя событія 1877 г. были пророчески предречены. Былъ одинъ человѣкъ, который все это предвидѣлъ и, зная, что война Россіи съ Турціей должна неизбѣжно возникнуть, предлагалъ еще въ 1866 г. приступить къ такимъ дѣйствіямъ, которыя расчистили бы нашъ путь къ Востоку и сдѣлали бы войну легкою и плодотворною для всѣхъ Славянскихъ племенъ. Этотъ знаменательный историческій человѣкъ, выражавшій въ себѣ гражданина, вельможу, полководца, поэта (по широтѣ государственныхъ воззрѣній)—былъ фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Съ боязнію подхожу къ изложенію слышанныхъ мною отъ князя Барятинскаго словъ, выражавшихъ его взглядъ на Восточную войну (за десять лѣтъ до войны), и боязнь эта основана на весьма естественномъ опасеніи—недовѣрія читателей къ моимъ словамъ. И какъ тутъ быть довѣрію, какъ не показаться каждому не только страннымъ, но даже невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ князь Барятинскій велъ съ какимъ-то Казанскимъ купцомъ разговоръ о взглядахъ своихъ относительно подготовленія Россіи къ Восточной войнѣ за десять лѣтъ до начала самой войны? Вотъ почему, прежде изложенія разговора съ княземъ, я считаю необходимымъ очертить тѣ подробности, изъ которыхъ сложились довѣріе и доброе расположеніе ко мнѣ князя Барятинскаго.

Во время намѣстничества князя Воронцова, я былъ откупщикомъ на Кавказѣ (въ Ставропольской губерніи) и въ пріѣздъ князя Воронцова изъ Тифлиса въ Петербургъ, былъ приглашенъ къ нему, въ домъ его въ Малой Морской. Князь сказалъ мнѣ, что для довольствія войскъ, при выходѣ ихъ изъ Ставропольской губерніи въ мирные и немирные аулы, т.-е. за черту откупа, онъ не желаетъ брать откупнаго вина, находя, что это вино дорого по случаю платимыхъ за откупъ суммъ, а будетъ имѣть своего подрядчика для заготовленія вина прямо изъ приволжскихъ губерній, и затѣмъ, предположивъ обратиться объ установленіи этого порядка къ министру финансовъ (графу Вронченкѣ), желаетъ напередъ знать, не повлечетъ ли это нововведеніе какой-либо претензіи со стороны откупа. Я отвѣчалъ, что откупу нѣтъ никакого дѣла до потребленія вина внѣ откупной черты, если только при возвращеніи войскъ въ Ставропольскую губернію это вино не будетъ

маркитантами ввозимо въ предѣлы откупа; а дабы остатки вина, могущіе быть у войсковаго подрядчика, не затруднили его въ храненіи, то ихъ всего удобнѣе сдавать въ казну по той цѣнѣ, по какой Министерство Финансовъ покупаетъ вино для Ставропольской губерніи.

Мысль эта такъ понравилась князю Воронцову, что онъ, выразивъ намѣреніе въ этомъ смыслѣ переговорить съ графомъ Вронченкою, назначилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней у него побывать. При вторичномъ моемъ появленіи къ князю, онъ объявилъ, что Министръ Финансовъ согласенъ брать въ казну остатки вина, и затѣмъ предложилъ мнѣ быть войсковымъ подрядчикомъ по заготовленію этого вина, чтобы уничтожить всякое столкновеніе съ откупомъ. Отказавшись отъ поставки вина, по неимѣнію въ Закавказскомъ краѣ никакихъ дѣлъ, и выразивъ мое мнѣніе, что въ Тифлисѣ найдутся желающіе заготовить вино съ Волги чрезъ Астрахань, я увѣрилъ князя, что никакихъ столкновеній съ откупомъ не будетъ, и что я напишу объ устраненіи всякихъ пререканій нашему управляющему въ Ставрополѣ Акатьеву. При этомъ князь сказалъ: «Я слышалъ объ немъ очень много одобрительнаго отъ Заводовскаго *), а теперь буду имѣть случай на дѣлѣ убѣдиться въ его свойствахъ». На это я затѣтилъ, что прошу позволенія сказанныя его сіятельствомъ слова передать Акатьеву и тѣмъ самымъ поставить его въ пріятную необходимость снискать его благорасположеніе. При этомъ князь вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «А нѣтъ ли у васъ въ Ставрополѣ другаго дѣльнаго человѣка, въ родѣ Акатьева, которому бы я могъ частнымъ образомъ давать разныя порученія по сближенію мирныхъ ауловъ съ немирными, путемъ гражданскаго завоеванія послѣднихъ, посредствомъ развитія знакомства и торговыхъ интересовъ?»—«Нѣтъ, ваше сіятельство, наши откупные дѣятели очень односторонни и на такія порученія совсѣмъ неудобны; а позвольте мнѣ рекомендовать вамъ такого фактора для сближенія, который никогда ничего не перепутаетъ, а будетъ постоянно основывать, хотя и медленную, но прочную связь сношеній».—«Желаю, очень желаю», сказалъ князь.—«Рекомендуемый мною факторъ—просто Русскій самоваръ. На Западной границѣ мы сходимся съ сосѣдями иногда на пивѣ, а на Восточной можемъ всегда сходиться на самоварѣ, который Азіатцы до такой степени любятъ, что при появленіи самоваровъ въ мирныхъ аулахъ, туда станутъ ѣздить изъ ауловъ немирныхъ, чтобы разсиживать долго и пить чаю много, обобщаясь

---

*) Заводовскій начальствовалъ въ областяхъ Черноморской и Терской. П. Б.

въ это время разными бесѣдами».— «Мнѣ нравится эта мысль; пришлите мнѣ въ Моздокъ десятка два самоваровъ разныхъ размѣровъ».— «Позвольте удесятерить это количество въ томъ предположеніи, что и этого будетъ мало». Вѣроятно, самовары ни въ чемъ не сдѣлали ошибки и подвигали впередъ вопросъ о сближеніи насъ съ горцами; потому-что на другой годъ я получилъ отъ давняго моего знакомаго, И. Ѳ. Золотарева (бывшаго при намѣстникѣ чиновникомъ особыхъ порученій, по части, кажется, восточной дипломатіи) письмо о высылкѣ къ прежде отправленнымъ 150 самоварамъ еще 350 штукъ [1]). Самовары эти образовали благопріятные обо мнѣ разговоры на Кавказѣ и вложили въ мысли будущаго намѣстника князя Барятинскаго (состоявшаго тогда, кажется, начальникомъ штаба при князѣ Воронцовѣ) первое сѣмя добраго обо мнѣ мнѣнія.

Въ послѣдствіи князь Барятинскій былъ назначенъ намѣстникомъ. При отъѣздѣ его изъ Петербурга на Кавказъ, я былъ представленъ ему братомъ его, Анатоліемъ Ивановичемъ. При этомъ намѣстникъ завелъ похвальную рѣчь о самоварахъ, звалъ меня на Кавказъ, изображая, какое обширное поле для дѣятельности представляетъ этотъ край, и присовокупилъ къ тому самое искреннее завѣреніе въ своей готовности помогать всякому начинанію всего нужнаго и полезнаго для развитія Кавказа.

Черезъ годъ, или немного болѣе, послѣ отъѣзда князя Барятинскаго, пріѣхалъ ко мнѣ оберъ-прокуроръ Сената, баронъ Торнау [2]), съ особымъ письмомъ отъ князя Барятинскаго, удостовѣрявшимъ, что баронъ отличный знатокъ всего Закавказья и Персіи въ промышленномъ отношеніи. Баронъ Торнау увлекъ меня своими яркими и энергическими разсказами о выгодности торговли съ Персіей, гдѣ за пудъ нашего полосоваго желѣза даютъ пудъ хлопка. Эти слова оправдались на самомъ дѣлѣ и, еслибы Торнау, во время дѣйствій его по моимъ дѣламъ въ Персіи, держался одной только желѣзно-хлопковой размѣнной торговли, не присоединяя къ ней фруктовой, бакалейной и мануфактурной, то дѣло, имъ проэктированное, дало бы блистательный

---

[1]) И. Ѳ. Золотаревъ, какъ почитатель князя М. С. Воронцова, отвозилъ въ Тифлисъ его памятникъ и занимался постановкой его на одной изъ городскихъ площадей. В. К.

[2]) Баронъ Н. Е. Торнау послѣ семилѣтняго перерыва государственной службы, былъ назначенъ сенаторомъ въ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, гдѣ вскорѣ сдѣлался первоприсутствующимъ, а въ послѣдствіи былъ недолгое время членомъ Государственнаго Совѣта. П. Б.

барышъ. Баронъ Торпау былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ на Кавказѣ всѣхъ восточныхъ языковъ и, вслѣдствіе этого и прежняго знакомства съ княземъ, очень часто у него бывалъ. Дѣйствуя въ торговыхъ дѣлахъ на Кавказѣ по моей довѣренности, баронъ, безъ сомнѣнія, наговорилъ князю обо мнѣ гораздо болѣе того, что̀ стоило бы сказать, и это, конечно, усиливало благорасположеніе князя ко мнѣ, такъ что въ бытность мою въ Парижѣ, въ 1857 году, я получилъ тамъ отъ князя Барятинскаго письмо, съ уполномочіемъ дѣйствовать отъ его имени по пріисканію заграничныхъ капиталовъ для Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но отъ принятія порученія князя Барятинскаго я уклонился, имѣвъ къ тому вполнѣ удовлетворительную причину—неудобство пріискивать капиталы въ то время, когда это пріисканіе производилось для Главнаго Общества Желѣзныхъ Дорогъ и шло съ большими затрудненіями, слѣдовательно два спроса на деньги, изъ одной и той же Россіи, стали бы вредить одинъ другому. При этомъ, въ моемъ отвѣтномъ письмѣ, я дозволилъ себѣ обратить вниманіе князя на то, что полезнѣе бы было прежде строить дорогу отъ Баку до Тифлиса, чтобы связать Кавказъ съ Россіей посредствомъ Волги и Каспія.

Послѣ означенной переписки, кажется въ 1858 году, когда я жилъ въ Москвѣ, начальникъ штаба Кавказскихъ войскъ, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ *), проѣзжая черезъ Москву въ Петербургъ, удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и велъ разговоръ, по порученію намѣстника Кавказскаго, о желѣзнодорожномъ дѣлѣ на Кавказѣ. Въ разговорѣ этомъ, какъ равно и въ самомъ посѣщеніи Дмитрія Алексѣевича, выражалось доброе расположеніе ко мнѣ князя Барятинскаго, нисколько не измѣнившееся послѣ моего отрицательнаго отвѣта изъ Парижа. Въ послѣдствіи, когда князь Барятинскій пріѣзжалъ въ Петербургъ, я каждый разъ къ нему являлся, и въ каждое свиданіе знаки расположенія князя увеличивались.

Выразивъ всю случайно сложившуюся ткань довѣрія и расположенія ко мнѣ князя Барятинскаго, приступаю къ повѣствованію о томъ, что̀ я слышалъ отъ князя въ Царскомъ Селѣ относительно намѣренія его о заблаговременномъ приготовленіи къ войнѣ съ Турціей.

*

---

*) Впослѣдствіи военный министръ, нынѣ графъ и членъ Государственнаго Совѣта. П. Б.

Въ Апрѣлѣ 1866 года, Царь-Освободитель Императоръ Александръ II-й праздновалъ въ Царскомъ Селѣ свою серебряную свадьбу. На эти семейныя празднества былъ приглашенъ изъ-за границы фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. По пріѣздѣ князя, я явился къ нему въ Царское Село, въ Посольскій дворецъ, принадлежащій нынѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу. Князь назначилъ мнѣ побывать у него 7 Мая. Передавая во всеуслышаніе главныя подробности этого свиданія, прошу благосклонныхъ читателей обратить особое вниманіе на глубину государственныхъ мыслей и на пророческую дальнозоркость князя А. И. Барятинскаго.

Когда я остался въ кабинетѣ вдвоемъ съ княземъ, онъ началъ со мною слѣдующій разговоръ. «Я пріѣхалъ сюда по приглашенію Государя на семейные праздники, по случаю серебряной свадьбы Его Величества, какъ бывшій шаферъ при вѣнчаніи и, не вмѣшиваясь ни въ какія текущія дѣла, счелъ моимъ долгомъ доложить Государю, что вскорѣ начнется война Пруссаковъ съ Австрійцами, и что войны этой намъ не слѣдуетъ допускать безъ участія Россіи, имѣя въ виду то, что война, по отличному составу Прусской арміи, должна окончиться торжествомъ Пруссіи, и тогда Берлинъ получитъ преобладающее политическое значеніе къ явному ущербу Россіи; но когда пораженіе Австріи состоится посредствомъ соединенныхъ военныхъ силъ Россіи и Пруссіи, тогда, оставляя Венгрію самобытнымъ государствомъ и поправляя тѣмъ ошибку 1849 года, мы можемъ остальную часть Австрійскихъ владѣній раздѣлить на двое: Нѣмецкое къ Пруссіи, Славянское — подъ покровительство Россіи. При такомъ исходѣ войны, развязка Восточнаго вопроса будетъ въ послѣдствіи достигнута безъ всякаго труда и осложненія, такъ какъ ключи Цареграда находятся въ Вѣнѣ *)».

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, князь возобновилъ свой разговоръ:

«Мнѣ пришлось нѣсколько разъ настойчиво умолять Государя обратить вниманіе на необходимость участвовать въ войнѣ, которая будетъ очень непродолжительна и не составитъ большихъ расходовъ, а результаты для дальнѣйшихъ видовъ на Востокѣ дастъ самые блестящіе; тогда какъ, оставаясь хладнокровными зрителями событій,

---

*) Этой послѣдней мысли, какъ извѣстно, держался и другой государственный человѣкъ—князь И. Ѳ. Паскевичъ. П. Б.

имѣющихъ совершаться возлѣ нашихъ границъ, намъ придется въ послѣдствіи, быть можетъ черезъ 5 или 10 лѣтъ, дорого заплатить за то, что мы не умѣли воспользоваться настоящею минутою и не извлекли изъ нея очевидной пользы для могущества Россіи. Настоянія мои привели къ тому, что Государь назначилъ въ своемъ кабинетѣ секретный комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ военнаго министра Д. А. Милютина, министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова и меня».

Затѣмъ послѣдовало болѣе продолжительное молчаніе, во время котораго князь устремилъ на меня испытующій взоръ и потомъ спросилъ: что̀ вы на это скажите? Отвѣтъ былъ таковъ:

— Сердце мое исполнено радостнаго удивленія и восторга, предчувствуя въ исполненіи вашей мысли конецъ существованію въ Европѣ Австріи, этого очага интригъ и предательскихъ дѣйствій, задерживающихъ въ Славянскихъ земляхъ образованіе самостоятельной жизни; но вмѣстѣ съ радостію я чувствую глубокое горе, предвидя, что совѣщаніе въ царскомъ кабинетѣ не проникнулось великимъ значеніемъ вашей мысли и оставило ее безъ исполненія.

«Да, это такъ, вы угадали», сказалъ князь; «но скажите мнѣ, почему вы угадали? Вѣдь не могло же быть вамъ извѣстнымъ рѣшеніе секретнаго комитета?»

— Отгадка моя основана, князь, на вашихъ же словахъ. Еслибы мысль ваша прошла въ секретномъ комитетѣ, то вы бы мнѣ ни слова объ этомъ не говорили, принимая въ соображеніе важность дѣла и необходимость покрыть его на извѣстное время непроницаемой тайной; а потому я позволяю себѣ заключить, что настоящая откровенность ваша истекаетъ изъ неудачи въ успѣхѣ вашего великаго плана. Мнѣ остается только благодарить васъ за то, что вы изъ числа вашихъ многочисленныхъ почитателей избрали меня вашимъ нотаріусомъ для засвидѣтельствованія величайшаго историческаго факта, который я скрою въ глубинѣ души моей до поры до времени.

Теперь наступила пора сдѣлать вышеизложенный разговоръ извѣстнымъ. Оглашать его ранѣе, въ то самое царствованіе, въ которое предложеніе фельдмаршала князя Барятинскаго отклонено, было бы неприлично; по восшествіи же на престолъ Государя Императора Александра III-го, при дѣйствіи Берлинскаго трактата, давшаго послѣ Восточной войны кое-какую установку на Балканскомъ полуостровѣ, такое оглашеніе представлялось несвоевременнымъ. Теперь, когда шаткіе

устои Балканскаго полуострова покривились отъ напора Австрійскихъ интригъ, оглашеніе великой и вѣрной мысли князя Барятинскаго представляется необходимымъ, благопотребнымъ, обязательнымъ. Событія настоящаго времени вполнѣ подтвердили предсказаніе князя Барятинскаго и дали полное удостовѣреніе въ томъ, что Восточный вопросъ получилъ бы самый лучшій исходъ, еслибы мысль князя была принята.

Въ заключеніе разговора, князь Барятинскій передалъ подробно все то, что говорилось въ засѣданіи дворцоваго комитета; но я опускаю эти подробности по неудобству предавать ихъ оглашенію.

Кромѣ того разговоръ коснулся совершавшихся въ то время преобразованій и причинъ уклоненія князя (не смотря на личную пріязнь Государя Императора) отъ участія въ важнѣйшихъ вопросахъ, порождаемыхъ преобразованіями, и наконецъ заключился любимой мечтою князя о перенесѣ столицы и царскаго мѣстопребыванія изъ Петербурга въ Кіевъ, съ выводами всѣхъ неудобствъ и страшныхъ потерь и неустройствъ, происходящихъ главнѣйше отъ пребыванія въ гниломъ, отдаленномъ углу Имперіи [1]).

*

Переходя отъ 1866 года къ настоящему времени, мы видимъ, что вмѣсто Пруссіи существуетъ уже Германская имперія, побѣдительница не только Австріи, но и Франціи, съ полнымъ рѣшающимъ вліяніемъ, безъ всякаго исключенія, на ходъ всѣхъ Европейскихъ событій. Вотъ это-то вліяніе князь Барятинскій предвидѣлъ и стремился къ тому, чтобы оно въ извѣстной мѣрѣ принадлежало Россіи въ силу участія нашего въ войнѣ съ Австріей въ 1866 г., и чтобы затѣмъ Восточный вопросъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ Австрійскихъ козродѣйствій. Мы уклонились отъ спасительнаго совѣта князя Барятинскаго и поставили себя, начиная съ 1871 года, въ зависимость отъ воззрѣній князя Бисмарка. Зависимость эта оказалась столь сильною, что мы, ошибочно начавъ въ 1877 году Восточную войну, могли только издали видѣть башни Цареграда и за это видѣніе заплатили потерею сотенъ тысячъ войскъ и милліардомъ новыхъ долговъ [2]).

---

[1]) Князь М. С. Воронцовъ тоже неоднократно указывалъ на благопотребность перенести средоточіе управленія въ Кіевъ. П. Б.

[2]) Одни Восточные займы составляютъ, кажется, 800 милліоновъ, не говоря о многихъ другихъ займахъ. В. К.

Затѣмъ . . . . . . Но лучше опустимъ завѣсу забвенія на печальное воспоминаніе о томъ, когда мы, какъ виновные, предстали на судъ Берлинскаго конгресса. (Рана еще слишкомъ свѣжа, чтобы можно было ея касаться безъ сильной сердечной боли). Возможность этого грустнаго положенія была предчувствуема княземъ Барятинскимъ, и чтобы не допустить подобнаго ужаснаго событія, князь полагалъ необходимымъ сочетать государственный ростъ нашей сосѣдки (Пруссіи) съ ростомъ Россіи; но мы пропустили въ 1866 году ту минуту, въ которую могли изъ Прусско-Австрійской войны извлечь громадную пользу въ смыслѣ увеличенія нашего политическаго значенія и тѣмъ сдѣлать развязку Восточнаго вопроса возможною безъ особыхъ усилій и затратъ и соотвѣтственною достоинству и намѣреніямъ Россіи.

Восточная война образовала массу новыхъ долговъ, которые составляютъ самый тяжкій экономическій провалъ, поразившій финансовое положеніе Россіи до такой немощи, въ какой еще никогда не бывала Русская земля. Достигнутое предъ войной 1877 г. равновѣсіе въ государственной росписи удалилось отъ насъ на многіе годы, и мы, повергнутые въ бездну разстройства, видимъ предъ собой слѣдующую современную картину. Все достояніе государства со всѣми его будущими доходами въ залогѣ по сдѣланнымъ внѣшнимъ займамъ; частныя недвижимыя имущества (земли помѣщиковъ) также въ залогѣ по находящимся частію дома, а главнѣйше за границею, закладнымъ листамъ; производительность земли (хлѣбъ) обложена пошлиною за право ввоза въ Германію. Однимъ словомъ, государство оказалось въ томъ же бѣдственномъ состояніи, до какого властительные «они» довели помѣщичье хозяйство закрытіемъ опекунскихъ совѣтовъ и разрушеніемъ мелкихъ винокуренъ, при безграничномъ распространеніи пьянства. Мы употребили выраженіе «*властительные они*», полагая, что люди, достигшіе на всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли разрушенія сельско-хозяйственнаго быта, безъ сомнѣнія, выразили въ своихъ дѣйствіяхъ полную властительную силу, но, къ сожалѣнію, силу самаго печальнаго (скажу сильнѣе, преступнаго) свойства, породившую общее обѣднѣніе и раззореніе.

Возвращаясь къ словамъ князя Барятинскаго, нельзя умолчать, что если бы, въ свое время, эти пророческія слова были обращены въ дѣло, то на Русскую жизнь не налегло бы такой массы денежныхъ долговъ, какая образовалась отъ войны 1877 года, не имѣвшей предварительно ни предусмотрѣнія всѣхъ трудностей, ни согласованія предшествовавшихъ войнѣ событій съ видами и пользою Россіи. Устами князя вѣщалъ духъ правды, духъ искренней любви къ Россіи; это былъ духъ

глубокаго разумѣнія, предвидѣвшій горестную возможность Плевны и Шипки съ массою славныхъ храбрецовъ, уснувшихъ тамъ вѣчнымъ сномъ, и блестящую залу Берлинскаго конгресса, измышлявшаго униженіе Россіи, и разновидныя возмутительныя Болгарскія событія, направляемыя коварствомъ Австріи къ нашему оскорбленію. А быть можетъ всего этого можно было избѣжать посредствомъ самаго простаго мѣропріятія. Вообразимъ себѣ, что Турецкій султанъ за одну четвертую часть той суммы, въ какую обошлась намъ война, освободилъ бы, безъ всякаго кровопролитія, Болгарію и Румелію отъ своего владычества. И тогда мы, при такомъ мирномъ освобожденіи Болгаръ отъ Турецкаго ига, дали бы имъ другую $^1/_4$ часть стоимости войны въ кредитъ на облегчительныхъ условіяхъ и тѣмъ самымъ создали бы наше вліяніе на нихъ, какъ вліяніе добрыхъ кредиторовъ, въ самомъ сильномъ и прочномъ видѣ, съ истинно-благотворными послѣдствіями. Это вліяніе было бы въ тысячу разъ крѣпче и полезнѣе скороспѣлой конституціи, сочиненной для Болгаріи.

Заключимъ тѣмъ, что если бы засѣданіе въ залѣ Берлинскаго конгресса, бывшее въ 1878 году, было предварено (послѣ кабинетнаго совѣщанія съ княземъ Барятинскимъ въ Царскомъ Селѣ) засѣданіемъ въ 1866 году въ Зимнемъ дворцѣ, составленнымъ изъ всѣхъ сановниковъ, и рѣшило бы мысль князя Барятинскаго привести въ исполненіе: тогда бы Берлинскаго засѣданія вовсе не существовало; потому что для образованія его не могло явиться ни мысли, ни права, ни повода, ни смѣлости. И тогда бы не только Россія, но и весь міръ давно бы наслаждался дѣйствительнымъ миромъ, а не вооруженнымъ, изнуряющимъ во всѣхъ государствахъ силу правительствъ и народовъ, съ неизбѣжнымъ при томъ колебаніемъ экономической почвы. При такомъ положеніи экономическая жизнь представляется вовсе необезпеченною отъ неожиданныхъ проваловъ. И все это на насъ надвинулось только потому, что слова князя А. И. Барятинскаго были *голосомъ вопіющаго въ пустынѣ*.

В. Кокоревъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1887 ГОДА.

(Выпускъ 1, 2, 3 и 4).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Снимки съ портретовъ Жильбера Ромма и графа П. А. Строганова.

Поправка къ Воспоминаніямъ Я. И. Костенецкаго (стр. 348 и 349) Рахманова-дядю звали Владиміромъ не Дмитріевичемъ, а Михайловичемъ; дочь его не Елена, а *Марія* Владиміровна.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. (Императоръ Александръ Павловичъ въ частныхъ бесѣдахъ, императрица Марія Θеодоровна, придворное и высшее Петербургское и Московское общества, тогдашнее политическое и умственное движеніе, живыя и яркія картины быта и страстей). Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Θ. П. ЕЛЕНЕВА:

Въ захолустьи и столицѣ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Первые шаги освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Русскій Архивъ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1887 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1887 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ составятъ три большіе тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1887 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса Московскаго на Московскій и иногородняго на иногородный—**20** к.; иногородняго на Московскій —**50** к.; Московскаго на иногородный—**90** к. (по платѣ почтовой).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1885 и 1886 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Петербургскій Некрополь и Предметная роспись „Русскому Архиву“ за первыя 20 лѣтъ изданія (1863—1882) продаются по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**